This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. М. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ X. ДЕКАБРЬ. 1891 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

СТРАН.

I. Свои-чужіе. *(Окончаніе.)* Романъ **А. В. Круглова.** 3
II. Мечта. Стихотвореніе **К. М. Фофанова.** 73
III. Новѣйшія наблюденія надъ нравами обезьянъ. **М. И. Венюкова.** 74
IV. Сафо въ гостяхъ у Эрота. Стихотвореніе **М. Лохвицкой** . . 89
V. Пророкъ. Разсказъ **Д. С. Мережковскаго.** 92
VI. Иванъ Александровичъ Гончаровъ. (Опытъ литературной характеристики). **В. В. Чуйко.** 109
VII. Буреломъ. (Переписка двухъ пріятелей). **А. В.** 128
VIII. Изъ зимняго альбома. Два стихотворенія **А. Коринфскаго.** . 169
IX. Сокровищница ацтековъ. Романъ изъ современной древности. *(Окончаніе.)* **Томаса Жанвье** 172
X. Кавказскія преданія и легенды. **В. Свѣтлова.** 280
XI. На смерть Л. И. Пальмина. Стихотвореніе **Н. Аксакова.** . 314
XII. Французская выставка 1891 г. въ Москвѣ. **А. С. Виреніуса.** 316
XIII. Пипистрелло. Разсказъ **Уидá** 333
XIV. Портретъ. Стихотвореніе **А. Гангелина.** 366

(См. на оборотѣ).

МБ74

№ 12 «Наблюдателя» вышелъ 1-го декабря 1891 года.

Всѣ экземпляры журнала за текущій годъ разошлись по подпи

Современное обозрѣніе.

стран.

XV. **Политическая хроника** 1

Финансовая и торговая война.—Походъ жидовъ и биржи противъ Россіи.—Альфонсъ Ротшильдъ въ роли патріота своего отечества.—Русскіе банки, помогающіе пониженію русскаго рубля.—Берлинскіе крахи и жидовскія самоубійства.—Антисемитскія движенія.—Меланхолическая рѣчь Франца-Іосифа и нѣмецкій переполохъ.—Овація Бисмарку.—Недовольство правительствомъ въ Пруссіи.—Смерть вюртембергскаго короля и его характеристика.—Спиритъ на престолѣ.—Неурожай въ Германіи.—Клятва жида и процессъ Блейхредера.—Закрытіе конгресса соціалистовъ и расколъ въ этой партіи.—Англійскія болѣзни: инфлуэнца и руссофобія. — Что такое памирскій вопросъ?—Г-жа Новикова и англійскія пожертвованія въ пользу голодающихъ.—Смерть Парнелля.—Положеніе Франціи.—Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ.—Болгарскіе мученики.

XVI. Новыя книги: 1) *К. Ф. Хартуларій*. **Итоги прошлаго.** 1866—1891 гг. Очерки уголовныхъ процессовъ и судебныя рѣчи. Спб. 1891 г. 2) *Г. И. Сазоновъ*. **Вопросы хлѣбной промышленности и торговли**, разработанные земскими учрежденіями (1865—1890). Спб. 1891. 3) *Вас. Вл. Немировичъ-Данченко*. **Кама и Уралъ**—очерки и впечатлѣнія. Спб. 1891. 4) *Александръ Круловъ*. **Среди насъ**. Повѣсти и разсказы. Спб. 1891. 5) **Домра** и сродныя съ ней музыкальные инструменты русскаго народа. Историческій очеркъ *Ал. С. Фаминцына*, съ рисунками и нотами. 1891. 17

XVII. **Наши внутреннія дѣла** 29

Свѣдѣнія о правительственномъ, финансовомъ и экономическомъ положеніи Россіи.—Чего слѣдовало ожидать послѣ появленія этихъ свѣдѣній?—Неоправдавшіяся надежды.—Скачки курса.—Застой въ торговлѣ.—Ломаніе рубля нашими „купецкими“ людьми.—Status quo ante.—Какъ объяснить это явленіе?—Злостная дѣятельность спекуляціи.—Какія обстоятельства благопріятствуютъ спекулятивной горячкѣ?—Свѣдѣнія о пожертвованіяхъ въ пользу голодающихъ.—Некультурность и инертность общества.—Необходимость учрежденія центральнаго органа для собиранія пожертвованій.—Доморощенная политика одной газеты.—Хлѣбныя залежи на желѣзныхъ дорогахъ.—Мѣры къ устраненію этихъ залежей.

XVIII. **Фонографъ.** (Фельетонъ **«Наблюдателя»**). 1) И смѣхъ, и горе. (Литературныя и общественныя замѣтки). **Ефима Простосердова** . 44

Парижъ, какъ настоящая «всемірная столица».—Обиліе иностранцевъ и удобства жизни, имъ предлагаемыя.—Различные маштабы парижскаго комфорта.—Парижъ при Наполеонѣ III-мъ и теперь.—„Каскадная имперія“ и ея фривольныя созданія.—Степенность и добропорядочность республиканской буржуазіи.—Интенсивность труда во Франціи.—Прирожденное изящество вкуса.—Попытки „четвертаго класса“ забрать господство.—Люди умѣренные и интрансигенты.—Идея русско-романскаго союза въ противоположность англо-нѣмецкому.

2) Стихотворенія: **Невскаго Жителя, Л. Балалайкина и Е. П.** . 51

XIX. Объявленія: объ изданіи журналовъ и газетъ: 1) «Нива», 2) «Новости Дня», 3) «Русскій Паломникъ», 4) «Русское Обозрѣніе», 5) «Южный Край», 6) «Новороссійскій Телеграфъ», 7) «Орловскій Вѣстникъ», 8) «День», 9) «Нувеллистъ», 10) «Будильникъ»; 11) объ изданіи «Циркуляровъ Саратовскаго губернатора» и 12) о новой книгѣ **А. В. Круглова**: «Среди насъ» . . . . . 1—13

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА БИБЛІОТЕКА

№ 12. ДЕКАБРЬ

ПРОВЕРЕНО
Книгохранилищ
1985 г.

ГЕРЦОВАЯ
ГОРОДОКА
БИБЛІОТЕКА
№ 116.685
1943

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора помѣщаются на углу Стремянной и Владимірской ул.
№ д. 1—6, кв. 14.
1891.

ТИПОГРАФІЯ С. ДОБРОДѢЕВА, КОВЕНСКІЙ ПЕР., СОБСТВ. ДОМЪ, № 14.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS
JUN 20 1973

AP50
N33
10
no.12
1890

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТ.-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1892 ГОДУ (ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ).

Журналъ издается подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, **безъ предварительной цензуры.**

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: **Я. М. Абрамовъ, проф. И. Е. Андреевскій, Н. Ѳ. Бажинъ, П. В. Безобразовъ, В. И. Бибиковъ, П. Д. Боборыкинъ, графъ П. Д. Бутурлинъ, П. В. Быковъ, А. А. Быковъ, В. В., И. Ф. Василевскій (Буква), П. И. Вейнбергъ, В. Л. Величко, проф. В. П. Даневскій, Н. П. Дружининъ, Ю. Г. Зависѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, П. В. Засодимскій, В. Р. Зотовъ, проф. А. А. Исаевъ, П. Ѳ. Каптеревъ, А. В. Кругловъ, М. А. Крыловъ, проф. Ѳ. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Г. А. Мачтетъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, К. В. Назарьева, Вас. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, Л. И. Пальминъ, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, Ѳ. Э. Ромеръ, Г. П. Сазоновъ, В. Свѣтловъ, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибирякъ, А. И. Скребицкій, В. К. Случевскій. А. В. Старчевскій, Д. И. Стахѣевъ. Н. Северинъ, Н. Сѣверовъ, Л. Н. Трефолевъ, проф. А. С. Трачевскій, Н. Флеровскій, К. М. Фофановъ, В. В. Чуйко, О. Н. Чюмина, А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), І. І. Ясинскій** и др.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, *1-го числа*, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода:	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	6 р.
Съ доставкою въ Спб.	13 р.	Съ доставкою въ Спб. .	6 р. 50 к.
Съ пер. въ др. мѣста имперіи	14 р.	Съ пер. въ др. мѣста Россіи	7 р.
Съ пересылкою за границу. .	17 р.	Съ пересылкою за границу	9 р.

Иногородные годовые подписчики „**Наблюдателя**“, желающіе получить **второе, дополненное**, изданіе монографій редактора: „**Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія**“, высылаютъ 16 р. Городскіе и заграничные приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 рубля.

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

Разсрочка платы *допускается исключительно при подпискѣ черезъ Главную Контору*, причемъ вносится:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки. . . .	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою . . .	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за границу .	8 р.	5 р.	4 р.

Библіотеки и кабинеты для чтенія (а также и книжные магазины, при которыхъ они состоятъ) *пользуются разсрочкою платы подъ тѣмъ лишь условіемъ, если выписываютъ не менѣе 15-ти годовыхъ экземпляровъ.*

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. 1—6). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія на почту только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Редакторъ-издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ.**

СВОИ-ЧУЖІЕ.

Романъ.

XIV.

Единственный военный генералъ въ городѣ — Паренцовъ былъ извѣстенъ въ Грязноводскѣ каждому; его и называли не иначе, какъ «нашъ генералъ». Онъ жилъ въ собственномъ домѣ; лѣтомъ, цѣлые дни проводилъ въ саду, ухаживая за цвѣтами, а зимнее и осеннее время посвящалъ «запискамъ», которыя составлялъ для потомства, предполагая, впрочемъ, отрывки напечатать при жизни въ «Русской Старинѣ». Онъ работалъ надъ своими записками болѣе десяти лѣтъ, а онѣ все таки еще не были доведены до половины. Когда его спрашивали: — скоро ли же вы ихъ кончите?—онъ отвѣчалъ съ достоинствомъ:

— Э-э! Вы думаете, это такъ легко? Еслибы я писалъ какой нибудь глупый романъ—дѣло иное, а тутъ нельзя-съ кое-какъ, надо каждое слово обдумать... Вы примите во вниманіе только то: какихъ лицъ и событій касаются мои записки!

Генералъ былъ уже очень старъ. Хотя онъ и увѣрялъ, что ему всего только пятьдесятъ одинъ годъ, но это было не правда. По меньшей мѣрѣ, ему было подъ семьдесятъ лѣтъ. Нѣкоторые увѣряли даже, что ему давно минуло семьдесятъ. Когда Илья Пахомовичъ (такъ звали генерала) работалъ въ саду, въ своемъ халатѣ, «неподтянутый» и даже непричесанный, онъ глядѣлъ именно такимъ старикомъ. Но когда онъ являлся на бульваръ, это былъ совершенно другой человѣкъ. Одѣтый въ военный сюртукъ, тщательно причесанный и гладко выбритый, въ обществѣ онъ старался держаться прямо, какъ бы только для вида опираясь на палку. Положимъ, ножки его превосходительства иногда «пошаливали», глазки слезились, но онъ все таки смотрѣлъ мо-

лодцомъ. Правда, злые языки говорили, что онъ носитъ корсетъ, фабритъ усы и подкрашиваетъ волосы, а, придя домой съ прогулки, цѣлый часъ лежитъ, какъ разбитый,—но вѣдь мало ли что говорятъ злые языки! Они утверждали, напримѣръ, что у генерала обѣ челюсти вставныя, и что разъ за обѣдомъ всѣ зубы упали въ тарелку съ супомъ. Генералъ не обращалъ на эти навѣты никакого вниманія и, будучи вдовцомъ, думалъ обзавестись второй супругой. Онъ постоянно увлекался и, находя себя еще достаточно бодрымъ, останавливался въ своемъ выборѣ на молоденькихъ. Увидитъ дѣвушку разъ - два, она ему понравится, онъ сейчасъ же и сватается. Онъ дѣлалъ предложеніе очень многимъ, но все кончалось ничѣмъ, не смотря на то, что онъ имѣлъ средства и получалъ хорошую пенсію. Впрочемъ, дважды онъ былъ помолвленъ: разъ на дочери дьякона, другой—на какой-то вдовѣ, о которой въ городѣ ходили несовсѣмъ лестные слухи. Дочь дьякона отказала ему сама, за нѣсколько дней до свадьбы, предпочтя превосходительному старцу молодаго, красиваго семинариста. Генералъ былъ обиженъ и хотѣлъ жаловаться архіерею на отца невѣсты и даже на ея избранника, но ему отсовѣтовали; къ тому же, въ это время онъ заинтересовался сдобною вдовушкою. Она непремѣнно сдѣлалась бы генеральшей, еслибы Паренцову не попалось случайно ея письмо къ соборному регенту, съ которымъ она находилась въ очень близкихъ отношеніяхъ. Въ этомъ письмѣ встрѣчались слишкомъ ясные намеки, оскорбившіе генерала. «Никуда негодный старый хрычъ», «стоптанный башмакъ», который «скоро совсѣмъ разлѣзется», страшно обидѣлся, разсорился съ невѣстой и потребовалъ отъ нея назадъ всѣ подарки. Вдова, однако, ничего не вернула и, при встрѣчѣ съ недавнимъ своимъ женихомъ, такъ неожиданно напала на него, что «храбрый воинъ» поспѣшно ретировался и пересталъ требовать подарки.

Это случилось незадолго до пріѣзда Лидіи въ Грязноводскъ. Шерстобитова же все и разсказала дочери, которая отъ души смѣялась. Она нѣсколько разъ встрѣчала Паренцова въ соборѣ, на бульварѣ. Однажды, когда она была съ отцомъ въ соборѣ, генералъ очень пристально посмотрѣлъ на нее, потомъ покрутилъ свои нафабренные усы и какъ-то особенно молодцовато вытянулъ лѣвую ногу. Послѣ обѣдни, отвѣчая на поклонъ Марка Васильевича, Паренцовъ задержалъ его и спросилъ:

— Кто это съ вами?

— Дочь моя, ваше превосходительство.

— Дочь? Гм! Но вѣдь ваша дочь, кажется, замужемъ?

— То другая, ваше превосходительство. Эта недавно пріѣхала изъ Петербурга. Только что кончила высшіе курсы.

— А-а!—протянулъ генералъ.—Высшіе курсы? Ученая? Гм!

Онъ кинулъ бравурный взглядъ въ сторону дѣвушки и прибавилъ тихонько:

— Прелестная дѣвица!

Онъ шаловливо поигралъ ножкой, повторилъ еще разъ: «прелестная дѣвица» и сдѣлалъ подъ козырекъ: онъ со всѣми такъ здоровался и прощался.

Маркъ Васильевичъ передалъ дочери похвалу Паренцова; Лидія улыбнулась и черезъ минуту забыла объ «его превосходительствѣ».

Какъ-то разъ, вскорѣ послѣ вечеринки, спустившись внизъ, Лидія застала Паренцова въ залѣ. Она очень удивилась, такъ какъ онъ никогда не бывалъ раньше, и съ Маркомъ Васильевичемъ былъ знакомъ, что называется, шапочно. Генералъ браво поднялся и по военному расшаркался передъ дѣвушкой. Она молча поклонилась ему и сѣла возлѣ отца.

«Съ чего онъ пришелъ?»—продолжала недоумѣвать Лидія, далекая отъ мысли, что именно она — причина визита генерала. Когда она вошла, онъ разсказывалъ что-то о розахъ. Прерванный ея приходомъ, разсказъ возобновился. Генералъ съ жаромъ говорилъ о своихъ цвѣтахъ. Наталья Григорьевна слушала его съ большимъ вниманіемъ, видимо довольная визитомъ почтеннаго гостя.

— И любитель же вы цвѣтовъ, Илья Пахомычъ,—сказала она съ пріятной улыбкой.

— Да-съ, большой любитель, — отвѣтилъ генералъ. — Оно, знаете, и полезно: на открытомъ воздухѣ... силы сохраняются, не теряешь бодрости. Вѣдь вотъ я, напримѣръ: мнѣ ужь пятьдесятъ одинъ годъ (столько же ему было пять лѣтъ тому назадъ), а я... гм! могу сказать: чувствую себя совсѣмъ бодрымъ и крѣпкимъ. Хоть сейчасъ на службу! И знаете: случись война съ этимъ нѣмцемъ, я непремѣнно пойду! Вы думаете—нѣтъ? Пойду-съ, ей богу, пойду-съ. О, — улыбнулся онъ:—мы еще за себя постоимъ, посмотримъ, кто окажется лучше: мы или нонѣшніе?

Онъ тряхнулъ плечами и распространился о преимуществѣ стараго времени, и о томъ, какъ служили тогда. Наталья Григорьевна вся превратилась въ слухъ. Маркъ Васильевичъ изрѣдка поддакивалъ, стараясь не смотрѣть на дочь. Лидія небрежно слушала генерала, у нея въ головѣ неотвязно вертѣлся вопросъ:

вѣдь не свои же у него, въ самомъ дѣлѣ, зубы? «Конечно, вставные», рѣшила она, и вдругъ громко разсмѣялась, припомнивъ разсказъ о томъ, какъ генеральская челюсть очутилась въ тарелкѣ съ супомъ. Наталья Григорьевна строго посмотрѣла на дочь. Лидія сама поняла, что ея смѣхъ неприличенъ, и сильно смутилась. Но она не могла удержаться: смѣхъ такъ и душилъ ее. Она достала поспѣшно изъ кармана платокъ и, искусственно закашлявшись, прикрылась имъ. Наталья Григорьевна всей своей фигурой продолжала выражать неудовольствіе.

— Что съ тобою?—спросилъ Маркъ Васильевичъ.

— Такъ, запершило что-то, — отвѣтила Лидія, не отнимая платка отъ губъ.

— Вѣрно, простудиться изволили? — замѣтилъ любезно генералъ.—О, молодость неосторожна!

Онъ помолчалъ и обратился опять къ Лидіи:

— Простите, я, можетъ быть, наскучилъ вамъ своей исторіей? Для васъ она нисколько не интересна. Это вѣдь для насъ—военныхъ, имѣетъ значеніе, а вы, какъ и вообще современная молодежь...

Лидія хотѣла отвѣтить подходящей фразою, но не могла. Словно что-то сдѣлалось съ ней. Она чувствовала, что если заговоритъ, то сейчасъ же разразится неудержимымъ смѣхомъ. Она нарочно закашлялась еще громче и поспѣшно вышла изъ комнаты.

Когда, минутъ двадцать спустя, она вернулась, Паренцовъ что-то говорилъ Натальѣ Григорьевнѣ. Маркъ Васильевичъ сидѣлъ совсѣмъ смущенный. При входѣ Лидіи, генералъ замолкъ. До слуха дѣвушки долетѣли только слѣдующія слова: «я надѣюсь на васъ, милѣйшая Наталья Григорьевна».

— Что, прошло все у васъ?—любезно обратился Паренцовъ къ Лидіи.

— Да, прошло,—отвѣтила она.

— Надо, барышня, беречься,—замѣтилъ генералъ:—кому же и заботиться о себѣ, какъ не вамъ.

— Почему же именно мнѣ?

— Въ ваши годы-съ, при вашей красотѣ... вамъ грѣшно! Вы можете составить счастье человѣку.

— Кому же это?

— Ахъ, Боже мой, мало ли кому! Кто васъ полюбитъ, кого вы полюбите...

— Пока я никого не люблю, значитъ, мнѣ нечего и думать объ этомъ,—отвѣтила дѣвушка.

— Но вы еще можете полюбить, — произнесъ генералъ, многозначительно подмигнувъ Натальѣ Григорьевнѣ, причемъ его старческіе глазки еще болѣе заслезились.

Лидія недовольно пожала плечами и стала разсѣянно смотрѣть въ окно. Ей не понравился ни тонъ, ни самый разговоръ генерала. «Какой скверный старикашка!»—съ отвращеніемъ подумала она.

Скоро генералъ сталъ прощаться.

— Куда же вы, Илья Пахомычъ,—остановила его Наталья Григорьевна.

— А мнѣ пора-съ. Пройдусь по бульвару—это ужь мое правило,—да и обѣдать. Я собственно обѣдаю въ двѣнадцать часовъ, давно такъ привыкъ, но сегодня, по случаю праздника,—немного попозже.

Онъ взялъ фуражку съ окна.

— Заходите, Илья Пахомычъ. Мы всегда вамъ рады, — сказала Шерстобитова.

— Непремѣнно-съ. Если позволите, непремѣнно-съ.

Онъ какъ-то особенно улыбнулся, прощаясь съ Лидіей, и шепнулъ Натальѣ Григорьевнѣ, которая вышла его провожать:

— Такъ вы передайте, пожалуйста, вашей дочери, и я надѣюсь...

— Не знаю, что и сказать... Вѣдь она...—также тихо отвѣтила Шерстобитова.

— А вы, какъ мать, уговорите, воздѣйствуйте. Честь имѣю!..

Онъ поклонился, накинулъ шинель и вышелъ изъ передней.

— Съ чего это, папа, Паренцовъ пришелъ къ вамъ?—спросила Лидія, когда генералъ и Наталья Григорьевна вышли.

— Да такъ, дружокъ. Шелъ мимо и зашелъ. Отчего же ему не зайти...

— Вѣдь онъ съ вами незнакомъ и никогда раньше не бывалъ.

— Что же, что не бывалъ. Мы съ нимъ знакомы... Онъ давно собирался зайти.

Тонъ отца Лидіи показался нѣсколько страннымъ.

«Точно онъ чувствуетъ себя виноватымъ передо мной», — подумала она.

— Тебѣ развѣ непріятно, что онъ зашелъ? — промолвилъ Маркъ Васильевичъ.—Онъ человѣкъ почтенный.

— Мнѣ, право, все равно, папа. Ходитъ онъ или не ходитъ—для меня безразлично. Я только такъ спросила.

Въ комнату вошла Наталья Григорьевна.

— Каковъ нашъ генералъ-то! а?—съ улыбкой обратилась она къ дочери.—Пятьдесятъ лѣтъ, а молодецъ-молодцомъ, хоть сейчасъ подъ вѣнецъ.

— Что вы, мама,—засмѣялась Лидія:—какіе же пятьдесятъ, ему всѣ семьдесятъ скоро!

— Ну, выдумывай больше, — недовольно возразила мать.— Откуда ты взяла, что семьдесятъ?

— Да всѣ говорятъ.

— Мало ли что болтаютъ!

— Да и вы сами, мама, говорили.

— Полно, пожалуйста,—сердито перебила Наталья Григорьевна:—Что я? говорила тоже съ чужихъ словъ. Развѣ можно въ семьдесятъ лѣтъ такъ сохраниться?

— Да онъ и не сохранился. Онъ весь фальшивый: волосы крашеные, зубы вставные... Помните, какъ его челюсть въ тарелку упала?

— Поудержи, голубушка, язычокъ,— остановила мать: — не очень-то хорошо дѣвушкѣ такъ смѣяться надъ почтеннымъ человѣкомъ. Къ старшимъ надо относиться съ уваженіемъ, а то и осудятъ, пожалуй. Больно ужъ бойка.

Лидія удивленно посмотрѣла на мать.

— Да что съ вами, мама? Никакъ вы разсердились?

— Не люблю я, милая, когда дѣвушка такъ болтаетъ. Надо быть скромной, а не пересмѣивать, да еще такихъ людей, какъ Илья Пахомычъ. Онъ достоинъ всякаго уваженія.

— Я и готова его уважать. Но зачѣмъ же онъ уменьшаетъ себѣ года, какъ невѣста? Смѣшно въ его лѣта молодиться.

— И ровно ничего нѣтъ смѣшнаго! Илья Пахомычъ — человѣкъ вдовый, со средствами. Отчего бы ему и не жениться?

— Какъ, Паренцову жениться! Да кто же за него пойдетъ?

Лидія громко захохотала.

— Хохочи, матушка, хохочи больше. То-то хорошо. Э, голубушка, да еще какъ пойдутъ-то, съ радостью! Вѣдь у Ильи Пахомыча капиталъ и пенсія... Не приходилось тебѣ еще нуждаться, такъ и говоришь, а кто помаялся, такъ иначе на вещи смотритъ. Нужда-то тоже не вкусна, матушка.

— Я лучше стала бы одинъ хлѣбъ ѣсть, чѣмъ пошла бы за такого, какъ Паренцовъ!—воскликнула Лидія.

— Глупа ты, оттого такъ и разсуждаешь. Послушала бы, что онъ говоритъ: я, говоритъ, жену одѣну, какъ игрушечку, пять тысячъ на нее положу.

— Да еслибы онъ меня озолотилъ, я бы за него все равно не пошла.

— И ты это серьезно говоришь?

— То есть, какъ это серьезно? Вѣдь онъ же ко мнѣ не сватается!

— А ты представь себѣ, что сватается.

— Не могу и представить.

— Почему же?

— Это совсѣмъ невозможно!

— А вотъ какъ разъ оно такъ и есть. Онъ просилъ меня передать тебѣ предложеніе.

Лидія вскочила со стула.

— Какъ? Онъ сватается ко мнѣ? Вотъ мерзкій старикашка! Онъ съ ума сошелъ! Ну, еслибы я только знала, я бы его... Такъ вотъ зачѣмъ онъ приходилъ! Папа, неужели вы знали и скрывали отъ меня?—быстро обернулась она къ отцу.

— Ну, что ты: какое скрывалъ... Онъ говорилъ, но я... я не принялъ этого въ серьезъ. Я думалъ—шутитъ,—растерянно произнесъ Маркъ Васильевичъ, не глядя на дочь.

— Скажите, пожалуйста, и онъ туда же!—всплеснула руками жена.—Да по моему, надо пользоваться счастьемъ, а не то, что... Какое у твоей дочери приданое-то особенное!

— Но, мама...

— Нынче, матушка, безъ денегъ никого не берутъ,—продолжала Наталья Григорьевна, не слушая.—Ужь не думаешь ли ты, на самомъ дѣлѣ, за Сачкова выйти? У него, кромѣ смазливой-то рожи, ничего нѣтъ, да и не возьметъ онъ тебя: за Дашей тысячи, а у тебя что?

— Да съ чего вы, мама, взяли, что я хочу выйти за Сачкова? Я вѣдь съ ума не сошла!

— Такъ за кого же пойдешь?

— Ни за кого пока. Я ужь вамъ это говорила.

— Ахъ, что ты говорила... любовь! Паренцову и жить-то недолго. Вотъ останешься вдовой со средствами, тогда и выбирай по любви.

— Что вы говорите, мама?—воскликнула Лидія.—Это ужь совсѣмъ гадко!

— Чего же тутъ гадкаго?—удивилась Наталья Григорьевна.—Никто его не думаетъ морить, а вѣдь не два же вѣка онъ проживетъ! Всякій свое разсчитываетъ.

— Пожалуйста, мама, оставимъ все это,—промолвила Лидія.—Ни за кого по разсчету я не пойду, а тѣмъ болѣе за Паренцова.

Я не понимаю даже, какъ можно говорить серьезно объ его предложеніи.

Она попробовала улыбнуться, но ея улыбка вышла какая-то неестественная.

— Да вѣдь мнѣ что,—сказала Наталья Григорьевна, повидимому, совершенно равнодушно, но ея тонъ показывалъ совсѣмъ иное:—я тебѣ хотѣла счастья, а то мнѣ какая корысть! Только смотри, не пожалѣй сама послѣ.

Лидія молчала, и только лицо выдавало ея внутреннее волненіе. Маркъ Васильевичъ боязливо поглядывалъ на дочь. «А что, если она вдругъ уѣдетъ?» подумалъ онъ. «Нѣтъ, не можетъ быть,—успокоивалъ онъ самъ себя.—«Что же такое? все—пустяки! Конечно, это ее взволновало, а все же...» Лидія встала и отправилась къ себѣ на верхъ. Маркъ Васильевичъ хотѣлъ послѣдовать за ней, но подумалъ и остался въ залѣ.

— Ну, вотъ тебѣ, отецъ, и курсы! Набралась ума наша Лидія Марковна!—не утерпѣла Наталья Григорьевна, когда дочь вышла.

— Что же, мать, какой онъ ей, въ самомъ дѣлѣ, женихъ... какъ его можно полюбить!

— Да кто тебѣ говоритъ о любви? Заладили оба: любовь, да любовь, тошно слушать даже. Такая выгодная партія, дѣвчонка глупости говоритъ, и онъ туда же. Ученая! Образованная! Ну, вотъ образованной-то какъ разъ и быть генеральшей... Кухаркѣ что ли ею быть-то? А помяни мое слово: Мареушка его въ концѣ концовъ женитъ на себѣ.

Маркъ Васильевичъ вздохнулъ, подошелъ къ окну и началъ барабанить пальцами по стеклу.

XV.

Вскорѣ послѣ обѣда пришла Таня. Она смотрѣла сегодня какъ-то празднично и была очень интересна въ своемъ новенькомъ розовомъ ситцевомъ платьѣ. Лидія сказала ей это. Она покраснѣла отъ удовольствія, польщенная похвалой подруги, мнѣніе которой цѣнила высоко.

— А ты всегда хороша, и всѣхъ лучше!—воскликнула Таня и поцѣловала Лидію.

Послѣ непріятнаго объясненія съ матерью, Лидія чувствовала себя нѣсколько угнетенной и не хотѣла даже спускаться внизъ

къ обѣду, но пришелъ отецъ и сталъ просить ее—не придавать значенія «глупой исторіи».

— Ну, что такое... Пустяки все, — произнесъ онъ,—развѣ можно серьезно говорить о сватовствѣ Паренцова:—вѣдь ему скоро будетъ столько же лѣтъ, сколько было Симеону Богопріимцу.

Онъ улыбнулся; невольно улыбнулась и дочь.

— Но мама вѣдь совсѣмъ серьезно говорила, — сказала она.

— Чего тамъ серьезно! А если и такъ, то вѣдь опять же: генералъ, богачъ... отуманило... Что ты ни говори, она тебя любитъ, ну и пріятно было бы видѣть тебя за генераломъ.

— Хотя онъ—развалина!

— Она смотритъ на это по своему. Да знаешь, Лидуша,— вдругъ покаялся Маркъ Васильевичъ:—вѣдь и меня-то сразу тоже отуманило: вотъ, думаю, будетъ превосходительная... знай нашихъ!

— И вы, папа, этимъ соблазнились,—перебила Лидія ласково, но съ легкой укоризной въ голосѣ:—да развѣ я для того училась?..

— Ахъ, Лидуша,—въ свою очередь перебилъ Маркъ Васильевичъ:—теперь-то, конечно... да что я говорю: теперь Я и тогда скоро одумался, а сразу-то оно и соблазнительно показалось. Ну, а какъ начался разговоръ, я все и почувствовалъ...

Онъ не кончилъ и, какъ бы извиняясь за себя, улыбнулся.

— Ахъ, вы, милый мой папа!—промолвила Лидія, снисходительно и въ то же время любовно глядя на отца.—Куда намъ въ генеральши!

— Ну, почему же,—возразилъ Маркъ Васильевичъ.—Если бы только не старъ, да ты его полюбила...

— О, это было бы другое дѣло!—засмѣялась Лидія.

Разговоръ съ отцомъ, его искренность, нѣжность всегда успокоительно дѣйствовали на дѣвушку. Но Наталья Григорьевна продолжала оставаться недовольной и держалась съ дочерью холодно. Лидія послѣ обѣда опять ушла къ себѣ. Она все таки чувствовала себя невполнѣ хорошо. Но веселое, праздничное настроеніе Тани скоро сообщилось и ей, уничтоживъ то непріятное чувство, которое въ видѣ горькаго осадка еще оставалось на днѣ души. И Лидія, уже шутя, спросила подругу, поцѣловавшую ее:

— Что съ тобой? ужь не влюбилась ли ты снова?

— Выдумала!—звонко засмѣялась Таня. — Вотъ Сачковъ не

въ шутку въ тебя влюбился. Онъ, кажется, совсѣмъ поссорился съ Дашей.

— Тѣмъ хуже для него. Что мнѣ онъ, когда я покорила сердце самого генерала Паренцова.

— Какъ?

— Былъ сегодня у насъ и сдѣлалъ мнѣ предложеніе.

— Да что ты!—всплеснула руками Таня.—И ты пойдешь?

— А ты какъ посовѣтуешь?

— Не ходи. Развѣ это возможно? Вѣдь отъ него ужь землей пахнетъ. Ахъ, какая умора! Лидочка, неужели ты хочешь выйти?

— Успокойся, не хочу и не пойду.

— То-то. За него здѣсь никто не пойдетъ. Къ кому онъ только ни сватался—всѣ отказываютъ... И вдругъ ты!.. Вотъ бы тебѣ за Маурина?

— Кто такой Мауринъ? я слыхала фамилію.

— Офицеръ. Онъ не здѣшній... Сюда на время посланъ, только онъ здѣсь давненько.

— Что же, красивъ?

— Ахъ, какой красавецъ!

«Не его ли я видѣла съ Лебедевымъ?—подумала она:—если онъ, то дѣйствительно хорошъ».

— Ты его не видала, Лида? Вотъ, можетъ быть, увидишь сегодня.

— Сегодня?

— Да... Я вѣдь за тобой: пойдемъ на бульваръ. Тетѣ нельзя идти, у нея голова заболѣла, а одну меня не отпускаютъ. Съ тобой, тетя говоритъ, можно. Сегодня—праздникъ, народу будетъ много. Пойдешь?

— Хорошо. Только не зайти ли къ Вѣрѣ?

— Пожалуй, если ты хочешь. А лучше бы безъ нея: поболтаемъ по душѣ, а то она такая... такая... ну, какъ бы тебѣ сказать: степенная очень!—нашлась наконецъ Таня.

Лидія улыбнулась. Спустя нѣсколько минутъ, она уже была готова.

— Папа, мы идемъ съ Таней на бульваръ, — объявила она отцу, сидѣвшему въ залѣ.

— И прекрасно. Прогуляйтесь, прогуляйтесь... А оттуда чай пить къ намъ,—отнесся онъ уже къ Танѣ,—вы вѣдь ненадолго, Лидуша?

Былъ чудный лѣтній вечеръ. Склонявшееся къ западу, солнце уже не жгло, а мягко ласкало землю, золотя ея поверхность. Такая погода невольно манитъ на просторъ, вонъ изъ города,

гдѣ улицы пыльны и воздухъ душенъ. Лидія высказала это Танѣ, когда онѣ подходили къ набережной рѣки.

— Куда вы это, Лидія Марковна?—раздался вдругъ позади нихъ мужской голосъ.

Лидія оглянулась и увидѣла Лебедева, одѣтаго въ чечунчовую пару. Рядомъ съ нимъ шла пожилая дама, невысокаго роста, худенькая, одѣтая во все черное. Изъ подъ плоской соломенной шляпки торчали прямые свѣтлые волосы, доходившіе только до ворота лифа.

Лидія, а за ней и Таня, остановились.

— Вы уже опять пріѣхали,—сказала Лидія, протягивая руку подошедшему доктору.

— Да, вчера.

Онъ пожалъ протянутую руку и, приподнимая шляпу, поклонился Танѣ.

Лидія познакомила ихъ.

— Куда вы это?—повторилъ Лебедевъ.

— На бульваръ.

— А мы собрались кататься. Ахъ, что же я, — спохватился Лебедевъ:—позвольте вамъ представить: Валентина Ѳедоровна Саблина, мой неоцѣненный помощникъ.

Саблина просто, безъ всякаго смущенія или рисовки, поздоровалась съ Лидіей и съ Таней. Ея некрасивое лицо—широкое и желтое, съ глазами на выкатѣ,—показалось Лидіи симпатичнымъ. Дѣйствительно, оно не было лишено какой-то неуловимой миловидности. Каждая черта въ отдѣльности была некрасива, а всѣ онѣ въ совокупности дѣлали лицо привлекательнымъ. Словно внутреннія хорошія качества просвѣчивали въ этихъ некрасивыхъ чертахъ, придавая имъ то выраженіе, которое дѣлало лицо пріятнымъ.

«Должно быть, она—хорошій человѣкъ», подумала Лидія, мысленно выразившись студенческимъ языкомъ.

— Надолго вы?—спросила она Лебедева.

— Завтра уѣзжаемъ. Я—по дѣламъ въ Сонскъ, а Валентина Ѳедоровна въ Москву, насчетъ своихъ дѣтишекъ хлопотать. Однако, что же мы стоимъ? Пойдемте!

— Но вѣдь мы на бульваръ, а вы—кататься.

— Да, не по дорогѣ. А вотъ что: поѣдемте съ нами! Ну, какая благодать на бульварѣ? То ли дѣло прокатиться!

Лидія вполнѣ была согласна, что на бульварѣ нѣтъ ничего хорошаго: онъ ей уже надоѣлъ, а эти деревянныя фигуры, чинно выступающія по аллеѣ — опротивѣли до омерзенія. За горо-

домъ—хорошо; она любила кататься на лодкѣ, и въ Петербургѣ часто каталась. Но ее на минуту смутилъ вопросъ: а дома? что скажетъ мать? И наконецъ—съ ней Таня...

Занятая этими мыслями, она ничего не отвѣчала доктору.

— Не хочется вамъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я бы охотно...

Лидія уже рѣшила относительно себя, что она поѣдетъ, но какъ Таня?

— Въ чемъ же дѣло? Стѣсняетесь?—проговорилъ Лебедевъ съ легкой усмѣшкой.—Да вѣдь я не одинъ. Валентина Ѳедоровна уже вдова, мать троихъ дѣтей, да и я чуть не въ отцы вамъ гожусь.

— Ты поѣдешь, Таня?—обратилась къ подругѣ Лидія.

— Право, не знаю, Лида,—смутилась та.

— Какъ ты думаешь: будетъ сердиться Марья Кирилловна?

— Не знаю. На бульваръ съ тобой отпустила.

— Такъ развѣ не все равно?—воскликнулъ Лебедевъ:—мы не далеко поѣдемъ. Полноте, барышня... чего тамъ, соглашайтесь!

— Поѣдемъ, Таня! Ужь такъ и быть; я на себя все возьму, тебя выгорожу,—сказала Лидія.

Таня неопредѣленно улыбнулась.

— Пожалуй,—промолвила она, подумавъ, и въ этомъ краткомъ отвѣтѣ сказалось ея страстное желаніе прокатиться, и боязнь того, что могло ждать ее дома.

«Да что же такого особеннаго?—рѣшила она про себя:—къ тому же Лидія беретъ на себя; ну, побранятъ, такъ что же? И такъ ворчатъ, все равно. По крайней мѣрѣ, прокачусь, а то все дома, да дома».

Танѣ было страшно, и въ то же время весело. Она рисковала, но этотъ самый рискъ и придавалъ удовольствію особенную прелесть. Таня чувствовала то же самое, что чувствуетъ школьникъ, потихоньку отъ начальства принявшій участіе въ своевольной затѣѣ, за которую можетъ сильно достаться и которая именно отъ этого такъ соблазнительна Всѣ четверо направились къ рѣкѣ и выбрали легкій, но устойчивый яликъ; въ весла сѣлъ дюжій рабочій, а въ корму—Лебедевъ.

XVI.

Грязноводскъ расположенъ на нагорномъ берегу; на луговомъ раскинулась Слобода, сообщеніе съ которой поддерживается па-

ромомъ. Онъ попался на пути нашей компаніи—пришлось остановить лодку и подождать немного.

— Помните нашъ разговоръ въ саду?—обратился Лебедевъ къ Лидіи.

— Помню. А что?

— Вы упрекнули меня тогда, что я увлекаюсь «заграницей». Вотъ неугодно ли: у нѣмцевъ давнымъ бы давно построили мостъ а мы вотъ терпимъ неудобства, бѣдствуемъ, и все таки не строимъ.

— Денегъ нѣтъ, можетъ быть.

— Не въ деньгахъ дѣло, а въ умѣньѣ распоряжаться ими! Когда я былъ студентомъ, со мною вмѣстѣ жилъ нѣмчикъ одинъ—Шварцбергъ, мы его всѣ звали Черногоромъ. Я получалъ съ уроковъ, отъ отца—такъ что въ мѣсяцъ мнѣ перепадало пятьдесятъ рублей вѣрныхъ, и всѣ они уходили: ни гроша не оставалось. Нѣмчикъ получалъ всего двадцать пять рублей, а когда кончилъ курсъ, у него былъ скопленъ маленькій капиталецъ. А жилъ онъ все время не нуждаясь, и меня же порою ссужалъ деньгами. Вотъ эту черту нѣмецъ вноситъ и въ свою общественную дѣятельность. Онъ—не жила, а экономный человѣкъ: на что надо—истратитъ, но только на что надо, и притомъ—минимумъ. А мы—зря соримъ. Проводы устроить, обѣдъ, встрѣчу «лицу», на братушекъ бросить, никому ненужный столбъ поставить—это мы съ удовольствіемъ; коснется же дѣло полезнаго—вопли о безденежьѣ! Нѣтъ-съ, Лидія Марковна, не все ругать нѣмца; у него слѣдуетъ кое-чему и поучиться.

Они уже выѣхали за городъ. Прихотливыя линіи нагорнаго берега продолжались и здѣсь. За первымъ поворотомъ рѣки развернулся чисто сельскій пейзажъ: по низменному берегу потянулись воздѣланныя поля, которыя изрѣзали ровную необозримую поверхность на подобіе шахматной доски. На нагорной сторонѣ сначала шли огороды, потомъ линія берега круто обрывалась, образовавъ довольно значительной глубины оврагъ, сплошь поросшій кустарникомъ. На днѣ оврага протекалъ маленькій ручеекъ, впадавшій въ рѣку. За оврагомъ потянулась цѣпь холмовъ, какъ-то особенно нарядно глядѣвшихъ въ своемъ зеленомъ уборѣ. На одномъ изъ холмовъ высились развалины какой-то убогой избушки, почернѣвшей отъ времени, съ зіяющей пастью вмѣсто двери. Но эти развалины не нарушали живописнаго пейзажа: облитая солнечнымъ свѣтомъ, полузаросшая травой и бѣлымъ мохомъ, избушка придавала красотѣ окружающей природы фантастическій оттѣнокъ.

— Какъ хорошо, и въ Швейцарію ѣхать не надо,—пошутилъ

Лебедевъ.—Эхъ, барышня, барышня,—промолвилъ онъ,—вы говорите, что я въ нѣмца влюбленъ, да какъ же не любить-то, что хорошо. Были вы на Волгѣ, напримѣръ? Нѣтъ? И я не былъ! Который годъ собираюсь и все не могу попасть. И всѣ мы почти таковы, россіяне: ничего-то мы своего не видѣли, а посмотрѣть—есть на что, поинтересоваться есть чѣмъ. Мой пріятель одинъ три лѣта подъ рядъ по Волгѣ ѣздилъ, и еще готовъ. А развѣ только Волга и есть у насъ? Вы опять скажете: надо деньги. Отговорки пустыя! Я зналъ одного отца семейства: онъ тоже мечталъ о лѣтней поѣздкѣ, и все на безденежье ссылался, а каждую зиму столько тратилъ на разный вздоръ, что хватило бы за границу съѣздить со всей семьей. Но мы и поѣдемъ, такъ все равно любоваться красотами природы не будемъ. Мы засядемъ въ каютѣ за карты—и пропустимъ все. На одномъ пароходѣ съ моимъ пріятелемъ ѣхали англичане, такъ они ничего интереснаго не пропустили: въ пять часовъ утра на ногахъ уже были, если представлялась надобность. Тутъ же ѣхала компанія русскихъ: въ одинъ конецъ эти милые вояжеры не видѣли Жигулей, потому что проспали, а въ другой—въ карты играли и прозѣвали. Или вотъ вамъ еще: спрашиваетъ мой пріятель у одного пассажира про какой-то городокъ на берегу: что, молъ, это такое?—Право, говоритъ, не знаю. Между тѣмъ онъ ѣхалъ по Волгѣ въ четвертый разъ. Вотъ какъ мы интересуемся! А «нѣмецъ» все разспроситъ, да разузнаетъ.

— Я не отрицаю хорошихъ качествъ у нѣмцевъ, — сказала Лидія,—но вы слишкомъ ими увлечены и не хотите видѣть ничего хорошаго въ русскомъ человѣкѣ. Онъ—вовсе не такъ плохъ.

— Эге, да вы патріотка! Славянофилка еще, пожалуй? Вотъ не ожидалъ-то!

— Совсѣмъ не то, но... вѣдь это вѣрно, что мы смотримъ шире. Нѣмецъ—узокъ...

— О, мы—широкія натуры. Удали у насъ не занасать. Разступись—задавимъ!

Онъ взглянулъ на Таню и промолвилъ другимъ тономъ:

— Эхъ, барышня, да я на васъ тоску, кажется, нагналъ своими разсужденіями? Единственный кавалеръ—и такой неинтересный! Ай, ай, надо исправиться. Лидія Марковна, давайте пѣснь пѣть Вѣдь вы поете?

— Пою.

— И вы тоже, Татьяна Никандровна?

— Да, пою,—отвѣтила Таня.

— Отлично!—А вы?—обратился онъ къ Саблиной.

— Я—плохая пѣвица,—въ первый разъ улыбнулась та.

— Все равно, подтягивать можете. Ну-съ, какую-же пѣсню начать? Лидія Марковна, рѣшайте.

— Давайте «Утесъ»? Вы его знаете?

— Еще бы! Только и надоѣлъ же онъ мнѣ. По правдѣ сказать, фальши въ немъ много.

— Я не знаю этой пѣсни,—проговорила Таня.

— Ну вотъ! Бросимте-ка, Лидія Марковна, всѣ эти умныя пѣсни. Давайте лучше веселую, народную какую нибудь, которую бы всѣ знали,

— Какую же?

— Да хоть «Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ»... Знаете?

Эту знали всѣ.

— Кто же изъ васъ начнетъ? Вы, Лидія Марковна, что ли?

— Запѣвай, Таня!

Таня начала звонкимъ сопрано, остальные подхватили, и пѣсня гулко понеслась въ вечерней тишинѣ, надъ воднымъ раздольемъ; она—то замирала, то словно росла и крѣпла, полная размашистой удали и силы. По берегу, между тѣмъ, потянулись кустарники, перелѣски. Но вотъ лодка обогнула мысъ, и на высокомъ берегу сразу выросла деревушка; ея домики лѣпились по скату холма и, казалось, стояли одинъ на другомъ. По улицѣ бѣгали съ гиканьемъ ребятишки. Нѣкоторые изъ нихъ быстро сбѣжали—словно скатились—къ самой водѣ и съ любопытствомъ глядѣли на плывшую лодку.

— Хорошенько, Татьяна Никандровна, хорошенько,—шутливо подбадривалъ Лебедевъ:—видите, публика слушаетъ насъ.

Таня посмотрѣла на берегъ, улыбнулась, и ея пріятный голосокъ еще громче зазвенѣлъ въ воздухѣ.

— Вотъ славно,—похвалилъ докторъ и подхватилъ басомъ:

«Только лодочка чернѣетъ!»

За нимъ подхватили Лида и Саблина. Таня пѣла съ одушевленіемъ. Лидія вся преобразилась: щоки разгорѣлись, глаза блистали.

— Вотъ хорошо!—промолвилъ довольнымъ тономъ Лебедевъ, когда послѣдній звукъ пѣсни замеръ.—Давно я такъ не пѣвалъ... а бывало, въ студенческіе годы, какъ пѣлось... эхма!

Онъ вздохнулъ и досталъ портсигаръ изъ кармана пиджака.

— Закурямъ съ горя. Хотите?—предложилъ онъ Саблиной.

Та взяла папиросу, подождала, пока Лебедевъ зажегъ спичку,

закурила и медленно произнесла, выпуская по мужски колечки дыма:

— А вотъ, Юрій Осиповичъ, у нѣмцевъ нѣтъ такихъ пѣсенъ... наши народныя пѣсни за сердце берутъ. Мой мужъ всегда говорилъ: кажется, ничего нѣтъ въ нихъ, а каменное сердце—и то расшевелитъ... Семидесятилѣтняго старика удалью охватитъ, въ озноб броситъ...

— Это, пожалуй,—согласился Лебедевъ.—Только вѣдь далеко не всѣ пѣсни таковы!

Разсѣянный взоръ Лидіи блуждалъ по окрестностямъ, а сама она мыслями унеслась далеко отсюда. Ей припомнилось катанье по взморью, незадолго передъ отъѣздомъ въ Грязноводскъ. Было много молодежи обоего пола. Пѣли «Утесъ», «Назови мнѣ такую обитель», «Дубинушку» и «Внизъ по матушкѣ». Всѣ были веселы, только одинъ Веригинъ по временамъ задумывался и какъ-то особенно глядѣлъ на нее. Онъ провожалъ ее до дому и вдругъ спросилъ дорогою:—«Вы непремѣнно ѣдете?»—Да, ѣду,—отвѣтила она. «Но вы вернетесь осенью?» — Не знаю,—сказала она. Онъ ничего больше не спросилъ, только крѣпче обыкновеннаго пожалъ руку, прощаясь.

«Почему я это теперь вспомнила»?—задала сама себѣ вопросъ Лидія, и снова продолжала думать о Веригинѣ, о которомъ въ послѣднее время вспоминала часто. Она остановилась мыслями на его недавнемъ письмѣ. Онъ какъ-то странно и туманно писалъ о своемъ возвращеніи въ Петербургъ осенью. «Пріѣдете ли вы туда?—спрашивалъ онъ:—мнѣ это надо знать; я самъ не знаю, буду ли я тамъ, или не буду. То есть: надо мнѣ быть или нѣтъ?» Причемъ же тутъ я? подумала Лидія, но она почувствовала, что лукавитъ сама съ собою, не желая себѣ сознаться, что ей понятно загадочное мѣсто письма. Она даже покраснѣла невольно, задавши себѣ въ первый разъ прямой вопросъ: неужели онъ меня любитъ? А я?

Въ ея сердцѣ не было еще яснаго отвѣта, она чувствовала, что не можетъ сказать «да», хотя также не скажетъ и «нѣтъ».

— Лидуша, Лидуша, да что же ты молчишь?—произнесла еще громче Таня, дотрогиваясь рукою до плеча подруги.

Лидія очнулась.

— Что тебѣ?

— Экъ ты замечталась,—проговорила Таня, смѣясь.—Я и докторъ тебя спрашиваемъ, а ты не слышишь.

— Простите, я задумалась. Что такое?

— Назадъ ѣхать, или до рощи?

— А далеко роща?

— Нѣтъ, скоро будетъ,—сказалъ Лебедевъ.

— Поѣдемте. Впрочемъ, какъ ты, Таня?

— Да что же... если достанется, такъ все равно заодно,—весело отвѣтила дѣвушка.

— Это вѣрно,—подхватилъ докторъ.—Валяй, милый,—отдалъ онъ приказаніе лодочнику.

Они поплыли дальше, и скоро увидѣли вѣковой лѣсъ, который сплошной непроницаемой массой тяжелѣлъ на воздушномъ фонѣ лучезарнаго неба. Это и была знаменитая роща, которой гордился когда-то ея владѣлецъ, уже давно умершій. По мѣрѣ приближенія къ ней, казалось, она сама надвигалась на плывущихъ, протягивая имъ свои тѣнистыя объятія.

— А не сойдемъ ли мы на берегъ?—предложилъ Лебедевъ.—Право, не мѣшаетъ размять ноги, да и дать отдыхъ нашему «живому паровозу». Роща недурна къ тому же. Вы ее помните, конечно, Лидія Марковна?

— Я никогда въ ней не была,—отвѣтила дѣвушка.

— Неужели? Ну, такъ непремѣнно надо сойти. Позвольте, да тамъ кто-то ужь есть: видите лодку у берега?

Таня и Лидія оглянулись. Дѣйствительно, у песчанаго пологаго берега стояла лодка, въ которой сидѣлъ какой-то человѣкъ въ бѣломъ и курилъ.

— Кто бы это?

Черезъ нѣсколько минутъ, яликъ съ нашими путниками повернулъ къ берегу и, разогнанный усиленными взмахами веселъ, врѣзался въ песчаную отмель.

— Съ кѣмъ ты?—спросилъ Лебедевъ курившаго солдата.

— Съ поручикомъ Мауринымъ, ваше благородіе,—отвѣтилъ тотъ, быстро пряча въ рукавъ «цыгарку».

— А-а! Мстиславъ Орестовичъ здѣсь. Вотъ неожиданность. Ну, барышни,—тихо прибавилъ онъ:—берегите ваши сердца.

Лебедевъ помогъ дамамъ перебраться на берегъ; высаживая Лидію, онъ промолвилъ шутливо:

— Чего я стараюсь! Все равно, черезъ минуту, если только встрѣтимъ Маурина, я буду преданъ забвенію.

— Скажите, пожалуйста,—обратилась къ нему Лидія,—я давно васъ хотѣла спросить, но все забывала:—не онъ ли ѣхалъ съ вами тогда: помните, вы мнѣ встрѣтились?

— Помню, помню. Да, онъ. Что?—красивый мужчина?

— Недуренъ.

— Разглядѣли. Эхъ, женщины, женщины! всѣ одинаковы: идея — наука, а все таки главное—переплетъ.

— Какой вздоръ вы говорите, — перебила Лидія, хмурясь.— Нельзя же не замѣтить красоты.

— А, ужь и «красоты!»

— Да, красоты... что жъ такое? Развѣ вы ея не замѣчаете?

Они уже вошли подъ своды густаго лѣса, который когда-то старательно расчищался, а теперь былъ запущенъ. Дорожки заросли; во многихъ мѣстахъ старыя свалившіяся деревья лежали неубранными. Вдругъ въ рощѣ раздался тоненькій голосъ:

— Мстиславъ Орестовичъ, да идите же, бросьте вашу бѣлку!

— Сейчасъ! отозвался пріятный баритонъ.

— Э-э, да онъ не одинъ! — произнесъ многознаменательно докторъ.—Кто это съ нимъ?

— Ольга, вѣрно,—быстро промолвила Таня, и вся вспыхнула отъ сознанія своего промаха. Она поняла, что не должна была показывать виду, что знаетъ и Ольгу, и ея отношенія къ Маурину.

— Вѣроятно, такъ и есть,—согласился Лебедевъ, и лукавая улыбка скользнула по его губамъ.

Между стволовъ высокихъ сосенъ показалось голубое платье, и черезъ нѣсколько минутъ на дорожку вышла стройная, высокая блондинка съ разгорѣвшимся личикомъ, которое дышало смѣлостью и задорною веселостью, За блондинкой слѣдовалъ брюнетъ высокаго роста, съ черными глазами, съ небольшими усиками, красиво лежавшими надъ полною губою. Онъ былъ одѣтъ въ бѣлый китель, разстегнутый на всѣ пуговицы. Блондинка остановилась, удивленная и какъ бы недовольная встрѣчею. Она обернулась и хотѣла что-то сказать своему кавалеру, но онъ въ эту минуту, узнавши Лебедева и быстро застегивая китель, громко крикнулъ ему:

— Докторъ! Вы какимъ образомъ?

— Такимъ же, какъ и вы. Только у васъ одна дама, а у меня цѣлыхъ три.

Маурин, подойдя, пожалъ руку Лебедева и по военному раскланялся съ дамами. Лидіи показалось, что онъ смутился немного, когда ему пришлось знакомить свою спутницу. Эта послѣдняя также почувствовала нѣкоторую неловкость, но черезъ минуту совсѣмъ оправилась, поздоровалась довольно развязно, а на Таню посмотрѣла съ усмѣшкой. Лидія припомнила, что видѣла блондинку не одинъ разъ на улицѣ, и затѣмъ въ соборѣ,

но не могла никакъ и подумать, чтобы она была «избранницей» такого блестящаго красавца.

«Однако, почему же избранница?—поймала себя Лидія:—можетъ быть, просто знакомая?» Она упрекнула себя за подозрѣніе, противное ея понятіямъ.

— Вы только что пріѣхали?—спросилъ Мауринъ у Лебедева.

— Да, а вы уже домой?

— Нѣтъ, мы хотимъ направиться къ лѣснику. У него отличное молоко, да и яичницу его жена дѣлаетъ превосходную.

— Это недурно,—сказалъ Лебедевъ.

— Такъ не отправимся ли мы вмѣстѣ? — предложилъ Мауринъ.—Какъ ваши дамы, докторъ?

Дамы ничего не имѣли противъ, и вся компанія направилась къ домику лѣсника. Мауринъ случайно очутился возлѣ Лидіи.

— А мнѣ только что сегодня пришлось слышать о васъ,—сказалъ онъ ей съ любезной улыбкой, красиво изгибая станъ впередъ и немного кокетничая глазами.

— Обо мнѣ? Отъ кого же?—полюбопытствовала дѣвушка.

— Я былъ на завтракѣ у исправника, и тамъ шелъ разговоръ о васъ.

— Вотъ какъ! Развѣ я представляю какой нибудь интересъ для этого общества?

— О, еще бы,—съ тою же любезностью отвѣтилъ Мауринъ.—Вы слишкомъ стоите на виду, чтобы не интересоваться вами.

— На виду—я?—удивилась Лидія.

— Конечно. Ваше образованіе ставитъ васъ такъ, и здѣшнее женское общество... Ахъ,—засмѣялся онъ, — еслибы вы знали, какъ злы на васъ многія барыни!

— Боже мой, да чѣмъ я провинилась передъ ними?

— А тѣмъ, что о васъ говорятъ, что вы выше всѣхъ по развитію, держитесь такъ независимо... Нѣтъ, вы представить себѣ не можете, въ чемъ обвиняютъ васъ.

— Напримѣръ?

— Да, напримѣръ, въ томъ, что вы стояли въ соборѣ на клиросѣ, впереди всѣхъ, даже впереди самой супруги исправника. О, это ужасное преступленіе! «Она дѣвушка, а не дама (это я вамъ передаю слова нашей градоначальницы), у нея нѣтъ никакого общественнаго положенія, она»... (онъ замялся, ибо дальнѣйшія слова: «она мѣщанка, и больше ничего, хотя образованная, а все таки мѣщанка» — онъ считалъ неудобнымъ передать) «она,—нашелся Мауринъ,—не нашего общества», и т. д. Я отъ души хохоталъ надъ ними.

— И все?—промолвила Лидія, подумавъ при этомъ:—«однако, онъ не прочь посплетничать».

— Можетъ быть, и еще что нибудь говорили, но я уѣхалъ.

Все время, пока Мауринъ разговаривалъ не особенно громко съ Лидіей, Ольга, идя рядомъ съ Таней (которая вдругъ притихла и потеряла веселость) напряженно прислушивалась къ словамъ Лидіи и своего кавалера; воспользовавшись удобнымъ случаемъ, она перешла, наконецъ, на другую сторону и пошла также рядомъ съ Мауринымъ, взявъ его подъ руку, причемъ окинула нѣсколько разъ Лидію, не то вызывающимъ, не то торжествующимъ взглядомъ. Но Лидія ничего не замѣтила. Она задумалась по поводу сообщеннаго ей Мауринымъ. «Какія мелочи, какія глупости останавливаютъ ихъ вниманіе,—размышляла она:— и это интеллигенція, это сливки общества. Какъ не задохнуться въ такомъ воздухѣ? А этотъ красавецъ! Конечно, онъ умнѣе ихъ, но, должно быть, тоже изъ мелкихъ фатовъ. Кокетничаетъ глазами, рисуется. А все таки, какъ красивъ и изященъ!»

Она подняла голову; въ нѣсколькихъ шагахъ была уже видна избушка лѣсника.

XVII.

Передъ домикомъ лѣсника раскинулась небольшая полянка, на которой, подъ тѣнью двухъ развѣсистыхъ березъ, былъ устроенъ деревянный столъ и скамейка. Жена лѣсника, видимо, уже привыкшая къ посѣщеніямъ Маурина, велѣла дочери ставить самоваръ, а сама побѣжала въ ледникъ за молокомъ.

— Яичницу, пожалуйста,—крикнулъ Мауринъ,—такую, какъ тогда дѣлала... помнишь?

— Все сейчасъ будетъ готово,—отозвалась лѣсничиха.

Всѣ размѣстились около стола, и только Лебедеву не хватило мѣста на скамейкѣ.

Мауринъ всталъ и, уступая свое мѣсто доктору возлѣ Ольги, промолвилъ съ комической серьезностью:

— Уважая вашу ученость, осмѣлюсь предложить вамъ мѣсто.

— А вы какъ же, доблестный воинъ?

— Я сейчасъ устроюсь, не безпокойтесь!

Какъ человѣкъ, хорошо знакомый съ расположеніемъ домика, онъ отправился туда и вернулся черезъ минуту съ табуреткой въ рукахъ.

— Вотъ я и нашелъ себѣ стулъ,—сказалъ онъ, садясь противъ Лидіи.

Завязался какой-то незначительный разговоръ; въ немъ приняли участіе всѣ, кромѣ Тани, которая сидѣла, какъ опущенная въ воду.

— Да что съ вами, барышня: — всю дорогу были такая веселая, пѣли—и вдругъ... здоровы ли вы?—обратился Лебедевъ къ дѣвушкѣ.

— Сказался докторъ!—пошутилъ Мауринъ.

— Да какъ же, помилуйте?

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, я совсѣмъ здорова... я такъ,—смущенно проговорила Таня и попробовала напустить на себя веселость, но ей это не удалось.

Ольга насмѣшливо посмотрѣла на Таню (которая сидѣла по другую сторону) и, воспользовавшись минутой, когда хозяйка подавала яичницу, а ея дочь самоваръ, шепнула дѣвушкѣ, близко наклоняясь къ ней:

— Вы очень боитесь? Какъ это вы рѣшились! Неужели съ разрѣшенія дяденьки и тетеньки?

Таня покраснѣла. Ее укололи слова Ольги, и въ то же время ей было досадно, что та угадала причину внезапной перемѣны въ ея настроеніи. Однако, неожиданно для себя, она отвѣтила довольно колко:

— Я выѣхала съ приличною компаніей.

Въ глазахъ Ольги мелькнулъ злой огонекъ. Она, конечно, не затруднилась бы отвѣтомъ, но въ эту минуту Лебедевъ обратился къ ней:

— Будетъ вамъ шептаться, Ольга Петровна. Неугодно ли приступить къ обязанностямъ хозяйки!

— Почему же вы предлагаете мнѣ?—спросила Ольга.

— А сему слѣдуютъ пункты—отвѣтилъ докторъ:—во-первыхъ, еслибы мы не пріѣхали, то, конечно, вы бы хозяйничали, а не Мстиславъ Орестовичъ...

Ольга хотѣла что-то возразить.

— Позвольте, я не кончилъ: во-вторыхъ, Татьяна Никандровна такая убитая, что...

— Что занятіе можетъ отвлечь ее отъ печальныхъ мыслей и вернуть прежнюю веселость,—перебила Ольга.—И потому,—добавила она, откидываясь на стволъ дерева:—я передаю бразды правленія моей сосѣдкѣ.

— А что, докторъ, вѣдь возраженіе справедливо,—замѣтилъ

Мауринъ:—по мнѣнію медицины, занятіе—лучшее лѣкарство отъ хандры.

— Бѣда, да и только, — промолвилъ Лебедевъ шутливо-жалобнымъ тономъ:—женщины побиваютъ меня на каждомъ шагу!

Всѣ засмѣялись, улыбнулась и Таня, которой пришлось волей-неволей хозяйничать.

— А развѣ васъ женщины часто побиваютъ въ спорахъ?—спросилъ Мауринъ у доктора, передавая ему хлѣбъ.

— Бѣда!—тѣмъ же тономъ отвѣтилъ Лебедевъ. — Недавно Лидія Марковна разбила меня по всѣмъ пунктамъ, а теперь вотъ Ольга Петровна.

— Вотъ какъ: вы побѣдили нашего ученаго врача!—отнесся Мауринъ къ Лидіи.

— Я этого не нахожу,— промолвила она, — напротивъ, я во многомъ съ нимъ согласилась.

— Ну, гдѣ тамъ во многомъ!

— А можно узнать, какого рода былъ споръ?—спросилъ Мауринъ.

— Разумѣется, о женщинѣ и ея правахъ, — отвѣтилъ Лебедевъ.

— И совсѣмъ не о томъ, а о высшемъ женскомъ образованіи,—поправила Лидія.

Мауринъ заявилъ себя сторонникомъ высшихъ женскихъ курсовъ.

— А женственность-то, женственность, батюшка! Вѣдь вы стоите прежде всего за нее!—воскликнулъ докторъ.

— О, конечно, — любезно согласился Мауринъ.—Но одно другому не мѣшаетъ. Лидія Марковна всего лучше это доказываетъ... Или вы не согласны, докторъ?

Лебедевъ махнулъ рукою.

— Нѣтъ, ужь,—промолвилъ онъ, вытирая салфеткой усы,— лучше мнѣ съ вами не говорить, а то вы, пожалуй, богъ знаетъ въ какомъ свѣтѣ представите меня передъ дамами вообще, и передъ ученой въ особенности.

— Бѣдный, тамъ сегодня не везетъ,—замѣтила Лидія.

— О, доброта неизреченная: она же и пожалѣла!

— Потому именно, что ваше замѣчаніе къ Лидіи Марковнѣ не относится,—сказалъ Мауринъ.

Ольга пристально посмотрѣла на своего кавалера. Ей не нравилось, что онъ такъ много говоритъ комплиментовъ «студенткѣ», но Мауринъ или не замѣтилъ брошеннаго на него взгляда, или нарочно захотѣлъ позлить Ольгу и сказалъ Лидіи снова какой-то

комплиментъ. Впрочемъ, принимая стаканъ чая отъ Тани, онъ не обошелъ любезностью и ее.

— Позвольте, поручикъ, — произнесъ докторъ: — вы что-то очень ухаживаете за моими дамами; смотрите, вѣдь и я могу...

— Вы намекаете на мою даму? О, я нисколько не препятствую вамъ ухаживать за нею.

— Какъ? Ольга Петровна, вы слышите? Вамъ слѣдуетъ обидѣться.

Ольга дѣйствительно обидѣлась и, судя по выраженію лица, можно было ждать отъ нея не особенно мягкаго отвѣта.

Но ее предупредила Лидія:

— Мнѣ кажется,—сказала она,—слѣдуетъ обидѣться не Ольгѣ Петровнѣ, а опять таки доктору.

— Мнѣ?—удивился Лебедевъ.

— Конечно. Вы сообразите: почему monsieur Мауринъ такъ спокойно смотритъ на ваше ухаживаніе за его дамой? Потому что считаетъ васъ совсѣмъ неопаснымъ соперникомъ.

— Однако, это ужь черезчуръ, и я могу вызвать васъ на дуэль,—трагикомическимъ тономъ воскликнулъ Лебедевъ, обращаясь къ Маурину.

— Къ вашимъ услугамъ,—поклонился онъ.

— А гдѣ секунданты?

Мауринъ указалъ жестомъ на дамъ.

— Какъ, дамы?

— Что же? Это—новое расширеніе женскихъ правъ, и я увѣренъ, что Лидія Марковна не откажетъ мнѣ въ чести быть моимъ секундантомъ.

— Но надо прежде всего спросить: умѣетъ ли докторъ держать револьверъ,—съ улыбкой сказала Лидія.

— Лидія Марковна, это новое оскорбленіе! Послушайте, — обратился онъ къ Маурину:—вы—спеціалистъ, скажите: могу ли я вызвать ученую женщину на дуэль? Вѣдь если онѣ за равноправность...

Смѣясь и шутя, Лебедевъ сталъ доказывать, что «женщина съ правами» обязана принять вызовъ. Мауринъ ему возражалъ:

— Позвольте,—горячился Лебедевъ:—да вы—софистъ. Сами говорите: расширеніе правъ и вдругъ..,

Саблина улыбнулась и замѣтила вполголоса Лидіи:

— Съ какимъ воодушевленіемъ говоритъ Юрій Осиповичъ, словно и серьезно хочетъ доказать свою мысль.

— Онъ сегодня въ веселомъ настроеніи,—отвѣтила Лидія.

— Онъ рѣдко бываетъ въ другомъ: такой счастливый характеръ. Я помню, онъ былъ такимъ же студентомъ.

— Развѣ вы его такъ давно знаете?

— Я съ нимъ познакомилась въ Петербургѣ, когда еще была замужемъ. Потомъ я поступила на фельдшерскіе курсы и по предложенію Юрія Осиповича пріѣхала сюда. Впрочемъ, я недолго служила въ воронежской губерніи.

Между тѣмъ Лебедевъ «побѣдилъ» противника,—какъ торжественно заявилъ онъ,—и заговорилъ о чемъ-то съ Ольгой. Та возразила ему, и между ними начался новый споръ. Лидія встала и медленно направилась по дорожкѣ въ лѣсъ.

— Можно мнѣ съ вами?—кинулъ ей въ догонку Мауринъ.

— Вы нисколько не помѣшаете,—уклончиво отвѣтила Лидія.

Мауринъ всталъ, надѣлъ фуражку, которая лежала у него на колѣняхъ, и послѣдовалъ за дѣвушкой. Ольга сдѣлала нетерпѣливое движеніе, но докторъ удержалъ ее.

— Оставьте! Пусть они идутъ. Вашъ кавалеръ не боится меня, а вамъ нечего бояться Лидіи Марковны.

— Вы думаете? — уронила Ольга, стараясь придать своимъ словамъ шутливый тонъ, но внутренно сильно досадуя на доктора за то, что онъ удержалъ ее, затѣявъ «глупый споръ».

Она все таки хотѣла встать и пойти, но ее остановила боязнь показаться смѣшной въ своей ревности.

— Вы думаете?—повторила она.

— Разумѣется, — отвѣтилъ Лебедевъ. — Во-первыхъ, Лидія Марковна не изъ тѣхъ дѣвицъ, которыя увлекаютъ, то есть, я хочу сказать, не изъ тѣхъ, которыя заманиваютъ, а во-вторыхъ: вамъ ли бояться кого нибудь?

Саблина съ добродушной улыбкой посмотрѣла на доктора. Онъ замѣтилъ ея взглядъ и промолвилъ:

— Что вы? вѣрно подумали: «Э, и онъ туда же за военнымъ комплименты откалываетъ». Нѣтъ-съ, это не комплиментъ, а искреннее мнѣніе.

Ольга засмѣялась довольная, и они вернулись къ спору. Дѣвушка, повидимому, внимательно его слушала, но глаза ея выражали нетерпѣливое безпокойство.

Мауринъ не безъ цѣли послѣдовалъ за Лидіей. Какъ человѣкъ, склонный къ ловеласничеству, конечно, онъ былъ не прочь поухаживать за хорошенькой студенткой, но въ настоящую минуту совсѣмъ другое чувство руководило имъ. Онъ предполагалъ, что Лидіи хорошо извѣстны его отношенія къ Ольгѣ. Ему показалось даже, что Лидія съ нѣкоторой ироніей смотритъ на эти

отношенія. Его самолюбіе было задѣто, и онъ не захотѣлъ оставить Лидію при убѣжденіи, что серьезно увлеченъ Ольгой, которая и по своему общественному положенію, и по развитію была неизмѣримо ниже его. Можетъ явиться у читателя вопросъ: зачѣмъ ему это было нужно? Почему онъ дорожилъ мнѣніемъ встрѣтившейся въ первый разъ дѣвушки? Это могло проистекать изъ желанія, чтобы никто не былъ о немъ дурнаго мнѣнія. Развѣ не случается, что завзятый бюрократъ, попавши въ кружокъ свободномыслящихъ людей, подлаживается къ нему, желая оставить о себѣ хорошее мнѣніе въ глазахъ тѣхъ, чьихъ взглядовъ онъ не раздѣляетъ? То же самое и здѣсь. И это будетъ еще понятнѣе, если принять во вниманіе, что Мауринъ привыкъ производить выгодное впечатлѣніе на женщинъ, побѣждать ихъ. Какъ умный человѣкъ, онъ понималъ, что всякую женщину надо брать ея оружіемъ.

Догнавъ Лидію, Мауринъ искусно направилъ разговоръ къ желаемой цѣли. Онъ коснулся Петербурга, перешелъ къ грязноводскому обществу, подчеркнулъ его скуку, мелочность интересовъ и незамѣтно перевелъ рѣчь на себя и Ольгу.

— Право, иная простая дѣвушка гораздо лучше здѣшнихъ чопорныхъ барынь, въ сущности глупыхъ и необразованныхъ, но считающихъ себя интеллигентными аристократками. Да вотъ бы хотя Ольга Петровна: она почти совсѣмъ безъ образованія, зато въ ней немало простоты, искренности, и ужь несомнѣнно она чище всѣхъ этихъ пуританокъ, косо смотрящихъ на нее, но въ сущности болѣе грѣшныхъ, чѣмъ она. Впрочемъ, — прибавилъ онъ небрежно, какъ бы между прочимъ, — я бы никогда, конечно, не встрѣтился съ нею, еслибы не тифъ.

Онъ пустился въ подробныя объясненія. Опасно заболѣвъ, онъ думалъ, что умретъ; но молодость взяла свое: онъ сталъ поправляться. Поправлялся онъ медленно, скука томила его. Вотъ въ это-то время онъ и сблизился съ Ольгой, у отца которой онъ нанималъ двѣ комнаты. Оказалось, что она ходила за нимъ во время его болѣзни, когда онъ лежалъ безъ памяти. Теперь она стала проводить въ его комнатѣ цѣлые дни и вечера, развлекая его разговоромъ, читая книги. Онъ не могъ не оцѣнить этого, тѣмъ болѣе, что дѣвушка рисковала своей репутаціей, и чуть не поссорилась съ отцомъ. Когда онъ увидѣлъ, что она къ нему привязалась, горячо его полюбила, у него не хватило духа оттолкнуть ее, сказать, что онъ ее совсѣмъ не любитъ. Изъ благодарности онъ отвѣчалъ ей лаской. Это еще болѣе поддерживало ея заблужденіе. Онъ хотѣлъ сказать правду, но не могъ, и

продолжалъ лгать. Конечно, она ему не чужда, тѣмъ болѣе, что она все таки дѣвушка хорошая, но это еще далеко не любовь!

Мауринъ нашелъ, что отрицать нѣкоторую привязанность къ Ольгѣ не слѣдовало: въ его интересахъ надо было похвалить дѣвушку. Лидія слушала его и думала: «зачѣмъ онъ мнѣ все это говоритъ? Развѣ я спрашивала?» Она не поняла его цѣли и промолвила, когда онъ замолчалъ:

— Вы точно каетесь передо мной, но я и не думала васъ обвинять. Я (она остановилась на минуту)... я до сихъ поръ ничего даже не знала о вашихъ отношеніяхъ.

«Развѣ?»—чуть было не вырвалось восклицанія у Маурина, который упрекнулъ себя въ ненужной откровенности, но сейчасъ же, впрочемъ, успокоился при мысли, что если Лидія не знала, все равно потомъ узнала бы отъ подруги.

— Вы не такъ меня поняли,—сказалъ онъ:—я не каялся, а просто... пришлось къ слову. Pardon, если это вамъ показалось неумѣстнымъ и излишнимъ.

— О, что же мнѣ!—возразила Лидія,—это касается васъ.

Она посмотрѣла вдаль, по направленію къ домику лѣсника, и замѣтила:—Если не ошибаюсь, это ваша дама спѣшитъ къ намъ!

Дѣйствительно, это шла Ольга, безпокойство которой увеличивалось все больше и больше, и перешло, наконецъ, въ трудноскрываемое волненіе.

— Однако, они что-то очень долго гуляютъ, — не утерпѣла она и встала, оставляя споръ неоконченнымъ.

— Они сейчасъ вернутся,—сказалъ Лебедевъ.

— Нѣтъ, Мстиславъ Орестовичъ — большой говорунъ. Онъ увлечется, а между тѣмъ пора домой.

И она, не слушая уже доводовъ Лебедева, быстро пошла въ лѣсъ.

Докторъ пожалъ плечами и промолвилъ съ улыбкой:

— О, женщины, женщины!

— Не утерпѣли?—встрѣтилъ Мауринъ Ольгу, когда она приблизилась къ нимъ.—Думали, что заблудимся и не вернемся!

Въ его шутливомъ тонѣ проглядывало неудовольствіе.

— Пора домой,—сказала Ольга сдержанно, но взглядъ, брошенный на Маурина, говорилъ совсѣмъ другое.

— Видите, мы уже возвращаемся.

«О чемъ они разговаривали?» — думала Ольга, посматривая сбоку на Лидію.—«Ну, нѣтъ, докторъ, кажется, ошибается, называя ее неопасной». И вдругъ у Ольги явилось желаніе по-

казать свою близость къ Мауpину. проявить надъ ним нѣкоторую власть.

— Мстиславъ, — громко сказала она: — дайте мнѣ руку и возьмите мою кофточку. Мнѣ въ ней жарко.

Мауринъ пытливо и досадливо посмотрѣлъ на нее и промолвилъ, подставляя ей руку:

— Напрасно вы брали кофточку съ собой, Ольга Петровна. Лучше было бы оставить тамъ.

Онъ умышленно подчеркнулъ слова: Ольга Петровна. Она поняла, что онъ сердится, и осталась этимъ довольна.

— Развѣ вамъ такъ трудно нести ее? — сказала она и, бросивъ взглядъ на Лидію, добавила:—она во всякомъ случаѣ легче меня, а вчера вы несли меня на рукахъ больше версты.

Мауринъ вспыхнулъ, и гнѣвно блеснули его черные глаза, но онъ сейчасъ же овладѣлъ собою и съ обычной любезностью промолвилъ:

— Я—человѣкъ очень добрый, и если вы сегодня въ тѣхъ же крошечныхъ башмакахъ, въ которыхъ не можете ходить, то я опять готовъ нести васъ.

И, какъ бы думая вслухъ, вполголоса произнесъ:

— Удивительное тщеславіе у женщинъ: всѣ онѣ хотятъ имѣть непремѣнно стройную ножку, а этихъ ножекъ такъ мало, какъ вѣрно выразился Пушкинъ.

Мауринъ зналъ больное мѣсто Ольги и нарочно кольнулъ ее.

— Ну, такъ что же! А развѣ мужчины лучше?—задорно возразила она:—многіе, чтобы быть стройнѣе, носятъ корсеты, какъ и женщины.

— Совершенная правда,—согласился Мауринъ, — но бросимъ этотъ разговоръ, а то мы можемъ дойти до такихъ подробностей, о которыхъ говорить едва ли удобно.

Они уже подходили къ домику лѣсника.

— Нашлись? Не сбѣжали?—крикнулъ Лебедевъ.

Но онъ не получилъ отвѣта на свой вопросъ.

— Пора, Лидія, домой, — сказала Таня, когда подруга сѣла возлѣ нея.

Веселость окончательно оставила ее, и какой-то внутренній ознобъ билъ дѣвушку. Она съ ужасомъ думала теперь о томъ, что ожидаетъ ее дома.

Скоро всѣ двинулись въ обратный путь. Лидія пошла съ Таней рядомъ. Онѣ пріотстали немного отъ компаніи.

— Ахъ, Лида, достанется мнѣ теперь,—сказала Таня со слезами въ голосѣ.

— Ничего. Я зайду къ вамъ и все улажу. Скажу, что задержали.

— Да не-то. Ужь это бы ничего, что поздно.

— А что же?

— Ольга!

— Что жъ такое она?

— Ахъ, ты ничего не знаешь.

— Не знаю. Нѣтъ, если хочешь, и знаю. Но что же изъ этого?

— Какъ что? Да тетя запрещаетъ мнѣ съ ней кланяться, а теперь вдругъ вмѣстѣ. Вѣдь ее всѣ считаютъ... Ты понимаешь?

— Да, понимаю.

Лидія помолчала и сказала:

— Ничего, я все разскажу. Вѣдь не съ ней же мы поѣхали. Случайно встрѣтились.

— Это такъ.

— Не бѣжать же намъ было. Я все это объясню Марьѣ Кирилловнѣ. А скажи ты мнѣ: какъ ты сама смотришь на Ольгу?

— Мнѣ жалко ее,—искренно отвѣтила Таня.

— Почему?

— Да развѣ онъ ее любитъ? Такъ только; потѣшится и броситъ. Не первую уже онъ такъ бросаетъ... А вѣдь она погубила себя изъ-за него.

Подошли къ рѣкѣ и стали садиться.

— Позвольте, я помогу вамъ,—предложилъ Маринъ Лидіи.

— Благодарю, я сама,—отвѣтила она и ловко прыгнула въ лодку, не воспользовавшись рукою Маурина.

Ольга едва замѣтно хихикнула и съ усмѣшкой посмотрѣла на своего кавалера, который подсаживалъ ее. Обѣ лодки быстро поплыли по теченію, стараясь держаться рядомъ. Обратный путь не представлялъ прежнихъ красотъ: солнце скрылось за горизонтомъ, и хотя заря еще горѣла на небосклонѣ, но снизу уже поднимались тѣни — чѣмъ дальше, тѣмъ выше. Тьма вступала въ свои права, сначала робко, а потомъ смѣлѣе и рѣшительнѣе: сначала все потускнѣло; лѣсъ утратилъ свою прозрачность, краски поблекли, и его зеленая масса приняла таинственный, какъ бы угрожающій характеръ. Развалины избушки мрачнымъ силуэтомъ обрисовались на потускнѣвшемъ фонѣ неба. Вода казалась черной, тишина еще болѣе пугала, и голоса плывшихъ выдѣлялись рѣзкимъ диссонансомъ. Въ городѣ уже мелькали огоньки. Въ ту самую минуту, какъ наша компанія поднималась на высокую на-

бережную, съ нея спускалось трое мужчинъ. Это были: Сергѣй и его товарищи.

— Вотъ онѣ, ученыя-то, какъ проводятъ время, веселѣе нашего, —язвительно проговорилъ братъ Лидіи, не стѣсняясь тѣмъ, что его могутъ услышать, а, можетъ быть, и нарочно для того, чтобы его слышали.

— Никакъ, съ ними и Ольга,—сказалъ одинъ изъ пріятелей.

— Тсъ! — остановилъ другой. — Развѣ не видишь Маурина: онъ, братъ, не любитъ шутить.

И, хихикая, всѣ трое начали спускаться къ рѣкѣ.

Маурину и Ольгѣ пришлось скоро отдѣлиться отъ остальной компаніи.

— Я надѣюсь, что мы еще встрѣтимся, — проговорилъ Мауринъ, прощаясь съ Лидіей.

— Вѣроятно,—отвѣтила она.

— Можетъ быть, и еще когда нибудь устроится подобная прогулка.

— Докторъ завтра уѣзжаетъ,—сказала Лидія, первая подавая руку Ольгѣ.

— Развѣ безъ доктора вы не можете и ѣхать?—спросилъ Маринъ.

Лидія пожала плечами.

— Я могу ѣздить, съ кѣмъ хочу,— промолвила она, — но у меня мало времени... Я занята.

«Уклоняется,—подумала Ольга:—не хочетъ. Что это? Увидѣла ли, что со мной не легко имѣть дѣло, или... это штуки?»

— Ну, пойдемте же,—заторопила она, сильно опираясь на руку Маурина.

Онъ раскланялся еще разъ со всѣми, и они пошли. Уже проводивъ Таню, недалеко отъ своего дома, Лидія спросила Лебедева:

— Скажите, пожалуйста, вы давно и хорошо знакомы съ Мауринымъ?

— Года три, но не могу сказать, что хорошо, то есть въ смыслѣ пріятельства. Однако я знаю его.

— Какъ вы его находите?

— Красивый мужчина!

— Ахъ, не то! Я это вижу и сама.

— Вы насчетъ идеи? Ni foi, ni loi... Ловеласъ, прожигатель жизни... Немножко Нарцисъ, краснобай, но малый добрый и не глупый. Только одно вотъ...

— Именно?—подняла на доктора глаза Лидія.

— Много прекрасныхъ созданій погубилъ, да и погубитъ.

— Значитъ, негодяй?—рѣзко сказала Лидія.

Они подошли къ дому Лидіи.

— А ваши еще не спятъ,—сказалъ Лебедевъ.

Дѣйствительно, окна были открыты, и у одного изъ нихъ сидѣлъ Маркъ Васильевичъ.

XVIII.

Онъ самъ отперъ дверь.

— Лидуша, да гдѣ же ты была?—спросилъ Маркъ Васильевичъ съ удивленіемъ и тревогой въ голосѣ.

— Простите, папа, я васъ обманула невольно. Пожалуй, вы безпокоились,—ласковымъ и нѣсколько виноватымъ тономъ проговорила Лидія, входя въ переднюю.

— Мы съ матерью голову потеряли и придумать не могли, куда ты зашла. Вѣра пришла съ бульвара, мать ее спрашиваетъ: ты одна, а не съ Лидіей?—Да Лидіи, отвѣчаетъ, и нѣтъ на бульварѣ.—Какъ, нѣтъ? Она съ Таней на бульваръ пошла.—И Тани, говоритъ, на бульварѣ не видала; вѣрно, говоритъ, онѣ на вокзалъ отправились. Мы немного успокоились.

Маркъ Васильевичъ говорилъ это, поднимаясь за дочерью въ мезонинъ.

— Ну, вотъ, хорошо, — продолжалъ онъ, входя въ комнату Лидіи:—ждемъ васъ, и Вѣруша ждетъ. Проходитъ еще часъ — васъ все нѣтъ. Поѣздъ давнымъ давно пришелъ. Опять насъ безпокойство взяло. Тутъ вдругъ Марья Кирилловна прибѣгаетъ — спрашиваетъ насчетъ Тани. Мы говоримъ: не возвращались еще. Она просто не знаетъ, что́ и думать. Вернулся Сергѣй съ вокзала. Мы къ нему всѣ. И онъ васъ не видѣлъ. Тутъ мы совсѣмъ перепугались. Рѣшаемъ всѣ и рѣшить не можемъ: куда вы зашли, что́ съ вами могло случиться.

— Милый папа, простите, не сердитесь,—произнесла Лидія.

Она сняла шляпку, накидку, подошла къ отцу, положила къ нему на плечо руку и еще ласковѣе добавила:

— Простите! Я—скверная, нехорошая. Развѣ можно было доставлять вамъ столько тревоги... Я страшно виновата, папочка!

Въ искреннемъ порывѣ она нагнулась и поцѣловала у отца руку.

— Что ты, что ты... какая особенная вина? Ну, потревожились, да что же такое?

Онъ смутился отъ поступка дочери и, взволнованный и обрадованный, обнялъ ее и крѣпко поцѣловалъ въ лобъ.

— Да скажи мнѣ, гдѣ же вы были до сихъ поръ?—произнесъ онъ, съ любовью глядя на дочь.

— Катались. Далеко были: въ рощѣ гуляли, у лѣсника чай пили.

— Да съ кѣмъ же вы?

— Охъ, папочка, достанется опять мнѣ.

— За что же? Развѣ...

— Знаете, съ кѣмъ мы катались?

Она остановилась на секунду и медленно договорила:

— Съ Лебедевымъ и фельдшерицей Саблиной. Они насъ встрѣтили и уговорили ѣхать.

— Съ Лебедевымъ и съ Саблиной? Ну, это ничего...

— Вѣдь вы помните, какъ мама говорила о немъ?

— Помню. Да онъ не одинъ былъ. а съ фельдшерицей, говоришь! Тутъ нѣтъ ничего дурнаго...

— Но это еще не все. папа; дальше-то что было!

— Какъ дальше? Да что же могло быть еще?—съ удивленіемъ произнесъ Маркъ Васильевичъ, и снова безпокойство промелькнуло въ его глазахъ.

— Мы встрѣтили въ рощѣ Маурина. Знаете его?

— Какъ же, знаю, офицеръ здѣшній.

— Мы встрѣтили его, а съ нимъ была знакомая его барышня, Ольга Петровна!

— Ольга?.. Ольга Петровна... Гм!—Онъ точно поперхнулся, произнося это имя.

— Я буду говорить, папа, съ вами откровенно: я не раздѣляю предразсудковъ и вовсе не намѣрена клеймить бѣдную дѣвушку за то, что она любитъ Маурина. Это ея дѣло.

— Да, конечно, это ея дѣло,—нерѣшительно произнесъ Маркъ Васильевичъ.

— Разумѣется, папа. Но Таня говоритъ, что на Ольгу смотрятъ всѣ косо, что Марья Кирилловна запрещаетъ Танѣ даже кланяться ей. Если всѣ такъ смотрятъ на нее, разумѣется, и мама такого же взгляда. Правда, вѣдь?

— Правда, Лидуша.

— Слѣдовательно, она меня будетъ бранить, и непремѣнно выдетъ исторія.

Маркъ Васильевичъ задумался.

— Видишь ты,—произнесъ онъ, глядя безцѣльно въ окно:— я собственно съ тобой согласенъ: какое намъ дѣло ее судить! А

только вотъ что: другіе смотрятъ иначе, и на ту дѣвушку, которая съ ней знакома, также пятно ложится...

— Что мнѣ всѣ! Я безпокоюсь не за себя, а за Танюшу.

— Гм! Гм!

У Марка Васильевича опять запершило въ горлѣ..

— Оно такъ-то такъ,—произнесъ несмѣло Маркъ Васильевичъ, какъ бы боясь обидѣть дочь. — Да вѣдь дурной слухъ далеко идетъ.

— Пускай.

— А твое мѣсто? Дойди до головы что нибудь такое, ни за что не опредѣлитъ тебя. Онъ человѣкъ старинныхъ понятій.

— Тогда я...—начала было Лидія, но въ эту минуту раздался снизу голосъ Натальи Григорьевны:

— Что вы тамъ засѣли? Не до утра же ждать васъ.. И то сколько разъ самоваръ подогрѣвали!

Она говорила отрывисто и сердито.

— Я не хочу чаю,—сказала Лидія тихо.

— Нѣтъ ужь, дружокъ, пойдемъ, а то она еще больше разсердится.

Лидія покорилась и пошла внизъ, увѣренная, что не обойдется безъ исторіи.

— Ты не говори ей, Лидуша, о Мауринѣ и Ольгѣ,—шепнулъ Маркъ Васильевичъ на лѣстницѣ.

— Нельзя, папа; Сергѣй видѣлъ насъ.

— Все равно, не говори сегодня. И узнаетъ, такъ послѣ, а то, видишь, какъ сердится. Да я и приструю Сергѣя. Не разболтается у меня.

— По моему, папа...

— Нѣтъ, нѣтъ. Сегодня не надо, послушайся меня. Я знаю, что говорю.

Они вошли въ столовую.

— Ты гдѣ же, голубушка, шлялась до сей поры?—встрѣтила Наталья Григорьевна дочь.

Лидію покоробило отъ этой грубой фразы. И если вопросъ отца, дышавшій заботливой тревогой, пробудилъ въ ея душѣ сознаніе вины, и ей стало совѣстно за причиненное ему безпокойство, то слова матери произвели противоположное дѣйствіе, и дѣвушкѣ захотѣлось отвѣтить также рѣзко, не скрывая ничего. Но отецъ предупредилъ ее, и его голосъ, мягкій, дышавшій любовью и примиреніемъ, обезоружилъ ее.

— Она, мать, каталась. Вотъ и вся разгадка.

— Какъ каталась? Съ кѣмъ это?

Сердитое выраженіе не сходило съ лица Натальи Григорьевны, и она насупила брови, задавая этотъ вопросъ.

— На лодкѣ, мать.

— Да чего ты-то отвѣчаешь: у нея самой развѣ языка не стало? Я вѣдь ее спрашиваю,—оборвала мужа Наталья Григорьевна.

Лидія уже сидѣла. Каждое слово матери задѣвало и раздражало ея нервы, но она поборола себя и сдержанно произнесла:

— Вы сердитесь опять, мама...

— Да какъ же, матушка, не сердиться!—воскликнула Шерстобитова.—Ушла на два часа, а тутъ ночь на дворѣ, а ея нѣтъ. Чего, чего мы не передумали съ отцомъ.

— Я виновата, мама, но такъ случилось...

— И что за срамъ,—продолжала Наталья Григорьевна, не слушая дочери:—дѣвушки, и до какой поры ходятъ. Однѣ гуляны теперь только бродятъ. Нечего брата винить, что онъ такъ-то: не зажмешь ему ротъ, если будешь подавать поводъ.

— Онъ самъ сейчасъ попался мнѣ на улицѣ.

— Сравнила, матушка, съ собою брата! Онъ вѣдь мужчина, къ нему ничего не пристанетъ.

Она подвинула чашку дочери и освѣдомилась тѣмъ же отрывистымъ тономъ:

— Съ кѣмъ же это вы катались? Ужь не съ Сачковымъ ли тебя угораздило поѣхать?

— Развѣ я съ нимъ поѣду!

— Такъ съ кѣмъ же? Спрашиваю, спрашиваю и добиться не могу.

— Намъ встрѣтился Лебедевъ.

— И вы съ нимъ поѣхали?

— Онъ, мать, не одинъ.

— Да замолчи, отецъ. Я не съ тобой говорю. Чего ты суешься?

Маркъ Васильевичъ махнулъ рукой и отошелъ въ сторону.

— Кто же еще былъ?—обратилась Наталья Григорьевна къ Лидіи.

— Фельдшерица Саблина. Вдова, и уже пожилая.

— Валентина Ѳедоровна?

— Да. Вы ее знаете?

— Какъ не знать! Тихая-то она, тихая и ничего срамнаго о ней не слышно, только по вашей же части: ходитъ обстриженная, цыгарку сосетъ, какъ есть нигилистка.

— Ну, какая она нигилистка! — улыбнулась Лидія. — Трое дѣтей.

— Экая важность, что трое! Вона Шумахеръ въ Сонскѣ, чай, помнишь: у нея шестеро, да и старше она Саблиной, а развѣ не нигилистка? Всѣ говорили, что и въ Бога не вѣруетъ.

Наталья Григорьевна говорила уже нѣсколько спокойнѣе. Хотя Саблина, по ея понятію, и была «нигилисткой», но все же она женщина скромная, о которой дурнаго никто не могъ сказать. Ѣхать съ нею, это не то, что съ однимъ Лебедевымъ. Когда Маркъ Васильевичъ сообщилъ, что Лидія ѣздила кататься, Наталья Григорьевна почему-то сразу рѣшила, что она ѣздила непремѣнно съ Сачковымъ. О Лебедевѣ ей и въ голову не пришло, потому что она не знала о его пріѣздѣ. Успокоенная отчасти, Наталья Григорьевна понизила и смягчила тонъ, но все таки нашла нужнымъ пожурить дочь.

— И съ Саблиной не слѣдъ такъ долго ѣздить, все равно нехорошо. И еще съ Таней! Знаешь Марью Кирилловну; и я вѣдь тебѣ не ладна, а пожила бы съ ней! Танюша-то не смѣетъ шагу ступить. Разъ какъ-то она на улицѣ двумя словами перекинулась со знакомымъ кавалеромъ, безъ тетки, одна,—такъ вѣдь какой нагоняй былъ: всѣхъ святыхъ выноси. А ты ее кататься увезла. Съ тобой отпустили ее, какъ съ хорошей дѣвушкой—довѣрили, а ты на-ка! Теперь вотъ какъ хочешь, такъ и раздѣлывайся.

— Я завтра схожу къ нимъ,—сказала Лидія, мѣшая ложечкой въ чашкѣ.

— Схожу! Да что еще выдетъ изъ твоего хожденія? А ужь Танѣ попадетъ, ой, ой, какъ попадетъ! Теперь ее, голубушку, засадятъ. И носу никуда не покажетъ. Вотъ тебѣ и катанье.

Лидія сожалѣла въ душѣ, что согласилась на предложеніе Лебедева и поѣхала. Ей было жаль Тани. «А ну, какъ въ самомъ дѣлѣ случится все такъ, какъ говоритъ мама?» За себя Лидія не тревожилась, хотя и знала, что рано ли, поздно ли, все равно, правда откроется. Она не надѣялась, чтобы отцу удалось заставить молчать Сергѣя. Такъ или иначе, онъ разскажетъ. Лидія находила, что нечего и теперь лгать, гораздо лучше все сказать прямо, но отецъ просилъ, и она не хотѣла поступить противъ его желанія. «Однако, вѣдь и Марья Кирилловна узнаетъ правду,—пришло Лидіи на умъ:—не Таня, такъ посторонніе скажутъ. Если еще не зная всего, только за одно катанье Марья Кирилловна можетъ такъ поступить съ Таней, то что же будетъ съ ней, когда откроется вся правда!»

Лидія почувствовала себя глубоко виноватой передъ подругой и сильно упрекала себя за увлеченіе. Погруженная въ раз-

мышленія, Лидія сидѣла, подперши голову рукой, и забыла совсѣмъ о чаѣ.

—Что же не пьешь-то?—окликнула мать.—Нечего задумываться теперь. Надѣлала дѣла, да и сама не рада. Такъ-то и все, моя милая: и близокъ локоть, да не укусишь. Можетъ быть, пожалѣешь и о другомъ, поважнѣе что, да тоже ужь не вернешь...

— Кто не ошибается, мама.

— Нашла отвѣтъ. А ты поправляй, пока не поздно.

— Что же мнѣ поправлять?

— А про что мы днемъ съ тобою сегодня говорили?

— Ахъ, вы опять о Паренцовѣ! — улыбнулась Лидія не то грустно, не то устало.

— О немъ. Теперь вотъ фордыбачишь, а потомъ и жалѣть будешь, да поздно.

— Объ этомъ никогда не пожалѣю, могу сказать навѣрное.

— Не говори такъ, матушка. Жизнь-то еще длинна. Не знаешь, что тебя ждетъ... Можетъ быть, не разъ пожалѣешь.

Наталья Григорьевна зѣвнула, перекрестила ротъ и посмотрѣла на часы.—Вона! люди добрые уже выспались, а мы еще не ложились,—сказала она и снова зѣвнула.

— Напрасно вы ждали, мама,—произнесла Лидія, вставая.

— До сна ли было, когда не знали, что и подумать о тебѣ. Не была еще матерью, такъ не знаешь и боли материнскаго сердца.

— Прощайте, мама, и не сердитесь, — сказала Лидія.—Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ, — съ улыбкой прибавила она.

— Ладно. Подбирай присказки-то. Охъ, бѣда да и только съ вами, съ учеными! Словъ нашихъ глупыхъ не слушаете, какъ вѣдь можно: дураки необразованные—и вдругъ учить хотятъ. А сдѣлаете на свой манеръ, и худо выходитъ. Говорила отцу: не ладно поступаешь, не послушался,—ну, вотъ и пеняй на себя!

Лидія простилась и пошла къ себѣ. Маркъ Васильевичъ проводилъ ее до лѣсницы и шепнулъ съ добродушной улыбкой:

— На сегодня обошлось, ну и дальше ничего, можетъ быть, не будетъ. Прощай. Спи съ Богомъ! Я будить тебя не велю завтра.

Лидія начала привыкать въ Грязноводкѣ ложиться рано, да и прогулка сегодняшняя ее утомила. Она раздѣлась, легла и сейчасъ же заснула.

XIX.

Лидія просматривала только что полученный нумеръ газеты, когда ее вдругъ позвала мать:

— Лидія, иди-ка сюда!

Хотя вчера за чаемъ Наталья Григорьевна держала себя съ дочерью и не такъ, какъ всегда, но видно было, что она въ душѣ уже полупростила Лидіи ея самовольное катанье. Но тонъ, какимъ теперь позвала она дочь, не дышалъ примиреніемъ, а былъ, напротивъ, крайне раздражителенъ, и Лидія, спускаясь съ лѣстницы, не ждала уже ничего хорошаго. «Вѣрно, узнала все», промельнуло въ умѣ дѣвушки. Она застала въ залѣ мать и Марью Кирилловну, сидѣвшую на диванѣ.

— А я только что собиралась идти къ вамъ,—сказала Лидія, кланяясь Сербиной.

Та, замѣтно взволнованная, хотѣла что-то отвѣтить, но Наталья Григорьевна помѣшала ей, обратившись къ дочери:

— Это ты, матушка, что же выдумала еще: обманывать отца съ матерью?!

Лидія вспыхнула.

— Я никогда не обманываю.

— Какъ никогда? А не ты вчера сказала, что вы катались съ Лебедевымъ и съ Саблиной?

— Я...

— Между тѣмъ, съ вами еще ѣздилъ Мауринъ со своей потаскушкой?

— Мамаша, если вы хотите со мной говорить, то не выражайтесь, пожалуйста, такимъ образомъ!

— Нечего представлять изъ себя недотрогу. Ѣздитъ, да шляется по рощѣ съ публичными дѣвчонками, а тутъ на-ка что, выраженіе ей не нравится! Какъ ты смѣла ѣздить съ Мауринымъ, да еще съ этою дрянью?! Нѣтъ, милая доченька, я тебѣ не позволю срамить себя и насъ. И еще обманываетъ!..

— Выслушайте меня,—проговорила Лидія дрожащимъ голосомъ. Ея губы нервно подергивались, и на лицѣ выступили красныя пятна.

— Да что слушать-то? опять наврешь.

— Мнѣ нечего лгать, — громко возразила Лидія,—я бы все вамъ вчера сказала, да папа просилъ не говорить. Ему я все сказала.

— Вотъ такъ чудесно: покрываетъ доченьку. Ай да батюшка.

— Вы хотите меня выслушать или нѣтъ?—промолвила Лидія.

— Да что говорить-то, никакими разговорами сраму не снимешь. На-ка съ кѣмъ компанію завела, съ брандахлыстами разными, да съ тварью уличною. Вотъ-те и ученая!

— Я уже говорила папѣ и вамъ скажу то же самое,—продолжала Лидія, съ трудомъ выговаривая отъ волненія:—мы случайно встрѣтились съ ними въ рощѣ. Не бѣжать же намъ, когда Лебедевъ знакомъ съ Мауринымъ.

— А почему и не такъ? Мало ли какая дрянь попадется, такъ съ ней и вести компанію! Стыда у тебя нѣтъ, вотъ что. Былъ бы стыдъ, такъ бы не говорила этого, не безчестила себя.

— Я не вижу тутъ никакого безчестья.

— Гулять-то съ потаскушкой-Ольгой не безчестно?

— Я не нахожу ея такою: если она любитъ Маурина—это ея дѣло.

— Вотъ какъ прекрасно разсуждаете!—вмѣшалась Марья Кирилловна, все время молча, съ ехидною улыбкою, смотрѣвшая на дѣвушку:—то-то пріятно слушать маменькѣ ваши рѣчи. Оно, можетъ быть, по вашему—по ученому—такъ и быть должно, а по нашему глупому разсужденію—иначе выходитъ. Да вы-то тамъ какъ хотите, такъ и дѣлайте, хоть обнимайтесь съ Ольгой, мнѣ все едино, а зачѣмъ Таню подводить подъ такой позоръ? Я довѣрила ее вамъ, а вы что сдѣлали?

— Но я же не знала впередъ.. Я и объ Ольгѣ-то узнала только отъ Тани!

— Куда ее отпустили съ вами, туда и ведите, а на катанье не должны были брать. Васъ она послушалась бы: вѣдь по глупости своей она, точно на икону, на васъ молится. Вы поѣхали—и она тоже. Нѣтъ, я-то дура набитая: повѣрила дѣвушку вамъ... по знакомству, да по расположенію все! Предостерегала меня одна добрая душа: «ой, говоритъ, неладно, что ваша Таня такъ дружна съ этою ученою, не вышла бы чего». Не повѣрила я. И про Сачкова говорили мнѣ, что вы его захороводили... тоже, думаю, сплетня, а оно выходитъ и правда, видно!

— Вы оскорбляете меня, Марья Кирилловна,—сказала Лидія.

— Ужь не взыщите, Лидія Марковна, что есть, то и говорю. По первоначалу, сами видѣли, не такъ встрѣтила, а теперь что же: не хвалить ли прикажете? Вы Танюшѣ-то, можетъ быть, всю дорогу оплевали, а я буду вамъ куплименты говорить? Ну, ужь извините, покорнѣйше благодаримъ! Теперь Танина нога у васъ

не будетъ, да и васъ просимъ не жаловать къ намъ: нашъ домъ честный, а не какой нибудь...

Неожиданно для Лидіи, Наталья Григорьевна, задѣтая за живое послѣднимъ намекомъ Марьи Кирилловны, вдругъ накинулась на нее:

— Ну, ужь вы тоже полегче выражайтесь, голубушка... Я не позволю свой домъ безславить; онъ какъ былъ, такъ и остался незамараннымъ!

— Нѣтъ-съ, погодить надо, Наталья Григорьевна, — язвительно сказала Сербина: — былъ-то онъ былъ такимъ, а только теперь, послѣ того какъ ваша образованная дочка...

— Да что вы тычете насъ дочкой,—воскликнула Шерстобитова:—и ваша была вмѣстѣ!

— А кто ее завезъ?

— Кто кого завезъ, это еще разбирай, а были вмѣстѣ! И что это вы свою Таню за дитё малое выдать хотите... Слава богу, она ужь въ годкахъ, что̀ ее учить-то?—сама, поди, научилась всему съ Семеномъ Семеновичемъ!

— Не смѣешь такъ говорить о Танѣ,—вскипѣла вдругъ Сербина, переходя на ты.—Можетъ быть, твоя Вѣра по закоулкамъ шлялась съ Рогачевымъ, оттого и женился, чтобы грѣхъ прикрыть, а моя Танюша—дѣвушка честная; довѣрчива только больно, а никто худаго про нее не скажетъ. Я безчестить тебѣ ее не позволю!

— Ахъ, ты.. ахъ, ты!—задыхаясь, закричала Наталья Григорьевна, подступая къ Сербиной:—да я тебѣ всѣ космы выдеру за Вѣру, не смѣй ее трогать.

— И ты не смѣй Таню!

— Вонъ, вонъ изъ моего дома!—закричала Наталья Григорьевна и толкнула Сербину.

— Да ты не толкайся, фря эдакая! Чего гнать-то, я и сама уйду: по такимъ домамъ я и не привыкла ходить.

Еще мигъ, и онѣ бы сцѣпились между собою, но Лидія не допустила до этого. Взволнованная и потрясенная всѣмъ происходившимъ передъ ея глазами, она сначала совершенно растерялась. Когда же обѣ противницы кинулись одна на другую, она стала между ними.

— Мама! Марья Кирилловна! да что вы, опомнитесь!—говорила она, и лихорадка била ее всю, слезы подступали къ горлу.

— Оставь, не твое дѣло! — крикнула, не помня себя отъ гнѣва, Наталья Григорьевна и, желая оттолкнуть Лидію, чуть не

Онъ смутился отъ поступка дочери и, взволнованный и обрадованный, обнялъ ее и крѣпко поцѣловалъ въ лобъ.

— Да скажи мнѣ, гдѣ же вы были до сихъ поръ?—произнесъ онъ, съ любовью глядя на дочь.

— Катались. Далеко были: въ рощѣ гуляли, у лѣсника чай пили.

— Да съ кѣмъ же вы?

— Охъ, папочка, достанется опять мнѣ.

— За что же? Развѣ...

— Знаете, съ кѣмъ мы катались?

Она остановилась на секунду и медленно договорила:

— Съ Лебедевымъ и фельдшерицей Саблиной. Они насъ встрѣтили и уговорили ѣхать.

— Съ Лебедевымъ и съ Саблиной? Ну, это ничего...

— Вѣдь вы помните, какъ мама говорила о немъ?

— Помню. Да онъ не одинъ былъ. а съ фельдшерицей, говоришь! Тутъ нѣтъ ничего дурнаго...

— Но это еще не все, папа; дальше-то что было!

— Какъ дальше? Да что же могло быть еще?—съ удивленіемъ произнесъ Маркъ Васильевичъ, и снова безпокойство промелькнуло въ его глазахъ.

— Мы встрѣтили въ рощѣ Маурина. Знаете его?

— Какъ же, знаю, офицеръ здѣшній.

— Мы встрѣтили его, а съ нимъ была знакомая его барышня, Ольга Петровна!

— Ольга?.. Ольга Петровна... Гм!—Онъ точно поперхнулся, произнося это имя.

— Я буду говорить, папа, съ вами откровенно: я не раздѣляю предразсудковъ и вовсе не намѣрена клеймить бѣдную дѣвушку за то, что она любитъ Маурина. Это ея дѣло.

— Да, конечно, это ея дѣло,—нерѣшительно произнесъ Маркъ Васильевичъ.

— Разумѣется, папа. Но Таня говоритъ, что на Ольгу смотрятъ всѣ косо, что Марья Кирилловна запрещаетъ Танѣ даже кланяться ей. Если всѣ такъ смотрятъ на нее, разумѣется, и мама такого же взгляда. Правда, вѣдь?

— Правда, Лидуша.

— Слѣдовательно, она меня будетъ бранить, и непремѣнно выдетъ исторія.

Маркъ Васильевичъ задумался.

— Видишь ты,—произнесъ онъ, глядя безцѣльно въ окно:— я собственно съ тобой согласенъ: какое намъ дѣло ее судить! А

Но новый окрикъ мужа съ тѣми нотами въ голосѣ, которы: уже ясно показали, что мягкаго и, повидимому, покорнаго Марка Васильевича болѣе не было, заставилъ Наталью Григорьевну уйти въ слѣдующую комнату. Но. выходя, она громко стукнула дверью и долго еще продолжала вполголоса «отчитывать» мужа и дочь.

— Родная моя, пойдемъ на верхъ, лягъ тамъ,—нѣжно обратился Маркъ Васильевичъ къ Лидіи, помогая ей подняться.

Онъ весь былъ—забота, тревога и ласка. Онъ довелъ Лидію до ея комнаты и, когда она легла на кровать, сѣлъ на стулъ у ея изголовья,

— Спасибо, папа,—тихо произнесла Лидія и хотѣла поднести къ губамъ его руку.

Онъ отдернулъ ее и поцѣловалъ дочь. У дѣвушки вдругъ закапали слезы.

— Да что ты, полно. Зачѣмъ же спять? Успокойся!

Больше часа просидѣлъ онъ около дочери. Та мало по малу успокоилась и въ немногихъ словахъ передала отцу все, что случилось безъ него. Онъ былъ пораженъ и разстроенъ, не защищалъ уже матери, не уговаривалъ дочери, какъ въ прежніе разы. Онъ молча сидѣлъ, поникши головою.

— Папа, я думаю, мнѣ лучше уѣхать,—сказала Лидія, держа руку отца въ своей.

Онъ встрепенулся.

— Нѣтъ, Лида, нѣтъ! Зачѣмъ тебѣ уѣзжать?

— Ахъ, папа, я вижу, что мнѣ не ужиться съ мамой. Что же это: постоянныя столкновенія... Мы съ ней разныхъ взглядовъ. Да и не могу же я все выносить, папа.

— Лидуша, ужели тебѣ меня не жалко?—надтреснутымъ голосомъ произнесъ Маркъ Васильевичъ, и глаза его увлажнились.

— Дорогой мой, да для кого же я пріѣхала? Только для васъ одного! Но что же дѣлать? Вѣдь и вамъ при такой жизни мало радости.

Она выразила сожалѣніе, что мать не такая, какъ онъ. О, какъ хорошо было бы тогда: она и не думала бы о Петербургѣ. Работать, жить и здѣсь можно, только не въ такой семейной обстановкѣ. И какъ же теперь ей остаться? Она не понимаетъ, какъ можно остаться послѣ такихъ оскорбленій. Разумѣется, мать не то, что чужая, и матери многое можно простить; она такъ и дѣлала, но вѣдь есть оскорбленія, которыя еще тяжелѣе, если они нанесены матерью, вообще человѣкомъ близкимъ. Маркъ Васильевичъ не отрицалъ ничего этого, но ему было страшно и больно

азстаться съ дочерью, на которую были возложены всѣ его на-ежды, которой онъ отдалъ всю свою любовь. Онъ сталъ про-ить, умолять дочь, во имя любви его къ ней, не уѣзжать, по-ождать еще. Если ей тяжело видѣть мать, пусть она не спу-кается внизъ, ей все подадутъ на верхъ,—но только пусть не ѣзжаетъ. Маркъ Васильевичъ говорилъ растроганнымъ голо-омъ, наконецъ не выдержалъ и заплакалъ. Лидія не могла ви-ѣть его слезъ. Ея нервы еще несовсѣмъ успокоились; она сама уть снова не расплакалась и объявила отцу, что не уѣдетъ. Если будетъ хоть какая нибудь возможность оставаться, она оста-ется. Относительно матери, она и сама не знала теперь... Въ анную минуту, ей казалось, что она не можетъ ни забыть, ни простить нанесенныхъ оскорбленій. Можетъ быть, потомъ, не скоро... Можетъ быть, и скоро, только не теперь, не сегодня.

— Хорошо, Лидуша, хорошо, успокойся, засни, — говорилъ отецъ.—Я ухожу, а вечеркомъ зайду; самоваръ велимъ сюда по-дать, будемъ пить чай.

Вечеромъ этого дня, часовъ около девяти, въ садикѣ маленькаго грязненькаго трактира, подъ вывѣскою «Зеленый островъ», за однимъ изъ столиковъ сидѣла компанія, состоявшая изъ Сергѣя, двухъ его пріятелей, съ которыми онъ катался наканунѣ, и еще одного растрепаннаго субъекта въ блузѣ и въ длинныхъ сапогахъ. Изъ двухъ бутылокъ водки, стоявшихъ на столѣ, одна была уже выпита.

— Нѣтъ, я добьюсь своего,—говорилъ Сергѣй, развалясь на стулѣ:—я выживу милую ученую сестрицу!

— Э, братъ,—возразилъ субъектъ въ длинныхъ сапогахъ:—какъ еще удастся выжить! Отецъ вѣдь въ ней души не чаетъ—самъ же говоришь.

— Ничего не значитъ!—хвастливо воскликнулъ Сергѣй:—и отецъ запоетъ другое, погоди! Да ужь такъ или иначе я ее вы-живу,—она уѣдетъ. И зачѣмъ ее принесло? Жила бы тамъ, въ Питерѣ. Нѣтъ, сюда изволила пріѣхать, а здѣсь она намъ мѣ-шаетъ!

— Постой, ты вѣдь говорилъ, что ее выписали, а не по своей волѣ она пріѣхала.

— Мнѣ на это наплевать, а она мнѣ не стой на дорогѣ.

— Да чѣмъ она мѣшаетъ? Не пойму я тебя никакъ,—произ-несъ худощавый, изможденный юноша, сидѣвшій противъ Сер-гѣя:—не все ли равно для тебя,—тамъ она или здѣсь?

— Дуракъ ты, Володька, оттого и не понимаешь,—оборвалъ его Сергѣй.

— Экая важность, что трое! Вона Шумахеръ въ Сонскѣ, чай, помнишь: у нея шестеро, да и старше она Саблиной, а развѣ не нигилистка? Всѣ говорили, что и въ Бога не вѣруетъ.

Наталья Григорьевна говорила уже нѣсколько спокойнѣе. Хотя Саблина, по ея понятію, и была «нигилисткой», но все же она женщина скромная, о которой дурнаго никто не могъ сказать. Ѣхать съ нею, это не то, что съ однимъ Лебедевымъ. Когда Маркъ Васильевичъ сообщилъ, что Лидія ѣздила кататься, Наталья Григорьевна почему-то сразу рѣшила, что она ѣздила непремѣнно съ Сачковымъ. О Лебедевѣ ей и въ голову не пришло, потому что она не знала о его пріѣздѣ. Успокоенная отчасти, Наталья Григорьевна понизила и смягчила тонъ, но все таки нашла нужнымъ пожурить дочь.

— И съ Саблиной не слѣдъ такъ долго ѣздить, все равно нехорошо. И еще съ Таней! Знаешь Марью Кирилловну; и я вѣдь тебѣ не ладна́, а пожила бы съ ней! Танюша-то не смѣетъ шагу ступить. Разъ какъ-то она на улицѣ двумя словами перекинулась со знакомымъ кавалеромъ, безъ тетки, одна,—такъ вѣдь какой нагоняй былъ: всѣхъ святыхъ выноси. А ты ее кататься увезла. Съ тобой отпустили ее, какъ съ хорошей дѣвушкой—довѣрили, а ты на-ка! Теперь вотъ какъ хочешь, такъ и раздѣлывайся.

— Я завтра схожу къ нимъ,—сказала Лидія, мѣшая ложечкой въ чашкѣ.

— Схожу! Да что̀ еще выдетъ изъ твоего хожденія? А ужь Танѣ попадетъ, ой, ой, какъ попадетъ! Теперь ее, голубушку, засадятъ. И носу никуда не покажетъ. Вотъ тебѣ и катанье.

Лидія сожалѣла въ душѣ, что согласилась на предложеніе Лебедева и поѣхала. Ей было жаль Тани. «А ну, какъ въ самомъ дѣлѣ случится все такъ, какъ говоритъ мама?» За себя Лидія не тревожилась, хотя и знала, что рано ли, поздно ли, все равно, правда откроется. Она не надѣялась, чтобы отцу удалось заставить молчать Сергѣя. Такъ или иначе, онъ разскажетъ. Лидія находила, что нечего и теперь лгать, гораздо лучше все сказать прямо, но отецъ просилъ, и она не хотѣла поступить противъ его желанія. «Однако, вѣдь и Марья Кирилловна узнаетъ правду,—пришло Лидіи на умъ:—не Таня, такъ посторонніе скажутъ. Если еще не зная всего, только за одно катанье Марья Кирилловна можетъ такъ поступить съ Таней, то что же будетъ съ ней, когда откроется вся правда!»

Лидія почувствовала себя глубоко виноватой передъ подругой и сильно упрекала себя за увлеченіе. Погруженная въ раз-

палъ женѣ выражать свое неудовольствіе. Его трудно было вывести изъ себя, но зато, если это случалось, онъ становился незнаваемъ. Тогда Наталья Григорьевна смирялась и притихала.

Въ предъидущихъ столкновеніяхъ Лидіи съ матерью, Маркъ Васильевичъ если и не принималъ вполнѣ сторону жены, то все таки старался по возможности оправдать ее. Если Наталья Григорьевна, наединѣ съ нимъ, нападала на дочь, онъ спокойно и мягко защищалъ ее. Но теперь онъ совсѣмъ иначе отнесся къ поступку жены, которая перешла границы и, вмѣсто того чтобы взять дочь подъ защиту, грубо оскорбила ее. Этого онъ не могъ простить женѣ, и отъ него ей сильно досталось. Когда онъ, опять таки не крича, но громко и внушительно выражалъ порицаніе женѣ, никто бы не повѣрилъ, что это былъ тотъ же самый Маркъ Васильевичъ, который въ обыкновенное время, при крикѣ Натальи Григорьевны, махалъ рукою и отходилъ въ сторону или примирительнымъ тономъ старался потушить гнѣвъ жены.

— А знаешь, отецъ,—несмѣло промолвила Наталья Григорьевна, когда мужъ умолкъ:—не лучше ли ей уѣхать послѣ такого срама?

— Вздоръ!—возразилъ Маркъ Васильевичъ:—никакого срама нѣтъ, и никуда Лида не уѣдетъ. Черезъ тебя и произошло все то, что̀ ты называешь срамомъ, а то ничего бы и не было! Я тебѣ говорю: Лидія останется, и чтобы никакого скандала больше не было, а то смотри, мать, я шутокъ не люблю. Скажи своему Сергѣю: если что̀—я его согну въ бараній рогъ. Онъ жениться думаетъ—я слышалъ—пусть на мои деньги не разсчитываетъ: полушки мѣдной не дамъ!

— Какая женитьба, пустяки все!

— Ну, ужь я тамъ не знаю, пустяки или нѣтъ, а только, чтобы онъ у меня не шутилъ... я его, сокола, знаю.

Онъ прошелся по комнатѣ и проговорилъ, останавливаясь противъ жены:

— Ты теперь Лидію оставь... можетъ быть, нѣсколько дней будетъ у себя и чай пить, и обѣдать... Такъ оставь ее, не лѣзь съ примиреніемъ.

Это задѣло Наталью Григорьевну, и она не вытерпѣла.

— Что ты еще выдумалъ, отецъ? пойду я къ ней на поклонъ! Не хочетъ, пусть и не ходитъ. Очень мнѣ нужно.

— Довольно, не болтай лишняго,—остановилъ мужъ.—Никто тебя и не проситъ кланяться, хоть ты и виновата передъ нею. Я не къ тому, а только предупредилъ. Смотри же, чтобы сора больше изъ избы не выносить.

— Да что ты, право, отецъ,—обиженнымъ тономъ и чуть не

со слезами въ голосѣ проговорила Наталья Григорьевна:—неужто я хуже твари послѣдней, что пойду на улицу безславить свою дочь родную. Какая-ни на есть—да своя!

— Нечего обижаться!—сказалъ Маркъ Васильевичъ,—я тебя знаю: выдешь изъ себя и сама не знаешь, что мелешь. Того наговоришь, чему и сама не рада потомъ. Да и кромѣ тебя есть кому... Гдѣ Сергѣй?

— Спитъ уже давно.

— Отчего же онъ не ужиналъ?

— Не хочетъ, спать легъ.

Наталья Григорьевна знала, что сынъ вернулся домой «пьянѣе пьянаго», но скрыла это отъ отца, который сидѣлъ у дочери въ то время, когда пришелъ сынъ. Сергѣй было забурлилъ, но мать поспѣшила убрать его въ чуланъ, гдѣ онъ обыкновенно спалъ.

Прошло два дня. Лидія и обѣдала и пила чай у себя на верху. Волненіе ея улеглось, она спокойно обсудила все происшедшее. Она поняла, что оскорбленія, которыя были ей нанесены матерью, нанесены въ пылу гнѣва, безъ желанія ее унизить, и самый этотъ гнѣвъ вытекалъ изъ добраго чувства. Нѣтъ сомнѣнія, что Натальѣ Григорьевнѣ репутація дочери была дорога, и ей тяжело было при одной мысли, что другіе будутъ бросать грязью въ ея дочь. Все это Лидія теперь понимала, и тѣмъ не менѣе она продолжала чувствовать себя оскорбленной; разсудкомъ она готова была простить матери все, но сердцемъ не могла примириться съ нею, и была рада не встрѣчаться, не видѣть ея.

Она никуда не выходила всѣ эти дни. Мамонтовымъ она написала, что немного нездорова и пропуститъ два-три урока. Она принималась читать, но скоро бросала книгу; начала писать подругѣ письмо, но, написавши до половины, перечла его и изорвала. Она все время лежала на кровати или сидѣла у окна, безцѣльно глядя на улицу. Когда къ ней приходилъ отецъ, она разговаривала съ нимъ или, чаще всего, читала вслухъ газету.

— Что же ты все дома сидишь?—замѣтилъ Маркъ Васильевичъ, зайдя къ дочери на третій день вечеромъ.

— Не хочется, папа.

— Нельзя дружокъ: освѣжись, на бульваръ сходи, а не то къ Вѣрѣ...

Къ сестрѣ Лидіи совсѣмъ не хотѣлось идти, но такъ какъ отецъ настаивалъ на гуляньѣ, то она отправилась на бульваръ. Маркъ Васильевичъ хотѣлъ идти съ нею вмѣстѣ, но это показалось ему неловкимъ. «Вотъ, скажутъ,—подумалъ онъ,—теперь ее одну

— Вотъ такъ чудесно: покрываетъ доченьку. Ай да батюшка.

— Вы хотите меня выслушать или нѣтъ?—промолвила Лидія.

— Да что говорить-то, никакими разговорами сраму не снимешь. На-ка съ кѣмъ компанію завела, съ брандахлыстами разными, да съ тварью уличною. Вотъ-те и ученая!

— Я уже говорила папѣ и вамъ скажу то же самое,—продолжала Лидія, съ трудомъ выговаривая отъ волненія:—мы случайно встрѣтились съ ними въ рощѣ. Не бѣжать же намъ, когда Лебедевъ знакомъ съ Мауринымъ.

— А почему и не такъ? Мало ли какая дрянь попадется, такъ съ ней и вести компанію! Стыда у тебя нѣтъ, вотъ что. Былъ бы стыдъ, такъ бы не говорила этого, не безчестила себя.

— Я не вижу тутъ никакого безчестья.

— Гулять-то съ потаскушкой-Ольгой не безчестно?

— Я не нахожу ея такою: если она любитъ Маурина—это ея дѣло.

— Вотъ какъ прекрасно разсуждаете!—вмѣшалась Марья Кирилловна, все время молча, съ ехидною улыбкою, смотрѣвшая на дѣвушку:—то-то пріятно слушать маменькѣ ваши рѣчи. Оно, можетъ быть, по вашему—по ученому—такъ и быть должно, а по нашему глупому разсужденію—иначе выходитъ. Да вы-то тамъ какъ хотите, такъ и дѣлайте, хоть обнимайтесь съ Ольгой, мнѣ все едино, а зачѣмъ Таню подводить подъ такой позоръ? Я довѣрила ее вамъ, а вы что сдѣлали?

— Но я же не знала впередъ.. Я и объ Ольгѣ-то узнала только отъ Тани!

— Куда ее отпустили съ вами, туда и ведите, а на катанье не должны были брать. Васъ она послушалась бы: вѣдь по глупости своей она, точно на икону, на васъ молится. Вы поѣхали—и она тоже. Нѣтъ, я-то дура набитая: повѣрила дѣвушку вамъ... по знакомству, да по расположенію все! Предостерегала меня одна добрая душа: «ой, говоритъ, неладно, что ваша Таня такъ дружна съ этою ученою, не вышла бы чего». Не повѣрила я. И про Сачкова говорили мнѣ, что вы его захороводили... тоже, думаю, сплетня, а оно выходитъ и правда, видно!

— Вы оскорбляете меня, Марья Кирилловна,—сказала Лидія.

— Ужь не взыщите, Лидія Марковна, что есть, то и говорю. По первоначалу, сами видѣли, не такъ встрѣтила, а теперь что же: не хвалить ли прикажете? Вы Танюшѣ-то, можетъ быть, всю дорогу оплевали, а я буду вамъ куплименты говорить? Ну, ужь извините, покорнѣйше благодаримъ! Теперь Танина нога у васъ

со слезами въ голосѣ проговорила Наталья Григорьевна:—неужто я хуже твари послѣдней, что пойду на улицу безславить свою дочь родную. Какая-ни на есть—да своя!

— Нечего обижаться!—сказалъ Маркъ Васильевичъ,—я тебя знаю: выдешь изъ себя и сама не знаешь, что мелешь. Того наговоришь, чему и сама не рада потомъ. Да и кромѣ тебя есть кому... Гдѣ Сергѣй?

— Спитъ уже давно.

— Отчего же онъ не ужиналъ?

— Не хочетъ, спать легъ.

Наталья Григорьевна знала, что сынъ вернулся домой «пьянѣе пьянаго», но скрыла это отъ отца, который сидѣлъ у дочери въ то время, когда пришелъ сынъ. Сергѣй было забурлилъ, но мать поспѣшила убрать его въ чуланъ, гдѣ онъ обыкновенно спалъ.

Прошло два дня. Лидія и обѣдала и пила чай у себя на верху. Волненіе ея улеглось, она спокойно обсудила все происшедшее. Она поняла, что оскорбленія, которыя были ей нанесены матерью, нанесены въ пылу гнѣва, безъ желанія ее унизить, и самый этотъ гнѣвъ вытекалъ изъ добраго чувства. Нѣтъ сомнѣнія, что Натальѣ Григорьевнѣ репутація дочери была дорога, и ей тяжело было при одной мысли, что другіе будутъ бросать грязью въ ея дочь. Все это Лидія теперь понимала, и тѣмъ не менѣе она продолжала чувствовать себя оскорбленной; разсудкомъ она готова была простить матери все, но сердцемъ не могла примириться съ нею, и была рада не встрѣчаться, не видѣть ея.

Она никуда не выходила всѣ эти дни. Мамонтовымъ она написала, что немного нездорова и пропуститъ два-три урока. Она принималась читать, но скоро бросала книгу; начала писать подругѣ письмо, но, написавши до половины, перечла его и изорвала. Она все время лежала на кровати или сидѣла у окна, безцѣльно глядя на улицу. Когда къ ней приходилъ отецъ, она разговаривала съ нимъ или, чаще всего, читала вслухъ газету.

— Что же ты все дома сидишь?—замѣтилъ Маркъ Васильевичъ, зайдя къ дочери на третій день вечеромъ.

— Не хочется, папа.

— Нельзя дружокъ: освѣжись, на бульваръ сходи, а не то къ Вѣрѣ...

Къ сестрѣ Лидіи совсѣмъ не хотѣлось идти, но такъ какъ отецъ настаивалъ на гуляньѣ, то она отправилась на бульваръ. Маркъ Васильевичъ хотѣлъ идти съ нею вмѣстѣ, но это показалось ему неловкимъ. «Вотъ, скажутъ,—подумалъ онъ,—теперь ее одну

и не отпускаютъ: отецъ конвоируетъ». Это—по мнѣнію Марка Васильевича—было крайне обидно для Лидіи, и онъ отказался отъ своего предположенія идти съ нею.

Лидія прошла одинъ разъ весь бульваръ, и ей надоѣло гулять. Она отправилась домой. Но только что она повернула назадъ, какъ ей попалась на встрѣчу Ольга. Еще не видя ея, Лидія хотѣла свернуть въ сторону, чтобы ближайшей дорожкой выйти на панель. Но, замѣтивъ Ольгу и предполагая, что она также увидѣла ее, Лидія измѣнила рѣшеніе и пошла бульваромъ. Еслибы она свернула на дорожку, Ольга могла подумать, что она боится встрѣчи съ нею. Лидія не хотѣла этого. Онѣ поздоровались. Ольга первая протянула руку, въ упоръ глядя на Лидію. Лидія отвѣтила пожатіемъ. Послѣ минутнаго колебанія, Ольга промолвила съ тонкою усмѣшкою:

— А вы не боитесь встрѣчаться и здороваться со мною?

Она ждала, что Лидія смутится, но ошиблась. Дѣвушка спокойно, хотя и не особенно охотно, отвѣтила:

— Я не понимаю, почему же мнѣ бояться васъ!

— Но вамъ же такъ досталось изъ-за меня дома и достается отъ всѣхъ маменекъ и тетенекъ, которыя трезвонятъ о васъ во всѣ колокола!

Лидія невольно покраснѣла, но, чтобы скрыть свое волненіе, она нахмурилась и промолвила съ дѣланною суровостью:

— А вамъ это все извѣстно! Вы успѣли уже разузнать?

— Зачѣмъ разузнавать? Когда звонятъ въ колокола,—звонъ слышенъ всѣмъ.

Ольга громко засмѣялась. Лидіи не понравился этотъ смѣхъ и вообще все сегодняшнее поведеніе Ольги. Она показалась ей сегодня совсѣмъ несимпатичной. Лидія даже пожалѣла, что не свернула съ бульвара.

— Прощайте,—промолвила она, неохотно протягивая руку Ольгѣ.

— Вы куда же?—спросила та.

— Домой.

— Я гуляю, и мнѣ все равно, куда не идти: вамъ не стыдно идетъ, если я пойду съ вами?

— Еслибы я стыдилась васъ, я бы иначе поступала. Вы, кажется, видите, какъ я отношусь къ вамъ... Къ чему же вашъ просъ и еще такимъ... нехорошимъ тономъ,—промолвила Лидія безъ волненія.

Ольга ничего не отвѣтила, и онѣ прошли нѣкоторое разстояніе молча. Ольга раза два взглядывала на свою спутницу, и то

вернулась домой взволнованная, но съ хорошимъ и свѣтлымъ чувствомъ на душѣ.

XXI.

Поднимаясь по лѣстницѣ къ себѣ, Лидія услыхала голосъ Вѣры. Противъ обыкновенія, та говорила громко и съ оживленіемъ. Голосъ Натальи Григорьевны, отвѣчавшій Вѣрѣ, показался Лидіи также веселымъ.

«Чему онѣ такъ рады?» — подумала дѣвушка. Она еще не успѣла снять шляпку, какъ къ ней въ комнату вошелъ Маркъ Васильевичъ.

— У насъ Вѣра и Василій Ивановичъ,—сказалъ онъ.

— Да, я слышала голосъ Вѣры. Ахъ, папочка, еслибы ты зналъ, какъ я довольна!

— Чѣмъ, дружокъ?—спросилъ онъ и привѣтливо улыбнулся; но эта улыбка, скользнувшая по губамъ, не прогнала густой тѣни съ его лица.

— Садитесь, папа, я все разскажу. Я встрѣтила на бульварѣ Ольгу.

— Ольгу?—переспросилъ Маркъ Васильевичъ, опускаясь на стулъ:—ну, а чему же ты рада-то?

— Да вотъ этому и рада, папочка. Я рада, что не ошиблась, защищая ее передъ другими. Она совсѣмъ, совсѣмъ не такая, какъ о ней думаютъ.

Лидія сѣла рядомъ съ отцомъ, положила руку на спинку стула, на которомъ онъ сидѣлъ, и съ оживленіемъ передала свой разговоръ съ Ольгой.

Отецъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ, изрѣдка произнося тихо: «да, да! мм... мм! такъ, такъ!..».

— Вотъ, видите, папа, какъ неправы всѣ, въ томъ числѣ и мама,—закончила Лидія.

— Что же, дружокъ, очень можетъ быть, я не спорю... Я и тогда говорилъ тебѣ... Это очень хорошо, что она такъ... Жаль бѣдняжку. Я зналъ ее еще дѣвочкой, — славная была... Ну, а какъ это случилось, всѣ и поднялись на нее, грязью закидали бѣдняжку. Конечно, это ее озлобило. Жаль, жаль... А ты, въ самомъ дѣлѣ, пойдешь къ ней, Лида?

— Да, папа, она просила, но я уже сказала вамъ, что не теперь, а послѣ... она сама не хочетъ теперь. Ахъ, папочка! Вы всегда мнѣ говорили, еще когда дѣвочкой была, помните... вы тогда еще говорили о томъ, какъ Христосъ не брезговалъ ни-

кѣмъ, шелъ къ грѣшникамъ и заповѣдалъ дѣлать намъ. Я и тогда еще задумывалась объ этомъ, и потомъ на этихъ словахъ я подолгу останавливалась мыслью. Вы вѣдь и теперь смотрите также, папа?

— Также, дружокъ. Ахъ, милая, милая моя! — произнесъ онъ и обнялъ дочь: — хорошая ты у меня, добрая. Да, вѣрно все это... Но ахъ, какъ злы, какъ скверны люди, Лидуша! Не понимаютъ они добрыхъ влеченій и стараются все перетолковать въ дурную сторону. А къ дѣвушкѣ все льнетъ: ты съ добромъ, а тебя же загрязнятъ, тебя же и осудятъ. Другая, куда грѣшнѣе Ольги, а вотъ вышла замужъ, прикрыла все вѣнцомъ—и чиста. И опять грѣшитъ, да втихомолку, и—ничего; еще на Ольгу пальцемъ указываетъ. Да что Ольга! И тебя такія «праведницы» грязью закидаютъ. Вѣдь ихъ-то душонкѣ твое доброе влеченіе непонятно... Вотъ что, Лидуша, вотъ что, милая.

Онъ задумался, поникши головою, и тѣни еще болѣе сгустились на его лицѣ.

— Папочка, да что вы такъ грустны?—промолвила Лидія:— я уходила, вы не были такимъ. Это я разсказомъ своимъ васъ опечалила.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не отъ этого... я такъ... Дома не веселитъ все, Лидія.

— Развѣ еще что случилось?—тревожно спросила дѣвушка, наклоняясь къ отцу:—папочка, скажите, не скрывайте отъ меня. Да и что же могло случиться? Вѣра и мать такія веселыя, — я слышала ихъ голоса. Если у васъ что случилось, зачѣмъ же вы отъ всѣхъ скрываете?

— Ничего я не скрываю. Веселы! — произнесъ онъ съ горечью:—ихъ-то веселье у меня на сердцѣ камнемъ лежитъ.

Взволнованный, онъ поднялся со стула и прошелся по комнатѣ.

— Тоже судятъ всѣхъ: тѣ худы, другіе... они одни—честны, а поступаютъ, какъ подлецы! Ну, Лидія, не ждалъ я этого отъ Василія Ивановича, никакъ не ждалъ!

Лидію удивили слова отца, которыя для нея были совсѣмъ непонятны.

— Папа, въ чемъ же дѣло?—спросила она тихо: — что сдѣлалъ Василій Ивановичъ?

— Что онъ сдѣлалъ? — рѣзко выкрикнулъ Маркъ Васильевичъ:—подлость онъ сдѣлалъ, вотъ что! Я бы на его мѣстѣ стыдился и глаза людямъ показывать, а онъ еще хвастается: «Паненька, говоритъ, хорошо я дѣльце-то оборудовалъ?» Мнѣ такъ

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] Марья [illegible]

[illegible] руку на [illegible] и съ [illegible] удивленіемъ передъ [illegible]

[illegible] вниманіемъ. изрѣдка пр[illegible] такъ. такъ...

— [illegible] какъ неправы всѣ. въ томъ ч[illegible]

[illegible] можетъ быть. я не спорю.. [illegible] очень хорошо. что она такъ... [illegible] дѣвочкой. — славная была... [illegible] на нее. грязью закидали [illegible] Жаль. жаль... А [illegible]

[illegible] но я уже [illegible] не хочетъ [illegible] когда дѣвоч[illegible] какъ Х[illegible]

кѣмъ, шелъ къ грѣшникамъ и заповѣдалъ дѣлать намъ. Я и тогда еще задумывалась объ этомъ, и потомъ на этихъ словахъ я подолгу останавливалась мыслью. Вы вѣдь и теперь смотрите также, папа?

— Также, дружокъ. Ахъ, милая, милая моя! — произнесъ онъ и обнялъ дочь: — хорошая ты у меня, добрая. Да, вѣрно все это... Но ахъ, какъ злы, какъ скверны люди, Лидуша! Не понимаютъ они добрыхъ влеченій и стараются все перетолковать въ дурную сторону. А къ дѣвушкѣ все льнетъ: ты съ добромъ, а тебя же загрязнятъ, тебя же и осудятъ. Другая, куда грѣшнѣе Ольги, а вотъ вышла замужъ, прикрыла все вѣнцомъ—и чиста. И опять грѣшитъ, да втихомолку, и—ничего; еще на Ольгу пальцемъ указываетъ. Да что Ольга! И тебя такія «праведницы» грязью закидаютъ. Вѣдь ихъ-то душонкѣ твое доброе влеченіе непонятно... Вотъ что, Лидуша, вотъ что, милая.

Онъ задумался, поникши головою, и тѣни еще болѣе сгустились на его лицѣ.

— Папочка, да что вы такъ грустны?—промолвила Лидія:— я уходила, вы не были такимъ. Это я разсказомъ своимъ васъ опечалила.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не отъ этого... я такъ... Дома не веселитъ все, Лидія.

— Развѣ еще что случилось?—тревожно спросила дѣвушка, наклоняясь къ отцу:—папочка, скажите, не скрывайте отъ меня. Да и что же могло случиться? Вѣра и мать такія веселыя, — я слышала ихъ голоса. Если у васъ что̀ случилось, зачѣмъ же вы отъ всѣхъ скрываете?

— Ничего я не скрываю. Веселы! — произнесъ онъ съ горечью:—ихъ-то веселье у меня на сердцѣ камнемъ лежитъ.

Взволнованный, онъ поднялся со стула и прошелся по комнатѣ.

— Тоже судятъ всѣхъ: тѣ худы, другіе... они одни—честны, а поступаютъ, какъ подлецы! Ну, Лидія, не ждалъ я этого отъ Василія Ивановича, никакъ не ждалъ!

Лидію удивили слова отца, которыя для нея были совсѣмъ непонятны.

— Папа, въ чемъ же дѣло? [illegible] — что̀ сдѣлалъ Василій Ивано[illegible]

— Что̀ онъ сд[illegible] Васильевичъ:—подл[illegible] мѣстѣ ста[illegible]кился и [illegible] «Па[illegible] Мнѣ такъ

со слезами въ голосѣ проговорила Наталья Григорьевна:—неужто я хуже твари послѣдней, что пойду на улицу безславить свою дочь родную. Какая-ни на есть—да своя!

— Нечего обижаться!—сказалъ Маркъ Васильевичъ,—я тебя знаю: выдешь изъ себя и сама не знаешь, что мелешь. Того наговоришь, чему и сама не рада потомъ. Да и кромѣ тебя есть кому... Гдѣ Сергѣй?

— Спитъ уже давно.

— Отчего же онъ не ужиналъ?

— Не хочетъ, спать легъ.

Наталья Григорьевна знала, что сынъ вернулся домой «пьянѣе пьянаго», но скрыла это отъ отца, который сидѣлъ у дочери въ то время, когда пришелъ сынъ. Сергѣй было забурлилъ, но мать поспѣшила убрать его въ чуланъ, гдѣ онъ обыкновенно спалъ.

Прошло два дня. Лидія и обѣдала и пила чай у себя на верху. Волненіе ея улеглось, она спокойно обсудила все происшедшее. Она поняла, что оскорбленія, которыя были ей нанесены матерью, нанесены въ пылу гнѣва, безъ желанія ее унизить, и самый этотъ гнѣвъ вытекалъ изъ добраго чувства. Нѣтъ сомнѣнія, что Натальѣ Григорьевнѣ репутація дочери была дорога, и ей тяжело было при одной мысли, что другіе будутъ бросать грязью въ ея дочь. Все это Лидія теперь понимала, и тѣмъ не менѣе она продолжала чувствовать себя оскорбленной; разсудкомъ она готова была простить матери все, но сердцемъ не могла примириться съ нею, и была рада не встрѣчаться, не видѣть ея.

Она никуда не выходила всѣ эти дни. Мамонтовымъ она написала, что немного нездорова и пропуститъ два-три урока. Она принималась читать, но скоро бросала книгу; начала писать подругѣ письмо, но, написавши до половины, перечла его и изорвала. Она все время лежала на кровати или сидѣла у окна, безцѣльно глядя на улицу. Когда къ ней приходилъ отецъ, она разговаривала съ нимъ или, чаще всего, читала вслухъ газету.

— Что же ты все дома сидишь?—замѣтилъ Маркъ Васильевичъ, зайдя къ дочери на третій день вечеромъ.

— Не хочется, папа.

— Нельзя дружокъ: освѣжись, на бульваръ сходи, а не то къ Вѣрѣ...

Къ сестрѣ Лидіи совсѣмъ не хотѣлось идти, но такъ какъ отецъ настаивалъ на гуляньѣ, то она отправилась на бульваръ. Маркъ Васильевичъ хотѣлъ идти съ нею вмѣстѣ, но это показалось ему неловкимъ. «Вотъ, скажутъ,—подумалъ онъ,—теперь ее одну

умолкъ. Лидія обернулась по направленію лѣстницы. Въ комнату вошла Вѣра.

— Ничего, что я къ тебѣ зашла?—сказала она:—я все ждала, что ты сойдешь внизъ... тутъ папенька ушелъ, а тебя все нѣтъ; я и зашла. Мы скоро и домой собираемся.

— Чего ты оправдываешься? — сказала Лидія, здороваясь съ сестрой,—садись.

— Я на минуту вѣдь только, — заявила Вѣра, присѣвъ. — Какъ живешь? Что это ты давно у насъ не была? — проговорила она, оправляя шолковое платье.

— Некогда было... Впрочемъ, ты вѣдь навѣрное все знаешь,— сказала Лидія, пытливо глядя на сестру.

— Да, я слышала,—отвѣтила та:—у тебя исторія вышла съ Марьей Кирилловной. Неосторожна ты, Лидія, все оттого.

— Чѣмъ же это я неосторожна?

— Да какъ же, развѣ можно было гулять въ рощѣ и чай пить съ Ольгой?

— Почему же нельзя?—вызывающимъ тономъ спросила Лидія.

— Развѣ ты не знаешь, кто она? Ее нигдѣ не принимаютъ. И кланяться-то съ ней зазорно.

— Все это я знаю, но не понимаю, чѣмъ это она такъ провинилась? За что къ ней такъ относятся?

— За ейное поведеніе хорошее. Вѣдь она таскается съ Мауринымъ.

— То есть она любитъ его, ты хочешь сказать,—да кому же до этого дѣло?..

— Что ты говоришь, право: да чего ужь хуже этого? Потаскушка какая-то! И грѣхъ-то, грѣхъ какой, посуди!

— А у насъ нѣтъ грѣховъ? Мы-то развѣ святые?

— Извѣстно, всѣ грѣшные, да грѣхъ грѣху рознь.

— Еще бы! — насмѣшливо произнесъ Маркъ Васильевичъ, глядя въ окно:—обмануть ближняго, какъ сдѣлалъ твой Василій Ивановичъ, это не грѣхъ,—ахъ, вы, праведные!

Вѣра снисходительно улыбнулась.

— Неужто, папенька, по вашему одно другаго стоитъ. Вѣдь Василій Ивановичъ сдѣлалъ то, что другіе дѣлаютъ, купцы именитые и почтенные. Какой тутъ грѣхъ? это дѣло комерческое. Всякій свой разсчетъ наблюдаетъ.

— Ну, конечно, наставилъ муженекъ, что говорить,—желчно засмѣялся Маркъ Васильевичъ.

— Я и сама, папенька, понимаю, чего учить? Ты, Лидія—обратилась она къ сестрѣ,—не понимаешь, про что мы говоримъ?

— Я знаю все,—перебила Лидія,—и вполнѣ согласна съ т
пой, даже больше: по моему, Василій Ивановичъ поступилъ ху
чѣмъ Ольга. Кромѣ ея самой, никому нѣтъ вреда отъ того,
она любитъ Маурина, а Василій Ивановичъ другимъ вредъ
несъ,

— И никакого тутъ вреда нѣтъ! Ни вреда, ни позора... Са
же тѣ, съ которыми онъ дѣла велъ, знакомства съ нимъ не
рвали. А тебѣ, Лидія, очень стыдно такъ говорить о Васи
Ивановичѣ,—обидчиво прибавила Вѣра:—онъ не чужой, и те
принялъ ласково, уважительно, а ты вдругъ такъ... Чужіе
говорятъ того, что ты—своя. Послѣ этого, мнѣ и ходить къ те
нечего, такъ ты меня обидѣла!

— Я вовсе не хотѣла тебя обижать,—сказала Лидія:—зачѣ
ты такъ понимаешь мои слова?

— Да какъ же не обижаешь-то, если Василія Ивановича
съ гулящей Ольгой сравняла. И папенькины слова тоже обидн
ну, да онъ что же! А тебѣ-то совсѣмъ не слѣдъ бы было. Ты
лучше за собой слѣдила, а Василья Ивановича нечего осуждат
Его всѣ честные люди одобряютъ.

— Честные, хороши честные!—замѣтилъ Маркъ Васильевич

— А то что же, папенька, ужели безчестные? если и Фи
повъ, и Огарковъ все нечестные, да кто же это честные-то?

— Кто?—быстро обернулся Маркъ Васильевичъ.—А тотъ, к
чужія деньги не заѣдаетъ, вотъ кто! А Огарковъ, который дваж
банкротился, или Филиповъ, что сиротъ брата обобралъ... та
ужь они такіе мерзавцы, какихъ поискать рѣдко...

Вѣру оздачили эти слова. Однако, помолчавши, она отвѣти
отцу:

— Въ торговомъ дѣлѣ, папенька, это часто случается. А п
Филипова это, можетъ быть, все и враки. Долго ли облыжно
нести человѣка?

— Меня удивляетъ, Вѣра,—вмѣшалась Лидія:—отчего
такъ снисходительна къ этимъ и неумолимо-сурова къ Олы
Вѣдь ея ты не знаешь?

— Да я и говорить-то объ этой поскудѣ больше не хочу,
произнесла Вѣра брезгливо,—и ты Лидія, ужь сердись, не с
дись, а я прямо скажу: если будешь съ ней компанію вес
тебя никто принимать не станетъ. Да что никто?—Я и сест
родная, а тоже не приму, вотъ что!

— Вѣра!—раздался снизу голосъ Натальи Григорьевны.—И
Василій Ивановичъ домой собирается...

— Сейчасъ, маменька! Прощайте, папенька,—произнесла Вѣ

вставая.—Напрасно вы такъ приняли это къ сердцу. Только растревожились.

— Ну, ужь это мое дѣло,—перебилъ Маркъ Васильевичъ,—вы дѣлайте, какъ хотите, а я буду думать тоже, какъ хочу. Вѣдь я твоему муженьку ничего прямо не говорилъ, а если вы сами догадались, какъ я все принялъ... Ну, значитъ, знаетъ кошка, чье мясо съѣла.

— Прощай, Лидія,—промолвила она все еще обиженнымъ тономъ:—хоть ты и очень меня оскорбила, да что же? ты мнѣ старшая сестра. Богъ съ тобой, я не сержусь. А только отъ души скажу не знайся съ Ольгой, а то тебѣ худо будетъ. И то про тебя ужь въ городѣ говорятъ; смотри, какъ бы Мамонтовы не отказали.

У лѣстницы она обернулась и добавила насмѣшливо:—А ты что же, такъ и не хочешь повидать Василья Ивановича? Зазорно тебѣ?

— Мнѣ нездоровится. Поклонись ему отъ меня,—отвѣтила Лидія.

«Неужели въ самомъ дѣлѣ откажутъ мнѣ у Мамонтовыхъ?» подумала она. И отъ этой мысли ей стало не столько обидно, сколько грустно: въ самомъ дѣлѣ, если не будетъ и этихъ уроковъ, что она здѣсь будетъ дѣлать?

Углубленная въ эти мысли, она и не слыхала, что отвѣтила ей Вѣра.

XXII.

Мамонтовъ допивалъ уже чуть не восьмой стаканъ чаю, когда къ нему вдругъ обратилась Акулина Никифоровна, утирая платкомъ вспотѣвшее жирное лицо:

— А я, Лука Тихоновичъ, какъ ты хочешь, откажу сегодня этой скубенкѣ.

— Это почему?—удивился Мамонтовъ.—Что тебя такъ вдругъ укололо? Али опять насчетъ божественнаго сокрушеніе взяло?

— Гдѣ ужь тутъ божественное, когда... Матрешенька, Костенька, подьте отсюда. Напились, и подьте къ себѣ!

Матреша послушно сейчасъ же встала и вышла изъ столовой, но Костя, обладавшій любопытствомъ, смекнулъ, что его недаромъ удаляютъ, и попробовалъ найти предлогъ, чтобы остаться въ столовой.

— Я еще хочу чаю,—произнесъ онъ, подвигая матери чашку.

и хотѣлось сказать: «Подлецъ ты, Василій Ивановичъ». Да жаль стало Вѣры и скандала заводить не хотѣлъ.

— Онъ обманулъ кого нибудь, папа?

— Да, ловко обманулъ: четвертакомъ за рубль разсчитался,— вотъ какъ!

Лидія широко-раскрытыми глазами посмотрѣла на отца.

— Неужели, папочка?

— Что, не вѣрится? Обошелъ онъ тебя своими сладкими рѣчами? И меня, милая, обошелъ, и я его любилъ и нахвалиться имъ не могъ, а вотъ теперь и кушай!

— Что же Вѣра, папа?

— Чего спрашивать? Слышала вѣдь, какъ разливается? Мужъ обѣщалъ новую бархатную шубку, да лошадей завести хочетъ,— какъ не радоваться! Теперь она вмѣстѣ съ матерью не нахвалится Василіемъ Ивановичемъ: вотъ, молъ, какая голова!

— Но какъ же, вѣдь у Василія Ивановича лавки, домъ?

— Были когда-то, теперь все на отца переведено, а тотъ, повременя, на Вѣру все переведетъ. Дѣло чисто обстроено. Эхъ, Лидуша, вотъ какіе люди-то, а ты хочешь правды да пощады для Ольги.

Маркъ Васильевичъ былъ возбужденъ и говорилъ такъ, какъ уже давно не говорилъ съ дочерью. Видно было, что «ловкое дѣльце» зятя сильно разстроило честнаго и прямаго старика. Онъ былъ радъ, что могъ высказаться по душѣ передъ дочерью, которая его любитъ и понимаетъ. Онъ говорилъ долго и, по мѣрѣ того какъ высказывался, тяжесть, давившая его сердце, уменьшалась и ему становилось легче.

Лидіи глубоко было жаль отца. «Бѣдный, — думала она:—не успѣлъ отъ одной исторіи успокоиться, а тутъ еще другая!».

— Но теперь ему, папа, никто не будетъ вѣрить? И какъ же онъ здѣсь останется?

— А что же ему? Это у нихъ въ комерческомъ мірѣ умной штукой называется. И вѣрить будутъ! Ты, Лидуша, ребенокъ въ этихъ вещахъ. Вы тамъ съ наукой все возитесь, съ идеалами разными, а здѣсь, милая, совсѣмъ другое, и мѣрка другая. Вотъ, если ты пойдешь къ Ольгѣ, такъ тебя съ грязью смѣшаютъ, а Василія Ивановича за его дѣльце только похвалятъ, а когда на рысакахъ-то поѣдетъ, такъ еще позавидуютъ. А вотъ, еслибы онъ честно расплатился, да ни съ чѣмъ остался, такъ всѣ бы отвернулись и дуракомъ назвали... Вотъ она, жизнь-то, Лидуша!

На лѣстницѣ послышались чьи-то шаги. Маркъ Васильевичъ

умолкъ. Лидія обернулась по направленію лѣстницы. Въ комнату вошла Вѣра.

— Ничего, что я къ тебѣ зашла?—сказала она:—я все ждала, что ты сойдешь внизъ... тутъ папенька ушелъ, а тебя все нѣтъ; я и зашла. Мы скоро и домой собираемся.

— Чего ты оправдываешься? — сказала Лидія, здороваясь съ сестрой,—садись.

— Я на минуту вѣдь только, — заявила Вѣра, присѣвъ. — Какъ живешь? Что это ты давно у насъ не была? — проговорила она, оправляя шолковое платье.

— Некогда было... Впрочемъ, ты вѣдь навѣрное все знаешь,— сказала Лидія, пытливо глядя на сестру.

— Да, я слышала,—отвѣтила та:—у тебя исторія вышла съ Марьей Кирилловной. Неосторожна ты, Лидія, все оттого.

— Чѣмъ же это я неосторожна?

— Да какъ же, развѣ можно было гулять въ рощѣ и чай пить съ Ольгой?

— Почему же нельзя?—вызывающимъ тономъ спросила Лидія.

— Развѣ ты не знаешь, кто она? Ее нигдѣ не принимаютъ. И кланяться-то съ ней зазорно.

— Все это я знаю, но не понимаю, чѣмъ это она такъ провинилась? За что къ ней такъ относятся?

— За ейное поведеніе хорошее. Вѣдь она таскается съ Мауринымъ.

— То есть она любитъ его, ты хочешь сказать,—да кому же до этого дѣло?..

— Что ты говоришь, право: да чего ужь хуже этого? Потаскушка какая-то! И грѣхъ-то, грѣхъ какой, посуди!

— А у насъ нѣтъ грѣховъ? Мы-то развѣ святые?

— Извѣстно, всѣ грѣшные, да грѣхъ грѣху рознь.

— Еще бы! — насмѣшливо произнесъ Маркъ Васильевичъ, глядя въ окно:—обмануть ближняго, какъ сдѣлалъ твой Василій Ивановичъ, это не грѣхъ,—ахъ, вы, праведные!

Вѣра снисходительно улыбнулась.

— Неужто, папенька, по вашему одно другаго стоитъ. Вѣдь Василій Ивановичъ сдѣлалъ то, что другіе дѣлаютъ, купцы именитые и почтенные. Какой тутъ грѣхъ? это дѣло комерческое. Всякій свой разсчетъ наблюдаетъ.

— Ну, конечно, наставилъ муженекъ, что говорить,—желчно засмѣялся Маркъ Васильевичъ.

— Я и сама, папенька, понимаю, чего учить? Ты, Лидія—обратилась она къ сестрѣ,—не понимаешь, про что мы говоримъ?

— Я знаю все,—перебила Лидія,—и вполнѣ согласна съ папой, даже больше: по моему, Василій Ивановичъ поступилъ хуже, чѣмъ Ольга. Кромѣ ея самой, никому нѣтъ вреда отъ того, что она любитъ Маурина, а Василій Ивановичъ другимъ вредъ нанесъ.

— И никакого тутъ вреда нѣтъ! Ни вреда, ни позора... Сами же тѣ, съ которыми онъ дѣла велъ, знакомства съ нимъ не порвали. А тебѣ, Лидія, очень стыдно такъ говорить о Васильѣ Ивановичѣ,—обидчиво прибавила Вѣра:—онъ не чужой, и тебя принялъ ласково, уважительно, а ты вдругъ такъ... Чужіе не говорятъ того, что ты—своя. Послѣ этого, мнѣ и ходить къ тебѣ нечего, такъ ты меня обидѣла!

— Я вовсе не хотѣла тебя обижать,—сказала Лидія:—зачѣмъ ты такъ понимаешь мои слова?

— Да какъ же не обижаешь-то, если Василія Ивановича да съ гулящей Ольгой сравняла. И папенькины слова тоже обидны, ну, да онъ что же! А тебѣ-то совсѣмъ не слѣдъ бы было. Ты бы лучше за собой слѣдила, а Василья Ивановича нечего осуждать. Его всѣ честные люди одобряютъ.

— Честные, хороши честные!—замѣтилъ Маркъ Васильевичъ.

— А то что же, папенька, ужели безчестные? если и Филиповъ, и Огарковъ все нечестные, да кто же это честные-то?

— Кто?—быстро обернулся Маркъ Васильевичъ.—А тотъ, кто чужія деньги не заѣдаетъ, вотъ кто! А Огарковъ, который дважды банкротился, или Филиповъ, что сиротъ брата обобралъ... такъ ужь они такіе мерзавцы, какихъ поискать рѣдко...

Вѣру оздачили эти слова. Однако, помолчавши, она отвѣтила отцу:

— Въ торговомъ дѣлѣ, папенька, это часто случается. А про Филипова это, можетъ быть, все и враки. Долго ли облыжно обнести человѣка?

— Меня удивляетъ, Вѣра,—вмѣшалась Лидія:—отчего ты такъ снисходительна къ этимъ и неумолимо-сурова къ Ольгѣ. Вѣдь ея ты не знаешь?

— Да я и говорить-то объ этой поскудѣ больше не хочу,—произнесла Вѣра брезгливо,—и ты Лидія, ужь сердись, не сердись, а я прямо скажу: если будешь съ ней компанію вести, тебя никто принимать не станетъ. Да что никто?—Я и сестра родная, а тоже не приму, вотъ что!

— Вѣра!—раздался снизу голосъ Натальи Григорьевны.—Иди, Василій Ивановичъ домой собирается...

— Сейчасъ, маменька! Прощайте, папенька,—произнесла Вѣра

вставая.—Напрасно вы такъ приняли это къ сердцу. Только растревожились.

— Ну, ужь это мое дѣло,—перебилъ Маркъ Васильевичъ,—вы дѣлайте, какъ хотите, а я буду думать тоже, какъ хочу. Вѣдь я твоему муженьку ничего прямо не говорилъ, а если вы сами догадались, какъ я все принялъ... Ну, значитъ, знаетъ кошка, чье мясо съѣла.

— Прощай, Лидія,—промолвила она все еще обиженнымъ тономъ:—хоть ты и очень меня оскорбила, да что же? ты мнѣ старшая сестра. Богъ съ тобой, я не сержусь. А только отъ души скажу не знайся съ Ольгой, а то тебѣ худо будетъ. И то про тебя ужь въ городѣ говорятъ; смотри, какъ бы Мамонтовы не отказали.

У лѣстницы она обернулась и добавила насмѣшливо:—А ты что же, такъ и не хочешь повидать Василья Ивановича? Зазорно тебѣ?

— Мнѣ нездоровится. Поклонись ему отъ меня,—отвѣтила Лидія.

«Неужели въ самомъ дѣлѣ откажутъ мнѣ у Мамонтовыхъ?» подумала она. И отъ этой мысли ей стало не столько обидно, сколько грустно: въ самомъ дѣлѣ, если не будетъ и этихъ уроковъ, что она здѣсь будетъ дѣлать?

Углубленная въ эти мысли, она и не слыхала, что отвѣтила ей Вѣра.

XXII.

Мамонтовъ допивалъ уже чуть не восьмой стаканъ чаю, когда къ нему вдругъ обратилась Акулина Никифоровна, утирая платкомъ вспотѣвшее жирное лицо:

— А я, Лука Тихоновичъ, какъ ты хочешь, откажу сегодня этой скубенкѣ.

— Это почему?—удивился Мамонтовъ.—Что тебя такъ вдругъ укололо? Али опять насчетъ божественнаго сокрушенiе взяло?

— Гдѣ ужь тутъ божественное, когда... Матрешенька, Костенька, подьте отсюда. Напились, и подьте къ себѣ!

Матреша послушно сейчасъ же встала и вышла изъ столовой, но Костя, обладавшій любопытствомъ, смекнулъ, что его недаромъ удаляютъ, и попробовалъ найти предлогъ, чтобы остаться въ столовой.

— Я еще хочу чаю,—произнесъ онъ, подвигая матери чашку.

— Да что ты сколько цьешь сегодня: никакъ четыре чашки вылакалъ?

— Хочу еще,—повторилъ мальчикъ.

— Ну, ладно, я налью, а ты все таки подь. Я тебя ужò кликну.

Костя съ неудовольствіемъ вышелъ изъ столовой, но не пошелъ въ свою комнату, а остался въ гостинной, чтобы слышать разговоръ отца съ матерью.

— Ни за что я ее больше держать не буду, — произнесла Акулина Никифоровна, когда сынъ вышелъ: —она и Матрешеньку, и Костеньку съ пути собьетъ, всякимъ гадостямъ научитъ. Ужь какая это учительша — по рощамъ съ мужчинами шляется, да еще въ компаніи съ безпутною Ольгою.

Мамонтовъ внимательно выслушалъ жену.

— Да откуда ты все это взяла? — произнесъ онъ, когда она кончила:—не сорока ли тебѣ на хвостѣ принесла? Знаю я бабьё, что къ тебѣ шатается. Разведутъ бобы—только слушай. Прошлась, можетъ быть, она съ кѣмъ нибудь, вотъ и сочинили, а ты сейчасъ, спасенная душа, и отказать! Барышня она дѣльная. Смотри, какъ Матрешу обтесала. Умственности дѣвчонка набралась столько, что удивленье! Много ли времени-то прошло?

— Пущай все это такъ, Лука Тихоновичъ, да что и въ умственности, если она сама распутная.

— Да ты погоди такъ величать-то!—остановилъ Мамонтовъ:— чай, божественность-то не тому учитъ... Ты скажи мнѣ толкомъ: отъ кого все узнала?

— Да ужь отъ самаго вѣрнаго человѣка узнала, отъ такого человѣка, отъ котораго допрежъ о ней ничего, окромя похвалы, и не слышала. Знаешь Марью Кирилловну Сербину?

— Ну, знаю. Такъ она, что ли?

— Она самая.

Акулина Никифоровна передала мужу все, что узнала отъ Сербиной, которая не поскупилась ни на сильныя краски, ни на выдумку.

— Теперь, Лука Тихоновичъ,—закончила Мамонтова,—Таничку тетка и не пущаетъ къ Шерстобитовымъ. И скубенкѣ объявила, чтобы она ни ногой къ нимъ, потому-де разныхъ шлюхъ...

— Да будетъ тебѣ шлифовать-то ее, ужь слыхалъ... Только вотъ что: не вретъ ли она все, твоя Марья Кирилловна... можетъ, поругалась изъ-за чего съ Шерстобитихой; бабы—извѣстно: чуть что, сейчасъ и цапаться, ну, а потомъ пойдутъ костить и дочь, и внучку, и кто не родился, такъ и тому достанется.

— И, что ты, Лука Тихоновичъ! да нешто Марья Кирилловна такая, чтобы напраслину взводить на дѣвушку. Нѣтъ, это вѣрно. Да вѣдь и не одна она: послушай-ка, что въ городѣ говорятъ. Какъ это ты-то не слыхалъ ничего?

— Есть когда мнѣ слушать, что бабы звонятъ. Не очень-то я вѣрю ихнему звону.

— Ужь ты тамъ вѣрь, аль не вѣрь, — а я откажу. Я домъ нашъ соблюдаю, и вдругъ это у насъ такая учительша будетъ. Мараль какая! Ольгина подруженька, да дѣтей нашихъ обучаетъ... тьфу, гадость какая!

— Дѣлай, какъ знаешь,—махнулъ рукою Мамонтовъ:—отказывай, коли хочешь, а только жаль ее: учитъ ребятъ она ловко.

— И безъ нея не хуже обучатъ. Я вотъ вчерась учительшу здѣшнюю, Клавдію Александровну, встрѣтила. Пріѣхала отъ своихъ-то, она и будетъ обучать. Ее бы и надо было тогда подождать, да все этотъ Лебедевъ сбилъ тебя съ панталыку. А ужь Клавдія Александровна, можно сказать, рѣдкая дѣвушка: скромница, къ Богу прилежитъ... славная дѣвушка. Она какъ узнала все про скубенку, такъ даже руками всплеснула: вотъ, говоритъ, вамъ и питерская ученая. Она-то больше всего меня и надоумила,—спасибо ей.

Мамонтовъ поднялся.

— Такъ какъ же, Лука Тихоновичъ,—стало отказывать?

— Ужь сказано, дѣлай, какъ хочешь, да только смотри у меня, безъ рацей; не люблю я, какъ ты ко всѣмъ со своими наставленіями лѣзешь. Ишь какой попъ выискался. Шла бы въ церковь, да читала бы проповѣди, коли ужь такъ умна!

Онъ зѣвнулъ и, громко сопя, вышелъ изъ столовой. Мамонтовы пили утренній чай въ девять часовъ, а Лидія приходила на урокъ въ одиннадцать. Въ это же время пришла она и сегодня.

«Неужели, въ самомъ дѣлѣ, откажутъ?» — думала она дорогой. «Но за что же? И зачѣмъ тогда медлятъ, могли бы написать». Она тихо дернула за звонокъ. Какъ и всегда, ей отперла дверь дѣвочка-подростокъ. Съ учащенно-бьющимся сердцемъ Лидія стала подниматься по лѣстницѣ. Въ передней она сняла накидку, повѣсила вмѣстѣ съ зонтикомъ на вѣшалку и вошла въ залу, изъ которой черезъ гостинную надо было пройти въ столовую, гдѣ обыкновенно занимались. Въ гостинной ее встрѣтила Акулина Никифоровна. Лидія поклонилась ей и хотѣла пройти далѣе, но купчиха ее остановила.

и хотѣлось сказать: «Подлецъ ты, Василій Ивановичъ». Да жаль стало Вѣры и скандала заводить не хотѣлъ.

— Онъ обманулъ кого нибудь, папа?

— Да, ловко обманулъ: четвертакомъ за рубль разсчитался,— вотъ какъ!

Лидія широко-раскрытыми глазами посмотрѣла на отца.

— Неужели, папочка?

— Что, не вѣрится? Обошелъ онъ тебя своими сладкими рѣчами? И меня, милая, обошелъ, и я его любилъ и нахвалиться имъ не могъ, а вотъ теперь и кушай!

— Что же Вѣра, папа?

— Чего спрашивать? Слышала вѣдь, какъ разливается? Мужъ обѣщалъ новую бархатную шубку, да лошадей завести хочетъ,— какъ не радоваться! Теперь она вмѣстѣ съ матерью не нахвалится Василіемъ Ивановичемъ: вотъ, молъ, какая голова!

— Но какъ же, вѣдь у Василія Ивановича лавки, домъ?

— Были когда-то, теперь все на отца переведено, а тотъ, повременя, на Вѣру все переведетъ. Дѣло чисто обстроено. Эхъ, Лидуша, вотъ какіе люди-то, а ты хочешь правды да пощады для Ольги.

Маркъ Васильевичъ былъ возбужденъ и говорилъ такъ, какъ уже давно не говорилъ съ дочерью. Видно было, что «ловкое дѣльце» зятя сильно разстроило честнаго и прямаго старика. Онъ былъ радъ, что могъ высказаться по душѣ передъ дочерью, которая его любитъ и понимаетъ. Онъ говорилъ долго и, по мѣрѣ того какъ высказывался, тяжесть, давившая его сердце, уменьшалась и ему становилось легче.

Лидіи глубоко было жаль отца. «Бѣдный, — думала она:—не успѣлъ отъ одной исторіи успокоиться, а тутъ еще другая!».

— Но теперь ему, папа, никто не будетъ вѣрить? И какъ же онъ здѣсь останется?

— А что же ему? Это у нихъ въ комерческомъ мірѣ умной штукой называется. И вѣрить будутъ! Ты, Лидуша, ребенокъ въ этихъ вещахъ. Вы тамъ съ наукой все возитесь, съ идеалами разными, а здѣсь, милая, совсѣмъ другое, и мѣрка другая. Вотъ, если ты пойдешь къ Ольгѣ, такъ тебя съ грязью смѣшаютъ, а Василія Ивановича за его дѣльце только похвалятъ, а когда на рысакахъ-то поѣдетъ, такъ еще позавидуютъ. А вотъ, еслибы онъ честно расплатился, да ни съ чѣмъ остался, такъ всѣ бы отвернулись и дуракомъ назвали... Вотъ она, жизнь-то, Лидуша!

На лѣстницѣ послышались чьи-то шаги. Маркъ Васильевичъ

умолкъ. Лидія обернулась по направленію лѣстницы. Въ комнату вошла Вѣра.

— Ничего, что я къ тебѣ зашла?—сказала она:—я все ждала, что ты сойдешь внизъ... тутъ папенька ушелъ, а тебя все нѣтъ; я и зашла. Мы скоро и домой собираемся.

— Чего ты оправдываешься? — сказала Лидія, здороваясь съ сестрой,—садись.

— Я на минуту вѣдь только, — заявила Вѣра, присѣвъ. — Какъ живешь? Что это ты давно у насъ не была? — проговорила она, оправляя шолковое платье.

— Некогда было... Впрочемъ, ты вѣдь навѣрное все знаешь,— сказала Лидія, пытливо глядя на сестру.

— Да, я слышала,—отвѣтила та:—у тебя исторія вышла съ Марьей Кирилловной. Неосторожна ты, Лидія, все оттого.

— Чѣмъ же это я неосторожна?

— Да какъ же, развѣ можно было гулять въ рощѣ и чай пить съ Ольгой?

— Почему же нельзя?—вызывающимъ тономъ спросила Лидія.

— Развѣ ты не знаешь, кто она? Ее нигдѣ не принимаютъ. И кланяться-то съ ней зазорно.

— Все это я знаю, но не понимаю, чѣмъ это она такъ провинилась? За что къ ней такъ относятся?

— За ейное поведеніе хорошее. Вѣдь она таскается съ Мауринымъ.

— То есть она любитъ его, ты хочешь сказать,—да кому же до этого дѣло?..

— Что ты говоришь, право: да чего ужь хуже этого? Потаскушка какая-то! И грѣхъ-то, грѣхъ какой, посуди!

— А у насъ нѣтъ грѣховъ? Мы-то развѣ святые?

— Извѣстно, всѣ грѣшные, да грѣхъ грѣху рознь.

— Еще бы! — насмѣшливо произнесъ Маркъ Васильевичъ, глядя въ окно:—обмануть ближняго, какъ сдѣлалъ твой Василій Ивановичъ, это не грѣхъ,—ахъ, вы, праведные!

Вѣра снисходительно улыбнулась.

— Неужто, папенька, по вашему одно другаго стоитъ. Вѣдь Василій Ивановичъ сдѣлалъ то, что другіе дѣлаютъ, купцы именитые и почтенные. Какой тутъ грѣхъ? это дѣло комерческое. Всякій свой разсчетъ наблюдаетъ.

— Ну, конечно, наставилъ муженекъ, что говорить,—желчно засмѣялся Маркъ Васильевичъ.

— Я и сама, папенька, понимаю, чего учить? Ты, Лидія—обратилась она къ сестрѣ,—не понимаешь, про что мы говоримъ?

— Я знаю все,—перебила Лидія,—и вполнѣ согласна съ папой, даже больше: по моему, Василій Ивановичъ поступилъ хуже, чѣмъ Ольга. Кромѣ ея самой, никому нѣтъ вреда отъ того, что она любитъ Маурина, а Василій Ивановичъ другимъ вредъ нанесъ.

— И никакого тутъ вреда нѣтъ! Ни вреда, ни позора... Сами же тѣ, съ которыми онъ дѣла велъ, знакомства съ нимъ не порвали. А тебѣ, Лидія, очень стыдно такъ говорить о Васильѣ Ивановичѣ,—обидчиво прибавила Вѣра:—онъ не чужой, и тебя принялъ ласково, уважительно, а ты вдругъ такъ... Чужіе не говорятъ того, что ты—своя. Послѣ этого, мнѣ и ходить къ тебѣ нечего, такъ ты меня обидѣла!

— Я вовсе не хотѣла тебя обижать,—сказала Лидія:—зачѣмъ ты такъ понимаешь мои слова?

— Да какъ же не обижаешь-то, если Василія Ивановича да съ гулящей Ольгой сравняла. И папенькины слова тоже обидны, ну, да онъ что же! А тебѣ-то совсѣмъ не слѣдъ бы было. Ты бы лучше за собой слѣдила, а Василья Ивановича нечего осуждать. Его всѣ честные люди одобряютъ.

— Честные, хороши честные!—замѣтилъ Маркъ Васильевичъ.

— А то что же, папенька, ужели безчестные? если и Филиповъ, и Огарковъ все нечестные, да кто же это честные-то?

— Кто?—быстро обернулся Маркъ Васильевичъ.—А тотъ, кто чужія деньги не заѣдаетъ, вотъ кто! А Огарковъ, который дважды банкротился, или Филиповъ, что сиротъ брата обобралъ... такъ ужь они такіе мерзавцы, какихъ поискать рѣдко...

Вѣру оздачили эти слова. Однако, помолчавши, она отвѣтила отцу:

— Въ торговомъ дѣлѣ, папенька, это часто случается. А про Филипова это, можетъ быть, все и враки. Долго ли облыжно обнести человѣка?

— Меня удивляетъ, Вѣра,—вмѣшалась Лидія:—отчего ты такъ снисходительна къ этимъ и неумолимо-сурова къ Ольгѣ. Вѣдь ея ты не знаешь?

— Да я и говорить-то объ этой поскудѣ больше не хочу,—произнесла Вѣра брезгливо,—и ты Лидія, ужь сердись, не сердись, а я прямо скажу: если будешь съ ней компанію вести, тебя никто принимать не станетъ. Да что никто?—Я и сестра родная, а тоже не приму, вотъ что!

— Вѣра!—раздался снизу голосъ Натальи Григорьевны.—Иди, Василій Ивановичъ домой собирается...

— Сейчасъ, маменька! Прощайте, папенька,—произнесла Вѣра

вставая.—Напрасно вы такъ приняли это къ сердцу. Только растревожились.

— Ну, ужь это мое дѣло,—перебилъ Маркъ Васильевичъ,—вы дѣлайте, какъ хотите, а я буду думать тоже, какъ хочу. Вѣдь я твоему муженьку ничего прямо не говорилъ, а если вы сами догадались, какъ я все принялъ... Ну, значитъ, знаетъ кошка, чье мясо съѣла.

— Прощай, Лидія,—промолвила она все еще обиженнымъ тономъ:—хоть ты и очень меня оскорбила, да что же? ты мнѣ старшая сестра. Богъ съ тобой, я не сержусь. А только отъ души скажу не знайся съ Ольгой, а то тебѣ худо будетъ. И то про тебя ужь въ городѣ говорятъ; смотри, какъ бы Мамонтовы не отказали.

У лѣстницы она обернулась и добавила насмѣшливо:—А ты что же, такъ и не хочешь повидать Василья Ивановича? Зазорно тебѣ?

— Мнѣ нездоровится. Поклонись ему отъ меня,—отвѣтила Лидія.

«Неужели въ самомъ дѣлѣ откажутъ мнѣ у Мамонтовыхъ?» подумала она. И отъ этой мысли ей стало не столько обидно, сколько грустно: въ самомъ дѣлѣ, если не будетъ и этихъ уроковъ, что она здѣсь будетъ дѣлать?

Углубленная въ эти мысли, она и не слыхала, что отвѣтила ей Вѣра.

XXII.

Мамонтовъ допивалъ уже чуть не восьмой стаканъ чаю, когда къ нему вдругъ обратилась Акулина Никифоровна, утирая платкомъ вспотѣвшее жирное лицо:

— А я, Лука Тихоновичъ, какъ ты хочешь, откажу сегодня этой скубенкѣ.

— Это почему?—удивился Мамонтовъ.—Что тебя такъ вдругъ укололо? Али опять насчетъ божественнаго сокрушенiе взяло?

— Гдѣ ужь тутъ божественное, когда... Матрешенька, Костенька, подьте отсюда. Напились, и подьте къ себѣ!

Матреша послушно сейчасъ же встала и вышла изъ столовой, но Костя, обладавшій любопытствомъ, смекнулъ, что его недаромъ удаляютъ, и попробовалъ найти предлогъ, чтобы остаться въ столовой.

— Я еще хочу чаю,—произнесъ онъ, подвигая матери чашку.

— Да что ты сколько пьешь сегодня: никакъ четыре чашки вылакалъ?

— Хочу еще,—повторилъ мальчикъ.

— Ну, ладно, я налью, а ты все таки подь. Я тебя ужò кликну.

Костя съ неудовольствіемъ вышелъ изъ столовой, но не пошелъ въ свою комнату, а остался въ гостинной, чтобы слышать разговоръ отца съ матерью.

— Ни за что я ее больше держать не буду, — произнесла Акулина Никифоровна, когда сынъ вышелъ: —она и Матрешеньку, и Костеньку съ пути собьетъ, всякимъ гадостямъ научитъ. Ужь какая это учительша — по рощамъ съ мужчинами шляется, да еще въ компаніи съ безпутною Ольгою.

Мамонтовъ внимательно выслушалъ жену.

— Да откуда ты все это взяла? — произнесъ онъ, когда она кончила:—не сорока ли тебѣ на хвостѣ принесла? Знаю я бабьё, что̀ къ тебѣ шатается. Разведутъ бобы—только слушай. Прошлась, можетъ быть, она съ кѣмъ нибудь, вотъ и сочинили, а ты сейчасъ, спасенная душа, и отказать! Барышня она дѣльная. Смотри, какъ Матрешу обтесала. Умственности дѣвчонка набралàсь столько, что удивленье! Много ли времени-то прошло?

— Пущай все это такъ, Лука Тихоновичъ, да что и въ умственности, если она сама распутная.

— Да ты погоди такъ величать-то!—остановилъ Мамонтовъ:—чай, божественность-то не тому учитъ... Ты скажи мнѣ толкомъ: отъ кого все узнала?

— Да ужь отъ самаго вѣрнаго человѣка узнала, отъ такого человѣка, отъ котораго допрежъ о ней ничего, окромя похвалы, и не слышала. Знаешь Марью Кирилловну Сербину?

— Ну, знаю. Такъ она, что ли?

— Она самая.

Акулина Никифоровна передала мужу все, что̀ узнала отъ Сербиной, которая не поскупилась ни на сильныя краски, ни на выдумку.

— Теперь, Лука Тихоновичъ,—закончила Мамонтова,—Таничку тетка и не пущаетъ къ Шерстобитовымъ. И скубенкѣ объявила, чтобы она ни ногой къ нимъ, потому-де разныхъ шлюхъ...

— Да будетъ тебѣ шлифовать-то ее, ужь слыхалъ... Только вотъ что: не вретъ ли она все, твоя Марья Кирилловна... можетъ, поругалась изъ-за чего съ Шерстобитихой; бабы—извѣстно: чуть что, сейчасъ и цапàться, ну, а потомъ пойдутъ костить и дочь, и внучку, и кто не родился, такъ и тому достанется.

ворить о чемъ нибудь. Онъ боялся, что съ нимъ заговорятъ о томъ, что̀ ему непріятно, о чемъ ему не хочется и больно говорить. И онъ имѣлъ основаніе думать такъ. Сплетня о Лидіи росла, переходя изъ устъ въ уста. Скучавшія кумушки обрадовались возможности «почесать языки». Старалась не одна Сербина, обиженная Натальей Григорьевной, но и Даша съ маменькой, и даже тѣ, которые не знали совсѣмъ Лидіи. Даша помирилась съ Сачковымъ, который съумѣлъ оправдаться и представить себя въ выгодномъ для него свѣтѣ, причемъ, конечно, не поскупился на вымыселъ. По его словамъ, Лидія нарочно говорила всѣмъ, что она за него не выдетъ, а на самомъ дѣлѣ чуть не сама навязывалась ему въ жены. Онъ не отрицалъ, что дѣйствительно увлекся ею, и дѣлалъ намеки, что дѣло могло пойти гораздо дальше поцѣлуевъ, но онъ не захотѣлъ губить дѣвушки, жалѣя ее и уважая ея отца. Отказъ отъ уроковъ у Мамонтовыхъ сталъ скоро извѣстенъ всѣмъ и какъ бы подтвердилъ справедливость ходившихъ слуховъ. Явилась на сценѣ собака съ семью головами. Начали утверждать, что Лидія въ связи съ Мауринымъ. Нашлась какая-то кумушка, которая клялась, что она видѣла «собственными своими глазыньками», какъ Лидія сидѣла съ нимъ поздно вечеромъ на бульварѣ и цѣловалась. Ходилъ еще и другой слухъ, что Лидія «въ амурахъ» съ Лебедевымъ. Говорили все, что̀ приходило въ голову, что̀ могли выдумать. Не только кумушки, но и «интеллигентныя» барыни избрали Лидію предметомъ своихъ разговоровъ и также рѣзко нападали на нее. Даже генералъ Паренцовъ, когда дошла до него вѣсть, воспылалъ гнѣвомъ. Онъ былъ теперь увѣренъ, что Шерстобитовы хотѣли его завлечь, чтобы обманомъ женить на своей «развратной дочкѣ». Какъ? Чтобы онъ, въ его чинѣ, покрывалъ чужой грѣхъ? О-о-о! Онъ стучалъ палкой и скрежеталъ вставными зубами. При встрѣчѣ съ Маркомъ Васильевичемъ, онъ хотѣлъ высказать ему свое негодованіе, но нашелъ это для себя унизительнымъ и только пренебрежительно отвернулся отъ Шерстобитова. Вѣроятно, находились люди, которые не вѣрили сплетнѣ вполнѣ, но болѣе или менѣе всѣ были предубѣждены противъ Лидіи. Маркъ Васильевичъ не ошибся: городской голова на отрѣзъ отказалъ дѣвушкѣ въ мѣстѣ.

— Я не знаю,—правда ли все,—уклончиво произнесъ онъ,—но когда ходятъ такіе слухи по всему городу—я не могу. Знаете нашего инспектора—недолго нажить непріятность! Да и сами родители могутъ выразить неудовольствіе.

Люди какъ-то странно устроены: нерѣдко самый добрый че-

— Погодите, барышня. Туда вамъ идти не по что. У насъ уже другая на мѣсто васъ взята.

— Другая? Это почему же?—дрогнувшимъ голосомъ проговорила Лидія.—Я вѣдь пропустила всего три урока.

— Да что уроки,—широко осклабясь, возразила Мамонтова:—и не три бы,—такъ не важность... а потому, стало, что ваше поведенье... Слава дурная о васъ пошла, а какъ нашъ домъ...

Лидія почувствовала, что кровь бросилась ей въ лицо. «Права Вѣра», мелькнуло въ ея умѣ. Она быстро повернулась и пошла къ выходу съ тяжелымъ чувствомъ на сердцѣ.

— Деньги-то ваши возьмите, — крикнула ей вслѣдъ купчиха, но Лидія не слыхала; машинально надѣла она накидку и вышла на лѣстницу. Ее догнала дѣвочка и вручила деньги. Не глядя на нихъ, какъ бы не отдавая отчета, что она дѣлаетъ, Лидія скомкала бумажки и сунула въ карманъ платья. Лицо ея горѣло, въ вискахъ стучало, и одна и та же мысль неотвязно билась въ мозгу: «зачѣмъ же, зачѣмъ оставаться теперь здѣсь?» Она шла долго, никого не замѣчая, чувствуя необходимость въ физическомъ движеніи. Она два раза прошла всю набережную, съ наслажденіемъ подставляя свѣжему вѣтерку свое пылавшее лицо, повернула налѣво и черезъ нѣсколько минутъ очутилась на бульварѣ. На одной изъ скамеекъ сидѣлъ Сачковъ съ товарищемъ по службѣ. Они сидѣли около часа, куря и болтая.

— Послушай, неужели у тебя все расклеилось съ Ильиной?—спросилъ вдругъ товарищъ.

— Да ничего особеннаго и не клеилось,—отвѣтилъ Сачковъ, затаптывая ногой брошенную папиросу.

— Какъ ничего? Всѣ говорили, что ты женишься.

— Мало ли что говорятъ!

— Полно тебѣ врать. Это все тебя ученая съ толку сбила. Неужто ты въ сурьезъ въ нее влюбился?

— А тебѣ какое дѣло? Развѣ не все равно?

— По мнѣ, все равно, да только, что ты въ ней нашелъ, скажи на милость? Право, Даша лучше, а ужь насчетъ капиталовъ и говорить нечего.

— Не все деньги. Въ женѣ и другое что важно. Много значитъ, если она образована, всякій разговоръ можетъ вести. Я хочу, чтобы жена моя могла домъ какъ слѣдуетъ поставить.

— Домъ поставить! Да что ты за важный баринъ и какой такой домъ? Съ кѣмъ ей разговоры ученые вести? Зачѣмъ тебѣ все это—не понимаю!

— А я понимаю,—отвѣтилъ Сачковъ.—Придись что похло-

винила мужа и сквозь слезы шептала про себя: «говорила, что погубитъ, ну, вотъ!» Но она не смѣла сказать ему этого и даже старалась, чтобы онъ не видѣлъ ея слезъ. Лидія начала изрѣдка спускаться внизъ. Съ обѣихъ сторонъ не было сказано ни полслова о примиреніи. Установились какія-то неопредѣленныя, натянутыя отношенія: Лидія здоровалась съ матерью, отвѣчала на ея вопросы, и сейчасъ же послѣ чая и обѣда уходила къ себѣ на верхъ. Разъ какъ-то Наталья Григорьевна не выдержала и намекнула о ссорѣ, съ цѣлью вызвать дочь на полное примиреніе, но дѣвушка уклонилась отъ объясненій и ушла къ себѣ. Сергѣй показывался рѣдко. Онъ даже обѣдалъ дома, за все это время, только два раза. Онъ ничего не говорилъ съ сестрой и только бросалъ на нее взгляды, полные ненависти, и какъ-то загадочно улыбался. Въ другое время, Маркъ Васильевичъ обратилъ бы вниманіе на отсутствіе сына, а теперь уже и не спрашивалъ, почему его нѣтъ. Онъ или не замѣчалъ его совсѣмъ, или былъ даже доволенъ, что его не видно. Такъ прошло еще болѣе недѣли. Лидія ни за что не могла приняться, ей ничего не хотѣлось дѣлать. Томительно-тяжело тянулся для нея день за днемъ. Она чувствовала, что такъ продолжаться не можетъ, что подобная жизнь сведетъ ее съ ума. Но что же предстояло дальше? Развѣ не то же самое? Пусть со временемъ сплетня уляжется, все утихнетъ, но не это главнымъ образомъ и безпокоило Лидію. Что было ей здѣсь дѣлать? Ждать жениха? задавала она себѣ вопросъ. И какъ ни тяжело у нея было на душѣ, она не могла удержаться отъ улыбки. Она ѣхала не для того,—она хотѣла работать, а если нельзя, такъ зачѣмъ же оставаться? Семейныя отношенія стали невыносимы. Конечно, и они со временемъ также измѣнятся, но атмосфера останется та же, а въ этой атмосферѣ дѣвушка задыхалась. Она поняла теперь ясно, что всѣ ея мечты были ошибочны: она и мать—два противоположные полюса, и между матерью и ею лежитъ такая пропасть, черезъ которую не перекинуть соединяющей доски никакой любовью, никакой уступчивостью. Надо ей, Лидіи, совсѣмъ покориться, чтобы въ семьѣ царствовалъ миръ, чтобы уѣздное болото не волновалось. Покориться! Но что это значитъ?—Жить мыслями Натальи Григорьевны и другихъ ей подобныхъ, быть идеальной дѣвицей по понятіямъ грязноводскихъ кумушекъ, выйти за Сачкова, за Паренцова или за какого нибудь мѣстнаго чиновника, няньчиться съ дѣтьми, стряпать, собирать у себя гостей и ходить въ гости, сплетничать съ ними? Подавить всѣ свои стремленія къ наукѣ, заглушить жажду осмысленной жизни, забыть то, что долгіе годы

составляло лучшую мечту души? Это ли значитъ покориться? Но такой покорности Лидія не понимала, не была способна на нее, и согласилась бы лучше умереть, чѣмъ облечь себя на жалкое прозябанье въ стоячемъ болотѣ. Въ ней еще было много силъ, желанія испытать жизнь труда, борьбы; она рвалась къ свѣту, ей была противна эта тишь, чуждая всякихъ умственныхъ интересовъ, полная пошлаго мѣщанскаго довольства. Семья! Но одинъ братъ отравлялъ бы всякую минуту; мать ей была далека. Только отецъ ближе другихъ, но вѣдь одинъ онъ не можетъ замѣнить всего, не дастъ полноты жизни, того счастья, котораго жаждала ея молодая душа. Онъ любитъ ее, и она его любитъ. Но эта любовь останется и тогда, когда они будутъ врозь. И, конечно, отцу отраднѣе знать, что она счастлива вдали отъ него, чѣмъ видѣть ея мученія здѣсь, съ нимъ.

Она не забыла, что какъ-то разъ отецъ сказалъ ей:—«вотъ, познакомишься съ кѣмъ нибудь изъ образованныхъ людей здѣшнихъ и меньше будетъ томить скука»... Но съ кѣмъ же? Не съ городскимъ ли докторомъ, который «на бѣгу» заглядываетъ въ больницу и въ картахъ съ выпивкой видитъ все благо жизни? Не съ тѣмъ ли учителемъ, про котораго говорятъ, что онъ готовъ калоши надѣвать начальству, лишь бы выслужиться? Вся эта «интеллигенція» или пьетъ, или сражается на зеленомъ полѣ. Можетъ быть, когда-то и жили другими интересами эти люди, но они давно плесенью покрылись, ушли всѣ въ «утробные интересы», какъ выражается Веригинъ... Такъ думала Лидія, и чѣмъ болѣе она думала, тѣмъ сильнѣе крѣпло ея рѣшеніе—уѣхать въ Петербургъ.

Было уже десять часовъ. Лидія полюбила за послѣднее время свой садикъ и просиживала въ немъ цѣлые вечера. Она и теперь отправилась туда посидѣть на скамьѣ, подышать запахомъ цвѣтовъ, подумать, помечтать. Въ домѣ всѣ спали. Маркъ Васильевичъ чувствовалъ себя сегодня очень усталымъ и легъ рано; Наталья Григорьевна вообще не любила ложиться поздно. На улицѣ царила глубокая тишина. Лидія прошла въ садъ и сѣла на скамью, подъ акаціями. Не минуло и четверти часа, какъ вдругъ кто-то окликнулъ ее съ улицы. Она вздрогнула и, движимая безотчетнымъ чувствомъ страха, быстро поднялась съ мѣста.

— Кто тамъ?—спросила она нетвердымъ голосомъ, устремляя взглядъ по направленію къ рѣшеткѣ палисадника.

— Это я, Ольга,—отвѣтилъ голосъ изъ-за рѣшетки.—Простите! я, кажется, испугала васъ?

— Нѣтъ, ничего. Что вамъ надо, Ольга Петровна? Проходите сюда.

— Можно?

— Проходите, я одна. Всѣ уже спятъ.

Ольга несмѣло, точно крадучись, прошла въ садикъ.

— Извините, что я такъ поздно... я уже не думала и увидѣть васъ, да все таки пошла.

Она присѣла. Лидія замѣтила, что Ольга сильно взволнована.

— Что съ вами? — спросила она участливо. — Случилось что нибудь?

— Со мной ничего... я пришла васъ предупредить,—отвѣтила Ольга: — я только сейчасъ узнала. Не спрашивайте отъ кого, я не могу сказать... но я навѣрно узнала, и побѣжала сюда.

— Вы говорите: предупредить мена? — произнесла Лидія, и почувствовала также какую-то внутреннюю дрожь, боясь, сама не зная чего.

— Да, васъ.

Ольга видимо затруднялась.

— Да говорите же, что такое? — нетерпѣливо произнесла Лидія.

Ольга глубоко вздохнула, какъ бы набирая въ легкія больше воздуха, и вдругъ рѣшительно промолвила:

— Ваши ворота хотятъ вымазать дегтемъ!

— Дегтемъ... ворота? это кто же... зачѣмъ?—проговорила Лидія, медленно отдѣляя каждое слово.

Она была удивлена и хотя ничего не понимала изъ того, что сказала Ольга, но сердце ея вдругъ упало, какъ бы предчувствуя что-то ужасное.

— Кто, спрашиваете вы? Сачковъ съ помощью... вашего брата!

— Какъ, Сергѣя?

— Да, да, я не буду скрывать.

— Но зачѣмъ же?

— Вы не знаете?

— Не знаю.

— Ахъ, Лидія Марковна...

Она помолчала и въ возможно-мягкихъ выраженіяхъ объяснила Лидіи, что ворота мажутъ у тѣхъ, кого хотятъ заклеймить, ну... какъ напримѣръ, клеймятъ ее, Ольгу.

— Развѣ у васъ мазали? — спросила Лидія.

— У меня нѣтъ,—невольно улыбнулась она наивному вопросу.— Это дѣлаютъ изъ мести. На васъ золъ Сачковъ.

Лидія сидѣла блѣдная, уронивъ руки на колѣни. Все, что она перечувствовала въ эти минуты, едва ли можно передать словами. «Сергѣй, братъ, заодно»... Она знала, что онъ ея не любитъ, но

но ли было ожидать всего этого! Теперь все, все погибло. Мы никогда не увидимся. Тетя ужасно сердится, при ней нельзя ничего сказать про тебя, слышать о тебѣ не хочетъ, и маму твою ужасъ какъ бранитъ. Не думай, что я все разсказала. Самъ дядя узналъ отъ кого-то, на другое же утро. Лидочка, милая, не сердись на меня! Что бы ни было, я всегда, всегда по прежнему буду тебя любить. Я вчера тихонько отъ всѣхъ вынула твою карточку и цѣловала ее; цѣловала и плакала. Господи, да что же это: неужели никогда, никогда мы не увидимся? Ты уѣдешь, пожалуй.. И все это черезъ катанье, все Лебедевъ виноватъ. Не попадись онъ, мы бы не поѣхали. Голубчикъ-Лидуша, не кланяйся съ Ольгой при встрѣчѣ; знаешь, какъ на нее всѣ смотрятъ. Ахъ, намъ бы слѣдовало тогда уѣхать сейчасъ же. Пишу тебѣ украдкой. Раньше никакъ не могла. Я сегодня поймала Мишутку; вмѣсто матери, онъ носитъ намъ иногда бублики. Я обѣщала ему гривенникъ, если онъ передастъ тебѣ письмо. Онъ завтра опять придетъ и я передамъ ему письмо. Милуша! Цѣлую тебя безъ числа, не забывай любящую тебя Таню».

— Милая,—промолвила Лидія, прочитавъ письмо и кладя его на столъ.—И тоже совѣтуетъ избѣгать Ольги!

Она горько улыбнулась, вздохнула и произнесла вслухъ: «да развѣ теперь не все равно? Еще этотъ Сачковъ:—чѣмъ онъ угрожаетъ мнѣ? Папа просилъ остаться. Зачѣмъ теперь? Мѣста здѣсь мнѣ навѣрное не дадутъ; что же я буду дѣлать? Нѣтъ, надо серьезно поговорить съ папой».

Она сѣла, взяла опять со стола письмо Тани и снова стала читать его.

«Милая, бѣдная дѣвочка!—думала она, читая,—тебѣ не легко, и я всему виной, а отъ тебя ни одного упрека, еще ты же просишь не сердиться, какъ будто ты виновата. Какъ, однако, ты любишь меня!»

Лидію растрогало письмо, и невольныя слезы увлажнили ея глаза.

XXIII.

Марка Васильевича нельзя было узнать. Онъ какъ-то осунулся, похудѣлъ; лицо его потемнѣло, словно онъ перенесъ тяжкую болѣзнь. Онъ ходилъ согнувшись, на улицѣ часто не замѣчалъ знакомыхъ, а если и замѣчалъ, то, поклонившись, спѣшилъ скорѣе пройти мимо, а не останавливался, какъ прежде, пого-

ворить о чемъ нибудь. Онъ боялся, что съ нимъ заговорятъ о томъ, что̀ ему непріятно, о чемъ ему не хочется и больно говорить. И онъ имѣлъ основаніе думать такъ. Сплетня о Лидіи росла, переходя изъ устъ въ уста. Скучавшія кумушки обрадовались возможности «почесать языки». Старалась не одна Сербина, обиженная Натальей Григорьевной, но и Даша съ маменькой, и даже тѣ, которые не знали совсѣмъ Лидіи. Даша помирилась съ Сачковымъ, который съумѣлъ оправдаться и представить себя въ выгодномъ для него свѣтѣ, причемъ, конечно, не поскупился на вымыселъ. По его словамъ, Лидія нарочно говорила всѣмъ, что она за него не выдетъ, а на самомъ дѣлѣ чуть не сама навязывалась ему въ жены. Онъ не отрицалъ, что дѣйствительно увлекся ею, и дѣлалъ намеки, что дѣло могло пойти гораздо дальше поцѣлуевъ, но онъ не захотѣлъ губить дѣвушки, жалѣя ее и уважая ея отца. Отказъ отъ уроковъ у Мамонтовыхъ сталъ скоро извѣстенъ всѣмъ и какъ бы подтвердилъ справедливость ходившихъ слуховъ. Явилась на сценѣ собака съ семью головами. Начали утверждать, что Лидія въ связи съ Мауринымъ. Нашлась какая-то кумушка, которая клялась, что она видѣла «собственными своими глазыньками», какъ Лидія сидѣла съ нимъ поздно вечеромъ на бульварѣ и цѣловалась. Ходилъ еще и другой слухъ, что Лидія «въ амурахъ» съ Лебедевымъ. Говорили все, что̀ приходило въ голову, что̀ могли выдумать. Не только кумушки, но и «интеллигентныя» барыни избрали Лидію предметомъ своихъ разговоровъ и также рѣзко нападали на нее. Даже генералъ Паренцовъ, когда дошла до него вѣсть, воспылалъ гнѣвомъ. Онъ былъ теперь увѣренъ, что Шерстобитовы хотѣли его завлечь, чтобы обманомъ женить на своей «развратной дочкѣ». Какъ? Чтобы онъ, въ его чинѣ, покрывалъ чужой грѣхъ? О-о-о! Онъ стучалъ палкой и скрежеталъ вставными зубами. При встрѣчѣ съ Маркомъ Васильевичемъ, онъ хотѣлъ высказать ему свое негодованіе, но нашелъ это для себя унизительнымъ и только пренебрежительно отвернулся отъ Шерстобитова. Вѣроятно, находились люди, которые не вѣрили сплетнѣ вполнѣ, но болѣе или менѣе всѣ были предубѣждены противъ Лидіи. Маркъ Васильевичъ не ошибся: городской голова на отрѣзъ отказалъ дѣвушкѣ въ мѣстѣ.

— Я не знаю,—правда ли все,—уклончиво произнесъ онъ,—но когда ходятъ такіе слухи по всему городу—я не могу. Знаете нашего инспектора—недолго нажить непріятность! Да и сами родители могутъ выразить неудовольствіе.

Люди какъ-то странно устроены: нерѣдко самый добрый че-

всемъ.—Прости меня, я тебя обидѣла. Можетъ быть, черезъ мена и уѣзжаешь. Не обвиняй мать, добра вѣдь я желала... Родная, голубушка.

Съ ней сдѣлалось дурно. Пришлось приводить Наталью Григорьевну въ чувство; пока хлопотали около нея, раздался второй звонокъ. Надо было спѣшить садиться въ вагонъ. Въ этотъ моментъ, къ Лидіи подошелъ проститься братъ. Онъ показался ей такимъ гадкимъ, что она нѣсколько замедлила, подавая ему руку. Она пристально посмотрѣла на брата и, едва прикасаясь своей рукой къ его рукѣ, тихо шепнула ему:

— Я все знаю.

Сергѣй въ первый разъ на минуту какъ бы смутился отъ словъ сестры,—но только на минуту. Обычная насмѣшливо-нахальная улыбка опять появилась на его губахъ, когда онъ отошелъ отъ сестры. Отецъ и мать вмѣстѣ съ Лидіей вошли въ вагонъ, но имъ пришлось очень недолго пробыть тамъ.

— Провожающіе, выходите,—раздался голосъ кондуктора.

Поѣздъ тронулся. Лидія стояла у окна и кланялась, улыбаясь сквозь слезы. Маркъ Васильевичъ и Наталья Григорьевна шли рядомъ съ вагономъ, пока продолжалась платформа. Поѣздъ пошелъ скорѣе и скорѣе—и вотъ наконецъ совсѣмъ скрылся изъ виду. А Маркъ Васильевичъ все продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ, устремивъ взглядъ вдаль, откуда еще виднѣлся дымокъ отъ паровоза, увозившаго ту, которая была для него свѣтомъ и радостью въ жизни.

А. Кругловъ.

Конецъ.

винила мужа и сквозь слезы шептала про себя: «говорила, что погубитъ, ну, вотъ!» Но она не смѣла сказать ему этого и даже старалась, чтобы онъ не видѣлъ ея слезъ. Лидія начала изрѣдка спускаться внизъ. Съ обѣихъ сторонъ не было сказано ни полслова о примиреніи. Установились какія-то неопредѣленныя, натянутыя отношенія: Лидія здоровалась съ матерью, отвѣчала на ея вопросы, и сейчасъ же послѣ чая и обѣда уходила къ себѣ на верхъ. Разъ какъ-то Наталья Григорьевна не выдержала и намекнула о ссорѣ, съ цѣлью вызвать дочь на полное примиреніе, но дѣвушка уклонилась отъ объясненій и ушла къ себѣ. Сергѣй показывался рѣдко. Онъ даже обѣдалъ дома, за все это время, только два раза. Онъ ничего не говорилъ съ сестрой и только бросалъ на нее взгляды, полные ненависти, и какъ-то загадочно улыбался. Въ другое время, Маркъ Васильевичъ обратилъ бы вниманіе на отсутствіе сына, а теперь уже и не спрашивалъ, почему его нѣтъ. Онъ или не замѣчалъ его совсѣмъ, или былъ даже доволенъ, что его не видно. Такъ прошло еще болѣе недѣли. Лидія ни за что не могла приняться, ей ничего не хотѣлось дѣлать. Томительно-тяжело тянулся для нея день за днемъ. Она чувствовала, что такъ продолжаться не можетъ, что подобная жизнь сведетъ ее съ ума. Но что же предстояло дальше? Развѣ не то же самое? Пусть со временемъ сплетня уляжется, все утихнетъ, но не это главнымъ образомъ и безпокоило Лидію. Что было ей здѣсь дѣлать? Ждать жениха? задавала она себѣ вопросъ. И какъ ни тяжело у нея было на душѣ, она не могла удержаться отъ улыбки. Она ѣхала не для того,—она хотѣла работать, а если нельзя, такъ зачѣмъ же оставаться? Семейныя отношенія стали невыносимы. Конечно, и они со временемъ также измѣнятся, но атмосфера останется та же, а въ этой атмосферѣ дѣвушка задыхалась. Она поняла теперь ясно, что всѣ ея мечты были ошибочны: она и мать—два противоположные полюса, и между матерью и ею лежитъ такая пропасть, черезъ которую не перекинуть соединяющей доски никакой любовью, никакой уступчивостью. Надо ей, Лидіи, совсѣмъ покориться, чтобы въ семьѣ царствовалъ миръ, чтобы уѣздное болото не волновалось. Покориться! Но что это значитъ?—Жить мыслями Натальи Григорьевны и другихъ ей подобныхъ, быть идеальной дѣвицей по понятіямъ грязноводскихъ кумушекъ, выйти за Сачкова, за Паренцова или за какого нибудь мѣстнаго чиновника, няньчиться съ дѣтьми, стряпать, собирать у себя гостей и ходить въ гости, сплетничать съ ними? Подавить всѣ свои стремленія къ наукѣ, заглушить жажду осмысленной жизни, забыть то, что долгіе годы

составляло лучшую мечту души? Это ли значитъ покориться? Но такой покорности Лидія не понимала, не была способна на нее, и согласилась бы лучше умереть, чѣмъ облечь себя на жалкое прозябанье въ стоячемъ болотѣ. Въ ней еще было много силъ, желанія испытать жизнь труда, борьбы; она рвалась къ свѣту, ей была противна эта тишь, чуждая всякихъ умственныхъ интересовъ, полная пошлаго мѣщанскаго довольства. Семья! Но одинъ братъ отравлялъ бы всякую минуту; мать ей была далека. Только отецъ ближе другихъ, но вѣдь одинъ онъ не можетъ замѣнить всего, не дастъ полноты жизни, того счастья, котораго жаждала ея молодая душа. Онъ любитъ ее, и она его любитъ. Но эта любовь останется и тогда, когда они будутъ врозь. И, конечно, отцу отраднѣе знать, что она счастлива вдали отъ него, чѣмъ видѣть ея мученія здѣсь, съ нимъ.

Она не забыла, что какъ-то разъ отецъ сказалъ ей:—«вотъ, познакомишься съ кѣмъ нибудь изъ образованныхъ людей здѣшнихъ и меньше будетъ томить скука»... Но съ кѣмъ же? Не съ городскимъ ли докторомъ, который «на бѣгу» заглядываетъ въ больницу и въ картахъ съ выпивкой видитъ все благо жизни? Не съ тѣмъ ли учителемъ, про котораго говорятъ, что онъ готовъ калоши надѣвать начальству, лишь бы выслужиться? Вся эта «интеллигенція» или пьетъ, или сражается на зеленомъ полѣ. Можетъ быть, когда-то и жили другими интересами эти люди, но они давно плесенью покрылись, ушли всѣ въ «утробные интересы», какъ выражается Веригинъ... Такъ думала Лидія, и чѣмъ болѣе она думала, тѣмъ сильнѣе крѣпло ея рѣшеніе—уѣхать въ Петербургъ.

Было уже десять часовъ. Лидія полюбила за послѣднее время свой садикъ и просиживала въ немъ цѣлые вечера. Она и теперь отправилась туда посидѣть на скамьѣ, подышать запахомъ цвѣтовъ, подумать, помечтать. Въ домѣ всѣ спали. Маркъ Васильевичъ чувствовалъ себя сегодня очень усталымъ и легъ рано; Наталья Григорьевна вообще не любила ложиться поздно. На улицѣ царила глубокая тишина. Лидія прошла въ садъ и сѣла на скамью, подъ акаціями. Не минуло и четверти часа, какъ вдругъ кто-то окликнулъ ее съ улицы. Она вздрогнула и, движимая безотчетнымъ чувствомъ страха, быстро поднялась съ мѣста.

— Кто тамъ?—спросила она нетвердымъ голосомъ, устремляя взглядъ по направленію къ рѣшеткѣ палисадника.

— Это я, Ольга,—отвѣтилъ голосъ изъ-за рѣшетки.—Простите! я, кажется, испугала васъ?

— Нѣтъ, ничего. Что вамъ надо, Ольга Петровна? Проходите сюда.

— Можно?

— Проходите, я одна. Всѣ уже спятъ.

Ольга несмѣло, точно крадучись, прошла въ садикъ.

— Извините, что я такъ поздно... я уже не думала и увидѣть васъ, да все таки пошла.

Она присѣла. Лидія замѣтила, что Ольга сильно взволнована.

— Что съ вами? — спросила она участливо. — Случилось что нибудь?

— Со мной ничего... я пришла васъ предупредить,—отвѣтила Ольга: — я только сейчасъ узнала. Не спрашивайте отъ кого, я не могу сказать... но я навѣрно узнала, и побѣжала сюда.

— Вы говорите: предупредить меня? — произнесла Лидія, и почувствовала также какую-то внутреннюю дрожь, боясь, сама не зная чего.

— Да, васъ.

Ольга видимо затруднялась.

— Да говорите же, что такое? — нетерпѣливо произнесла Лидія.

Ольга глубоко вздохнула, какъ бы набирая въ легкія больше воздуха, и вдругъ рѣшительно промолвила:

— Ваши ворота хотятъ вымазать дегтемъ!

— Дегтемъ... ворота? это кто же... зачѣмъ?—проговорила Лидія, медленно отдѣляя каждое слово.

Она была удивлена и хотя ничего не понимала изъ того, что сказала Ольга, но сердце ея вдругъ упало, какъ бы предчувствуя что-то ужасное.

— Кто, спрашиваете вы? Сачковъ съ помощью... вашего брата!

— Какъ, Сергѣя?

— Да, да, я не буду скрывать.

— Но зачѣмъ же?

— Вы не знаете?

— Не знаю.

— Ахъ, Лидія Марковна...

Она помолчала и въ возможно-мягкихъ выраженіяхъ объяснила Лидіи, что ворота мажутъ у тѣхъ, кого хотятъ заклеймить, ну... какъ напримѣръ, клеймятъ ее, Ольгу.

— Развѣ у васъ мазали? — спросила Лидія.

— У меня нѣтъ,—невольно улыбнулась она наивному вопросу.— Это дѣлаютъ изъ мести. На васъ золъ Сачковъ.

Лидія сидѣла блѣдная, уронивъ руки на колѣни. Все, что она перечувствовала въ эти минуты, едва ли можно передать словами. «Сергѣй, братъ, заодно»... Она знала, что онъ ея не любитъ, но

природныхъ качествъ и уже не могутъ служить для изученія обезьяньихъ типовъ въ нормальномъ ихъ состояніи.

Однако попробуемъ ознакомиться съ психическими явленіями организма обезьянъ, начиная съ самыхъ общеизвѣстныхъ. Всѣ безъ исключенія обезьяны отличаются горячностью ихъ симпатій и антипатій. Привязанность ихъ даже къ людямъ иногда превосходитъ—кто бы подумалъ!—привязанность собакъ, этихъ «единственныхъ надежныхъ друзей нашихъ», какъ говорятъ мизантропы. Вотъ нѣсколько примѣровъ въ доказательство. Ренгеръ видѣлъ одну ручную американскую обезьяну (*Cebus*) усердно отгонявшую мухъ отъ своего спавшаго ребенка; Дювансель наблюдалъ самку гиббона, которая умывала изъ ручья лица своихъ дѣтей. Потеря дѣтей причиняетъ обезьянамъ-матерямъ такое горе, что нѣкоторыя изъ нихъ умираютъ, какъ то наблюдалъ Бремъ въ сѣверной Африкѣ (правда, его обезьяны жили уже въ клѣткахъ). Сироты, послѣ смерти матерей, были всегда усыновляемы самками или даже самцами и становились предметомъ ихъ попеченій. — Когда Джобсону, во время плаванія по рѣкѣ, случалось изъ лодки выстрѣломъ убивать орангутанга, его трупъ всегда былъ уносимъ его спутниками, прежде чѣмъ люди успѣвали высадиться на берегъ. Джемсъ Форбесъ, въ своихъ «Запискахъ о востокѣ», разсказываетъ о слѣдующей замѣчательной чертѣ привязанности обезьянъ къ ихъ подругѣ, убитой людьми:

«Одинъ охотникъ, расположившись подъ сѣнью индѣйской смоковницы, убилъ обезьяну-самку и унесъ ее въ свою палатку; но онъ скоро былъ окруженъ цѣлымъ стадомъ другихъ обезьянъ той же породы, числомъ до сорока штукъ. Онѣ криками угрожали ему и, чтобы отъ нихъ отвязаться, онъ приложился изъ ружья, смертоносное дѣйствіе котораго обезьяны хорошо цѣнили. Это сдержало ихъ; но начальникъ скопища упорствовалъ и продолжалъ сильно кричать. Убить его у охотника недоставало духу, такъ какъ онъ чувствовалъ упрекъ совѣсти и за первое убійство. Къ тому же свирѣпый «Старикъ» перемѣнилъ тактику и сталъ жалобнымъ тономъ и знаками умолять о выдачѣ трупа. Просьба эта была услышана, убитая обезьяна выдана и отнесена «Старикомъ» къ его товарищамъ, державшимся неподалеку.—Люди, свидѣтели этой сцены, были очень тронуты ею и дали себѣ слово никогда не стрѣлять по обезьянамъ этой породы (кажется, орангутанги)».

Разумѣется, не слѣдуетъ по этому примѣру заключать, что всякія обезьяны заботятся о своихъ мертвыхъ соплеменникахъ. Гиббоны, напримѣръ, не обращаютъ никакого вниманія на трупы убитыхъ товарищей; но они окружаютъ сочувствіемъ раненыхъ.

спасибо вамъ... я никогда, никогда не забуду васъ! — закончила Ольга растроганнымъ голосомъ.

— Прощайте! — промолвила Лидія; она нагнулась и горячо поцѣловала Ольгу въ губы.

— Пишите, Ольга Петровна, если я вамъ понадоблюсь, могу оказаться полезной — я все сдѣлаю для васъ. Можетъ быть, и вамъ придется уѣхать. Пріѣзжайте въ Петербургъ. Мы вамъ постараемся найти дѣло.

— Спасибо. Но куда мнѣ ѣхать: отецъ боленъ и старъ, да и... Нѣтъ, ужь мнѣ не придется уѣзжать... А вамъ спасибо, спасибо за все. Если вы дадите мнѣ о себѣ вѣсточку—я буду очень рада.

Онѣ разстались. Лидія почувствовала себя такой разбитой, измученной, что едва дошла до своей комнаты. Въ дѣвушкѣ все болѣло: и душа, и тѣло; всѣ нервы были разбиты. Она въ изнеможеніи опустилась на стулъ и застыла въ неподвижной позѣ, полная тяжелыхъ думъ и мучительной тоски.

XXIV.

Начиналось ясное августовское утро, предвѣщавшее хорошій день. Солнце весело обливало землю еще не жаркими лучами. Воздухъ былъ свѣжъ и чистъ, дышалось легко, и пріятная бодрость охватывала весь организмъ. Птицы съ крикомъ рѣяли въ прозрачномъ воздухѣ. Гдѣ-то слышалось хлопанье бича и мычанье коровъ. Городъ еще только пробуждался, да и то въ лицѣ своихъ скромныхъ тружениковъ, каковы: плотники, маляры, каменщики и тому подобный рабочій людъ. Но къ желѣзнодорожному вокзалу уже со всѣхъ сторонъ тянулись извощичьи дрожки и спѣшили пѣшеходы съ узелками. Поѣздъ изъ Грязноводска—единственный поѣздъ въ Москву—отходитъ очень рано.

За щегольской коляской городскаго головы, жена котораго уѣзжала куда-то, къ крыльцу вокзала подъѣхало двое дрожекъ. На первыхъ изъ нихъ сидѣли Маркъ Васильевичъ и Лидія, на вторыхъ—Наталья Григорьевна и Сергѣй. Лидія быстро соскочила съ пролетокъ, но Маркъ Васильевичъ сошелъ медленно, точно ему стоило это неимовѣрнаго труда. Къ нимъ подошелъ извощикъ и промолвилъ, снимая шапку:

— А вещи уже въ вокзалѣ. Вотъ онъ ихъ и снесъ,—указалъ извощикъ на одного изъ носильщиковъ, стоявшихъ на подъѣздѣ.

Въ вокзалѣ публики было не особенно много, да и то больше все простой народъ.

коился, пересталъ плакать и, въ знакъ благодарности, склонилъ голову на грудь утѣшителя. Эта трогательная сцена, продолжавшаяся нѣкоторое время, доказала мнѣ, что въ извѣстныхъ случаяхъ душевныя волненія и соотвѣтствующія имъ тѣлесныя движенія совершенно тождественны у обезьянъ и самыхъ добрыхъ людей».

Другой примѣръ взаимнаго сочувствія обезьянъ и желанія облегчить товарища въ бѣдѣ сообщаетъ сэръ Джемсъ Малькольмъ. На кораблѣ, гдѣ онъ находился, были двѣ остъ-индскія обезьяны, одного вида, но не родственницы, Однажды случилось, что младшая изъ нихъ, играя посреди парохода, упала за бортъ. Немедленно старшая побѣжала къ кормѣ и бросила своей несчастной подругѣ конецъ той самой веревки, которою ее привязывали. Но веревка оказалась коротка, къ большому горю спасительницы. По счастію, матросъ замѣтилъ бѣду и бросилъ утопавшей конецъ болѣе длинной веревки, помощью которой та и спаслась.

Вотъ фактъ, психологически болѣе сложный, но доказывающій чувства взаимной привязанности обезьянъ, а вмѣстѣ и существованіе у нихъ чувства упрека за содѣянное имъ зло. «Во время одной экспедиціи въ Бехарѣ, капитану Джонсону, въ часъ обѣда, пришли доложить, что стадо обезьянъ макаковъ тревожитъ лошадей на коновязи и успѣло уже нѣкоторыхъ изъ нихъ настолько напугать, что онѣ оторвались и ушли. Капитанъ рѣшился наказать виновницъ и послѣ обѣда пошелъ противъ нихъ съ ружьемъ. Скоро одна обезьяна, сидѣвшая довольно высоко на деревѣ, была ранена дробью. Она бросилась было на убійцу, но остановилась на одной изъ нижнихъ вѣтвей дерева и оттуда только показала стрѣлявшему съ упрекомъ, что она имъ ранена, для чего обмакнула свою руку въ кровь, текшую изъ раны. Жестъ ея сильно тронулъ капитана, такъ что онъ рѣшился никогда болѣе не стрѣлять обезьянъ. И едва онъ вернулся къ своимъ товарищамъ, чтобъ разсказать имъ о случаѣ, какъ слуга доложилъ, что раненая обезьяна умерла. Было дано приказаніе принести ее, но другія обезьяны сдѣлали это прежде людей, то есть унесли трупъ».

Другой случай въ томъ же родѣ произошелъ въ отрядѣ сэра Уильяма Хоста. Одинъ изъ его офицеровъ подстрѣлилъ обезьяну-самку, несшую дѣтеныша. Когда онъ приблизился, чтобъ взять ее, то увидѣлъ, что она крѣпко прижимала къ груди своего ребенка и жестами призывала человѣка не отказать ему во вниманіи. Про себя же только показала окровавленнымъ пальцемъ, что она ранена въ грудь и скоро умретъ.

Лидуша, Лидуша, не думалъ я, что такъ скоро придется тебя провожать... не думалъ!

И крупная слеза покатилась по его морщинистой щекѣ.

— Папа, Бога ради!—сказала Лидія дрожащимъ голосомъ,—успокойтесь, не плачьте, ну, что же дѣлать... нельзя вѣдь... Я опять пріѣду!

— Нѣтъ, ужь, Лидія,—возразилъ Маркъ Васильевичъ, вздохнувши:—тебѣ здѣсь не жить, тамъ лучше.

— Но если не жить, такъ хоть повидаться, папочка,—сказала Лидія, съ любовью и тоской глядя на отца.

— Развѣ что повидаться... И то какъ Богъ судитъ: я старъ... кто знаетъ... долго ли...

— Папочка, да что это вы! Зачѣмъ вы такъ говорите?—воскликнула Лидія, и безотчетный страхъ сжалъ ея сердце,—дорогой, милый, не говорите такъ, мнѣ и безъ того тяжело!

— Ну, не буду, не буду, дружокъ,—поспѣшно произнесъ Маркъ Васильевичъ.—Я такъ... никто какъ Богъ! Еще и въ самомъ дѣлѣ мы къ тебѣ съ матерью на свадьбу пріѣдемъ попировать.

— Ахъ, отецъ,—проговорила Наталья Григорьевна, махнувъ рукою.

— А что же, мать, развѣ не можетъ быть?

Раздался рѣзкій звонокъ, и сторожъ крикнулъ на весь вокзалъ:

— Первый звонокъ. Поѣздъ въ Москву отправляется!

Шерстобитовы встрепенулись. Явился носильщикъ за ручнымъ багажемъ и вручилъ Лидіи билетъ и квитанцію.

— Садиться уже?—спросила Лидія.

— Да-съ. Я вамъ и мѣстечко нашелъ удобное.

— Ну, прощайте, папа.

Она обняла отца и склонилась головой къ нему на плечо.

И Маркъ Васильевичъ прильнулъ губами къ головѣ дѣвушки. Она продолжала лежать на его плечѣ, судорожно рыдая. Когда она подняла голову, лицо ея было влажно отъ слезъ.

— Прощайте, папа!

Что-то сдавило ей горло, и она насилу могла выговорить эти слова. Маркъ Васильевичъ обнялъ дочь и крѣпко, нѣсколько разъ поцѣловалъ въ губы.—Прощай,—промолвилъ онъ, выпуская ее изъ объятій, и голосъ его оборвался. И не только голосъ: въ эту минуту оборвалась одна изъ струнъ его сердца.

Наталья Григорьевна громко разрыдалась, когда стала прощаться съ дочерью.

— Лидочка, голубушка,—говорила она вслухъ, забывая обо

всемъ.—Прости меня, я тебя обидѣла. Можетъ быть, черезъ меня и уѣзжаешь. Не обвиняй мать, добра вѣдь я желала... Родная, голубушка.

Съ ней сдѣлалось дурно. Пришлось приводить Наталью Григорьевну въ чувство; пока хлопотали около нея, раздался второй звонокъ. Надо было спѣшить садиться въ вагонъ. Въ этотъ моментъ, къ Лидіи подошелъ проститься братъ. Онъ показался ей такимъ гадкимъ, что она нѣсколько замедлила, подавая ему руку. Она пристально посмотрѣла на брата и, едва прикасаясь своей рукой къ его рукѣ, тихо шепнула ему:

— Я все знаю.

Сергѣй въ первый разъ на минуту какъ бы смутился отъ словъ сестры,—но только на минуту. Обычная насмѣшливо-нахальная улыбка опять появилась на его губахъ, когда онъ отошелъ отъ сестры. Отецъ и мать вмѣстѣ съ Лидіей вошли въ вагонъ, но имъ пришлось очень недолго пробыть тамъ.

— Провожающіе, выходите,—раздался голосъ кондуктора.

Поѣздъ тронулся. Лидія стояла у окна и кланялась, улыбаясь сквозь слезы. Маркъ Васильевичъ и Наталья Григорьевна шли рядомъ съ вагономъ, пока продолжалась платформа. Поѣздъ пошелъ скорѣе и скорѣе—и вотъ наконецъ совсѣмъ скрылся изъ виду. А Маркъ Васильевичъ все продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ, устремивъ взглядъ вдаль, откуда еще виднѣлся дымокъ отъ паровоза, увозившаго ту, которая была для него свѣтомъ и радостью въ жизни.

А. Кругловъ.

Конецъ.

обезьяна жила тутъ въ обществѣ множества мелкихъ, съ которыми она обращалась, какъ господинъ со слугами, хотя сама вела себя передъ зрителями, какъ паяцъ. Уже множество съѣдобныхъ лакомствъ попало въ ея руки, минуя другихъ обезьянъ, болѣе слабыхъ, какъ нѣкто изъ присутствующихъ бросилъ въ клѣтку зеркальце, обдѣланное въ прочную деревянную рамку. «Силачъ» немедленно схватилъ его и сперва началъ стучать имъ, какъ молоткомъ; но когда увидѣлъ въ немъ собственное изображеніе, то въ недоумѣньѣ остановился. Минуту позднѣе, онъ заглянулъ на заднюю сторону зеркальца и былъ очень удивленъ, не найдя тамъ своего двойника. Очевидно, ему показалось, что эта неудача объясняется недостаткомъ его собственнаго проворства, а потому онъ сдѣлалъ новое, болѣе быстрое заглядыванье, разъ и другой, но тщетно. Тогда онъ разсердился и сталъ сильно бить зеркальцемъ по полу клѣтки. Послѣднее скоро разбилось, но кусочекъ все еще оставался въ рамкѣ. Обезьяна снова увидѣла свой портретъ въ магическомъ снарядѣ, еще разъ заглянула на заднюю его сторону и, не найдя тамъ ничего, пришла въ неистовство: стала не только разбивать рамку объ полъ, но грызть ее зубами, причемъ искрошила въ тысячи кусочковъ».

Недогадливость обезьянъ иногда выказывается и другимъ образомъ, притомъ даже въ случаяхъ, гдѣ онѣ могли бы извлекать урокъ изъ предъидущихъ опытовъ. Ляйэль разсказываетъ, что ему не разъ случалось видать обезьянъ, не умѣвшихъ выпутаться изъ веревочной петли или той путаницы, которую сами же устраивали безтолковыми движеніями среди разнородной мебели. Однако, тутъ замѣчаются исключенія. У того же Ляйэля была молодая обезьяна, которая не разъ перепутывала свою привязь, лазя черезъ параллельныя перекладины. Когда она замѣчала, что веревка становится коротка и стѣсняетъ ея движенія, тогда она начинала лазить въ обратномъ порядкѣ. И это не была обезьяна домашняя, родившаяся отъ прирученныхъ родителей, а дикая; ея искусство не было даромъ наслѣдственнымъ.

Ренгеръ разсказываетъ, что когда онъ впервые далъ парагвайскимъ обезьянамъ нѣсколько яицъ, то онѣ ихъ разбили и такимъ образомъ растратили безполезно часть своего продовольствія; но скоро онѣ научились бить яйца съ носка или съ пу́ги и извлекать изъ скорлупы съѣдобныя части пальцами. Еще лучше понятливость ихъ сказывалась при обращеніи съ разными кухонными снарядами: ножами, вилками и т. п. Достаточно было одной обрѣзаться или уколоться, чтобы не только она, но и всѣ другія начинали обращаться съ вредоноснымъ предметомъ весьма осторожно. Часто Ренгеръ давалъ имъ кусочки сахару, обернутые въ бумажку; какъ-то

разъ при этомъ ему пришло въ голову вмѣстѣ съ сахаромъ завернуть осу. Получившая этотъ подарокъ обезьяна быстро развернула его и при этомъ была укушена насѣкомымъ. Тогда она да и всѣ другія, получая сахаръ въ бумажкахъ, стали прикладывать бумажные свертки къ уху, чтобы убѣдиться, что въ нихъ нѣтъ ничего ворочающагося, живаго и способнаго укусить.

Сообразительность обезьянъ, при пользованіи разными предметами домашняго обихода людей, доходитъ иногда до ловкаго плутовства. У Бельта была обезьяна, которая находила возможнымъ обнаруживать свою дѣятельность внѣ той сферы, на которую ее осуждала привязь. Именно, она завлекала въ эту сферу такіе предметы, которые интересовали ее. Не имѣя, напр., возможности хватать утокъ, ходившихъ мимо крыльца, она сначала бросала имъ хлѣбъ, потомъ давала его изъ рукъ, а наконецъ, пріобрѣтя довѣріе птицы, хватала ее за шею и убивала. Замѣтивъ эту продѣлку, Бельтъ подвергъ своего Микея (обезьяну) тѣлесному наказанію въ присутствіи трупа убитой утки, а когда она повторила хищный пріемъ, то, стегая ее розгою, Бельтъ приговаривалъ: «ну-ка, возьми ее еще, возьми!» и когда обезьяна съ трепетомъ исполнила приказаніе, то утка отъ нея была взята, а наказаніе кончено. И больше ужь его повторять не приходилось, потому что обезьяна поняла, чего отъ нея хотятъ. Но находчивую изворотливость ума она при этомъ не утратила, и когда какой нибудь предметъ былъ внѣ ея сферы хватанія, она старалась придвинуть его палкою или схватить налету, качаясь на качеляхъ, устроенныхъ для дѣтей хозяина. Такъ она потаскала кожи птицъ, вывѣшенныя на спинкѣ стула для просушки, въ другой разъ утащила желе, выставленное на вѣтеръ для охлажденія. Когда къ ней кто нибудь подходилъ, чтобы приласкать ее, она постоянно опустошала карманы ласкавшаго. Находя письма, она умѣла распечатывать ихъ и вытаскивать изъ конвертовъ.

Данная обезьяна, очевидно, имѣла достоинства и недостатки существа цивилизованнаго, привыкшаго къ человѣческому сожительству, и у нея слабости перевѣшивали добродѣтели. Но вотъ у одного морскаго офицера оказался ручной шимпанзе, отличавшійся многими безспорно высшими, почти людскими достоинствами, не переставая однако быть обезьяной, т. е. звѣремъ, по нѣкоторымъ изъ своихъ привычекъ. По свидѣтельству Пелльтье, г. Шарло (обезьяна) былъ серьезнымъ и внимательнымъ слугою своего барина; онъ перемѣнялъ ему тарелки за обѣдомъ, наливалъ вино, почти всегда желаемое, ибо зналъ, въ какіе стаканы какой сортъ наливается обыкновенно; вообще, былъ образцовымъ лакеемъ. Но,

окончивъ господскую службу, онъ уходилъ на чердакъ, вылѣзалъ оттуда на крышу и располагался отдыхать подъ открытымъ небомъ. Тутъ онъ становился сердитою и мстительною обезьяною: въ отвѣтъ на камешки, бросаемые въ него уличными мальчишками, кидалъ въ нихъ черепицами изъ крыши и при этомъ иногда ранилъ невинныхъ прохожихъ. Вслѣдствіе такихъ грубыхъ проказъ, хозяину пришлось продать обезьяну скомороху, который одѣлъ ее по шутовски и возилъ по ярмаркамъ; это имѣло нѣкоторый успѣхъ, но ненадолго, а затѣмъ исторія перестала заниматься ученымъ Шарло, хотя въ свое время имъ очень интересовался одинъ профессоръ въ парижскомъ музеумѣ.

III.

Отъ Шарло не далекъ переходъ къ другимъ «цивилизованнымъ» обезьянамъ, получившимъ извѣстность среди испытателей природы своими способностями. У Кювье былъ орангутангъ, который открывалъ форточки у оконъ и для этого влѣзалъ на стулъ, предварительно притащенный съ другаго конца комнаты. Ренгеръ видѣлъ обезьяну, умѣвшую открывать сундуки, причемъ, если крышка была тяжела, то она подсовывала подъ нее конецъ рычага: никакое другое существо во всемъ животномъ царствѣ не умѣетъ этого дѣлать, хотя, напр., слоны при тасканіи бревенъ видятъ употребленіе рычага человѣкомъ. У Романеса жила нѣкоторое время на дому обезьяна, понимавшая механизмъ винта, т. е. самый хитрый изъ простыхъ машинъ: она никогда не ошибалась въ направленіи, которое нужно было давать движенію винта при ввинчиваніи или вывинчиваніи—опять способность, чуждая всѣмъ прочимъ животнымъ, кромѣ человѣка. Что обезьяны умѣютъ употреблять молотокъ, а при нуждѣ и камень, для разбиванія орѣховъ и устричныхъ раковинъ, это фактъ, извѣстный со временъ Лампіэра; Каррери идетъ далѣе и утверждаетъ, что видалъ обезьянъ, вкладывавшихъ камни между открытыми половинками раковины устрицы, чтобы животное не могло ихъ закрыть. Шотландецъ Хаденъ указываетъ на обезьяну (неизвѣстно, впрочемъ, какой породы) отличавшуюся большими умственными способностями, жившую въ клѣткѣ, у которой дверь была съ нажимною пружиною. Отворить эту дверь было очень трудно, продержать отворенною нѣсколько времени и того труднѣе, особенно если прошедшее чрезъ дверь

лицо удалялось отъ нея. Обезьяна, однако, догадалась, что̀ нужно сдѣлать для достиженія послѣдней цѣли. Отворивъ дверь, она немедленно накладывала на нее сверху одѣяло, подъ которымъ спала, и такимъ образомъ мѣшала створкѣ замкнуться вплотную. Налазившись по сосѣднему дереву, она возвращалась въ клѣтку, снимала съ двери одѣяло и предоставляла послѣдней захлопнуться отъ дѣйствія пружины, такъ что обезьяньи проказы долгое время оставались незамѣченными, ибо она дѣлала ихъ въ отсутствіе людей.

Обезьяны, конечно, незнакомы съ нашими науками и не умѣютъ отличать ученыхъ людей отъ невѣждъ; но онѣ склоняются передъ первыми, когда видятъ, что тѣ готовы имъ сдѣлать пользу. Въ Александровскомъ дворцѣ, въ Лондонѣ, у одной большой обезьяны заболѣлъ зубъ и при этомъ образовался флюсъ. Рѣшено было врачемъ выдернуть больной зубъ. Для этого, не безъ большаго труда, усадили больную въ толстый мѣшокъ, завязанный около шеи, такъ что сверху оставалась одна голова. Обезьяна билась, кричала, успѣла одною рукою прорвать мѣшокъ, кусала всѣхъ подходившихъ. Но какъ только операторъ успѣлъ наложить руку на флюсъ и облегчить страданіе больной, она покорилась, спокойно сидѣла во время обслѣдованія челюсти и выдержала безтрепетно операцію выдергиванья зуба.

Среди обезьянъ употребляются нѣкоторые пріемы человѣческой педагогіи, конечно, въ видахъ улучшенія нравственности молодыхъ поколѣній; и это не изъ подражанія людямъ, а самостоятельно, по внушенію родительскихъ сердецъ. Обсонвиль видалъ, что нѣкоторыя обезьяны подвергаютъ своихъ дѣтей тѣлеснымъ наказаніямъ и притомъ почти также, какъ люди. Если въ большомъ обществѣ обезьянъ разнаго возраста молодыя рѣзвились, въ ихъ забавы никто не вмѣшивался; но если какой нибудь юный шалунъ выкидывалъ штуку злую, вредную для другихъ, то мать его вставала съ мѣста, хватала виновнаго за хвостъ и надѣляла его ударами по тѣмъ самымъ педагогическимъ частямъ, которыя обыкновенно истязуются и у насъ...

Что обезьяны часто живутъ стадами, это извѣстно каждому, что онѣ любятъ общество себѣ подобныхъ и проводятъ время въ общественныхъ забавахъ, — тоже. Но есть, повидимому, сверхъ этихъ баловъ и раутовъ для развлеченія, сходки дѣловыя, которыя и были наблюдаемы нѣкоторыми путешественниками въ лѣсахъ тропической Африки. По крайней мѣрѣ, безъ такихъ сходокъ нельзя понять нѣкоторыхъ общественныхъ предпріятій обезьянъ. Мы уже видѣли, какъ онѣ являлись толпою на выручку

рупа одной ихъ соплеменницы; теперь вотъ другой случай по-обнаго товарищескаго содѣйствія. Одинъ капскій павьянъ покралъ олдатскія вещи изъ казармъ и бѣжалъ въ окрестности, гдѣ имѣ-ются пещеры — обыкновенное убѣжище обезьянъ отъ дурной по-оды и преслѣдованія враговъ. Наряжена была команда изъ 20 еловѣкъ, чтобы поймать вора, и однимъ изъ первыхъ дѣйствій омандира было направить нѣсколько вооруженныхъ людей къ за-ятію входовъ въ пещеры; но обезьяны это замѣтили и тотчасъ, ъ своей стороны, направили 50 своихъ для воспрепятствованія юдямъ. Большинство же ихъ напало на главную команду, подъ редводительствомъ одного сѣдаго старика, который частенько на-вѣщалъ солдатскія казармы. Послѣдній крикомъ подалъ сигналъ, и на англичанъ отовсюду посыпались камни, такъ что они должны были ретироваться.

Въ книгѣ Романеса: «О смышлености животныхъ» есть цѣлый дневникъ поведенія одной обезьяны, жившей у него на дому. Тутъ собраны очень интересные факты объ отношеніи обезьянъ къ людямъ, ихъ симпатіяхъ къ однимъ, отвращеніи къ другимъ и т. п. Мы не переводимъ этого поучительнаго дневника только потому, что дѣло идетъ объ обезьянѣ, бывшей на привязи: это слишкомъ ненормальное состояніе для животнаго, особенно столь страстнаго къ свободѣ, какъ обезьяна; но отсылаемъ желающихъ къ англійскому подлиннику или французскому переводу.

IV.

Все вышеизложенное безспорно установлено въ наукѣ, провѣрено многочисленными наблюденіями и не оставляетъ сомнѣнія, что обезьяны — самыя смышленыя животныя на землѣ, послѣ людей. Но именно эта смышленость, особенно же любовь обезьянъ къ общежитію, давно заставляла предполагать, что у нихъ есть, кромѣ мимики, средство сообщать другъ другу знанія, пріобрѣтаемыя изъ опыта жизни, входить въ соглашенія, обсуждать общественные вопросы. Такимъ средствомъ, очевидно, могъ быть только языкъ, даръ слова, способность произносить членораздѣльные звуки, смыслъ которыхъ былъ бы одинаковъ для всѣхъ обезьянъ данной породы, или хоть даннаго общества, и усвоивался ими съ младенчества. Но доселѣ никто не рѣшался признать, что обезьяны владѣютъ такою способностью, хотя всѣ знали, что онѣ не лишены голосоваго аппарата и способны издавать самые разнородные звуки, отъ шопота и ворчанія

подъ носъ, до самыхъ пронзительныхъ криковъ. Честь открытія у обезьянъ языка,—открытія, сдѣланнаго въ самое недавнее время,—принадлежитъ профессору Гарнеру, который изложилъ свои наблюденія и опыты въ американскомъ журналѣ «New Revue». Свои изысканія Гарнеръ производилъ первоначально въ зоологическомъ саду въ Цинциннати и, не довольствуясь при этомъ одними собственными ушами и памятью звуковъ, прибѣгалъ къ фонографу; потомъ онъ перешелъ въ Вашингтонъ и пользовался содѣйствіемъ директора тамошняго звѣринца. Первымъ поводомъ къ началу филологическихъ наблюденій надъ обезьянами былъ для Гарнера слѣдующій фактъ. Лѣтъ семь тому назадъ, въ клѣтку, содержавшую до дюжины маленькихъ обезьянъ, былъ впущенъ большой мадрилъ съ красными мордой и ляжками, который порядочно напугалъ своимъ страшнымъ видомъ жилицъ клѣтки. Послѣднія собрались у задней стѣны или рѣшетки, внимательно наблюдали невиданное дотолѣ чудище и передавали *звуками* свое замѣчанія сосѣдкамъ за рѣшеткою, въ другомъ отдѣленіи клѣтки. Прислушиваясь внимательно, не оставалось сомнѣнія, что тутъ были *разговоры*, цѣлыя рѣчи, и вотъ Гарнеръ рѣшился заняться изученіемъ языка обезъянъ и въ семь лѣтъ достигъ не только ознакомленья съ фонетическими элементами обезьяньей рѣчи, но и выучился до нѣкоторой степени говорить по обезьяньи, быть понимаемымъ обезьянами. Сначала дѣло было очень трудно, потому что записывать чуждые, непонятные звуки, съ ихъ интонаціями, у насъ почти нѣтъ средствъ, особенно, когда они не поются протяжно, а произносятся скороговоркою. Но скоро явился на помощь фонографъ, и тогда изученіе пошло быстрѣе. Вотъ какіе опыты дѣлалъ Гарнеръ. Двѣ обезьяны, самецъ и самка, долгое время жившія въ одной клѣткѣ и, слѣдовательно, установившія свой языкъ, были разсажены въ два разныя жилища. Фонографъ былъ поставленъ около клѣтки самки и регистровалъ всѣ ея звуковыя заявленія радости или печали, послѣ чего былъ перенесенъ къ клѣткѣ самца. Когда аппаратъ началъ воспроизведеніе звуковъ, то самецъ былъ очень удивленъ, но прислушивался къ нимъ и отвѣчалъ по своему. Такая бесѣда, повторенная не разъ, открыла наблюдателю существованіе нѣкоторыхъ постоянныхъ комбинацій гласныхъ звуковъ съ согласными, то есть словъ. Тогда оставалось записывать эти слова человѣчьими буквами, со знаками ударенія, потомъ воспроизводить ихъ гортанью и ртомъ, и наконецъ, по мѣрѣ возможности, узнавать ихъ значеніе, смыслъ. Дѣло это требовало большой внимательности и терпѣнія, но, впрочемъ, немногимъ лишь болѣе, чѣмъ при изученіи незнакомыхъ

языковъ человѣческихъ. Когда же Гарнеръ узналъ съ точностью нѣкоторыя слова и фразы обезьянъ, тогда онъ рѣшился заговорить съ ними на ихъ языкѣ.

Послѣднія были этимъ ошеломлены. Сначала онѣ не вѣрили своимъ ушамъ, потомъ начали изъявлять свою радость самыми живыми тѣлодвиженіями. Первое слово обезьяньяго языка, понятое профессоромъ, было названіе *молока*; продолжая изслѣдованіе, онъ однако убѣдился, что оно выражаетъ, скорѣе, болѣе общее понятіе напитка,—всего, что пьется. Затѣмъ слѣдовало слово, соотвѣтствующее всему, что ѣстся, т. е. нашему слову: *пища*. Третье слово, значеніе котораго узнано было совершенно опредѣлительно, соотвѣтствовало *рукъ*, именно кисти ея, т. е. ладони и пальцамъ. Далѣе Гарнеръ установилъ правописаніе слова, обозначающаго у обезьянъ болѣе отвлеченное понятіе о *погодѣ*. Судя по тому, что оно часто употреблялось въ разговорѣ между самими обезьянами, надобно думать, что погода очень интересуетъ послѣднихъ. Всѣ эти слова были записаны наблюдателемъ съ большою отчетливостью съ обозначеніемъ удареній и самаго тона обезьяньяго говора: этотъ тонъ соотвѣтствовалъ нашему la dièze, что дѣлаетъ для человѣческой гортани очень труднымъ воспроизведеніе обезьяньихъ рѣчей и даже отдѣльныхъ словъ.

Одно изъ записанныхъ Гарнеромъ обезьяньихъ словъ, повидимому, соотвѣтствуетъ понятію о смертельной опасности, можетъ быть, объ убійствѣ, о смерти, объ угрозѣ смертью: точнаго перевода сдѣлать доселѣ не удалось, но одно произнесеніе этого слова внушаетъ обезьянамъ сильный страхъ, вызываетъ крайній испугъ. (Не значитъ ли оно по нашему: убью!?). И когда оно въ первый разъ было сказано профессоромъ въ присутствіи одной, очень уже освоившейся обезьяны, то заставило ее дрожать отъ страха. На другой день, кормя ее лакомствами, Гарнеръ успѣлъ было возстановить хорошее расположеніе ея духа; но едва роковое слово было произнесено, какъ животное бросилось въ бѣгство и ушло на самый верхъ своей насѣсти. А какъ онъ и еще разъ повторилъ то же роковое слово, то обезьяну одолѣлъ ужасъ. Напрасно онъ ее звалъ потомъ къ себѣ, заманивалъ сластями и пр., она не поддавалась, и хотя черезъ мѣсяцъ крайнее недовѣріе прошло, но обезьяна все таки отказывалась принимать изъ рукъ ученаго пищу и не позволяла ему ласкать себя.

Гарнеръ продолжаетъ въ настоящее время изученіе обезьяньей лингвистики при помощи одной мелкой особи прежней породы; но онъ пересталъ произносить роковое слово. Какъ общіе выводы изъ своихъ наблюденій, онъ даетъ слѣдующія положенія. Языкъ

трѣла внутрь, но издали, осторожно; всѣ другія послѣдовали ея примѣру.

Обезьяны мстительны и помнятъ причиненное имъ зло или нанесенную обиду гораздо дольше, чѣмъ, напр., собаки. Свою месть онѣ обыкновенно обдумываютъ и подготовляютъ, точно судьи въ полудикихъ человѣческихъ обществахъ, гдѣ нѣтъ уголовныхъ таксъ, т. е. кодексовъ, ограничивающихъ и вмѣстѣ облегчающихъ разсудокъ и совѣсть въ выборѣ подходящей кары. Вотъ образчикъ такого обдуманнаго возмездія. Сэръ Андрью Смитъ видѣлъ однажды, на мысѣ Доброй Надежды (т. е. въ Кэптуонѣ), одного павьяна приготовившаго въ ямкѣ нѣкоторое количество грязи, чтобы обрызгать ею мундиръ одного, шедшаго на парадъ, офицера, который часто тормошилъ обезьяну. Месть удалась, и мститель долго потомъ высказывалъ, при встрѣчѣ съ обрызганнымъ офицеромъ, свое удовольствіе. Очевидно, онъ былъ удовлетворенъ своей репрессаліей. Впрочемъ этотъ случай не отдаляетъ, въ сущности, обезьянъ отъ извѣстнаго анекдотическаго слона, который окатилъ изъ хобота водою портнаго, вложившаго иголку въ яблоко, которое слонъ, по привычкѣ, унесъ съ окна ремесленника. Гораздо рельефнѣе, т. е. характеристичнѣе для обезьяньей природы, случай мести одной остъ-индской обезьяны надъ воронами, обкрадывавшими ее. Вороны таскали у нея провизію, даваемую хозяиномъ; тогда она легла около запаса, притворилась спящею или мертвою и внезапно схватила первую прилетѣвшую воровку. Не лишая ея жизни, она общипала на ней всѣ перья и пустила голую на волю, для страха прочимъ, которыя и прекратили свои воровскіе налеты.

II.

Изъ области нравственности и чувства переходя въ сферу смышлености, т. е. разсудка, остановимся прежде всего на сообразительности обезьянъ при наблюденіи фактовъ, новыхъ для нихъ, незнакомыхъ по прежнему опыту. Всякому извѣстно, что котята, увидавъ себя въ зеркалѣ, нащупываютъ лапкою своего двойника за зеркаломъ или заглядываютъ туда, пока не убѣдятся, что тамъ ничего нѣтъ. То же бываетъ и съ обезьянами, причемъ онѣ сердятся, что наблюдаемый фактъ не поддается ихъ пониманію. Вотъ что сообщилъ Романесу профессоръ Крумъ Робертсонъ: «Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ Парижѣ, въ Jardin des Plantes, я былъ свидѣтелемъ одного любопытнаго случая. Одна большая, человѣкоподобная

САФО ВЪ ГОСТЯХЪ У ЭРОТА.

Безоблачнымъ сводомъ раскинулось небо Эллады;
Лазурнаго моря прозрачны спокойныя воды;
Средь рощъ апельсинныхъ бѣлѣютъ дворцовъ колоннады,—
Созданія смертныхъ слились съ совершенствомъ природы.

О, тутъ ли не жизнь, въ этой чудной странѣ вдохновенья,
Гдѣ все лишь послушно любви обольстительной власти?
Но здѣсь, какъ и всюду, таятся и скорбь, и мученья,—
Гдѣ волны морскія—тамъ бури, гдѣ люди—тамъ страсти.

На холмъ близь Коринѳа, гдѣ высится храмъ Афродиты,
Печальная путница входитъ походкой усталой.
Разбросаны кудри, сандаліи пылью покрыты,
И къ поясу лира привязана лентою алой.

Уже доносились къ ней смѣха и пѣнія звуки,
Ужь вѣялъ зефиръ, ароматами розъ напоенный...
Къ стѣнѣ заповѣдной съ мольбой возвела она руки,
И тихо «люблю» прошепталъ ея голосъ влюбленный.

Вмигъ дверь отворилась отъ силы волшебнаго слова,
И взорамъ пытливымъ представился садъ Афродиты,
Гдѣ въ каждомъ цвѣткѣ всѣ услады блаженства земнаго,—
Любви торжествующей,—были незримо разлиты.

Прекрасныя дѣти: Нарцисъ, Ганимедъ и другіе
Оставили игры и путницу всѣ обступили.
— Могу ли я видѣть Киприду, мои дорогіе?—
Спросила ихъ дѣва, хитонъ отряхая отъ пыли.

— Богини нѣтъ дома,—Нарцисъ отвѣчалъ безъ смущенья.
— На свадьбу въ Милетъ пригласили ее и Гимена.
Но съ нами Эротъ,—передъ нимъ ты повергни моленья,
Да, кстати, о, милая, выпусти крошку изъ плѣна!—

Тутъ мальчикъ раздвинулъ жасмина пахучія вѣтки...
Прелестный ребенокъ, сложивъ мотыльковыя крылья,
Въ оковахъ лежалъ, въ глубинѣ позолоченной клѣтки,
Съ унылымъ сознаньемъ неволи, тоски и безсилья.

— Клянуся Кипридой, терплю понапрасну я, дѣва!
За дѣтскую шалость томлюсь я теперь въ заключеньѣ!—
Вскричалъ онъ и глазки его заблистали отъ гнѣва,
А пухлыя ручки рѣшетку трясли въ нетерпѣньѣ.

Красавица камень схватила; подъ сильнымъ ударомъ
Замки обломились, и тѣсная клѣтка открыта...
— Однако, признайся, Эротъ,—вѣдь, навѣрное, даромъ
Любимаго сына не стала бъ карать Афродита?

— Ну, вѣришь ли, даже не стоитъ разсказывать, право!
Однажды на праздникъ въ Аѳины отправились боги.
А я сговорился (не правда ль, пустая забава?)
Съ друзьями моими ограбить Олимпа чертоги.

— Со мной во главѣ, всѣ за дѣло взялись, не робѣя;
Кто тащитъ сандаліи, посохъ и шляпу Гермеса,
Кто тирсъ Діониса, кто шлемъ и доспѣхи Арея,
Кто лукъ Артемиды, кто жезлъ и перуны Зевеса.

— Затѣмъ, мы поспѣшно спустилися въ садъ Афродиты
И въ розовыхъ кущахъ добро наше спрятали тайно;
Никто бъ не узналъ, гдѣ пропавшія вещи сокрыты,
Когда бы Гименъ не провѣдалъ объ этомъ случайно.

— Докучный мальчишка!.. Я это ему не забуду!
Не дамъ похваляться Гефеста горбатаго сыну...
Иль мало ему, что отъ тяжкихъ цѣпей его—всюду
Лишь ссоры однѣ, о влюбленныхъ же нѣтъ и помину?—

— Нѣтъ, мальчикъ,—отвѣтила дѣва,—ты ропщешь напрасно;
Меня не связуютъ желанныя узы Гимена,

окончивъ господскую службу, онъ уходилъ на чердакъ, вылѣзалъ оттуда на крышу и располагался отдыхать подъ открытымъ небомъ. Тутъ онъ становился сердитою и мстительною обезьяною: въ отвѣтъ на камешки, бросаемые въ него уличными мальчишками, кидалъ въ нихъ черепицами изъ крыши и при этомъ иногда ранилъ невинныхъ прохожихъ. Вслѣдствіе такихъ грубыхъ проказъ, хозяину пришлось продать обезьяну скомороху, который одѣлъ ее по шутовски и возилъ по ярмаркамъ; это имѣло нѣкоторый успѣхъ, но ненадолго, а затѣмъ исторія перестала заниматься ученымъ Шарло, хотя въ свое время имъ очень интересовался одинъ профессоръ въ парижскомъ музеумѣ.

III.

Отъ Шарло не далекъ переходъ къ другимъ «цивилизованнымъ» обезьянамъ, получившимъ извѣстность среди испытателей природы своими способностями. У Кювье былъ орангутангъ, который открывалъ форточки у оконъ и для этого влѣзалъ на стулъ, предварительно притащенный съ другаго конца комнаты. Ренгеръ видѣлъ обезьяну, умѣвшую открывать сундуки, причемъ, если крышка была тяжела, то она подсовывала подъ нее конецъ рычага: никакое другое существо во всемъ животномъ царствѣ не умѣетъ этого дѣлать, хотя, напр., слоны при тасканіи бревенъ видятъ употребленіе рычага человѣкомъ. У Романеса жила нѣкоторое время на дому обезьяна, понимавшая механизмъ винта, т. е. самый хитрый изъ простыхъ машинъ: она никогда не ошибалась въ направленіи, которое нужно было давать движенію винта при ввинчиваніи или вывинчиваніи—опять способность, чуждая всѣмъ прочимъ животнымъ, кромѣ человѣка. Что обезьяны умѣютъ употреблять молотокъ, а при нуждѣ и камень, для разбиванія орѣховъ и устричныхъ раковинъ, это фактъ, извѣстный со временъ Дампіэра; Каррери идетъ далѣе и утверждаетъ, что видалъ обезьянъ, вкладывавшихъ камни между открытыми половинками раковины устрицы, чтобы животное не могло ихъ закрыть. Шотландецъ Хаденъ указываетъ на обезьяну (неизвѣстно, впрочемъ, какой породы) отличавшуюся большими умственными способностями, жившую въ клѣткѣ, у которой дверь была съ нажимною пружиною. Отворить эту дверь было очень трудно, продержать отворенною нѣсколько времени и того труднѣе, особенно если прошедшее чрезъ дверь

лицо удалялось отъ нея. Обезьяна, однако, догадалась, что нужно сдѣлать для достиженія послѣдней цѣли. Отворивъ дверь, она немедленно накладывала на нее сверху одѣяло, подъ которымъ спала, и такимъ образомъ мѣшала створкѣ замкнуться вплотную. Налазившись по сосѣднему дереву, она возвращалась въ клѣтку, снимала съ двери одѣяло и предоставляла послѣдней захлопнуться отъ дѣйствія пружины, такъ что обезьяньи проказы долгое время оставались незамѣченными, ибо она дѣлала ихъ въ отсутствіе людей.

Обезьяны, конечно, незнакомы съ нашими науками и не умѣютъ отличать ученыхъ людей отъ невѣждъ; но онѣ склоняются передъ первыми, когда видятъ, что тѣ готовы имъ сдѣлать пользу. Въ Александровскомъ дворцѣ, въ Лондонѣ, у одной большой обезьяны заболѣлъ зубъ и при этомъ образовался флюсъ. Рѣшено было врачемъ выдернуть больной зубъ. Для этого, не безъ большаго труда, усадили больную въ толстый мѣшокъ, завязанный около шеи, такъ что сверху оставалась одна голова. Обезьяна билась, кричала, успѣла одною рукою прорвать мѣшокъ, кусала всѣхъ подходившихъ. Но какъ только операторъ успѣлъ наложить руку на флюсъ и облегчить страданіе больной, она покорилась, спокойно сидѣла во время обслѣдованія челюсти и выдержала безтрепетно операцію выдергиванья зуба.

Среди обезьянъ употребляются нѣкоторые пріемы человѣческой педагогіи, конечно, въ видахъ улучшенія нравственности молодыхъ поколѣній; и это не изъ подражанія людямъ, а самостоятельно, по внушенію родительскихъ сердецъ. Обсонвиль видалъ, что нѣкоторыя обезьяны подвергаютъ своихъ дѣтей тѣлеснымъ наказаніямъ и притомъ почти также, какъ люди. Если въ большомъ обществѣ обезьянъ разнаго возраста молодыя рѣзвились, въ ихъ забавы никто не вмѣшивался; но если какой нибудь юный шалунъ выкидывалъ штуку злую, вредную для другихъ, то мать его вставала съ мѣста, хватала виновнаго за хвостъ и надѣляла его ударами по тѣмъ самымъ педагогическимъ частямъ, которыя обыкновенно истязуются и у насъ...

Что обезьяны часто живутъ стадами, это извѣстно каждому, что онѣ любятъ общество себѣ подобныхъ и проводятъ время въ общественныхъ забавахъ, — тоже. Но есть, повидимому, сверхъ этихъ баловъ и раутовъ для развлеченія, сходки дѣловыя, которыя и были наблюдаемы нѣкоторыми путешественниками въ лѣсахъ тропической Африки. По крайней мѣрѣ, безъ такихъ сходокъ нельзя понять нѣкоторыхъ общественныхъ предпріятій обезьянъ. Мы уже видѣли, какъ онѣ являлись толпою на выручку

трупа одной ихъ соплеменницы; теперь вотъ другой случай подобнаго товарищескаго содѣйствія. Одинъ капскій павьянъ покралъ солдатскія вещи изъ казармъ и бѣжалъ въ окрестности, гдѣ имѣются пещеры — обыкновенное убѣжище обезьянъ отъ дурной погоды и преслѣдованія враговъ. Наряжена была команда изъ 20 человѣкъ, чтобы поймать вора, и однимъ изъ первыхъ дѣйствій командира было направить нѣсколько вооруженныхъ людей къ занятію входовъ въ пещеры; но обезьяны это замѣтили и тотчасъ, съ своей стороны, направили 50 своихъ для воспрепятствованія людямъ. Большинство же ихъ напало на главную команду, подъ предводительствомъ одного сѣдаго старика, который частенько навѣщалъ солдатскія казармы. Послѣдній крикомъ подалъ сигналъ, и на англичанъ отовсюду посыпались камни, такъ что они должны были ретироваться.

Въ книгѣ Романеса: «О смышлености животныхъ» есть цѣлый дневникъ поведенія одной обезьяны, жившей у него на дому. Тутъ собраны очень интересные факты объ отношеніи обезьянъ къ людямъ, ихъ симпатіяхъ къ однимъ, отвращеніи къ другимъ и т. п. Мы не переводимъ этого поучительнаго дневника только потому, что дѣло идетъ объ обезьянѣ, бывшей на привязи: это слишкомъ ненормальное состояніе для животнаго, особенно столь страстнаго къ свободѣ, какъ обезьяна; но отсылаемъ желающихъ къ англійскому подлиннику или французскому переводу.

IV.

Все вышеизложенное безспорно установлено въ наукѣ, провѣрено многочисленными наблюденіями и не оставляетъ сомнѣнія, что обезьяны — самыя смышленыя животныя на землѣ, послѣ людей. Но именно эта смышленость, особенно же любовь обезьянъ къ общежитію, давно заставляла предполагать, что у нихъ есть, кромѣ мимики, средство сообщать другъ другу знанія, пріобрѣтаемыя изъ опыта жизни, входить въ соглашенія, обсуждать общественные вопросы. Такимъ средствомъ, очевидно, могъ быть только языкъ, даръ слова, способность произносить членораздѣльные звуки, смыслъ которыхъ былъ бы одинаковъ для всѣхъ обезьянъ данной породы, или хоть даннаго общества, и усвоивался ими съ младенчества. Но доселѣ никто не рѣшался признать, что обезьяны владѣютъ такою способностью, хотя всѣ знали, что онѣ не лишены голосоваго аппарата и способны издавать самые разнородные звуки, отъ шопота и ворчанія

подъ носъ, до самыхъ пронзительныхъ криковъ. Честь открытія у обезьянъ языка,—открытія, сдѣланнаго въ самое недавнее время,—принадлежитъ профессору Гарнеру, который изложилъ свои наблюденія и опыты въ американскомъ журналѣ «New Revue». Свои изысканія Гарнеръ производилъ первоначально въ зоологическомъ саду въ Цинциннати и, не довольствуясь при этомъ одними собственными ушами и памятью звуковъ, прибѣгалъ къ фонографу; потомъ онъ перешелъ въ Вашингтонъ и пользовался содѣйствіемъ директора тамошняго звѣринца. Первымъ поводомъ къ началу филологическихъ наблюденій надъ обезьянами былъ для Гарнера слѣдующій фактъ. Лѣтъ семь тому назадъ, въ клѣтку, содержавшую до дюжины маленькихъ обезьянъ, былъ впущенъ большой мадрилъ съ красными мордой и ляжками, который порядочно напугалъ своимъ страшнымъ видомъ жилицъ клѣтки. Послѣднія собрались у задней стѣны или рѣшетки, внимательно наблюдали невиданное дотолѣ чудище и передавали *звуками* свое замѣчанія сосѣдкамъ за рѣшеткою, въ другомъ отдѣленіи клѣтки. Прислушиваясь внимательно, не оставалось сомнѣнія, что тутъ были *разговоры*, цѣлыя рѣчи, и вотъ Гарнеръ рѣшился заняться изученіемъ языка обезъянъ и въ семь лѣтъ достигъ не только ознакомленья съ фонетическими элементами обезьяньей рѣчи, но и выучился до нѣкоторой степени говорить по обезьяньи, быть понимаемымъ обезьянами. Сначала дѣло было очень трудно, потому что записывать чуждые, непонятные звуки, съ ихъ интонаціями, у насъ почти нѣтъ средствъ, особенно, когда они не поются протяжно, а произносятся скороговоркою. Но скоро явился на помощь фонографъ, и тогда изученіе пошло быстрѣе. Вотъ какіе опыты дѣлалъ Гарнеръ. Двѣ обезьяны, самецъ и самка, долгое время жившія въ одной клѣткѣ и, слѣдовательно, установившія свой языкъ, были разсажены въ два разныя жилища. Фонографъ былъ поставленъ около клѣтки самки и регистровалъ всѣ ея звуковыя заявленія радости или печали, послѣ чего былъ перенесенъ къ клѣткѣ самца. Когда аппаратъ началъ воспроизведеніе звуковъ, то самецъ былъ очень удивленъ, но прислушивался къ нимъ и отвѣчалъ по своему. Такая бесѣда, повторенная не разъ, открыла наблюдателю существованіе нѣкоторыхъ постоянныхъ комбинацій гласныхъ звуковъ съ согласными, то есть словъ. Тогда оставалось записывать эти слова человѣчьими буквами, со знаками ударенія, потомъ воспроизводить ихъ гортанью и ртомъ, и наконецъ, по мѣрѣ возможности, узнавать ихъ значеніе, смыслъ. Дѣло это требовало большой внимательности и терпѣнія, но, впрочемъ, немногимъ лишь болѣе, чѣмъ при изученіи незнакомыхъ

языковъ человѣческихъ. Когда же Гарнеръ узналъ съ точностью нѣкоторыя слова и фразы обезьянъ, тогда онъ рѣшился заговорить съ ними на ихъ языкѣ.

Послѣднія были этимъ ошеломлены. Сначала онѣ не вѣрили своимъ ушамъ, потомъ начали изъявлять свою радость самыми живыми тѣлодвиженіями. Первое слово обезьяньяго языка, понятое профессоромъ, было названіе *молока*; продолжая изслѣдованіе, онъ однако убѣдился, что оно выражаетъ, скорѣе, болѣе общее понятіе напитка,—всего, что̀ пьется. Затѣмъ слѣдовало слово, соотвѣтствующее всему, что̀ ѣстся, т. е. нашему слову: *пища*. Третье слово, значеніе котораго узнано было совершенно опредѣлительно, соотвѣтствовало *рукѣ*, именно кисти ея, т. е. ладони и пальцамъ. Далѣе Гарнеръ установилъ правописаніе слова, обозначающаго у обезьянъ болѣе отвлеченное понятіе о *погодѣ*. Судя по тому, что оно часто употреблялось въ разговорѣ между самими обезьянами, надобно думать, что погода очень интересуетъ послѣднихъ. Всѣ эти слова были записаны наблюдателемъ съ большою отчетливостью съ обозначеніемъ удареній и самаго тона обезьяньяго говора: этотъ тонъ соотвѣтствовалъ нашему la diéze, что̀ дѣлаетъ для человѣческой гортани очень труднымъ воспроизведеніе обезьяньихъ рѣчей и даже отдѣльныхъ словъ.

Одно изъ записанныхъ Гарнеромъ обезьяньихъ словъ, повидимому, соотвѣтствуетъ понятію о смертельной опасности, можетъ быть, объ убійствѣ, о смерти, объ угрозѣ смертью: точнаго перевода сдѣлать доселѣ не удалось, но одно произнесеніе этого слова внушаетъ обезьянамъ сильный страхъ, вызываетъ крайній испугъ. (Не значитъ ли оно по нашему: убью!?). И когда оно въ первый разъ было сказано профессоромъ въ присутствіи одной, очень уже освоившейся обезьяны, то заставило ее дрожать отъ страха. На другой день, кормя ее лакомствами, Гарнеръ успѣлъ было возстановить хорошее расположеніе ея духа; но едва роковое слово было произнесено, какъ животное бросилось въ бѣгство и ушло на самый верхъ своей насѣсти. А какъ онъ и еще разъ повторилъ то же роковое слово, то обезьяну одолѣлъ ужасъ. Напрасно онъ ее звалъ потомъ къ себѣ, заманивалъ сластями и пр., она не поддавалась, и хотя черезъ мѣсяцъ крайнее недовѣріе прошло, но обезьяна все таки отказывалась принимать изъ рукъ ученаго пищу и не позволяла ему ласкать себя.

Гарнеръ продолжаетъ въ настоящее время изученіе обезьяньей лингвистики при помощи одной мелкой особи прежней породы; но онъ пересталъ произносить роковое слово. Какъ общіе выводы изъ своихъ наблюденій, онъ даетъ слѣдующія положенія. Языкъ

обезьянъ слагается изъ 8 или 9 главныхъ, господствующихъ звуковъ (буквъ, слоговъ); но измѣненія въ произношеніи доводятъ эту азбуку до 30 или даже 35 буквъ или коренныхъ звуковъ.

Коренные или основные звуки не имѣютъ одного и того же значенія у разныхъ породъ обезьянъ; слѣдовательно, число обезьяньихъ не только нарѣчій, но даже языковъ, должно быть очень велико. Но это не мѣшаетъ обезьянамъ разныхъ породъ, посаженнымъ въ одну клѣтку, скоро научаться пониманію другъ друга, причемъ каждая говоритъ по своему. Значитъ, ни словари ихъ не отличаются длиною, ни грамматики—сложностью.

При разговорѣ, губы обезьяны дѣлаютъ такія же движенія, какъ у насъ: ихъ можно фотографировать мгновенною свѣтописью. Но обезьяны не рѣчисты, т. е. рѣдко говорятъ безъ нужды, довольствуясь, для текущихъ сношеній съ себѣ подобными, мимикой и игрой глазъ. Способность и склонность говорить у нихъ развивается съ усовершенствованіемъ физіологическимъ, умственнымъ и общественнымъ... Чѣмъ совершеннѣе общественная организація, тѣмъ, повидимому, сложнѣе становится и языкъ.

Судя не только по бесѣдамъ, но и по дѣйствіямъ обезьянъ, онѣ понимаютъ связь между причиной и слѣдствіемъ, и потому, напр., могутъ предупреждать товарищей звуками,—пожалуй, словами,—объ опасности, если условія ея появляются. Наблюдая ихъ долгое время и при разныхъ обстоятельствахъ, приходишь къ прочному убѣжденію, что онѣ мыслятъ... И Гарнеръ, въ заключеніе, настаиваетъ на продолженіи и усовершествованіи его наблюденій и выводовъ ради уразумѣнія способа образованія *человѣческой* рѣчи. Знаменитое положеніе Вильгельма Гумбольдта, что «языкъ есть произведеніе духа», видимо не смущаетъ его; а, можетъ быть, оно и неизвѣстно ему, какъ теоріи Ренана, Максъ-Мюллера и другихъ филологовъ: онъ вѣдь натуралистъ.

М. Венюковъ.

САФО ВЪ ГОСТЯХЪ У ЭРОТА.

Безоблачнымъ сводомъ раскинулось небо Эллады;
Лазурнаго моря прозрачны спокойныя воды;
Средь рощъ апельсинныхъ бѣлѣютъ дворцовъ колоннады,—
Созданія смертныхъ слились съ совершенствомъ природы.

О, тутъ ли не жизнь, въ этой чудной странѣ вдохновенья,
Гдѣ все лишь послушно любви обольстительной власти?
Но здѣсь, какъ и всюду, таятся и скорбь, и мученья,—
Гдѣ волны морскія—тамъ бури, гдѣ люди—тамъ страсти.

На холмъ близь Коринѳа, гдѣ высится храмъ Афродиты,
Печальная путница входитъ походкой усталой.
Разбросаны кудри, сандаліи пылью покрыты,
И къ поясу лира привязана лентою алой.

Уже доносились къ ней смѣха и пѣнія звуки,
Ужь вѣялъ зефиръ, ароматами розъ напоенный...
Къ стѣнѣ заповѣдной съ мольбой возвела она руки,
И тихо «люблю» прошепталъ ея голосъ влюбленный.

Вмигъ дверь отворилась отъ силы волшебнаго слова,
И взорамъ пытливымъ представился садъ Афродиты,
Гдѣ въ каждомъ цвѣткѣ всѣ услады блаженства земнаго,—
Любви торжествующей,—были незримо разлиты.

Прекрасныя дѣти: Нарцисъ, Ганимедъ и другіе
Оставили игры и путницу всѣ обступили.
— Могу ли я видѣть Киприду, мои дорогіе?—
Спросила ихъ дѣва, хитонъ отряхая отъ пыли.

дѣла, закрывъ лицо руками, и, качая головой, шептала: „Боже мой, опять, опять это!..“.

Тогда онъ заговорилъ иначе, стараясь убѣдить ее.

— Послушай, милая, ты знаешь, какъ я люблю тебя. Но что же дѣлать? Оставаться такъ—нѣтъ силъ!.. Или ты, или моя новая вѣра...

Вдругъ она отняла руки отъ блѣднаго лица и начала тихимъ голосомъ:

— Поговоримъ спокойно: это всегда лучше. Послушай, зачѣмъ разставаться? Пускай мужъ ѣдетъ одинъ за границу на свою командировку. Я останусь въ Петербургѣ. Не принуждай меня ѣхать. Я согласна на все. Пусть будетъ такъ, какъ ты хочешь... Господи, мнѣ ничего не надо,—только бы ты былъ со мною!..

Но онъ молчалъ и думалъ: „слѣдуетъ быть твердымъ; если я уступлю, все погибло! Я далъ себѣ клятву не уступать!“

Тогда она тихонько подошла къ нему.

— Ты мнѣ не вѣришь, Саша? Это нехорошо. Я не лгу: я докажу тебѣ. Прежде мнѣ было стыдно и я скрывала отъ тебя часть моей жизни. Я была развратной, пустой женщиной до того дня, какъ тебя встрѣтила. Мужа я презирала и теперь презираю. Еслибы ты зналъ, до чего я могла дойти! Я пріучила себя къ морфію. Но когда ты полюбилъ меня, все измѣнилось. Я стала опять человѣкомъ. Не слушай, что я нападаю на твою вѣру: за эту вѣру я тебя и люблю! Она такъ прекрасна... въ тебѣ... Я все пойму, только люби меня! Не покидай меня на полдорогѣ. Я ослабѣю и вернусь назадъ въ тотъ гадкій міръ.

Глаза ея блистали; она говорила съ увлеченіемъ.

— Подожди, я скажу тебѣ всю правду: ты не знаешь любви! Вспомни: когда слушаешь музыку, развѣ ты можешь рѣшить умомъ, почему у нея такая власть надъ твоею душою. Ты не можешь сказать, что она такое—добро или зло,—только знаешь, что она прекрасна. Ты долженъ ей покориться: выше справедливости нѣтъ! То же самое — любовь. Саша, развѣ можно ее понять, развѣ можно ее судить? Ты мнѣ говорилъ, что въ библіи гдѣ-то сказано: „*любовь сильна, какъ смерть*“. Никакія разсужденія не помогутъ, когда при-

А я... я страдаю!.. Фаона любила я страстно,
И камнемъ тяжелымъ мнѣ грудь его давитъ измѣна!

— Мы горю поможемъ,—Эротъ улыбнулся,—тобою
Спасенный отъ клѣтки, тебя наградить я съумѣю.
Подай-ка мнѣ лиру, я такъ ее нѣжно настрою,
Что милаго сердце вернешь ты навѣрное ею.—

И точно, когда, возвратившись къ себѣ въ Митилены,
Въ божественныхъ стр фахъ «десятая муза» воспѣла
Могущество вѣчное сына рожденной изъ пѣны,
Фаонъ къ ней вернулся и сердце ей отдалъ всецѣло...

Безсмертнаго имени слава объемлетъ полъ-міра.
Блаженъ, кто избѣгнулъ волны поглощающей Леты,
Чья, чести достойная, лавромъ увѣнчана лира,—
Награда, которой понынѣ гордятся поэты.

М. Лохвицкая.

вскочивъ, она торопливо, не платкомъ, а ладонью руки отерла слезы: „совсѣмъ, какъ дитя“, — подумалъ Строевъ, и почему-то это маленькое движеніе растрогало его больше, чѣмъ всѣ жалобы и рыданія. Она подошла къ нему и обняла такъ крѣпко, что ему было почти больно.

— Прощай, голубчикъ Саша!.. Не сердись на меня!.. Я сдѣлаю все, какъ ты хочешь... Напиши мнѣ послѣдній разокъ. Любить на половину, какъ до сихъ поръ мы любили, я не могу. Если ты такъ рѣшишь, я уѣду за границу. Только можетъ быть...

Онъ видѣлъ, что она хотѣла обмануть себя и его надеждой, и онъ отвѣчалъ улыбкой любви на ея умоляющую улыбку. Она прибавила:

— Можетъ быть, ты передумаешь. Тогда напиши... А пока прощай и, что̀ бы ни случилось, помни, что я люблю тебя безконечно. Дай тебѣ Богъ всего хорошаго, мальчикъ мой милый!..

Она схватила его голову обѣими руками, покрывая торопливыми поцѣлуями его глаза, губы, лобъ, волосы. Изъ ея большихъ, прекрасныхъ глазъ струились ему на лицо горячія слезы. Съ тою безнадежною улыбкою, которая почему-то является въ самыя послѣднія минуты разлуки, она быстро повторяла: „Христосъ съ тобою!“ и крестила его. И Строеву вспомнилось, какъ въ далекомъ дѣтствѣ мать, надолго разставаясь, также крестила его и плакала...

Онъ вышелъ на улицу, едва удерживая рыданія. Это были не только слезы любви, но еще какого-то другаго неяснаго чувства. Если новое ученіе дало такую силу, что для него онъ могъ пожертвовать любовью, значитъ, оно не обмануло: онъ нашелъ истину! Строевъ чувствовалъ себя на высотѣ, и передъ великимъ счастіемъ вѣрить — любовь къ женщинѣ, ея страданія казались ему ничтожными.

Въ тотъ же вечеръ онъ написалъ Ольгѣ Сергѣевнѣ коротенькую записку, въ которой прощался съ нею навсегда.

III.

Весенній туманный вечеръ повисъ надъ городомъ. Звуки, формы и краски стирались въ тепломъ, тяжеломъ воздухѣ. Зато рѣзче выступали запахи.

Строевъ вышелъ на улицу. Его охватила духота. Изъ открытыхъ дверей кабака пахнуло водкой, щами и махоркой. Ѣдкая пыль извести носилась вокругъ лѣсовъ огромнаго зданія. Ничего особеннаго не случилось, но Александръ Николаевичъ палъ духомъ и все больше, безъ видимой причины, терялъ бодрость, какъ будто отъ дѣйствительнаго несчастія. Теперь онъ сомнѣвался чуть ли не во всемъ, и это были безсмысленныя, глупыя сомнѣнія, съ которыми и бороться стыдно, потому что стыдно ихъ признавать.

Люди столько разъ открывали истину, которая для слѣдующихъ поколѣній оказывалась ложью. Развѣ не дѣтское тщеславіе думать, что послѣ милліоновъ опытовъ онъ одинъ, Строевъ, и его кружокъ нашли вѣрный путь для будущихъ вѣковъ? Онъ почему-то вспомнилъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, зимой, закутанный въ бобровую шинель, мчался по Невскому на рысакѣ, вспомнилъ розовую снѣжную пыль январскихъ сумерекъ, ощущеніе во всемъ тѣлѣ здоровья и молодости...

«Нѣтъ, я—пустой и гадкій человѣкъ! Причемъ тутъ новая вѣра? Зачѣмъ ее винить? У меня не хватаетъ силы вѣрить... Но что же дѣлать, если нѣтъ въ душѣ силы? Я притворялся, что люблю людей. И за что ихъ любить"?..

Строевъ шелъ по одной изъ многолюдныхъ улицъ—по Гороховой,—направляясь къ Адмиралтейству. Должно быть, былъ праздникъ. Гуляло много народу; встрѣчались пьяные. Въ этихъ городскихъ, измученныхъ, но веселыхъ лицахъ онъ видѣлъ—какъ ему казалось—одно общее выраженіе глупой и злой хитрости, вѣчной мысли о деньгахъ, болѣзни и преждевременнаго разврата. Онъ повторялъ про себя стихи Лермонтова:

Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Онъ не могъ оставаться въ толпѣ. Его обрадовали зеленыя, свѣжія деревья. Строевъ подумалъ: „какъ они прекрасны, какъ не похожи на людей!“ Онъ вошелъ въ Александровскій скверъ. Пахнуло въ лицо крѣпкимъ и сладкимъ запахомъ еще незапыленныхъ листьевъ. Онъ сѣлъ на скамейку. На землѣ туманъ сгустился, а на небѣ было яснѣе. Кое-гдѣ, сквозь сѣрую дымку, виднѣлись нѣжные голубоватые просвѣты. И мало по малу ихъ неуловимые воздушные края окрасились въ розовый вечерній свѣтъ. Онъ смотрѣлъ на него и думалъ:

„Если жизнь наша въ самомъ дѣлѣ—страданіе, долгъ, работа, приготовленіе къ смерти,—зачѣмъ же въ природѣ эта непонятная красота? Что въ ней общаго съ человѣческой жизнью, добромъ и долгомъ?.. Вотъ этотъ розовый цвѣтъ говоритъ мнѣ про цѣлый міръ, таинственный и навѣки закрытый для меня. Можетъ быть, въ немъ наши человѣческія раздѣленія на зло и добро ничего не значатъ... Господи, зачѣмъ въ душѣ моей нѣтъ ничего вѣчнаго и незыблемаго?.. Долгъ—такъ долгъ, страданіе—такъ страданіе... И безъ того мы слабы,—къ чему же эти ловушки красоты, эти вѣчные обманы, намеки на невозможное счастіе?..“

— Послушайте, хорошенькій студентъ, одолжите мнѣ папироску. Страсть курить хочется!..

Онъ вздрогнулъ и оглянулся. Рядомъ съ нимъ сѣла на скамейку очень молоденькая и миловидная бѣлокурая дѣвушка.

— О чемъ это вы такъ задумались? Даже не отвѣчаетъ. Какой гордый!..

— Простите, пожалуйста. Я не курю. У меня нѣтъ папиросъ.

— Ну, на нѣтъ и суда нѣтъ!

Она была одѣта скромно и чисто—въ сѣромъ лѣтнемъ пальто, съ бѣлымъ шолковымъ платочкомъ на головѣ. Ея слова не показались ему непріятными, не смотря на фамильярность: до такой степени они были сказаны просто и дружелюбно. Онъ, конечно, догадывался, кто эта дѣвушка, но не чувствовалъ отвращенія. У нея лицо было самое простое, тихое и скромное: одно изъ добрыхъ русскихъ лицъ, про которыя не думаешь, умныя они или глупыя, потому что и вопросъ объ умѣ не приходитъ въ голову, когда смотришь на это безмятежное здоровье. Прежде онъ встрѣчался съ падшими

бирать шапки. Послышались посторонніе разговоры: „Анна Николаевна, намъ по дорогѣ? — Нѣтъ, я въ Измайловскій полкъ!“

Наконецъ, когда всѣ лишніе удалились, кончился нелѣпый гамъ и шумъ. Оставшіеся мало по малу начали другъ друга понимать: точно прежде говорили на разныхъ языкахъ, а теперь на одномъ.

Собесѣдники ближе узнали молодаго человѣка, который прочелъ рефератъ — Александра Николаевича Строева. Эта горячая метафизическая бесѣда многимъ запала глубоко въ душу. Гости, расходясь домой въ пять часовъ утра, говорили: „Строевъ—ужасный чудакъ, какой-то *пророкъ*“... Но другіе прибавляли: „а все таки онъ милый и, кажется, умный человѣкъ“.

II.

Строевъ прожилъ дѣтство и юность въ роскоши. Отецъ его игралъ видную роль въ высшихъ чиновничьихъ сферахъ Петербурга. Мать рано умерла. За годъ до окончанія курса въ одномъ изъ аристократическихъ учебныхъ заведеній, Строевъ разошелся съ отцомъ „по убѣжденію“.

Затѣмъ Александръ Николаевичъ отправился въ деревню на Донъ, въ какую-то колонію „интеллигентныхъ земледѣльцевъ“. Онъ мечталъ вернуться къ простому крестьянскому образу жизни. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ простудился на тяжелой работѣ, схватилъ воспаленіе легкихъ и чувствовалъ себя настолько слабымъ, что ему пришлось на время отказаться отъ физическаго труда. Онъ вернулся въ Петербургъ и задумывалъ обширное, увлекательное дѣло—изданіе „Всеобщей народной газеты“. Строевъ жилъ уроками, очень бѣдно, почти нищенски, и не бралъ ни копѣйки отъ отца. Во многихъ кружкахъ петербургской молодежи онъ проповѣдывалъ свои новыя теоріи сліянія съ народомъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ описаннаго чтенія на Пескахъ, Строевъ вечеромъ подходилъ къ подъѣзду большаго краснваго дома на Николаевской. Не смотря на его плохенькое драповое пальтишко, важный швейцаръ низко по-

— Простите, пожалуйста, мнѣ непремѣнно надо домой...

Дворникъ стоялъ у отворенной калитки и ждалъ. Лицо ея вдругъ сдѣлалось грустнымъ. Она покраснѣла, отвела Строева немного въ сторону и тихонько сказала, очевидно сама робѣя передъ нимъ:

— Послушай, можетъ быть, у тебя нѣтъ съ собою денегъ? Такъ это ничего! Ты въ другой разъ... Ну, хоть на минутку зайдемъ, пожалуйста!..

Она просила такъ искренно, наивно, какъ проситъ дорогаго гостя радушная хозяйка. Здѣсь, на улицѣ, отказать было неловко передъ дворникомъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ вопросительно. Строевъ рѣшилъ, что попрощается на лѣстницѣ. Они вошли во дворъ, поднялись въ четвертый этажъ и она позвонила. Теперь онъ колебался — отдавать ли ей уже заранѣе приготовленныя деньги, или лучше не отдавать и такъ уйти. Въ это время отворилась дверь. Дѣвушка сказала: „здѣсь темно“ и ввела его за руку въ прихожую. Растрепанная кухарка зажгла спичку и посмотрѣла на нихъ съ тѣмъ же выраженіемъ, какъ дворникъ и господинъ на улицѣ. Дѣвушка спросила у кухарки:

— А что, заходилъ Степанъ Парамоновичъ?

— Нѣтъ, не были.

— Ну и чортъ съ нимъ! Очень рада.

Строевъ, держа въ рукѣ кредитную бумажку, вошелъ въ низенькую комнату. Въ ней пахло немного сыростью, но было чисто и уютно. На потолкѣ висѣлъ голубой фонарикъ — убогая петербургская роскошь. Зеркало на комодѣ было убрано кисеей и розанами отъ куличей. Въ углу виднѣлся образъ съ шеколаднымъ яичкомъ на голубой ленточкѣ и горѣла лампадка. Передъ постелью, съ грудой чистыхъ бѣлыхъ подушекъ и розовымъ пикейнымъ одѣяломъ, на стѣнѣ висѣлъ дешевый коверъ съ изображеніемъ фантастическаго краснаго тигра. Строевъ осторожно положилъ въ комочекъ сложенную бумажку на столъ, попрощался и хотѣлъ уйти.

— Ахъ, какой чудакъ!.. Нѣтъ, ужь я теперь ни за что не отпущу тебя.

Со смѣхомъ она подскочила къ двери, перевернула два раза ключъ, вынула его и убѣжала на другой конецъ комнаты, крикнувъ:

— Ну-ка, попробуй, отними!..

Пушистые волосы выбились изъ ея свѣтлой толстой косы, и грудь, запыхавшись, подымалась подъ ситцевой розовой кофтой. Строевъ сѣлъ въ недоумѣніи на стулъ. Онъ досадовалъ на себя, но былъ увѣренъ, что сейчасъ уйдетъ. Вдругъ дѣвушка подбѣжала, и онъ не успѣлъ опомниться, какъ она сѣла ему на колѣни и крѣпко обвила шею руками. Тогда онъ внезапно почувствовалъ, что надо какъ можно скорѣй уходить. Онъ схватилъ ее за руки, чтобы отнять ключъ, но она вырвала ихъ и спрятала на груди. Онъ боролся. Съ мучительнымъ, все возраставшимъ волненіемъ онъ чувствовалъ, какъ она извивается и бьется въ его рукахъ.

— Отдайте, отдайте, пожалуйста!

— А вотъ не отдамъ!

Она уже замѣтила его смущеніе и громко смѣялась, повторяя: „не отдамъ!“ Но теперь смѣялись однѣ только красивыя губы, а глаза были строгіе, глубокіе и—какъ ему казалось—страшные. Онъ сказалъ себѣ: „это безуміе, кошмаръ! Этого быть не можетъ!..“ Но, уже не вѣря въ свою мысль, Строевъ цѣплялся за нее въ отчаяніи, какъ человѣкъ, скользящій въ пропасть, хватается за траву, зная, что она оборвется. Въ ту же минуту, злоба на себя и еще бо́льшая злоба на эту хохочущую красивую дѣвушку охватила его. Онъ хотѣлъ далеко отбросить ее грубымъ движеніемъ и схватилъ такъ больно, что она вскрикнула, но не поняла его движенія и еще громче засмѣялась.

Тогда съ тою же грубостью, съ которой хотѣлъ оттолкнуть, онъ обнялъ ее и поцѣловалъ въ губы. Строевъ еще на мгновеніе опомнился и подумалъ: „что́ я дѣлаю!“ но уже не нашелъ въ себѣ ни раскаянія, ни воли...

IV.

Онъ вышелъ отъ нея въ три часа ночи. Она открыла дверь, чтобы проводить его со свѣчей, но было уже свѣтло. Дѣвушка крикнула сверху:

— Заходи, голубчикъ, ко мнѣ еще разъ поскорѣе!..

Дворникъ отворилъ калитку, поклонился и попросилъ на

чай. Строевъ далъ. Улицы были пустынныя и почти такія же свѣтлыя, какъ днемъ. Поэтому тишина казалась неестественной. Строевъ ни о чемъ не думалъ, не зналъ, куда идетъ. Онъ прошелъ мимо той самой скамейки, гдѣ сидѣлъ вечеромъ,—и равнодушно удивился. Воспоминаніе показалось ему безконечно далекимъ, какъ будто съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ. Проѣхалъ извощикъ. На дрожкахъ сидѣли двое пьяныхъ безъ шапокъ, обнявшись и раскачиваясь. Они орали пѣсни. Съ оглушительнымъ грохотомъ потянулись ломовые на огромныхъ лошадяхъ съ мѣдной тяжелой сбруей. Небо было высокое, бѣлое и холодное безъ тумана. Фасады домовъ озарялись страннымъ свѣтомъ. Стекла завѣшанныхъ оконъ отражали мертвый, блѣдный цвѣтъ неба. Въ одномъ окнѣ свѣтился огонекъ. Строевъ подумалъ: „это красиво“, и опять удивился своей мысли.

Онъ всему удивлялся. Все казалось ему новымъ и чуждымъ. У него было такое чувство, какъ будто уже съ незапамятныхъ временъ онъ идетъ по этимъ пустыннымъ, свѣтлымъ и страшнымъ улицамъ, неизвѣстно куда, и вѣчно будетъ такъ идти. Онъ не могъ понять, что это такое—и въ этомъ заключалась мука... Послѣ долгихъ блужданій, самъ не сознавая какъ,—онъ очутился наконецъ у двери своей квартиры. Строевъ позвонилъ. Отворила грязная чухонка-хозяйка. Онъ вошелъ въ свою каморку; она тоже была свѣтлой, пустынной и страшной. Онъ сѣлъ на постель и подумалъ: „неужели и здѣсь не будетъ покоя?“ Въ эту минуту, на столѣ онъ замѣтилъ письмо, подошелъ и посмотрѣлъ. Марка была заграничная, и почеркъ показался ему знакомымъ. Онъ подержалъ письмо въ рукахъ, но потомъ опять бросилъ.

Онъ началъ лѣниво снимать сапоги. Но письмо бѣлѣло на темномъ переплетѣ книги и мѣшало ему. Онъ съ досадой взялъ его, разорвалъ конвертъ и вынулъ вдвое сложенную бумагу. Вдругъ на него пахнулъ запахъ духовъ, тѣхъ самыхъ, которыми всегда душилась Ольга Сергѣевна. Онъ вздрогнулъ, какъ будто проснулся и почувствовалъ нестерпимую, — какъ ему казалось,—физическую боль въ груди, отъ которой застоналъ... И онъ прочелъ письмо:

детъ смерть: что̀ значитъ твой бѣдный умъ, когда придетъ настоящая любовь!.. О, еслибы ты зналъ, милый мой, какъ страшно и сладко любить!.. Любовь глубже, безконечнѣе всѣхъ твоихъ книгъ, всѣхъ твоихъ теорій. Надо слушаться ея и забыть свой умъ. Она умнѣе насъ. Она не хочетъ, чтобы ее спрашивали: зачѣмъ и какъ? Полюби меня, какъ я тебя люблю,—и я увѣрую въ твою вѣру. Ты меня спасешь... Тогда я брошу все, пойду за тобою, куда ты мнѣ прикажешь идти, мой умный мальчикъ, о, мой пророкъ!..

Она стояла передъ нимъ на колѣняхъ, поднявъ глаза, полные слезъ, и цѣловала его руки. Онъ наклонился, встрѣтивъ ея глубокій взглядъ, и на мгновеніе закрылъ глаза. Ему казалось, что онъ на краю бездны, и онъ подумалъ: „не броситься ли?..“ Но потомъ вырвалъ свою руку и сдѣлалъ надъ собою одно изъ тѣхъ страшныхъ усилій, которыя никому не проходятъ даромъ и оставляютъ тяжелый слѣдъ въ душѣ на всю жизнь. Она поднялась и взглянула на него съ ненавистью.

— Я такъ и знала: вы меня не любите!.. Не я, а вы лгали! Все время, пока я васъ знала, вы лгали и притворялись. Зачѣмъ? Что это за игра? Какъ будто я не вижу, что вы не вѣрите ни во что! Вы не можете вѣрить, потому что у васъ нѣтъ души. Подите вы съ вашимъ новымъ ученіемъ! Это не вѣра, а мальчишеское, злое самолюбіе. Теперь я васъ, наконецъ, поняла, и мнѣ гадко и стыдно за васъ! Вы такъ молоды, — и ни капли искренняго чувства!.. Довольно, ступайте къ вашимъ книгамъ; вы лучшаго не стоите и знайте, что я съ радостью вернусь къ прежней жизни... Но, если я сдѣлаюсь развратной и низкой женщиной, въ этомъ вы одни будете виноваты. Какое безуміе, изъ-за нелѣпыхъ теорій, изъ-за книжекъ, губить живыхъ людей!..

Она была внѣ себя и потеряла ту грацію движеній, то красивое самообладаніе, которое почти никогда не измѣняетъ свѣтскимъ женщинамъ. Ее душили рыданія; она могла только повторять: „Оставьте, оставьте меня!..“

Въ эту минуту, въ прихожей раздался звонокъ. Ольга Сергѣевна прислушалась: по громкому кашлю она узнала мужа. Послышались знакомые шаги. Онъ прошелъ въ свой кабинетъ. Она знала, что оттуда онъ войдетъ къ ней. Тогда,

вскочивъ, она торопливо, не платкомъ, а ладонью руки отерла слезы: „совсѣмъ, какъ дитя“, — подумалъ Строевъ, и почему-то это маленькое движеніе растрогало его больше, чѣмъ всѣ жалобы и рыданія. Она подошла къ нему и обняла такъ крѣпко, что ему было почти больно.

— Прощай, голубчикъ Саша!.. Не сердись на меня!.. Я сдѣлаю все, какъ ты хочешь... Напиши мнѣ послѣдній разокъ. Любить на половину, какъ до сихъ поръ мы любили, я не могу. Если ты такъ рѣшишь, я уѣду за границу. Только можетъ быть...

Онъ видѣлъ, что она хотѣла обмануть себя и его надеждой, и онъ отвѣчалъ улыбкой любви на ея умоляющую улыбку. Она прибавила:

— Можетъ быть, ты передумаешь. Тогда напиши... А пока прощай и, что бы ни случилось, помни, что я люблю тебя безконечно. Дай тебѣ Богъ всего хорошаго, мальчикъ мой милый!..

Она схватила его голову обѣими руками, покрывая торопливыми поцѣлуями его глаза, губы, лобъ, волосы. Изъ ея большихъ, прекрасныхъ глазъ струились ему на лицо горячія слезы. Съ тою безнадежною улыбкою, которая почему-то является въ самыя послѣднія минуты разлуки, она быстро повторяла: „Христосъ съ тобою!“ и крестила его. И Строеву вспомнилось, какъ въ далекомъ дѣтствѣ мать, надолго разставаясь, также крестила его и плакала...

Онъ вышелъ на улицу, едва удерживая рыданія. Это были не только слезы любви, но еще какого-то другаго неяснаго чувства. Если новое ученіе дало такую силу, что для него онъ могъ пожертвовать любовью, значитъ, оно не обмануло: онъ нашелъ истину! Строевъ чувствовалъ себя на высотѣ, и передъ великимъ счастіемъ вѣрить — любовь къ женщинѣ, ея страданія казались ему ничтожными.

Въ тотъ же вечеръ онъ написалъ Ольгѣ Сергѣевнѣ коротенькую записку, въ которой прощался съ нею навсегда.

III.

Весенній туманный вечеръ повисъ надъ городомъ. Звуки, формы и краски стирались въ тепломъ, тяжеломъ воздухѣ. Зато рѣзче выступали запахи.

Строевъ вышелъ на улицу. Его охватила духота. Изъ открытыхъ дверей кабака пахнуло водкой, щами и махоркой. Ѣдкая пыль извести носилась вокругъ лѣсовъ огромнаго зданія. Ничего особеннаго не случилось, но Александръ Николаевичъ палъ духомъ и все больше, безъ видимой причины. терялъ бодрость, какъ будто отъ дѣйствительнаго несчастія. Теперь онъ сомнѣвался чуть ли не во всемъ, и это были безсмысленныя, глупыя сомнѣнія, съ которыми и бороться стыдно, потому что стыдно ихъ признавать.

Люди столько разъ открывали истину, которая для слѣдующихъ поколѣній оказывалась ложью. Развѣ не дѣтское тщеславіе думать, что послѣ милліоновъ опытовъ онъ одинъ, Строевъ, и его кружокъ нашли вѣрный путь для будущихъ вѣковъ? Онъ почему-то вспомнилъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, зимой, закутанный въ бобровую шинель, мчался по Невскому на рысакѣ, вспомнилъ розовую снѣжную пыль январьскихъ сумерекъ, ощущеніе во всемъ тѣлѣ здоровья и молодости...

«Нѣтъ, я—пустой и гадкій человѣкъ! Причемъ тутъ новая вѣра? Зачѣмъ ее винить? У меня не хватаетъ силы вѣрить... Но что же дѣлать, если нѣтъ въ душѣ силы? Я притворялся, что люблю людей. И за что ихъ любить"?..

Строевъ шелъ по одной изъ многолюдныхъ улицъ—по Гороховой,—направляясь къ Адмиралтейству. Должно быть, былъ праздникъ. Гуляло много народу; встрѣчались пьяные. Въ этихъ городскихъ, измученныхъ, но веселыхъ лицахъ онъ видѣлъ—какъ ему казалось—одно общее выраженіе глупой и злой хитрости, вѣчной мысли о деньгахъ, болѣзни и преждевременнаго разврата. Онъ повторялъ про себя стихи Лермонтова:

Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.

зака,—методическій ровный, логическій, безъ скачковъ и порывовъ; Гончаровъ любитъ точность въ описаніи предмета, онъ не жертвуетъ никакой подробностью, никакимъ самымъ ничтожнымъ фактомъ: онъ все анализируетъ съ одинаковой любовью или, вѣрнѣе, съ одинаковымъ безстрастьемъ; онъ не схватываетъ сразу и непосредственно сущность предмета, какъ это дѣлаетъ синтетическій умъ,—онъ только описываетъ, т. е. анализируетъ, входя въ самыя мелкія подробности, даже въ ущербъ художественному впечатлѣнію. Онъ—дискурсивный умъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обратить вниманіе на начало любаго изъ его романовъ, — «Обломова», напримѣръ. Эту особенность ума или таланта Гончарова давно уже замѣтилъ Добролюбовъ; онъ ее отмѣтилъ, но не остановился на ней, не придавая ей особеннаго психологическаго значенія, потому что въ этюдѣ о Гончаровѣ его занимала не психологія писателя, не его эстетическое значеніе, а общественное. «Всѣмъ занялся онъ (Гончаровъ) съ любовью,—говоритъ Добролюбовъ,—все очертилъ подробно и отчетливо. Не только тѣ комнаты, въ которыхъ жилъ Обломовъ, но и тотъ домъ, въ какомъ онъ только мечталъ жить; не только халатъ его, но старый сюртукъ и щетинистыя бакенбарды слуги его Захара; не только писаніе письма Обломова, но и качество бумаги и чернилъ въ письмѣ старосты къ нему,—все приведено и изображено съ полною отчетливостью и рельефностью. Авторъ не можетъ пройти мимоходомъ даже какого нибудь барона фонъ-Лангвагена,—не играющаго никакой роли въ романѣ; и о баронѣ напишетъ онъ цѣлую прекрасную страницу, и написалъ бы двѣ и четыре, еслибы не успѣлъ исчерпать его на одной». Совершенно ту же черту замѣчаете вы и въ Бальзакѣ; въ душу своихъ героевъ Бальзакъ не входитъ разомъ, однимъ скачкомъ, какъ Шекспиръ: онъ бродитъ подолгу вокругъ да около нихъ, терпѣливо, точно анатомъ, сперва разсматривая мускулъ, потомъ кость, потомъ вены, потомъ нервы, а къ мозгу и сердцу подходитъ только тогда, когда перешелъ цѣлый циклъ органовъ и отправленій. Сперва онъ описываетъ городъ, потомъ улицу, потомъ домъ; объяснивъ фасадъ, скважины камня, строеніе и матеріалъ, разсказываетъ размѣщеніе комнатъ, форму каминовъ, узоры обоевъ, стиль и разстановку мебели, потомъ распространяется объ одеждѣ. Дойдя этимъ окольнымъ путемъ до человѣка, онъ принимается объяснять съ прежнимъ рвеніемъ строеніе рукъ, изгибъ спины, форму носа, толщину костей, длину подбородка, толщину губъ. Сдѣлавъ и это, онъ принимается разсказывать происхожденіе человѣка, его воспитаніе, привычки, занятія, количество состоянія, кружокъ, въ которомъ этотъ человѣкъ живетъ, съ какими людями водится, какъ онъ издерживаетъ и на что издерживаетъ деньги, какія блюда любитъ, какъ относится онъ къ своей кухаркѣ,—а если къ слову пришлось, то и кухарку опишетъ точно такимъ образомъ. Однимъ словомъ, Бальзакъ касается безчисленнаго множества обстоятельствъ, которыя вліяютъ на характеръ, медленно измѣняютъ его въ ту или другую сторону, накладываютъ на него свою печать. Гончаровъ не такъ подробенъ и мелоченъ, но и у него эта черта прежде всего поражаетъ чита-

теля. Откройте «Обломова» на первой страницѣ, и вы убѣдитесь въ этомъ. «Цвѣтъ лица у Ильи Ильича не былъ ни румяный, ни смуглый, ни положительно блѣдный, а безразличный; тѣло его, судя по матовому, черезчуръ бѣлому цвѣту шеи, маленькихъ пухлыхъ рукъ, мягкихъ плечъ, казалось слишкомъ изнѣженнымъ для мужчины; движенія его, когда онъ былъ даже встревоженъ, сдерживались также мягкостью и не лишенною своего рода граціи лѣнью; на немъ былъ халатъ изъ персидской матеріи, безъ кистей, безъ бархата, безъ тальи, весьма помѣстительный; рукава, по неизмѣнной азіатской модѣ, шли отъ пальцевъ къ плечу все шире и шире; туфли на немъ были длинныя, мягкія и широкія; когда онъ, не глядя, опускалъ ноги съ постели на полъ, то непремѣнно попадалъ въ нихъ сразу; задокъ у одного дивана осѣлся внизъ, наклеенное дерево мѣстами отстало; по стѣнамъ, около картинъ, лѣпилась, въ видѣ фестоновъ, паутина, напитанная пылью; зеркало, вмѣсто того чтобы отражать предметы, могло бы служить скорѣе скрижалями для записыванія на нихъ, по пыли, какихъ нибудь замѣтокъ на память. Ковры были въ пятнахъ, на диванѣ лежало забытое полотенце; на столѣ рѣдкое утро не стояла неубранная отъ вчерашняго ужина тарелка съ солонкой и съ обглоданной косточкой, да не валялись хлѣбныя крошки»... Описаніе продолжается и дальше все въ томъ же тонѣ, съ тою же обстоятельностью и точностью. Въ началѣ этотъ пріемъ утомляетъ читателя: читатель точно въ передней и дожидается приглашенія войти въ комнаты. Но въ этой обстоятельности и точности есть своего рода сила, и огромная сила; благодаря имъ, предметъ съ необыкновенной яркостью и рельефностью отпечатлѣвается въ воображеніи; онъ становится реальнымъ, видимымъ, осязаемымъ,—точно передъ вами не описаніе предмета, а самъ предметъ. Кромѣ того, вы видите и чувствуете, что если Гончаровъ такъ мелоченъ и подробенъ въ описаніи дома, комнаты, одежды, мебели, то только потому, что ему необходимо полнѣе охватить физіономію человѣка, обитающаго въ этомъ домѣ: человѣкъ оставляетъ неизгладимую печать на внѣшней жизни, на домѣ, на мебели; чтобы объяснить его самого—необходимо прежде объяснить обстановку, въ которой вы живете; кушанья, вами употребляемыя, воздухъ, которымъ вы дышете, дома, которыми вы окружены, книги, которыя вы читаете, самыя мелкія ваши привычки, самыя ничтожныя обстоятельства, руководящія вами—все это способствуетъ тому, чтобы изъ васъ образовать именно того человѣка, какимъ вы являетесь въ дѣйствительности. Этимъ простымъ средствомъ Гончаровъ достигаетъ необыкновенныхъ результатовъ: въ концѣ концовъ, его фигуры становятся такъ живы, что читателю кажется, что онъ ихъ знаетъ десятки лѣтъ, что онъ съ ними жилъ, велъ дружбу, знаетъ ихъ подноготную; эта иллюзія такъ велика, что имена его героевъ—Адуевъ, Штольцъ, Обломовъ, Ольга, Марѳинька, Вѣра, бабушка — становятся нарицательными, обычными; вы ихъ также употребляете, какъ употребляете фамиліи вашихъ знакомыхъ.

Но въ этой силѣ гнѣздятся и недостатки. Этотъ методъ, примѣненный къ портрету, не достигаетъ цѣли: получается не порт-

ретъ, а простое аналитическое описаніе, не передающее живой физіономіи. Прочитайте, напримѣръ, портретъ Ольги: «Ольга, въ строгомъ смыслѣ, не была красавица, то есть, не было ни бѣлизны въ ней, ни яркаго колорита щекъ и губъ, и глаза не горѣли лучами внутренняго огня; ни коралловъ на губахъ, ни жемчуга во рту не было, ни миньятюрныхъ рукъ, какъ у пятилѣтняго ребенка, съ пальцами въ видѣ винограда. Но еслибъ ее обратить въ статую, она была бы статуя граціи и гармоніи. Нѣсколько высокому росту строго отвѣчала величина головы, величинѣ головы—овалъ и размѣры лица; все это, въ свою очередь, гармонировало съ плечами, плечи—съ станомъ... Кто ни встрѣчалъ ее, даже разсѣянный, и тотъ на мгновеніе останавливался передъ этимъ, такъ строго и обдуманно, артистически созданнымъ существомъ. Носъ образовалъ чуть замѣтно выпуклую, граціозную линію; губы тонкія и большею частью сжатыя: признакъ непрерывно-устремленной на что нибудь мысли. То же присутствіе говорящей мысли свѣтилось въ зоркомъ, всегда бодромъ, ничего не пропускающемъ взглядѣ темныхъ сѣро-голубыхъ глазъ. Брови придавали особенную красоту глазамъ: онѣ не были дугообразны, не округляли глаза двумя тоненькими, нащипанными пальцемъ, ниточками—нѣтъ, это были двѣ русыя, пушистыя, почти прямыя полоски, которыя рѣдко лежали симметрично: одна на линію была выше другой; отъ этого подъ бровью лежала маленькая складка, въ которой какъ будто что-то говорило, будто тамъ покоилась мысль». Составляете ли вы себѣ представленіе, живой образъ сейчасъ описаннаго лица? Совершенно такой же пріемъ употребляетъ обыкновенно Бальзакъ. Въ параллель этому портрету Гончарова, позволю себя привести портретъ Бальзака: «Дуга бровей, размашисто начерченная, обрамляетъ сверху глаза, которыхъ пламя по временамъ блеститъ, точно пламя неподвижной звѣзды; бѣлокъ глазъ не голубоватъ, не испещренъ красными нитями, не чисто бѣлъ; онъ имѣетъ твердость роговаго вещества, но въ то же время тонъ его тепелъ. Зрачокъ обведенъ оранжевой дугой,—это бронза, обрамленная въ золото, но золото живое и бронза одушевленная. У этого зрачка много глубины; онъ не удвоенъ, какъ въ нѣкоторыхъ глазахъ, чѣмъ-то въ родѣ амальгамы, отражающей свѣтъ и дѣлающей глаза похожими на глаза тигра или кошки. Но эта глубина имѣетъ свою безконечность, также какъ блескъ зеркальныхъ глазъ имѣетъ свой абсолютъ». Оба портрета написаны по одному и тому же пріему, и оба одинаково безжизненны, т. е. не передаютъ впечатлѣнія живаго лица; это—анатомическіе препараты, а не художественные портреты. Какъ Гончаровъ, такъ и Бальзакъ, одинаково точно перечисляютъ признаки, останавливаясь исключительно на внѣшности, и къ тому же у обоихъ описаніе является отрицательнымъ: въ гончаровскомъ портретѣ нѣтъ *коралловъ* на губахъ, нѣтъ *жемчуга* во рту, нѣтъ миньятюрныхъ рукъ; въ бальзаковскомъ портретѣ: *бѣлокъ* глазъ не голубоватъ, не испещренъ красными пятнами; зрачокъ не удвоенъ. Гончаровъ говоритъ: «*еслибъ* ее обратить въ статую, она была бы статуя граціи и гармоніи». Бальзакъ употребляетъ подобное же сравненіе: «Зрачокъ обведенъ оранжевой дугой—это бронза, обрам-

ленная въ золото». Такіе образы и сравненія не даютъ ровно никакого художественнаго, т. е. цѣльнаго и внезапнаго впечатлѣнія живаго лица. Посмотрите теперь на портретъ, написанный Тургеневымъ; это—портретъ Лизы («Дворянское Гнѣздо»): «Она была очень мила, сама того не зная. Въ каждомъ ея движеніи высказывалась невольная, нѣсколько неловкая грація; голосъ ея звучалъ серебромъ нетронутой юности; малѣйшее ощущеніе удовольствія вызывало привлекательную улыбку на ея губы, придавало глубокій блескъ и какую-то тайную ласковость ея засвѣтившимся глазамъ. Вся проникнутая чувствомъ долга, боязнью оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, она любила всѣхъ и никого въ особенности; она любила одного Бога восторженно, робко, нѣжно... Вернувшись изъ церкви, гдѣ ее видѣлъ Лаврецкій, она тщательнѣе обыкновеннаго привела все у себя въ порядокъ; отовсюду смела пыль, пересмотрѣла и перевязала ленточками всѣ ящики, полила цвѣты и коснулась рукою каждаго цвѣтка. Все это она дѣлала не спѣша: безъ шума, съ какой-то умиленной и тихой заботливостью на лицѣ. Она остановилась, наконецъ, среди комнаты, медленно оглянулась и, подойдя къ столу, надъ которымъ висѣло распятіе, опустилась на колѣни, положила голову на стиснутыя руки и осталась неподвижной». Въ этомъ тургеневскомъ портретѣ нѣтъ никакихъ перечисленій и описаній, есть только *впечатлѣнія*, совокупностью которыхъ складывается цѣлый образъ, живой и непосредственный; мы не знаемъ ни глазъ Лизы, ни цвѣта ея волосъ, ни ея походки, не знаемъ, похожа ли она на статую граціи, или нѣтъ; не знаемъ, былъ ли по, хожъ ея зрачокъ на бронзу, или нѣтъ,—а, между тѣмъ, она передъ нами стоитъ, какъ живая; намъ кажется, что мы бы ее узнали-еслибы встрѣтились съ нею, въ то время какъ мы не можемъ представить себѣ Ольгу, не смотря на обиліе признаковъ, данныхъ намъ Гончаровымъ. — Такимъ образомъ, одинъ и тотъ же пріемъ, употребляемый всегда Гончаровымъ и составляющій существенную особенность его ума,—приводитъ, въ кропотливомъ описаніи предметовъ, къ удивительнымъ художественнымъ результатамъ, а въ портретѣ остается безсильнымъ и не художественнымъ. Тутъ кроется множество послѣдствій, которыя характеризуютъ талантъ Гончарова.

Но этотъ пріемъ не есть самъ по себѣ свойство ума писаеля; это только привычка, которая явилась отъ основной черты его ума, — отъ систематизаціи въ сознаніи, отъ того, что его мысль всегда дѣятельна, всегда сознательна, всегда опережаетъ возникновеніе образа, и вслѣдствіе этого, когда образъ является,— вмѣстѣ съ тѣмъ является и умственная потребность какъ можно полнѣе его изобразить, для того чтобы онъ отвѣчалъ умственному понятію. Мы здѣсь касаемся одного изъ самыхъ таинственныхъ процессовъ творчества. Давнымъ давно поставленъ вопросъ о томъ, насколько процессы творчества суть процессы сознательные или безсознательные; какая доля приходится на долю сознанія и на долю непосредственнаго впечатлѣнія. Вопросы эти до сихъпоръ не рѣшены,

чай. Строевъ далъ. Улицы были пустынныя и почти такія же свѣтлыя, какъ днемъ. Поэтому тишина казалась неестественной. Строевъ ни о чемъ не думалъ, не зналъ, куда идетъ. Онъ прошелъ мимо той самой скамейки, гдѣ сидѣлъ вечеромъ,—и равнодушно удивился. Воспоминаніе показалось ему безконечно далекимъ, какъ будто съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ. Проѣхалъ извощикъ. На дрожкахъ сидѣли двое пьяныхъ безъ шапокъ, обнявшись и раскачиваясь. Они орали пѣсни. Съ оглушительнымъ грохотомъ потянулись ломовые на огромныхъ лошадяхъ съ мѣдной тяжелой сбруей. Небо было высокое, бѣлое и холодное безъ тумана. Фасады домовъ озарялись страннымъ свѣтомъ. Стекла завѣшанныхъ оконъ отражали мертвый, блѣдный цвѣтъ неба. Въ одномъ окнѣ свѣтился огонекъ. Строевъ подумалъ: „это красиво“, и опять удивился своей мысли.

Онъ всему удивлялся. Все казалось ему новымъ и чуждымъ. У него было такое чувство, какъ будто уже съ незапамятныхъ временъ онъ идетъ по этимъ пустыннымъ, свѣтлымъ и страшнымъ улицамъ, неизвѣстно куда, и вѣчно будетъ такъ идти. Онъ не могъ понять, что̀ это такое—и въ этомъ заключалась мука... Послѣ долгихъ блужданій, самъ не сознавая какъ,—онъ очутился наконецъ у̀двери своей квартиры. Строевъ позвонилъ. Отворила грязная чухонка-хозяйка. Онъ вошелъ въ свою каморку; она тоже была свѣтлой, пустынной и страшной. Онъ сѣлъ на постель и подумалъ: „неужели и здѣсь не будетъ покоя?“ Въ эту минуту, на столѣ онъ замѣтилъ письмо, подошелъ и посмотрѣлъ. Марка была заграничная, и почеркъ показался ему знакомымъ. Онъ подержалъ письмо въ рукахъ, но потомъ опять бросилъ.

Онъ началъ лѣниво снимать сапоги. Но письмо бѣлѣло на темномъ переплетѣ книги и мѣшало ему. Онъ съ досадой взялъ его, разорвалъ конвертъ и вынулъ вдвое сложенную бумагу. Вдругъ на него пахнулъ запахъ духовъ, тѣхъ самыхъ, которыми всегда душилась Ольга Сергѣевна. Онъ вздрогнулъ, какъ будто проснулся и почувствовалъ нестерпимую, — какъ ему казалось,—физическую боль въ груди, отъ которой застоналъ... И онъ прочелъ письмо:

V.

„Милый другъ, будь увѣренъ, что я пишу тебѣ въ послѣдній разъ. Я исполнила твое желаніе: черезъ три дня послѣ записки уѣхала за границу. Мой мужъ получилъ выгодное и почетное назначеніе при посольствѣ во Франціи. По всей вѣроятности, мы останемся здѣсь надолго, и не знаю, когда я увижу Россію. Ты правъ: безнадежность—лучшее лѣкарство отъ любви... Природа тоже помогла моему исцѣленію. Я помню еще въ дѣтствѣ: каждый разъ, какъ посмотрю въ голубое, высокое небо,—всѣ горести покажутся вдругъ такими ничтожными, и захочется не плакать надъ ними, а смѣяться.

„Природа хороша, но морфій еще лучше. Это—мой единственный, мой послѣдній другъ. То, что̀ даетъ намъ частицу смерти,—минутное забвеніе,—отрадно; отчего же полное забвеніе—смерть—кажется такой страшной?..

„Прости меня, Саша! Я не могу такъ продолжать. Зачѣмъ я пишу это письмо?.. Мы на прощаніе цѣлуемъ мертвыхъ, хотя знаемъ, что имъ уже все равно. Такъ и я знаю, что моя любовь умерла, но мнѣ хочется совершить для себя грустный обрядъ *„послѣдняго цѣлованія“*... Милый мой, теперь я больше не люблю тебя земною любовью. Между нами бездна, какъ между живыми и мертвыми. Мнѣ ничего не надо отъ тебя. Моя любовь такая свѣтлая, легкая и спокойная! Не отъ нея я гибну, а отъ того, что сама не могу сдѣлаться лучше... Прощай, милый!..

„Я вспоминаю,—ты разсказывалъ мнѣ однажды, что, не смотря на свои сомнѣнія, молишься иногда Богу дѣтской молитвой. Вотъ моя послѣдняя просьба: когда будешь молиться, соедини мое имя съ твоимъ, помолись и за меня. А въ моей грѣшной молитвѣ нѣтъ ничего, кромѣ любви къ тебѣ, — это мое единственное оправданіе передъ Богомъ! Живи долго и счастливо.

Твоя *Ольга*“.

Когда Строевъ прочелъ письмо, онъ подошелъ къ окну, посмотрѣлъ на голубое утреннее небо, закрылъ лицо руками и зарыдалъ. Онъ понялъ, что пожертвовалъ своей гордости

жизнью человѣка. Ему вспомнились слова священнаго писанія: „могій вмѣстити, да вмѣститъ“. Какими кроткими, мудрыми и полными любви показались они ему въ сравненіи съ его жестокимъ, нетерпимымъ ученіемъ. Думая быть выше всѣхъ людей, онъ только унизилъ въ себѣ человѣка и пробудилъ звѣря. Природа отомстила ему...

Онъ плакалъ отъ жалости къ себѣ и къ людямъ, отъ сознанія нашей общей, непоправимой слабости и ничтожества передъ *невѣдомымъ*. Но, когда онъ опять сквозь слезы посмотрѣлъ на голубое небо, ему показалось, что оно отвѣчаетъ на его любовь вѣчной любовью...

Д. Мережковскій.

мянулъ о томъ, какъ можно формулировать эти взгляды. Творчество, по мнѣнію Гончарова, начинается въ безсознательномъ *видѣніи* и кончается сознательнымъ умственнымъ процессомъ, выводящимъ неизбѣжныя логическія заключенія изъ *видѣнія*. Гончаровъ, можетъ быть, нѣсколько преувеличиваетъ процессъ безсознательности, но сознательности онъ также удѣляетъ,—и довольно значительное,—мѣсто. Это видно особенно ярко изъ заключительныхъ словъ его бесѣды: «Я писалъ,—говоритъ онъ,—только то, что переживалъ, что *мыслилъ*, чувствовалъ, что любилъ, что близко видѣлъ и зналъ,—словомъ писалъ и свою жизнь, и то, что къ ней приростало». Эту теорію творчества (единственно, на мой взглядъ, вѣрную) можно передать и иными словами: художникъ (поэтъ, живописецъ, скульпторъ, музыкантъ) исходитъ всегда въ своемъ творчествѣ изъ чувственнаго созерцанія предмета или чувства; потребность охватить его цѣликомъ,—выразить доступными ему средствами, не привнося къ этому выраженію ничего посторонняго, т. е. никакого толкованія,—заставляетъ его проникать въ самую сущность предмета или чувства. И, когда это сдѣлано, начинается логическій процессъ постройки, т. е. выводъ изъ этой сущности тѣхъ послѣдствій, которыя логически навязываются уму. Таковъ обыкновенно логическій процессъ всякаго творческаго созданія. Но это, въ сущности, только идеальная теорія, которая въ дѣйствительности подвергается самымъ разнообразнымъ видоизмѣненіямъ. Есть натуры, живущія по преимуществу чувствомъ: у нихъ безсознательный процессъ переработки внѣшняго міра преобладаетъ; поэтому, ихъ произведенія не имѣютъ значительнаго философскаго значенія; они, въ обаятельныхъ художественныхъ формахъ, иногда съ большой глубиной, изображаютъ свой внутренній міръ или фактическую внѣшность природы, но дальше этого они нейдутъ. Есть другія натуры, по преимуществу разсудочныя: тѣ къ объекту своего творчества относятся аналитически; они описываютъ, и въ описанія привносятъ свои взгляды, предположенія, желанія,—они тенденціозны. Обѣ эти категоріи,—съ преобладаніемъ чувства, впечатлительности, или съ преобладаніемъ разсудочности, анализа,—образуютъ по преимуществу второстепенныхъ поэтовъ и художниковъ. Но чѣмъ полнѣе гармонія между этими двумя элементами, чѣмъ уравновѣшеннѣе и слитнѣе являются они въ натурѣ,—тѣмъ выше и глубже поэтъ и художникъ. Гончаровъ принадлежитъ къ этой послѣдней категоріи, но и у него элементъ анализа все таки, до извѣстной степени, преобладаетъ. Уже то, что мы признали, какъ особенную черту его таланта: точность и полноту,—даже до мелочности,—въ его описаніяхъ фактической формы предмета,—указываетъ на аналитическій характеръ его ума; я бы сказалъ, что его умъ гораздо дѣятельнѣе чувства,—и эта особенность кладетъ характерную печать на его талантъ.

Печать эта—его символизмъ. Анализируйте внимательно то впечатлѣніе, которое вы получаете отъ чтенія Гончарова, и вы, я думаю, придете къ убѣжденію, что въ немъ нѣтъ той художественной ясности и отчасти непосредственности, которая заключается, напримѣръ, въ Тургеневѣ. Художественная наблюдательность

Гончарова необычайно велика и интенсивна, въ особенности во второстепенныхъ, эпизодическихъ и вводныхъ фигурахъ; тутъ онъ не только художникъ, наблюдатель, но и великій мастеръ—живописецъ, располагающій красками съ поразительнымъ совершенствомъ, рисующій съ безжалостной правдой Рембрандта или Веласкеца. Еслибы только эти особенности заключались въ Гончаровѣ, то мы имѣли бы реалиста самой чистой школы, — нѣчто въ родѣ Писемскаго, болѣе вѣрнаго дѣйствительности, чѣмъ сама фотографія, — потому что его картины были бы ярче и рельефнѣе фотографическихъ снимковъ, при той же вѣрности. Но въ Гончаровѣ заключается и другая черта, которая въ большинствѣ случаевъ преобладаетъ и составляетъ какъ бы общій фонъ всѣхъ его произведеній. Черта эта—философскій синтезъ явленій жизни, который въ искусствѣ очень часто переходитъ или перерождается въ аллегоричность, въ своего рода символизмъ. Черта эта сразу выдвинулась впередъ и уже вполнѣ ясно господствуетъ въ «Обыкновенной исторіи», доходя до полнаго своего развитія въ «Обломовѣ». Гончаровъ не только воспроизводитъ жизнь, но и философствуетъ по поводу ея, хотя первоначальнымъ исходнымъ пунктомъ у него всегда является непосредственное наблюденіе. Вотъ какъ, напримѣръ, самъ Гончаровъ объясняетъ намъ возникновеніе «Обыкновенной исторіи». «Когда я писалъ «Обыкновенную исторію», я, конечно, имѣлъ въ виду и себя, и многихъ подобныхъ мнѣ, учившихся дома или въ университетѣ, жившихъ по затишьямъ, подъ крыломъ добрыхъ матерей, и потомъ отрывавшихся отъ нѣги, отъ домашняго очага, со слезами, съ проводами (какъ въ первыхъ главахъ «Обыкновенной исторіи») и являвшихся на главную арену, въ Петербургъ. И здѣсь, во встрѣчѣ мягкаго, избалованнаго лѣнью и барствомъ, мечтателя-племянника съ практическимъ дядей—выразился намекъ на мотивъ, который едва только началъ разыгрываться въ самомъ бойкомъ центрѣ,—въ Петербургѣ. Мотивъ этотъ—слабое мерцаніе сознанія необходимости труда, настоящаго, нерутиннаго, живаго дѣла, въ борьбѣ со всероссійскимъ застоемъ. Это отразилось въ моемъ маленькомъ зеркалѣ, въ среднемъ чиновничьемъ кругу. Безъ сомнѣнія, тоже—въ такомъ же духѣ, тонѣ и характерѣ, только другихъ размѣровъ—разыгрывалось и въ другихъ, и въ высшихъ и низшихъ, сферахъ русской жизни. Представитель этого мотива въ обществѣ былъ дядя: онъ достигъ значительнаго положенія въ службѣ, онъ директоръ, тайный совѣтникъ, и, кромѣ того, онъ сдѣлался и заводчикомъ. Тогда, отъ 20-хъ до 40-хъ годовъ—это была смѣлая новизна, чуть не униженіе (я не говорю о заводчикахъ-барахъ, у которыхъ заводы и фабрики входили въ число родовыхъ имѣній, были оброчныя статьи, и которыми они сами не занимались). Тайные совѣтники мало рѣшались на это. Чинъ не позволялъ, а званіе купца—не было лестно. Въ борьбѣ дядя съ племянникомъ отразилась и тогдашняя, только что начинавшаяся, ломка старыхъ понятій и нравовъ—сантиментальности, карикатурнаго преувеличенія чувствъ дружбы и любви, поэзія праздности, семейная и домашняя ложь напускныхъ, въ сущности небывалыхъ чувствъ (напримѣръ, любовь съ желтыми цвѣтами ста-

рой дѣвы-тетки и т. п.), пустая трата времени на визиты, на ненужное гостепріимство и т. д. Словомъ, вся праздная, мечтательная и афектаціонная сторона старыхъ нравовъ, съ обычными порывами юности—къ высокому, великому, изящному, къ эффектамъ, съ жаждой высказать это въ трескучей прозѣ, всего болѣе въ стихахъ. Все это—отживало, уходило: являлись слабые проблески новой зари, чего-то трезваго, дѣловаго, нужнаго. Первое, т. е. старое, исчерпалось въ фигурѣ племянника — и отъ того онъ вышелъ рельефнѣе, яснѣе. Второе,—т. е. трезвое сознаніе необходимости дѣла, труда, знанія,—выразилось въ дядѣ; но это сознаніе только нарождалось; показались первые симптомы, далеко было до полнаго развитія,—и понятно, что начало могло выразиться слабо, неполно, только кое-гдѣ, въ отдѣльныхъ лицахъ и маленькихъ группахъ, и фигура дяди вышла блѣднѣе фигуры племянника».— Это личное сознаніе Гончарова подтверждается и фактически,— самимъ произведеніемъ. Несомнѣнно, что въ основѣ «Обыкновенной исторіи» лежитъ живое наблюденіе; но посмотрите, что̀ художникъ сдѣлалъ съ этимъ первичнымъ наблюденіемъ, сознательно или безсознательно, но во всякомъ случаѣ подчиняясь своему складу ума. Вы думаете, что художникъ дастъ вамъ широкую картину, въ которой, какъ въ зеркалѣ, отразится живая дѣйствительность, съ ея противорѣчіями, уклонами, съ ея безконечнымъ разнообразіемъ, не допускающимъ никакой опредѣленной формулы и никакого опредѣленнаго вывода? Такъ было бы подъ перомъ непосредственнаго художника: широкая картина появилась бы, можетъ быть, колоритно и ярко, но безъ внутренняго содержанія. Но не такъ вышло у Гончарова. Картина у него есть,—яркая, прекрасная,—но главное въ ней—не очертанія, не гармоніи красокъ, а опредѣленная логическая формула, опредѣленный и сознательный выводъ. Его племянникъ, герой романа, изъ живаго человѣка превратился въ олицетвореніе всероссійской сантиментальности, какой-то нервной расплывчатости, неумѣнія приноровиться къ дѣйствительности. Дядя, напротивъ того,—олицетвореніе всероссійскаго практическаго благоразумія, отлично устраивающаго свои дѣла, но зато ровно ничего не понимающаго въ дѣлѣ чувства. Однимъ словомъ, племянникъ—идеалистъ, дядя—практикъ; племянникъ пишетъ стихи, вѣчно влюбляется и сантиментально вздыхаетъ; дядя дѣлаетъ карьеру по службѣ, управляетъ заводомъ, наживаетъ состояніе. Все это, конечно, существуетъ и въ жизни: и въ тридцатыхъ годахъ, и въ наше время, встрѣчались и встрѣчаются такіе дяди и племянники, съ такими родовыми чертами, но они никогда не являются въ такихъ рѣзкихъ, законченныхъ, цѣльныхъ формахъ. И вотъ почему кажется, что какъ племянникъ, такъ и дядя не списаны съ натуры, какъ это мы видимъ по большей части въ герояхъ Бальзака, Золя, Тургенова, Писемскаго:—они—только дидактическія фигуры, въ которыя Гончаровъ вноситъ свое собственное содержаніе, свой собственный взглядъ. Но они—и не типы, потому что типъ есть форма собирательная, выражающая собою отвлеченную сущность извѣстнаго явленія, безъ всякихъ постороннихъ соображеній, а у

Гончарова постороннія соображенія не только видны, но и преобладаютъ. Къ этимъ постороннимъ соображеніямъ принадлежитъ, напримѣръ, постоянное желаніе морализировать на заданную тему, постоянно подводить моральные итоги, постоянно уходить отъ жизни и погружаться въ этику. Отсюда и тотъ пріемъ, который такъ часто замѣчается у Гончарова. Весь романъ почти сплошь состоитъ изъ разговоровъ между племянникомъ—романтикомъ и дядей—практическимъ докой. Дѣйствительность вѣчно непріятно поражаетъ племянника, онъ вѣчно недоволенъ, вѣчно разочарованъ; онъ вѣчно встрѣчаетъ препятствія и вѣчно видитъ не то, о чемъ мечталъ. Встрѣчаетъ ли онъ дѣвушку, которая ему нравится, въ которую онъ влюбляется,—онъ ее идеализируетъ, ставитъ на пьедесталъ; потомъ ему измѣняютъ, онъ разочаровывается и проклинаетъ всѣхъ дѣвицъ. Съ своими сомнѣніями и разочарованіями онъ является къ дядѣ, который, какъ истинно-практическій человѣкъ, научаетъ его благоразумію, показываетъ несостоятельность его мечтаній и издѣвается надъ его чувствительностью. И въ этихъ разговорахъ заключается вся «Обыкновенная исторія», которую Гончарову слѣдовало бы назвать «необыкновенной», потому что въ обыкновенной жизни ничего подобнаго не бываетъ, по крайней мѣрѣ, не бываетъ въ такой опредѣленной, прямолинейной формѣ. Огромная, конечно, сила таланта потребовалась для того, чтобы этотъ сухой догматизмъ, чтобы эта дидактическая форма, чтобы это подведеніе жизни подъ опредѣленныя рамки все таки не помѣшали прочитать романъ и увидѣть въ немъ красоты, дѣйствительно блестящія.

До какой степени этотъ обобщающій пріемъ преобладаетъ въ творчествѣ Гончарова, видно, между прочимъ, изъ другаго мѣста той же статьи: «Лучше поздно, чѣмъ никогда», гдѣ онъ говоритъ о лучшемъ изъ своихъ типовъ, о бабушкѣ (въ «Обрывѣ»): «Я писалъ съ русской, старой, хорошей женщины, или съ русскихъ старыхъ женщинъ стараго добраго времени,—коллективно, не думая ни о какой параллели, но, должно быть, она инстинктивно гнѣздилась въ моей головѣ, и, когда я уже закончилъ фигуру, оглядѣлъ ее,—у меня въ концѣ книги вырвались послѣднія слова, которыми я окончилъ романъ. Вотъ они: «За нимъ (Райскимъ, когда онъ былъ въ Италіи) все стояли и горячо звали къ себѣ три фигуры: его Вѣра, его Марѳинька и бабушка, а за ними стояла и сильнѣе ихъ влекла къ себѣ еще другая исполинская фигура, другая великая бабушка—Россія». Вотъ что отразилось или, если я слабый художникъ и не одолѣлъ образа, то, по крайней мѣрѣ, вотъ что просилось отразиться въ моей старухѣ, какъ отражается солнце въ каплѣ воды: старая, консервативная русская жизнь»!

Слова эти, по моему мнѣнію, чрезвычайно характерны, потому что они точно и вѣрно отражаютъ самую сущность гончаровскаго творчества. Въ бабушкѣ онъ стремился изобразить старую, консервативную русскую жизнь; бабушка для Гончарова не только живая индивидуальность и даже не столько сборный типъ, вмѣщающій въ себѣ многія индивидуальности, какъ образуютъ ихъ среда, привычки, воспитаніе,—сколько олицетвореніе или, вѣрнѣе, символъ

консервативной русской жизни. Въ этомъ—разгадка художественнаго процесса Гончарова: не о типѣ, не о личности заботился онъ, а о символизаціи обобщающихъ понятій. Другіе поэты-художники въ огромномъ большинствѣ (почти всѣ, и во главѣ ихъ, конечно, Шекспиръ) допускаютъ одно лишь художественное обобщеніе—типъ. Таковъ, напримѣръ, Тургеневъ; его Рудинъ, Лаврецкій, Базаровъ—только типы; въ нихъ нѣтъ никакой символизаціи; переберите мысленно всѣ фигуры романовъ Тургенева: это просто характеры, индивидуальности, имѣющія только психологическій интересъ, или же, въ крайнемъ случаѣ—типы, т. е. сборныя фигуры, объединяющія многія индивидуальности. Есть даже великіе поэты-художники, которые считаютъ слишкомъ большимъ обобщеніемъ, несовмѣстнымъ съ истиннымъ искусствомъ, даже типъ. Къ такимъ художникамъ принадлежитъ, напримѣръ, Гёте: гдѣ вы найдете у него хотя намекъ на типъ? Таковъ, съ другой стороны, Байронъ: и у него, также какъ у Гёте, нѣтъ типа. Гончаровъ стоитъ отъ нихъ на другомъ полюсѣ: тѣ знаютъ только индивидуальность; отъ же знаетъ *почти только* отвлеченныя понятія, олицетворяемыя въ создаваемыхъ имъ фигурахъ. Байронъ и Гёте,—я бы рискнулъ сказать,—стоятъ на точкѣ зрѣнія Аристотеля, знающаго только видъ и не знающаго рода; они, по средневѣковой терминологіи, реалисты; Тургеневъ, отчасти Толстой, Достоевскій, Диккенсъ, Теккерей—платонисты или, схоластически говоря—номиналисты. Гончаровъ, подобно Данте, идетъ еще дальше: онъ, если можно такъ сказать, трансцедентальнѣе; для него даже платоновскихъ идей-типовъ мало, онъ восходитъ отъ нихъ къ еще болѣе общимъ, отвлеченнымъ понятіямъ, долженствующимъ представлять уже не роды, а, такъ сказать, міровыя единства. Я сейчасъ поставилъ Гончарова рядомъ съ Данте; и въ самомъ дѣлѣ, у нихъ много общаго, если, разумѣется, забыть о томъ, что русскій романистъ принадлежитъ къ XIX столѣтію, а великій гибеллинъ—къ XIV-му, что одинъ—не только поэтъ, но и вѣрующій католикъ и страстный политическій дѣятель, между тѣмъ какъ второй воспиталъ въ себѣ, благодаря условіямъ времени и обстоятельствъ, нѣкоторый индифферентизмъ въ дѣлѣ религіи и нѣкоторый свѣтскій скептицизмъ въ философіи. Но, помимо этого, они—родственныя натуры: оба символизаторы и аллегористы: Беатриче для Данте не есть женщина, которую онъ когда-то любилъ и въ молодости потерялъ, это—олицетвореніе богословія или философіи,—совершенно въ такомъ смыслѣ, какъ бабушка для Гончарова есть олицетвореніе старой русской консервативной жизни.—Какъ?—скажетъ, можетъ быть, читатель, удивленный этими словами, противорѣчащими всему тому, что онъ до сихъ поръ слышалъ о Гончаровѣ,—у Гончарова нѣтъ типовъ? А Обломовъ? А Волоховъ? А Захаръ? А Тушинъ?—Дѣйствительно, всѣ эти прекрасно изваянныя фигуры, на первый взглядъ, кажутся типами, но стоитъ только взвѣсить роль каждаго изъ нихъ, чтобы увидать, что они—больше, чѣмъ типы, что они обобщающія понятія, а не психологическіе общественные моменты. Такъ, впрочемъ, понималъ ихъ и самъ Гончаровъ, который, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, точно и ясно

высказалъ въ своей статьѣ: «Лучше поздно, чѣмъ никогда», то, что онъ хотѣлъ имъ сказать. Ссылаясь на Добролюбова, онъ говоритъ объ Обломовѣ: «*Воплощеніе* сна, застоя, неподвижной, мертвой жизни,—переползаніе изо дня въ день, въ одномъ лицѣ и въ его обстановкѣ,—было всѣми найдено вѣрнымъ». Нѣсколько дальше онъ прибавляетъ: «Обломовъ былъ цѣльнымъ, ничѣмъ не разбавленнымъ выраженіемъ массы, покорившейся въ долгомъ и непробудномъ снѣ и застоѣ». Значитъ, Обломовъ не типъ, не фигура, въ которой, какъ въ фокусѣ, отражаются многія русскія индивидуальности, а представленіе, символизація опредѣленной эпохи въ русской общественной жизни. По отношенію къ Волохову, и въ критикѣ, и въ обществѣ, когда появился «Обрывъ», возникли недоразумѣнія. Волохова сочли представителемъ молодаго поколѣнія шестидесятыхъ годовъ, нѣчто въ родѣ тургеневскаго Базарова, только грубо и рѣзко изображеннаго. Отвѣчая на этотъ упрекъ, имъ незаслуженный, Гончаровъ характеризуетъ молодое поколѣніе и затѣмъ говоритъ: «Нѣтъ, это не Волоховы, а представители новой «правды», воцарившейся съ освобожденіемъ крестьянъ и съ другими великими реформами, внесшими новую жизнь въ русское общество! Но въ жизни, рядомъ съ правдой, къ несчастью, гнѣздится и ложь: и представителемъ этой «новой лжи» являются Волоховы». Опять таки, значитъ, не типъ. Правда, характеризуя Волохова въ своей статьѣ, Гончаровъ нѣсколько разъ употребляетъ слово: типъ, но это слово онъ употребляетъ, не придавая ему строгаго, истиннаго значенія, а просто въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно обыкновенно употребляется, — расплывчатомъ, неясномъ и даже двусмысленномъ. Истиннымъ представителемъ молодаго поколѣнія для Гончарова является Тушинъ въ томъ же «Обрывѣ». По поводу Тушина Гончаровъ обмолвился очень характернымъ выраженіемъ: «Этого Тушина, говорю я, позвала бабушка на помощь,— и онъ сослужилъ ей службу, какъ и всѣ честные, здоровые члены новыхъ поколѣній, всѣ Тушины сослужатъ службу Россіи, разработавъ, довершивъ и упрочивъ ея преобразованіе и обновленіе». Переведите эту фразу на болѣе простой языкъ, помня, что для Гончарова Тушинъ—представитель молодаго поколѣнія, а бабушка— консервативная Россія, и вы получите фразу: консервативная Россія призвала на помощь молодое поколѣніе, чтобы довершить ея преобразованіе и обновленіе. Неужели и это не аллегорія, не символизація?

Но пойдемъ дальше въ этомъ анализѣ творчества Гончарова. Въ «Обыкновенной исторіи» Гончаровъ изобразилъ первичный фазисъ русской культурной жизни, фазисъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, слабое мерцаніе сознанія въ необходимости труда, живаго дѣла. Въ «Обломовѣ» Гончаровъ характеризуетъ второй фазисъ русской жизни, — «переползаніе изо дня въ день, обломовщину». Третій фазисъ, это уже — пробужденіе отъ обломовскаго сна въ «Обрывѣ», пробужденіе отъ слабаго сознанія необходимости труда и отъ обломовскаго прозябанія до сознанія практической общественной дѣятельности. Такимъ образомъ, по взгляду Гончарова, вся русская жизнь XIX столѣтія укладывается въ три романа и

идетъ, логически развиваясь, какъ философская тема, напоминая собой тріаду Гегеля. Параллельно съ этимъ, такую же роль играютъ и женскія фигуры. Въ «Обыкновенной исторіи», Наденька не есть какой либо портретъ или типъ, а просто «хорошая русская дѣвушка» извѣстнаго круга той эпохи, извѣстный моментъ въ развитіи русской женщины. Затѣмъ, въ «Обломовѣ», Ольга (по словамъ самого Гончарова) есть та же самая дѣвушка, но только слѣдующей эпохи и, слѣдовательно, измѣнившаяся, сообразно съ новыми условіями жизни. Наденька—покорная дочь, но уже имѣетъ преимущество передъ матерью: она безъ спросу полюбила Адуева и считаетъ себя вправѣ распоряжаться своимъ внутреннимъ міромъ. Но Наденька увидала графа, сравненіе было не въ пользу Адуева и она перешла на сторону графа. «Въ этомъ пока и состоялъ сознательный шагъ русской дѣвушки — безмолвная эмансипація, протестъ противъ безпощаднаго для нея авторитета матери», — прибавляетъ Гончаровъ. Но отъ *невѣдѣнія* Наденьки — естественный переходъ съ *сознательному* замужству Ольги со Штольцемъ, представителемъ труда, знанія, силы (въ «Обломовѣ»). «Но въ этой же фигурѣ Ольги уже кроется зародышъ дальнѣйшаго развитія, какъ только условія времени станутъ ему благопріятны. И вотъ Гончаровъ принимается за третій фазисъ русской жизни. Онъ пишетъ Вѣру (въ «Обрывѣ»). Это—все та же Ольга, только шестидесятыхъ годовъ. Это—лучшая изъ женщинъ, которая самостоятельно и гордо, не прибѣгая къ «старой мудрости» бабушки и неподготовленная тою же бабушкою, по невѣдѣнію, а также по гордости, пошла сама на свѣтъ и чуть не сгорѣла. «Пала не Вѣра, не личность, пала русская дѣвушка, русская женщина, жертвой въ борьбѣ старой жизни съ новой; она не хотѣла жить слѣпо, по указкѣ старшихъ. Она сама знала, что отжило въ старой жизни, и давно тосковала, искала свѣжей, осмысленной жизни; хотѣла сознательно пойти и принять новую правду, удержавъ все прочее, коренное, лучшее въ старой жизни. Но она «не знала», гдѣ и какъ искать. Бабушка берегла ее только отъ болѣзней, отъ явныхъ и извѣстныхъ ей золъ и бѣдъ, и не приготовила ни къ какимъ, невѣдомымъ ей самой, бѣдамъ».— Тутъ мы, значитъ, опять встрѣчаемся съ гегелевской тріадой.

Любопытно то, что символизація идетъ и дальше. Гончаровъ не только изображалъ намъ русскую жизнь въ ея логически-историческомъ развитіи, олицетворяя въ своихъ фигурахъ существенные моменты этого развитія,—онъ продолжаетъ и дальше эту символизацію, придавая ей характеръ симметріи, которая уже окончательно устраняетъ всякое сомнѣніе относительно этой особенности въ творчествѣ Гончарова. И, въ самомъ дѣлѣ, у Гончарова вездѣ мы встрѣчаемъ параллельныя фигуры. Въ «Обыкновенной исторіи» племянникъ противополагается дядѣ; Обломову противополагается Штольцъ; Волохову—Тушинъ, Вѣрѣ—Марѳинька, и такъ дальше. И надо всѣмъ этимъ высится величественная фигура бабушки — Россіи. Какъ бы мы ни относились къ характеру творчества Гончарова, нельзя во всякомъ случаѣ не удивиться чрезвычайной почти небывалой мощи и силѣ этого синтеза, позволившаго Гончарову соединить въ одно все разнообразіе явленія,

всѣ видимыя и неизбѣжныя противорѣчія общества, находящагося въ процессѣ развитія,—соединить, говоримъ мы, все это въ одно великое цѣлое, дающее, какъ бы въ отвлеченной формулѣ, разумѣніе самой сущности этого процесса. И тутъ опять невольно приходитъ на память Бальзакъ. Вѣдь и Бальзакъ, гораздо раньше Гончарова, пытался совершить нѣчто подобное: соединить въ одномъ громадномъ произведеніи,—котораго главы были бы отдѣльными романами,—всю, какъ онъ выразился, «человѣческую комедію» (Comédie humaine), намекая этимъ названіемъ на «Божественную комедію» Данте. — «Я,— говорилъ Бальзакъ,— докторъ соціальныхъ наукъ». Въ качествѣ ученика Жоффруа Сентъ-Илера, онъ объявляетъ свое намѣреніе написать естественную исторію человѣка. Классификація животныхъ составлена; онъ же хотѣлъ создать классификацію нравовъ. И Бальзакъ совершилъ это, употребивъ на то всю жизнь, съ громадными усиліями, погружаясь въ изученіе, въ научныя изслѣдованія, въ философскія тонкости, съ энергіей и мощью по истинѣ невѣроятными. «Исторія искусства,—говоритъ Тэнъ,—не представляла еще идеи болѣе чуждой искусству, но въ то же время и болѣе великаго произведенія искусства, — громадность его задачи почти равняется его громадной учености». Я думаю, что русская литература можетъ представить другой примѣръ, не менѣе великій,—такой задачи, выполненной съ такимъ же поразительнымъ успѣхомъ, съ тою только разницей, что Бальзакъ написалъ классификацію нравовъ, а Гончаровъ—исторію развитія русскаго общества; Бальзакъ и въ этой своей функціи, не смотря на удивительную мощь синтетическаго ума, остался на почвѣ художника, только изображая жизнь и группируя явленія жизни въ опредѣленныя категоріи, а Гончаровъ не остановился на фазисѣ классификаціи и прямо перешелъ къ самымъ функціямъ жизни, въ ихъ исторической сущности. Не останавливаясь, впрочемъ, на этомъ сравненіи, я бы осмѣлился пойти еще дальше. Я уже упоминалъ о Данте и о «Божественной комедіи». Какъ бы ни казалось страннымъ (я сознаю это) сравненіе художественнаго созданія Гончарова съ «Божественной комедіей», — это сравненіе невольно приходитъ на умъ, если мы будемъ смотрѣть на оба создаія съ извѣстной точки зрѣнія. И, въ самомъ дѣлѣ, поэма Данте есть величайшій эпосъ среднихъ вѣковъ; въ немъ Данте резюмировалъ не только общественную и государственную жизнь, но философію, религію, науку своего времени. Гончаровъ охватилъ русское XIX столѣтіе не съ такимъ широкимъ размахомъ и не съ такой геніальной глубиной, но въ обѣихъ задачахъ есть, несомнѣнно, нѣчто родственное: желаніе и умѣніе свести къ одному окончательному синтезу всю историческую, государственную и общественную жизнь опредѣленной эпохи. Эта родственность обоихъ великихъ художественныхъ талантовъ тѣмъ болѣе навязывается уму, что не только задачи ихъ были подобны, но и въ пріемѣ выполненія мы видимъ нѣчто общее... Будучи оба символистами, они оба въ то же время обладали всѣми свойствами великихъ художниковъ-портретистовъ: фигуры Данте, точно бронзовыя статуи, до такой степени врѣзываются въ память, что ихъ невозможно забыть;

это—великій знатокъ души человѣческой и великій изобразитель людей. Но развѣ не подобное же впечатлѣніе оставляетъ и Гончаровъ, разумѣется, toute proportion gardée? И гончаровскія фигуры стоятъ передъ нами, какъ бронзовыя статуи, въ которыхъ, не смотря на неподвижность, кипитъ жизнь, совершаются тончайшія душевные процессы?

Но въ гончаровскомъ творчествѣ все таки поразительнѣе всего его символизмъ. Благодаря этому символизму, индивидуальныя черты его фигуръ мало по малу сглаживаются, теряютъ свои очертанія и вмѣсто живой картины является какое-то туманное, выдвинувшееся впередъ, аллегорическое олицетвореніе философскихъ взглядовъ автора на смыслъ русской жизни, на характеръ ея логики; и эту логику, этотъ смыслъ, онъ усматриваетъ въ одной и той же фигурѣ, которая, различно освѣщаемая жизнью, принимаетъ различныя формы. Такая символизація очень часто употреблялась въ поэзіи и создавала величайшія произведенія искусства (не говоря о «Божественной комедіи», можно еще указать на гётевскаго «Фауста», на байроновскаго «Манфреда», на нѣкоторыя части «Dziadów» Мицкевича),—но употреблялась она тѣмъ не менѣе преимущественно въ пластическихъ искусствахъ. Въ простѣйшей и самой незатѣйливой своей формѣ, это—такъ называемая аллегорія. И теперь еще встрѣчаются скульпторы (и, я думаю, они никогда не переведутся), которые въ образахъ фантастическихъ, идеальныхъ женщинъ представляютъ правду, красоту и прочія отвлеченныя понятія. Всѣ эти прекрасныя дамы, — и, правда, и красота,—какъ двѣ капли воды, похожи другъ на друга; отличаютъ ихъ только внѣшніе атрибуты ихъ сущности,—въ большей части, наслѣдіе греческой и римской миѳологіи. То же самое и теперь еще встрѣчается въ живописи. Правда, пріемъ Гончарова гораздо сложнѣе, гораздо художественнѣе и гораздо умнѣе, но въ сущности это—тотъ же самый пріемъ символизаціи и аллегоріи. Аллегорія эта у Гончарова касается не отвлеченныхъ понятій, а живыхъ явленій, но эти явленія изображаются имъ аллегорично.

И вотъ почему, на мой взглядъ, Гончаровъ занимаетъ совершенно особенное мѣсто въ ряду не только русскихъ, но и западно-европейскихъ беллетристовъ. Пріемъ его, я думаю, можетъ и долженъ быть порицаемъ, какъ пріемъ, противорѣчащій коренной сущности искусства, идущій въ разрѣзъ съ направленіемъ нашего времени. Но когда онъ встрѣчается въ соединеніи съ такой силой и интенсивностью отвлеченной мысли, съ такимъ высоко-художественнымъ анализомъ подробностей, съ такимъ рѣдкимъ талантомъ тонкой и проницательной наблюдательности, съ такимъ чарующимъ чувствомъ пластической красоты, съ такой чистотой стиля, съ такимъ благородствомъ воззрѣній и, въ то же время, съ такой трезвостью пониманія, то этотъ пріемъ,—можетъ быть, и изолированное явленіе въ поэзіи, но явленіе, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно замѣчательное и остающееся на вѣчныя времена украшеніемъ исторіи всемірной литературы. Гончаровъ догматизируетъ и морализируетъ, но въ то же время и отра-

жаетъ жизнь глубокимъ проникновеніемъ въ ея тайны, глубокимъ пониманіемъ ея смысла. Пусть его произведенія не подходятъ подъ ту или другую категорію установившихся формъ искусства,— они все таки имѣютъ огромное значеніе и огромную цѣну. Въ сущности, категорій и клѣтокъ нѣтъ, ихъ не должно быть въ искусствѣ, какъ нѣтъ ихъ и въ жизни, и мы, конечно, не впадемъ въ ошибку Гончарова: искусство мы не будемъ подводить подъ ту или другую теорію. Какое намъ дѣло до теоріи, когда жизнь передъ нами? Искусство — проявленіе жизни, а жизнь не знаетъ ни теорій, ни клѣтокъ. Лишь бы только жизнь проявлялась въ искусствѣ ярко, рельефно, полно, во всѣхъ своихъ переливахъ,— намъ этого достаточно; а какія для этого средства употребляетъ художникъ, — это дѣло второстепенное. Если эти средства находятся въ гармоніи съ самымъ характеромъ и вѣчными законами художественнаго творчества, — тѣмъ лучше.

Для искусства и поэзіи, въ широкомъ значеніи этого слова, Гончаровъ имѣетъ значеніе, по преимуществу, какъ великій, хотя и своеобразный, портретистъ. И Гончаровъ, и Тургеневъ, и Достоевскій, и Толстой,—все это великіе портретисты. Каждый изъ нихъ создалъ цѣлую галерею чудеснѣйшихъ портретовъ. Одинъ— во вкусѣ Веласкеца, другой — въ манерѣ Рафаэля, третій — въ стилѣ Рембрандта, четвертый—въ формахъ Гольбейна. Но они велики и въ другомъ отношеніи: Толстой и Достоевскій — геніальные психологи: одинъ показываетъ намъ нормальную, здоровую душу человѣка, и притомъ русскаго человѣка; другой — болѣзненныя ея проявленія. Два другихъ,—Тургеневъ и Гончаровъ,— великіе физіологи русскаго общества; они слѣдятъ за процессомъ общественной жизни и олицетворяютъ этотъ процессъ въ обаятельныхъ художественныхъ формахъ.

Но изъ всѣхъ четырехъ великихъ романистовъ земли русской, Гончаровъ — наименѣе популяренъ. Не разъ было замѣчаемо, что въ Европѣ, которая вотъ уже лѣтъ десять зачитывается произведеніями нашихъ романистовъ, Гончаровъ читается менѣе другихъ,— менѣе Толстаго, Тургенева, Достоевскаго; даже не всѣ его произведенія переведены. Кромѣ того, можно прибавить, что онъ просто на просто мало читается и почти неизвѣстенъ за границей. Въ то время какъ переводы Толстаго, Тургенева, Достоевскаго слѣдуютъ другъ за другомъ съ невѣроятной быстротой и выдерживаютъ по нѣсколько изданій, — Гончаровъ остается въ тѣни и не оживляетъ собой книжнаго рынка. Но этого мало: Гончаровъ— не только мало популяренъ за границей, онъ менѣе другихъ нашихъ романистовъ читается и въ самой Россіи; его имя, правда, чрезвычайно популярно у насъ, — нельзя считаться хотя сколько нибудь образованнымъ человѣкомъ, не зная хорошо произведеній Гончарова... Но онъ все таки мало читается: его прочитаютъ, но къ нему рѣдко возвращаются; его не забываютъ, но въ большинствѣ случаевъ не ощущаютъ влеченія воскресить въ своей памяти новымъ чтеніемъ тѣхъ высокихъ эстетическихъ наслажденій, которыя мы когда-то ощущали, когда читали его въ первый разъ. Его очень уважаютъ, но менѣе любятъ, чѣмъ Тургенева, Тол-

стаго, Достоевскаго. Это обстоятельство очень любопытно и очень поучительно. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, не видѣть огромнаго, геніальнаго таланта Гончарова, вѣдь нельзя же не замѣчать его образцоваго, классическаго языка, чрезвычайной, почти волшебной силы въ изображеніи характеровъ, огромнаго художественнаго синтеза, которыми отличаются его произведенія, и благодаря которымъ они такъ тѣсно связаны между собой, что составляютъ одно великое цѣлое. Въ чемъ заключается причина такого отношенія къ великому писателю?

Мнѣ кажется, что моя настоящая статья можетъ служить, по крайней мѣрѣ отчасти, отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Гончаровъ мало доступенъ массѣ публики, благодаря именно тѣмъ особенностямъ своего синтеза, которыя дѣлаютъ его великимъ писателемъ. Его, подчасъ, слишкомъ явный догматизмъ, его обобщающіе взгляды, рѣдко скрываемые обаятельностью художественныхъ формъ; его символизмъ, ясно выступающій среди фантасмагоріи красокъ; его мысль, имѣющая характеръ чуть ли не научнаго изслѣдованія и постоянно напряженная; его строгая логика событій; преобладаніе трезваго сознанія надъ фантазіей, которая почти не встрѣчаетъ себѣ мѣста среди описываемой имъ обыденной жизни,— всѣ эти качества, сосредоточенныя въ такой громадный фокусъ, дѣлаютъ чтеніе произведеній Гончарова отчасти мало завлекательнымъ, отчасти даже прямо труднымъ для умовъ, воспитанныхъ на легкомъ французскомъ романѣ и не привыкшихъ вдумываться въ содержаніе и значеніе образовъ, воскрешаемыхъ художникомъ. Слѣдуетъ ли сожалѣть, что такова въ настоящее время судьба Гончарова? Я думаю, что нѣтъ. Каждый художникъ, если онъ великъ, выполняетъ свою функцію въ сферѣ, ему данной. Гончаровъ никогда не будетъ настольной книгой большинства: для этого онъ слишкомъ, если можно такъ выразиться, аристократиченъ. Въ рукахъ массы онъ былъ бы не понятъ, или понятъ превратно, наивно-просто; но онъ останется всегда однимъ изъ самыхъ великихъ и любимыхъ писателей того меньшинства, которое въ искусствѣ видитъ не одну лишь простую забаву, не одну лишь пищу воображенія, а результатъ серьезной вдумчивости и благотворной мысли.

В. Чуйко.

БУРЕЛОМЪ.

(Переписка двухъ пріятелей).

. . . . . .
Кто такъ устроилъ, что страсти могучи?
Кто такъ устроилъ, что воля слаба?
. . . . . .

Анухинъ.

Отъ *А. В.* къ *Д. Н.*

Село П., 1-го іюня.

Ты, конечно, обрадуешься, Дима, получивъ это письмо. Я знаю, что ты искренно расположенъ ко мнѣ, а потому изъ того факта, что я вступаю съ тобой въ переписку, ты поймешь, что я возвращаюсь въ нормальную колею, а это сознаніе навѣрно будетъ тебѣ пріятно. Дѣйствительно, я начинаю чувствовать потребность въ обмѣнѣ своихъ мыслей и чувствъ съ человѣкомъ, въ привязанности котораго я могу быть увѣренъ. Хотя мы съ тобою во многомъ расходимся, но все таки ты единственный человѣкъ, съ которымъ мнѣ хочется говорить по душѣ и мнѣніе котораго,—какое бы ни было,—я способенъ выслушать. Кромѣ того, ты знаешь всю мою прошлую жизнь, такъ что скрывать отъ тебя мнѣ нечего.

Итакъ, объявляю тебя заранѣе: отнынѣ я намѣренъ строчить тебѣ цѣлыя посланія, въ которыхъ будетъ отражаться все то, что творится въ моей душѣ. Призываю тебя къ великодушію и терпѣнію, такъ какъ многое въ этихъ посланіяхъ, вѣроятно, придется тебѣ не по нутру. Но вѣдь наша дружеская связь имѣетъ свою десятилѣтнюю давность, а потому церемониться другъ передъ другомъ намъ не приходится.

Удивительный я, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, человѣкъ! Ну,

что пріятнаго могу я себѣ доставить тѣмъ, что буду копаться въ своемъ собственномъ существованіи? Ты самъ знаешь, что хорошаго въ немъ мало,—тѣмъ болѣе, послѣ всего того, что заставило меня промѣнять шумъ и суету Петербурга на деревенское уединеніе. Вѣдь все это еще слишкомъ близко, чтобы не отзываться болью, да и разумнѣе было бы, закрывъ глаза, лежать въ забытьи и стараться не пускать къ себѣ воспоминаній. А между тѣмъ я чувствую непреодолимое влеченіе рыться въ себѣ, вспоминая всякое мое чувство, всякій разговоръ, каждую сцену, разбирая все по ниточкѣ. Сколько разъ я все это уже продѣлывалъ, сколько разъ старался исчерпать всю бездонную глубину пережитаго и перечувствованнаго, и всякій разъ результатомъ этихъ безплодныхъ усилій было не успокоеніе и уясненіе, которыхъ я искалъ, а лишь тяжелое, болѣзненное чувство неудовлетворенности и смутнаго страха передъ будущимъ. Ты подумаешь, конечно, что это прошлое, отъ котораго я бѣжалъ вотъ уже полгода, все еще живетъ со мной, составляя мое настоящее; но повѣрь мнѣ, что даже если ты и правъ, то правъ только отчасти. Какія бы во мнѣ противорѣчія ни жили, во всякомъ случаѣ я отлично отдаю себѣ отчетъ въ томъ, что чувствую и думаю. Если я и несовсѣмъ отбросилъ отъ себя это прошлое, если многое изъ него еще осталось во мнѣ, то во всякомъ случаѣ я многое переборолъ, во многомъ сдѣлалъ большіе успѣхи. Я не могу сравнить себя съ тѣмъ человѣкомъ, который пріѣхалъ сюда, полгода тому назадъ, съ намѣреніемъ заживо похоронить себя. Тогда я чувствовалъ себя до такой степени разбитымъ, истощеннымъ, больнымъ, что безъ ужаса не могъ подумать о долгихъ годахъ лежащей передо мною жизни. Помню эти нескончаемые, длинные зимніе вечера, когда я часами сидѣлъ въ моемъ глубокомъ старомъ креслѣ передъ зажженнымъ каминомъ, глядя на синіе огоньки, мелькавшіе по раскаленнымъ углямъ, чувствуя, какъ все то же тоскливое, ноющее чувство боли шевелилось въ груди. Я не могъ думать ни о чемъ, словно тяжелый камень лежалъ у меня въ головѣ и подавлялъ функціи мозга. Однѣ картины прошлаго, какъ бы внѣ меня, въ стереоскопѣ, мелькали предо мною, жгучей болью отзываясь на сердцѣ. Положеніе мое можно было сравнить съ положеніемъ больнаго въ полномъ разгарѣ болѣзни. Но силы превозмогли, болѣзнь уступила и насталъ кризисъ. Это было въ началѣ весны. По обыкновенію, я провелъ безсонную ночь и только къ утру заснулъ. Въ этотъ день я рѣшилъ поѣхать утромъ на пасѣку, гдѣ у меня производились работы, и велѣлъ разбудить себя пораньше. Мой старый Ѳадей, пришедшій меня

будить, объявилъ, что «погодка нынче на славу» и быстро отдернулъ занавѣсь. Ослѣпительный солнечный лучъ словно съ торжествомъ ворвался въ комнату. Я, зажмурившись, невольно улыбнулся. На меня вдругъ повѣяло чѣмъ-то ободряющимъ, свѣжимъ, будто кто шепнулъ мнѣ слово утѣшенія и поддержки. Комната мнѣ показалась свѣтлѣе, старикъ Ѳадей какъ-то особенно улыбался; на душѣ у меня внезапно стало весело. Я быстро вскочилъ, облился холодной водой и началъ скорѣе одѣваться. Въ первый разъ съ пріѣзда моего въ деревню, я съ удовольствіемъ выпилъ кофе, съ нѣкоторымъ интересомъ прочелъ газету и вышелъ на дворъ, гдѣ меня ожидалъ осѣдланный красавецъ «Арапъ», которымъ—помнишь—ты такъ восхищался. Дѣйствительно, погода была хороша. Это былъ первый теплый весенній день. Особенной свѣжестью былъ пропитанъ воздухъ. Казалось, природа, въ первый разъ скинувъ съ себя цѣпи, послѣ долгаго угрюмаго сна, проснулась для новой радостной жизни. Быстро вскочилъ я на своего «Арапа» и поскакалъ къ опушкѣ недалекаго лѣса. Съ радостью вдыхалъ я въ себя теплый весенній воздухъ. Я чувствовалъ, какъ вмѣстѣ съ нимъ вливалась въ мою грудь давно забытая бодрость, вызывавшая къ жизни уснувшія, истерзанныя силы. Хотя кругомъ лежала грязь, деревья въ лѣсу стояли еще голыя, но чувствовалось, что зима миновала, что на долгое время нѣтъ ей болѣе возврата. Ты навѣрно помнишь, какъ я всегда любилъ и цѣнилъ всѣ красоты природы. У нашего брата, живописца, оно и не можетъ быть иначе. Я чувствую себя особенно близко къ природѣ; она всегда сильно на меня дѣйствуетъ; между природой и мной живетъ извѣстная гармонія: или, она вторитъ моему настроенію, моимъ чувствамъ и мыслямъ, или, наоборотъ, она какъ бы передаетъ мнѣ частицу своей жизни. И вотъ, въ этотъ разъ я впервые трезво и бодро оглянулся назадъ. Остановивъ пылъ своего «Арапа», я пустилъ его шагомъ и задумался. «Неужели жизнь моя окончательно и безповоротно обречена на безплодное, тоскливое влаченіе?», задалъ я себѣ вопросъ и тутъ же внутренній голосъ шепнулъ мнѣ: «Зачѣмъ? Все отъ тебя зависитъ. Оглянись спокойно, безъ боли разбери все, что было съ тобой; быть можетъ, ты найдешь, что не все еще пропало, что силы твои не парализованы до конца, что впереди тебя могутъ ожидать новые идеалы, можетъ открыться новое поле дѣятельности, болѣе разумное и спокойное». Въ сущности, если сказать въ двухъ словахъ, что со мной произошло,—подумалъ я,—то выдетъ хотя и тяжелая картина человѣческой жизни, но все же не такая убійственно мрачная, какою

она стояла все по[слѣ]днее время передъ моими глазами. Что было со мной? Я полюбилъ замужнюю женщину, казавшуюся мнѣ воплощеніемъ всего чистаго, изящнаго, нѣжнаго и краснваго. Не смотря на то, что я понималъ и сознавалъ ненормальность этого чувства—такъ какъ другой человѣкъ имѣетъ на нее право, а я, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны, буду для нея всегда чужимъ,—я, не смотря на это, я предался своему чувству. Съ той минуты, когда она отвѣтила мнѣ взаимностью, когда сказала это рокковое: «твоя», я все другое отбросилъ въ сторону, сталъ жить исключительно и вполнѣ только ею и моимъ чувствомъ. Ты знаешь, Дима, эту женщину, знаешь только по виду, но все же и ты согласишься со мной, что такимъ существомъ можно увлечься до сумасшествія, особенно такому поклоннику красоты во всѣхъ ея видахъ, какъ я. Вспомни тотъ вечеръ, когда я показалъ тебѣ ее въ первый разъ. Она была въ черномъ платьѣ. Сидя нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ, она тихо шевелила вѣеромъ и, съ полуулыбкой на румяныхъ губахъ, задумчиво глядѣла передъ собой. Какое странное было у нея выраженіе! Посмотришь на нее и не знаешь: мадонна ли передъ тобой, или Фрина, царица наслажденій? Въ глазахъ такая ясность, спокойствіе, глубина, словно чистая, какъ алмазъ, душа свѣтится въ этихъ глазахъ, а въ складѣ губъ, въ подвижныхъ тонкихъ ноздряхъ чувствуются нервы и огненная страсть. Въ этомъ вся непобѣдимая сила ея дьявольской красоты, въ этой смѣси выраженій—вся ея характеристика. Помнишь эту руку — длинную, узкую — эту маленькую ножку, эту тонкую талію, роскошный бюстъ, эти черные спокойные глаза и бѣлокурые мягкіе волосы... Однако рука устала писать. Если я буду продолжать, никакой конвертъ не вмѣститъ этого посланья. На первый разъ довольно.

Твой *А. В.*

Отъ *Д. Н.* къ *А. В.*

Петербургъ, 6-го іюля.

Не могу сказать, любезный другъ, чтобы я остался совсѣмъ доволенъ твоимъ письмомъ. Хоть ты и ожилъ, сбросилъ съ себя ту непреодолимую тяжелую дрёму, въ которую погрузился съ той минуты, какъ бѣжалъ отсюда; хоть эта перемѣна благодѣтельна для тебя, но въ твоемъ письмѣ я вижу также и другое— и вотъ это *другое* мнѣ не по нутру. Ты навѣрно самъ догадываешься, о чемъ я говорю; ты, конечно, понимаешь, что рѣчь идетъ о концѣ твоего письма, и что въ этомъ концѣ ты другими

словами, но все же почти сознаешься, что продолжаешь таить прежнее чувство. Слѣдователь о, болѣзнь се еще сидитъ въ тебѣ и можетъ еще долго просидѣть. Еслибъ все это касалось другаго, я не такъ бы безпокоился, я все та былъ бы увѣренъ, что, послѣ всего съ нимъ происшедшаго горячка эта должна пройти, и пройдетъ. Но ты—ты другое дѣло! Вѣдь бываютъ же на свѣтѣ такіе непростительные, невозможные идеалисты! Да, ты въ этомъ отношеніи стоишь высоко. Не исправилъ я тебя, не излѣчилъ отъ твоей болѣзни, не съумѣлъ воспротивиться этому вѣчному парѣнію куда-то въ голубую высь, куда тебя постоянно уносятъ твои мечты. Ты всегда находилъ, что лучше жить въ поднебесьѣ, нежели на грѣшной нашей планетѣ, а я не оказался въ силахъ убѣдить тебя въ невѣрности твоего взгляда. Теперь ты самъ воочію долженъ былъ убѣдиться въ правотѣ всего, что я тебѣ говорилъ по этому поводу. Сама жизнь сказала тебѣ, что я правъ; она вырвала тебя изъ твоего мечтательнаго царства и крѣпко ударила о землю въ доказательство того, что ты тоже ея сынъ и, какъ всѣ, долженъ чувствовать и повиноваться ея власти. Ну, скажи мнѣ теперь самъ, что̀ проку смотрѣть на наши человѣческія отношенія, на всю нашу земную жизнь, сквозь призму какихъ-то очищающихъ, возвышающихъ и поэтизирующихъ идеаловъ? Что̀ является результатомъ всего этого? Пробужденіе отъ волшебнаго сна и жестокая встрѣча лицомъ къ лицу съ настоящей картиной реальнаго земнаго существованія. Ты встрѣтилъ женщину, которая тебя обворожила, которая съумѣла вполнѣ овладѣть тобой, превратить тебя въ свою вещь. Положимъ, въ ней были всѣ данныя, свойственныя владыкѣ: хороша она была чрезвычайно, умна и весьма оригинальна. Все это такъ. Я понимаю, что ты ею увлекся, что всѣ твои мысли и чувства сосредоточились на ней. Но теперь разберемъ, была ли возможность продолжать такую жизнь, могло ли въ человѣкѣ нормальномъ, трезвомъ долго продержаться то «идеальное» чувство, съ которымъ ты подошелъ къ ней? Прежде всего, она была замужемъ. Въ этомъ заключалось (особенно для такого человѣка, какъ ты) первое и весьма существенное препятствіе для благополучія. Самъ ты мнѣ говорилъ, что постоянное присутствіе обмана и лжи возлѣ того существа, которое ты считалъ, какимъ-то недосягаемымъ идеаломъ всего чистаго и совершеннаго, казалось тебѣ невыносимой мукой. А порвать это положеніе тѣмъ или другимъ способомъ ты былъ не въ состояніи. Не думай, что я не понималъ твоего страданія, но я объясняю себѣ это состояніе внутренней раз

дицей, происходившей отъ ненормальныхъ отношеній между тобой и ею. Въ нашъ вѣкъ, «вѣкъ безпредѣльнаго разврата и безнравственности»,—какъ ты его называешь,—такое положеніе можно, пожалуй, и не считать противонормальнымъ. Человѣкъ, влюбляющійся въ замужнюю женщину, имѣетъ только одно стремленіе—обладать ею. Въ самомъ началѣ возникновенія своего чувства, онъ отлично сознаётъ, что другаго ему и ожидать нечего, да и врядъ ли кто идетъ далѣе въ своихъ желаніяхъ. Но для тебя такое положеніе должно быть, и дѣйствительно сразу же сдѣлалось совершенно ненормальнымъ. При твоихъ взглядахъ на чувство, въ какихъ бы формахъ оно ни проявлялось, всякій обманъ, неясность, неопредѣленность должны были породить полную душевную разладицу. Ты не хотѣлъ, не могъ,—какъ ты это утверждаешь,—измѣнить свои воззрѣнія, а потому, безъ умѣнья по волчьи выть (извини мнѣ это грубоватое сравненіе!) не въ моготу тебѣ стало и съ волками жить. Тебѣ оставалось одно—преодолѣть свое чувство и разомъ съ нимъ покончить, но на это у тебя не хватило силъ, и ты продолжалъ копаться въ своихъ мукахъ. Согласись же со мной, что если это возвышенно, идеально, чисто, то во всякомъ случаѣ ненормально и неестественно; людей же ненормальныхъ жизнь человѣческая въ свою колею не принимаетъ; она отбрасываетъ ихъ въ сторону отъ своей дороги. Вотъ это все составляетъ первый пунктъ, на которомъ ты столкнулся съ дѣйствительностью, на которомъ достаточно ясно обнаружилось несогласіе твоихъ взглядовъ, твоего отвлеченнаго міровоззрѣнія съ трезвымъ, реальнымъ воззрѣніемъ на человѣческія отношенія. Ты мнѣ на это скажешь... Впрочемъ, я подожду твоего отвѣта, ибо боюсь, продолжая далѣе, вооружить тебя противъ твоего друга, слишкомъ открыто рисующаго тебѣ картину человѣческаго чувства.

Живи, братъ, подольше въ деревнѣ, работай надъ собой и возвращайся сюда не иначе, какъ окончательно стряхнувши съ себя всякій слѣдъ былаго.

Искренно любящій тебя *Д.*

Отъ *А. В.* къ *Д. Н.*

Село П., 20-го іюля.

Все послѣднее время я былъ занятъ мыслями о твоемъ письмѣ, Дима, стараясь отыскать и отдѣлить въ немъ справедливое отъ несправедливаго. Есть въ немъ и то, и другое. Все сказанное тобою сводится къ тому, что ты видишь во

мнѣ человѣка, исключительно живущаго на счетъ сердца, отбрасывая слишкомъ далеко другую сторону,—сторону холоднаго разсудка. Ты доказываешь мнѣ всю неосновательность такого положенія на основаніи мною же пережитаго; ты хочешь, чтобы я извлекъ побольше пользы отъ полученнаго урока, измѣнился въ лучшую, по твоему, сторону. Все это показываетъ твое расположеніе ко мнѣ, но... достижимо ли то, чего ты желаешь для меня, и слѣдуетъ ли стремится къ нему? Вотъ въ чемъ вопросъ! Во-первыхъ, очень трудно допустить, чтобы человѣкъ, доживъ до тридцати и сознавъ въ одинъ прекрасный день, что всѣ его прежнія воззрѣнія не привели ни къ чему доброму, былъ въ состояніи, хотя-бы путемъ ожесточенной борьбы съ самимъ собою, совершенно измѣнить все то, что выработалось въ немъ воспитаніемъ, жизненными условіями и *врожденными* стремленіями. Особенно важно послѣднее: то, что врождено, то невозможно вырвать, и результатомъ такихъ стараній можетъ явиться одно лишь коверканье, обезличеніе своей натуры,—больше ничего. Въ этомъ отношеніи, если возможно на что либо положиться, такъ только на время. Дѣйствительно, разныя жизненныя обстоятельства, — какъ капли, одна за другой постепенно подтачивающія камни,— могутъ измѣнить нравственную физіономію человѣка, но произвести коренной переломъ на основаніи того, что тогда, молъ, легче будетъ жить — это, мнѣ кажется, совершенно не достижимо. Я готовъ согласиться, что съ моимъ характеромъ труднѣе прожить свой вѣкъ, нежели съ твоимъ: многое, что почти незамѣтно скользнетъ по твоей жизни, оставитъ въ моей глубокую борозду; но всякому положенъ свой удѣлъ, а измѣнить это предопредѣленіе, вытекающее изъ основныхъ началъ, съ которыми человѣкъ появляется на свѣтъ божій, изъ которыхъ мало по малу складывается его личность, измѣнить его врядъ ли возможно. Имѣя въ душѣ вѣру въ добро и людей, трудно избавиться отъ этой ноши даже и тогда, когда жизнь доказываетъ всю практическую неприложимость такого взгляда.

Однако, довольно я съ тобой поумствовалъ: еще немного, и мы превратимся въ какихъ-то неудачныхъ философовъ. Лучше разскажу тебѣ что нибудь про себя. Настроеніе мое продолжаетъ все улучшаться; отъ одного этого сознанія становишься добрѣе и здоровѣе. Всякое утро просыпаюсь я веселымъ и оживленнымъ; съ интересомъ читаю, занимаюсь, съ наслажденіемъ гуляю, набрасывая иногда кое-какіе эскизы; хожу на охоту, рыскаю по лѣсамъ и полямъ на своемъ «Арапѣ», начинаю входить во всякіе хозяйственные вопросы, и все это за-

мѣчательно благотворно, успокоительно дѣйствуетъ на меня. Въ простотѣ и ясности должно заключаться человѣческое счастіе — въ этомъ я совершенно убѣжденъ; картины здѣшней незатѣйливой деревенской жизни постоянно говорятъ мнѣ объ этомъ. День мой проходитъ удивительно спокойно. Встаю я часовъ въ семь и, выпивъ кофе, ѣду кататься верхомъ: иногда объѣзжаю работы, не изъ хозяйственныхъ цѣлей, а больше изъ наблюдательности. Присматриваюсь къ мужикамъ, привыкаю понемногу съ ними разговаривать и нерѣдко подмѣчаю въ нихъ чрезвычайно интересныя черты. Въ нихъ тоже все какъ-то просто и ясно; ихъ взгляды, ихъ правила нерѣдко удивительно разумны и всегда весьма крѣпко засѣли въ нихъ. Недаромъ слиты они воедино съ окружающей природой. Много, конечно, грубаго и отталкивающаго, но еще больше чего-то сильнаго, здороваго, самобытнаго и дѣтски-наивнаго. Послѣ этихъ прогулокъ, возвращаюсь обыкновенно голодный и съ удовольствіемъ сажусь завтракать. Прежде, мнѣ была тяжела эта одиночная ѣда, такъ что Ѳадей съ недовольной миной принималъ тарелки почти съ тѣмъ же, что бывало наложено; но теперь я совершенно привыкъ къ своему одиночеству и Ѳадея мой апетитъ больше не огорчаетъ. Время между завтракомъ и обѣдомъ проходитъ за работой и чтеніемъ, которое составляетъ для меня одно изъ самыхъ большихъ здѣшнихъ удовольствій. Я скоро пришлю тебѣ еще списочекъ книгъ, которыя попрошу мнѣ выслать. По вечерамъ приходитъ управляющій докладывать мнѣ о благополучіи, обстоящемъ въ моемъ имѣніи. Я наливаю ему стаканъ чаю, и иногда долго съ нимъ болтаю, не о хозяйствѣ преимущественно, а такъ, о всякой всячинѣ. Онъ у меня славный старикъ; все вспоминаетъ, какъ носилъ меня на рукахъ. Часто разсказываетъ о покойной моей матери, которую я не помню, и пробуждаетъ въ душѣ моей теплое, хорошее чувство. Отецъ мой,—какъ ты знаешь самъ,—былъ крутенекъ, а мать олицетворяла собой мягкость и доброту. Меня особенно трогаютъ въ разсказахъ Ивана Акимовича (такъ зовутъ моего управляющаго) подробности, рисующія ея безконечную любовь ко мнѣ, своему единственному дѣтищу. Да, будь она жива, быть можетъ, и жизнь моя сложилась бы совершенно иначе!

Такимъ образомъ идутъ дни за днями и, еслибы не приступы тоски, хватающіе иногда за сердце, я почиталъ бы себя совершенно здоровымъ. Не пріѣдешь ли ты провѣдать меня, старый дружище? Вотъ поболтаемъ да поспоримъ!! *А. В.*

P. S. Разсказать тебѣ о событіи, сильно меня напугавшемъ? Вообрази, что на дняхъ къ моему подъѣзду подкатываетъ ухар-

БУРЕЛОМЪ.

(Переписка двухъ пріятелей).

. . . . . .
Кто такъ устроилъ, что страсти могучи?
Кто такъ устроилъ, что воля слаба?
. . . . . .

Апухтинъ.

Отъ *А. В.* къ *Д. Н.*

Село П., 1-го іюня.

Ты, конечно, обрадуешься, Дима, получивъ это письмо. Я знаю, что ты искренно расположенъ ко мнѣ, а потому изъ того факта, что я вступаю съ тобой въ переписку, ты поймешь, что я возвращаюсь въ нормальную колею, а это сознаніе навѣрно будетъ тебѣ пріятно. Дѣйствительно, я начинаю чувствовать потребность въ обмѣнѣ своихъ мыслей и чувствъ съ человѣкомъ, въ привязанности котораго я могу быть увѣренъ. Хотя мы съ тобою во многомъ расходимся, но все таки ты единственный человѣкъ, съ которымъ мнѣ хочется говорить по душѣ и мнѣніе котораго,—какое бы ни было,—я способенъ выслушать. Кромѣ того, ты знаешь всю мою прошлую жизнь, такъ что скрывать отъ тебя мнѣ нечего.

Итакъ, объявляю тебя заранѣе: отнынѣ я намѣренъ строчить тебѣ цѣлыя посланія, въ которыхъ будетъ отражаться все то, что творится въ моей душѣ. Призываю тебя къ великодушію и терпѣнію, такъ какъ многое въ этихъ посланіяхъ, вѣроятно, придется тебѣ не по нутру. Но вѣдь наша дружеская связь имѣетъ свою десятилѣтнюю давность, а потому церемониться другъ передъ другомъ намъ не приходится.

Удивительный я, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, человѣкъ! Ну,

что пріятнаго могу я себѣ доставить тѣмъ, что буду копаться въ своемъ собственномъ существованіи? Ты самъ знаешь, что хорошаго въ немъ мало,—тѣмъ болѣе, послѣ всего того, что заставило меня промѣнять шумъ и суету Петербурга на деревенское уединеніе. Вѣдь все это еще слишкомъ близко, чтобы не отзываться болью, да и разумнѣе было бы, закрывъ глаза, лежать въ забытьи и стараться не пускать къ себѣ воспоминаній. А между тѣмъ я чувствую непреодолимое влеченіе рыться въ себѣ, вспоминая всякое мое чувство, всякій разговоръ, каждую сцену, разбирая все по ниточкѣ. Сколько разъ я все это уже продѣлывалъ, сколько разъ старался исчерпать всю бездонную глубину пережитаго и перечувствованнаго, и всякій разъ результатомъ этихъ безплодныхъ усилій было не успокоеніе и уясненіе, которыхъ я искалъ, а лишь тяжелое, болѣзненное чувство неудовлетворенности и смутнаго страха передъ будущимъ. Ты подумаешь, конечно, что это прошлое, отъ котораго я бѣжалъ вотъ уже полгода, все еще живетъ со мной, составляя мое настоящее; но повѣрь мнѣ, что даже если ты и правъ, то правъ только отчасти. Какія бы во мнѣ противорѣчія ни жили, во всякомъ случаѣ я отлично отдаю себѣ отчетъ въ томъ, что чувствую и думаю. Если я и несовсѣмъ отбросилъ отъ себя это прошлое, если многое изъ него еще осталось во мнѣ, то во всякомъ случаѣ я многое переборолъ, во многомъ сдѣлалъ большіе успѣхи. Я не могу сравнить себя съ тѣмъ человѣкомъ, который пріѣхалъ сюда, полгода тому назадъ, съ намѣреніемъ заживо похоронить себя. Тогда я чувствовалъ себя до такой степени разбитымъ, истощеннымъ, больнымъ, что безъ ужаса не могъ подумать о долгихъ годахъ лежащей передо мною жизни. Помню эти нескончаемые, длинные зимніе вечера, когда я часами сидѣлъ въ моемъ глубокомъ старомъ креслѣ передъ зажженнымъ каминомъ, глядя на синіе огоньки, мелькавшіе по раскаленнымъ углямъ, чувствуя, какъ все то же тоскливое, ноющее чувство боли шевелилось въ груди. Я не могъ думать ни о чемъ, словно тяжелый камень лежалъ у меня въ головѣ и подавлялъ функціи мозга. Однѣ картины прошлаго, какъ бы внѣ меня, въ стереоскопѣ, мелькали предо мною, жгучей болью отзываясь на сердцѣ. Положеніе мое можно было сравнить съ положеніемъ больнаго въ полномъ разгарѣ болѣзни. Но силы превозмогли, болѣзнь уступила и насталъ кризисъ. Это было въ началѣ весны. По обыкновенію, я провелъ безсонную ночь и только къ утру заснулъ. Въ этотъ день я рѣшилъ поѣхать утромъ на пасѣку, гдѣ у меня производились работы, и велѣлъ разбудить себя пораньше. Мой старый Ѳадей, пришедшій меня

стояли молча, глядя другъ на друга. Наконецъ Ольга подошла ко мнѣ и протянула руку.

— Давно мы не видались, Андрей Владиміровичъ,—проговорила она.

Я молча пожалъ ей руку, не будучи въ силахъ промолвить ни слова. Вѣроятно, г. Бахтинъ былъ очень удивленъ всѣмъ тѣмъ, что видѣлъ предъ собой. Онъ что-то быстро заговорилъ, кажется, приглашая насъ перейти въ гостинную. Смутно помню, какъ меня перезнакомили со всѣмъ обществомъ, какъ насъ повели завтра, мать. Лишь только всѣ встали изъ-за стола, я взглянулъ въ послѣдній разъ на Ольгу, отыскалъ свою шляпу и незамѣтно уѣхалъ. Вотъ все, что могу сообщить тебѣ объ этой ошеломившей меня встрѣчѣ. Съ тѣхъ поръ прошло три дня, а я все еще не могу прійти въ себя, собрать свои мысли и остановиться на чемъ нибудь. За что бы ни взялся, куда бы ни пошелъ, всюду вижу я передъ собою обольстительный, дорогой и любимый когда-то образъ. Этотъ взглядъ, смущенный и ласкающій, проникаетъ прямо въ сердце и что-то томительно-жгучее бросается въ голову. Дни былаго безумнаго счастія мерещатся мнѣ снова. Я вижу ее въ день нашей первой встрѣчи, слышу этотъ мягкій, грудной, прямо просящійся въ душу голосъ, чувствую крѣпкое пожатіе маленькой ручки, и невольная улыбка оживляетъ мои губы. Боже, какъ она хороша! Сколько силы въ этихъ глубокихъ черныхъ глазахъ, сколько красоты въ граціозномъ, нѣжномъ очертаніи головки, въ сочетаніи правильныхъ, тонкихъ линій лица, въ нѣжныхъ, какъ у ребенка, розовыхъ губахъ; какой скрытой силой и страстью вѣетъ ото всего ея крѣпкаго, нѣжнаго и граціознаго существа! Я стараюсь не думать объ этомъ, заставляю себя вспоминать ту минуту, когда увидѣлъ ее въ объятіяхъ другаго человѣка, — ту минуту, когда почувствовалъ, что сердце мое разрывается на части, но не презрѣніе и отчужденіе испытываю я: чувство безсильной злобы и страсти подступаетъ къ сердцу и душитъ меня. Чѣмъ же все это кончится? спросишь ты. Я и самъ не въ состояніи отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ. Я презираю, ненавижу себя отъ всей души. Нѣтъ во мнѣ силы: я лежу, какъ въ параличѣ, не будучи въ силахъ двинуться.

Твой *А. В.*

Д. Н. къ *А. В.*

Петербургъ, 4-го августа.

Только что получилъ твое письмо, дорогой другъ. Оно просто ошеломило меня! Хоть я предвидѣлъ, что Ольга Николаевна

предприметъ что либо съ цѣлью вернуть тебя подъ свою власть, но эта погоня за тобой меня несказанно изумила.

Тебя, быть можетъ, оскорбитъ и огорчитъ то, что я намѣренъ сказать по этому поводу, но наша давнишняя дружба полная обоюдная откровенность, обязываютъ меня высказать свое мнѣніе. Прежде всего, поговоримъ объ этой женщинѣ. Ты долженъ согласиться, что не можешъ быть къ ней безпристрастнымъ, а потому прислушайся къ тому, что скажетъ тебѣ разсудительный и холодный человѣкъ, каковымъ ты меня считаешь. Визитъ m-me Тацкой къ твоимъ сосѣдямъ очевидно былъ предпринятъ съ единственной цѣлью—увидать тебя, насильно ворваться въ твое добровольное заточеніе. Самъ ты отлично понимаешь, что дружба между нею и семействомъ господъ Бахтиныхъ возникнуть не могла. Они совершенно другаго круга, ничего общаго другъ съ другомъ не имѣютъ, слѣдовательно, о сближеніи не можетъ быть и рѣчи. Надо, поэтому, постараться уяснить себѣ, для чего ты снова ей понадобился, что могло побудить ее искать встрѣчи съ тобою? Конечно, чужая душа—потемки, но отъ частаго общенія съ людьми, наблюденія за ними, является способность хоть отчасти проникнуть въ эти потемки и хотя немного освѣтить ихъ. Я долженъ сознаться, что многое изъ своей личной жизни скрылъ отъ тебя. Не потому, что считалъ тебя недостойнымъ моего довѣрія,—самъ ты знаешь, что это не такъ,—а потому, что въ этомъ холодномъ, спокойномъ человѣкѣ, каковъ я, живетъ такое чувствительное мѣсто, до котораго дотронуться больно. Знаешь ли ты, что я женатъ? Женатъ по любви, и это любимое мною существо безжалостно наругалось надъ моей святыней, швырнуло мое сердце, какъ швыряютъ ненужную ветошь. Тебя это, конечно, изумитъ: поглядѣвъ на мою спокойную, хладнокровную, неуклюжую фигуру, дѣйствительно, трудно въ ней предположить существованіе того, что называется «романомъ». Но нелегко далось мнѣ это спокойствіе, немало горькихъ, тоскливыхъ дней, безсонныхъ, томительныхъ ночей пережилось и перечувствовалось, пока удалось втиснуть въ себя хладнокровіе и разсудительность. Говорю это только для того, чтобы ты не относился къ словамъ моимъ, какъ къ словамъ стараго профессора, дальше книгъ ничего въ жизни не видѣвшаго, а какъ къ пріобрѣвшему право собственной своей шкурой говорить о томъ, что теперь волнуетъ и терзаетъ тебя до сумашествія. Но не будемъ говорить обо мнѣ; возвратимся къ тебѣ.

Встрѣчались мнѣ въ жизни такія существа, особенно женщины, которыхъ вся жизнь заключалась въ удовлетвореніи или въ

стремленіи къ удовлетворенію постоянно появляющихся и смѣняющихъ другъ друга капризовъ. Не успѣетъ такое существо почувствовать хотя бы только появленіе какого нибудь желанія, какъ оно уже загорѣлось; все остальное отброшено въ сторону и, ни о чемъ не думая, ничего не соображая, стремится всѣми своими силами удовлетворить появившуюся прихоть. Мнѣ положительно встрѣчались такія женщины. Пока онѣ не добились своего, пока видятъ передъ собой намѣченную точку, онѣ не могутъ быть не только счастливы, но даже простая тишина, миръ, спокойствіе, окружавшіе ихъ до той минуты, моментально исчезаютъ. Но придетъ мгновеніе, когда столь страстно желаемое достигается, что почти всегда удается подобнымъ женщинамъ; казалось бы, блаженству не должно быть конца, а на самомъ дѣлѣ происходитъ совершенно иначе. Правда, онѣ испытываютъ минуту страстнаго восторга, столь же безудержнаго, какъ были безудержны ихъ желанія, но... это только минута. Сейчасъ же наступаетъ реакція, восторгъ смѣняется утомленіемъ, превращающимся весьма скоро въ полное равнодушіе. По моему, Ольга Николаевна принадлежитъ именно къ типу такихъ женщинъ, доказательствомъ чему служатъ ея отношенія къ тебѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ инымъ можно объяснить ея романъ съ тобой, такъ неожиданно кончившійся, ея теперешнюю погоню, да и вообще всю ея жизнь? Мнѣ это представляется въ слѣдующемъ видѣ: семейная бездѣтная жизнь съ мужемъ, по крайней мѣрѣ, на тридцать пять лѣтъ ея старше, не могла ее удовлетворить. Пока не явился человѣкъ, сразу сильно ее заинтересовавшій, она жила изо дня въ день. Но, съ минуты появленія такого человѣка, все пошло вверхъ дномъ и, разумѣется, ничто не было въ состояніи удержать ее отъ пагубнаго шага. Такія женщины неспособны бороться во имя принципа: все у нихъ поверхностно; ничего глубокаго, устойчиваго не можетъ быть при этой абсолютной невозможности сопротивляться первому впечатлѣнію, на нихъ дѣйствующему. Не знаю, былъ ли ты первый, заставившій совершить ее этотъ шагъ, или кто другой,—не въ этомъ дѣло. Въ ней нѣтъ мѣста для серьезнаго увлеченія: чувствуетъ она только нервами, напрягающимися до послѣдней степени. Напряженіе это долго тянуться не можетъ и скоро наступаетъ минута полнаго равнодушія. Въ твоихъ отношеніяхъ съ ней минута эта также наступила, и вскорѣ новое увлеченіе смѣнило старое. Ты самъ убѣдился въ этомъ безграничномъ легкомысліи: ты лично видѣлъ, какъ этотъ безмозглый фатъ въ раздушенномъ сюртукѣ, блестящихъ аксельбантахъ, этотъ вѣчно порхающій, всюду торчащій *Зв.*, улучивъ минуту, поцѣло-

валъ ее и получилъ въ отвѣтъ... сладострастную улыбку. Къ великому твоему несчастію, чувство твое было слишкомъ серьезно: ты полюбилъ ее не на шутку, дѣйствительно отдался ей всѣмъ сердцемъ, всѣми помыслами; ты наивно вѣрилъ въ свое «божество». Я не буду разсуждать теперь о томъ, возможно ли было такъ идеализировать эту женщину; во всякомъ случаѣ, въ твоихъ глазахъ она была существомъ, достойнымъ полнаго уваженія и сожалѣнія. Въ одинъ мигъ все это разрушилось; какъ подрѣзанная, она упала съ того пьедестала, на который ты же ее возвелъ; паденіе это пребольно отозвалось въ твоемъ сердцѣ. Тебѣ стало не, выносимо продолжать ту жизнь, которую ты велъ прежде; ты не могъ ужиться съ мыслью, что тебѣ пришлось бы по прежнему встрѣчаться съ ней, показывать другимъ, что отношенія близкаго знакомства продолжаютъ существовать между вами; ты не могъ всего этого переварить и, порвавъ съ ней рѣшительно, бросивъ Петербургъ, зарылся въ деревенской глуши. Но какъ могъ повліять подобный образъ дѣйствій на Ольгу Николаевну? По всѣмъ вѣроятіямъ, тѣ увлеченія, которыя она переживала раньше ничего серьезнаго съ обѣихъ сторонъ не представляли, а потому и прекращались легко. Съ тобой же вышло иначе. Рѣшимость, съ которой ты порвалъ ваши отношенія, твое сильное страданіе, которое она не могла не видѣть, поразили ее въ первый разъ. Она почувствовала, что держала въ рукахъ своихъ человѣческую душу; поняла, что нельзя было играть съ такимъ человѣкомъ, какъ ты, желая, чтобы игра эта оставалась игрой. Такую женщину, какъ она, не могла не поразить такая новость. И вотъ, подъ вліяніемъ новаго впечатлѣнія, въ ней зарождается новый капризъ: она страстно желаетъ тебя видѣть и снова тобой завладѣть. Она полагаетъ, что это будетъ трудно, что послѣ происшедшаго ты не захочешь вернуться къ ней и отъ этого ожидаемаго сопротивленія капризъ разгорается сильнѣе и сильнѣе. Конечно, она рѣшится на все, чтобы исполнить свое желаніе, и дѣйствительно рѣшается на самую крайнюю мѣру. Отправивъ своего колпака-мужа въ деревню устраивать дѣла, она ѣдетъ путешествовать для поправленія своихъ разстроенныхъ нервъ (это я узналъ здѣсь) и прежде всего принимаетъ приглашеніе твоихъ сосѣдей, съ дочерью которыхъ преднамѣренно сблизилась въ Петербургѣ. Она рѣшила, во что бы то ни стало, снова овладѣть тобой и пустить въ дѣло всѣ свои чары. Надѣюсь, что ты согласишься со всѣмъ этимъ: это до такой степени ясно. Пишу тебѣ свои мысли по этому поводу, зная, что ты не въ состояніи теперь хладнокровно разсуждать, и желая хоть немного отрезвить

тебя. Очнись, Андрюша! Покажи ей, что въ случаѣ надобности у тебя явятся и силы для борьбы, и твердые принципы. Неужели же въ жизни существуетъ только одна любовь? Вѣрь мнѣ, не въ ней заключается вся жизнь: это только одна изъ красотъ ея, а сколько есть еще и другихъ! Я не хочу вѣрить, чтобъ ты вышелъ изъ этой борьбы иначе, какъ побѣдителемъ. Развѣ можетъ существовать любовь безъ уваженія, а можешь ли ты ее уважать? Подумай о томъ, что если ты вернешься къ ней, то этимъ самымъ окончательно и безповоротно порѣшишь съ своей жизнью. Ты опять очутишься среди ненормальныхъ жизненныхъ условій, снова овладѣетъ тобой душевная разладица, а при такихъусловіяхъ никакое блаженство не заглушитъ вѣчно звучащаго въ глубинѣ души сомнѣнія. «Въ простотѣ и ясности заключается счастье»,—писалъ ты мнѣ,—такъ ухватись же за эту мысль, докажи, что ты дѣйствительно ею проникнутъ, и отвернись отъ фальшиваго блеска легкомысленной жизни. Подумай также и о человѣческомъ достоинствѣ,—сказалъ бы я тебѣ,—но въ настоящемъ твоемъ положеніи ты неспособенъ проникнуться этой великой мыслью, а потому постарайся лучше сознательно взглянуть на ту дорогу, куда тебя такъ тянетъ, и разобрать хорошенько встрѣтишь ли ты на ней прочное и правдивое счастье...

Твой *Д. Н.*

Отъ *А. В.* къ *Д. Н.*

Село П, 25 августа.

Господи, что съ нами дѣлаетъ жизнь! Нѣтъ для нея никакихъ законовъ, ничего въ ней нельзя предусмотрѣть, ничего остановить или измѣнить своей волей!

Словно вихрь, несется она, подхватывая человѣческое существо то погружая его въ темную бездну, то вознося на недосягаемую высоту безоблачнаго сіянія и простора! Еще два дня тому назадъ я мучился, корчился, какъ прокаженный, читалъ и перечитывалъ твое письмо, почти во всемъ съ тобой соглашаясь, предпринималъ различныя рѣшенія, мѣняя ихъ одно за другимъ, и твердо остановился на единственномъ, по моему мнѣнію, благоразумномъ, хотя и постыдномъ—бѣжать отсюда, какъ вдругъ вчера это письмо! Теперь мнѣ кажется, что я витаю въ царствѣ неземнаго блаженства. Хотя шевелятся въ мозгу сомнѣнія, чувствуется въ глубинѣ невольный страхъ, но все это однѣ тѣни тяжелаго минувшаго, еще не разогнанныя лучами ослѣпившаго меня счастья. Но прочь сомнѣнья, прочь постыдная робость! Кто

ней, скорѣе къ ней, моей владычицѣ, а тамъ пусть будетъ все по ея волѣ. Вчера я получилъ отъ нея письмо. Не знаю, сколько разъ перечиталъ его. Я упивался нѣжнымъ запахомъ этихъ тонкихъ листковъ, любовался ея твердымъ, длиннымъ почеркомъ, изучилъ каждое слово этой страстной исповѣди, угадывая всякое чувство и волненіе, которыя владѣли ею, когда она заносила на бумагу всю жизнь своего бѣднаго сердца. Ночью, продолжая сидѣть у своего письменнаго стола, я вспомнилъ о тебѣ, о твоемъ послѣднемъ посланіи, и рѣшилъ переписать тебѣ ея письмо, дабы ты увидѣлъ самъ ошибочность своего мнѣнія и больше не осуждалъ ея. Пойми, Дима, что противъ любви никто не властенъ. Въ ней столько стихійной, нечеловѣческой силы, что борьба съ ней есть борьба тощаго, хилаго деревца съ налетѣвшимъ ураганомъ. Но нечего говорить: прочти это письмо, и ты самъ все поймешь.

Вотъ оно:

«Я вижу, вы рѣшили избѣгать меня, Андрей Владиміровичъ, и никогда болѣе со мною не встрѣчаться. Скоро будетъ мѣсяцъ, съ тѣхъ поръ какъ мы здѣсь встрѣтились. Весь этотъ мѣсяцъ я провела въ томительномъ, тяжеломъ ожиданіи. Каждое утро я вставала съ тайною надеждою, что вы пріѣдете, хотя бы для того, чтобы навсегда проститься со мной, сказать, что все между нами окончательно и навсегда порвано. Вѣдь, уѣзжая изъ Петербурга вы этого не сдѣлали. Я сознаю, что изъ сильно желаемаго мною свиданія ничего для насъ радостнаго выйти не можетъ, а между тѣмъ до безумія хотѣлось бы еще разъ васъ увидѣть. Вѣроятно, вы рѣшили, что этого не должно быть,—пусть будетъ по вашему. Пишу же я вамъ потому, что чувствую потребность, разставаясь съ вами навсегда, въ первый и послѣдній разъ открыть вамъ всю свою душу, передать все, что дѣлалось и дѣлается въ самой завѣтной глубинѣ моего существа. Для чего я это дѣлаю? Повѣрьте, не для того, чтобы вымолить у васъ прощеніе и возвратъ къ прошлому; это было бы слишкомъ пошло, а, главное, недостижимо. Я хочу только, чтобы передъ окончательной разлукой вы знали, что я за человѣкъ, и, быть можетъ, вспоминая меня по прошествіи многихъ лѣтъ, вы не съ однимъ холоднымъ презрѣніемъ отнесетесь къ этому воспоминанію. Помните, какъ вы часто разспрашивали меня про мое дѣтство, и какъ я всегда старалась избѣгать этого разговора. Теперь я начну съ этого, такъ какъ въ человѣческой жизни все имѣетъ связь, все вытекаетъ одно изъ другаго. Дѣтство свое я провела въ деревнѣ. Родители мои жили въ бѣдности. Отецъ когда-то служилъ въ гвардіи, но

какъ-то сразу промоталъ все свое состояніе. Получивъ наслѣдство, состоявшее изъ маленькаго имѣнія, онъ бросилъ службу, переѣхалъ въ деревню и скоро женился на дочери сосѣда-помѣщика. Отецъ былъ добрый, но совершенно безхарактерный человѣкъ; онъ весь находился во власти моей матери и не былъ въ состояніи противиться ни одному ея желанію. Мнѣ тяжело говорить о томъ, что произошло между моими родителями, но... я должна вамъ все сказать. Черезъ пять лѣтъ послѣ ихъ свадьбы, когда мнѣ было четыре года, моя мать влюбилась въ офицера, пріѣхавшаго по службѣ въ наши края, и, бросивъ все и всѣхъ, бѣжала съ нимъ. Отецъ съ трудомъ перенесъ этотъ ударъ: онъ тяжко заболѣлъ и, оправившись, превратился въ еще болѣе слабое, жалкое существо. Прожили мы съ нимъ вдвоемъ шесть лѣтъ. Быть можетъ, то было самое счастливое время моей жизни. Я находилась на попеченіи старой няни, за мной никто не смотрѣлъ; я шалила, играла, сколько мнѣ хотѣлось. Мнѣ было уже десять лѣтъ, когда въ одинъ прекрасный день вернулась моя мать. Какъ теперь помню тотъ день, когда этотъ совсѣмъ для меня незнакомый человѣкъ ворвался въ нашу жизнь. Она порывисто вошла въ мою комнату, какъ-то неестественно прижала меня къ своей груди, вскочила, повела меня въ кабинетъ отца, кинулась передъ нимъ на колѣни и истерически кричала:—«прости меня, во имя Оленьки прости». Я ничего не понимала, но дѣтское сердце больно, больно сжалось въ маленькой груди. Отецъ простилъ ее и мы стали жить втроемъ. Но жизнь наша совершенно измѣнилась. Мать принялась за мое воспитаніе, стала давать мнѣ уроки французскаго языка, причемъ часто бивала меня за разсѣянность, и наконецъ уговорила отца переѣхать въ нашъ губернскій городъ, чтобы отдать меня въ гимназію. Въ гимназіи я училась недолго: когда мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ, моя мать выписала изъ Петербурга француженку, бывшую второстепенную опереточную пѣвицу,—какъ я узнала потомъ,—и, взявъ меня изъ гимназіи, рѣшила, что наступила пора заняться моимъ внѣшнимъ воспитаніемъ. Въ чемъ заключалось это воспитаніе? Въ постоянныхъ разговорахъ на французскомъ языкѣ, въ чтеніи безсмысленныхъ французскихъ романовъ, въ урокахъ танцевъ, а—особенно—въ изученіи свѣтскихъ приличій и требованій. Въ такихъ занятіяхъ прошелъ цѣлый годъ. Я не скажу, чтобы сильно страдала ото всего этого, чтобы искала какого нибудь выхода:—нѣтъ, я слишкомъ была молода, чтобы понять и оцѣнить всю темную сторону этой жизни; мнѣ казалось, что такъ всегда бываетъ и такъ должно быть. Холодно

мнѣ было только, одиноко, не уютно; мягкости, нѣжности, ласки я не видала вокругъ себя! Часто, не то грусть, не то тоска охватывала меня, но причины ея я не понимала, въ положеніе свое не вдумывалась и скорѣе отгоняла тяжелыя чувства, поспѣшно возвращаясь въ ту колею, по которой меня вели. Когда я достигла семнадцатилѣтняго возраста, наступило время, по мнѣнію моей матери, серьезно подумать о моемъ замужствѣ. Для этого, прежде всего, слѣдовало вывозить меня въ свѣтъ, пользуясь тѣми увеселеніями, которыя представлялъ городъ N. Я не хочу скромничать передъ вами: всякое позированіе глупо, а потому скажу вамъ, что я была хороша собой, о чемъ часто слышала разговоры между моими родителями. Я значительно выросла за послѣдній годъ, хорошо одѣвалась; мои черные глаза и бѣлокурые волосы обращали на себя вниманіе.

«Въ тотъ годъ, въ нашемъ городѣ происходили выборы, на которые съѣхалось множество лицъ. Всѣ гостинницы были биткомъ набиты пріѣзжими помѣщиками, изъ которыхъ многіе привезли даже свои семейства. Начались балы, вечера, всевозможныя развлеченія. Я веселилась отъ всего сердца, безо всякой задней мысли, какъ можетъ веселиться только семнадцатилѣтняя дѣвочка. На одномъ изъ баловъ я познакомилась съ своимъ мужемъ. Вы знаете, что онъ—на сорокъ лѣтъ старше меня, а потому поймете, что я ни малѣйшаго вниманія на него не обратила. Но зато онъ, замѣтилъ меня и, на другой же день послѣ первой нашей встрѣчи, пріѣхалъ къ намъ съ визитомъ. Достаточно было того, что онъ—богатѣйшій помѣщикъ въ губерніи, носитъ придворное званіе и вдовецъ; достаточно было этого для моей матери, чтобы обратить на него свое зоркое око и всячески поощрять его ухаживанья за мной. Послѣ пятаго или шестаго визита Сергѣя Ивановича, моя мать, взявъ меня за руку, отвела въ свою спальню и объявила, что должна серьезно поговорить со мной. Она объяснила мнѣ, что наше матеріальное положеніе очень и очень плохо, что послѣ этой зимы мы должны будемъ навсегда зарыться въ деревнѣ и что, въ виду всего этого, мнѣ необходимо постараться немедленно устроить свою дальнѣйшую судьбу, т. е. выйти замужъ. Она сказала мнѣ затѣмъ, что замѣчаетъ ухаживаніе Сергѣя Ивановича за мной и увѣрена, что онъ имѣетъ чистыя намѣренія. Когда я поняла только, къ чему клонится эта рѣчь, сердце мое остановилось, въ глазахъ потемнѣло; я почти безъ чувствъ опустилась въ стоявшее около меня кресло. Я знала, что не въ состояніи буду бороться съ матерью, что я не въ силахъ пойти противъ ея воли и что она,

все рушилось въ одно мгновеніе, доказывая, что мой удѣлъ—или развратъ, или могила.

«Итакъ предположенія мои были вѣрны: ваша любовь были такая же, какъ и *всѣхъ ихъ*; не стоила она ни одной слезы, ни одного страстнаго порыва моего переполненнаго любовью сердца. Всѣ ваши слова, вся ваша нѣжность—все это было той же жалкой низостью, наполнявшей ихъ мелкія душонки! Неужели же я буду продолжать служить вамъ игрушкой? Неужели же я дамъ вамъ право насмѣяться надо мной? Все закипѣло въ моей душѣ. Дикая злоба переполнила сердце. Такъ покажу же я ему, какъ цѣню его чувство, пускай увидитъ онъ собственными глазами, какую я придаю ему цѣну! И вотъ произошло то, что̀ вы знаете, о чемъ мнѣ страшно вспоминать. Вернувшись съ того бала, я всю ночь не смыкала глазъ; что-то холодное, тяжелое шевелилось на сердцѣ. Что жъ онъ сдѣлаетъ? думала я. Ожидала я, что вы явитесь за̀ объясненіями, повторяла себѣ тысячу разъ, чѣмъ отвѣчу на ваши упреки. Нѣсколько дней не выходила я изъ дому, вздрагивая при каждомъ звонкѣ. Тотъ глупый фатъ, послужившій орудіемъ моей мести, на другой же день послѣ бала явился ко мнѣ, убѣжденный въ своей побѣдѣ; я его, конечно, не приняла. Но вотъ до меня доходятъ слухи, что вы внезапно уѣхали въ деревню, что никто никакихъ свѣдѣній о васъ не имѣетъ. Вдругъ сомнѣніе закралось въ мою душу: а что̀, если все это ложь, что̀, если я оскорбила, загрязнила настоящее чувство? При этой мысли, такое отчаяніе сдавило мнѣ сердце, что я постаралась скорѣе отогнать ее. Но, чѣмъ болѣе я думала о васъ, тѣмъ долѣе приходила къ заключенію, что меня обманули и что я сдѣлала что-то невѣроятно-ужасное, безповоротное. Такое положеніе было слишкомъ мучительно, слишкомъ невыносимо. Я рѣшила увидѣть васъ. Объ остальномъ вы сами догадываетесь. Теперь вы знаете все и, надѣюсь, не станете думать обо мнѣ съ однимъ лишь презрѣніемъ. Прощайте, прощайте навсегда. Черезъ два дня я уѣзжаю. Знайте, что я любила васъ всѣми силами своей души. Любила?! Нѣтъ, люблю до сумашествія. Дорого̀й мой, вернись ко мнѣ...»

Вотъ, Дима, ея письмо. Бѣдное, несчастное созданіе! Безъ опыта, безъ твердой почвы и опоры, попала она въ клокочущій житейскій водоворотъ и, измученная, истерзанная, упала въ изнеможеніи подъ его неистовой силой. Но нѣтъ, моя дорогая! Я подыму тебя, унесу въ своихъ объятіяхъ отъ всей этой подлой тли. Я чувствую въ себѣ такую силу, что никто и ничто не будетъ въ состояніи ее сломить.

Прощай, дорогой мой другъ. Что будетъ дальше, не знаю. Вижу впереди ослѣпительный блескъ новой зари нарождающагося блаженства. Завтра лечу снова къ ней.

Твой *А. В.*

Отъ *А. В.* къ *Д. Н.*

Крымъ, 29 сентября.

Съ тѣхъ поръ какъ я покинулъ деревню, прошло уже болѣе мѣсяца, а я ни разу еще не писалъ тебѣ, дорогой мой Дима. За все это время я не успѣвалъ не только писать, но и думать о чемъ нибудь.

Безконечное счастье охватило меня и унесло въ своемъ вихрѣ отъ всего земнаго. Внѣшній міръ, съ его заботами, требованіями и скучными формами существованія, остался въ туманной дали; онъ замѣнился вѣчнымъ блескомъ необъятнаго, неземнаго блаженства. Постоянное присутствіе этого свѣта поглощаетъ все мое существо; я отогрѣваюсь въ его лучахъ, какъ заживо погребенный, вызванный на свѣтъ божій. Она тутъ, рядомъ со мной; я слышу, вижу ее, и весь смыслъ моей жизни заключается именно въ этомъ. Сидитъ ли она, занятая чѣмъ нибудь, я любуюсь ею изъ своего угла, наблюдаю каждое ея движеніе, угадывая, о чемъ она думаетъ; говоритъ ли что, я упиваюсь звукомъ ея голоса, выраженіемъ милаго лица, мягкимъ взглядомъ ея черныхъ глазъ; работаетъ ли, а я читаю ей вслухъ,—часто отрываюсь я отъ чтенія, слѣдя за ея тонкой, нѣжной рукой, за сосредоточеннымъ выраженіемъ ея наклоненнаго лица. Однимъ словомъ, всѣ мои помыслы, чувства, все мое существованіе безгранично принадлежитъ ей; внѣ ея, весь міръ для меня — пустой звукъ. Можетъ быть, найдутся люди, которые назовутъ такую жизнь жалкой, пустой праздностью, но я отвѣчу имъ, что жалки, напротивъ, они, если не способны понять всей глубины и полноты существованія, всецѣло поглощеннаго однимъ чувствомъ и помысломъ. Неужели же жизнь, размѣненная на мелочи, исполненная всевозможныхъ стремленій, исканій, ничтожныхъ заботъ, съ вѣчно открытыми вопросами и разочарованіями, полнѣе жизни, исключительно отданной одному чувству, внѣ котораго все ложь и суета? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Въ любви и одной любви,— въ какомъ бы видѣ она ни проявлялась,—вся красота, вся гармонія и чистота нашего земнаго существованія. Прочь всѣ сомнѣнія и колебанія, прочь эти остатки ничтожнаго, суетнаго прошлаго; смѣло и бодро будемъ идти впередъ, не останавливаясь предъ жалкимъ людскимъ

законодательствомъ, плодомъ ихъ пустаго, тщеславнаго бытія. Дорогой мой, еслибы ты могъ понять всю силу ея обаянія! Но нѣтъ; я чувствую, что если ты и не слишкомъ осуждаешь, то все же не даешь мнѣ своего полнаго сочувствія. Не бойся оскорбить меня, говори всю правду, высказывай все, что ты думаешь обо мнѣ и о томъ пути, на который я безповоротно вступилъ. Я вѣрю въ искренность твоего расположенія ко мнѣ, а при этомъ условіи нѣтъ вещи, которой бы я не могъ выслушать отъ тебя. Ты—мой старый, испытанный другъ, въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова, а потому нѣтъ вопроса, котораго мы должны были бы избѣгать въ разговорѣ другъ съ другомъ. Хочешь ли знать, какъ мы устроились здѣсь? Конечно, да, — и я тебѣ все опишу.

Пріѣхали мы сюда въ концѣ прошлаго мѣсяца. Такъ какъ мы рѣшили поселиться недалеко отъ города (Ольгѣ доктора дѣйствительно предписали морскія ванны),-то пришлось намъ устроиться отдѣльно другъ отъ друга: тутъ много пріѣзжихъ изъ Петербурга и мы рискуемъ встрѣтиться съ кѣмъ нибудь изъ знакомыхъ. Единственная темная точка въ моей теперешней жизни— это ложное наше положеніе. Я предлагалъ Ольгѣ сейчасъ же начать хлопоты о разводѣ, но она не хочетъ, чтобъ настоящее наше счастіе было нарушено всѣми неизбѣжными дрязгами, соединенными съ этимъ вопросомъ, и проситъ хоть немного подождать. Въ сущности, до сихъ поръ мы не встрѣчали ни одного знакомаго лица; мужъ ея ничего не подозрѣваетъ, такъ что ничто еще не угрожаетъ нашему солнечному дню.

Итакъ, мы поселились отдѣльно. Мнѣ удалось напасть на двѣ маленькія дачи, расположенныя въ какой нибудь полутора-верстѣ отъ города. Это очень миленькіе, чистенькіе домики, отстоящіе другъ отъ друга не болѣе какъ на четверть версты, обросшіе со всѣхъ сторонъ густымъ виноградомъ и расположенные въ очень дикой, красивой мѣстности. Дача Ольги — ближайшая къ городу: она высится на краю обрыва и окружена запущеннымъ, густо заросшимъ паркомъ. Съ ея балкона чудный далекій видъ вдоль долины,—изрѣзанной татарскими садиками,—на городъ и море. Мой домъ глубже въ горахъ; онъ также погруженъ въ зелень, но изъ моихъ оконъ моря не видно. Однѣ дикія скалы, покрытыя соснами, окружаютъ меня, да вдали высоко въ небѣ виднѣется легкая воздушная линія горнаго хребта. Очень мнѣ нравятся горы: ихъ рельефы такъ стройно, граціозно выдѣляются на синемъ, чистомъ небѣ, такъ величественно спадаютъ книзъ угрюмые утесы, по которымъ тамъ и сямъ мелькаютъ продѣланныя татарами тропинки. У подножія

онѣ покрыты густой зеленью, переливающейся всевозможными оттѣнками подъ солнечными лучами, а выше — все чаще и чаще мелькаютъ сѣрыя, голыя площадки; наверху же—одинъ сѣрожелтоватый камень, весь изрытый словно морщинами; на немъ только кое-гдѣ одиноко растутъ отдѣльныя сосны. Такъ мнѣ хорошо живется въ моемъ домикѣ! Встаю я рано и, выпивъ кофе, отправляюсь съ рабочимъ ящикомъ бродить по окрестнымъ скаламъ. Иногда возвращаюсь съ набросанными эскизами, а иногда, не въ силахъ взять кисть въ руки, сижу гдѣ нибудь подъ деревомъ и любуюсь лежащими у моихъ ногъ прелестными картинами. Часовъ около десяти я отправляюсь къ Ольгѣ. Она всегда встрѣчаетъ меня на дорогѣ. Какъ только мелькнетъ передо мной въ кустахъ ея круглая соломенная шляпка, ея граціозная фигура,—сердце мое замретъ отъ восторга и я остановлюсь, какъ вкопанный. Вотъ она выдетъ изъ-за поворота, увидитъ меня; глаза ея радостно блеснутъ, губы улыбнутся, она протянетъ мнѣ руки, и я кинусь къ ней, какъ безумный, будто цѣлый годъ не видалъ ея. Сердце невыносимо заколотится въ груди... Въ это время она всегда ходитъ брать свою ванну; я провожаю ее до города, а самъ остаюсь въ саду ожидать ея возвращенія. Она всегда спѣшитъ, счастье мое дорогое, чтобы не заставлять меня слишкомъ долго дожидаться. Бодрая, свѣжая, румяная, съ блестящими глазами, мокрыми, непослушно выбивающимися изъ подъ шляпки волосами, она спѣшитъ ко мнѣ. Радостно и весело возвращаемся мы домой разными окольными тропинками. Иногда она заходитъ ко мнѣ, роется въ моихъ работахъ, болтаетъ и смѣется, какъ ребенокъ.

Дома, т. е. у нея на дачѣ, насъ ожидаетъ уже обѣдъ. Обыкновенно столъ накрытъ на балконѣ, такъ какъ онъ на тѣневой сторонѣ. Долго сидимъ мы за столомъ, любуясь лежащимъ передъ нашими глазами видомъ, составляя великолѣпные планы въ будущемъ, мечтая со временемъ навсегда поселиться въ этомъ чудномъ краю, гдѣ мы впервые испытали безмѣрное, безоблачное счастіе. Подъ вечеръ, намъ обыкновенно приводятъ верховыхъ лошадей, и мы отправляемся въ дальнія экскурсіи. Возвращаемся уже при полной темнотѣ. Тогда на балконъ выносится лампа; Ольга садится съ работой, а я начинаю читать ей вслухъ. Но чтеніе наше не особенно быстро подвигается. Такой нѣгой-истомой дышетъ эта южная ночь, такою страстью напитанъ окружающій насъ воздухъ, что работа падаетъ у нея изъ рукъ, книга моя сама собой закрывается, и мы безмолвно упиваемся этой страстью и нѣгой тихо задремавшей природы, чувствуя только,

какъ неистово бьется сердце въ груди, какъ по всему тѣлу пробѣгаетъ томительная, сладостная дрожь.

Боже, какъ великолѣпны эти ночи! Какъ чудно это далекое море, когда полоса луннаго свѣта, пробѣжавъ серебристой лентой по всей долинѣ, мягко ляжетъ на водную гладь и, все съуживаясь, пропадетъ наконецъ гдѣ-то въ темной дали. Какая торжественная, благоговѣйная тишина кругомъ, какъ тихо и чутко внимаютъ ей высокіе, нѣжные тополи, облитые серебристымъ сіяніемъ. Кудрявые дубы, орѣшники, миндали будто ниже опускаютъ свои мохнатыя головы и только снизу, изъ долины, доносится тихое журчанье полуизсякшей горной рѣчки, да съ моря несется тихій, ласковый плескъ!.. Нѣтъ, ни словами, ни кистью такой красоты не передать.

Прощай, дорогой мой. На сегодня довольно. Я пожертвовалъ тебѣ своей утренней прогулкой, а теперь пора къ ней,—моему счастью, жизни моей. Она все: и цѣль, и смыслъ моего существованія. Твой *А. В.*

Отъ *Д. Н.* къ *А. В.*

Петербургъ, 6-го октября.

Твое письмо, любезный другъ, повергло меня въ большое смущеніе. Я не знаю, какъ тебѣ на него отвѣтить. Ты находишься въ такомъ восторженномъ настроеніи, что звукъ трезваго, спокойнаго голоса можетъ больно и оскорбительно прозвучать въ твоихъ ушахъ. Лишь вторящіе твоей торжествующей пѣснѣ звуки были бы тебѣ пріятны; одна лишь полная солидарность съ твоими чувствами могла бы тебя удовлетворить. Но что же дѣлать, если я не нахожу въ себѣ этихъ отзвуковъ, если то, что мнѣ хотѣлось бы тебѣ сказать, холодно и непріятно коснется твоей души? Не лучше ли молчать? Но, во-первыхъ, это молчаніе можетъ показаться тебѣ не менѣе обиднымъ, а, во-вторыхъ, недаромъ ты считаешь меня своимъ испытаннымъ другомъ. Дружба же имѣетъ свои обязательства: она мыслима только при полной обоюдной откровенности, даже если эта откровенность заключаетъ въ себѣ порицаніе. Будемъ же говорить другъ съ другомъ безъ всякихъ увиливаній и ухищреній, выслушивая безъ всякой злобы и желчи то, что диктуется намъ нашей взаимной привязанностью.

Изъ этихъ уже словъ ты угадываешь, что твое настоящее психическое состояніе не нашло во мнѣ полнаго одобренія. Дѣйствительно, когда я прочиталъ твое письмо, тяжелыя и тревож-

ней, скорѣе къ ней, моей владычицѣ, а тамъ пусть будетъ все по ея волѣ. Вчера я получилъ отъ нея письмо. Не знаю, сколько разъ перечиталъ его. Я упивался нѣжнымъ запахомъ этихъ тонкихъ листковъ, любовался ея твердымъ, длиннымъ почеркомъ, изучилъ каждое слово этой страстной исповѣди, угадывая всякое чувство и волненіе, которыя владѣли ею, когда она заносила на бумагу всю жизнь своего бѣднаго сердца. Ночью, продолжая сидѣть у своего письменнаго стола, я вспомнилъ о тебѣ, о твоемъ послѣднемъ посланіи, и рѣшилъ переписать тебѣ ея письмо, дабы ты увидѣлъ самъ ошибочность своего мнѣнія и больше не осуждалъ ея. Пойми, Дима, что противъ любви никто не властенъ. Въ ней столько стихійной, нечеловѣческой силы, что борьба съ ней есть борьба тощаго, хилаго деревца съ налетѣвшимъ ураганомъ. Но нечего говорить: прочти это письмо, и ты самъ все поймешь.

Вотъ оно:

«Я вижу, вы рѣшили избѣгать меня, Андрей Владиміровичъ, и никогда болѣе со мною не встрѣчаться. Скоро будетъ мѣсяцъ, съ тѣхъ поръ какъ мы здѣсь встрѣтились. Весь этотъ мѣсяцъ я провела въ томительномъ, тяжеломъ ожиданіи. Каждое утро я вставала съ тайною надеждою, что вы пріѣдете, хотя бы для того, чтобы навсегда проститься со мной, сказать, что все между нами окончательно и навсегда порвано. Вѣдь, уѣзжая изъ Петербурга вы этого не сдѣлали. Я сознаю, что изъ сильно желаемаго мною свиданія ничего для насъ радостнаго выйти не можетъ, а между тѣмъ до безумія хотѣлось бы еще разъ васъ увидѣть. Вѣроятно, вы рѣшили, что этого не должно быть,—пусть будетъ по вашему. Пишу же я вамъ потому, что чувствую потребность, разставаясь съ вами навсегда, въ первый и послѣдній разъ открыть вамъ всю свою душу, передать все, что дѣлалось и дѣлается въ самой завѣтной глубинѣ моего существа. Для чего я это дѣлаю? Повѣрьте, не для того, чтобы вымолить у васъ прощеніе и возвратъ къ прошлому; это было бы слишкомъ пошло, а, главное, недостижимо. Я хочу только, чтобы передъ окончательной разлукой вы знали, что я за человѣкъ, и, быть можетъ, вспоминая меня по прошествіи многихъ лѣтъ, вы не съ однимъ холоднымъ презрѣніемъ отнесетесь къ этому воспоминанію. Помните, какъ вы часто разспрашивали меня про мое дѣтство, и какъ я всегда старалась избѣгать этого разговора. Теперь я начну съ этого, такъ какъ въ человѣческой жизни все имѣетъ связь, все вытекаетъ одно изъ другаго. Дѣтство свое я провела въ деревнѣ. Родители мои жили въ бѣдности. Отецъ когда-то служилъ въ гвардіи, но

ожидалъ. Ты боролся, ты старался вернуть свои силы, но въ душѣ твоей продолжалъ копошиться все тотъ же червь, уничтожавшій плоды твоихъ усилій. И вотъ, въ концѣ концовъ, при новомъ испытаніи, остатки твоей воли исчезли: ты безповоротно отдался охватившему тебя теченію. Вотъ какимъ образомъ я понимаю то, что съ тобой произошло и происходитъ. Разумѣется, ты съ негодованіемъ отвергнешь мой взглядъ, скажешь себѣ, что я неспособенъ понять того, что происходитъ въ твоей душѣ. Но, Андрюша, вѣдь это не отвѣтъ, вѣдь такимъ аргументомъ можно отвергнуть всякую мысль, разъ она непріятна. Постарайся хоть на минуту вырваться изъ своего очарованнаго круга, взгляни на себя объективно. Неужели ты не поразишься различіемъ того, что ты говоришь теперь, съ тѣмъ, что исповѣдывалъ прежде? Вспомни твои рѣчи о томъ, что всякій человѣкъ обязанъ служить по мѣрѣ силъ своихъ человѣчеству, что всякое отдѣльное существо должно, какъ муравей, нести въ общую кучу плоды своихъ трудовъ на пользу общаго дѣла. Что же говоришь ты теперь? Ты всю свою жизнь отдалъ блаженству и внѣ его не хочешь видѣть ни цѣли, ни смысла существованія. Пойми, что достаточно было привлекательной женщинѣ завладѣть тобою, чтобы всѣ прежніе твои идеалы, воззрѣнія на свои обязанности и свое назначеніе—разлетѣлись въ прахъ. Природа дала тебѣ чуткое сердце, отзывчивую душу, вложила въ тебя зачатки таланта; какъ же воспользовался ты всѣми этими дарами? Неужели же ты съ презрѣніемъ отвернешься отъ нихъ, чтобы всецѣло предаться одному лишь самоуслажденію? Своими словами о великомъ значеніи любви ты стараешься только самъ себя оправдать, найти извиненіе передъ своей совѣстью въ жалкой, недостойной слабости. Не отрицаю я великаго значенія любви, но не любви, служащей лишь къ удовлетворенію личнаго увлеченія, а любви, возвышающей, очищающей душу, поднимающей нравственный уровень человѣка до сознанія необходимости труда и жертвы съ цѣлью не дать себѣ опуститься въ омутъ безпредѣльнаго эгоизма.

Нѣтъ, Андрюша, не могу я и не хочу принимать иначе твои слова, какъ слова лежащаго въ бреду больнаго. Не хочу вѣрить, чтобы ты серьезно всѣ свои стремленія къ служенію правдѣ, добру и самоусовершенствованію замѣнилъ идеаломъ безпредѣльнаго эгоизма, стремленія къ личному счастью и самоуслажденію. Не говорю, что человѣкъ во имя человѣчества долженъ жертвовать своимъ личнымъ счастіемъ; но думаю, что если оно дается ему, то тѣмъ болѣе долженъ онъ чувствовать потребность работы на пользу общую. Иначе, идя по такой дорогѣ, можно дойти

до полной потери человѣческаго достоинства, возносящаго каждаго изъ насъ надъ всѣмъ остальнымъ животнымъ міромъ. Не въ любви и въ самоудовлетвореніи заключается жизнь человѣческая, а въ мелкой и тяжелой работѣ совершенствованія, въ развитіи своего природнаго дарованія, въ стремленіи къ вѣчной истинѣ и добру. Твоя любовь и поклоненіе ей не вѣчны, а правда и добро не перестанутъ сіять человѣчеству путеводной звѣздой.

Не хочу говорить тебѣ о томъ ненормальномъ положеніи, въ которомъ ты находишься по отношенію къ любимой женщинѣ: это область, въ которую никто не имѣетъ права проникать; но боюсь, чтобъ эта ненормальность не привела тебя къ чему либо роковому.

Прости меня, Андрюша, за это, быть можетъ, сухое письмо; но вѣрь, что оно вызвано искреннимъ расположеніемъ къ тебѣ и тревогой за твою судьбу.

Твой *Д. Н.*

Отъ *А. В.* къ *Д. Н.*

Крымъ, 15-го октября.

Дѣйствительно, письмо твое, Дима, показалось мнѣ сухо и жестоко. Теперь, когда вся жизнь свѣтится передо мною сіяніемъ счастія и блаженства, твои слова, какъ рѣзкій звукъ, принесшійся изъ совсѣмъ другаго міра, заставили меня вздрогнуть.

Скажу тебѣ откровенно, что, прочитавъ твое письмо, я съ неудовольствіемъ отбросилъ его въ сторону, стараясь скорѣе забыть твои слова, непріятно и холодно подѣйствовавшія на меня. Но прошло нѣсколько дней, а твое письмо все чаще и чаще приходитъ мнѣ въ голову, возбуждая на душѣ тревожное чувство. Я только что перечиталъ его и хочу постараться отвѣтить на твое суровое порицаніе. Прежде всего, ты находишь въ моемъ поведеніи непростительную слабость, приведшую меня къ безпредѣльному эгоизму и отрицанію всѣхъ серьезныхъ, осмысленныхъ началъ духовной жизни. Ты видишь въ настоящемъ моемъ существованіи одно лишь чувственное самоуслажденіе, не признавая въ немъ никакого другаго смысла. На все это я могу тебѣ сильно возразить. Скажи мнѣ, во-первыхъ, существуетъ ли на свѣтѣ опредѣленная и ясная цѣль человѣческаго бытія? Существуетъ ли та дорога, по которой, внѣ всякаго сомнѣнія, слѣдуетъ идти и которая приводитъ къ конечной, всѣмъ несомнѣнно видимой точкѣ? Еслибъ это было такъ, то, разумѣется, всякое

конечно, поставить на своемъ. Фигура этого старика съ отвисшей губой, слащавыми глазами и вѣчно холодными, потными руками, съ необычайной ясностью встала передо мной,—и холодный ужасъ сковалъ мое сердце.

«Но что разсказывать вамъ про эту нравственную пытку? Важно то, что случилось. Мать, конечно, добилась своего, и черезъ два мѣсяца послѣ нашего разговора я сдѣлалась m-me Тацкой. Прямо отъ вѣнца мужъ увезъ меня въ деревню. Еслибы мы провели тамъ продолжительное время, я навѣрно не выдержала бы такой жизни и покончила съ своимъ жалкимъ существованіемъ. Можетъ быть, оно было бы и лучше. Но судьба рѣшила иначе. Замѣтилъ ли мужъ мою тоску, или просто захотѣлъ показать тому свѣту, къ которому принадлежалъ, свою молодую жену — не знаю, но къ зимѣ мы переѣхали въ Петербургъ. Вы, конечно, поймете, что такая перемѣна жизни не могла не повліять на меня. Очутившись сразу въ водоворотѣ свѣтской атмосферы, имѣя у себя дома только одно тяжелое и отталкивающее, я кинулась въ это бушующее море, окунулась въ него съ головой. Балы, театры, выѣзды въ свѣтъ, пріемы у себя—все это смѣнялось одно другимъ, отуманивая мою голову, не давая ей останавливаться на тяжелыхъ мысляхъ. За мной ухаживали, я кокетничала, чувствуя порой сладкое замираніе сердца, и все болѣе и болѣе забывалась въ этомъ вихрѣ. Къ счастью, мой мужъ совсѣмъ не былъ ревнивъ, да, кромѣ того, онъ такъ опустился физически и умственно, что пересталъ со мной выѣзжать, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и рѣдко даже меня видѣлъ. Скажите же теперь что должно было случиться со мной при встрѣчѣ съ человѣкомъ, который съумѣлъ бы сильно заинтересовать и увлечь меня? Могла ли я устоять противъ искушенія? Мыслимо ли было мнѣ, одинокой, не получившей въ дѣтствѣ никакихъ нравственныхъ опоръ, выдержать борьбу съ нарождающимся въ сердцѣ чувствомъ? Да и зачѣмъ было бороться? Во имя чего? Въ самую лучшую пору жизни, я была просто на просто продана отвратительному старику; надъ сердцемъ моимъ, надъ всѣми чувствами наругались, кинули меня въ омутъ невылазной грязи,—на какомъ же основаніи могли требовать отъ меня, чтобы я навѣки зарылась въ своей могилѣ, никогда не допускала бы въ свою душу новой жизни? Во-первыхъ, я не въ силахъ была этого сдѣлать, а, во-вторыхъ, не понимала, во имя чего должна была жертвовать собой. Мы встрѣтились... Я не могла не замѣтить, что произвела на васъ довольно сильное впечатлѣніе, а такъ какъ въ моихъ глазахъ вы выдѣлялись изъ толпы окружавшихъ меня молодыхъ людей, выдѣлялись какой-то

особой своеобразностью, рѣзкой противоположностью съ другими въ мысляхъ и чувствахъ, такъ какъ мнѣ чудилась въ вашей душѣ особая, вамъ однимъ свойственная мягкость, прямота и восторженность, то я очень скоро замѣтила, что мысли мои заняты исключительно вами. Съ каждымъ новымъ свиданіемъ, мы все болѣе и болѣе сближались; ваши взгляды, ваши ласкающія мягкія рѣчи, полныя скрытой страсти и боязни оскорбить меня, все сильнѣе и сильнѣе смущали меня, волновали мою душу. Но въ то время, какъ сердце говорило мнѣ, что чувство ваше глубоко и серьезно, голова моя доказывала совершенно иное. Сознавая свое положеніе молодой, неуродливой женщины, пользующейся неограниченной свободой, связанной только внѣшнимъ образомъ съ разбитымъ, дряхлымъ старикомъ-мужемъ, и видя усиленное ухаживаніе за мной молодежи, я отлично понимала, что въ этомъ ухаживаньи—мѣста для любви нѣтъ. Я видѣла во всѣхъ этихъ нѣжныхъ взглядахъ, страстныхъ признаніяхъ и увлеченіяхъ—одно лишь желаніе пріятнаго обладанія хорошенькой женщиной, и... больше ничего. Роковая ошибка моя именно и заключалась въ томъ, что, хотя во всемъ остальномъ я и выдѣляла васъ изъ окружавшей среды, но въ этомъ отношеніи вы стояли въ глазахъ моихъ наряду съ прочими. Это было причиной, почему произошло все остальное. Долго сердце мое боролось съ головой: при такомъ взглядѣ на ваше чувство, больно и стыдно становилось при мысли, что все жъ таки я готова отдать вамъ все свое существо. Но откуда было взять силы для борьбы? Неизбѣжное случилось... Боже, что я испытала тогда! Бѣшеная страсть, нѣжность, тайное недовѣріе, вызывавшее чувство горькой обиды, даже злоба—все это смѣшалось въ какую-то клокочущую стихійную силу. Я старалась не давать воли своимъ мыслямъ, всецѣло отдаваясь своей любви, чувствуя, что недолговѣчно мое счастье и что эти дни жгучаго, болѣзненнаго блаженства—самые лучшіе во всей моей жизни.

«Но развязка приближалась. Наши отношенія не могли ускользнуть отъ ревнивыхъ взоровъ другихъ моихъ поклонниковъ, и вотъ одинъ изъ нихъ постарался подло и низко ихъ разрушить. Заставъ меня однажды въ тяжеломъ раздумьѣ, вызванномъ все тѣми же мыслями о глубинѣ вашего чувства ко мнѣ, онъ, словно угадавъ то, что происходило въ моей душѣ, намекнулъ, въ разсказѣ о недавнемъ своемъ кутежѣ, что васъ видѣли въ одномъ изъ загородныхъ ресторановъ въ отдѣльномъ кабинетѣ, съ хорошенькой, всѣмъ извѣстной женщиной. Боже, что испытала я въ тѣ минуты? Все мое счастіе, единственная отрада всей моей жизни—

своемъ собственномъ мнѣніи, стараясь ими доказать высоту своего нравственнаго уровня. Зачѣмъ тѣшить себя фальшивымъ блескомъ? Всѣ мы—человѣки, а удѣлъ и назначеніе таковыхъ не очень ужь велики. Пусть каждый живетъ въ своемъ уголку и если въ этомъ уголку все искренно, правдиво, если въ немъ бьется горячее сердце, то надо этимъ довольствоваться и нѣчего искать бо́льшаго.

Не думай, что, подъ вліяніемъ охватившаго меня счастія, я отвернулся отъ всякой дѣятельности, отказался отъ всѣхъ другихъ стремленій. Нѣтъ, я далекъ отъ этого, но въ основаніи каждой моей мысли, каждаго чувства легло теперь сознаніе моей любви и полнаго отреченія отъ своего «я». Вотъ это-то послѣднее сознаніе, проникающее въ самую глубину моей души, и составляетъ тотъ краеугольный камень, на которомъ зиждется моя новая жизнь и оправданіе ея, если она въ немъ нуждается.

Вотъ мой отвѣтъ на твои обвиненія, Дима. Боюсь, что онъ не удовлетворитъ тебя, и что въ концѣ концовъ ты отвернешься отъ своего друга. Подожди еще окончательно осуждать меня. Я переживаю теперь переходное время; многое должно еще совершиться, прежде чѣмъ наша жизнь взойдетъ въ нормальную колею.

Твой намекъ на ненормальность нашего положенія съ Ольгой еще больнѣе отозвался въ моемъ сердцѣ. Больнѣе потому, что это—единственное черное пятно на свѣтломъ нашемъ небѣ. Хотя Ольга старается доказать мнѣ, что такое положеніе есть вопросъ времени, что мы теперь ни о чемъ другомъ не должны думать, какъ только о нашей любви; но я вижу, что въ ней живетъ тайное недовольство, подчасъ сильно ее раздражающее и тяжело дѣйствующее на ея нервы. Случается, что я застаю ее въ глубокой задумчивости, иногда ловлю ея разсѣянный взглядъ; она избѣгаетъ моихъ вопросовъ, говоритъ, что все это нервы, которые никакъ не могутъ успокоиться. Надо будетъ прекратить эту ненормальность и сдѣлать рѣшительный шагъ.

До свиданія, Дима. Не будь слишкомъ строгъ ко мнѣ и дай себя обнять твоему давнишнему пріятелю.

А. В.

Отъ *А. В.* къ *Д. Н.*

Крымъ, 15-го ноября.

Дорогой Дима!

Мое послѣднее письмо очевидно не удовлетворило тебя, не оправдало меня въ твоихъ глазахъ: ты на него не отвѣтилъ. Признаюсь, я первое время не обратилъ на это большаго внима-

нія. Моя жизнь такъ полна сильныхъ, отуманивающихъ впечатлѣній, что мысль неспособна сосредоточиться на чемъ либо, находящемся внѣ извѣстнаго круга. Хотя сознаніе, что ты не находишь возможнымъ продолжать наши прежнія, вполнѣ откровенныя отношенія, больно и оскорбительно отозвалось въ душѣ, но другія впечатлѣнія и чувства не дали мнѣ на немъ остановиться. Теперь же я снова испытываю потребность вернуться къ тебѣ, а потому сажусь писать, не зная даже, откликнешься ли ты на мой голосъ. Бываютъ же такія минуты, когда необходимость высказаться, поговорить о томъ, что лежитъ на сердцѣ, такъ велика, что не сдѣлать этого просто невозможно. Я именно испытываю теперь такую минуту. Прочтя эти слова, ты навѣрно подумаешь, что со мной случилось нѣчто ужасное, что я снова мучусь, скрежещу отъ боли и т. д. Но успокойся, мой другъ: ничего такого со мной не произошло, хотя та жизнь, о которой я тебѣ отсюда писалъ, нѣсколько измѣнилась. Я и хочу поговорить съ тобой объ этой перемѣнѣ.

Помнится мнѣ, описывая наше времяпровожденіе, я говорилъ тебѣ, что ежедневно утромъ провожаю Ольгу въ городъ, куда она ходитъ брать морскія ванны. Недѣли двѣ тому назадъ, мы по обыкновенію направились туда. Я, какъ всегда въ отсутствіе Ольги, сѣлъ на скамейку въ саду. Въ тотъ день тревожныя мысли лѣзли мнѣ въ голову. Нервность Ольги, все болѣе и болѣе развившаяся за послѣдніе дни, начинала сильно безпокоить меня. Я сталъ замѣчать въ ней непонятную озабоченность, какую-то неровность, порывистость, отражавшуюся даже въ ея движеніяхъ и разговорѣ. Не смотря на всѣ свои старанія, я иногда бывалъ не въ силахъ разогнать ея задумчивость, вызвать улыбку на ея сосредоточенномъ лицѣ. На всѣ мои разспросы, увѣщанія и просьбы открыть причину такой перемѣны, она отвѣчала, что все происходитъ отъ ея несчастныхъ нервъ, съ которыми она не въ силахъ справиться. Я замѣчалъ также, что разговоръ о нашемъ будущемъ еще сильнѣе возбуждалъ ее. Она каждый разъ начинала упрекать меня въ томъ, что я не могу довольствоваться ея любовью, въ какомъ бы видѣ она ни проявлялась, что не слѣдуетъ загадывать о томъ, что насъ ждетъ впереди, когда настоящее такъ прекрасно; что моя неудовлетворенность нашей жизнью ей оскорбительна, и что съ своей стороны она ни о чемъ другомъ не способна думать, ничего другаго чувствовать, какъ только свою любовь. Каждый такой разговоръ кончался чуть не нервнымъ припадкомъ, такъ что я самъ сталъ его избѣгать. Все это—дѣло времени, успокоивалъ я себя. Уѣдемъ отъ-

сюда куда нибудь за границу, порвемъ окончательно со всѣмъ прошлымъ,—тогда все успокоится, уравняется и войдетъ въ нормальную колею.

Вотъ, сидя на скамейкѣ, въ тѣни широко раскинувшагося каштана, я задумался надо всѣмъ этимъ. Когда я очнулся и посмотрѣлъ на часы, оказалось, что почти два часа провелъ я въ этихъ мысляхъ. Что же это Ольга нейдетъ?—подумалъ я съ безпокойствомъ. Никогда до этого дня мнѣ не приходилось ожидать ее болѣе часу. Не будучи въ состояніи овладѣть своей тревогой, я рѣшилъ пойти ей на встрѣчу, хотя всегда избѣгалъ этого, боясь натолкнуться на непріятную встрѣчу. Не успѣлъ я выйти изъ сада на набережную, какъ увидѣлъ шедшую мнѣ на встрѣчу Ольгу, но... но она была не одна. Ее сопровождали Ивлинскіе, мужъ и жена (у нихъ на балу я впервые показалъ тебѣ Ольгу) и незнакомые мнѣ двое молодыхъ людей. Замѣтивъ меня, Ольга съ удивленной улыбкой воскликнула, протягивая мнѣ руку:

— Андрей Владиміровичъ, какими судьбами! Когда вы пріѣхали? Надолго ли? Вотъ пріятная встрѣча!

Замѣчательно естественно это у нея вышло. Ни звукъ ея голоса, ни выраженіе лица—ничто ея не выдало. Я не оказался настолько находчивъ: пожимая протянутыя мнѣ руки, кое-какъ отвѣчая на всѣ вопросы, я чувствовалъ, что улыбка моя выходила очень глупой, и что густой румянецъ заливалъ мнѣ щоки. Не въ силахъ будучи съ своей стороны предложить ни одного вопроса, я молча пошелъ вмѣстѣ съ ними. Ольга очень оживленно, весело разговаривала, разсказывала про себя разныя небылицы, говорила про пользу, которую испытываетъ отъ южнаго климата, однимъ словомъ, она казалась самой естественностью. Дошли такимъ образомъ до конца набережной и рѣшили пойти завтракать въ ресторанъ. Я отговорился необходимостью написать неотложное письмо и распрощался со всѣми.

Не могу описать тебѣ тѣхъ разнородныхъ чувствъ, которыя нахлынули на меня, какъ только я остался одинъ. Выбравшись изъ города, я направился по кружной дорогѣ на дачу Ольги. Все во мнѣ дрожало отъ охватившаго волненія. Таково должно быть пробужденіе рыбака, невольно заснувшаго въ своей лодкѣ подъ едва замѣтные переливы тихой морской волны и внезапно очнувшагося отъ свиста и рева надвинувшейся бури.

«Что же все это значитъ?» спрашиваю я себя. «Зачѣмъ эти люди? Зачѣмъ Ольга осталась въ ихъ обществѣ? Какъ могла она сохранить такую естественность и оживленность при внезапно послышавшихся отзвукахъ той прошлой, навсегда ею покинутой,

жизни»? Всѣ эти вопросы толпились въ моей головѣ, возбуждая не то тревогу, не то дѣтскій страхъ лишиться нашей теперешней убаюкивающей обстановки. Но, въ сущности, изъ-за чего же тутъ волноваться,—успокоивалъ я себя. Все это вполнѣ понятно и естественно. Ольга нечаянно встрѣтилась со своими петербургскими знакомыми, не могла же она отъ нихъ отвернуться. Il faljait faire bonne mine au mauvais jeu. Самая ея увѣренность доказываетъ, что эта встрѣча нисколько не смутила ея; она ожидала меня увидѣть, а потому приготовилась разыграть такъ удавшуюся ей роль.

Успокоивая себя такими разсужденіями, я добрался наконецъ до дачи, прошелъ на балконъ и усѣлся въ кресло ожидать возвращенія Ольги. Я ожидалъ ее довольно долго. Наконецъ, въ кустахъ мелькнуло ея платье и она появилась у ступеней балкона. Меня поразило ея оживленіе: быстро взбѣжавъ по ступенямъ, она подошла ко мнѣ, опустилась на рядомъ стоявшій стулъ и быстро стала снимать шляпку. Глаза ея, свѣтившіеся сухимъ блескомъ, перебѣгали съ предмета на предметъ, тонкія ноздри чуть замѣтно дрожали, запыхавшаяся грудь порывисто подымалась и опускалась.

— Отчего ты съ нами не пошелъ, Андрюша?—спросила она меня, глядя въ сторону и кладя на столъ снятую шляпку.—Эти Ивлинскіе—очень симпатичные люди...

— Ольга...—могъ я только выговорить.

— Что съ тобой?—рѣзко повернулась она, устремивъ на меня сверкающій взглядъ.—Что это за трагическій возгласъ? Развѣ случилось что либо особенное? Неужели ты во всякихъ пустякахъ намѣренъ искать предлогъ для какихъ-то возвышенныхъ терзаній?

Каждое ея слово, какъ ударъ хлыста по больному мѣсту, отзывалось въ моемъ сердцѣ.

— Ольга,—началъ я, но она меня перебила и продолжала въ дикомъ возбужденіи, нервно перебирая снятую съ руки перчатку:

— Нѣтъ, скажи мнѣ, что же такое случилось? Я помимо своей воли нечаянно встрѣтилась съ моими хорошими знакомыми. Неужели же, увидѣвъ ихъ, я, какъ провинившаяся дѣвочка, должна была скорѣе убѣжать? Да я и не могла этого сдѣлать: едва я замѣтила ихъ, какъ они уже окружили меня. Да и зачѣмъ мнѣ ихъ избѣгать? Развѣ ты будешь требовать отъ меня, чтобы я порвала всѣ связи даже съ тѣми людьми, отъ которыхъ, кромѣ ласки и расположенія, я ничего не видѣла?

— Успокойся, Ольга,—наконецъ остановилъ я ее.—Зачѣмъ ты

какъ неистово бьется сердце въ груди, какъ по всему тѣлу пробѣгаетъ томительная, сладостная дрожь.

Боже, какъ великолѣпны эти ночи! Какъ чудно это далекое море, когда полоса луннаго свѣта, пробѣжавъ серебристой лентой по всей долинѣ, мягко ляжетъ на водную гладь и, все съуживаясь, пропадетъ наконецъ гдѣ-то въ темной дали. Какая торжественная, благоговѣйная тишина кругомъ, какъ тихо и чутко внимаютъ ей высокіе, нѣжные тополи, облитые серебристымъ сіяніемъ. Кудрявые дубы, орѣшники, миндали будто ниже опускаютъ свои мохнатыя головы и только снизу, изъ долины, доносится тихое журчанье полуизсякшей горной рѣчки, да съ моря несется тихій, ласковый плескъ!.. Нѣтъ, ни словами, ни кистью такой красоты не передать.

Прощай, дорогой мой. На сегодня довольно. Я пожертвовалъ тебѣ своей утренней прогулкой, а теперь пора къ ней,—моему счастью, жизни моей. Она все: и цѣль, и смыслъ моего существованія. Твой *А. В.*

Отъ *Д. Н.* къ *А. В.*

Петербургъ, 6-го октября.

Твое письмо, любезный другъ, повергло меня въ большое смущеніе. Я не знаю, какъ тебѣ на него отвѣтить. Ты находишься въ такомъ восторженномъ настроеніи, что звукъ трезваго, спокойнаго голоса можетъ больно и оскорбительно прозвучать въ твоихъ ушахъ. Лишь вторящіе твоей торжествующей пѣснѣ звуки были бы тебѣ пріятны; одна лишь полная солидарность съ твоими чувствами могла бы тебя удовлетворить. Но что же дѣлать, если я не нахожу въ себѣ этихъ отзвуковъ, если то, что мнѣ хотѣлось бы тебѣ сказать, холодно и непріятно коснется твоей души? Не лучше ли молчать? Но, во-первыхъ, это молчаніе можетъ показаться тебѣ не менѣе обиднымъ, а, во-вторыхъ, недаромъ ты считаешь меня своимъ испытаннымъ другомъ. Дружба же имѣетъ свои обязательства: она мыслима только при полной обоюдной откровенности, даже если эта откровенность заключаетъ въ себѣ порицаніе. Будемъ же говорить другъ съ другомъ безъ всякихъ увиливаній и ухищреній, выслушивая безъ всякой злобы и желчи то, что диктуется намъ нашей взаимной привязанностью.

Изъ этихъ уже словъ ты угадываешь, что твое настоящее психическое состояніе не нашло во мнѣ полнаго одобренія. Дѣйствительно, когда я прочиталъ твое письмо, тяжелыя и тревож-

ныя мысли нахлынули мнѣ въ голову. Хорошо зная меня, ты знаешь также мое нѣсколько скептическое отношеніе къ роду людскому. Сколько я ни приглядывался къ окружающимъ меня людямъ, я скорѣе находилъ въ нихъ отрицательныя черты того, что̀ должно составлять необходимую принадлежность духовнаго существа. Все кругомъ какъ-то пусто, безсильно, мертво. Много, конечно, борьбы, страданій въ этомъ житейскомъ круговоротѣ, но большинство всѣхъ этихъ стремленій и стараній остаются мертворожденными. Не видно въ нихъ силы, мужества,—необходимыхъ принадлежностей нравственнаго человѣческаго существа. Почему все это такъ? не разъ спрашивалъ я себя. Неужели наша общественная жизнь такъ уродливо сложилась, что давитъ все живое и оригинальное, не давая простору новымъ мыслямъ и чувствамъ. Или воспитаніе молодаго поколѣнія такъ безжизненно и поверхностно, что не только не даетъ развитія внутренней силѣ, но въ зачаткѣ душитъ ее? А можетъ быть, семейныя начала существуютъ теперь въ такомъ разлагающемся состояніи, что отравляютъ всякое чистое незараженное созданіе. Не знаю почему, но все кругомъ стало болѣзненно, тщедушно и жалко.

Въ тебѣ я видѣлъ другаго человѣка. Въ твоихъ стремленіяхъ, порывахъ чувствовалась свѣжая, бодрая сила; твои чувства были чисты и вдохновенны. Ты твердо шелъ на встрѣчу жизни, и думалось мнѣ, что много нужно сильнѣйшихъ волненій и бурь, чтобы поколебать и раздавить тебя. Тревожили меня только твои подчасъ слишкомъ идеалистическіе порывы, но я успокоивалъ себя мыслью, что это — избытокъ молодыхъ силъ, ищущихъ себѣ выхода. Воспоминанія собственной молодости еще болѣе убѣждали меня въ этомъ, а дружба твоя со мной, съ человѣкомъ на десять лѣтъ тебя старше, доказывала присутствіе въ тебѣ не одного только легкомыслія. Но вотъ налетѣлъ на тебя первый вихрь. Съ безпокойствомъ ожидалъ я, какъ ты вынесешь его удары. Искренно порадовался я въ началѣ, увидѣвъ, какъ рѣшительно, твердо поборолъ ты себя, сразу покончивъ съ тѣмъ, что̀ считалъ недостойной слабостью. Ты не повалился, разслабленный и жалкій, не сталъ утѣшать себя ложными мыслями; ты рѣшилъ вырваться изъ окутавшихъ тебя сѣтей,—и сдѣлалъ это молодцомъ. Надѣялся я, что, покончивъ съ вопросами такъ называемой любви,—необходимыми спутниками молодости, — ты вступишь на настоящую дорогу осмысленнаго труда, развивающаго всѣ человѣческія способности, всѣ природные дары, и твердо пойдешь по ней. Вышло иначе. Оказалось, что первое столкновеніе твое съ жизнью сильнѣе поразило тебя, чѣмъ я

ожидалъ. Ты боролся, ты старался вернуть свои силы, но въ душѣ твоей продолжалъ копошиться все тотъ же червь, уничтожавшій плоды твоихъ усилій. И вотъ, въ концѣ концовъ, при новомъ испытаніи, остатки твоей воли исчезли: ты безповоротно отдался охватившему тебя теченію. Вотъ какимъ образомъ я понимаю то, что съ тобой произошло и происходитъ. Разумѣется, ты съ негодованіемъ отвергнешь мой взглядъ, скажешь себѣ, что я неспособенъ понять того, что происходитъ въ твоей душѣ. Но, Андрюша, вѣдь это не отвѣтъ, вѣдь такимъ аргументомъ можно отвергнуть всякую мысль, разъ она непріятна. Постарайся хоть на минуту вырваться изъ своего очарованнаго круга, взгляни на себя объективно. Неужели ты не поразишься различіемъ того, что ты говоришь теперь, съ тѣмъ, что исповѣдывалъ прежде? Вспомни твои рѣчи о томъ, что всякій человѣкъ обязанъ служить по мѣрѣ силъ своихъ человѣчеству, что всякое отдѣльное существо должно, какъ муравей, нести въ общую кучу плоды своихъ трудовъ на пользу общаго дѣла. Что же говоришь ты теперь? Ты всю свою жизнь отдалъ блаженству и внѣ его не хочешь видѣть ни цѣли, ни смысла существованія. Пойми, что достаточно было привлекательной женщинѣ завладѣть тобою, чтобы всѣ прежніе твои идеалы, воззрѣнія на свои обязанности и свое назначеніе—разлетѣлись въ прахъ. Природа дала тебѣ чуткое сердце, отзывчивую душу, вложила въ тебя зачатки таланта; какъ же воспользовался ты всѣми этими дарами? Неужели же ты съ презрѣніемъ отвернешься отъ нихъ, чтобы всецѣло предаться одному лишь самоуслажденію? Своими словами о великомъ значеніи любви ты стараешься только самъ себя оправдать, найти извиненіе передъ своей совѣстью въ жалкой, недостойной слабости. Не отрицаю я великаго значенія любви, но не любви, служащей лишь къ удовлетворенію личнаго увлеченія, а любви, возвышающей, очищающей душу, поднимающей нравственный уровень человѣка до сознанія необходимости труда и жертвы съ цѣлью не дать себѣ опуститься въ омутъ безпредѣльнаго эгоизма.

Нѣтъ, Андрюша, не могу я и не хочу принимать иначе твои слова, какъ слова лежащаго въ бреду больнаго. Не хочу вѣрить, чтобы ты серьезно всѣ свои стремленія къ служенію правдѣ, добру и самоусовершенствованію замѣнилъ идеаломъ безпредѣльнаго эгоизма, стремленія къ личному счастью и самоуслажденію. Не говорю, что человѣкъ во имя человѣчества долженъ жертвовать своимъ личнымъ счастіемъ; но думаю, что если оно дается ему, то тѣмъ болѣе долженъ онъ чувствовать потребность работы на пользу общую. Иначе, идя по такой дорогѣ, можно дойти

до полной потери человѣческаго достоинства, возносящаго каждаго изъ насъ надъ всѣмъ остальнымъ животнымъ міромъ. Не въ любви и въ самоудовлетвореніи заключается жизнь человѣческая, а въ мелкой и тяжелой работѣ совершенствованія, въ развитіи своего природнаго дарованія, въ стремленіи къ вѣчной истинѣ и добру. Твоя любовь и поклоненіе ей не вѣчны, а правда и добро не перестанутъ сіять человѣчеству путеводной звѣздой.

Не хочу говорить тебѣ о томъ ненормальномъ положеніи, въ которомъ ты находишься по отношенію къ любимой женщинѣ: это область, въ которую никто не имѣетъ права проникать; но боюсь, чтобъ эта ненормальность не привела тебя къ чему либо роковому.

Прости меня, Андрюша, за это, быть можетъ, сухое письмо; но вѣрь, что оно вызвано искреннимъ расположеніемъ къ тебѣ и тревогой за твою судьбу.

Твой *Д. Н.*

Отъ *А. В.* къ *Д. Н.*

Крымъ, 15-го октября.

Дѣйствительно, письмо твое, Дима, показалось мнѣ сухо и жестоко. Теперь, когда вся жизнь свѣтится передо мною сіяніемъ счастія и блаженства, твои слова, какъ рѣзкій звукъ, принесшійся изъ совсѣмъ другаго міра, заставили меня вздрогнуть.

Скажу тебѣ откровенно, что, прочитавъ твое письмо, я съ неудовольствіемъ отбросилъ его въ сторону, стараясь скорѣе забыть твои слова, непріятно и холодно подѣйствовавшія на меня. Но прошло нѣсколько дней, а твое письмо все чаще и чаще приходитъ мнѣ въ голову, возбуждая на душѣ тревожное чувство. Я только что перечиталъ его и хочу постараться отвѣтить на твое суровое порицаніе. Прежде всего, ты находишь въ моемъ поведеніи непростительную слабость, приведшую меня къ безпредѣльному эгоизму и отрицанію всѣхъ серьезныхъ, осмысленныхъ началъ духовной жизни. Ты видишь въ настоящемъ моемъ существованіи одно лишь чувственное самоуслажденіе, не признавая въ немъ никакого другаго смысла. На все это я могу тебѣ сильно возразить. Скажи мнѣ, во-первыхъ, существуетъ ли на свѣтѣ опредѣленная и ясная цѣль человѣческаго бытія? Существуетъ ли та дорога, по которой, внѣ всякаго сомнѣнія, слѣдуетъ идти и которая приводитъ къ конечной, всѣмъ несомнѣнно видимой точкѣ? Еслибъ это было такъ, то, разумѣется, всякое

отклоненіе въ сторону отъ дороги было бы видимо и не м
бы быть спора: правъ или нѣтъ человѣкъ, дѣлая тотъ или
гой шагъ. Но такъ ли это? Очевидно, нѣтъ. Напротивъ,
жизни нашей мы видимъ полное отсутствіе опредѣленности и
ности; существованіе наше скорѣе можно сравнить съ блуж
ніемъ въ потемкахъ, стараніемъ выйти на какую либо пря
тропу, чтобы отдохнуть наконецъ отъ вѣчнаго шатанія изъ
роны въ сторону.

Ты, напримѣръ, призываешь на служеніе добру и пра
но... гдѣ добро и гдѣ правда? Кто намъ можетъ безошибо
указать, что тутъ вотъ добро, а тамъ зло; что это истина, а
ложь? На свѣтѣ существуетъ безконечное число ученій и ка
изъ нихъ считаетъ себя истиннымъ, у каждаго изъ н
свое добро и своя истина. Не только всѣ они не сходятся ме
собой, но большинство противоположны одно другому. Слѣд
тельно, намъ,—жалкимъ слѣпцамъ, блуждающимъ по жизнен
полю, изборожденному плохо утоптанными тропинками,—оста
выбрать одну изъ нихъ и уже идти туда, куда она насъ пр
детъ. Но еще было бы хорошо, еслибъ этимъ и кончилось,
самомъ дѣлѣ тутъ-то и начинается настоящее драматическое
ложеніе. Шагаешь, положимъ, по одной изъ этихъ дорогъ,
считывая, что вотъ въ такомъ-то мѣстѣ она должна повер
вправо; подходишь къ этому мѣсту... и что же? Чувствуешь,
дорога круто повернула влѣво, а ты стоишь на мѣстѣ, отъ
тораго бѣгутъ во всѣ стороны другія тропинки. Что же дѣл
Куда идти? Что, если ты не откажешься отъ своей дороги
она тебя приведетъ къ непроходимому болоту? А, быть мож
вотъ одна изъ этихъ тропинокъ и есть самая настоящая! На
же рѣшиться? Начинается мучительная борьба, метаніе изъ
роны въ сторону. Представь себѣ, что въ эту тяжелую, рок
минуту, въ той сторонѣ, куда свернула одна изъ тропинокъ,
слышатся дивные чарующіе звуки, полные вдохновенной стра
раздастся голосъ, призывающій тебя къ отдыху, счастью, у
коенію отъ тяжкой борьбы. Что же тогда? Неужели отверну
отъ этихъ дышащихъ красотой и гармоніей звуковъ и продол
свой безотрадный, невѣдомо куда ведущій и гдѣ кончающійся п
Зачѣмъ? Во имя чего? Хорошо, если ты проникнуть убѣжден
что та дорога, по которой — идешь, какъ она ни извиваетс
все же приведетъ къ намѣченной цѣли; что доносящіеся до тв
слуха звуки не болѣе, какъ навожденіе дьявольское. А если
душѣ мелькнетъ сомнѣніе: не въ этой ли пѣснѣ и не въ том
мѣстѣ, откуда она несется, и заключается та точка, къ кот

ѣдуетъ стремиться? Что тогда? О, тогда, повѣрь мнѣ, ты от-
кешься отъ своего прежняго пути и съ трепетной надеждой
спѣшишь туда, гдѣ чудится тебѣ ослѣпительный блескъ, спо-
бный разсѣять густую темь, лежащую передъ твоими глазами.
ѣтъ силъ для борьбы, когда въ душу запало сомнѣніе въ ея
лесообразности. Но вотъ ты вышелъ къ тому зачарованному,
къ страстно тебя манившему мѣсту. Сіяющій свѣтъ разогналъ
режнюю темноту; передъ твоими усталыми глазами заиграли,
искрились невѣдомые тебѣ теплые, радостные лучи. По разби-
мъ, изможденнымъ въ тяжелой дорогѣ членамъ разливается
адкая нѣга; чудные, полные умиротворяющей силы, звуки ка-
ого-то торжествующаго гимна несутся къ тебѣ со всѣхъ сто-
онъ. Наконецъ,—какъ воплощеніе всей этой красоты, гармоніи
нѣги,—твоимъ зачарованнымъ глазамъ является она, волшеб-
ая властительница этого очарованнаго царства. Она съ улыб-
ою протягиваетъ тебѣ руки, маня къ себѣ, въ свое царство
юбви, радости и покоя. Съ благодарными слезами на глазахъ,
сталый, разбитый, ты падаешь ницъ передъ нею, чувствуя, что
се тяжелое, мрачное, все, непосильнымъ бременемъ давившее
лабую грудь, какъ мракъ отъ солнечнаго луча, исчезло въ дали,
что-то неизвѣданное, ласкающее и мягкое проникаетъ въ сердце.
акую же силу надо имѣть, какую вѣру въ свою непогрѣши-
ость, чтобы отвернуться отъ этой новой зари другаго существо-
анія, исполненнаго красоты и гармоніи, чтобы вырваться изъ
амкнувшаго тебя очарованнаго круга? Какое непоколебимое убѣж-
еніе въ ложности и призрачности всего раскрывшагося передъ
обой сіянія должно жить въ душѣ, чтобы рѣшиться покинуть
тотъ уголокъ и снова выйти на торную дорогу, по которой ты
олько что шагалъ съ такимъ тяжелымъ усиліемъ и безотрадной
едленностью! Нѣтъ, не обвиняй того, кто не оборотится назадъ,
пойми, что съ высоты такого сіяющаго блаженства—возврата
ѣтъ. Пойми, что въ безповоротномъ отреченіи отъ самого себя,
полномъ пожертвованіи своего существа другому любимому
еловѣку—нѣтъ мѣста эгоизму. Ты скажешь, что такая жертва
сть все таки эгоизмъ, потому что себѣ же доставляетъ наслажде-
іе; но въ такомъ случаѣ все въ мірѣ эгоизмъ; ты самъ неда-
еко ушелъ отъ меня, ибо твоя работа, твоя дѣятельность
режде всего удовлетворяетъ тебя самого, а сознаніе того, что
твой путь есть путь праведный, ласкаетъ твое эгоистическое чув-
ство. Въ сущности, всѣ эти возвышенныя мысли о дѣятельности
на пользу общечеловѣческую, о самоотреченіи и т. д. суть тѣ
ожные призраки, которыми человѣчество возвышаетъ себя въ

своемъ собственномъ мнѣніи, стараясь ими доказать высоту своего нравственнаго уровня. Зачѣмъ тѣшить себя фальшивымъ блескомъ? Всѣ мы—человѣки, а удѣлъ и назначеніе таковыхъ не очень ужь велики. Пусть каждый живетъ въ своемъ уголку и если въ этомъ уголку все искренно, правдиво, если въ немъ бьется горячее сердце, то надо этимъ довольствоваться и нѣчего искать бо́льшаго.

Не думай, что, подъ вліяніемъ охватившаго меня счастія, я отвернулся отъ всякой дѣятельности, отказался отъ всѣхъ другихъ стремленій. Нѣтъ, я далекъ отъ этого, но въ основаніи каждой моей мысли, каждаго чувства легло теперь сознаніе моей любви и полнаго отреченія отъ своего «я». Вотъ это-то послѣднее сознаніе, проникающее въ самую глубину моей души, и составляетъ тотъ краеугольный камень, на которомъ зиждется моя новая жизнь и оправданіе ея, если она въ немъ нуждается.

Вотъ мой отвѣтъ на твои обвиненія, Дима. Боюсь, что онъ не удовлетворитъ тебя, и что въ концѣ концовъ ты отвернешься отъ своего друга. Подожди еще окончательно осуждать меня. Я переживаю теперь переходное время; многое должно еще совершиться, прежде чѣмъ наша жизнь взойдетъ въ нормальную колею.

Твой намекъ на ненормальность нашего положенія съ Ольгой еще больнѣе отозвался въ моемъ сердцѣ. Больнѣе потому, что это—единственное черное пятно на свѣтломъ нашемъ небѣ. Хотя Ольга старается доказать мнѣ, что такое положеніе есть вопросъ времени, что мы теперь ни о чемъ другомъ не должны думать, какъ только о нашей любви; но я вижу, что въ ней живетъ тайное недовольство, подчасъ сильно ее раздражающее и тяжело дѣйствующее на ея нервы. Случается, что я застаю ее въ глубокой задумчивости, иногда ловлю ея разсѣянный взглядъ; она избѣгаетъ моихъ вопросовъ, говоритъ, что все это нервы, которые никакъ не могутъ успокоиться. Надо будетъ прекратить эту ненормальность и сдѣлать рѣшительный шагъ.

До свиданія, Дима. Не будь слишкомъ строгъ ко мнѣ и дай себя обнять твоему давнишнему пріятелю.

А. В.

Отъ *А. В.* къ *Д. Н.*

Крымъ, 15-го ноября.

Дорогой Дима!

Мое послѣднее письмо очевидно не удовлетворило тебя, не оправдало меня въ твоихъ глазахъ: ты на него не отвѣтилъ. Признаюсь, я первое время не обратилъ на это большаго внима-

нія. Моя жизнь такъ полна сильныхъ, отуманивающихъ впечатлѣній, что мысль неспособна сосредоточиться на чемъ либо, находящемся внѣ извѣстнаго круга. Хотя сознаніе, что ты не находишь возможнымъ продолжать наши прежнія, вполнѣ откровенныя отношенія, больно и оскорбительно отозвалось въ душѣ, но другія впечатлѣнія и чувства не дали мнѣ на немъ остановиться. Теперь же я снова испытываю потребность вернуться къ тебѣ, а потому сажусь писать, не зная даже, откликнешься ли ты на мой голосъ. Бываютъ же такія минуты, когда необходимость высказаться, поговорить о томъ, что лежитъ на сердцѣ, такъ велика, что не сдѣлать этого просто невозможно. Я именно испытываю теперь такую минуту. Прочтя эти слова, ты навѣрно подумаешь, что со мной случилось нѣчто ужасное, что я снова мучусь, скрежещу отъ боли и т. д. Но успокойся, мой другъ: ничего такого со мной не произошло, хотя та жизнь, о которой я тебѣ отсюда писалъ, нѣсколько измѣнилась. Я и хочу поговорить съ тобой объ этой перемѣнѣ.

Помнится мнѣ, описывая наше времяпровожденіе, я говорилъ тебѣ, что ежедневно утромъ провожаю Ольгу въ городъ, куда она ходитъ брать морскія ванны. Недѣли двѣ тому назадъ, мы по обыкновенію направились туда. Я, какъ всегда въ отсутствіе Ольги, сѣлъ на скамейку въ саду. Въ тотъ день тревожныя мысли лѣзли мнѣ въ голову. Нервность Ольги, все болѣе и болѣе развившаяся за послѣдніе дни, начинала сильно безпокоить меня. Я сталъ замѣчать въ ней непонятную озабоченность, какую-то неровность, порывистость, отражавшуюся даже въ ея движеніяхъ и разговорѣ. Не смотря на всѣ свои старанія, я иногда бывалъ не въ силахъ разогнать ея задумчивость, вызвать улыбку на ея сосредоточенномъ лицѣ. На всѣ мои разспросы, увѣщанія и просьбы открыть причину такой перемѣны, она отвѣчала, что все происходитъ отъ ея несчастныхъ нервъ, съ которыми она не въ силахъ справиться. Я замѣчалъ также, что разговоръ о нашемъ будущемъ еще сильнѣе возбуждалъ ее. Она каждый разъ начинала упрекать меня въ томъ, что я не могу довольствоваться ея любовью, въ какомъ бы видѣ она ни проявлялась, что не слѣдуетъ загадывать о томъ, что насъ ждетъ впереди, когда настоящее такъ прекрасно; что моя неудовлетворенность нашей жизнью ей оскорбительна, и что съ своей стороны она ни о чемъ другомъ не способна думать, ничего другаго чувствовать, какъ только свою любовь. Каждый такой разговоръ кончался чуть не нервнымъ припадкомъ, такъ что я самъ сталъ его избѣгать. Все это—дѣло времени, успокоивалъ я себя. Уѣдемъ отъ-

сюда куда нибудь за границу, порвемъ окончательно со всѣмъ прошлымъ,—тогда все успокоится, уравняется и войдетъ въ нормальную колею.

Вотъ, сидя на скамейкѣ, въ тѣни широко раскинувшагося каштана, я задумался надо всѣмъ этимъ. Когда я очнулся и посмотрѣлъ на часы, оказалось, что почти два часа провелъ я въ этихъ мысляхъ. Что же это Ольга нейдетъ?—подумалъ я съ безпокойствомъ. Никогда до этого дня мнѣ не приходилось ожидать ее болѣе часу. Не будучи въ состояніи овладѣть своей тревогой, я рѣшилъ пойти ей на встрѣчу, хотя всегда избѣгалъ этого, боясь натолкнуться на непріятную встрѣчу. Не успѣлъ я выйти изъ сада на набережную, какъ увидѣлъ шедшую мнѣ на встрѣчу Ольгу, но... но она была не одна. Ее сопровождали Ивлинскіе, мужъ и жена (у нихъ на балу я впервые показалъ тебѣ Ольгу) и незнакомые мнѣ двое молодыхъ людей. Замѣтивъ меня, Ольга съ удивленной улыбкой воскликнула, протягивая мнѣ руку:

— Андрей Владиміровичъ, какими судьбами! Когда вы пріѣхали? Надолго ли? Вотъ пріятная встрѣча!

Замѣчательно естественно это у нея вышло. Ни звукъ ея голоса, ни выраженіе лица—ничто ея не выдало. Я не оказался настолько находчивъ: пожимая протянутыя мнѣ руки, кое-какъ отвѣчая на всѣ вопросы, я чувствовалъ, что улыбка моя выходила очень глупой, и что густой румянецъ заливалъ мнѣ щоки. Не въ силахъ будучи съ своей стороны предложить ни одного вопроса, я молча пошелъ вмѣстѣ съ ними. Ольга очень оживленно, весело разговаривала, разсказывала про себя разныя небылицы, говорила про пользу, которую испытываетъ отъ южнаго климата, однимъ словомъ, она казалась самой естественностью. Дошли такимъ образомъ до конца набережной и рѣшили пойти завтракать въ ресторанъ. Я отговорился необходимостью написать неотложное письмо и распрощался со всѣми.

Не могу описать тебѣ тѣхъ разнородныхъ чувствъ, которыя нахлынули на меня, какъ только я остался одинъ. Выбравшись изъ города, я направился по кружной дорогѣ на дачу Ольги. Все во мнѣ дрожало отъ охватившаго волненія. Таково должно быть пробужденіе рыбака, невольно заснувшаго въ своей лодкѣ подъ едва замѣтные переливы тихой морской волны и внезапно очнувшагося отъ свиста и рева надвинувшейся бури.

«Что же все это значитъ?» спрашиваю я себя. «Зачѣмъ эти люди? Зачѣмъ Ольга осталась въ ихъ обществѣ? Какъ могла она сохранить такую естественность и оживленность при внезапно послышавшихся отзвукахъ той прошлой, навсегда ею покинутой,

жизни»? Всѣ эти вопросы толпились въ моей головѣ, возбуждая не то тревогу, не то дѣтскій страхъ лишиться нашей теперешней убаюкивающей обстановки. Но, въ сущности, изъ-за чего же тутъ волноваться,—успокоивалъ я себя. Все это вполнѣ понятно и естественно. Ольга нечаянно встрѣтилась со своими петербургскими знакомыми, не могла же она отъ нихъ отвернуться. Il faljait faire bonne mine au mauvais jeu. Самая ея увѣренность доказываетъ, что эта встрѣча нисколько не смутила ея; она ожидала меня увидѣть, а потому приготовилась разыграть такъ удавшуюся ей роль.

Успокоивая себя такими разсужденіями, я добрался наконецъ до дачи, прошелъ на балконъ и усѣлся въ кресло ожидать возвращенія Ольги. Я ожидалъ ее довольно долго. Наконецъ, въ кустахъ мелькнуло ея платье и она появилась у ступеней балкона. Меня поразило ея оживленіе: быстро взбѣжавъ по ступенямъ, она подошла ко мнѣ, опустилась на рядомъ стоявшій стулъ и быстро стала снимать шляпку. Глаза ея, свѣтившіеся сухимъ блескомъ, перебѣгали съ предмета на предметъ, тонкія ноздри чуть замѣтно дрожали, запыхавшаяся грудь порывисто поднималась и опускалась.

— Отчего ты съ нами не пошелъ, Андрюша?—спросила она меня, глядя въ сторону и кладя на столъ снятую шляпку.—Эти Ивлинскіе—очень симпатичные люди...

— Ольга...—могъ я только выговорить.

— Что съ тобой?—рѣзко повернулась она, устремивъ на меня сверкающій взглядъ.—Что это за трагическій возгласъ? Развѣ случилось что либо особенное? Неужели ты во всякихъ пустякахъ намѣренъ искать предлогъ для какихъ-то возвышенныхъ терзаній?

Каждое ея слово, какъ ударъ хлыста по больному мѣсту, отзывалось въ моемъ сердцѣ.

— Ольга,—началъ я, но она меня перебила и продолжала въ дикомъ возбужденіи, нервно перебирая снятую съ руки перчатку:

— Нѣтъ, скажи мнѣ, что же такое случилось? Я помимо своей воли нечаянно встрѣтилась съ моими хорошими знакомыми. Неужели же, увидѣвъ ихъ, я, какъ провинившаяся дѣвочка, должна была скорѣе убѣжать? Да я и не могла этого сдѣлать: едва я замѣтила ихъ, какъ они уже окружили меня. Да и зачѣмъ мнѣ ихъ избѣгать? Развѣ ты будешь требовать отъ меня, чтобы я порвала всѣ связи даже съ тѣми людьми, отъ которыхъ, кромѣ ласки и расположенія, я ничего не видѣла?

— Успокойся, Ольга,—наконецъ остановилъ я ее.—Зачѣмъ ты

такъ жестоко и холодно говоришь со мной,—продолжалъ я, взявъ ее за руку и усаживая рядомъ съ собой.—Дорогая моя, не будь несправедлива. Ты отлично знаешь, что я никогда ничего отъ тебя не требовалъ и не требую. Я до сихъ поръ безпрекословно исполнялъ всѣ твои желанія и не могу иначе поступать, такъ какъ безумно люблю тебя. Не говори же мнѣ такихъ горькихъ словъ, не упрекай въ томъ, въ чемъ я неповиненъ. Если сегодняшняя встрѣча непріятно подѣйствовала на меня, то прежде всего потому, что я боялся тяжелыхъ для тебя ощущеній. Ты разсталась для меня съ тѣмъ свѣтомъ, въ которомъ прежде жила, порвала со всѣмъ прошлымъ, за что я благодарю тебя каждую минуту своей жизни, а потому я и боялся для тебя же встрѣчи съ людьми, которые однимъ своимъ видомъ могли напомнить тебѣ это прошлое. Думалось мнѣ, кромѣ того, что необходимость лжи и фальши при такой встрѣчѣ будутъ слишкомъ тяжелы твоей душѣ, а потому, увидавъ тебя, окруженную этими людьми, я почувствовалъ невольное смущеніе.

— Ты слишкомъ все преувеличиваешь, — отвѣтила она мнѣ успокоеннымъ голосомъ, вставая со стула и начиная ходить по балкону.—Конечно, я должна была солгать, но всякому въ жизни приходится иногда скрывать правду, не стоитъ изъ-за этого создавать драму. Право, Андрюша,—продолжала она, подойдя ко мнѣ и положивъ руку на мое плечо,—не будемъ слишкомъ углубляться и задумываться надъ нашимъ положеніемъ. Будемъ жить сознаніемъ нашей любви и въ этомъ сознаніи находить блаженство, искупающее всѣ остальныя шероховатости жизни.

— Но если есть возможность избѣжать этихъ шероховатостей, Ольга, отчего же не поступить такъ?

Она отдернула руку; лицо ея приняло холодное, равнодушное выраженіе.

— Право, лучше было бы,—отвѣтила она мнѣ,—еслибы ты не возвращался постоянно къ этому разговору: ты знаешь, какая я нервная...

— Ну, не буду, не буду, Ольга,—перебилъ я ее.—Дѣлай, какъ хочешь, пускай все будетъ по твоему. Люби меня только, а тамъ—что будетъ, то будетъ...

— Вотъ это такъ, дорогой мой,—весело воскликнула она.—За эти слова, мнѣ кажется, я еще больше люблю тебя.

Какъ видишь, ничего особеннаго не заключалъ въ себѣ этотъ разговоръ, а, между тѣмъ, въ первый разъ съ нашего пріѣзда сюда я со смутной горечью на сердцѣ вернулся къ себѣ. Вотъ съ этого-то времени наша жизнь перемѣнилась. Теперь мы рѣдко

остаемся вдвоемъ. Постоянно кто нибудь бываетъ у Ольги, почти каждый день устраиваются общія parties de plaisir; часто Ольга ѣздитъ въ городъ, а мнѣ приходится иногда избѣгать встрѣчи съ ней, чтобы не давать повода къ злословію. Ты не можешь себѣ представить, съ какимъ остервененіемъ гляжу я на всѣхъ этихъ господъ, окружающихъ ее. Къ несчастію, въ этомъ году, какъ нарочно, половина Петербурга съѣхалась сюда. Я принужденъ становиться въ ряды этихъ господъ, долженъ говорить съ Ольгой ихъ языкомъ: въ глазахъ свѣта я никакихъ преимуществъ, никакихъ правъ не имѣю передъ ними. Подчасъ меня такъ коробитъ, что я удаляюсь изъ этого шумнаго круга и возвращаюсь въ свой уголъ съ пустой головой и утомленнымъ сердцемъ. Между прочимъ, среди увивающихся за Ольгой, со вчерашняго дня появился и Зв. Ха, ха... ты думаешь, что я ревную, сумашествую и т. д. Нѣтъ, любезный другъ. Развѣ я могъ бы жить безъ вѣры въ мою Ольгу? Я знаю, что она меня любитъ, я живу этой любовью: внѣ ея, жизнь для меня не существуетъ. Это — преходящее время. И въ солнечный день набѣгаютъ маленькія тучки, но исчезаютъ, не оставивъ на ясномъ небѣ ни малѣйшаго слѣда.

Надѣюсь, что ты отвѣтишь, Дима, на это письмо. Прощай.

Твой *А. В.*

Отъ *Д. Н.* къ *А. В.*

Петербургъ, 21-го ноября.

Я такъ занятъ, Андрюша, что могу написать тебѣ только нѣсколько словъ. Я получилъ командировку за границу: черезъ двѣ недѣли отправляюсь въ Берлинъ, а затѣмъ въ Лондонъ. Со страннымъ предложеніемъ обращаюсь къ тебѣ: поѣдемъ вмѣстѣ!

Ты навѣрно очень удивленъ; думаешь, что я совсѣмъ ужь глупъ сталъ. Но мое предложеніе вызвано двумя причинами. Во-первыхъ, изъ твоего послѣдняго письма я вижу, что тебѣ необходимо успокоиться, чтобы быть въ состояніи окончательно рѣшить свою судьбу; во-вторыхъ, я узналъ здѣсь изъ достовѣрныхъ источниковъ, что мужъ Ольги Николаевны на дняхъ отправляется въ Крымъ. Эта встрѣча подѣйствуетъ на тебя крайне тяжело, и до его пріѣзда ты врядъ ли что рѣшишь. Поэтому для васъ обоихъ было бы гораздо лучше разстаться на это время, дать своимъ нервамъ хоть немного успокоиться, а затѣмъ уже поступить такъ, какъ вамъ скажутъ ваше сердце и совѣсть. Подумай объ этомъ спокойно, Андрюша, и сообщи мнѣ твой отвѣтъ телеграммой.

Ни объ чемъ не могу говорить съ тобой теперь; сейчасъ долженъ бѣжать по дѣламъ. Постарайся отнестись къ моему предложенію не какъ къ словамъ сумасброднаго глупца, а какъ къ совѣту друга, искренно желающаго тебѣ добра.

Твой *Д. Н.*

Отъ *А. В.* къ *Д. Н.*

Село П., 20 декабря.

«Зачѣмъ я пишу? Меня не будетъ уже, когда ты прочтешь эти строки» и т. д. Такъ обыкновенно начинаются письма людей, передъ которыми лежитъ заряженный револьверъ, долженствующій, по окончаніи письма, отнять у нихъ жизнь. Слышится въ этихъ словахъ фальшь, неискренность, рисовка передъ самимъ собой. Словно актъ самоубійства, который ты готовишься совершить, выводитъ тебя изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ, заинтересовываетъ остающихся жить.

Нѣтъ, я далекъ отъ всякой фальши, отъ всякаго желанія рисоваться передъ кѣмъ бы то ни было. Я испытываю теперь такое холодное презрѣніе, такую злобу къ себѣ, что съ дикой радостью уничтожаю свое существованіе. Пишу же тебѣ потому, что чувствую потребность излить свою злобу: она душитъ меня, жжетъ въ груди, какъ растопленный свинецъ.

Къ чему я пришелъ? Что такое вся моя жизнь? Что такое я? О, какая пошлая, грязная, износившаяся ветошь! Прійти къ тому, чтобы въ тридцать лѣтъ, истративъ всѣ свои силы, потерявъ всякую вѣру въ жизнь, всякую возможность борьбы и труда, втоптавъ въ грязь свою душу, ничего ни достигнувъ, хлебнуть изъ этого, вотъ стоящаго передо мной, пузырька и самовольно окончить жалкую пародію на человѣческое существованіе! Я сознаю совершенно ясно, что изъ всѣхъ подлостей, когда либо мною совершонныхъ, ни одна не можетъ сравниться съ тою низостью, которую готовлюсь совершить теперь. Сознаю... и между тѣмъ не могу остановить руки, тянущейся къ этому пузырьку, не могу даже мысли допустить, что стоитъ мнѣ только швырнуть объ полъ этотъ пузырекъ, и я останусь жить.

Знаешь, мнѣ мерещится, что эта маленькая склянка, до верху наполненная опіумомъ, вовсе не склянка, а такое же одухотворенное существо, какъ и я самъ. Мнѣ представляется, будто въ ней сидитъ маленькій коричневый человѣчекъ и саркастически на меня посматриваетъ.

«Что, братъ,—будто шепчетъ онъ,—и ты захотѣлъ ко мнѣ?

Что жъ, милости просимъ. И для тебя мѣста хватитъ. Для такой мелочи всегда мѣсто найдется. А какая же ты, погляжу я на тебя, безсильная дрянь! И зачѣмъ нарождается вашъ братъ на свѣтъ божій! Срамите вы его только, и больше ничего. Подумаешь, какая такая бѣда стряслась надъ нимъ, что бѣжитъ онъ ко мнѣ? Въ чемъ же сила той муки, которую ты не въ состояніи нести? Разлюбили его, покинули, а онъ, изволите ли видѣть, не можетъ изъ сердца своего вырвать этой любви... Ха, ха!..»

Да нѣтъ, чортъ возьми! Вотъ это-то и бѣситъ меня болѣе всего: выходитъ, будто дѣйствительно моя смерть есть смерть разочарованнаго любовника. Я готовъ задушить того, кто бы мнѣ сказалъ это! Нѣтъ, не въ этомъ дѣло, совсѣмъ не въ этомъ. Потому не могу я больше жить, что въ душѣ моей одна злоба и презрѣніе, а съ такими чувствами жить нельзя. Эти чувства противны человѣческой природѣ; она не можетъ ихъ переварить, а потому, нося ихъ въ себѣ, попавъ исключительно подъ ихъ власть, оставаться человѣкомъ уже нельзя. Нельзя оставаться представителемъ высшаго міроваго созданія, когда, кромѣ презрѣнія и безсильной злобы, ничего къ этому созданію не питаешь. Да, ты былъ правъ, находя во мнѣ задатки для другой, плодотворной жизни. Теперь, умирая, я чувствую, что носилъ когда-то въ себѣ искры святаго огня, но... я залилъ ихъ смрадной грязью, я задавилъ свое сердце и душу, отдавъ ихъ на служеніе сластолюбію и самоуслажденію. Что я сдѣлалъ съ своей жизнью? Какой отвѣтъ дамъ тому, кто вложилъ въ меня высшіе дары? О, какъ тяжела эта злоба и презрѣніе къ себѣ, какъ невыносимо сознаніе своей низости!

Ты захочешь знать, какъ все это случилось, какъ я дошелъ до настоящаго своего положенія? Случилось все очень просто, вѣроятно, такъ и должно было случится. Пришелъ я какъ-то къ ней и нашелъ ее съ Зв. Хотя, привыкнувъ за послѣднее время видѣть ее окруженной толпою шалопаевъ, я старался не обращать вниманія на все это стадо барановъ, но, при видѣ этого господина, меня передернуло. Вѣроятно, въ лицѣ моемъ выразилось что-то недоброе. Зв. смутился, взглянувъ на меня, сказалъ, что его кто-то ждетъ, и ушелъ. Я не могъ болѣе выдержать и между нами произошло серьезное объясненіе. Стараясь держаться спокойнѣе, я сказалъ Ольгѣ, что боялся быть ей, непріятнымъ, а потому до сихъ поръ ни разу не говорилъ ей про то что́ больно отзывалось въ моей душѣ, т. е. про перемѣну, совершившуюся въ нашей жизни. Я надѣялся, что она сама почувствуетъ всю тяжесть и пустоту такого существованія, сама предложитъ мнѣ бѣ-

жать отъ этой суеты и окончательно устроить нашу судьбу. Но, видя, что ожиданія мои не оправдываются, замѣчая въ ней какую-то непонятную перемѣну въ отношеніяхъ со мной,—перемѣну, ничѣмъ мною не вызванную,—я рѣшаюсь серьезно поговорить съ ней о невозможности продолжать такую жизнь. Я просилъ ее вдуматься хорошенько въ наше положеніе, не приписывать моихъ словъ одному эгоизму, а понять, что при нашихъ отношеніяхъ подобная легкомысленная жизнь оскорбляетъ наше чувство. Говорилъ я съ большимъ жаромъ и страстью. Я чувствовалъ, что счасть емое виситъ на волоскѣ, что отъ этого объясненія зависитъ наше будущее, и съ замираніемъ сердца ожидалъ ея отвѣта Она, не пошевельнувшись, съ блѣднымъ, невозмутимымъ лицомъ выслушала мою страстную мольбу. Когда я кончилъ, она холоднымъ, жосткимъ голосомъ отвѣтила мнѣ слѣдующее: «Я заключаю изъ вашихъ словъ, Андрей Владиміровичъ, что вы намѣрены мнѣ предъявить извѣстныя требованія. Вы хотите, чтобы для васъ я порвала всѣ свои прежнія отношенія и связи, чтобы я окончательно распростилась со всѣмъ своимъ прошлымъ и всю свою жизнь посвятила бы вамъ однимъ. Отвѣчу вамъ откровенно: на это я не способна. Я васъ люблю, но это не причина, чтобы все остальное, кромѣ этой любви, для меня не существовало. Я не признаю за вами права предъявлять мнѣ какія либо требованія, а потому, если вы чувствуете себя неспособнымъ любить при полной обоюдной свободѣ, поступайте, какъ знаете». Говоря эти послѣднія слова, она встала и вышла изъ комнаты. Каждое ея слово нестерпимой мукой отозвалось во всемъ моемъ существѣ. Оставшись одинъ, я взялъ шляпу, спустился въ паркъ и пошелъ... самъ не зная куда. Въ послѣднее время, въ душѣ моей копошилось что-то недоброе. Тревожное настроеніе все сильнѣе и сильнѣе охватывало меня; тоска, страхъ чего-то роковаго, будто висѣвшаго надо мной, часто проникали въ сердце, но всѣми силами я отмахивался отъ грозныхъ призраковъ, стараясь забыться, не давая себѣ вдуматься въ свое положеніе. Въ этотъ день роковой ударъ совершился. То былъ уже не призракъ: я понялъ, что послѣ такого объясненія прежняя жизнь прекращалась. Вполнѣ сознавая необходимость предпринять что либо рѣшительное, я смутно чувствовалъ, что отъ этого рѣшительнаго шага все мое счастье разлетится въ дребезги. Смертельная тоска все глубже и глубже проникала въ сердце.

Будто спасаясь отъ невидимой погони, я, самъ того не замѣчая, быстро карабкался по крутымъ тропинкамъ, поднимаясь на почти отвѣсныя скалы. Наконецъ, внезапно почувствовавъ охва-

тившую меня полнѣйшую слабость, я почти безъ чувствъ повалился на краю глубокаго обрыва. Нѣсколько минутъ пролежалъ я, ничего не думая, ничего не чувствуя, прислушиваясь только, какъ сильно билось сердце въ груди. Но вотъ вспомнилъ я все, что́ произошло въ это утро,—и снова холодный, тяжелый камень навалился на сердце. Я сѣлъ и оглянулся кругомъ. Очутился я далеко въ горахъ, на маленькой полянѣ, съ трехъ сторонъ окруженной толстыми кривыми соснами, упиравшимися другъ въ друга своими корявыми вѣтвями. Не болѣе шага отъ того мѣста, на которомъ я сидѣлъ, скала круто обрывалась, оставляя передъ глазами пустое пространство; далеко внизу виднѣлись сакли татарской деревни, окруженныя правильно разграниченными садиками. Прямо напротивъ, горы снова подымались, покрытыя густой листвой, сквозь которую кое-гдѣ бѣлѣлась почтовая дорога, то исчезая въ темныхъ закоулкахъ, то снова выбѣгая подъ сверкавшіе солнечные лучи. Вправо, голубою лазурью синѣло дальнее море, покрытое легкой, прозрачной дымкой. Не знаю почему, картина эта такъ ярко запечатлѣлась у меня въ памяти, что и теперь она стоитъ передъ моими глазами. Первая мысль, пришедшая мнѣ тогда въ голову, была та, что сто́итъ мнѣ сильно оттолкнуться рукой—и внизу меня приметъ смерть. Я готовился уже сдѣлать движеніе, но... мелькнула подлая мысль и я остался живъ. «Быть можетъ, не все между нами кончено» — вотъ эта мысль. Съ этой минуты и зародилось во мнѣ то чувство презрѣнія и злобы, которое, развиваясь, дошло до такого напряженія, что выносить его болѣе я не въ состояніи. Сознавая всю низость этого чувства, понимая, что готовлюсь кинуться, очертя голову, въ омутъ невылазной грязи, я зналъ, что бороться противъ этой силы не могу. Лишь бы видѣть, слышать ее, лишь бы жить около нея, пользуясь крохами ея любви, а тамъ хоть бы захлебнуться пришлось въ грязной лужѣ—туда мнѣ и дорога! Вотъ что я думалъ въ тѣ минуты, боясь самому себѣ высказать эту мысль. Вернулся я къ себѣ, когда совсѣмъ стемнѣло. Изнеможенный тяжелой ходьбой, я повалился на постель и заснулъ тревожнымъ, лихорадочнымъ сномъ. Съ разбитыми членами и пустой головой всталъ я на другое утро и, переодѣвшись, направился къ Ольгѣ. Я не засталъ ея дома. Мнѣ сказали, что она уѣхала верхомъ и велѣла передать мнѣ, что до вечера не вернется домой. Какъ и наканунѣ, я отправился бродить по горамъ. Вотъ тутъ-то и наступилъ конецъ всему. Мнѣ не въ моготу и теперь, въ послѣднія минуты, говорить объ этомъ. Однимъ сло-

вомъ, я наткнулся на нихъ... Зв. былъ съ ней... Все было кончено: она втоптала въ грязь мое сердце.

Свершилось! Пустая склянка стоитъ передо мной и смерть— во мнѣ. Прощай, Дима. Безсильное, ничтожное созданіе, которое ты считалъ когда-то своимъ другомъ, совершило послѣднюю низость: черезъ нѣсколько минутъ его не станетъ. Я кончаю, какъ слабый ребенокъ: невольная жалость къ себѣ проникаетъ въ сердце, слезы льются по щекамъ. Гдѣ же та злоба и презрѣніе, которыя душили меня? Я не могу удержать этихъ жгучихъ слезъ, не могу унять свое сердце, не могу отогнать этого образа. Нѣтъ, я люблю ее, люблю въ послѣднемъ біеніи своего измученнаго сердца. Зачѣмъ же? За что такъ безпощадно, такъ злобно посмѣялась судьба надо мной?

Ты, Господи, который все видишь, все знаешь, все умиротворяешь! Прости мое безсиліе, коснись меня въ послѣднюю минуту твоимъ животворящимъ Духомъ, освѣти послѣднимъ лучемъ тобой же данныя мнѣ сердце и душу!..

А. В.

ИЗЪ ЗИМНЯГО АЛЬБОМА.

I.

Поле широкое, снѣгомъ покрытое;
Лѣсъ, разукрашенный блёстками инея...
Ясное небо, мѣстами повитое
Легкою дымкою синею...

Звѣздъ полуночныхъ игра безпрерывная;
Легкій морозъ; ямщика понуканіе;
Конскаго ржанія трель переливная;
Воздухъ, бодрящій дыханіе...

Все-то напомнило мнѣ про бывалое;
Все-то мнѣ хлынуло въ душу унылую...
Вспомнилъ любви догоравшей начало я,
Вспомнилъ я дѣвушку милую...

Вспомнилъ признаніе первое, нѣжное,
Горькой разлуки картины печальныя,
Поле житейское, поле безбрежное,
Грёзы души идеальныя...

Все я припомнилъ... Проснулось забытое,
Грусть разыгралась. Надъ снѣжной пустынею
То же спускается небо, повитое
Легкою дымкою синею;

Тѣ же картины мелькаютъ сторонкою;
Также поетъ подъ дугой несмолкающій
Нашъ колокольчикъ, мелодіей звонкою
Ту же тоску нагоняющій...

Также волнуется даль серебристая,
Также бѣжитъ по морозцу и ржаніемъ
Вторитъ лихимъ ямщика понуканіямъ
Тройка рысистая...

II.

Взгляни!.. На дальнемъ небосклонѣ
Горитъ пурпуровый закатъ...
На синевато-красномъ фонѣ
Обрисовался старый садъ...
Одѣты — прихотью мороза —
Въ нарядъ блестящій парчевой
И бѣлоствольная береза
Съ своей распущенной косой,
Повисшей прямо на ограду,
И зелень темная сосны...
И дремлетъ садъ, и снится саду
Прилетъ чарующей весны...
Какъ гармоничны сочетанья
Всѣхъ тоновъ, красокъ и тѣней
Въ зыбй прощальнаго сіянья,
Послѣднихъ солнечныхъ лучей!
Морозитъ... А какая нѣга,
Какая тишина кругомъ!..
Надъ пеленой пушистой снѣга,
На поднебесьѣ голубомъ —
Въ молочной рамкѣ — круторогій
Всплываетъ мѣсяцъ... Бѣлый дымъ
Надъ деревенькою убогой,
Клубясь, таетъ... По сѣдымъ
Кудрямъ деревьевъ пробѣгая,
Зари огнистые лучи
Змѣятся, тихо замирая,
Какъ пламя гаснущей свѣчи...
Темнѣетъ... Траурною ризой
Уже спустилась ночи тѣнь
Съ небесъ и дымкой темносизой

Одѣла всѣ!.. Коротокъ день
Среди зимы... А ночь глухая
Долга̀, какъ вѣчность...
Посмотри,
Скорѣе, другъ мой: золотая
Звѣзда зажглася, чуть мерцая,
Въ багряномъ отблескѣ зари...

Ап. Коринфскій.

ВЪ БЕРЛИНѢ

СОКРОВИЩНИЦА АЦТЕКОВЪ.

Романъ изъ современной древности.

XXV.

Рудокопы Гуитцилана.

Когда мы обогнули подошву горы, далеко вдавшуюся въ озеро, передъ нами открылась глубокая бухта, достигавшая до самыхъ утесовъ, которыми была окружена долина. Бухта эта находилась недалеко отъ запертаго прохода, откуда мы проникли въ Азтланъ. Здѣсь—частью на низменномъ прибрежьѣ залива, частью на крутомъ склонѣ горы—раскинулся городъ Гуитциланъ. Самой любопытной его особенностью, прежде всего бросавшейся въ глаза, была высокая труба; изъ нея валилъ густой черный дымъ, разстилаясь надъ каменнымъ зданіемъ необыкновенной прочности и весьма значительныхъ размѣровъ.

Меня, какъ археолога, необычайно удивилъ видъ этой трубы, да и Рейбёрнъ, человѣкъ въ высшей степени компетентный относительно всего, касавшагося его профессіи, былъ удивленъ не меньше меня. Труба эта очевидно принадлежала плавильному заводу, а мы оба отлично знали, что такія усовершенствованныя приспособленія при плавкѣ металла представляютъ продуктъ уже высокой степени цивилизаціи и что даже въ Европѣ они изобрѣтены сравнительно въ недавнее время. Что касается Янга, то, по его словамъ, видъ заводской трубы вызвалъ въ немъ настоящую тоску по родинѣ. Будь она сложена изъ кирпича, а не изъ чернаго камня, можно было бы предположить, что ее перенесли сюда прямо изъ его

имыхъ мѣстъ.—Я такъ и жду, что мы услышимъ паровой
стокъ, сзывающій рабочихъ къ обѣду, — грустно замѣтилъ
и продолжалъ:—а знаете, профессоръ, что я вамъ скажу?
ѣ кажется, что я начинаю вникать в[illegible]ска-
ъ полковника о здѣшнихъ „мятежах[illegible] ихъ на-
аетъ. Конечно, я далекъ отъ мысли, что[illegible] насъ
очить своими исторіями. Нѣтъ, полковникъ—совершен.
: джентльмэнъ, но такъ какъ онъ родился и выросъ среди
чниковъ, то не имѣетъ правильнаго понятія о многихъ
ахъ. То, о чемъ онъ старается намъ втолковать, и не
етъ по незнанію англійскаго языка, есть ничто иное,
ь „стачка“. Въ ней-то вся и штука. Рудокопы ужь та-
народъ, что имъ тошно безъ стачекъ; это у нихъ въ
ви. Объясните, пожалуйста, полковнику, что мы тоже ви-
и такіе виды и понимаемъ, куда онъ гнетъ!.. Однако—при-
ться откровенно—я никакъ не воображалъ, чтобы въ Мек-
ѣ были возможны стачки, чтобы эти черномазые индѣйцы
ли способны постоять за себя противъ заводчиковъ -
яевъ!

Такъ какъ догадка Янга не внушала мнѣ особаго довѣрія,
я и не пытался объяснить его словъ Тицоку, тѣмъ бо-
, что намъ некогда было продолжать нашего разговора.
ѣднія лодки причаливали уже къ отлично устроенной
бѣ, простиравшейся отъ берега до глубокой воды, и вскорѣ
сами высадились на пристани. Городъ занималъ площадь
половину квадратной мили и былъ тѣсно застроенъ хижи-
ли, причемъ самая большая изъ нихъ заключала въ себѣ
болѣе двухъ комнатъ. Нѣсколько домовъ попросторнѣе и
учше были обнесены толстой каменной стѣной, за которой
ѣщался и заводъ. У пристани, гдѣ мы сошли, стояло
но, которое нагружали золотыми слитками для отвоза въ
ровищницу въ центрѣ города Кулхуакана. Нагрузка произ-
илась почти совершенно голыми рабочими. Никогда въ
зни не приводилось мнѣ видѣть такихъ свирѣпыхъ лицъ!
физическомъ отношеніи, это были великолѣпные экземпляры
ѣйской расы — высокіе, прекрасно сложенные, сильные
ди — настоящіе богатыри! Они, очевидно, безо всякаго на-
женія, совершенно шутя, перетаскивали на плечахъ огром-
: слитки золота. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, на ихъ лицахъ была

написана такая язвительная ненависть, они такъ злобно поглядывали на насъ изподлобья, а растрепанные жосткіе волосы, ниспадавшіе на мрачно блестѣвшіе глаза, придавали имъ такой дикій видъ, что мнѣ стало не по себѣ. Тлагуикосы метали на насъ враждебные взгляды, отъ которыхъ становилось жутко, точно подъ градомъ отравленныхъ стрѣлъ, и я успокоился только тогда, когда замѣтилъ, что ихъ было на пристани всего человѣкъ двѣнадцать, а тяжело вооруженный конвой караульныхъ втрое превышаетъ число каторжниковъ. При взглядѣ на этихъ существъ, скорѣе напоминавшихъ хищныхъ звѣрей, чѣмъ людей, я понялъ, почему Тицока такъ тревожила мысль о союзѣ съ ними. — Ихъ очень легко взбунтовать,—замѣтилъ Янгъ: — это все равно, что пустить товарный поѣздъ подъ гору, но какъ мы съ ними справимся, когда захотимъ обуздать ихъ; вотъ въ чемъ вопросъ! Пожалуй, этихъ чудовищъ не сдержитъ никакой тормозъ.

Но хотя буйный контингентъ тлагуикосовъ угрожалъ намъ всѣмъ немалой опасностью, вся надежда на успѣхъ зависѣла отъ нашего умѣнья употребить въ дѣло этотъ грубый матерьялъ. Къ счастью, у насъ были союзники, кромѣ нихъ, и наша партія намѣревалась пользоваться ими только при содѣйствіи значительнаго числа дисциплинированныхъ и надежныхъ солдатъ. Они-то и составляли нашу главную боевую силу. Кромѣ того, мы надѣялись, что позднѣе къ намъ добровольно примкнетъ немало народу изъ низшаго класса, какъ рабовъ, такъ и свободныхъ. Хотя они и не могли сравниться съ регулярнымъ войскомъ, но умѣли владѣть оружіемъ. Этотъ планъ дѣйствій, выработанный совѣтомъ, былъ изложенъ намъ Тицокомъ во время переправы черезъ озеро и я очень обрадовался, когда Рейбёрнъ — человѣкъ опытный въ дѣлахъ этого рода—одобрилъ намѣренія нашихъ предводителей.

— Еслибъ я хотѣлъ остаться здѣсь, когда междоусобіе прекратится,—сказалъ онъ,—то и тогда одобрилъ бы настоящее рѣшеніе совѣта. Военная часть программы не заслуживаетъ ни малѣйшаго упрека. Народнымъ правителямъ не составитъ никакого труда принудить тлагуикосовъ драться ради чего бы то ни было, если ихъ противникомъ будетъ верховный жрецъ во главѣ своихъ приверженцевъ. Битвы и кровопролитія лучше всего соотвѣтствуютъ ихъ буйнымъ наклон-

ностямъ. Изъ нихъ легко сдѣлать отчаянныхъ бойцовъ, но какіе выйдутъ граждане изъ такого свирѣпаго отродья, это ужь другой вопросъ. Тутъ-то вся и загвоздка. Но вѣдь мы не собираемся поселиться въ этой долинѣ — развѣ только не найдемъ отсюда выхода—и потому намъ нечего безпокоиться о предстоящемъ усмиреніи тлагуикосовъ. Пускай справляются, какъ знаютъ, съ этой дикой ордой — мы тутъ будемъ непричемъ. А если такъ, то чѣмъ скорѣе наши единомышленники приступятъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, тѣмъ лучше.

И надо отдать справедливость членамъ совѣта: они, кажется, еще больше Рейбёрна, старались подвинуть впередъ начатое дѣло. Отправившись прямо съ пристани къ укрѣпленному мѣсту въ центрѣ города, гдѣ обыкновенно находился комендантъ гарнизона и представители гражданской власти, эти люди немедленно приступили къ переговорамъ; здѣсь, по словамъ Тицока, они намѣревались безотлагательно организовать новое правительство, чтобы какъ можно скорѣе выставить въ поле армію инсургентовъ.

Что касается насъ, то мы въ сопровожденіи Тицока — только съ меньшей поспѣшностью — тоже отправились въ цитадель, укрѣпленное зданіе возлѣ плавильнаго завода; тутъ намъ было приготовлено вполнѣ удобное помѣщеніе рядомъ съ членами совѣта. Я и мои товарищи стали дожидаться исхода совѣщаній въ довольно напряженномъ настроеніи; пассивная роль отчасти тяготила насъ, пока совѣтъ, удалившись въ особую комнату, продолжалъ свои пренія, разрушая административную систему, существовавшую болѣе тысячи лѣтъ; насъ немало удивило то обстоятельство, что коренная перемѣна старинныхъ постановленій, освященныхъ вѣками, обсуждалась такъ спокойно. Между комнатами цитадели, конечно, не было дверей и въ наше помѣщеніе ясно доносились звуки голосовъ: голоса эти не звучали ни гнѣвомъ, ни особеннымъ волненіемъ, что заставило меня невольно преклониться передъ спокойнымъ самообладаніемъ ацтлановъ, которые такъ хладнокровно и обдуманно исполняли свою отвѣтственную задачу радикальной реформы въ государствѣ. Пока этотъ важный вопросъ, обѣщавшій привести къ кровопролитному столкновенію, обсуждался такъ спокойно, Тицокъ посвящалъ насъ въ интересныя подробности горной про-

мышленности въ Астланѣ и описывалъ жизнь рудокоповъ. Его соотечественники долго не знали о существованіи громадныхъ залежей золота въ своей долинѣ, а затѣмъ стали добывать его въ самомъ незначительномъ количествѣ, такъ какъ оно не представляло большой цѣнности въ глазахъ народа, пока могло идти только на одни украшенія. Но когда былъ открытъ способъ закалять благородный металлъ, который такимъ образомъ сдѣлался пригоднымъ къ разнообразному употребленію съ полезными цѣлями, то это открытіе, въ связи съ усовершенствованіями орудій рудокопнаго дѣла, дало послѣднему громадное развитіе. Вся земля подъ нами, какъ говорилъ Тицокъ, была прорѣзана многочисленными ходами по направленію рудныхъ жилъ; послѣднимъ какъ будто не было числа, потому что едва успѣвала истощиться одна изъ нихъ, какъ тутъ же находили другую, не менѣе богатую золотомъ, точно все подножіе громадной горы представляло изъ себя колоссальную глыбу благороднаго металла.

Незнакомый съ мѣрами вѣса у астланековъ, я не могъ хорошенько уяснить себѣ, какое количество золота добывалось здѣсь ежегодно. Тицокъ увѣрялъ насъ, что ежедневный продуктъ мѣстныхъ рудняковъ равнялся, по крайней мѣрѣ, одному изъ большихъ золотыхъ слитковъ, видѣнныхъ нами на пристани, откуда ихъ отправляли въ сокровищницу; иногда же встрѣчались жилы, до того обильныя золотомъ, что ежедневная добыча металла возрастала вчетверо.—Эти слитки вѣсятъ не менѣе двухсоть фунтовъ каждый, — замѣтилъ Рейбёрнъ, когда я перевелъ ему разсказъ Тицока.—Слѣдовательно, рудникъ даетъ не менѣе трехъ тоннъ ежемѣсячно, а въ необработанномъ видѣ тонна золота стоитъ полмилліона долларовъ. Если полковникъ не ошибается въ своихъ вычисленіяхъ,—а вы сами, профессоръ, вѣрно передали его слова,—то здѣсь по сосѣдству добывается не менѣе чѣмъ на двадцать милліоновъ золота ежегодно. -- Янгъ выразительно свиснулъ. —Этакая уйма денегъ, подумаешь!—съ завистью воскликнулъ онъ,—стоютъ ли эти босоногіе уроды такой милости небесъ! вѣдь они навѣрно не знаютъ даже десяти заповѣдей, и совсѣмъ неумытый народъ! Знаете, Рейбёрнъ, что я намѣренъ сдѣлать, если мнѣ посчастливится у этихъ черномазыхъ? Я возьму да и куплю желѣзную дорогу Старой Колоніи, именно

ія того, чтобъ насолить начальнику эксплуатаціи и послать
:о къ чорту. Онъ прогналъ меня, послѣ того какъ у насъ
ышла путаница по отправкѣ грузовъ, а я былъ тутъ вовсе
епричемъ; это мой начальникъ перепуталъ тракты, мнѣ
:е оставалось дѣлать, что̀ приказываютъ. Вотъ я и хотѣлъ
ы заплатить ему тою же монетой. Навѣрно у него глаза
олѣзутъ на лобъ, когда онъ получитъ служебныя инструкціи
а подписью: „Сетъ-Янгъ—директоръ“, и узнаетъ, что это
отъ самый Сетъ-Янгъ, который ѣздилъ на 32-мъ нумерѣ по
частку Фолль-Риверъ.

— Ужь не лучше ли вамъ будетъ немедленно телегра-
ировать ему отсюда, чтобъ онъ пріискивалъ другое мѣсто?—
насмѣшливо спросилъ Рейбёрнъ.—Мы подождемъ васъ здѣсь,
ы съѣздите въ управленіе западнаго союза.—Эти слова были
ушатомъ холодной воды для Янга; его сіяющее лицо омра-
чилось; воздушные замки весельчака моментально разруши-
лись на его глазахъ, точно карточные домики, и онъ по-
грузился въ унылое молчаніе.

Но, хотя мы были сильно удивлены поразительными свѣ-
дѣніями, полученными отъ Тицока насчетъ громадной про-
изводительности здѣшнихъ рудниковъ, меня гораздо больше
интересовало то, что̀ Тицокъ сообщилъ намъ о людяхъ, до-
бывавшихъ изъ нѣдръ земли эти несмѣтныя богатства. Въ
самомъ дѣлѣ, жизнь тлагуикосовъ, обреченныхъ на каторж-
ный трудъ въ теченіе такихъ долгихъ лѣтъ, была ужасна, и мнѣ
казалось, что на цвѣтущей долинѣ Астлана тяготѣетъ про-
клятіе, которое можетъ быть снято лишь цѣною тяжкаго ис-
купленія. Меня поражало, между прочимъ, страшное совпа-
деніе обстоятельствъ: здѣсь, между ацтеками, людьми одной и
и той же расы, совершались неменьшія жестокости, какъ и
въ Новой Мексикѣ, гдѣ испанцы обратили въ рудокоповъ
покоренныхъ ими индѣйцевъ; результатомъ этого явился бунтъ
двѣсти лѣтъ назадъ, когда Пуэблосъ опустошилъ мечемъ всю
долину Ріо-Гранде, начиная отъ Таоса до Сѣвернаго Про-
хода.

Нечего удивляться, что тлагуикосы, изнемогая подъ тя-
гостью непосильнаго труда и безчеловѣчнаго обращенія, бы-
ли каждую минуту готовы возстать противъ своихъ притѣс-
нителей; это затаенное пламя мятежа ежеминутно грозило

вспыхнуть опустошительнымъ пожаромъ. Только усиленный надзоръ и бдительность стражи удерживали въ границахъ несчастныхъ рабовъ; однако, не смотря на всѣ мѣры строгости, возмущенія повторялись часто—заканчиваясь жестокой рѣзней всѣхъ участниковъ возстанія—до того сильна была жажда мести въ этихъ бѣдныхъ созданіяхъ, доведенныхъ до отчаянія.

Только однажды, какъ разсказывалъ намъ Тицокъ, тлагуикосамъ удалось избавиться отъ ненавистнаго рабства, когда они искусно обманули бдительность своихъ начальниковъ, прибѣгнувъ къ хитрости противъ открытой силы. Это происшествіе,—продолжалъ ацтекъ,—перешло уже въ область преданій, но его подробности ясно сохранились въ народной памяти. Въ то давно прошедшее время, рудокопы наткнулись на необыкновенно богатую золотоносную жилу, которая простиралась на далекое пространство, вблизи загражденнаго прохода; галерея, проложенная въ рудникѣ, уходила гораздо дальше этого мѣста; она шла на большой глубинѣ и, постепенно поднимаясь къ верху, выходила въ ущелье. Неожиданно отыскавъ этотъ выходъ, рудокопы убили надзирателя, наблюдавшаго за ними, и выкинули трупъ въ ущелье, чтобы его нельзя было найти; отверстіе тщательно заложили, а галерею провели немного въ сторону; такимъ образомъ, главный начальникъ работъ могъ убѣдиться собственными глазами, что золотоносная жила разработана до самаго конца, что и было на самомъ дѣлѣ. Тицокъ не могъ опредѣлительно сказать, сколько времени спустя тлагуикосы воспользовались найденнымъ выходомъ; во всякомъ случаѣ, ихъ бѣгство не было поспѣшнымъ, потому что они собрались въ огромномъ числѣ и взяли съ собою большое количество оружія, а также всякой домашней утвари. Наконецъ, когда все было готово, рудокопы напали на конвойныхъ солдатъ съ такой внезапностью и отвагой, что безъ труда овладѣли цитаделью; впрочемъ, это не особенно встревожило начальниковъ конвоя; цитадель была тотчасъ окружена и тлагуикосы очутились въ осадѣ; имъ грозила голодная смерть, офицерамъ же гарнизона оставалось только удивляться наивности бунтовщиковъ, которые вдобавокъ взяли съ собою женъ и дѣтей.

Между тѣмъ, въ осажденной крѣпости, куда забралось

такое множество народа, царила невозмутимая тишина, что̀ стало наконецъ безпокоить осаждающихъ; но ихъ удивленіе еще болѣе возрасло, когда они взломали заложенный входъ и вошли въ крѣпость, не встрѣтивъ никакого сопротивленія. Въ цитадели не оказалось живой души! Мало того, бѣглецы такъ искусно заложили за собою внутренній ходъ, что прошло много времени, прежде чѣмъ ацтеки догадались, куда бѣжали ихъ рабы. Масса людей исчезла съ лица земли, точно канула въ воду. Только два-три десятка лѣтъ спустя обнаружилась ихъ тайна. Въ одинъ прекрасный день, изъ давно заброшенной галереи въ рудникѣ вышелъ дряхлый старецъ и обратился къ первому изъ встрѣчныхъ стражниковъ. Изумленные азтланеки приняли его за выходца съ того свѣта, но онъ разсказалъ имъ, что былъ насильно уведенъ бѣглецами и оставался у нихъ въ плѣну много лѣтъ. Этотъ человѣкъ былъ жрецъ. Отъ него жители узнали, что бунтовщики поселились въ прекрасной долинѣ, скрытой въ горахъ, гдѣ построили обширный городъ, въ полной увѣренности, что сюда не можетъ никто проникнуть. Плѣнному жрецу стоило невѣроятныхъ усилій вторично открыть проходъ въ рудникъ со стороны ущелья; онъ изнемогъ отъ этихъ утомительныхъ поисковъ и, едва успѣвъ разсказать свое удивительное приключеніе, тутъ же умеръ. Тогда верховный жрецъ вмѣстѣ съ совѣтомъ распорядились послать шпіоновъ по указанному направленію, желая убѣдиться въ правдивости словъ старика. Послѣ того, правители народа задумали жестокое мщеніе бѣглецамъ. Оно заключалось въ томъ, чтобъ затопить ихъ городъ, спустивъ въ долину воды большаго озера. Этотъ планъ потребовалъ полныхъ двухъ цикловъ для своего осуществленія, потому что стоилъ громадныхъ трудовъ; однако, онъ былъ исполненъ въ точности: въ одинъ день вся долина была затоплена водою, и тамъ, гдѣ недавно кипѣла цвѣтущая жизнь, воцарилась тишина и непробудное молчаніе смерти. Притаивъ дыханіе, слушали мы съ фра-Антоніо разсказъ Тицока; если самъ разсказчикъ могъ сомнѣваться въ его дѣйствительности, то мы отлично знали, что это преданіе не было вымысломъ. Намъ еще такъ недавно довелось побывать къ Долинѣ Смерти, гдѣ сохранились всѣ слѣды варварскаго мщенія тлагуикосамъ и гдѣ намъ самимъ грозила жестокая участь

умереть съ голоду. Только теперь съ поразительной ясностью предстала передъ нами эта потрясающая драма давно минувшихъ вѣковъ. До сихъ поръ намъ была непонятна причина мщенія, выполненнаго съ такой холодной жестокостью и дьявольскимъ терпѣньемъ; теперь же мы поняли все.

XXVI.

Приготовленія къ войнѣ.

Хотя планъ возстанія обсуждался совѣтомъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ и серьезностью, коноводы партіи выказали большую энергію и распорядительность, когда переговоры пришли къ концу; такая дѣловитость астланековъ служила намъ твердой порукой успѣха. Весь первый день въ Гуитциланѣ и бо́льшая часть ночи были посвящены выбору временнаго правительства и централизаціи военныхъ силъ; очевидно, эти предварительныя мѣры были приняты обдуманно, потому что въ послѣдующіе дни все шло необыкновенно удачно и совершалось въ строгомъ порядкѣ.

За это время мы успѣли хорошенько осмотрѣться кругомъ; благодаря нашимъ дружелюбнымъ отношеніямъ къ удивительному народу, съ которымъ насъ такъ странно свела судьба, мы встрѣчали отовсюду большую предупредительность, насколько это было возможно въ такой критическій моментъ, и познакомились съ образомъ жизни астланековъ. Свѣдѣнія, полученныя мною этимъ путемъ, послужили мнѣ матерьяломъ для главы: „Домашняя жизнь и домашніе обычаи ацтековъ“. Рейбёрнъ собралъ также много любопытныхъ данныхъ, (изложенныхъ имъ въ подробномъ докладѣ, возбудившемъ большой интересъ въ Американскомъ институтѣ горныхъ инженеровъ). Онъ позволилъ мнѣ воспользоваться своимъ сочиненіемъ для составленія главы: „Добываніе и обработка металловъ у ацтековъ“, и это, пожалуй, самыя интересныя мѣста въ моей книгѣ: „Условія жизни на сѣвероамериканскомъ материкѣ до Колумба“. Рейбёрнъ буквально былъ пораженъ изумленіемъ, когда узналъ, насколько распространены научныя свѣдѣнія среди этого изолированнаго народа и какъ хорошо умѣли ац-

примѣнять ихъ на практикѣ. Во многихъ вещахъ они, но, сильно отстали отъ цивилизованнаго міра, однако пая часть полезныхъ знаній, добытыхъ образованными на- ми путемъ серьезнаго изученія, являлись здѣсь, какъ намъ лось убѣдиться, плодомъ независимаго открытія. Во мно- случаяхъ, эти открытія были тождественны во всѣхъ от- ніяхъ съ нашими собственными. Такъ, процессъ добыва- изъ золота богатой пурпуровой краски, которая идетъ на пиваніе твердаго дерева и кости, былъ у ацтековъ тотъ амый, какъ и открытый Бойэлемъ въ 1663 году и, на- ко вѣрно мнѣ удалось опредѣлить эпоху, онъ сталъ при- ться у нихъ почти одновременно, какъ и у насъ. (Про- этотъ состоитъ въ прибавленіи гидро-хлористой кислоты йтральному раствору золотаго хлорида). Въ умѣньѣ за- ать золото, причемъ оно получало всѣ качества пре- дной стали, ацтеки сдѣлали замѣтный шагъ впередъ ительно съ нашими металлургистами, и я сильно подо- ю, что здѣсь—по крайней мѣрѣ, въ средѣ жрецовъ— извѣстенъ способъ производства гремучаго золота, со- енно неизвѣстный у насъ. Къ сожалѣнію, мнѣ не по- ливилось собрать основательныхъ данныхъ по этому во- , но я слышалъ отъ многихъ о взрывѣ большой скалы, веденномъ верховнымъ жрецомъ. Это чудо, по словамъ овъ, сопровождалось громоподобнымъ трескомъ, вспыш- ламени и дымомъ. Ацтеки, конечно, увидѣли въ этомъ леніе сверхъестественной силы и убѣдились, что сами помогаютъ верховному жрецу. Но мы съ Рейбёрномъ дер- сь мнѣнія, что хитрый старикъ прибѣгнулъ въ данномъ ѣ къ помощи гремучаго золота, которое онъ могъ упо- ять также безопасно, какъ мы употребляемъ порохъ. у тѣмъ наши химики еще не дошли до такого искусства. чевидно, добываніе этого средства было сопряжено съ боль- трудностями, потому что верховный жрецъ только од- ы совершилъ такое необычайное чудо; ацтеки вспоми- о взрывѣ не иначе, какъ съ благоговѣйнымъ трепетомъ, у что онъ разрушилъ крѣпкую скалу и сопровождался бы небеснымъ громомъ.

ы имѣли много случаевъ убѣдиться, что авторитетъ внаго жреца до сихъ поръ держался крѣпко, не смотря

на недовольства его распоряженіями; по крайней мѣрѣ, коноводамъ революціи было нелегко склонить народъ къ мятежу; высшіе классы считали ересью неповиновеніе верховному главѣ, а низшихъ удерживалъ отъ рѣшительнаго шага суевѣрный ужасъ. Такое положеніе дѣлъ давало фра-Антоніо удобный случай приступить къ проповѣди, чѣмъ онъ и поспѣшилъ воспользоваться. Нашъ приходъ въ долину и принесенныя нами извѣстія изъ внѣшняго міра сильно подорвали довѣріе къ непогрѣшимости верховнаго жреца и поколебали религіозныя убѣжденія ацтланековъ, подготовивъ ихъ къ принятію новой, болѣе чистой вѣры. Со стороны членовъ совѣта, организовавшихъ возстаніе и, повидимому, смотрѣвшихъ на религію скорѣе какъ на рычагъ политическихъ интригъ, выказывалось явное сочувствіе къ новымъ доктринамъ, потому что онѣ обѣщали тѣмъ сильнѣе расшатать авторитетъ верховнаго жреца. Поэтому фра-Антоніо принялся безпрепятственно проповѣдывать христіанство. Даже самъ св. Францискъ не имѣлъ такого благопріятнаго случая обратить къ истинному Богу цѣлый народъ, погрязшій во тьмѣ идолопоклонства! Мало по малу миссіонеръ пришелъ въ такой религіозный экстазъ во время поученія язычниковъ, что все его лицо преобразилось и просіяло. Рѣчь молодаго подвижника лилась потокомъ и въ ней звучала такая сила убѣжденія, что слушатели были невольно растроганы. Слова прощенія и любви нашли дорогу къ ихъ сердцу; ихъ умъ, омраченный суевѣрными внушеніями, просвѣтился свѣтомъ истины и они были готовы принять новую вѣру съ ея отрадными обѣтованіями, отказавшись отъ мрачнаго идольскаго культа, бросавшаго безрадостную тѣнь на все ихъ существованіе. Чистое пламя христіанства зажглось въ ихъ сердцахъ, изглаживая старыя вѣрованія и смягчая душу. Между тѣмъ, благопріятное дѣйствіе проповѣди фра-Антоніо, взволновавшей толпу, создало ему также много враговъ. Въ Гуитциланѣ находилось немало закоренѣлыхъ язычниковъ, которые охотно возстали бы противъ францисканца, еслибъ явное расположеніе къ нему большинства и участіе со стороны членовъ совѣта не удерживали недоброжелателей въ извѣстныхъ границахъ. Они только бросали на него полные ненависти взгляды, какъ будто хотѣли пронзить ими фра-Антоніо, какъ отравленными стрѣлами; я

невольно содрогался, опасаясь явнаго покушенія на его жизнь. Къ счастью, между ними не было жрецовъ. Когда мы только что прибыли въ Гуитциланъ, ихъ было тамъ довольно много, но они потихоньку отстали отъ насъ и ушли изъ города, чтобы примкнуть къ защитникамъ Итцакоатля, который собиралъ вокругъ себя приверженцевъ, готовясь къ рѣшительной оборонѣ. Вѣроятно, прибывъ въ лагерь нашего врага, эти люди сообщили ему, какая опасность грозитъ старой вѣрѣ со стороны молодаго пришельца, проповѣдывавшаго новую религію съ такимъ усердіемъ и жаромъ. У насъ скоро явилось доказательство, что они ясно поняли намѣренія фра-Антоніо и рѣшились ему противодѣйствовать.

Но во время этого любопытнаго и крайне интереснаго столкновенія между первобытной и возвышенной, глубокой религіей, практическая жизнь шла своимъ чередомъ и организація новаго правительства и арміи быстро подвигалась впередъ. Первая задача была достигнута сравнительно легко: большинство членовъ совѣта прибыло съ нами изъ Кулхуакана и имъ оставалось только приспособиться къ новымъ требованіямъ, чтобы пустить въ ходъ уже готовую административную машину. Они были пріятно изумлены, убѣдившись, какъ скоро совершился такой важный переворотъ. Въ высшихъ классахъ, откуда исключительно выходили правительственныя лица, чувство ненависти къ верховному жрецу, вызванное его жестокостью и деспотизмомъ, было до того сильно, что всѣ обрадовались возможности возстать противъ общаго тирана. Въ каждомъ городѣ долины, уполномоченные совѣта встрѣчали горячій пріемъ и новое правительство было признано повсюду, исключая столицы да нѣсколькихъ деревень по берегу озера, расположенныхъ у самыхъ ея стѣнъ. Организовать армію было гораздо труднѣе: здѣсь приходилось преодолѣть много нравственныхъ и матерьяльныхъ препятствій, прежде чѣмъ выставить противъ врага дѣйствительно грозную военную силу. Собственно регулярнаго войска, т. е. вполнѣ обученныхъ и дисциплинированныхъ солдатъ, было у насъ немного, потому что главный контингентъ арміи остался вѣренъ верховному жрецу и не покинулъ Кулхуакана. Къ нему примкнули гарнизоны и другихъ городовъ, не желая подчиняться новому правительству, провозглашенному город-

скими властями. Ихъ примѣру послѣдовали всѣ жрецы, а также немногія лица высшихъ классовъ, дорожившія прежнимъ порядкомъ вещей. Это всеобщее передвиженіе, по крайней мѣрѣ, имѣло ту выгодную сторону, что давало намъ возможность безпрепятственно заниматься своимъ дѣломъ и такимъ образомъ принесло свою долю пользы. Ядромъ нашей арміи служилъ полкъ Тицока, превосходно организованный и исполнявшій раньше важную обязанность охраны загражденнаго прохода. Сверхъ того, въ нашемъ распоряженіи было нѣсколько сотенъ солдатъ, прибывшихъ съ нами изъ Кулхуакана. Изъ числа этихъ людей мы могли избрать офицеровъ для командованія иррегулярной военной силой, составленной почти цѣликомъ изъ тлагуикосовъ. Чтобы организовать главный контингентъ своей арміи, вожди возстанія придумали смѣлый планъ: они соединили полудикихъ рудокоповъ съ ихъ бывшими надзирателями и конвойными, которые до сихъ поръ, само собою разумѣется, представляли предметъ непримиримой ненависти каторжниковъ. Теперь же эти двѣ враждебныхъ категоріи людей по неволѣ сдѣлались товарищами. Такая неожиданность до того поразила обѣ стороны, что никто изъ нихъ не подумалъ сопротивляться и прежніе враги въ виду общей опасности согласились дѣйствовать заодно. Я, собственно, съ самаго начала подозрѣвалъ, что тлагуикосы были заранѣе подготовлены къ возстанію. Хотя Тицокъ давалъ мнѣ самыя уклончивыя объясненія на этотъ счетъ, но я помню, съ какой рѣшительностью упомянулъ онъ о томъ, что рабы примутъ дѣятельное участіе въ возстаніи, если оно осуществится. Да и послѣ нашего прибытія въ Гуитциланъ, у меня не разъ являлось подозрѣніе, что у начальника стражи происходятъ таинственные переговоры съ рудокопами. Изъ этого можно было ясно заключить, что сѣмена революціи посѣяны здѣсь уже давно и успѣли созрѣть. Но изо всѣхъ трудностей, съ которыми намъ пришлось бороться, самой серьезной являлся недостатокъ оружія. Главный арсеналъ азтланековъ находился въ Кулхуаканѣ и почти всѣ военные припасы были въ рукахъ верховнаго жреца. Къ счастью, транспортъ закаленнаго золота, который мы видѣли на пристани, остался неотправленнымъ въ сокровищницу и послужилъ намъ матерьяломъ для выдѣлки наконеч-

никовъ копій и дротиковъ, а также мечей; день и ночь въ оружейныхъ мастерскихъ Гуитцилана пылалъ огонь въ кузнечныхъ горнахъ и кипѣла усиленная работа. Луковъ и мечей нельзя было изготовить въ такое короткое время въ достаточномъ количествѣ, но пращами мы могли безо всякаго затрудненія снабдить все наше войско; ацтеки необыкновенно ловко владѣютъ этимъ оружіемъ, такъ что оно является страшнымъ средствомъ нападенія въ ихъ рукахъ. Между прочимъ, у насъ пошло много времени на выдѣлку щитовъ; Тицокъ и другіе офицеры, бывшіе съ нами, придавали этому большое значеніе, хотя мои товарищи доказывали имъ, что такой способъ обороны теперь совершенно оставленъ европейцами. Они говорили намъ, что ацтеки не могутъ сражаться безъ щитовъ, и если ихъ лишить этой военной принадлежности всѣхъ дикихъ народовъ, то ими овладѣетъ паника.

Вообще наше войско было хорошо снабжено всѣмъ нужнымъ для обороны; такъ, въ цитадели находился большой запасъ бумажной ткани, изъ которой изготовляли нѣчто въ родѣ длинныхъ панцырей, простеганныхъ въ нѣсколько рядовъ; такія рубашки были непроницаемы для стрѣлъ и защищали человѣка отъ шеи до самыхъ колѣнъ. Янгъ сначала поднялъ на смѣхъ это странное одѣяніе, но когда Тицокъ выстрѣлилъ изъ лука въ стеганый панцырь и не пробилъ его, то грузовой агентъ долженъ былъ признать несомнѣнную пользу втой вещи.

— Передайте полковнику, профессоръ, что я признаю себя побѣжденнымъ, — сказалъ онъ. — Но если вы съумѣете втолковать ему въ голову слѣдующую мысль, — въ чемъ я однако сильно сомнѣваюсь, — то скажите почтенному Тицоку, что наша босоногая армія, разряженная въ эти коротенькія ночныя сорочки, по моему, будетъ походить на путешественниковъ, выскочившихъ въ полночь изъ гостинницы, гдѣ случился пожаръ. Для полноты иллюзіи, не мѣшало бы снабдить наше войско двумя паровыми пожарными помпами и отрядомъ полицейскихъ; право, это будетъ самая забавная, уморительная армія, какую только видѣлъ свѣтъ внѣ стѣнъ пріюта умалишенныхъ! Вмѣсто того чтобы сражаться въ ея рядахъ, я охотно увезъ бы всю эту орду въ штаты, чтобы показывать ее передъ публикой. Есть у меня одинъ знакомый: Бенито

Николосъ, славный малый и мастеръ устраивать балаганныя представленія; я непремѣнно обратился бы къ нему и мы назвали бы это зрѣлище: „Войною ацтековъ на подмосткахъ цирка"; увѣряю васъ, что въ наши карманы посыпалось бы столько долларовъ, что мы не успѣвали бы ихъ считать. Помните, какъ еще въ Морелiи я собирался устроить балаганъ, чтобы показывать Пабло съ его осломъ? — Но тутъ голосъ Янга вдругъ пресѣкся и онъ нѣсколько хрипло прибавилъ:—Теперь объ этомъ нечего и думать; пожалуй, отъ того и отъ другаго не осталось даже праха. Нѣтъ, что я говорю? лучше остаться здѣсь и принять участіе въ войнѣ; я даже согласенъ сложить не сегодня - завтра свою голову, только бы хорошенько насолить старому чорту, который убилъ нашего мальчика. Вѣдь славный былъ онъ парень, не такъ ли, профессоръ?.. Фу ты, дьявольщина какая! Проклятая пыль попала мнѣ въ глаза! — И съ этимъ восклицаніемъ, вырвавшимся у него ни къ селу, ни къ городу, —потому что въ воздухѣ не было ни малѣйшей пыли,—Янгъ внезапно оборвалъ рѣчь и отошелъ въ сторону.

Это былъ единственный разъ, что мы заговорили о Пабло, находясь въ Гуитциланѣ, потому что всякое напоминаніе о пропавшемъ мальчикѣ только сильнѣе растравляло нашу тоску по немъ. Я положительно сходилъ съ ума отъ горя, при мысли, что эта молодая жизнь погибла черезъ меня; въ недобрый часъ соединилъ я судьбу Пабло съ моею и довелъ его до безвременной смерти отъ руки жестокихъ палачей! Мнѣ также хотѣлось драться, чтобы отомстить за эту невинную жертву, и я былъ готовъ поплатиться собственной жизнью, только бы достичь своей цѣли. Вообще, какъ я, такъ и мои товарищи, исключая фра-Антоніо, который считалъ войну дѣломъ грѣховнымъ и жестокимъ, нетерпѣливо ждали начала военныхъ дѣйствій и рвались на битву съ врагомъ. Насъ радовала лихорадочная поспѣшность, съ которою коноводы мятежа готовились къ предстоящей кампаніи; ихъ усилія не пропадали даромъ: съ каждымъ днемъ безпорядочная масса навербованныхъ инсургентовъ дисциплинировалась и обѣщала въ скоромъ времени образовать порядочное войско. Въ самомъ дѣлѣ, надо было удивляться тому, какіе быстрые успѣхи оказывали дикари въ военномъ искусствѣ; впрочемъ, это обу-

словливалось ихъ врожденными воинственными инстинктами. Мы не сомнѣвались болѣе, что народъ, возставшій противъ тиранiи верховнаго жреца, съумѣетъ постоять за себя въ рѣшительную минуту.

XXVII.

Предложеніе условій.

Во все время нашихъ приготовленій къ войнѣ, мы не получали точныхъ извѣстій о силѣ врага, однако до насъ доходили неясные слухи, что защитники столицы готовятся къ энергичному отпору. Между тѣмъ, изъ нашихъ полковъ убывало ежедневно по нѣскольку перебѣжчиковъ — людей, остававшихся вѣрными старому режиму, и такимъ образомъ верховный жрецъ отлично зналъ, что̀ дѣлается въ нашемъ лагерѣ. Члены совѣта не принимали никакихъ мѣръ противъ этого дезертирства, потому что наши планы были выработаны такъ основательно, а военныя силы до того значительно возрастали, что намъ было выгодно обнаружить передъ непріятелемъ истинное положеніе дѣлъ. Въ особенности мы разсчитывали, что свѣдѣнія о насъ, проникавшія въ Кулхуаканъ, могли склонить на нашу сторону многихъ жителей столицы или, по крайней мѣрѣ, нагнать на нихъ страхъ, который бы разжигалъ духъ возмущенія въ непріятельскомъ войскѣ.

Планъ кампаніи, принятый совѣтомъ, поразилъ меня своей крайней осмотрительностью. Наши главари рѣшили не нападать на городъ—аттака такихъ неприступныхъ укрѣпленій безъ помощи артиллеріи, дѣйствительно, была немыслима—но выждать, пока непріятель самъ откроетъ наступательныя дѣйствія, и затѣмъ встрѣтиться съ нимъ на выгодной позиціи. Планъ этотъ во всѣхъ отношеніяхъ клонился въ нашу пользу; намъ было выгоднѣе какъ можно дольше избѣгать открытой битвы, которой предстояло рѣшить судьбу возстанія. Каждый день отсрочки являлся существеннымъ выигрышемъ для насъ, давая время нашимъ предводителямъ хорошенько обучить свою армію и упрочить внутреннее управленіе. Довѣріе къ новому правительству также, очевидно, воз-

растало среди жителей долины. Между тѣмъ, для непріятеля всякая отсрочка была пагубной: она скорѣе подрывала преданность подданныхъ къ верховному жрецу. Заключенный со своимъ войскомъ и множествомъ мирныхъ жителей въ стѣнахъ Кулхуакана, онъ рисковалъ вскорѣ столкнуться съ врагомъ, отъ котораго не защитятъ каменныя стѣны,—съ неумолимымъ голодомъ. Такимъ образомъ, намъ оставалось только выжидать, ставя бдительный караулъ на сторожевыхъ лодкахъ на озерѣ, чтобы не подпускать свѣжихъ гарнизоновъ къ городу. Мы были въ полной увѣренности, что непріятель добровольно сдѣлаетъ вылазку и тогда наша сторона ограничится одною обороной, покуда какая нибудь счастливая случайность позволитъ намъ безо всякаго риска произвести самостоятельное нападеніе. Итакъ, обстоятельства складывались совершенно въ нашу пользу; не надо забывать, что все регулярное войско астланековъ оставалось въ распоряженіи верховнаго жреца и нашимъ военнымъ силамъ, организованнымъ на скорую руку, предстояло неизбѣжное пораженіе, еслибы мы встрѣтились въ полѣ при одинаковыхъ условіяхъ. Но, даже и при настоящемъ благопріятномъ положеніи дѣлъ, Тицокъ и другіе военачальники не скрывали своихъ тревожныхъ опасеній за исходъ предстоящей борьбы; ихъ особенно страшила мысль, что непріятель придумалъ какую нибудь тонкую военную хитрость, въ родѣ внезапнаго нападенія на нашъ лагерь, что могло произвести смятеніе и полный безпорядокъ въ рядахъ неопытныхъ инсургентовъ. Рейбёрнъ, участвовавшій на своемъ вѣку во многихъ битвахъ съ индѣйцами, вполнѣ раздѣлялъ ихъ опасенія. — Индѣйцы, — говорилъ онъ,—прибѣгаютъ къ совсѣмъ инымъ военнымъ пріемамъ, чѣмъ другіе народы. Сторона, на которую клонится побѣда, имѣетъ у нихъ привычку издавать оглушительные крики. Индѣйцы вообще не отличаются стойкостью и ничего не могутъ подѣлать съ людьми, которые дерутся съ ними хладнокровно, не отступая отъ военныхъ правилъ; они безсильны противъ врага, котораго нельзя обратить въ бѣгство дикими криками. Вотъ почему незначительные гарнизоны вполнѣ успѣшно охраняютъ у насъ всю индѣйскую границу. Небольшой отрядъ нашихъ солдатъ въ правильной битвѣ — если ихъ не загонятъ въ засаду — легко выдерживаетъ на-

тискъ цѣлаго враждебнаго племени; они отбиваются успѣшно, потому что образуютъ плотное карэ и не сдаются. Мнѣ очень непріятно, что регулярныя войска остались на сторонѣ непріятеля. Разумѣется, будучи индѣйцами, они также не отличаются стойкостью, но все же на нихъ можно больше положиться, чѣмъ на нашу неумѣлую ватагу. Мы имѣемъ за собою преимущество крѣпкой позиціи и, сверхъ того, наше войско разсчитываетъ, что ему предстоитъ только оборона; однако предупреждаю васъ, что намъ придется плохо, если непріятель изловчится проникнуть сюда или мы сами бросимся за нимъ въ погоню по открытой мѣстности. Эти рудокопы да и остальные тлагуикосы будутъ драться, какъ дикія кошки, пока перевѣсъ останется на ихъ сторонѣ; но едва только непріятель начнетъ одолѣвать насъ — все пропало! Падать духомъ—въ натурѣ индѣйцевъ. Я стараюсь увѣрить себя, что наша дикая орда восторжествуетъ надъ врагомъ, но мнѣ что-то плохо вѣрится въ это, профессоръ!

— А я такъ, напротивъ, сильно разсчитываю на успѣхъ,— подхватилъ Янгъ.—Положимъ, я не такъ свѣдущъ въ подобныхъ дѣлахъ, какъ Рейбёрнъ, но вѣдь здѣшніе рудокопы—настоящіе дьяволы во плоти, точно они сейчасъ выскочили изъ ада. Ничто не можетъ сравниться съ ихъ злобой и кровожадностью; эти чудовища только того и ждутъ, чтобы раздѣлаться съ своими притѣснителями. Намъ слѣдуетъ выкинуть такую штуку: подпустить къ себѣ непріятеля поближе, а потомъ, послѣ здоровой перестрѣлки, когда онъ утомится, насѣсть на него молодецкимъ натискомъ. Увидите сами, что наши звѣроподобные союзники врѣжутся въ ряды непріятелей, точно курьерскій поѣздъ. Не успѣетъ верховный жрецъ опомниться, какъ мы всыплемъ ему такихъ горяченькихъ, что онъ удеретъ безъ оглядки и растеряетъ по дорогѣ свои мохнатые мокасины. Вотъ помяните мое слово, Рейбёрнъ! Впрочемъ, что тутъ и толковать: далъ бы только Богъ намъ поскорѣе убраться восвояси изъ этой проклятой долины, съ полными карманами долларовъ!

Что касается меня, то я невполнѣ раздѣлялъ какъ скептицизмъ Рейбёрна, такъ и радужныя надежды Янга. Каждый изъ нихъ былъ по своему правъ; я же, какъ человѣкъ неопытный въ военномъ дѣлѣ, разсуждалъ по своему и мнѣ

казалось, что наши шансы на удачу и пораженіе были приблизительно равны. Къ тому же, въ послѣднее время, не смотря на тяжелыя испытанія, судьба явно благопріятствовала мнѣ; я собралъ богатѣйшій запасъ свѣдѣній насчетъ археологіи ацтековъ, представлявшей до сихъ поръ столько темныхъ сторонъ, и теперь невольно вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду не хуже Наполеона I. Впрочемъ я не давалъ себѣ увлекаться, стараясь трезво смотрѣть на вещи и помнить, что меня могутъ убить въ предстоящемъ сраженіи, причемъ всѣ мои удивительныя открытія пропадутъ для человѣчества, я же самъ лишусь заслуженной и лестной славы. Стыдно сознаться, что, не смотря на всѣ усилія отнестись спокойно къ такой печальной возможности, мнѣ никакъ не удавалось удержаться на высотѣ философскаго хладнокровія и я приходилъ въ настоящее бѣшенство, представляя себѣ, что какой нибудь неотесаный индѣецъ, раскроивъ мой черепъ, лишитъ меня заслуженной извѣстности, а ученый міръ—неоцѣненныхъ знаній, которыя я накопилъ въ своемъ мозгу.

Но всякая мысль о моей собственной судьбѣ отступила у меня на задній планъ и мои себялюбивыя соображенія внезапно разсѣялись въ виду опасности, которой неожиданно подвергся одинъ изъ моихъ товарищей. Въ одинъ прекрасный день, верховный жрецъ прислалъ формальное предложеніе—вступить въ мирные переговоры съ мятежниками и пойти на уступки, если они согласятся принять предложенныя имъ условія; эта новость взволновала весь лагерь. Сановникъ, посланный для переговоровъ, прибылъ къ намъ съ большой помпой; это былъ маститый старецъ, окруженный почетной свитой; такая роскошь была очевидно выставлена съ цѣлью сильнѣе оттѣнить важность возложеннаго на него порученія. Двѣ нашихъ сторожевыхъ лодки проводили его баржу черезъ озеро и ему одному было позволено высадиться въ Гуитциланѣ. Принятый членами совѣта, онъ въ короткихъ словахъ выразилъ желаніе верховнаго жреца, не прибавляя отъ себя никакихъ аргументовъ и коментарій. Верховный жрецъ, сказалъ онъ, хочетъ предотвратить кровопролитіе между братьями; онъ готовъ помиловать виновныхъ и даже снизойти до разсмотрѣнія требованій преступныхъ людей, поднявшихъ противъ него оружіе. Съ своей стороны, онъ предлагаетъ возстановить обы-

чай, позволявшій родителямъ выкупать родныхъ дѣтей, чтобы избавить ихъ отъ рабства или принесенія въ жертву богамъ; кромѣ того, онъ отказывается отъ нѣкоторыхъ своихъ правъ (которыхъ здѣсь не стоитъ перечислять) въ гражданскихъ дѣлахъ, предоставляя ихъ совѣту. Взамѣнъ этихъ уступокъ, онъ требуетъ, чтобы войско мятежниковъ было немедленно распущено и въ Гуитцилапанѣ былъ водворенъ прежній порядокъ: рудокопы должны возвратиться къ своимъ занятіямъ, а остальные тлагуикосы—къ своимъ господамъ; изготовленное оружіе должно быть передано хранителю арсенала въ Кулхуаканѣ. Послѣднее заключительное требованіе верховнаго жреца относилось уже къ намъ, и совѣту дали понять, что отъ его точнаго и неуклоннаго исполненія зависитъ успѣхъ остальныхъ переговоровъ. Янга, Рейбёрна и меня слѣдовало, по словамъ уполномоченнаго, вывести вонъ изъ Азтлана черезъ загражденный проходъ и оставить въ пустынѣ на произволъ судьбы; что же касается фра-Антоніо, то Итцакоатль требовалъ немедленной выдачи миссіонера, намѣреваясь предать его лютой казни, чтобы умилостивить разгнѣванныхъ боговъ, такъ какъ онъ покушался поколебать истинную вѣру въ народѣ и развратить азтланековъ.

Мы съ фра-Антоніо находились въ залѣ совѣта, когда уполномоченный передавалъ свое порученіе; послѣднія слова сановника заставили меня смертельно поблѣднѣть, я чуть устоялъ на ногахъ и быстро обернулся къ своему другу, думая, что онъ также взволнованъ и потрясенъ только что слышаннымъ. Однако перспектива ужасной смерти не испугала подвижника; напротивъ, лицо фра-Антоніо свѣтилось восторгомъ, какъ будто онъ видѣлъ величайшее счастіе въ ожидавшемъ его мученическомъ вѣнцѣ.

Предложеніе верховнаго жреца вызвало жаркіе споры, какъ въ самомъ совѣтѣ, такъ и въ цѣломъ лагерѣ, гдѣ вскорѣ все стало извѣстно. Одни говорили, что обѣщаніямъ Итцакоатля можно повѣрить; другіе утверждали, что на него нельзя положиться. Что касается членовъ совѣта, то они принимали не особенно близко къ сердцу нашу участь. Мы послужили для дѣла возстанія, потому что наше прибытіе было какъ бы сигналомъ къ давно назрѣвавшему мятежу, и теперь въ насъ не нуждались болѣе. Новое правительство гораздо силь-

нѣе занималъ вопросъ: сдержитъ ли верховный жрецъ свои обязательства, послѣ того какъ инсургенты будутъ разоружены и окажутся въ его власти; на этомъ существенномъ пунктѣ и вращались всѣ споры. Въ пользу разоруженія говорило то, что Итцакоатль не требовалъ выдачи виновныхъ и даже хотѣлъ удовлетворить справедливыя претензіи мятежниковъ; поэтому многіе стояли за мирное соглашеніе съ верховнымъ жрецомъ; другіе же возражали имъ, доказывая, что такая внезапная уступчивость со стороны тирана не обѣщаетъ ничего хорошаго. Очевидно, онъ понималъ безвыходность своего положенія и хотѣлъ хитростью удержать ускользавшую отъ него власть. Его лживыя обѣщанія не заслуживали никакого довѣрія; слѣдовательно, для инсургентовъ было гораздо выгоднѣе прибѣгнуть къ войнѣ, тѣмъ болѣе, что къ ней были сдѣланы всѣ необходимыя приготовленія.

Жаркіе споры продолжались цѣлый день, не приведя ни къ какому положительному результату. Мы съ фра-Антоніо прислушивались къ нимъ съ большимъ вниманіемъ и переводили слышанное товарищамъ, такъ какъ отъ исхода этихъ преній зависѣла наша судьба. Еслибы противники Итцакоатля рѣшили съ нимъ помириться, то одному изъ насъ пришлось бы немедленно идти на казнь, остальнымъ же—оказаться плѣнниками среди мрачныхъ горъ въ дикой пустынѣ. Когда наступила ночь и совѣтъ, не рѣшивъ ничего, закрылъ засѣданіе до слѣдующаго утра, мы вернулись въ отведенную намъ комнату и принялись толковать между собою. Разговоръ нашъ былъ не изъ веселыхъ.

— Даже еслибъ эти люди знали алгебру,—сказалъ Рейбёрнъ,—я не понимаю, какимъ образомъ они разрѣшили бы представившуюся имъ проблемму. Всѣ когда либо существовавшіе иксы недостаточны для опредѣленія такой неизвѣстной величины, какъ верховный жрецъ; поэтому всѣ данныя задачи недостаточны здѣсь для ея разрѣшенія. Послѣдніе три часа, насколько я могу судить, члены совѣта вращались въ заколдованномъ кругу, откуда нѣтъ выхода, и не могли подвинуться ни на шагъ впередъ. Бѣда въ томъ, что одна половина изъ нихъ вѣритъ искренности верховнаго жреца, а другая ее отрицаетъ. Это дѣло личнаго убѣжденія, которое

е можетъ быть оспариваемо. По моему, они никогда не столуются между собою, хотя бы протолковали цѣлыхъ двадать лѣтъ.

— Вотъ еслибъ азтланеки—говорилъ Янгъ—посадили меня а свой паровозъ и заставили править своимъ поѣздомъ, то я орехонько вывелъ бы ихъ на настоящую дорогу. Странно, го только одна половина этихъ простофиль имѣетъ настолько раваго смысла, чтобъ раскусить, что за птица ихъ верховый жрецъ. Онъ постоянно водилъ за носъ своихъ подданныхъ будетъ дѣлать это до конца жизни; если они настолько лупы, чтобы повѣрить ему, то имъ не сдобровать. Теперь нъ загнанъ въ ловушку и отлично понимаетъ это, да и сами го противники понимаютъ, судя по ихъ дѣйствіямъ. Сначала относился съ уваженіемъ къ совѣту, когда онъ такъ прерасно повелъ дѣла; у нихъ все шло, какъ по маслу, и они одвигались впередъ на всѣхъ парусахъ, не смотря на самое кверное топливо. Но если они хотятъ теперь погасить огонь, огда, напротивъ, его слѣдуетъ хорошенько разжечь, чтобы лагополучно доѣхать до мѣста, то я, съ позволенія сказать, люю на нихъ. Мнѣ просто тошно смотрѣть, какъ они выдуваютъ разные экивоки, вмѣсто того чтобъ приняться за ѣло и молодецки постоять за себя въ честномъ бою.

Фра-Антоніо, по своей молчаливости, обыкновенно не вмѣшивавшійся въ наши разговоры, отчасти удивилъ меня просьой перевести ему рѣчи Янга и Рейбёрна. Потомъ онъ немного омолчалъ, очевидно погруженный въ серьезныя думы, и наонецъ спросилъ: сильно ли насъ пугаетъ перспектива изгнаія изъ долины Азтлана, если совѣтъ рѣшитъ принять услоія верховнаго жреца, и не давъ намъ времени отвѣтить, моахъ заговорилъ о томъ, что мы не успѣли осмотрѣть во сѣхъ направленіяхъ послѣдней долины, въ которую спустились съ заоблачной вышины и которая привела насъ къ Зараженному Проходу. Какъ знать? Пожалуй, изъ нея есть ыходъ на свободу и мы еще вернемся въ цивилизованный іръ. Но не бѣда, если такого выхода и не найдется; долина огата, плодородна, и въ ней можно прожить до конца своихъ ней, не нуждаясь ни въ чемъ. Такъ говорилъ францисканецъ бѣдительнымъ, страстнымъ тономъ, и слова торопливо слетали ъ его губъ.—Неужели вамъ будетъ хуже тамъ, чѣмъ здѣсь,

гдѣ мы сидимъ, какъ въ плѣну?—продолжалъ онъ.—Допустимъ даже, что война кончится побѣдой нашей партіи и наши союзники предоставятъ намъ полную свободу. Что же мы тогда предпримемъ? Намъ предстоитъ: или остаться навсегда въ долинѣ Азтлана, или вернуться въ другую долину и искать изъ нея выхода, чтобы потомъ проникнуть черезъ горы къ себѣ домой.—Затѣмъ, опять таки не давая намъ отвѣтить, фра-Антоніо распространился объ ужасахъ войны и наконецъ напомнилъ смягченнымъ тономъ, что мы обязаны предотвратить такое бѣдствіе, которое есть вмѣстѣ съ тѣмъ и преступленіе, и что для этой цѣли можно пожертвовать даже своими завѣтными надеждами и планами.

— Рѣшительно не понимаю, къ чему клонитъ падре свою рѣчь!—воскликнулъ Янгъ,—право, его что-то не разберешь.

— Онъ читаетъ намъ отличную проповѣдь, только не знаю, какую можно извлечь изъ нея мораль,—поддакнулъ товарищу и Рейбёрнъ.

Но между мной и фра-Антоніо существовала болѣе глубокая симпатія и я отлично понялъ смыслъ его словъ. Меня они даже нисколько не удивили, а только подтвердили мои горькія опасенія. И фра-Антоніо тутъ же объяснилъ намъ въ безъискусственныхъ выраженіяхъ, что̀ намѣренъ дѣлать. Съ трогательной печалью и нѣжностью уговаривалъ онъ насъ не сердиться на него и послѣдовать его искреннему совѣту, а именно: добровольно уйти изъ Азтлана тѣмъ же путемъ, которымъ мы сюда пришли, чтобы не служить больше яблокомъ раздора между азтланеками и дать возможность инсургентамъ пойти на мирныя соглашенія съ Итцакоатлемъ.

— А что̀ же будетъ съ вами?—спросилъ я, чувствуя, что фра-Антоніо избралъ для себя совсѣмъ иную участь.

Онъ съ минуту колебался отвѣтить, немного измѣнившись въ лицѣ; но вдругъ на щекахъ у него заигралъ непривычный румянецъ оживленія и всѣ черты просіяли радостной, твердой рѣшимостью. Тихимъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно яснымъ и твердымъ голосомъ фра-Антоніо произнесъ:—А я пойду къ верховному жрецу въ Кулхуаканъ.

— На встрѣчу вѣрной смерти!—воскликнулъ я прерывающимся голосомъ, и въ эту минуту мнѣ было такъ больно, какъ будто меня рѣзали на куски.

— Скажите лучше,—отвѣчалъ фра-Антоніо,—что я иду на встрѣчу новой жизни, славной и безконечной, гдѣ нѣтъ ни смерти, ни грѣха, ни печали, ни страданія!

XXVIII.

Добровольная жертва.

Зная рѣшительный характеръ франциcканца и понимая гораздо лучше своихъ товарищей руководившее имъ великодушное побужденіе, я не поддержалъ ихъ въ попыткѣ разубѣдить его. Но когда Янгъ съ Рейбёрномъ увидѣли, что онъ непоколебимъ, и стали упрашивать его, по крайней мѣрѣ, бѣжать вмѣстѣ съ нами, я присоединился къ ихъ мольбамъ. Но ни просьбы, ни убѣжденія не дѣйствовали на фра-Антоніо. Въ самомъ дѣлѣ, онъ поступалъ вполнѣ логично, и мы, не соглашаясь съ его взглядами, въ то же время не могли не уважать ихъ. Онъ говорилъ, что пришелъ сюда съ единственной цѣлью проповѣдывать благодатное христіанское ученіе язычникамъ, которые безъ его проповѣди коснѣли бы въ идолопоклонствѣ. Поэтому нашъ другъ не оставлялъ за собою права выбора, считая священнымъ долгомъ исполнить взятые на себя обѣты. Мы, по его словамъ, были свободны располагать собою, заботиться о своихъ выгодахъ и благосостояніи, а онъ не принадлежалъ себѣ и потому долженъ стремиться къ единственной цѣли — исполнять добровольно взятую на себя миссію просвѣщенія первобытнаго народа. По мнѣнію франциcканца, въ случаѣ войны, которая неизбѣжно разнуздываетъ всѣ низкія человѣческія страсти, сѣмена вѣры, посѣянныя имъ, не могли дать плода; онъ былъ увѣренъ, что они заглохнутъ и никогда не взойдутъ на кровавой нивѣ междоусобія. А, между тѣмъ, его проповѣдь замѣтно нашла дорогу къ сердцу многихъ слушателей. Если удастся предотвратить войну, то несчастный народъ не только будетъ избавленъ отъ жестокаго бѣдствія и преступленія братоубійства, но, сверхъ того, останется готовымъ къ воспріятію кроткихъ Христовыхъ завѣтовъ любви и милосердія. Поэтому фра-Антоніо охотно жертвовалъ жизнью, если этой цѣною можно

водворить миръ, что, конечно, должно утвердить новообращенныхъ въ христіанской вѣрѣ, такъ какъ примѣръ дѣйствуетъ на людей сильнѣе всего. Да, наконецъ, говорилъ онъ, развѣ не можетъ случиться, что Господь сохранитъ меня невредимымъ даже въ стѣнахъ вражеской твердыни? Вспомнимъ св. Януарія, который былъ ввергнутъ въ львиный ровъ, гдѣ львы не тронули его. И во всякомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ исходъ моего добровольнаго прибытія въ Кулхуаканъ, путь долга, начертанный передо мною, до того ясенъ,—твердо заключилъ монахъ,—что отъ него нѣтъ возможности уклониться. То, что я намѣреваюсь совершить, было совершено множествомъ моихъ собратій въ теченіе шести вѣковъ, съ тѣхъ поръ какъ въ Ассизѣ былъ основанъ орденъ францисканцевъ. То же самое совершилъ славный первомученикъ Мексики, св. Филиппъ, который проповѣдывалъ христіанство между язычниками и принялъ мученическую кончину на крестѣ въ Японіи.

Рейбёрнъ далеко не былъ убѣжденъ подобными аргументами; однако онъ понялъ, какъ понималъ и я, что фра-Антоніо не могъ разсуждать иначе съ своей точки зрѣнія. Но Янгу это было рѣшительно недоступно и слова монаха только бѣсили его.

— Ужаснѣйшая чушь!—воскликнулъ онъ, наконецъ, внѣ себя отъ гнѣва.—Падре толкуетъ о какихъ-то своихъ обязанностяхъ къ подлому сброду, который окружаетъ верховнаго жреца. Что значитъ жизнь всѣхъ этихъ гадинъ сравнительно съ его жизнью! Ужь лучше ему размозжить себѣ голову вонъ о тѣ камни, чѣмъ отдаться въ руки такихъ чудовищъ. И вѣдь падре отлично знаетъ, что ему не сдобровать. Я никогда не слыхалъ о человѣкѣ, котораго пощадили львы, — вѣрно онъ странствовалъ со звѣринцемъ? Но если фра-Антоніо разсчитываетъ уцѣлѣть въ Кулхуаканѣ, то онъ жестоко ошибается. О, профессоръ, говорю вамъ, мы обязаны удержать его силой. Падре спятилъ съ ума и за нимъ нужно присматривать, пока онъ опять войдетъ въ здравый разсудокъ. Я готовъ исполнить всякое разумное требованіе съ его стороны, но чортъ меня побери, если я стану хладнокровно смотрѣть, какъ онъ перерѣжетъ себѣ горло!

Я увѣренъ, что Янгъ былъ готовъ прибѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и даже въ крайнемъ случаѣ надѣть

сумашедшую рубашку на францисканца. Еслибъ имъ обоимъ пришлось отстаивать свои взгляды на практической почвѣ, мы, вѣроятно, сдѣлались бы свидѣтелями весьма курьезнаго столкновенія, гдѣ геройское самопожертвованіе вступило бы въ борьбу съ искренней привязанностью, хотя и выражавшейся въ грубой формѣ. Фра-Антоніо, надо полагать, предвидѣлъ возможность подобнаго конфликта, потому что принялъ серьезныя мѣры къ его устраненію. Весь остальной день онъ отказывался продолжать нашъ споръ—не прямо и рѣзко, но стараясь дать нашимъ мыслямъ иное направленіе. Только вечеромъ, передъ отходомъ ко сну, миссіонеръ еще разъ добровольно вернулся къ спорному вопросу; снова перечисливъ вкратцѣ причины, заставлявшія его вступить на такой опасный путь, онъ просилъ не сердиться на насъ за его настояніе, противорѣчившее нашимъ личнымъ видамъ, и предложилъ намъ обмѣняться съ нимъ дружескимъ рукопожатіемъ въ знакъ прощенія и неизмѣнной любви.

Мы были до того растроганы кроткой рѣчью монаха, что не могли ему отвѣчать; онъ понялъ это; каждый изъ насъ поочередно пожалъ ему руку, пытаясь излить, что было у него на сердцѣ, но вмѣсто того всѣ мы ограничились двумя-тремя словами, потому что смертельная тоска парализовала намъ языкъ. Что касается Янга, то онъ не любилъ обнаруживать своей чувствительности и, стыдясь собственнаго малодушія, котораго ему не удалось однако скрыть, покраснѣлъ, какъ вареный ракъ; даже его толстая шея побагровѣла, наливпись кровью, и онъ съ досады началъ жаловаться на зубную боль, а потомъ ни съ того, ни съ сего разразился бранью противъ директора желѣзной дороги въ Старой Колоніи, говоря, что еслибъ этотъ негодяй не лишилъ его понапрасну насиженнаго мѣста, то судьба никогда не забросила бы его въ Мексику! Я съ своей стороны былъ вполнѣ увѣренъ, что фра-Антоніо прощался съ нами на вѣрную разлуку. Долго не спалось мнѣ въ ту ночь; я вспоминалъ время, когда мы дѣлили съ францисканцемъ всѣ трудности далекаго, опаснаго путешествія, вспоминалъ его вѣрную дружбу, стойкость, его благородство и удивительную нравственную чистоту, которая сказывалась въ каждомъ поступкѣ и словѣ монаха. О будущемъ я не смѣлъ и подумать: до того мнѣ было больно по-

терять такого рѣдкаго друга; горечь этой потери угрожала омрачить всю мою послѣдующую жизнь. Наконецъ, измученный печалью, я крѣпко заснулъ. Слабый, сѣроватый свѣтъ ранняго утра тускло освѣщалъ комнату, когда Рейбёрнъ разбудилъ меня, дергая за руку, и первыя слова, которыя я отъ него услышалъ, были: „Падре куда-то исчезъ".

Очнувшись ото сна, я сѣлъ на постели и взглянулъ въ лицо товарищу; онъ былъ сильно встревоженъ. Янгъ еще спалъ и мы не стали будить его, предпочитая прежде убѣдиться въ печальной истинѣ. Рейбёрнъ тихонько вышелъ во дворъ, я слѣдовалъ за нимъ, и мы достигли выхода, гдѣ стоялъ караульный. Но мы нашли его спящимъ, а когда разбудили и начали разспрашивать, не видалъ ли онъ выходившаго монаха, индѣецъ не могъ сказать намъ ничего положительнаго. Тогда мы направились къ воротамъ цитадели — они закрывались такой тяжеловѣсной рѣшеткой на цѣпяхъ, что ее не спускали даже на ночь, — здѣсь нашимъ глазамъ представилось человѣкъ шесть спящихъ сторожей; только одинъ изъ нихъ проснулся, заслышавъ наши шаги, и, приподнявшись на локти, глядѣлъ на насъ заспанными глазами.

Не смотря на свою тревогу, мы были страшно поражены подобной небрежностью. — Ну, если всѣ караульные отличаются такой бдительностью, — съ гнѣвомъ вскричалъ Рейбёрнъ, — то насъ всѣхъ преспокойно могутъ перерѣзать въ постели! Вотъ къ чему привела попытка сдѣлать солдатъ изъ этихъ дикарей. Тлагуикосы съумѣютъ порядочно драться, я нисколько въ томъ не сомнѣваюсь, но довѣрить такимъ людямъ отвѣтственный постъ было чистымъ безуміемъ. Они оставались рабами всю свою жизнь и не имѣютъ понятія о личной отвѣтственности. Хорошо еще, что мы наткнулись на нихъ сегодня; теперь я дамъ совѣтъ полковнику ставить на караулъ только его собственныхъ солдатъ, на которыхъ можно положиться. Конечно, отъ этихъ сторожей мы ничего не добьемся. Лучше намъ спуститься къ пристани; если падре ушелъ — тутъ голосъ моего товарища оборвался—то вѣроятнѣе всего, что онъ переправился черезъ озеро и мы, конечно, встрѣтимъ кого нибудь, кто его видѣлъ.

Вокругъ насъ уже начала понемногу пробуждаться жизнь; двери въ нѣкоторыхъ домахъ были отворены, тонкія струйки

дыма вились въ тихомъ утреннемъ воздухѣ, у водоема собралось нѣсколько женщинъ; онѣ наполняли водой большіе глиняные сосуды и вполголоса болтали между собой. На дамбѣ мы дѣйствительно увидали народъ: это рыбаки возвращались съ своей ловли. Они тотчасъ разрѣшили наши грустныя сомнѣнія. Часъ назадъ, мимо нихъ проѣхалъ челнокъ, управляемый однимъ индѣйцемъ, а на кормѣ сидѣлъ человѣкъ, въ которомъ они узнали фра-Антоніо по его монашескому платью; рыбаки даже внимательно прослѣдили, куда онъ ѣхалъ, и были крайне удивлены, увидавъ, что челнокъ направлялся въ „большой городъ“ — подъ этимъ именемъ слыла столица Азтлана у всѣхъ непосвященныхъ и только одни жрецы знали названіе Кулхуакана.

Ни я, ни Рейбёрнъ не произнесли ни слова, возвращаясь обратно черезъ городъ въ цитадель. Мы были слишкомъ потрясены и взволнованы, чтобы говорить. Даже я, отчасти готовый къ случившемуся, не ожидалъ, что францисканецъ такъ внезапно покинетъ насъ; но для Рейбёрна его удаленіе было тяжелымъ, неожиданнымъ ударомъ. Когда мы вернулись, Янгъ уже проснулся и безпокоился о насъ, потому что мы имѣли привычку постоянно держаться вмѣстѣ, и товарищъ понялъ, что важное правило было нарушено нами недаромъ; но когда онъ увидалъ наши отчаянныя лица, его безпокойство возросло еще болѣе. Предчувствуя, что случилось что-то недоброе, онъ однако не могъ сразу догадаться, какая бѣда стряслась надъ нами; тутъ мы ему разсказали, что намъ было извѣстно о фра-Антоніо, очевидно, отдавшемся въ руки верховнаго жреца. Янгъ уставился на насъ широко раскрытыми глазами, точно не понимая; а когда понялъ наконецъ, въ чемъ дѣло, то разразился страшными ругательствами, точно моментально помѣшавшись отъ бѣшенства.

Я невольно позавидовалъ ему, да и Рейбёрнъ, вѣроятно, также; эта грубая, но вмѣстѣ съ тѣмъ искренняя вспышка ярости очевидно утоляла его жгучую печаль. Мы же оба стояли въ безмолвномъ отчаяніи, думая о томъ, что намъ едва ли придется увидѣть еще разъ фра-Антонію въ живыхъ.

XXIX.

Ночное нападеніе.

Ни совѣтъ со своими нерѣшительными переговорами, ни фра-Антоніо съ его черезчуръ рѣшительнымъ поступкомъ не предвидѣли однако новыхъ осложненій проблеммы, которую они старались разрѣшить, исходя отъ различныхъ точекъ зрѣнія. Совѣтъ однимъ мановеніемъ руки обратилъ тлагуикосовъ въ солдатъ и обѣщалъ имъ полное избавленіе отъ рабства въ награду за ихъ преданность и мужество. Фра-Антоніо проповѣдывалъ всѣмъ собравшимся въ Гуитциланѣ новую вѣру, которая нашла дорогу къ сердцу слушателей, главнымъ образомъ, потому что эти люди, томившіеся подъ ярмомъ безпросвѣтной неволи, видѣли въ ней залогъ своего освобожденія, такъ какъ одна изъ важнѣйшихъ христіанскихъ доктринъ есть всеобщее равенство.

Поэтому, когда вѣсть объ условіяхъ мира, предложенныхъ верховнымъ жрецомъ, распространилась по всему городу и дошла до лагеря, расположеннаго у самыхъ его стѣнъ съ тою цѣлью, чтобы защитники Гуитцилана немедленно заняли цитадель, едва только покажется непріятель—то въ войскѣ и между жителями поднялся громкій ропотъ. Тлагуикосы были глубоко возмущены требованіями Итцакоатля и говорили, что ихъ не слѣдовало даже выслушивать. Жестокій деспотъ собирался принести въ жертву ацтекскимъ богамъ апостола новой религіи, а тлагуикосовъ хотѣлъ опять обратить въ рабство; обѣщанныя имъ уступки касались только высшихъ классовъ, а невольниковъ ожидала еще болѣе тяжкая участь.

Люди, возмущавшіеся тѣмъ, что совѣтъ медлитъ отпустить обратно уполномоченнаго верховнаго жреца съ положительнымъ отказомъ, перешли на другой день отъ горячихъ словъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Отъѣздъ фра-Антоніо послужилъ сигналомъ къ возмущенію инсургентовъ противъ своихъ руководителей. Эти люди, разумѣется, не допускали и мысли, чтобы францисканецъ могъ добровольно отдаться въ руки палача; на самомъ дѣлѣ, вся армія оказалась противъ мир-

наго соглашенія, потому что даже офицеры, хотя и не принадлежавшіе къ классу рабовъ, боялись, что имъ не миновать жестокаго наказанія за участіе въ мятежѣ, и предпочитали рѣшить роковой вопросъ съ оружіемъ въ рукахъ. Утромъ все войско выступило изъ лагеря и окружило залу совѣта, помѣщавшуюся въ цидатели. Воины съ громкими криками требовали, чтобы парламентеръ былъ немедленно отосланъ обратно въ „большой городъ“ съ категорическимъ отказомъ принять предложенныя условія мира. Новый мятежъ вспыхнулъ среди мятежа и совѣтъ не могъ подавить его, потому что вся военная сила возстала противъ его собственной власти съ самымъ настойчивымъ упорствомъ.

Всякая проволочка была невозможна. Необузданные, бѣшеные дикари, такъ внезапно обращенные въ солдатъ, толпились передъ залой совѣта, яростно крича, размахивая копьями и бряцая мечами. Они шумѣли до тѣхъ поръ, пока добились своего.

Уполномоченнаго провели подъ сильнымъ конвоемъ мимо этой бѣснующейся толпы; на немъ не было лица; маститый сановникъ отлично понималъ, какой опасности подвергалась его жизнь въ эту критическую минуту; отъ цитадели онъ спустился къ берегу и отплылъ обратно въ Кулхуаканъ, убѣдившись воочію, что мирное соглашеніе могло осуществиться только въ томъ случаѣ, еслибы тлагуикосы, возставшіе противъ верховнаго жреца, были перебиты всѣ до единаго человѣка! Недаромъ сами солдаты продиктовали своимъ начальникамъ этотъ рѣшительный отвѣтъ притѣснителю.

— Молодцы тлагуикосы!—воскликнулъ Янгъ, когда я перевелъ ему ихъ грозныя слова.—Пожалуйста, скажите имъ, профессоръ, что я три года былъ волонтеромъ и готовъ биться въ ихъ рядахъ до послѣдней возможности. Вѣроятно, негодяи успѣли уже порѣшить нашего падре въ ихъ проклятомъ городѣ. Если я раньше горѣлъ нетерпѣніемъ раздѣлаться съ этими тварями за бѣднаго Пабло, то теперь мнѣ и подавно хочется проучить ихъ хорошенько. Славные ребята эти тлагуикосы, люблю такихъ! Не говорилъ ли я вамъ, что ихъ ничто не остановитъ, когда они разойдутся? Это народъ неотесанный, но всѣ рудокопы—отчаянныя башки, надо отдать имъ справедливость!

Сильное волненіе, вызванное въ насъ этой сценой, смѣнилось на другой день тягостнымъ унынiемъ; мы только и думали о фра-Антоніо и о нашемъ полномъ безсиліи помочь ему при настоящихъ обстоятельствахъ. Хотя уполномоченный былъ отосланъ назадъ и война сдѣлалась неизбѣжной, но положеніе дѣлъ оставалось то же, потому что мы по прежнему были принуждены выжидать наступательныхъ дѣйствій со стороны непріятеля. Нападать на громадный укрѣпленный городъ было до того безполезно, что даже тлагуикосы—возгордившіеся побѣдой надъ совѣтомъ—не рѣшались этого предложить; они сознавали, какъ и мы, что единственный шансъ одолѣть врага могла доставить намъ битва въ открытомъ полѣ. Между тѣмъ скучное бездѣйствіе угрожало серьезной опасностью; наше войско, утомившись ожиданіемъ, могло сдѣлаться еще безпечнѣе. То, что мы видѣли съ Рейбёрномъ поутру наканунѣ, ясно доказывало, что на нашихъ людей нельзя было положиться въ смыслѣ бдительности, и Тицокъ, съ которымъ мы обсуждали этотъ важный вопросъ, не сказалъ намъ ничего утѣшительнаго. Будучи солдатомъ съ головы до ногъ, онъ отлично понималъ, чѣмъ рискуетъ лагерь, охраняемый такъ плохо, но при настоящемъ положеніи дѣлъ нельзя было принять существенныхъ мѣръ для его безопасности. Нѣсколькихъ отрядовъ нашей регулярной арміи не хватало для содержанія всѣхъ карауловъ и единственное, что можно было сдѣлать, это расположить ихъ на пунктахъ, болѣе открытыхъ для нападенія.—А затѣмъ разсчитывать,—подхватилъ Рейбёрнъ съ оттѣнкомъ горькой иронiи,—что непріятель будетъ настолько любезенъ, что нападетъ врасплохъ именно на ту часть лагеря, гдѣ караульные не спятъ?

Желая отчасти посмотрѣть своими глазами, гдѣ расположены наши пикеты, но болѣе съ цѣлью разсѣяться и забыть немного свое горе, мы вышли изъ цитадели въ послѣдній вечеръ и всѣ вмѣстѣ поднялись на скалистыя высоты мыса, далеко вдававшагося въ озеро съ западной стороны города. Со стратегической точки зрѣнія, эта позиція представляла большую важность, потому что стрѣлки изъ лука или пращники, овладѣвъ ею, могли обстрѣливать значительную часть Гуитцилана и даже серьезно угрожать гарнизону цитадели; кромѣ того, отсюда было удобно на далекое разстояніе наблю-

дать за непріятелемъ, еслибы часть его военныхъ силъ стала приближаться къ намъ по озеру.

Поэтому мы немало удивились, когда, поднявшись на мысъ, не замѣтили на немъ никакой стражи. Но такая странность вскорѣ объяснилась: мы замѣтили одного изъ нашихъ воиновъ; онъ лежалъ, свернувшись, у выступа скалы, и, повидимому, крѣпко спалъ. Однако, когда мы подошли поближе, намъ стало ясно, что этому человѣку болѣе не суждено проснуться: лужа крови стояла на каменистомъ грунтѣ возлѣ убитаго, а изъ его лѣваго бока торчала стрѣла. Постоявъ немного надъ бѣднымъ малымъ—который, судя по всѣмъ признакамъ, былъ убитъ сонный и, слѣдовательно, заслужилъ свою участь—мы стали осторожно подвигаться дальше, чтобы посмотрѣть, какъ ведутъ себя другіе часовые. Результатъ нашей рекогносцировки оказался неутѣшительнымъ, какъ нельзя болѣе: въ разныхъ мѣстахъ между скалъ мы нашли всѣхъ пятерыхъ караульныхъ, оберегавшихъ мысъ, и всѣ они были убиты. Еще троихъ смерть застигла, повидимому, во время сна или во всякомъ случаѣ въ такую минуту, когда они предавались безпечности на своемъ важномъ посту—это доказывали ихъ спокойныя сидячія или лежачія позы, но пятый былъ убитъ не сейчасъ; мы нашли сломанную стрѣлу, торчавшую изъ его прострѣленной лѣвой руки и слѣды борьбы около мѣста, гдѣ валялся его трупъ съ раскроеннымъ черепомъ, какъ будто отъ удара мечемъ; эта рана была безусловно смертельной. Меня удивило, почему онъ не поднялъ тревогу въ лагерѣ своими криками; но его постъ находился на самомъ концѣ мыса, такъ что ему пришлось бы кричать очень громко, чтобы быть услышаннымъ. Кромѣ того, внезапность нападенія, пожалуй, парализовала его голосъ. Такъ или иначе, но неутѣшительный фактъ былъ на лицо: пятеро часовыхъ убиты возлѣ самаго города, среди бѣлаго дня. Не приди мы сюда, самая важная изъ нашихъ позицій осталась бы незащищенной до поздней ночи, когда происходила смѣна караула. Рейбёрнъ подозрѣвалъ, что непріятель имѣлъ въ виду поставить собственную стражу на вакантные посты, справедливо полагая, что въ вечернемъ сумракѣ одного голаго индійца трудно отличить отъ другаго, и такимъ образомъ намѣревался убивать одну смѣну за другой.

Осмотрѣвшись вокругъ, мы не нашли и слѣдовъ непріятельскаго отряда, который такъ ловко покончилъ съ нашими людьми—только вдали на озерѣ мелькала лодка, но и та вскорѣ скрылась въ полосѣ тумана; не смотря на палящій зной, меня пробрала дрожь при мысли о дьявольской хитрости и отчаянной смѣлости этихъ людей, не побоявшихся, среди бѣлаго дня, близь самаго лагеря вражеской арміи, совершить такое дѣло и съумѣвшихъ благополучно скрыться, не оставивъ другихъ слѣдовъ своего присутствія, кромѣ вражескихъ труповъ. Мы осмотрѣли каждую скалу на мысѣ и убѣдились, что ни одинъ изъ непріятелей не спрятался тамъ, послѣ чего поспѣшили обратно въ городъ разсказать о случившемся и послать новую смѣну часовыхъ. Намъ казалось, что это извѣстіе вызоветъ тревогу въ лагерѣ, но, къ сожалѣнію, только Тицокъ да еще немногіе испытанные воины серьезно взглянули на дѣло. Большинство же нашло совершенно лишнимъ безпокоиться о несчастіи, которое благополучно миновало, тѣмъ болѣе, что наше открытіе предотвратило катастрофу; эти люди упускали изъ виду самое важное — постоянную опасность, грозившую намъ, благодаря преступной безпечности часовыхъ на нашихъ пикетахъ. Повидимому, какъ совѣтъ, такъ и военачальники просто были не въ силахъ бороться съ недостаткомъ дисциплины между рабами.

Тлагуикосы не были достаточно выдержаны; если они вступили въ ряды войска и обучались военному искусству, то дѣлали это по доброй волѣ, изъ желанія избавиться отъ рабства; сверхъ того, сегодня утромъ они выказали явное неповиновеніе начальству и оно уступило ихъ требованію; такимъ образомъ оказывалось, что эти дикари не признавали надъ собою почти никакой власти.

Однако, имъ очень хотѣлось драться съ непріятелемъ, и потому наши мятежные солдаты охотно составили довольно большой отрядъ, чтобы устроить засаду на мысѣ на тотъ случай, еслибы враги вздумали напасть на насъ въ слѣдующую ночь; команда надъ ними была поручена Тицоку и онъ съ радостью позволилъ мнѣ и моимъ товарищамъ присоединиться къ нему; намъ не меньше тлагуикосовъ хотѣлось поскорѣе помѣряться силами съ защитниками верховнаго жреца, да притомъ же мы разсчитали, что будемъ въ бо́льшей безопас-

дать за непріятелемъ, еслибы часть его военныхъ силъ стала приближаться къ намъ по озеру.

Поэтому мы немало удивились, когда, поднявшись на мысъ, не замѣтили на немъ никакой стражи. Но такая странность вскорѣ объяснилась: мы замѣтили одного изъ нашихъ воиновъ; онъ лежалъ, свернувшись, у выступа скалы, и, повидимому, крѣпко спалъ. Однако, когда мы подошли поближе, намъ стало ясно, что этому человѣку болѣе не суждено проснуться: лужа крови стояла на каменистомъ грунтѣ возлѣ убитаго, а изъ его лѣваго бока торчала стрѣла. Постоявъ немного надъ бѣднымъ малымъ—который, судя по всѣмъ признакамъ, былъ убитъ сонный и, слѣдовательно, заслужилъ свою участь—мы стали осторожно подвигаться дальше, чтобы посмотрѣть, какъ ведутъ себя другіе часовые. Результатъ нашей рекогносцировки оказался неутѣшительнымъ, какъ нельзя болѣе: въ разныхъ мѣстахъ между скалъ мы нашли всѣхъ пятерыхъ караульныхъ, оберегавшихъ мысъ, и всѣ они были убиты. Еще троихъ смерть застигла, повидимому, во время сна или во всякомъ случаѣ въ такую минуту, когда они предавались безпечности на своемъ важномъ посту—это доказывали ихъ спокойныя сидячія или лежачія позы, но пятый былъ убитъ не сейчасъ; мы нашли сломанную стрѣлу, торчавшую изъ его прострѣленной лѣвой руки и слѣды борьбы около мѣста, гдѣ валялся его трупъ съ раскроеннымъ черепомъ, какъ будто отъ удара мечемъ; эта рана была безусловно смертельной. Меня удивило, почему онъ не поднялъ тревогу въ лагерѣ своими криками; но его постъ находился на самомъ концѣ мыса, такъ что ему пришлось бы кричать очень громко, чтобы быть услышаннымъ. Кромѣ того, внезапность нападенія, пожалуй, парализовала его голосъ. Такъ или иначе, но неутѣшительный фактъ былъ на лицо: пятеро часовыхъ убиты возлѣ самаго города, среди бѣлаго дня. Не приди мы сюда, самая важная изъ нашихъ позицій осталась бы незащищенной до поздней ночи, когда происходила смѣна караула. Рейбёрнъ подозрѣвалъ, что непріятель имѣлъ въ виду поставить собственную стражу на вакантные посты, справедливо полагая, что въ вечернемъ сумракѣ одного голаго индійца трудно отличить отъ другаго, и такимъ образомъ намѣревался убивать одну смѣну за другой.

дентъ мичиганскаго университета и мои сотоварищи, профессора, въ этомъ ученомъ учрежденіи, увидавъ меня среди такой варварской ватаги и въ такомъ варварскомъ одѣяніи!

Незадолго до заката солнца, мы достигли мѣста на мысѣ, выбраннаго Тицокомъ для нашей засады. Часъ спустя, при наступленіи темноты, одинъ изъ нашихъ сторожевыхъ воиновъ прибѣжалъ съ извѣстіемъ, что большая лодка направляется какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ мы стояли; по его словамъ, весла гребцовъ были обвернуты чѣмъ-то мягкимъ, потому что не издавали ни малѣйшаго плеска. Наши люди встрепенулись, поправляя оружіе, чтобы все было наготовѣ, когда наступитъ моментъ выскочить изъ засады; но такъ какъ весь отрядъ состоялъ изъ дисциплинированныхъ людей, то они понимали, что для успѣха нашего плана надо сохранять величайшую тишину, и ихъ движенія были до того осторожны, что этотъ моментальный слабый звонъ оружія едва нарушилъ глубокое ночное безмолвіе. Между тѣмъ проходили минуты за минутами и наконецъ прошло не менѣе часу; густой мракъ тропической ночи окутывалъ насъ, а присутствіе непріятеля пока не обнаруживалось ни малѣйшимъ признакомъ. Тицокъ сталъ тревожиться; очевидно мы не угадали плана враговъ. Еслибъ они вздумали замѣнить нашихъ убитыхъ часовыхъ своими и овладѣть мысомъ, перерѣзавъ пришедшій на смѣну караулъ, то мы давно уже вступили бы съ ними въ бой. Однако ночь проходила, а ничто, кромѣ видѣнной на озерѣ лодки, не показывало, что такъ напряженно ожидаемая нами вылазка должна осуществиться. Мы уже стали думать, что разгоряченная фантазія ввела насъ въ заблужденіе. Во всякомъ случаѣ, намъ не оставалось ничего болѣе, какъ стеречь свой постъ до утра; какая нибудь случайность могла отсрочить нападеніе, а необходимость удержать за собою мысъ была до того настоятельна, что мы не могли рисковать, уведя своихъ людей обратно. Сидѣть сложа руки въ темнотѣ было очень скучно; къ тому же предшествующій день выдался очень утомительный и тревожный; часы такъ медленно ползли впередъ и я не разъ невольно впадалъ въ дремоту, за что немедленно упрекалъ себя; впрочемъ, съ моей стороны это было отчасти извинительно; вѣдь я не былъ воспитанъ, какъ солдатъ, а провелъ всю жизнь въ кабинетныхъ занятіяхъ, при-

ерживаясь здраваго правила, что ночь дана людямъ для от-ыха души и тѣла. И вотъ среди самой сладкой дремоты— огда мнѣ снилась моя прежняя мирная жизнь въ Аннъ-Ар-орѣ—я былъ внезапно разбуженъ Рейбёрномъ, безцеремонно хватившимъ меня за плечо и шептавшимъ мнѣ на ухо: „Что ы это значило?“

Я моментально стряхнулъ съ себя чары сна и, подавшись передъ, сталъ чутко прислушиваться. Тутъ до моихъ ушей сно долетѣлъ крикъ отдаленной тревоги. Тицокъ, вскочившій а ноги, также прислушивался. Вокругъ насъ раздавалось со сѣхъ сторонъ слабое бряцаніе оружія; вѣроятно, всѣ наши оины узнали крикъ предостереженія, долетѣвшій съ отдален-аго караула. Минуту спустя, намъ было уже не нужно на-рягать слуха: тревога стала несомнѣнной; одинокій окликъ ылъ подхваченъ тысячью голосовъ и перешелъ въ неясный лекій гулъ, доносившійся до насъ среди густаго мрака и езмолвія ночи. Къ глухому гулу вскорѣ присоединились рѣз-ія ноты дикихъ завываній и звонъ оружія, указывавшій на), что загорѣлась битва; пока мы сторожили мысъ, непрія-ель напалъ врасплохъ на лагерь!

Рейбёрнъ, вскакивая на ноги, взвылъ, точно дикій звѣрь.— лянусь Богомъ,—воскликнулъ онъ,—они предвидѣли, что мы цѣлаемъ, и завлекли насъ въ ловушку, какъ настоящихъ езмозглыхъ дураковъ!

XXX.

Паденіе цитадели.

Тицокъ, въ чемъ я убѣдился къ своему удовольствію, дер-алъ въ строгомъ повиновеніи своихъ подчиненныхъ; ни инъ изъ нихъ не тронулся съ мѣста безъ приказанія на-альника, не смотря на горячее желаніе броситься впередъ. аконецъ нашъ отрядъ двинулся къ городу; мы шли съ тру-мъ, ежеминутно оступаясь, и не разъ въ потемкахъ слыша-ось паденіе того или другаго изъ нашихъ спутниковъ. Но е таки мы подвигались довольно быстро и шумъ битвы доно-лся до насъ все яснѣе.

Намъ приходилось пройти весь городъ, чтобы достигнуть лагеря; по ровнымъ улицамъ идти было, конечно, легче, и мы значительно ускорили шагъ; къ тому же начинало свѣтать, а извѣстно, какую бодрость духа и увѣренность приноситъ наступленіе утра. Мы знали, что еще нѣсколько минутъ и тропическое солнце зальетъ яркимъ свѣтомъ окрестность. Тицокъ сильно разсчитывалъ, что разсѣявшійся ночной мракъ, наводящій ужасъ даже на дикарей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наше возвращеніе прекратятъ панику въ арміи, застигнутой врасплохъ, послѣ чего намъ удастся водворить въ ней порядокъ и дать энергичный отпоръ врагу. Но онъ вскорѣ убѣдился, что его надежда была напрасна. Едва миновавъ ворота цитадели, мы наткнулись на бѣгущій корпусъ тлагуикосовъ—хотя за ними не было видно погони; они были до того перепуганы, что приняли насъ за непріятельскій отрядъ, съ дикими криками бросились въ боковую улицу и исчезли.

— Ну, что вы думаете теперь о своихъ друзьяхъ?—сердито спросилъ Янга Рейбёрнъ.

Тотъ, вмѣсто отвѣта, принялся поносить тлагуикосовъ, называя ихъ трусами.

Минуту спустя, вся улица противъ насъ наполнилась бѣгущими воинами; они громко выли, направляясь къ цитадели съ очевидной цѣлью найти тамъ свое спасеніе. Тицокъ сразу увидалъ, что всякая попытка остановить и образумить эту орду людей, бѣжавшихъ безъ оглядки, какъ бѣгутъ овцы отъ стаи волковъ, была напрасна; они могли опомниться, только попавъ въ какое нибудь вѣрное убѣжище, гдѣ къ нимъ вернется мужество. Дѣйствительно, въ цитадели бѣглецы могли спастись хоть на нѣкоторое время; еслибъ даже непріятель попробовалъ пробраться туда съ помощью приставныхъ лѣстницъ, достаточно было нѣсколькихъ рѣшительныхъ людей, чтобы отбить аттаку, пока наше разсѣянное войско будетъ приведено въ порядокъ. Поэтому нашъ храбрый начальникъ велѣлъ своему отряду повернуть въ сторону, чтобы дать дорогу безпорядочно бѣгущей толпѣ. Пропуская мимо себя тлагуикосовъ, мы замѣтили, что офицеровъ съ ними не было; Тицокъ счелъ это хорошимъ знакомъ: очевидно, регулярное войско образовало арьергардъ, прикрывавшій безпорядочное бѣгство. Вскорѣ мы убѣдились, что индѣецъ былъ правъ:

яды бѣглецовъ начали рѣдѣть; громкіе крики сражающихся, ескъ и звонъ оружія становились слышнѣе и вотъ недалеко ъ того мѣста, гдѣ мы стояли, показался корпусъ воиновъ, равильно и не спѣша отступавшій назадъ, храбро отбиваясь ъ непріятеля. Отрядъ Тицока громко завылъ, а нашъ предодитель расположилъ свою команду такимъ образомъ, что тступающіе попали въ нашъ центръ; тутъ мы быстро сомкули ряды и сами вступили въ битву.

Мнѣ трудно въ точности описать, какъ происходило наше ступленіе къ цитадели и какова была здѣсь моя собственая роль; въ сраженіи весь отдаешься дикимъ инстинктамъ, падаешь самъ или защищаешься, и потому здѣсь не моетъ быть мѣста для разумнаго анализа. Война, въ своихъ зшихъ проявленіяхъ, ничто иное, какъ варварство; это—сая нелогичная метода разрѣшать спорные вопросы при поощи грубой силы, вмѣсто того чтобъ подвергнуть ихъ тонму, всестороннему разбору образованнаго человѣческаго ума; тъ вами невольно овладѣваетъ ярость и, ослѣпленные ею, ы становитесь неспособными къ трезвому наблюденію. Поэтому могу только сказать, что мы отступали шагъ за шагомъ ередъ насѣдавшимъ на насъ врагомъ, что воздухъ потрясали икіе крики—къ которымъ присоединялся и я, самъ не зная ачѣмъ—и пронзительный лязгъ скрещивающихся мечей; эти икіе звуки заглушали стоны и вопли несчастныхъ раненыхъ, адавшихъ на землю. Единственный эпизодъ, ясно врѣзавшійся у меня въ памяти, была моя стычка съ высокимъ воиномъ, какъ разъ въ ту минуту, когда мы подошли къ цитадели; я ловко парировалъ его удары и наконецъ выпалъ самъ, потребивъ знаменитый пріемъ, заимствованный у моего стараго учителя фехтованія въ Лейпцигѣ. Меткій ударъ поразилъ моего противника наповалъ, и я хорошо помню, что подумалъ въ эту минуту—хотя моя жизнь висѣла на волоскѣ:—„какъ счастливъ былъ бы почтенный нѣмецкій ротмистръ, еслибъ могъ видѣть молодецкій подвигъ своего бывшаго ученика“. Да и самъ голіаѳъ, напавшій на меня съ такимъ ожесточеніемъ, удивился бы, что я, при всей своей неумѣлости, расправился съ нимъ, но, къ сожалѣнію, онъ тутъ же умеръ.

Бросившись къ воротамъ крѣпости, чтобы поскорѣе попасть въ это безопасное убѣжище и опустить рѣшетку, прежде

чѣмъ непріятель успѣетъ настичь насъ, мы были крайне удивлены, увидавъ у входа нѣсколько труповъ нашихъ воиновъ; но дальше насъ ожидала еще болѣе непріятная неожиданность; неумѣлыя руки испортили механизмъ, поднимавшій и опускавшій дверь; опущенная небрежно и наскоро, она застряла въ пазахъ и не поднималась болѣе. Послѣ мы узнали, что первый изъ бѣглецовъ, которому удалось добраться до цитадели, негодный трусъ, пытался опустить ее передъ носомъ остальныхъ товарищей, чтобы спасти прежде всего свою собственную шкуру; тутъ между ними произошла драка, причемъ многіе были убиты; къ нашему несчастью, дѣло кончилось тѣмъ, что опускная рѣшетка была испорчена до появленія непріятеля.

Мы еще успѣли немного передохнуть и воспользовались этой минутой, чтобы обмѣняться между собою крѣпкимъ рукопожатіемъ. Это было наше безмолвное прощаніе навѣки, такъ какъ мы всѣ трое были твердо увѣрены, что наступаетъ нашъ послѣдній часъ. Тицокъ стоялъ немного въ отдаленіи, не обнаруживая ни малѣйшаго страха и сохраняя свою благородную осанку. Этотъ человѣкъ былъ настоящій рыцарь съ головы до ногъ! Но и онъ, повидимому, готовился къ смерти, потому что взглянулъ въ нашу сторону съ серьезнымъ и ласковымъ видомъ, дѣлая жестъ рукою, означающій у ацтековъ прощанье. Затѣмъ, мы выстроились рядами передъ входомъ въ цитадель, держа наготовѣ оружіе. Рейбёрнъ взялъ дротикъ и, положивъ его древко на плечо, цѣлился въ приближающагося непріятеля. Видъ его статной высокой фигуры въ этой воинственной позѣ живо напомнилъ мнѣ повѣствованіе Гомера о битвѣ грековъ передъ вратами Трои, и я мысленно сравнивалъ своего товарища съ Гекторомъ, готовымъ метнуть въ осаждающихъ тяжелый камень. Поэтому меня ужасно разсердила неожиданная выходка Янга, имѣвшаго необыкновенную способность схватывать во всемъ смѣшную сторону:

— Держу пари на пять долларовъ, Рейбёрнъ, что вы не убьете того человѣка, въ котораго прицѣливаетесь.

Но Рейбёрнъ не промахнулся, а попалъ прямо въ сердце намѣченной жертвы, послѣ чего сталъ молодецки рубиться мечемъ. Съ самаго начала мы сознавали, что эта битва должна

ряды бѣглецовъ начали рѣдѣть; громкіе крики сражающихся, трескъ и звонъ оружія становились слышнѣе и вотъ недалеко отъ того мѣста, гдѣ мы стояли, показался корпусъ воиновъ, правильно и не спѣша отступавшій назадъ, храбро отбиваясь отъ непріятеля. Отрядъ Тицока громко завылъ, а нашъ предводитель расположилъ свою команду такимъ образомъ, что отступающіе попали въ нашъ центръ; тутъ мы быстро сомкнули ряды и сами вступили въ битву.

Мнѣ трудно въ точности описать, какъ происходило наше отступленіе къ цитадели и какова была здѣсь моя собственная роль; въ сраженіи весь отдаешься дикимъ инстинктамъ, нападаешь самъ или защищаешься, и потому здѣсь не можетъ быть мѣста для разумнаго анализа. Война, въ своихъ низшихъ проявленіяхъ, ничто иное, какъ варварство; это—самая нелогичная метода разрѣшать спорные вопросы при помощи грубой силы, вмѣсто того чтобъ подвергнуть ихъ тонкому, всестороннему разбору образованнаго человѣческаго ума; тутъ вами невольно овладѣваетъ ярость и, ослѣпленные ею, вы становитесь неспособными къ трезвому наблюденію. Поэтому я могу только сказать, что мы отступали шагъ за шагомъ передъ насѣдавшимъ на насъ врагомъ, что воздухъ потрясали дикіе крики—къ которымъ присоединялся и я, самъ не зная зачѣмъ—и пронзительный лязгъ скрещивающихся мечей; эти дикіе звуки заглушали стоны и вопли несчастныхъ раненыхъ, падавшихъ на землю. Единственный эпизодъ, ясно врѣзавшійся у меня въ памяти, была моя стычка съ высокимъ воиномъ, какъ разъ въ ту минуту, когда мы подошли къ цитадели; я ловко парировалъ его удары и наконецъ выпалъ самъ, употребивъ знаменитый пріемъ, заимствованный у моего стараго учителя фехтованія въ Лейпцигѣ. Меткій ударъ поразилъ моего противника наповалъ, и я хорошо помню, что подумалъ въ эту минуту—хотя моя жизнь висѣла на волоскѣ:—„какъ счастливъ былъ бы почтенный нѣмецкій ротмистръ, еслибъ могъ видѣть молодецкій подвигъ своего бывшаго ученика“. Да и самъ голіаѳъ, напавшій на меня съ такимъ ожесточеніемъ, удивился бы, что я, при всей своей неумѣлости, расправился съ нимъ, но, къ сожалѣнію, онъ тутъ же умеръ.

Бросившись къ воротамъ крѣпости, чтобы поскорѣе попасть въ это безопасное убѣжище и опустить рѣшетку, прежде

Исходъ этой неравной борьбы съ самаго начала былъ вопросомъ только нѣсколькихъ минутъ. Когда я услышалъ страшный вой непріятеля и увидалъ, что осаждающіе, выбивъ ворота цитадели, ринулись въ нихъ неудержимымъ потокомъ, какъ разъ за спинами воиновъ, съ которыми я рубился, мнѣ стало ясно, что люди Тицока оттѣснены оттуда или перебиты и что наступаетъ нашъ конецъ. Я взглянулъ черезъ плечо ацтека, котораго, минуту спустя, вычеркнулъ навсегда изъ списка живыхъ, и увидалъ то, что могло быть названо водоворотомъ въ центрѣ толпы, рвавшейся въ цитадель. Среди самой отчаянной давки и сумятицы, передо мной мелькнула фигура Тицока; очевидно, онъ все еще держался, отчаянно отбиваясь мечемъ. Видъ его былъ страшенъ, непріятельскій ударъ, скользнувъ по черепу, срѣзалъ ему часть кожи на головѣ; этотъ лоскутъ съ длинными волосами висѣлъ у него поперекъ лба, болтаясь во всѣ стороны и дрожа, какъ истрепанное перо; лицо раненаго было залито кровью, которой былъ пропитанъ насквозь и его стеганый панцырь изъ бумажной ткани; кромѣ раны на головѣ, у Тицока зіяла еще другая, на затылкѣ. Въ тотъ моментъ, когда я его увидѣлъ, онъ нанесъ молодецкій ударъ одному изъ осаждающихъ, такъ что голова противника отскочила отъ туловища; но пока она еще летѣла по воздуху, другой воинъ, позади Тицока, энергичнымъ толчкомъ оттѣснилъ назадъ напиравшую толпу и такимъ образомъ очистилъ себѣ мѣсто для размаха мечемъ. Я крикнулъ Тицоку, предупреждая о грозившей опасности, и онъ сдѣлалъ быстрый полуоборотъ назадъ; но противникъ, не давъ ему времени повернуться совсѣмъ, раскроилъ несчастному черепъ отъ темени до самаго подбородка. И подъ оглушительный, дикій вой торжества, поднявшійся у нашихъ враговъ въ честь этого предательскаго удара, унеслась отъ земли душа одного изъ храбрѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей.

У меня потемнѣло въ глазахъ при видѣ падающаго Тицока и страшнаго натиска непріятеля, бросившагося въ цитадель черезъ его мертвое тѣло. Вѣроятно, эта внезапная дурнота и изнеможеніе сдѣлали то, что я на минуту позабылъ о самозащитѣ. Смутно помню, что до моихъ ушей донесся крикъ Янга, предостерегавшаго меня, но этотъ возгласъ смѣшался съ криками людей, избиваемыхъ въ цитадели, и торже-

ствующимъ ревомъ побѣдителей, какъ въ стѣнахъ укрѣпленія, такъ и внѣ ихъ; и вдругъ я почувствовалъ, точно ударъ грома, разразившійся прямо надъ моей головой, потомъ жестокую боль, причемъ мнѣ показалось, что я лечу въ мрачную глубину какой-то бездонной пропасти, (то была галлюцинація, что я опять перепрыгиваю черезъ разщелину скалы, держась за длинную цѣпь). Въ ушахъ у меня поднялся страшный звонъ и гудѣніе, но вскорѣ эти несносные, раздражающіе звуки стали затихать; глубокая тишина и мракъ окутали меня со всѣхъ сторонъ и моей послѣдней мыслью было, что я стою въ преддверіи смерти. Тутъ мной овладѣло полное онѣмѣніе, не лишенное отрады, точно я уже предвкушалъ покой и миръ небытія.

XXXI.

Пораженіе.

Однако жизнь, какъ будто уже ускользавшая отъ меня, понемногу вернулась ко мнѣ опять, хоть я не особенно печалился объ ея потерѣ. Но, прежде чѣмъ прійти къ полному сознанію, я началъ догадываться кой-о-чемъ, происходившемъ вокругъ, по звукамъ, которые, конечно, были оглушительно громки, а мнѣ казались слабыми и доносившимися издалека. Это несомнѣнно были звуки битвы — лязгъ оружія, крики, дикій вой и предсмертные вопли—но я не относилъ ихъ къ настоящему сраженію, а думалъ, что мы деремся въ ущельѣ съ кочевыми индѣйцами, убившими бѣднаго Денниса Кирнея. Впрочемъ, я сознавалъ, что опасно раненъ: голова у меня жестоко болѣла, точно была готова разлетѣться въ дребезги; я чувствовалъ невыносимую тошноту и такую слабость, что не могъ пошевелиться, и продолжалъ лежать согнувшись, какъ упалъ.

Мнѣ казалось, что я провелъ страшно много времени въ этомъ томительномъ, полубезсознательномъ состояніи, въ которомъ ничего не понималъ хорошенько, испытывая одну только боль въ каждомъ мускулѣ своего организма; потомъ я почувствовалъ, что кто-то прикоснулся ко мнѣ, прикладывая

руку къ моему сердцу; это прикосновеніе настолько оживило меня, что я глубоко перевелъ духъ и приподнялъ вѣки. Лицо человѣка, склонявшагося надо мною, показалось мнѣ незнакомымъ и въ этомъ не было ничего удивительнаго, потому что обычная краснота смѣнилась на немъ мертвенной блѣдностью, выступавшей еще рѣзче оттого, что по нему струилась ярко-алая кровь изъ широкой раны поперекъ лба, проникавшей до самой кости. Но я не могъ не узнать голоса, который воскликнулъ:—онъ живъ, Рейбёрнъ!—а потомъ прибавилъ:

— Впрочемъ, по моему, немного толку въ томъ, что онъ не умеръ послѣ того, какъ ему раскроили башку такимъ манеромъ. А я-то еще полагалъ, что отъ изученія древностей человѣческій черепъ твердѣетъ и становится толще!

— Инженерная наука также не закаляетъ человѣку ногъ,— услышалъ я отвѣтъ Рейбёрна,—мнѣ совсѣмъ искалѣчили одну; я думалъ, она отвалится. Но теперь, когда мы остановили кровь, мои силы понемногу возвращаются. Пожалуй, мнѣ удастся даже доползти до васъ на рукахъ и колѣняхъ. Теперь, когда вы сказали, что профессоръ живъ, я и самъ какъ будто замѣтно ожилъ.

— Не смѣйте двигаться съ мѣста!—повелительно крикнулъ Янгъ. — Если вы двинетесь, то повязка можетъ ослабнуть и мнѣ придется перевязывать васъ съизнова. Я самъ буду ухаживать за профессоромъ.

Янгъ наклонился ко мнѣ и съ осторожностью, которой я никакъ не ожидалъ отъ его грубыхъ рукъ, принялся перевязывать мою раненую голову. Но самую существенную пользу принесъ мнѣ поданный имъ глотокъ воды изъ тыквенной бутылки, снятой съ шеи одного изъ убитыхъ солдатъ; холодная примочка и питье до того подкрѣпили меня, что я былъ въ силахъ сѣсть и осмотрѣться кругомъ.

Никогда въ жизни не видалъ я такого отвратительнаго зрѣлища, какое представилось теперь моимъ глазамъ. Ворота павшей цитадели напоминали мясной рынокъ. Груды мертвыхъ тѣлъ валялись вокругъ меня и громадное число убитыхъ враговъ краснорѣчиво свидѣтельствовало о томъ отчаянномъ мужествѣ, съ которымъ нашъ отрядъ—не болѣе, какъ жалкая горсть людей — отбивался отъ безчисленныхъ враговъ. По

неровной мостовой и по склону возвышенности, спускавшейся къ озеру, текъ ручей ярко-красной крови, блестѣвшей точно киноварь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ немъ отражались лучи солнца. Между мертвецами я не замѣтилъ трупа Тицока и былъ очень этому радъ. Человѣкъ шесть непріятельскихъ воиновъ стерегли насъ; но они позволяли намъ оказывать другъ другу помощь, вѣроятно, находя, что имъ во всякомъ случаѣ нетрудно будетъ справиться съ тремя тяжело ранеными людьми. Мало того, они по своему выказывали намъ свое участіе; такъ, одинъ изъ нихъ, замѣтивъ, что наша тыквенная бутылка съ водою опустѣла, тотчасъ принесъ другую, полную, снявъ ее съ тѣла мертвеца. Изъ-за стѣнъ цитадели все еще доносился лязгъ оружія и дикіе крики, ясно доказавшіе, что если битва и кончилась—хотя подобное побоище нельзя назвать битвой — то избіеніе продолжалось; однако эти звуки мало по малу замерли, пока мы лежали на полѣ сраженія, гадая о предстоящей намъ участи; очевидно, всѣ мятежники были перебиты.

Рейбёрнъ сидѣлъ невдалекѣ отъ меня, прислонясь спиной къ стѣнѣ. Замѣтивъ, что я смотрю на него и пришелъ въ память, онъ привѣтствовалъ меня печальной улыбкой.

— Скверный выдался намъ сегодня денекъ, профессоръ,— сказалъ онъ,—и не утѣшительно сознаться, что мы разбиты отчасти по своей собственной винѣ. Я не подозрѣвалъ, что азтланеки такіе отличные тактики, и недоумѣваю, какимъ образомъ даже при нашихъ плохихъ караулахъ имъ удалось провести войско на другую сторону лагеря. Но они могутъ гордиться тѣмъ, что заманили насъ въ ловушку, какъ послѣднихъ дураковъ и ротозѣевъ.

— Теперь вы ужь никогда не уговорите меня принять участіе въ революціи индѣйцевъ!—вмѣшался Янгъ.—Вѣдь я, право, положился на этихъ дрянныхъ тлагуикосовъ, а они-то и испортили намъ все дѣло. Чувствуете ли вы себя достаточно сильнымъ, профессоръ, чтобъ затянуть концы этой тряпки?—обратился онъ ко мнѣ, перевязывая рану на своемъ лбу. Потомъ Янгъ всталъ на четвереньки противъ меня и наклонился головой поближе къ моимъ рукамъ; тѣмъ временемъ я настолько окрѣпъ, что безъ особеннаго усилія связалъ концы бинта. Непріятельскій мечъ только скользнулъ по не-

репу моего бѣднаго товарища. Но Янгъ былъ до того ошеломленъ ударомъ, что упалъ замертво. Непріятели сочли его убитымъ, и это спасло ему жизнь, точно также, какъ было и со мной. Рана Рейбёрна была хуже нашихъ; его ударили мечемъ по бедру, такъ что чуть не отрубили ногу, и онъ едва не изошелъ кровью. Къ счастью, они съ Янгомъ соорудили импровизованный туркинетъ изъ тетивы лука и обломаннаго древка дротика, что̀ тотчасъ и остановило потерю крови.

Больше часу позволили намъ лежать подъ воротами крѣпости; въ это время враги дорѣзывали несчастныхъ тлагуикосовъ, выбирали изъ числа мятежниковъ болѣе важныхъ лицъ, для того чтобъ привести ихъ плѣнниками въ Кулхуаканъ, и водворяли порядокъ въ своемъ побѣдоносномъ войскѣ. Когда же все это было окончено, къ воротамъ приблизился офицеръ съ небольшимъ отрядомъ и грубо приказалъ намъ встать. Мы съ Янгомъ настолько оправились, что кое-какъ поднялись на ноги, хотя это усиліе вызвало страшную боль въ моей головѣ и дурноту; я прислонился къ стѣнѣ, чтобъ не упасть. Что же касается Рейбёрна, то онъ никакъ не могъ подняться; я наскоро объяснилъ офицеру, куда онъ раненъ, прибавивъ, что попытка встать и идти можетъ имѣть для него смертельный исходъ: бандажъ непремѣнно собьется съ мѣста и раненый тутъ же изойдетъ кровью. Выслушавъ меня, офицеръ послалъ за носилками и сказалъ, обращаясь ко мнѣ: —Вашъ товарищъ—герой; еслибъ я смѣлъ, то сорвалъ бы съ него повязку своими руками, чтобы онъ умеръ безъ дальнѣйшихъ мученій.—Я остерегся однако перевести эту рѣчь Рейбёрну, хотя слова ацтекскаго воина дышали неподдѣльнымъ участіемъ.

Въ ожиданіи носилокъ, солдаты надѣли мнѣ съ Янгомъ на шею тяжелыя деревянныя колодки; онѣ были шире нашихъ плечъ и нѣсколько напоминали большія брыжжи старинныхъ временъ. Эта курьезная штука до того поглотила мое вниманіе, что я спокойно позволилъ надѣть ее на себя, немедленно узнавъ въ ней „куаухъ-козатлъ“, который, по свидѣтельству древнихъ грамотъ, ацтеки надѣвали на своихъ военноплѣнныхъ, чтобъ помѣшать ихъ побѣгу. Но Янгъ далеко не раздѣлялъ моего восторга, по поводу открытія, что древній обычай, который считался упраздненнымъ болѣе трехъ вѣковъ назадъ, продол-

жаетъ существовать въ Азтланѣ и даже примѣняется къ намъ. Грузовой агентъ, напротивъ, пришелъ въ страшное негодованіе, нисколько не желая, по его словамъ, щеголять „въ рогаткѣ для скота“. Какъ я ни старался доказать ему, что неудобство, которому мы подвергаемся, ничто въ сравненіи съ громадной пользой для археологіи, проистекающей изъ подтвержденія такого любопытнаго историческаго факта, мои слова пропали втунѣ.

— Отстаньте вы отъ меня, профессоръ!—ворчалъ онъ.— Ну, на кой чортъ мнѣ ваши историческіе факты вмѣстѣ съ историческимъ враньемъ?! То и другое вѣчно переплетается между собою. Чего мнѣ хотѣлось бы теперь, такъ это сорвать голову негодяю, нарядившему меня въ деревянный ошейникъ, а я не въ силахъ этого сдѣлать. Да они, пожалуй, скоро повѣсятъ меня за ноги и заткнутъ мнѣ ротъ какой нибудъ дрянью, точно убойному поросенку, а вы и тогда станете убѣждать меня, что это доказываетъ то или другое,—чего никто, кромѣ васъ, не считаетъ вѣроятнымъ,—а потому я долженъ радоваться подобной благодати. Будь онѣ прокляты, эти древности! Онѣ давно набили мнѣ оскомину.—И послѣ такого грубаго заявленія, несомнѣнно доказывавшаго узкость его понятій, Янгъ погрузился въ мрачное молчаніе.

Когда на насъ надѣли колодки, а Рейбёрна уложили въ носилки, принесенныя солдатами, мы услыхали грохотъ барабановъ въ крѣпости, а вслѣдъ затѣмъ размѣренный шагъ марширующихъ полковъ. Заглянувъ въ ворота, мы увидѣли, что къ намъ приближаются стройныя колонны непріятельскаго войска. Впереди ихъ подвигались плѣнные — числомъ отъ трехъ до четырехъсотъ—всѣ въ деревянныхъ ошейникахъ и подъ прикрытіемъ сильнаго караула съ обоихъ фланговъ. Они были размѣщены по степени важности своего званія— несчастные члены совѣта впереди, за ними другіе сановники недолговременнаго правительства, дальше офицеры, а назади простые воины. Тлагуикосовъ между ними не оказалось, изъ чего мы заключили, что тѣ изъ нихъ, которые не были убиты, вѣроятно, взяты подъ стражу и будутъ возвращены или къ своимъ прежнимъ владѣльцамъ, или въ рудники, чтобы по старому томиться въ неволѣ за каторжнымъ трудомъ.

Повидимому, насъ троихъ считали особенно важными

плѣнниками, потому что поставили впереди всѣхъ, не исключая и членовъ совѣта. Такую честь мы бы охотно отклонили, догадываясь, что намъ готовится, вѣроятно, и самая лютая казнь, по обычаю атцековъ. Къ несчастью, въ нашемъ теперешнемъ положеніи нельзя было и помышлять о самостоятельныхъ дѣйствіяхъ, а приходилось только покоряться безъ всякихъ возраженій. Поэтому мы заняли указанное мѣсто и старались, какъ могли, не обнаруживать малодушія, спускаясь къ берегу.

Только нѣсколько перепуганныхъ женщинъ и дѣтей, бросившихся въ сторону при нашемъ приближеніи, оживляли пустынныя улицы города. Изъ многихъ хижинъ доносились стоны несчастныхъ раненыхъ, которые доползли до своихъ убогихъ жилищъ, чтобы умереть у роднаго очага. Въ другомъ мѣстѣ слышались жалобныя причитанія женщинъ надъ покойникомъ. По разнымъ закоулкамъ лежали коченѣющіе трупы въ лужѣ крови; эти люди очевидно доползли сюда, собравъ послѣдній остатокъ силъ. Между тѣмъ, ближе къ берегу замѣчалось большое оживленіе. Солдаты и лодочники толпились на пристани, а озеро пестрѣло судами, на которыхъ непріятельскія войска приплыли изъ Кулхуакана подъ прикрытіемъ ночнаго мрака. Они высадились, какъ мы узнали теперь, въ маленькой бухтѣ, подходившей къ самому мѣсту нашей стоянки. Эта оживленная картина подъ яркими лучами солнца была очень живописна; заливчикъ съ его песчаными низменными берегами, отливавшими золотомъ, невольно ласкалъ взглядъ разнообразіемъ красокъ, а за нимъ разстилалась спокойная гладь дремлющаго озера, терявшаяся вдали, въ сѣроватой дымкѣ тумана.

Но картина оказалась еще оживленнѣе и живописнѣе, когда мы обернулись къ берегу, послѣ того какъ насъ помѣстили на большую баржу, и она, отчаливъ отъ пристани, остановилась невдалекѣ, выжидая, пока другія суда примутъ пассажировъ, чтобы вмѣстѣ отплыть въ Кулхуаканъ. Прямо передъ нашими глазами разстилалась широкая центральная улица города и по ней отъ самой цитадели до пристани двигались войска, медленно спускаясь по крутому склону и часто останавливаясь. У берега ихъ ожидали лодки. Эти люди хотя и были варварами, но смотрѣли молодцами и производили

жаетъ существовать въ Астланѣ и даже примѣняется къ намъ. Грузовой агентъ, напротивъ, пришелъ въ страшное негодованіе, нисколько не желая, по его словамъ, щеголять „въ рогаткѣ для скота“. Какъ я ни старался доказать ему, что неудобство, которому мы подвергаемся, ничто въ сравненіи съ громадной пользой для археологіи, проистекающей изъ подтвержденія такого любопытнаго историческаго факта, мои слова пропали втунѣ.

— Отстаньте вы отъ меня, профессоръ!—ворчалъ онъ.— Ну, на кой чортъ мнѣ ваши историческіе факты вмѣстѣ съ историческимъ враньемъ?! То и другое вѣчно переплетается между собою. Чего мнѣ хотѣлось бы теперь, такъ это сорвать голову негодяю, нарядившему меня въ деревянный ошейникъ, а я не въ силахъ этого сдѣлать. Да они, пожалуй, скоро повѣсятъ меня за ноги и заткнутъ мнѣ ротъ какой нибудъ дрянью, точно убойному поросенку, а вы и тогда станете убѣждать меня, что это доказываетъ то или другое,—чего никто, кромѣ васъ, не считаетъ вѣроятнымъ,—а потому я долженъ радоваться подобной благодати. Будь онѣ прокляты, эти древности! Онѣ давно набили мнѣ оскомину.—И послѣ такого грубаго заявленія, несомнѣнно доказывавшаго узкость его понятій, Янгъ погрузился въ мрачное молчаніе.

Когда на насъ надѣли колодки, а Рейбёрна уложили въ носилки, принесенныя солдатами, мы услыхали грохотъ барабановъ въ крѣпости, а вслѣдъ затѣмъ размѣренный шагъ марширующихъ полковъ. Заглянувъ въ ворота, мы увидѣли, что къ намъ приближаются стройныя колонны непріятельскаго войска. Впереди ихъ подвигались плѣнные — числомъ отъ трехъ до четырехъсотъ—всѣ въ деревянныхъ ошейникахъ и подъ прикрытіемъ сильнаго караула съ обоихъ фланговъ. Они были размѣщены по степени важности своего званія— несчастные члены совѣта впереди, за ними другіе сановники недолговременнаго правительства, дальше офицеры, а назади простые воины. Тлагуикосовъ между ними не оказалось, изъ чего мы заключили, что тѣ изъ нихъ, которые не были убиты, вѣроятно, взяты подъ стражу и будутъ возвращены или къ своимъ прежнимъ владѣльцамъ, или въ рудники, чтобы по старому томиться въ неволѣ за каторжнымъ трудомъ.

Повидимому, насъ троихъ считали особенно важными

терзаній, но здѣсь меня утѣшало то, что онъ самъ искалъ мученической смерти и прибылъ въ Астланъ не по моему настоянію. По крайней мѣрѣ, хоть одна изъ этихъ погибшихъ четырехъ жизней не лежала на моей совѣсти; однако и трехъ жертвъ, пострадавшихъ по моей винѣ, было слишкомъ довольно.

Мы простояли въ бухтѣ около двухъ часовъ, пока происходило размѣщеніе на судахъ возвращавшагося войска и плѣнныхъ; при этомъ наша баржа отъ времени до времени отодвигалась дальше отъ пристани, по мѣрѣ того какъ удлинялась двойная линія лодокъ позади нея. Въ этомъ закрытомъ мѣстѣ не было почти ни малѣйшаго вѣтерка и солнце до того пекло мою больную голову, что я измучился и желалъ умереть, чтобъ избавиться отъ такой невыносимой пытки. Рейбёрнъ съ Янгомъ, судя по ихъ виду, страдали не меньше моего; поэтому намъ стало несравненно легче, когда наша флотилія двинулась наконецъ въ путь.—Болѣе половины арміи осталось въ Гуитциланѣ для водворенія порядка. На открытомъ мѣстѣ насъ освѣжалъ пріятный вѣтерокъ, и мы съ наслажденіемъ дышали прохладнымъ воздухомъ. Вся чарующая панорама живописнаго озера развернулась теперь передъ нами, выступая на фонѣ зеленыхъ луговъ и болѣе темной зелени деревьевъ, покрывавшихъ горные скаты; а еще дальше надъ ними высились утесы, переходившіе изъ нѣжно-сѣраго тона въ темно-коричневый; тамъ и сямъ между ними чернѣли глубокія ущелья. Впрочемъ красота природы не трогала насъ; мы знали, что плывемъ по этимъ голубымъ водамъ, подъ лучами яркаго солнца, въ то мѣсто, гдѣ намъ неминуемо предстоитъ жестокая смерть. И всѣ эти живописныя скалы, обрамлявшія озеро, были для насъ только стѣнами тюрьмы, изъ которой намъ не суждено вырваться живыми. При другихъ обстоятельствахъ, прогулка по озеру была бы настоящимъ наслажденіемъ, но теперь и красота тропической растительности, и улыбающіяся окрестности были намъ ненавистны; въ особенности мы старались не смотрѣть въ ту сторону, гдѣ чернѣла твердыня Кулхуакана—это мрачное гнѣздо жестокихъ варваровъ, жаждавшихъ нашей крови.

XXXII.

Выходка Эль-Сабіо.

Когда мы отплыли на далекое разстояніе отъ города, то слыхали издали вой торжества, которымъ стража надъ воянными воротами привѣтствовала возвращеніе побѣдоносной рміи, увѣдомляя о нашемъ прибытіи жителей столицы. Эти лабые крики, неясно доносившіеся по водѣ, были подхвачены солдатами, возвращавшимися съ нами. Нашей баржѣ редстояло пройти прежде всѣхъ черезъ ворота, откуда мы ыѣзжали такъ недавно, покрытые славой; наконецъ судно ересѣкло внутренній бассейнъ и направилось къ пристани, ткуда нѣсколько дней назадъ мы отплывали съ радужными адеждами на то, что намъ удастся собрать многочисленную оенную силу для народнаго возстанія, пришедшаго теперь ъ такому печальному концу.

Весь берегъ кишилъ народомъ, сбѣжавшимся смотрѣть на ашу высадку; но меня поразило, что тысячная толпа, котоая явилась сюда привѣтствовать армію побѣдителей, не выазывала ни радости, ни оживленія. Правда, пристань оглалась дикимъ воемъ, но это усердствовали преимущественно крецы, солдаты и лодочники, стоявшіе на дамбѣ, а не наодная масса. Когда же насъ вели по городу—по той же лицѣ, по которой въ послѣдній разъ мы пролагали себѣ дорогу оружіемъ,—я замѣтилъ много мрачныхъ и опечаленныхъ ицъ. Мнѣ тотчасъ пришло въ голову, что въ стѣнахъ Кулхуаана, пожалуй, назрѣваетъ новый мятежъ. На этотъ разъ мы е были введены въ домъ, гдѣ впервые встрѣтились съ верховнымъ жрецомъ и откуда насъ освободилъ безстрашный, лагородный Тицокъ; нашу партію заставили обогнуть это илище и подняться на широкую площадку, увѣнчивавшую ородъ, гдѣ стояло обширное зданіе сокровищницы, служившее вмѣстѣ съ тѣмъ и храмомъ наиболѣе чтимыхъ въ Астланѣ рговъ. Я былъ въ такомъ восхищеніи, что мнѣ привелось видать вблизи этотъ замѣчательный образчикъ древняго зодества, которымъ до тѣхъ поръ я могъ любоваться только здали, что на нѣкоторое время забылъ всякій страхъ и горе;

меня волновало одно пламенное желаніе имѣть подъ рукой всѣ нужные инструменты для измѣренія этихъ мощныхъ стѣнъ. Я почти совершенно забылъ о своей неволѣ и грозившей мнѣ жестокой участи, какъ вдругъ жалобный стонъ несчастнаго Рейбёрна, котораго тащили на лѣстницу, напомнилъ мнѣ безотрадную дѣйствительность. „Археологія не обогатится ни на волосъ—сказалъ я самъ себѣ—еслибъ мнѣ и удалось собрать кой-какія свѣдѣнія въ короткій срокъ, отдѣляющій меня отъ могилы". Наружный край верхней площадки, на подобіе нижнихъ террасъ, былъ обнесенъ необыкновенно массивной стѣной изъ квадратныхъ камней, связанныхъ цементомъ; эта стѣна увѣнчивалась громадными камнями, высѣченными въ видѣ змѣиныхъ головъ съ широко раскрытой пастью, что̀ напомнило мнѣ подобную же ограду, найденную испанцами вокругъ главнаго храма въ городѣ Теночтитланѣ, и тутъ мнѣ страшно захотѣлось, чтобъ мой другъ Бандельеѣ находился въ данную минуту со мною и могъ убѣдиться въ вѣрности своей остроумной гипотезы относительно змѣиной стѣны вокругъ великаго Теокали.

Черезъ порталъ, образуемый двумя колоссальными каменными глыбами, высѣченными въ видѣ двухъ змѣй, свернувшихся спиралью, причемъ ихъ головы соприкасались вверху въ видѣ арки (не настоящей арки, потому что каждая изъ этихъ двухъ змѣй была монолитомъ и опиралась на подножіе изъ той же цѣльной глыбы) мы вошли въ широкую ограду передъ храмомъ. Меня очень удивило,—потому что о такихъ вещахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека въ старинныхъ ацтекскихъ грамотахъ,—что въ центрѣ ограды скала была выдолблена такимъ образомъ, что образовала обширный амфитеатръ; здѣсь очевидно приносились жертвы, потому что стоявшій въ центрѣ каменный алтарь былъ обагренъ кровью; мѣстами на немъ присохли даже обрывки мяса; оттуда на насъ пахнуло такимъ запахомъ гнили, что мы почувствовали невыносимую тошноту. Вокругъ всего амфитеатра были высѣчены ступени, вѣроятно, служившія сидѣньями для зрителей, и только какъ разъ противъ портика, передъ самымъ входомъ въ храмъ, былъ устроенъ большой каменный балконъ, а подъ нимъ другой—поменьше. Такимъ образомъ, здѣсь все было приспособлено къ тому, чтобы народъ могъ удобно наслаждаться кровавымъ зрѣли-

цемъ, происходившимъ внизу, подъ его ногами; необъятный амфитеатръ свободно вмѣщалъ въ себѣ не менѣе сорока тысячъ человѣкъ. Подъ балкономъ зіялъ темный проходъ, въ родѣ туннеля; вѣроятно онъ сообщался съ храмомъ. Другой узкій проходъ, ниже человѣческаго роста, велъ подъ гору и выходилъ на нижнюю террасу. Онъ служилъ для стока крови съ арены, а также и воды, въ дождливое время года.

Мы зажали носы, проходя возлѣ этого отвратительнаго мѣста, и были очень рады, когда миновали его и приблизились ко входу въ храмъ. Благородный порталъ этого монументальнаго зданія отличался строгой простотой, придававшей ему необыкновенную величавость, въ которой, какъ и въ общемъ видѣ фасада, сказывался мрачный и грандіозный стиль египетскихъ построекъ, о чемъ я упоминалъ уже не разъ. Отсюда мы вступили въ темную внутренность капища, освѣщеннаго только немногими узкими скважинами въ толстѣйшихъ стѣнахъ; высокій потолокъ поддерживался цѣлымъ лѣсомъ колоннъ, открывавшихъ передъ нами безконечныя перспективы, гдѣ царилъ вѣчный полумракъ.

Когда мы вошли въ это священное для ацтековъ мѣсто, стража благоговѣйно притихла да и меня самого невольно охватило чувство почтенія, какое внушаетъ всякое зданіе, освященное молитвами многихъ тысячъ людей, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Но Янгъ, повидимому, не испытывалъ ничего подобнаго. Внимательно осмотрѣвшись вокругъ, онъ безцеремонно замѣтилъ:—Ну, эта махина не годилась бы для конгрегаціональной церкви. Тутъ нѣтъ ни единой скамьи для молельщиковъ, да, вѣроятно, и при солнечномъ сіяніи ни въ одномъ углу не увидишь даже хоть какого нибудь заваляшаго молитвенника. Какъ вы думаете, профессоръ, что̀ сказали бы здѣшніе жители на предложеніе освѣтить эту темную старую яму электричествомъ? Сверхъ того, можно̀ было бы удалить отсюда холодъ и отвратительную сырость съ помощью пароваго отопленія. А то вѣдь здѣсь какъ разъ наживешь всѣ формы ревматизма. Чувствуете, какъ дуетъ по ногамъ?—Однако разсужденія грузоваго агента были тотчасъ прерваны безцеремоннымъ вмѣшательствомъ одного изъ солдатъ, который не особенно нѣжно зажалъ ему ротъ своей ладонью, краснорѣчиво давая тѣмъ понять, что здѣсь не полагается разговаривать.

Такая рѣшительная репрессалія была тѣмъ болѣе умѣстна, что мы приближались къ задней части храма, гдѣ въ таинственномъ сумракѣ рисовалась фигура громаднаго идола, возсѣдавшаго на тронѣ, въ родѣ алтаря. Она была не меньше десяти футовъ высоты, очень неискусно высѣчена изъ камня и только въ общихъ чертахъ напоминала человѣка; безобразное лицо кумира выражало такое звѣрство, что, вѣроятно, наводило ужасъ на простыхъ людей. Самой удивительной особенностью этой статуи былъ отвратительный черепъ, поддерживаемый двумя громадными руками, которыя выходили изъ поясничной области и торчали тутъ совсѣмъ не кстати, не имѣя ничего общаго съ другою парой рукъ, находившихся на своемъ мѣстѣ. Страшный истуканъ былъ увѣнчанъ двумя змѣиными головами, въ подражаніе рисунку портала, а самыя тѣла обѣихъ змѣй обвивали всю массу статуи. Вмѣсто глазъ, у нея были вставлены блестящіе зеленые камни—настоящіе изумруды, хоть я не разобралъ этого съ перваго взгляда;—золотыя змѣйки, чрезвычайно красиво сдѣланныя, окружали ихъ, а на шеѣ идола висѣло ожерелье изъ золотыхъ сердецъ, сверхъ нагрудника изъ яркозеленыхъ перьевъ. Такія же точно перья торчали надъ змѣиными головами въ видѣ густаго султана; вся фигура была усыпана блестящими предметами—изумрудами, золотыми дисками, кусочками перламутра и осколками агата—сверкавшими въ темнотѣ въ видѣ свѣтлыхъ точекъ. Руки идола были вытянуты впередъ: въ одной изъ нихъ онъ держалъ лукъ, въ другой—связку стрѣлъ; но даже и безъ этихъ несомнѣнныхъ атрибутовъ я тотчасъ узналъ бы по черепу и змѣинымъ головамъ, что сидящій передо мною звѣроподобный отвратительный истуканъ представляетъ бога Гуитцилопохтли: первое и, во все время его кроваваго культа, главное божество, которому поклонялись мексиканцы. Янгъ не осмѣливался больше громко разговаривать въ капищѣ и только шепнулъ мнѣ на ухо съ глубокимъ вздохомъ:—Клянусь честью, профессоръ, это самая отвратительная образина, какую я только видѣлъ!

Мнѣ былъ извѣстенъ обычай ацтековъ приводить своихъ военноплѣнныхъ прежде всего въ капище Гуитцилопохтли, чтобы они, вмѣстѣ со своими побѣдителями, торжественно поклонились ему; поэтому я нисколько не удивился, когда изъ алтаря

вышелъ жрецъ и приказалъ намъ пасть ницъ передъ истуканомъ. Присутствующіе азтланеки немедленно исполнили это приказаніе и поклонились до земли; только Янгъ, не понимавшій ацтекскаго языка, и я, не хотѣвшій подвергаться такому униженію, остались на ногахъ. Но тутъ же двое солдатъ, стоявшихъ сзади, сшибли насъ обоихъ съ ногъ, такъ что мы растянулись во весь ростъ ницъ лицомъ. Что же касается Рейбёрна, то враги, повидимому, удовольствовались его лежачимъ положеніемъ на носилкахъ и не стали безпокоить несчастнаго.

Пока я лежалъ на полу, дрожа отъ негодованія и бѣшенства при мысли, что со мной смѣютъ обращаться такъ грубо и что я, хотя по внѣшности, воздаю божескія почести отвратительному идолу, до моего слуха донеслось странное царапаніе по каменному полу, а потомъ что-то холодное и липкое коснулось моей руки; въ то же время я услыхалъ вблизи себя легкое фырканье. Я начиналъ догадываться, что это значитъ, но не смѣлъ сразу повѣрить неожиданной радости. Между тѣмъ липкій предметъ отсталъ отъ моей руки и вдругъ мрачная тишина храма огласилась оглушительнымъ ослинымъ ревомъ, буквально потрясшимъ стѣны. Это несомнѣнно былъ голосъ друга, радостно привѣтствовавшаго меня; передо мною тотчасъ мелькнула надежда, что Пабло и фра-Антоніо, пожалуй, еще живы. Мое предположеніе тотчасъ подтвердилось; когда мы снова поднялись на ноги, я увидѣлъ шагахъ въ пяти отъ себя своего молодаго слугу, а рядомъ съ нимъ Эль-Сабіо; немного позади ихъ стоялъ монахъ съ сіяющимъ лицомъ. Я не помнилъ себя отъ удивленія и восторга. Мнѣ страшно хотѣлось заговорить съ друзьями, которыхъ я считалъ давно погибшими, разспросить ихъ о томъ, что съ ними происходило и какимъ чудомъ они уцѣлѣли до сихъ поръ; однако церемонія, въ которой участвовали наши побѣдители, далеко еще не кончилась, и, чтобы не нарушать ея торжественности, насъ поставили врозь въ процессіи, формировавшейся тѣмъ временемъ. Тутъ мнѣ опять помогло знакомство съ ацтекскими обычаями: я заранѣе зналъ, что насъ собираются трижды провести вокругъ жертвеннаго камня. И, право, въ ту минуту меня меньше страшила ожидавшая насъ

участь, чѣмъ необходимость приблизиться къ мѣсту, распространявшему такое нестерпимое зловоніе.

На краю амфитеатра, гдѣ этотъ смрадъ становился уже ощутительнымъ, военный караулъ—какъ мнѣ показалось, съ большимъ удовольствіемъ—сдалъ насъ на руки цѣлой ватагѣ жрецовъ, во главѣ которой стоялъ кругленькій, жирный человѣчекъ съ короткими ногами, пыхтѣвшій, какъ паровикъ. Въ немъ не было ровно ничего представительнаго, но онъ старался принять важную осанку, спускаясь по ступенямъ впереди насъ, причемъ ему стоило большаго труда держаться прямо и идти, не переваливаясь, на своихъ коротенькихъ жирныхъ ножкахъ. Я былъ очень радъ, что нелѣпыя подробности церемоніи немного отвлекаютъ наше вниманіе отъ мрачной, зловѣщей обстановки, заставляя забывать даже тошноту, вызываемую нестерпимой вонью, которая все усиливалась. Я замѣтилъ, что у жрецовъ ноздри были заткнуты ватой; намъ же оставалось зажимать ихъ руками.

Эль-Сабіо, обладавшій чувствительнымъ обоняніемъ и широкимъ открытымъ носомъ, котораго онъ не могъ зажать, началъ горячиться, заслышавъ отвратительное зловоніе. Я полагаю, что ему, какъ всѣмъ миролюбивымъ тварямъ, инстинктивно претилъ запахъ крови. Будь возлѣ него Пабло, онъ успокоилъ бы животное ласковыми словами и прикосновеніемъ руки, тогда какъ жрецы, ведшіе ослика въ поводу, не умѣли съ нимъ справиться и только сильнѣе пугали и раздражали его. Внезапная перемѣна въ поведеніи Эль-Сабіо поражала ихъ, такъ какъ они видѣли его ежедневно въ теченіе довольно долгаго промежутка времени и знали образцовое послушаніе нашего любимца; теперь же онъ приходилъ въ настоящее бѣшенство, нарушая порядокъ и торжественность процессіи. Однако имъ удалось, дергая за веревку, обвязанную вокругъ шеи Мудреца, и съ помощью осторожныхъ толчковъ сзади, заставить его спуститься съ лѣстницы на круглую арену въ глубинѣ амфитеатра, въ центрѣ которой стоялъ алтарь и гдѣ запахъ крови становился окончательно невыносимымъ. Тутъ, не смотря на одержанную надъ нимъ побѣду, смирный и благовоспитанный осликъ совсѣмъ отбился отъ рукъ, обезумѣвъ отъ страха и ярости.

Какимъ-то чудомъ—къ счастью для тѣхъ, на кого злопо-

учный Эль-Сабіо смотрѣлъ, какъ на своихъ мучителей,—до ихъ поръ его копыта не нанесли никому вреда; но, спустившись съ послѣдней ступеньки, онъ сдвинулъ вмѣстѣ обѣ заднія ноги и необычайно ловко лягнулъ ими одного изъ жрецовъ, высокаго человѣка, энергично подталкивавшаго бѣдное животное. Ударъ пришелся прямо ему въ животъ; долговязый жрецъ моментально согнулся вдвое, точно складной ножикъ, и упалъ на земь, еле переводя духъ. Мудрецъ тѣмъ временемъ вырвался изъ рукъ державшихъ его людей и началъ производить такое опустошеніе въ рядахъ непріятеля, что, вѣроятно, ни одинъ оселъ не отличался такимъ образомъ съ начала міра. Къ счастью для насъ,—потому что Эль-Сабіо въ данную минуту не былъ въ состояніи различать друзей отъ недруговъ, — мы оставались пока на лѣстницѣ, между тѣмъ какъ бо́льшая часть жрецовъ успѣла уже спуститься внизъ, а бѣдный осликъ шелъ во главѣ плѣнныхъ. Поэтому его бѣшенство обрушилось исключительно на языческое духовенство; любо было смотрѣть, какъ онъ началъ отдѣлывать служителей Гуитцилопохтли (по выраженію Янга). Несчастные находились буквально въ осадномъ положеніи. Громадная толпа стражи и плѣнниковъ заграждала имъ путь на лѣстницу, а подземный ходъ въ капище былъ запертъ; такимъ образомъ, жрецамъ оставалось только единственное средство спастись отъ взбѣсившагося животнаго — именно перепрыгнуть черезъ каменную ограду не менѣе восьми футовъ высоты, окружавшую жертвенный алтарь. Но даже и ловкому человѣку было бы не легко выполнить этотъ гимнастическій фокусъ, для чего требовалось подняться на рукахъ настолько высоко, чтобъ можно было перекинуть черезъ стѣну одну ногу. Между тѣмъ жрецы были большей частью народъ тучный, облѣнившійся и неповоротливый. Едва который нибудь изъ нихъ ухитрялся зацѣпиться руками за верхъ ограды, какъ Эль-Сабіо начиналъ ожесточенно лягать его по болтавшимся ногамъ и ударъ желѣзныхъ подковъ по обнаженнымъ пяткамъ причинялъ такую невыносимую боль, что неловкій акробатъ немедленно летѣлъ внизъ головой на землю. Въ данномъ случаѣ, Мудрецъ проявлялъ какую-то адскую находчивость, не давая ускользнуть ни единой жертвѣ.

Мы съ восторгомъ слѣдили за его подвигами, забавляясь въ душѣ небывалымъ балаганнымъ фарсомъ. Но для жрецовъ это комическое зрѣлище перешло въ настоящую трагедію. Поваливъ ихъ наземь, Эль-Сабіо, какъ бѣшеный, носился по аренѣ и топталъ своихъ распростертыхъ враговъ. Острыя подковы рвали въ кровь ихъ обнаженное тѣло; порой меткіе удары были до того сильны, что мы видѣли, какъ судорожно втягивались ребра жертвъ, а изъ ноздрей у нихъ хлестала фонтаномъ кровь; тогда мы догадывались, что для этихъ людей наступилъ послѣдній часъ. Жестокая расправа совершалась подъ такой оглушительный ревъ и гамъ, что ихъ невозможно описать. Избиваемые жрецы кричали отъ страха, молили о помощи, ревѣли отъ бѣшенства, стонали и взвизгивали. Толпа вокругъ насъ и на верхней площадкѣ вторила имъ, какъ будто изъ предостереженія и сочувствія; впрочемъ, всѣ варвары имѣютъ привычку поднимать вой чисто изъ инстинктивнаго подражанія; стоитъ завыть одному, какъ его голосъ будетъ подхваченъ цѣлымъ хоромъ. Пабло въ свою очередь отчаянно кричалъ, стараясь образумить Эль-Сабіо, изъ боязни жестокой кары своему любимцу. Янгъ подбрасывалъ свою знаменитую шляпу „дерби“ на воздухъ и оралъ:

— Молодецъ, валяй ихъ хорошенько, топчи этихъ толстопузыхъ! Ура! гипъ, гипъ! Ура!—Вскорѣ можно было подумать, что все населеніе Бедлама вырвалось на волю и что мы сами спятили съ ума. Но кому удалось ловко увернуться отъ копытъ Эль-Сабіо, такъ это толстому коротконогому жрецу; я никакъ не ожидалъ отъ него такого проворства. Сначала онъ прятался за спинами товарищей, пока нѣкоторые изъ нихъ не перелѣзли черезъ стѣну, а другіе не были искалѣчены ослиными копытами. Разъ или два онъ порывался протискаться на лѣстницу, но у ея подножія лежало болѣе двѣнадцати человѣкъ тяжело раненыхъ, которые доползли сюда въ надеждѣ какъ нибудь спастись; однако, жрецы, стоявшіе впереди насъ, были настолько безсердечны, что не хотѣли подать помощи своимъ собратьямъ или унести ихъ отсюда, разсчитывая, что за этимъ живымъ барьеромъ они будутъ гораздо безопаснѣе. Наконецъ, когда на аренѣ не осталось больше ни одного человѣка, за кого можно было спрятаться, толстякъ сдѣлалъ послѣднее, по истинѣ геройское уси-

ліе и, не взирая на свой маленькій ростъ, необыкновенную тучность и одышку, подпрыгнулъ и ухватился руками за верхъ ограды. Но подняться на рукахъ у него уже не хватило умѣнья и онъ повисъ лицомъ къ стѣнѣ, судорожно поджимая голыя ноги и пронзительно визжа, насколько позволяла ему одышка.

Можно было подумать, что въ данномъ случаѣ безсловесное животное дѣйствуетъ вполнѣ сознательно. Увидѣвъ жреца въ его безпомощномъ положеніи, Эль-Сабіо занялъ позицію противъ него и открылъ наступательныя дѣйствія. Ревущая толпа невольно притихла, сознавая, какой опасности подвергалась эта послѣдняя жертва ослиной ярости; но вмѣстѣ съ тѣмъ было очевидно, что осликъ не можетъ нанести жрецу смертельной раны. Но вотъ пара маленькихъ копытъ мелькнула въ воздухѣ и раздался глухой, мягкій звукъ, какъ будто кто нибудь ударилъ дубиной по перезрѣлой дынѣ, а вслѣдъ затѣмъ послышался невѣроятно пронзительный, плачевный визгъ. Однако малорослый жрецъ храбро держался за ограду, сознавая, что отъ этого зависитъ его спасеніе. Осликъ лягнулъ опять и снова мы услыхали отчаянный вопль; одна рука толстаго человѣчка оборвалась, но онъ опять ухватился ею за верхъ стѣны; наконецъ, при третьемъ, ударѣ, человѣческая природа не выдержала: жрецъ оборвался и тяжело рухнулъ навзничъ. Тутъ послѣдовалъ блистательный финалъ поединка: Эль-Сабіо ударилъ копытами своего противника и раздробилъ ему черепъ.

Между тѣмъ и самъ побѣдитель до того выбился изъ силъ, что еле держался на ногахъ; жалобный стонъ вырвался изъ его груди и несчастный ошалѣвшій осликъ, натворивъ столько бѣдъ, въ полномъ изнеможеніи упалъ на землю возлѣ убитаго имъ человѣка.

XXXIII.

Въ сокровищницѣ ацтековъ.

Изнуренный припадкомъ бѣшенства, Эль-Сабіо лежалъ въ полномъ изнеможеніи, но и тутъ ацтланеки, какъ солдаты, такъ и жрецы, не смѣли къ нему приступиться; суевѣрные

дикари были убѣждены, что въ Эль-Сабіо вселился злой духъ самаго опаснаго свойства. Поэтому они охотно позволили ... было подойти къ бѣдному ослу, а когда мальчикъ сталъ просить помощи, чтобы вынести запыхавшееся животное изъ амфитеатра, подальше отъ убитыхъ, раненыхъ и нестерпимаго зловонія, то меня съ Янгомъ протолкнули впередъ, приказывая взяться за это дѣло, которое страшило даже самыхъ храбрыхъ.

Ихъ боязнь была тѣмъ забавнѣе, что Эль-Сабіо не могъ стоять на ногахъ, а ужь тѣмъ менѣе лягаться. Намъ стоило большаго труда поднять его съ земли и внести по крутымъ ступенямъ, такъ какъ оба мы были обезсилены своими ранами, но Пабло усердно помогалъ намъ и вскорѣ мы вынесли несчастное животное на чистый воздухъ, гдѣ дулъ пріятный свѣжій вѣтерокъ; одинъ изъ солдатъ немедленно принесъ воды по просьбѣ моего слуги и нашъ Мудрецъ началъ по немногу оживать. Сначала меня удивило, что азтланеки не убили его въ наказаніе за такую массу надѣланныхъ имъ бѣдъ; между тѣмъ, изъ разговоровъ,—происходившихъ вокругъ, пока Пабло ухаживалъ за осликомъ, а внизу солдаты убирали мертвыхъ и оказывали помощь раненымъ,—мнѣ стало ясно, что никто не смѣлъ убить Эль-Сабіо изъ боязни, что злой духъ, которымъ одержимъ оселъ, переселится въ него самого. Я поспѣшилъ поддержать это заблужденіе и совершенно серьезно сказалъ одному изъ жрецовъ, что мнѣ случилось однажды быть свидѣтелемъ, какъ одинъ человѣкъ пришелъ самъ въ неистовое бѣшенство, послѣ того какъ убилъ взбѣсившееся животное, и такимъ образомъ выпустилъ на свободу сидѣвшаго въ немъ злаго духа. Эта исторія тотчасъ распространилась въ толпѣ, и я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что Эль-Сабіо сталъ внушать азтланекамъ еще бо́льшій ужасъ. Они даже не думали закончить тріумфальной церемоніи, неожиданно прерванной кровавымъ побоищемъ; да и смѣшно было бы продолжать ее, послѣ того какъ Мудрецъ обратилъ побѣдителей въ побѣжденныхъ. Наконецъ, насъ окружили конвоемъ солдатъ; Пабло было приказано вести оправившагося осла, а мнѣ съ Янгомъ слѣдовать за нимъ, ради предотвращенія новой катастрофы. Въ такомъ порядкѣ мы опять вступили въ храмъ. На этотъ разъ наши провожатые не останавливались перед

колоссальнымъ идоломъ, а провели насъ къ задней стѣнѣ зданія, гдѣ находился другой выходъ во внутренній дворъ; на его дальнемъ концѣ, какъ намъ было извѣстно изъ разсказовъ Тицока, стояла сокровищница съ несмѣтными богатствами царя Чальзанцина, которыя постоянно увеличивались въ позднѣйшія времена, благодаря громадному количеству золота, добываемаго въ рудникахъ Азтлана.

У выхода, запиравшагося металлической рѣшеткой, а сверхъ нея задернутаго тяжелой занавѣсью, солдаты по всей формѣ передали насъ толпѣ жрецовъ; послѣ того занавѣсъ былъ отдернутъ, рѣшетка поднята и мы вышли на божій свѣтъ. Тутъ передъ нами открылось зданіе, такъ долго служившее предметомъ нашихъ пламенныхъ мечтаній; оно было не высоко, всего въ одинъ этажъ, и окружено отвѣсными утесами, которые поднимались какъ будто до самаго неба; впрочемъ сокровищница отличалась необыкновенной массивностью постройки и оказалась гораздо обширнѣе внутри, чѣмъ можно было ожидать по ея наружному виду. Когда мы вошли туда черезъ узкій проходъ, также запиравшійся металлической рѣшеткой, то увидали передъ собою громадную комнату, часть которой очевидно была вырублена въ скалѣ. Съ перваго взгляда было замѣтно, что и дальше этой комнаты находилось свободное пространство, также вырубленное въ скалѣ, потому что въ задней стѣнѣ чернѣло отверстіе, представлявшее, вѣроятно, входъ въ глубокую пещеру.

Жрецы повели насъ именно въ ту сторону. Передъ нами опять была поднята рѣшетка и мы вступили въ узкій коридоръ, гдѣ по обѣимъ сторонамъ виднѣлись входы въ маленькія комнаты, похожія на кельи. Противъ нашего ожиданія здѣсь было довольно свѣтло, благодаря узкимъ окошкамъ, пробитымъ въ наружной стѣнѣ утеса, такъ что мы свободно могли осмотрѣться вокругъ. Еслибъ не эти полоски свѣта, мы, пожалуй, сошли бы съ ума въ нашей темницѣ, вырубленной въ самыхъ нѣдрахъ горы, откуда намъ не представлялось возможности уйти, только одна смерть могла освободить насъ отсюда. Въ концѣ коридора находилась комната, также вырубленная въ скалѣ, приблизительно въ тридцать квадратныхъ футовъ высоты; ея тщательно выровненныя стѣны были покрыты золотыми пластинками, ниспадавшими

одна на другую въ видѣ рыбьей чешуи, а на потолкѣ виднѣлось отверстіе, откуда падалъ слабый свѣтъ, заставлявшій блестѣть покрытыя золотомъ стѣны. Тутъ, очевидно, была молельня, потому что посреди нея возвышалась статуя бога Гуитцилопохтли, менѣе крупныхъ размѣровъ, чѣмъ въ храмѣ, но украшенная съ еще бо̀льшимъ великолѣпіемъ; насъ опять сшибли съ ногъ, заставляя пасть ницъ передъ отвратительнымъ истуканомъ. Послѣ этой церемоніи, мы были снова введены въ коридоръ и водворены въ двухъ тѣсныхъ кельяхъ, снабженныхъ циновками вмѣсто постелей; затѣмъ наши провожатые вышли, предоставивъ насъ самимъ себѣ; минуту спустя, мы услыхали зловѣщій скрипъ рѣшетки, опускавшейся за ними; этотъ непріятный звукъ гулко отдался въ скалистыхъ стѣнахъ, куда насъ заточили.

Нѣсколько времени мы стояли въ грустномъ молчаніи возлѣ носилокъ, на которыхъ лежалъ Рейбёрнъ; онъ былъ очень блѣденъ и слабъ послѣ страшной потери крови, сильной усталости, нравственныхъ страданій и волненій послѣднихъ часовъ. Пабло помѣстился съ Эль-Сабіо въ одной изъ каморокъ на противоположной сторонѣ коридора:—намъ предоставили устраиваться въ нашемъ заточеніи, какъ мы желаемъ. Тутъ мальчикъ принялся бесѣдовать со своимъ осломъ, обнаруживая такую наивность, что въ другое время мы похохотали бы надъ нимъ отъ души; онъ то укорялъ животное за его неосмотрительность, то восхищался храбростью своего друга и выражалъ боязнь, что Эль-Сабіо постигнетъ жестокая кара. Но на первомъ планѣ у него стояли пламенныя увѣренія въ любви и, насколько мы могли судить, Мудрецъ отвѣчалъ на нихъ взаимностью.

— Ну, что же мы стоимъ безъ дѣла?—сказалъ наконецъ Янгъ.—Отсюда, кажется, нечего и думать вырваться на свободу, но все же надо посмотрѣть, что̀ тутъ есть. Падре слѣдовало бы перевязать ногу Рейбёрна, а пока онъ будетъ съ нимъ возиться, мы съ вами, профессоръ, сдѣлаемъ обходъ. Вѣдь это и есть сокровищница ацтековъ; нужно же ее немного обревизовать; впрочемъ, прозакладую свою шляпу, что здѣсь нѣтъ никакихъ сокровищъ!

Я былъ радъ чѣмъ нибудь развлечься отъ тяжелыхъ думъ, а потому охотно принялъ предложеніе товарища, убѣдившись

колоссальнымъ идоломъ, а провели насъ къ задней стѣнѣ зданія, гдѣ находился другой выходъ во внутренній дворъ; на его дальнемъ концѣ, какъ намъ было извѣстно изъ разсказовъ Тицока, стояла сокровищница съ несмѣтными богатствами царя Чальзанцина, которыя постоянно увеличивались въ позднѣйшія времена, благодаря громадному количеству золота, добываемаго въ рудникахъ Аэтлана.

У выхода, запиравшагося металлической рѣшеткой, а сверхъ нея задернутаго тяжелой занавѣсью, солдаты по всей формѣ передали насъ толпѣ жрецовъ; послѣ того занавѣсъ былъ отдернутъ, рѣшетка поднята и мы вышли на божій свѣтъ. Тутъ передъ нами открылось зданіе, такъ долго служившее предметомъ нашихъ пламенныхъ мечтаній; оно было не высоко, всего въ одинъ этажъ, и окружено отвѣсными утесами, которые поднимались какъ будто до самаго неба; впрочемъ сокровищница отличалась необыкновенной массивностью постройки и оказалась гораздо обширнѣе внутри, чѣмъ можно было ожидать по ея наружному виду. Когда мы вошли туда черезъ узкій проходъ, также запиравшійся металлической рѣшеткой, то увидали передъ собою громадную комнату, часть которой очевидно была вырублена въ скалѣ. Съ перваго взгляда было замѣтно, что и дальше этой комнаты находилось свободное пространство, также вырубленное въ скалѣ, потому что въ задней стѣнѣ чернѣло отверстіе, представлявшее, вѣроятно, входъ въ глубокую пещеру.

Жрецы повели насъ именно въ ту сторону. Передъ нами опять была поднята рѣшетка и мы вступили въ узкій коридоръ, гдѣ по обѣимъ сторонамъ виднѣлись входы въ маленькія комнаты, похожія на кельи. Противъ нашего ожиданія здѣсь было довольно свѣтло, благодаря узкимъ окошкамъ, пробитымъ въ наружной стѣнѣ утеса, такъ что мы свободно могли осмотрѣться вокругъ. Еслибъ не эти полоски свѣта, мы, пожалуй, сошли бы съ ума въ нашей темницѣ, вырубленной въ самыхъ нѣдрахъ горы, откуда намъ не представлялось возможности уйти, только одна смерть могла освободить насъ отсюда. Въ концѣ коридора находилась комната, также вырубленная въ скалѣ, приблизительно въ тридцать квадратныхъ футовъ высоты; ея тщательно выровненныя стѣны были покрыты золотыми пластинками, ниспадавшими

себѣ въ голову воспользоваться ими. Всѣ эти мѣсяцы я только и думалъ о нихъ наяву и грезилъ ими во снѣ. И вотъ только въ настоящую минуту, когда мы въ самомъ дѣлѣ нашли ихъ, мою глупую башку посѣтила мысль, что я собственно не имѣю на нихъ никакого права! Ахъ, выручайте меня, пожалуйста, назовите послѣднимъ, ничтожнымъ, безмозглымъ дуракомъ!

Слова Янга не разсмѣшили меня на этотъ разъ; напротивъ, мнѣ хотѣлось теперь заплакать. Товарищъ напомнилъ мнѣ, насколько я виноватъ передъ нимъ, соблазнивъ его перспективой колоссальнаго обогащенія въ таинственной долинѣ, гдѣ его ожидала не сегодня-завтра лютая смерть. Вмѣстѣ съ легковѣрнымъ Янгомъ, я погубилъ Рейбёрна; что же касается Пабло, то моя вина передъ нимъ не имѣла никакихъ оправданій. Къ счастью, они всѣ трое не думали упрекать меня за мое легкомысліе, но ихъ кротость, пожалуй, еще больнѣе растравляла мою сердечную рану. Поэтому я почувствовалъ нѣкоторое облегченіе, когда, вернувшись къ остальной компаніи, услыхалъ, какъ фра-Антоніо успокоивалъ Рейбёрна тономъ глубокаго, непоколебимаго убѣжденія. Онъ толковалъ ему о духовныхъ благахъ, которыя несравненно лучше и выше матерьяльныхъ, потому что послѣднія не могутъ утѣшить насъ въ минуты тяжелыхъ испытаній, тогда какъ духовныя блага одни могутъ поддержать человѣка на его грустномъ земномъ поприщѣ и спасти отъ отчаянія на краю гибели. Прислушиваясь къ этимъ утѣшительнымъ рѣчамъ, я немного успокоился самъ и почувствовалъ въ себѣ новую силу, тогда какъ за минуту передъ тѣмъ изнемогалъ подъ бременемъ своихъ напрасныхъ сожалѣній. Вскорѣ фра-Антоніо перешелъ къ другому предмету, потому что избѣгалъ многословія, поднимая какой нибудь религіозный вопросъ; зато его наставленія были такъ метки и краснорѣчивы, что невольно западали въ душу, не смотря на ихъ краткость. Теперь францисканецъ сталъ разсказывать намъ о томъ, что происходило съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ потихоньку ушелъ на разсвѣтѣ изъ лагеря инсургентовъ.

Впрочемъ, у него не было никакихъ особенныхъ приключеній. Завидѣвъ его лодку на озерѣ, аztланеки узнали монаха и отворили передъ нимъ ворота; съ пристани фра-Антоніо провели прямо въ то зданіе, гдѣ мы были заключены

въ день нашего прибытія въ Кулхуаканъ. Тамъ онъ оставался въ неволѣ, пока не былъ приведенъ въ храмъ, чтобы участвовать въ тріумфальномъ шествіи на церемоніи, такъ неожиданно прерванной трагическимъ вмѣшательствомъ Эль-Сабіо. Францисканецъ ни разу не видалъ верховнаго жреца и даже не получилъ отвѣта на свою настоятельную просьбу отпустить съ миромъ насъ троихъ изъ долины, такъ какъ онъ исполнилъ требованіе Итцакоатля и добровольно отдался ему въ руки; но молчаніе деспота было понятно, послѣ храбраго вызова со стороны тлагуикосовъ, которые, къ несчастью, оказались на дѣлѣ низкими трусами.

Въ недолгій періодъ своего заключенія, фра-Антоніо не говорилъ ни съ кѣмъ, исключая одного человѣка, приносившаго ему питье и пищу. Но и эти непродолжительные разговоры подали молодому миссіонеру надежду, что еслибы онъ могъ обратиться со своей проповѣдью прямо къ народу, какъ дѣлалъ въ Гуитциланѣ, то цѣль его прибытія сюда была бы достигнута. Хотя тюремщикъ фра-Антоніо и былъ жрецомъ при храмѣ, но онъ съ большимъ интересомъ и сочувствіемъ вникалъ въ сущность христіанской доктрины, изъявляя радостную готовность отказаться отъ заблужденій идолопоклонства ради новой вѣры, которая оказывалась несравненно чище и благороднѣе. Онъ говорилъ миссіонеру, что его товарищи, служащіе при храмѣ, уже слышали кое-что о новой религіи отъ перебѣжчиковъ изъ Гуитцилана и хотѣли бы узнать о ней побольше; такимъ образомъ, по словамъ фра-Антоніо, здѣсь была, повидимому, плодородная нива, которая обѣщала вскорѣ принести богатую жатву для христіанства. Поэтому монахъ пламенно желалъ имѣть случай открыто обратиться къ народу со своею проповѣдью. Далѣе онъ прибавилъ, что еслибъ его рѣчь сопровождалась какимъ нибудь знаменіемъ съ неба, то онъ обратилъ бы въ христіанство всю здѣшнюю общину, которая не по своей винѣ до сихъ поръ погибала въ грѣхѣ язычества.

Мы съ Рейбёрномъ переглянулись, когда фра-Антоніо упомянулъ о знаменіи съ неба, потому что, по нашимъ понятіямъ, время чудесъ давно миновало, но фра-Антоніо не соглашался съ нами въ этомъ отношеніи и его вѣра въ чудеса была вполнѣ логична.—Иначе—говорилъ онъ—человѣчеству

себѣ въ голову воспользоваться ими. Всѣ эти мѣсяцы я только и думалъ о нихъ наяву и грезилъ ими во снѣ. И вотъ только въ настоящую минуту, когда мы въ самомъ дѣлѣ нашли ихъ, мою глупую башку посѣтила мысль, что я собственно не имѣю на нихъ никакого права! Ахъ, выручайте меня, пожалуйста, назовите послѣднимъ, ничтожнымъ, безмозглымъ дуракомъ!

Слова Янга не разсмѣшили меня на этотъ разъ; напротивъ, мнѣ хотѣлось теперь заплакать. Товарищъ напомнилъ мнѣ, насколько я виноватъ передъ нимъ, соблазнивъ его перспективой колоссальнаго обогащенія въ таинственной долинѣ, гдѣ его ожидала не сегодня-завтра лютая смерть. Вмѣстѣ съ легковѣрнымъ Янгомъ, я погубилъ Рейбёрна; что же касается Пабло, то моя вина передъ нимъ не имѣла никакихъ оправданій. Къ счастью, они всѣ трое не думали упрекать меня за мое легкомысліе, но ихъ кротость, пожалуй, еще больнѣе растравляла мою сердечную рану. Поэтому я почувствовалъ нѣкоторое облегченіе, когда, вернувшись къ остальной компаніи, услыхалъ, какъ фра-Антоніо успокоивалъ Рейбёрна тономъ глубокаго, непоколебимаго убѣжденія. Онъ толковалъ ему о духовныхъ благахъ, которыя несравненно лучше и выше матерьяльныхъ, потому что послѣднія не могутъ утѣшить насъ въ минуты тяжелыхъ испытаній, тогда какъ духовныя блага одни могутъ поддержать человѣка на его грустномъ земномъ поприщѣ и спасти отъ отчаянія на краю гибели. Прислушиваясь къ этимъ утѣшительнымъ рѣчамъ, я немного успокоился самъ и почувствовалъ въ себѣ новую силу, тогда какъ за минуту передъ тѣмъ изнемогалъ подъ бременемъ своихъ напрасныхъ сожалѣній. Вскорѣ фра-Антоніо перешелъ къ другому предмету, потому что избѣгалъ многословія, поднимая какой нибудь религіозный вопросъ; зато его наставленія были такъ метки и краснорѣчивы, что невольно западали въ душу, не смотря на ихъ краткость. Теперь францисканецъ сталъ разсказывать намъ о томъ, что происходило съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ потихоньку ушелъ на разсвѣтѣ изъ лагеря инсургентовъ.

Впрочемъ, у него не было никакихъ особенныхъ приключеній. Завидѣвъ его лодку на озерѣ, азтланеки узнали монаха и отворили передъ нимъ ворота; съ пристани фра-Антоніо провели прямо въ то зданіе, гдѣ мы были заключены

въ день нашего прибытія въ Кулхуаканъ. Тамъ онъ оставался въ неволѣ, пока не былъ приведенъ въ храмъ, чтобы участвовать въ тріумфальномъ шествіи на церемоніи, такъ неожиданно прерванной трагическимъ вмѣшательствомъ Эль-Сабіо. Францисканецъ ни разу не видалъ верховнаго жреца и даже не получилъ отвѣта на свою настоятельную просьбу отпустить съ миромъ насъ троихъ изъ долины, такъ какъ онъ исполнилъ требованіе Итцакоатля и добровольно отдался ему въ руки; но молчаніе деспота было понятно, послѣ храбраго вызова со стороны тлагуикосовъ, которые, къ несчастью, оказались на дѣлѣ низкими трусами.

Въ недолгій періодъ своего заключенія, фра-Антоніо не говорилъ ни съ кѣмъ, исключая одного человѣка, приносившаго ему питье и пищу. Но и эти непродолжительные разговоры подали молодому миссіонеру надежду, что еслибы онъ могъ обратиться со своей проповѣдью прямо къ народу, какъ дѣлалъ въ Гуитциланѣ, то цѣль его прибытія сюда была бы достигнута. Хотя тюремщикъ фра-Антоніо и былъ жрецомъ при храмѣ, но онъ съ большимъ интересомъ и сочувствіемъ вникалъ въ сущность христіанской доктрины, изъявляя радостную готовность отказаться отъ заблужденій идолопоклонства ради новой вѣры, которая оказывалась несравненно чище и благороднѣе. Онъ говорилъ миссіонеру, что его товарищи, служащіе при храмѣ, уже слышали кое-что о новой религіи отъ перебѣжчиковъ изъ Гуитцилана и хотѣли бы узнать о ней побольше; такимъ образомъ, по словамъ фра-Антоніо, здѣсь была, повидимому, плодородная нива, которая обѣщала вскорѣ принести богатую жатву для христіанства. Поэтому монахъ пламенно желалъ имѣть случай открыто обратиться къ народу со своею проповѣдью. Далѣе онъ прибавилъ, что еслибъ его рѣчь сопровождалась какимъ нибудь знаменіемъ съ неба, то онъ обратилъ бы въ христіанство всю здѣшнюю общину, которая не по своей винѣ до сихъ поръ погибала въ грѣхѣ язычества.

Мы съ Рейбёрномъ переглянулись, когда фра-Антоніо упомянулъ о знаменіи съ неба, потому что, по нашимъ понятіямъ, время чудесъ давно миновало, но фра-Антоніо не соглашался съ нами въ этомъ отношеніи и его вѣра въ чудеса была вполнѣ логична.—Иначе—говорилъ онъ—человѣчеству

чены, и проводилъ здѣсь иногда по цѣлому мѣсяцу, вдали отъ своего народа, безъ пищи и питья. Итцакоатль увѣрялъ своихъ подданныхъ, что въ это время онъ находится въ непосредственномъ общеніи съ богами.

Между тѣмъ, всѣ мои разпросы относительно несмѣтныхъ богатствъ, собранныхъ здѣсь царемъ Чальтзанциномъ, не привели ни къ чему. Старикъ-архиваріусъ, не смотря на свое привилегированное положеніе и страстную любовь къ древностямъ, зналъ о царскихъ сокровищахъ также мало, какъ я самъ. Онъ уже не разъ осматривалъ каждую комнату въ сокровищницѣ, но не нашелъ ни малѣйшаго слѣда этого древняго клада, о которомъ въ народѣ сохранилось только неясное преданіе. Отсюда онъ заключилъ, что если несмѣтныя богатства и находились когда нибудь въ Кулхуаканѣ, то были давно растрачены. Конечно, открытіе клада, при настоящихъ безнадежныхъ обстоятельствахъ, только удовлетворило бы мое любопытство, не принеся никакой существенной пользы, и съ моей стороны было крайней нелѣпостью печалиться о томъ, что я не достигъ своей цѣли. Однако, сознаюсь откровенно, въ это тяжелое время, мысль о моихъ неудавшихся археологическихъ изысканіяхъ жестоко мучила меня. Мнѣ было такъ больно сознаться, что мое предпріятіе, начатое и продолжавшееся такъ удачно, было основано на чистомъ заблужденіи съ начала до конца.

XXXIV.

Мученическій вѣнецъ.

Медленно и безотрадно тянулись дни въ стѣнахъ нашей темницы, вырубленной въ самыхъ нѣдрахъ горы, и, по мѣрѣ того какъ проходило время, на насъ надвинулось новое горе, болѣе тяжкое, чѣмъ неопредѣленный страхъ передъ грозившей намъ смертью. Рана Рейбёрна, нанесенная зубчатымъ остріемъ маккагуитла, представляла большую опасность съ самаго начала; продолжительный переѣздъ черезъ озеро подъ палящими лучами солнца вызвалъ въ ней воспаленіе, а дальнѣйшая переноска раненаго и волненіе, причиненное ему

жестокой расправой Эль-Сабіо съ нашими непріятелями у жертвеннаго камня, окончательно ухудшили дѣло. Даже искусный уходъ фра-Антоніо только поддерживалъ слабыя силы больнаго во время страшныхъ приступовъ горячки, не принося ему существеннаго облегченія; когда же горячка миновала, силы Рейбёрна стали падать съ каждымъ днемъ. Грустно было видѣть этого человѣка, еще такъ недавно служившаго воплощеніемъ гордой мощи, до того ослабѣвшимъ, что онъ не могъ двинуться безъ помощи фра-Антоніо; его болѣзненные стоны и жалобы надрывали намъ сердце. Рейбёрнъ умолялъ насъ вынести его на солнце, дать ему вздохнуть свѣжимъ воздухомъ. По словамъ фра-Антоніо, постоянный мракъ и нездоровая атмосфера нашей тюрьмы настолько же изнуряли силы больнаго, насколько и самая болѣзнь. Дѣйствительно, въ его каморкѣ было сыро; наступилъ періодъ дождей, и по ночамъ мы страдали отъ холода; кромѣ того, скалистая гора постоянно содрогалась отъ ударовъ грома, оглушительно рокотавшаго надъ ея вершиной.

Однажды, когда Рейбёрну было особенно плохо, Янгъ отозвалъ меня въ молельню съ очевиднымъ намѣреніемъ облегчить передо мной свою душу.

— Послушайте, профессоръ,—началъ онъ, оставшись со мной наединѣ, — я, право, не могу больше выносить этой пытки. Пошлю-ка я, знаете, челобитную къ верховному жрецу, пускай онъ поскорѣе казнитъ меня, съ тѣмъ условіемъ, чтобы Рейбёрнъ былъ перенесенъ изъ этой мокрой ямы въ болѣе удобное мѣсто, гдѣ онъ можетъ по утрамъ видѣть солнце и пользоваться свѣжимъ воздухомъ! Когда онъ выздоровѣетъ, то не струситъ передъ казнью; онъ не такой человѣкъ, чтобы чего нибудь испугаться, когда у него все въ порядкѣ. Но это адская жестокость—убивать его такимъ образомъ день за днемъ! Такъ не поступаютъ даже съ собакой. Право, я похлопочу за него. Семи смертямъ не бывать, одной не миновать; вѣдь я только немного ускорю свой конецъ, вотъ и все.

Довольно странно, что подобная же мысль съ нѣкотораго времени приходила и мнѣ, но я разсчитывалъ извлечь болѣе пользы изъ своего самопожертвованія. Я также хотѣлъ настаивать на своей немедленной казни, съ тѣмъ условіемъ, что-

бы моимъ друзьямъ была предоставлена свобода, какою можетъ воспользоваться человѣкъ въ этой долинѣ, опоясанной неприступными горами по сю сторону загражденнаго прохода. Поэтому, когда Янгъ заговорилъ о своемъ проэктѣ, я въ свою очередь открылся ему и даже сталъ доказывать, что мнѣ принадлежитъ право осуществить задуманный планъ, такъ какъ я первый напалъ на него; вѣдь это я самъ завлекъ своихъ друзей, исключая фра-Антоніо, въ злополучную долину Азтлана. Но Янгъ отвергалъ мои настоянія и мы даже поспорили съ нимъ, причемъ онъ сильно горячился, такъ какъ по своему упрямству не терпѣлъ противорѣчія.

Не знаю, чѣмъ окончился бы нашъ споръ, потому что онъ былъ внезапно прерванъ самымъ неожиданнымъ образомъ; пока мы съ Янгомъ только думали, другая, болѣе сильная воля, руководимая болѣе проницательнымъ и тонкимъ умомъ, направила событія по своему собственному усмотрѣнію, и теперь намъ обоимъ оставалось только покориться ихъ неизбѣжному ходу. Все, случившееся послѣ этого въ продолженіе одного или двухъ часовъ, совершилось съ такой внезапностью, что казалось какимъ-то ужаснымъ сномъ. Сначала мы догадались, по скрипу рѣшетки у входныхъ дверей, что намъ предстоитъ что-то необычное, нарушавшее монотонное однообразіе нашей тюремной жизни. Выбѣжавъ изъ молельни въ длинный коридоръ, мы увидали приближавшійся къ намъ отрядъ воиновъ, впереди которыхъ шелъ жрецъ. Фра-Антоніо съ Пабло, заслышавъ стукъ у входа и тяжелые шаги, также выбѣжали въ коридоръ; на лицѣ мальчика выражалось тревожное удивленіе, но францисканецъ сохранилъ свое обычное спокойствіе и, повидимому, только ожидалъ чего-то. Наконецъ онъ съ нетерпѣніемъ спросилъ:—Такъ это рѣшено?

— Рѣшено,—отвѣчалъ жрецъ, и мнѣ показалось, что въ его чертахъ было написано глубокое горе; по крайней мѣрѣ, тонъ отвѣта звучалъ печалью. Впрочемъ, здѣсь не было ничего страннаго, такъ какъ этотъ человѣкъ оказался первымъ тюремщикомъ фра-Антоніо, охотно слушавшимъ проповѣдь миссіонера.

Между тѣмъ лицо молодаго монаха просіяло при словахъ жреца; онъ торопливо отвелъ насъ отъ комнаты Рейбёрна и въ радостномъ волненіи сказалъ:—Верховный жрецъ испол-

жестокой расправой Эль-Сабіо съ нашими непріятелями у жертвеннаго камня, окончательно ухудшили дѣло. Даже искусный уходъ фра-Антоніо только поддерживалъ слабыя силы больнаго во время страшныхъ приступовъ горячки, не принося ему существеннаго облегченія; когда же горячка миновала, силы Рейбёрна стали падать съ каждымъ днемъ. Грустно было видѣть этого человѣка, еще такъ недавно служившаго воплощеніемъ гордой мощи, до того ослабѣвшимъ, что онъ не могъ двинуться безъ помощи фра-Антоніо; его болѣзненные стоны и жалобы надрывали намъ сердце. Рейбёрнъ умолялъ насъ вынести его на солнце, дать ему вздохнуть свѣжимъ воздухомъ. По словамъ фра-Антоніо, постоянный мракъ и нездоровая атмосфера нашей тюрьмы настолько же изнуряли силы больнаго, насколько и самая болѣзнь. Дѣйствительно, въ его каморкѣ было сыро; наступилъ періодъ дождей, и по ночамъ мы страдали отъ холода; кромѣ того, скалистая гора постоянно содрогалась отъ ударовъ грома, оглушительно рокотавшаго надъ ея вершиной.

Однажды, когда Рейбёрну было особенно плохо, Янгъ отозвалъ меня въ молельню съ очевиднымъ намѣреніемъ облегчить передо мной свою душу.

— Послушайте, профессоръ,—началъ онъ, оставшись со мной наединѣ, — я, право, не могу больше выносить этой пытки. Пошлю-ка я, знаете, челобитную къ верховному жрецу, пускай онъ поскорѣе казнитъ меня, съ тѣмъ условіемъ, чтобы Рейбёрнъ былъ перенесенъ изъ этой мокрой ямы въ болѣе удобное мѣсто, гдѣ онъ можетъ по утрамъ видѣть солнце и пользоваться свѣжимъ воздухомъ! Когда онъ выздоровѣетъ, то не струситъ передъ казнью; онъ не такой человѣкъ, чтобы чего нибудь испугаться, когда у него все въ порядкѣ. Но это адская жестокость—убивать его такимъ образомъ день за днемъ! Такъ не поступаютъ даже съ собакой. Право, я похлопочу за него. Семи смертямъ не бывать, одной не миновать; вѣдь я только немного ускорю свой конецъ, вотъ и все.

Довольно странно, что подобная же мысль съ нѣкотораго времени приходила и мнѣ, но я разсчитывалъ извлечь болѣе пользы изъ своего самопожертвованія. Я также хотѣлъ настаивать на своей немедленной казни, съ тѣмъ условіемъ, что-

Шумъ, напоминавшій издали пчелиное жужжаніе, становился все громче, по мѣрѣ того какъ мы подвигались впередъ, а когда мы вышли на площадку передъ храмомъ, онъ принялъ такіе размѣры, точно передъ нами бушевалъ цѣлый океанъ. Это былъ громкій, нетерпѣливый говоръ многотысячной толпы, унизывавшей рядами скамьи амфитеатра. Наше появленіе вызвало дикіе крики радости; толпа ликовала и бѣсновалась, спѣша насладиться кровавымъ зрѣлищемъ. Подъ эти звѣрскія завыванія, насъ ввели на какое-то подобіе балкона, грубо сложеннаго изъ камня и помѣщавшагося на самомъ краю амфитеатра. Какъ разъ позади него, но выше, помѣщался другой, болѣе обширный балконъ съ роскошными каменными украшеніями; онъ былъ покрытъ балдахиномъ изъ пестрыхъ тканей, а въ центрѣ его находилось возвышенное сидѣніе, въ родѣ трона. Выведенные на балконъ, мы снова вызвали бурю дикихъ криковъ, которая моментально стихла и смѣнилась благоговѣйнымъ молчаніемъ, когда народъ увидалъ, что на балконъ, позади насъ, вышелъ самъ верховный жрецъ, въ сопровожденіи другихъ младшихъ жрецовъ, и съ важностью занялъ мѣсто на тронѣ.

Но вслѣдъ затѣмъ амфитеатръ опять огласился криками и завываніями; толпа яростно ревѣла, завидѣвъ фра-Антоніо, который показался изъ подземнаго прохода подъ нашимъ балкономъ; солдаты немедленно подхватили его подъ мышки и поставили на жертвенный камень въ виду собравшихся зрителей. Я удивился, увидавъ, что ему сопутствовалъ всего только одинъ воинъ и ждалъ жрецовъ; однако они медлили приблизиться къ обреченной жертвѣ. Впрочемъ, эта загадка скоро объяснилась, и у меня стало какъ будто легче на душѣ, когда изъ подземнаго прохода, подъ конвоемъ четырехъ солдатъ, выступилъ индѣецъ атлетическаго сложенія съ желѣзными мускулами, рѣзко выступавшими на его корпусѣ, рукахъ и ногахъ; за нимъ слѣдовало шестеро такихъ же силачей. Теперь я понялъ, что фра-Антоніо не былъ обреченъ на жестокую, медленную смерть подъ жертвеннымъ ножемъ, но—согласно ацтекскому обычаю — могъ спасти свою жизнь и получить свободу, если ему посчастливится убить на поединкѣ семерыхъ противниковъ одного за другимъ. Однако, взглянувъ на хрупкую фигуру монаха, а потомъ на этихъ

гигантовъ, готовыхъ съ нимъ сразиться, я убѣдился, что неравная битва должна имѣть только одинъ исходъ; тутъ у меня подкосились ноги, а въ глазахъ потемнѣло. Впрочемъ, вокругъ насъ дѣйствительно стало вдругъ темно; отъ тяжелой массы горныхъ тучъ, нависшей надъ вершиной утеса, оторвалось одно облако и окутало солнце. Когда моя дурнота прошла и я опять могъ ясно видѣть происходившее передо мною, атлетъ стоялъ на жертвенномъ камнѣ, обнаженный до пояса, держа въ рукахъ круглый щитъ и маккагуитлъ изъ закаленнаго золота. Монахъ по прежнему оставался въ своей длинной рясѣ; только капюшонъ свалился у него съ головы, открывая прекрасное юношеское лицо; въ одной рукѣ у него было распятіе, а другою онъ отстранялъ отъ себя мечъ и щитъ, поднесенные ему солдатомъ. Этотъ отказъ вызвалъ неистовые крики въ толпѣ, жаждавшей насладиться видомъ ожесточеннаго поединка, и дикимъ воплямъ ацтековъ торжественно вторили раскаты грома. Монахъ сдѣлалъ знакъ рукою, какъ будто унимая толпу; когда она дѣйствительно притихла, онъ спросилъ—обращаясь не къ верховному жрецу, а къ народной массѣ—желаютъ ли азтланеки выслушать отъ него нѣсколько словъ. Народъ громко изъявилъ согласіе, совершенно заглушивъ приказаніе Итцакоатля начинать поединокъ; слова верховнаго жреца были слышны только намъ. Меня удивило, что онъ не сталъ настаивать долѣе и не прервалъ воцарившагося молчанія, когда тысячи собравшихся зрителей съ любопытствомъ подались впередъ, желая услышать, что̀ скажетъ имъ фра-Антоніо. Вѣроятно, верховный жрецъ избѣгалъ явнаго сопротивленія народной волѣ.

Тутъ францисканецъ заговорилъ, и съ его устъ полилась полная вдохновенія проповѣдь. Въ немногихъ словахъ, но съ удивительнымъ краснорѣчіемъ, вѣроятно внушеннымъ свыше, фра-Антоніо сталъ толковать язычникамъ о неизмѣримой любви Творца къ своимъ дѣтямъ, о непостижимомъ величіи Его закона, о Его неистощимомъ милосердіи. Пламенныя слова проповѣдника, казалось, проникали въ самую глубину сердецъ, запечатлѣваясь въ нихъ неизгладимыми огненными письменами. Мое собственное сердце зажглось религіознымъ энтузіазмомъ, какого я никогда не испытывалъ до сихъ поръ, а Пабло, стоявшій возлѣ меня, плакалъ навзрыдъ; даже Янги,

не понимавшій словъ монаха, сдѣлался блѣденъ и на его лбу выступили капли пота: до того онъ былъ взволнованъ нѣжными модуляціями музыкальнаго голоса фра-Антоніо. Этотъ голосъ, то понижаясь, то повышаясь, какъ-то удивительно вибрировалъ и въ немъ было столько кротости и мольбы, что многотысячная толпа очевидно упивалась имъ, точно очарованная и обвороженная. Зрители притаили дыханіе, но толпа вдругъ заколыхалась и крики громкаго одобренія потрясли амфитеатръ; это была могучая волна, прорвавшая плотину, и я внутренно почувствовалъ, что фра-Антоніо недаромъ поставилъ на карту свою жизнь, что его святая цѣль вполнѣ достигнута. Не смѣя дышать, я ждалъ, что язычники единогласно признаютъ истиннаго Бога.

Но и отъ верховнаго жреца не ускользнуло могущественное дѣйствіе проповѣди миссіонера. Онъ понялъ, какая опасность грозитъ языческой вѣрѣ, и схватился за единственное средство прервать рѣчь монаха. Приподнявшись на своемъ тронѣ, онъ отдалъ приказъ приступить къ поединку. Глухой ропотъ неудовольствія встрѣтилъ это распоряженіе, и ему опять стали вторить раскаты надвигавшейся грозы. На небѣ и на землѣ одновременно собиралась грозная буря. Удушливый воздухъ былъ неподвиженъ и громадная туча нависла чернымъ балдахиномъ надъ цѣлымъ городомъ. Въ этой темной массѣ, окутывавшей все окружающее мрачными тѣнями, то и дѣло мелькали кровавые зигзаги молніи; раскаты грома становились съ каждой минутой оглушительнѣе. При словахъ верховнаго жреца, почернѣвшее небо вспыхнуло заревомъ и грянулъ страшный громовой ударъ.

Не смѣя ослушаться, индѣйскій гладіаторъ сталъ лицомъ къ лицу съ фра-Антоніо и замахнулся на него мечемъ; монахъ, не отступая ни на шагъ, обратилъ на него глаза, горѣвшіе такъ ярко, какъ будто въ нихъ отражался праведный гнѣвъ оскорбленныхъ небесъ; онъ противопоставилъ смертоносному земному оружію только протянутое распятіе. Это непоколебимое мужество передъ лицомъ смерти смутило даже силача-противника, который невольно остановился въ нѣмомъ восторгѣ и благоговѣніи. И, среди ненарушимой тишины этой великой минуты, фра-Антоніо воскликнулъ до того внятно,

что его голосъ былъ услышанъ всей многотысячной толпой ацтлановъ:

— Да поможетъ мнѣ единый истинный Богъ и Господь!

Его слова еще не успѣли замереть въ воздухѣ, какъ ослѣпительная молнія прорѣзала тучу и громъ ударилъ съ такою силою, что надъ нашими головами дрогнули утесы, крупные обломки скалъ съ грохотомъ скатились въ долину и вся масса горы заколебалась подъ нашими ногами.

Когда мы немного опомнились и въ благоговѣйномъ ужасѣ подняли глаза, то сквозь мракъ, окутывавшій со всѣхъ сторонъ возвышенность, гдѣ стоялъ храмъ, увидали передъ собою явное знаменіе божескаго гнѣва: исполинъ-гладіаторъ, все еще держа въ рукахъ поднятый металлическій мечъ, привлекшій къ нему смерть, затрясся всѣмъ тѣломъ, пошатнулся сначала впередъ, потомъ судорожно откинулся назадъ и рухнулъ наземь бездыханнымъ трупомъ; его обнаженная правая рука и вся правая сторона тѣла побагровѣли, обожженныя молніей. Самъ миссіонеръ какъ будто окаменѣлъ на минуту; потомъ, упавъ на колѣни возлѣ убитаго громомъ противника, онъ воздѣлъ руки къ небу, откуда пришло его избавленіе и воскликнулъ внятнымъ, сильнымъ голосомъ, торжественный звукъ котораго громко раздался среди благоговѣйной тишины:—Христіанскій Богъ живетъ и царствуетъ вовѣки! Вѣруйте въ того, чья любовь и милосердіе также сильны и безконечны, какъ ужасны его гнѣвъ и могущество!

Толпа заволновалась; у меня вырвался глубокій вздохъ облегченія; я чувствовалъ, что фра-Антоніо спасенъ и что сейчасъ раздастся оглушительный взрывъ одобренія, что масса народа, побѣжденная его неодолимымъ краснорѣчіемъ и божественнымъ чудомъ, властно потребуетъ освобожденія проповѣдника. Но въ ту же минуту, не давъ опомниться притихшей толпѣ, верховный жрецъ вскочилъ со своего трона, прыгнулъ на балконъ, гдѣ стояли мы подъ стражей, съ балкона на арену, а оттуда на жертвенный камень. Все это совершилось съ дьявольской ловкостью, ужасавшей въ такомъ пожиломъ человѣкѣ. Выхвативъ мимоходомъ копье у одного изъ солдатъ, онъ ударилъ фра-Антоніо въ спину и пробилъ ему сердце. Молодой монахъ, прижимая къ груди распятіе, упалъ ницъ лицомъ на жертвенный камень и испустилъ духъ.

Тогда Итцакоатль, попирая ногою трупъ миссіонера и держа въ рукахъ древко копья, которымъ онъ только что пронзилъ благороднѣйшее сердце, воскликнулъ торжествующимъ тономъ:—Вотъ какъ побѣждаютъ и мстятъ за себя великіе боги ацтековъ!

И народная толпа, стоявшая уже въ преддверіи истинной вѣры, единодушно воскликнула въ дикомъ ликованіи:—Побѣда и месть за нашихъ боговъ!

XXXV.

Кладовая въ сокровищницѣ.

Вслѣдъ за страшнымъ громовымъ ударомъ, на насъ полились такіе потоки, какъ будто молнія открыла всѣ небесные ключи. Въ одинъ моментъ дно амфитеатра было затоплено и люди, стоявшіе тамъ, очутились по колѣни въ водѣ; не успѣли они подняться по ступенямъ къ верху, какъ вода доставала имъ уже по поясъ, не смотря на то, что для нея былъ устроенъ широкій спускъ, куда она хлынула съ такимъ шумомъ и журчаньемъ, которые были слышны, даже не смотря на хлеставшій дождь и раскаты грома. Вся темная масса тучъ поминутно окрашивалась кровавыми вспышками молніи, а громовые раскаты постоянно потрясали воздухъ.

Эта буря была нашимъ спасеніемъ. Я ни минуты не сомнѣвался, что верховный жрецъ хотѣлъ убить насъ всѣхъ, но онъ былъ слишкомъ тонкій плутъ, чтобы разыграть эту поучительную сцену мщенія боговъ, которая должна была еще болѣе возвысить его могущество, почти передъ опустѣвшимъ амфитеатромъ, потому что зрители, потрясенные всѣмъ случившимся, спѣшили оставить свои мѣста и бросились въ храмъ среди толкотни и давки; ошеломленные, потерявшіе голову, они торопились укрыться отъ дождя въ обители своихъ боговъ. Поэтому Итцакоатль приказалъ поспѣшно отвести насъ въ тюрьму; мы также были введены въ капище, гдѣ стража съ трудомъ прокладывала себѣ дорогу въ густой толпѣ. Наши караульные тоже спѣшили подъ защиту своего идола и, наскоро отведя насъ въ сокровищницу, побѣжали

со всѣхъ ногъ обратно, даже не дождавшись, пока за нами опустятъ рѣшетку.

Мы были до такой степени поражены горемъ, что, оставшись одни, нѣсколько минутъ стояли, точно окаменѣлые; я искренно сожалѣлъ, что разразившаяся буря, отсрочивъ нѣсколько мою смерть, лишила меня счастія умереть заодно съ моимъ другомъ. Вѣроятно, то же самое думалъ и Янгъ, когда въ глубокомъ молчаніи стоялъ возлѣ меня, безъ кровинки на загорѣломъ лицѣ, тяжело переводя духъ. Что касается Пабло, то онъ не могъ держаться на ногахъ и, склонившись на каменный полъ у нашихъ ногъ, громко рыдалъ. Однако, мало по малу мы пришли въ себя, вспомнили о Рейбёрнѣ и насъ немного подкрѣпила мысль, что наши заботы еще нужны этому несчастному. Но когда мы вошли въ его комнату, то подумали, что онъ уже мертвъ; даже при слабомъ свѣтѣ тюремной каморки, была замѣтна мертвенная блѣдность его лица, а когда мы заговорили съ нимъ, больной не отвѣчалъ и не пошевельнулся. Къ счастью, нашъ испугъ оказался напраснымъ; положивъ руку на его обнаженную грудь, я почувствовалъ слабое біеніе сердца; Рейбёрнъ потихоньку вздохнулъ и слегка поднялъ вѣки.

— Онъ былъ только въ обморокѣ!—радостно воскликнулъ Янгъ.—Еще бы, въ этой проклятой ямѣ нечѣмъ дышать! Въ большой комнатѣ все таки лучше; давайте-ка, профессоръ, вынесемте его туда. Теперь, въ такую грозу, намъ никто не помѣшаетъ. И... знаете что? не проговоритесь какъ нибудь нечаянно...—прибавилъ онъ вполголоса, когда мы подняли носилки.—Ему не надо сообщать о томъ... вы понимаете?—Голосъ Янга прервался, носилки дрогнули у него въ рукахъ, и я понялъ, какъ ему было тяжело сдѣлать намекъ на недавнюю катастрофу.

Янгъ шелъ впереди и, когда мы вошли въ молельню, онъ вдругъ остановился, какъ вкопаный, съ громкимъ восклицаніемъ:—Э, да какой тутъ дьяволъ хозяйничалъ безъ насъ?—Не смотря на темноту по причинѣ грозы, намъ тотчасъ бросилось въ глаза, что здѣсь произошло что-то необыкновенное. Статуя Гуитцилопохтли валялась на полу, разбитая въ куски, и какъ разъ позади того мѣста, гдѣ она стояла, со стѣны обвалились золотыя чешуйки и въ ней чернѣла большая тре-

щина; сильный, удушливый запахъ сѣры стоялъ въ комнатѣ и когда я замѣтилъ это, мнѣ все стало ясно. Но Янгъ подозрительно обнюхивалъ воздухъ, когда мы осторожно опустили носилки на полъ, и наконецъ воскликнулъ испуганнымъ тономъ:—Здѣсь въ самомъ дѣлѣ шалилъ чортъ и на прощанье оставилъ свою адскую вонь!—Бѣдный товарищъ былъ до того испуганъ, что даже волосы встали у него дыбомъ. Я невольно улыбнулся на эти слова, приписывая ихъ разстройству нервъ Янга, потому что въ нормальномъ состояніи онъ былъ менѣе всего способенъ къ суевѣрію. Впрочемъ я поспѣшилъ прибавить успокоительнымъ тономъ:—Ну, отъ дьявола едва ли можно ожидать чего нибудь хорошаго: все это послѣдствія громоваго удара, убившаго силача-индѣйца. Развѣ вы не слышали, какъ съ вершины утеса посыпались въ долину обломки скалъ?

— Признаться, я думалъ то же самое,—отвѣчалъ немного сконфуженный Янгъ.—Вотъ отчего и съ Рейбёрномъ приключился обморокъ.—Ну, какъ вы чувствуете себя теперь, любезнѣйшій?—обратился онъ къ больному, очевидно желая выйти изъ неловкаго положенія и видя, что Рейбёрнъ пошевельнулся, услыхавъ свое имя.

— Мнѣ очень плохо,—отвѣчалъ тотъ.—Я чувствую онѣменіе во всѣхъ членахъ и дурноту. А гдѣ падре?

— Вы просто испугались грозы, — торопливо перебилъ Янгъ.—Вамъ вѣроятно представилось, что въ васъ ударило молніей; вѣдь вы никогда не отличались большимъ благоразуміемъ, Рейбёрнъ.

Больной слабо улыбнулся; вмѣсто отвѣта онъ только откинулъ голову на свернутое пальто, замѣнявшее ему подушку, и сомкнулъ глаза съ утомленнымъ видомъ. Находя, что мы ничего не можемъ сдѣлать болѣе для несчастнаго товарища и желая стряхнуть съ себя тяжелое настроеніе, Янгъ принялся тщательно осматривать разрушительные слѣды громоваго удара: онъ поворачивалъ обломки статуи, трогалъ золотыя пластинки и ощупывалъ трещину въ стѣнѣ; тѣмъ временемъ тучи немного разсѣялись и хотя раскаты грома все еще отдавались у насъ въ ушахъ, но черезъ отверстіе въ потолкѣ проникало теперь гораздо больше свѣта. Я подсѣлъ къ Рейбёрну, не обращая вниманія на Янга; сердце у меня облива-

лось кровью при воспоминаніи о трагическомъ концѣ любимаго друга, а тутъ еще эта медленная агонія Рейбёрна!.. Я чувствовалъ, какъ мрачное отчаяніе овладѣваетъ мною, и даже когда Янгъ позвалъ меня торопливымъ и взволнованнымъ тономъ, я продолжалъ молчать и не откликнулся ему, хотя смутно понималъ, что только что нибудь исключительное могло моментально пробудить его энергію.

— Профессоръ, слышите, профессоръ!—повторилъ онъ—вставайте и идите сюда. Нечего вамъ сидѣть такимъ истуканомъ, идите скорѣе! Я покажу вамъ кое-что интересное. Честное слово, это похоже на лазейку изъ нашей проклятой ямы!

Тутъ я вскочилъ на ноги и подбѣжалъ къ Янгу, стоявшему на колѣняхъ у задней стѣны молельни, какъ разъ позади того мѣста, гдѣ прежде возвышался идолъ, пока его не опрокинулъ громовой ударъ. Молнія очевидно проникла въ комнату именно въ этомъ пунктѣ, потому что здѣсь золотыя пластинки, покрывавшія стѣны въ видѣ рыбьей чешуи, отстали и три изъ нихъ совершенно отвалились прочь. Янгъ въ большомъ волненіи указалъ мнѣ на отверстіе позади нихъ, за которымъ виднѣлась не стѣна, вырубленная въ скалѣ, а темное пустое пространство, откуда тянуло холоднымъ воздухомъ.

— Это выходъ на волю, это выходъ на волю, говорю я вамъ!—воскликнулъ онъ.—Чувствуете, какъ дуетъ вѣтеръ? Еслибъ намъ удалось отодрать побольше этихъ дурацкихъ пластинокъ, мы бы улизнули отсюда, оставивъ въ дуракахъ верховнаго жреца со всѣмъ его проклятымъ каталомъ. Давайте-ка, наляжемъ хорошенько вотъ на эту дощечку. Отдирайте ее, отдирайте изо всей силы!—И мы съ Янгомъ принялись соединенными усиліями за работу. Но у насъ ровно ничего не выходило. Мы съ такимъ же успѣхомъ могли надѣяться сдвинуть съ мѣста самую гору. Пластинка не подалась ни на волосъ. Янгъ, по своему обыкновенію, выпустилъ крѣпкое словечко и—признаюсь откровенно—я сочувствовалъ ему въ эту минуту. Потомъ мы стали пробовать золотую обшивку стѣны въ другомъ направленіи, воодушевляемые жаждой вырваться на свободу и спасти свою жизнь. Сердце у меня невыносимо колотилось въ груди, а всѣ жилы напряглись, точно готовыя лопнуть. Янгъ старался не меньше моего, обливаясь потомъ.

Наши руки были исцарапаны въ кровь, но все это оказывалось тщетнымъ.

— Нѣтъ, мы должны добиться своего!—твердилъ Янгъ, когда мы наконецъ рѣшились передохнуть, окончательно выбившись изъ силъ. — Здѣсь скрытъ какой нибудь потайной механизмъ. Если мы найдемъ его, то дверь поднимется сама собою. Ну, что, вы отдохнули немного, профессоръ? Примѣтесь-ка теперь вонъ за ту дощечку: она какъ будто немного поотстала. Просуньте подъ нея пальцы и тащите за разъ со мною.

Мы немного наклонились и, собравшись съ силами, налегли вдвоемъ на дощечку. Послышался скрипъ металла, дощечка подалась съ легкостью, вовсе не соотвѣтствовавшей степени нашихъ усилій, и я вдругъ почувствовалъ такую нестерпимую боль въ своихъ пальцахъ, точно ихъ защемили раскаленными до красна тисками, а Янгъ громко взвылъ отъ боли; потомъ мы оба упали навзничь и передъ нами открылось широкое отверстіе въ стѣнѣ, послѣ того какъ большой кусокъ панели отскочилъ къ верху, причемъ золотыя доски скользнули одна подъ другую. Тутъ нашимъ глазамъ представилось свободное пространство.

— Чортъ возьми, какая адская боль!—пробормоталъ Янгъ, взявъ въ ротъ кончики своихъ прищемленныхъ пальцевъ. Мнѣ было тоже страшно больно, но мы забыли эту маленькую непріятность, спѣша осмотрѣть желанный выходъ изъ тюрьмы, открывшійся передъ нами такъ внезапно и съ такой ненужной стремительностью. Намъ было нетрудно поднять чрезвычайно искусно устроенную потайную дверь; за нею оказалось отверстіе въ человѣческій ростъ; черезъ него мы вступили въ узкій коридоръ, вырубленный въ скалѣ, который привелъ насъ въ комнату, почти такого же объема, какъ и молельня, откуда мы только что вышли; оба эти помѣщенія сообщались между собою двумя узкими разщелинами наверху промежуточной стѣны; они были ясно видны изъ второй комнаты, тогда какъ со стороны молельни ихъ маскировали золотыя пластинки, надвигавшіяся одна на другую. Вторая комната имѣла также отверстіе въ потолкѣ, куда проникалъ чистый воздухъ и дневной свѣтъ. Осмотрѣвшись вокругъ, я тотчасъ убѣдился, что, благодаря неожиданной случайности, по-

лось кровью при воспоминаніи о трагическомъ концѣ любимаго друга, а тутъ еще эта медленная агонія Рейбёрна!.. Я чувствовалъ, какъ мрачное отчаяніе овладѣваетъ мною, и даже когда Янгъ позвалъ меня торопливымъ и взволнованнымъ тономъ, я продолжалъ молчать и не откликнулся ему, хотя смутно понималъ, что только что нибудь исключительное могло моментально пробудить его энергію.

— Профессоръ, слышите, профессоръ!—повторилъ онъ—вставайте и идите сюда. Нечего вамъ сидѣть такимъ истуканомъ, идите скорѣе! Я покажу вамъ кое-что интересное. Честное слово, это похоже на лазейку изъ нашей проклятой ямы!

Тутъ я вскочилъ на ноги и подбѣжалъ къ Янгу, стоявшему на колѣняхъ у задней стѣны молельни, какъ разъ позади того мѣста, гдѣ прежде возвышался идолъ, пока его не опрокинулъ громовой ударъ. Молнія очевидно проникла въ комнату именно въ этомъ пунктѣ, потому что здѣсь золотыя пластинки, покрывавшія стѣны въ видѣ рыбьей чешуи, отстали и три изъ нихъ совершенно отвалились прочь. Янгъ въ большомъ волненіи указалъ мнѣ на отверстіе позади нихъ, за которымъ виднѣлась не стѣна, вырубленная въ скалѣ, а темное пустое пространство, откуда тянуло холоднымъ воздухомъ.

— Это выходъ на волю, это выходъ на волю, говорю я вамъ!—воскликнулъ онъ.—Чувствуете, какъ дуетъ вѣтеръ? Еслибъ намъ удалось отодрать побольше этихъ дурацкихъ пластинокъ, мы бы улизнули отсюда, оставивъ въ дуракахъ верховнаго жреца со всѣмъ его проклятымъ кагаломъ. Давайте-ка, наляжемъ хорошенько вотъ на эту дощечку. Отдирайте ее, отдирайте изо всей силы!—И мы съ Янгомъ принялись соединенными усиліями за работу. Но у насъ ровно ничего не выходило. Мы съ такимъ же успѣхомъ могли надѣяться сдвинуть съ мѣста самую гору. Пластинка не подалась ни на волосъ. Янгъ, по своему обыкновенію, выпустилъ крѣпкое словечко и—признаюсь откровенно—я сочувствовалъ ему въ эту минуту. Потомъ мы стали пробовать золотую обшивку стѣны въ другомъ направленіи, воодушевляемые жаждой вырваться на свободу и спасти свою жизнь. Сердце у меня невыносимо колотилось въ груди, а всѣ жилы напряглись, точно готовыя лопнуть. Янгъ старался не меньше моего, обливаясь потомъ.

ламъ—жрецамъ!—Услыхавъ эти слова, я самъ задрожалъ отъ радости, заранѣе наслаждаясь возможностью отомстить убійцамъ фра-Антоніо. Но у меня тутъ же мелькнула мысль, что азтланеки дѣйствовали согласно своимъ воззрѣніямъ и если кто нибудь изъ нихъ былъ виноватъ, такъ только одинъ верховный жрецъ, для котораго въ самомъ дѣлѣ нельзя было придумать достаточно лютой казни. Значитъ, мщеніе темнымъ людямъ съ нашей стороны было бы безполезной жестокостью. Слѣдуя за нитью собственныхъ мыслей, я отвѣчалъ Янгу:

— По крайней мѣрѣ, мы можемъ застрѣлиться, чтобы избѣгнуть мучительной смерти подъ жертвеннымъ ножемъ.

— Вотъ еще выдумали! что намъ за нужда стрѣляться?—съ жаромъ возразилъ Янгъ. — Теперь ужъ надъ нами не будутъ совершать дурацкихъ церемоній и кривляться вокругъ насъ, собираясь перерѣзать намъ горло. Нѣтъ, шалишь, мы не останемся здѣсь ни за какіе пряники, преспокойно улизнемъ отсюда и благополучно вернемся восвояси.

— Но какимъ образомъ?—спросилъ я съ испугомъ, потому что заманчивая надежда выйти изъ тюрьмы исчезла у меня, какъ только я убѣдился, что изъ этой комнаты нѣтъ другаго выхода, кромѣ отверстія въ потолкѣ; потокъ воздуха дулъ оттуда, и это обстоятельство ввело меня въ заблужденіе. Когда Янгъ заговорилъ такимъ самонадѣяннымъ тономъ, я испугался, полагая, что онъ спятилъ съ ума.

— Какимъ образомъ? — переспросилъ онъ,—ну, конечно, черезъ Джека-Мулинса. Эта статуя качается. Я ужъ попробовалъ ее, пока вы рылись въ негодномъ старомъ хламѣ; но тутъ мнѣ бросилось въ глаза наше оружіе и я побѣжалъ къ нему. Пойдемте къ Джеку. Подсуньте что нибудь подъ него, когда онъ поднимется.

Я былъ до того пораженъ изумленіемъ и радостью при словахъ Янга, что машинально повиновался товарищу. Тотъ съ важной миной усѣлся на голову истукана и когда каменное изваяніе вмѣстѣ съ подножіемъ, на которомъ оно стояло, приняло наклонное положеніе, а подъ его пьедесталомъ открылось темное отверстіе, я поспѣшилъ подпереть статую массивной золотой дощечкой, которая служила крышкой одному изъ ящиковъ, стоявшихъ на полкѣ.

палъ наконецъ какъ разъ въ то мѣсто, гдѣ хранились сокровища царя Чальтзанцина, спрятанныя здѣсь тысячу лѣтъ назадъ.

По всѣмъ четыремъ стѣнамъ шли полки, грубо вырубленныя въ скалѣ, а на нихъ стояли рядами глиняные сосуды странной формы, разукрашенные странными девизами. Недавно пріобрѣтенныя мною свѣдѣнія помогли мнѣ разобрать ихъ; то были фигуры, изображавшія нѣчто въ родѣ принятыхъ у насъ въ геральдикѣ гербовъ, на поляхъ которыхъ были соединены символы царя съ символами различныхъ княжескихъ домовъ и племенъ. Тутъ же на полкахъ стояла оригинальной формы золотая посуда и квадратные ящики изъ золота, а рядомъ съ ними приблизительно два десятка маленькихъ идоловъ, вылѣпленныхъ изъ глины или грубо вырѣзанныхъ изъ камня; работа этихъ послѣднихъ была несравненно ниже той, какую мы видѣли на глиняныхъ и золотыхъ сосудахъ; съ перваго взгляда было видно, что эти фигурки представляютъ продуктъ болѣе ранняго времени. Но къ тому же вѣку, какъ и золотыя вещи, а, пожалуй, и къ позднѣйшему періоду, принадлежалъ замѣчательный по красотѣ календарный камень, тонко вырѣзанный на агатѣ. Онъ былъ совершенно сходенъ съ большимъ календарнымъ камнемъ, хранимымъ въ національномъ музеѣ въ Мексико, но только меньше его. Онъ помѣщался особо на рѣзномъ пьедесталѣ, а на другомъ концѣ комнаты, наиболѣе отдаленномъ отъ входа, возвышалась каменная фигура бога Чакъ-Мооля. На календарномъ камнѣ лежалъ предметъ, который я принялъ сначала за самострѣлъ, сдѣланный изъ золота, но при болѣе тщательномъ осмотрѣ убѣдился—особенно принимая во вниманіе мѣсто, гдѣ я его нашелъ — что это была астролябія, которая въ не очень отдаленные вѣка, до изобрѣтенія квадранта, употреблялась европейцами для опредѣленія меридіональной высоты солнца и звѣздъ.

Въ ту минуту, когда я сдѣлалъ это крайне любопытное и интересное открытіе, Янгъ, осматривавшій сокровищницу въ другомъ направленіи, вскрикнулъ отъ радости и подскочилъ ко мнѣ, размахивая парой собственныхъ пистолетовъ. Вотъ они, всѣ тутъ!—ликовалъ онъ.—И наши ружья, и патроны, все цѣло! Ну, теперь мы не дадимся въ руки дьяво-

XXXVI.

Мщеніе боговъ.

Не успѣли мы вооружиться на всякій случай, какъ наступилъ критическій моментъ, вынуждавшій насъ къ самозащитѣ; только что мы собирались выйти изъ кладовой сокровищъ, какъ услыхали скрипъ поднимаемой рѣшетки у входа въ нашу темницу. Это заставило насъ обоихъ на минуту остановиться, потомъ Янгъ сдѣлалъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ неслышными шагами; поднявшись обратно въ молельню, мы услыхали вторичный скрипъ рѣшетки, скользившей по металлическимъ пазамъ, и поняли, что теперь ее опускаютъ.—Можетъ быть, это пришелъ тотъ безобидный малый, что̀ роется въ старомъ хламѣ?—прошепталъ Янгъ.—Впрочемъ, идите осторожно, профессоръ, и держите оружіе наготовѣ. Если кто нибудь вошелъ, онъ не долженъ выйти обратно. Только не стрѣляйте раньше времени. Если непріятелей два-три человѣка, лучше попробовать убить ихъ ружейными прикладами; иначе звукъ выстрѣловъ можетъ привлечь сюда цѣлый отрядъ войска, прежде чѣмъ мы успѣемъ снести внизъ Рейбёрна.

Пока онъ говорилъ эти разумныя рѣчи, мы убѣдились, что кто-то вошелъ въ наше отдѣленіе тюрьмы, послѣ чего за нимъ заперли рѣшетку; въ комнатѣ, гдѣ мы обыкновенно спали, раздались чьи-то шаги. Они мало по малу подвигались все ближе, какъ будто невидимый нами человѣкъ заглядывалъ во всѣ остальныя комнаты, отыскивая насъ; черезъ минуту или двѣ мы ожидали увидѣть его передъ собой. Рейбёрнъ лежалъ неподвижно, точно въ обморокѣ; а Пабло, какъ мы догадывались по его громкимъ рыданіямъ, пошелъ въ каморку, служившую стойломъ Эль-Сабіо, чтобы отвести тамъ свою душу. Янгъ сдѣлалъ мнѣ знакъ встать по одну сторону двери въ молельню, а самъ всталъ по другую; притаившись такимъ образомъ, мы ждали, что̀ будетъ дальше; быстрые шаги приближались къ намъ и мы были готовы отрѣзать отступленіе неизвѣстному, едва онъ вступитъ въ комнату.

Человѣкъ, вошедшій въ молельню,—былъ самъ верховный жрецъ! При видѣ разбитаго идола и отверстія въ стѣнѣ,

позади того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, у старика вырвался возгласъ испуга и гнѣва; въ ту же минуту, инстинктивно почувствовавъ опасность, онъ оглянулся кругомъ. На одну секунду наши взгляды встрѣтились, и я никогда не забуду адской ненависти, исказившей его черты, и нервнаго жеста отчаянія, когда онъ увидѣлъ Янга съ поднятымъ ружьемъ въ рукахъ. Не давъ ему крикнуть, грузовой агентъ ударилъ его тяжелымъ прикладомъ по черепу и Итцакоатль упалъ съ глухимъ стономъ. Еслибъ ударъ былъ направленъ болѣе метко, онъ разпробилъ бы ему черепъ, но верховный жрецъ уклонился немного въ сторону и прикладъ, скользнувъ по его головѣ, обрушился на плечо. Янгъ, бросивъ ружье, кинулся на врага, надавилъ ему колѣномъ грудь и сталъ душить за горло.

Исключая Рейбёрна, Янгъ былъ самымъ сильнымъ человѣкомъ, какого я только зналъ, хотя въ то время онъ, разумѣется, ослабѣлъ послѣ тяжелой раны и лишеній въ тюрьмѣ. Теперь ему было трудно справиться со своей жертвой и онъ только не давалъ ей подняться съ земли. Съ энергіей отчаянія и дикой силой, которой никакъ нельзя было предположить въ такомъ тщедушномъ и дряхломъ старикѣ, верховный жрецъ боролся со своимъ противникомъ, стараясь столкнуть его съ себя и также схватить за горло своими длинными костлявыми руками. Пѣна выступила у него на губахъ, а морщинистое бронзовое лицо почернѣло отъ прилива крови; кровавые бѣлки глазъ до половины выкатились изъ орбитъ, а черные зрачки расширились отъ ужаса и напряженія. Но силы очевидно оставляли злодѣя; его напряженные мускулы ослабѣвали, изъ открытаго рта высунулся почти до самаго корня нервно вздрагивавшій языкъ; наконецъ ноги и руки Итцакоатля судорожно дрогнули, вытянулись—и онъ остался недвижимъ.

Еще минуты двѣ Янгъ не выпускалъ изъ рукъ его горла. Потомъ онъ поднялся на ноги, тяжело дыша и пошатываясь, вытеръ крупныя капли пота, выступившія на лбу, и воскликнулъ, презрительно толкнувъ ногою бездыханный трупъ:— Вотъ я и отправилъ тебя къ сатанѣ! Что, солоно пришлось тебѣ за смерть нашего падре? Клянусь честью, никогда еще въ жизни не сдѣлалъ я такого отличнаго дѣла!

Отчаянная борьба на смерть между этими двумя людьми

произошла безъ всякаго шума. Во время ея, Рейбёрнъ не выходилъ изъ своего мертвеннаго оцѣпененія, а Пабло, хотя и былъ недалеко, но ничего рѣшительно не слышалъ.

— Ну, профессоръ, теперь намъ надо поторопиться,—сказалъ Янгъ, отдышавшись немного.—Прежде всего, нужно закрѣпить рѣшетку съ нашей стороны, чтобы никто не могъ поднять ее и войти сюда, пока мы не готовы. Я надѣюсь устроить такимъ образомъ, что непріятели провозятся съ ней часа два, а тѣмъ временемъ мы успѣемъ уйти далеко.

— Мой планъ еще проще,—возразилъ я, направляясь съ нимъ къ выходу.—Бьюсь объ закладъ, что только одинъ верховный жрецъ зналъ о существованіи подземной двери, ведущей въ кладовую сокровищъ. Если намъ удастся прилàдить на старое мѣсто три золотыя доски и запереть за собою дверь, то мы будемъ въ полной безопасности отъ всякаго преслѣдованія.

— Отлично!—воскликнулъ Янгъ.—Говоря откровенно, я не ожидалъ встрѣтить въ васъ столько здраваго смысла. Это великолѣпная выдумка, и я постараюсь привести ее въ исполненіе, но все же намъ необходимо, прежде всего, оградить себя со стороны входа.

Приближаясь къ рѣшеткѣ, мы увидали за нею двоихъ храмовыхъ стражей, очевидно дожидавшихся возвращенія верховнаго жреца; эти люди посмотрѣли на насъ съ такой явной подозрительностью, что я отчаивался въ успѣхѣ.—Поговорите съ ними,—шепнулъ мнѣ Янгъ,—болтайте о чемъ ни попало: о послѣднихъ событіяхъ, о разведеніи цыплятъ, словомъ обо всемъ, что̀ вамъ взбредетъ въ голову, а я тѣмъ временемъ посмотрю, что̀ можно сдѣлать.

Янгъ сгорбился позади меня, чтобъ его не было видно, пока я подходилъ къ рѣшеткѣ. Мнѣ дѣйствительно удалось завести разговоръ съ солдатами, лица которыхъ немного прояснились, когда я передалъ имъ приказаніе верховнаго жреца, чтобъ они обождали его немного. Потомъ я ловко перевелъ бесѣду на недавнее происшествіе съ Эль-Сабіо и принялся разсказывать про злаго духа, вселившагося въ него, а также про другихъ нечистыхъ духовъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть въ жизни. Мои собесѣдники не на шутку заинтересовались такимъ предметомъ разговора. Болтая съ ними, я услы-

алъ тихій, звенящій звукъ, какъ будто скрипъ металла, тер-
агося о камень. Но если солдаты услыхали его, то не обра-
или на это вниманія. Потомъ Янгъ прошепталъ мнѣ:—Ну,
перь мы въ безопасности, пойдемте прочь.—Я поспѣшилъ
кончить вымышленную исторію объ ослахъ, одержимыхъ
монами, и мы оба ушли въ глубину коридора, стараясь не
бнаруживать ни малѣйшей торопливости.

— Мнѣ не составило никакого труда запереться изну-
ри,—сказалъ наконецъ грузовой агентъ съ торжествующимъ
идомъ.—Тутъ я нашелъ большой золотой крюкъ, который
ставлялся въ петлю, чтобы рѣшетку нельзя было поднять,—
нѣ оставалось только задвинуть его, что я и сдѣлалъ. По
ому, чтобы отодвинуть такой засовъ, понадобится прибѣг-
уть къ домкрату; а если ацтланеки ухитрятся сдѣлать это
нымъ способомъ, то провозятся съ рѣшеткой добрыхъ полъ-
аса. Если ваше предположеніе вѣрно, что никто не знаетъ
существованіи опускной двери, то тогда мы въ полной без-
пасности.

Я былъ вполнѣ увѣренъ, что никто не зналъ о потаен-
омъ ходѣ, кромѣ верховнаго жреца да еще развѣ архива-
іуса; но старику рѣшительно не было ничего извѣстно о
окровищахъ Чальтзанцина, хотя онъ и имѣлъ свободный
оступъ въ нѣкоторыя отдѣленія сокровищницы, поэтому я съ
ольшой радостью принялся помогать Янгу, насколько мои
неискусныя руки могли оказать ему помощь; мы укрѣпили
олотыя дощечки на прежнихъ мѣстахъ, откуда онѣ были сор-
ваны молніей, и эта починка была произведена такъ ловко,
лагодаря искусству Янга, что потайная дверь снова была
овершенно замаскирована; вообще мы уничтожили всѣ слѣды
громоваго удара, опрокинувшаго статую. Когда наша работа
приходила уже къ концу, до насъ долетѣли голоса солдатъ,
кликавшихъ верховнаго жреца, сначала тихо, потомъ громче;
наконецъ они крикнули оба за разъ, очевидно стараясь под-
нять дружнымъ усиліемъ тяжелую рѣшетку и тутъ, вѣроятно,
бѣдились, что она заперта снизу на крючокъ. Слѣдующія
есять минутъ были полны для меня самаго тревожнаго, на-
яженнаго ожиданія, какое я когда либо испытывалъ въ моей
изни. Не смотря на крѣпкій внутренній запоръ, мы боялись,
го ацтланеки съумѣютъ какимъ нибудь образомъ отворить

рѣшетку снаружи; въ крайнемъ случаѣ, они могли прорубить ее и ворваться къ намъ. Слѣдовало какъ можно скорѣе выбраться изъ молельни и затворить за собою опускную дверь; между тѣмъ многое препятствовало нашей поспѣшности: Рейбёрнъ не могъ двигаться самъ и по прежнему лежалъ въ безпамятствѣ, а Пабло почти помѣшался отъ горя и не понималъ, чего мы отъ него требуемъ. Видъ разбитаго на куски истукана, мертваго тѣла верховнаго жреца и отворенной двери въ каменной стѣнѣ до того поразили бѣднаго малаго, что онъ утратилъ остатки своей сообразительности; намъ пришлось почти насильно тащить его—къ счастію, Эль-Сабіо безъ принужденія послѣдовалъ за своимъ господиномъ. Благополучно водворивъ ихъ въ кладовой сокровищъ, мы вернулись обратно за Рейбёрномъ. Поднимая носилки съ умирающимъ, мы вздрогнули отъ испуга, потому что массивная рѣшетка у главнаго входа издала страшный трескъ; очевидно, ее разбивали чѣмъ нибудь въ родѣ тарана.

— Ну, нагрянула бѣда!—пробормоталъ сквозь зубы Янгъ и прибавилъ, когда мы опустили носилки въ коридорѣ, чтобы запереть за собою опускную дверь: — А что, если вы ошиблись, профессоръ, и жрецы знаютъ о нашемъ тайномъ убѣжищѣ? Тогда, конечно, мы пропали, но мнѣ пріятно думать, что если враги и доберутся до насъ, то мы предварительно зададимъ перцу этимъ грязнымъ дикарямъ нашими винтовками и пулями.

Крѣпкая рѣшетка вторично затрещала, на этотъ разъ однако слабѣе, такъ какъ опущенная дверь заглушила рѣзкость звука; но въ самой кладовой звукъ слышался яснѣе черезъ пробоины въ стѣнѣ. Мы съ Янгомъ осторожно подняли Рейбёрна съ носилокъ, насколько позволяла наша поспѣшность и неудобство узкаго коридора, послѣ чего снесли его съ лѣстницы въ нѣсколько ступеней, которая вела изъ-подъ пьедестала статуи Чакъ-Мооля въ маленькую комнату, вырубленную въ скалѣ. Тутъ мы опять положили его на носилки, а затѣмъ безъ церемоніи спустили въ подземелье Пабло и Эль-Сабіо. Отверстіе было еще меньше того, черезъ которое мы вышли изъ пещеры смерти, и какимъ образомъ могъ Эль-Сабіо протиснуться въ него, останется для меня навсегда неразрѣшимой загадкой. Пока все это совершалось, черезъ

прорѣзы въ стѣнѣ мы продолжали слышать удары въ рѣшетку, сопровождаемые трескомъ, окликами и протяжнымъ воемъ; рѣшетчатая дверь, конечно, должна была уступить такому сильному натиску въ непродолжительномъ времени, а потому слѣдовало каждую минуту ожидать вторженія враговъ въ сокровищницу. Если я былъ правъ, полагая, что верховный жрецъ одинъ зналъ о потайномъ ходѣ изъ молельни, то намъ не грозило непосредственной опасности и мы могли предварительно сдѣлать осмотръ пещеры, прежде чѣмъ навсегда запереть за собою выходъ, поставивъ статую на прежнее мѣсто. Если же я ошибся, намъ не оставалось другаго средства отсрочить свою гибель, какъ спуститься въ непроглядный мракъ пещеры, безповоротно отрѣзавъ себѣ всякій путь къ отступленію.

Поэтому, прежде всего слѣдовало выждать, что̀ предпримутъ наши враги, когда проникнутъ въ молельню и, не нашедши насъ тамъ, увидятъ осколки идола рядомъ съ бездыханнымъ трупомъ верховнаго жреца. Съ цѣлью наблюденія за ними, мы съ Янгомъ вернулись въ кладовую и влѣзли на выступъ стѣны, сдѣланный тутъ какъ будто нарочно; съ этого мѣста была видна вся молельня черезъ узкіе прорѣзы въ стѣнѣ. Намъ пришлось недолго ждать; раздался оглушительный трескъ, звонъ металла и грохотъ посыпавшихся камней, затѣмъ крикъ торжества и топотъ быстрыхъ шаговъ. Въ одну минуту молельня наполнилась солдатами и жрецами; всѣ они дико завывали, точно черти; но вдругъ этотъ пронзительный концертъ оборвался; вбѣжавшая толпа замерла отъ испуга, увидѣвъ мертвое тѣло верховнаго жреца посреди обломковъ ниспровергнутаго идола. Къ довершенію всего, плѣнники, заключенные въ несокрушимыхъ стѣнахъ, исчезли безъ слѣда, точно ихъ поглотила земля. Послѣ минуты всеобщаго остолбененія, послышался сначала ропотъ, сдержанныя рыданія, потомъ стоны и крики ужаса. Обезумѣвшіе отъ страха язычники пали ницъ, взывая къ своимъ богамъ, совершившимъ столько чудесъ.

У Янга вырвался глубокій вздохъ облегченія и, вмѣстѣ съ энергическимъ ругательствомъ, онъ шепнулъ мнѣ на ухо:— Они не бросились къ двери, все благополучно!—При взглядѣ на пораженныхъ страхомъ азтланековъ, мнѣ пришла въ го-

лову счастливая мысль, за которую я тотчасъ и ухватился.—Берите свои револьверы,—шепнулъ я товарищу,—и просуньте ихъ въ это отверстіе. Цѣльте вверхъ, чтобъ никого не задѣть, а когда я начну стрѣлять, дѣлайте то же самое и какъ можно быстрѣе. Помните, что надо быть осторожнымъ,—прибавилъ я, угадавъ по лицу Янга, что его такъ и тянетъ выстрѣлить въ толпу. Вмѣсто отвѣта, онъ кивнулъ головою въ знакъ согласія, хотя въ его чертахъ выразилась досада. Впрочемъ, онъ повиновался мнѣ и направилъ дуло оружія къ верху. —Ну, теперь стрѣляйте,—сказалъ я и мы съ необычайной быстротой сдѣлали вмѣстѣ двадцать четыре выстрѣла сквозь отверстія въ стѣнѣ. Конечно, многіе изъ присутствующихъ были задѣты пулями, отскакивавшими отъ каменной стѣны, но я знаю навѣрное, что никто не былъ убитъ.

Когда мы прекратили огонь, въ молельнѣ нельзя было ничего разсмотрѣть по причинѣ пороховаго дыма, но такихъ раздирающихъ криковъ и завываній, какіе раздавались тамъ, я навѣрно никогда не услышу. Переждавъ, пока этотъ дикій гамъ немного успокоится, я приложилъ губы къ одному изъ отверстій и заговорилъ, стараясь подражать голосу фра-Антоніо:—Вотъ мщеніе великаго бога чужеземцевъ!

Невозможно описать дѣйствія моихъ словъ. Звукъ нашихъ выстрѣловъ произвелъ такое сотрясеніе, что отъ скалы между золотою обшивкой и наружной поверхностью стѣны оторвалась большая глыба и рухнула наземь во время моей рѣчи, безвозвратно закрывъ дверное отверстіе.

— Вотъ такъ штука!—сказалъ Янгъ, снова заряжая свои револьверы,—дикарямъ, конечно, померещилось, что всѣ дьяволы вырвались изъ происподней и сейчасъ обрушатся на нихъ; если имъ удастся вырваться на волю, они скорѣе позволятъ содрать съ себя шкуру живьемъ, чѣмъ опять вернуться сюда. Но что такое сказали вы имъ? Мнѣ было такъ смѣшно, когда вы заговорили голосомъ падре. Впрочемъ, не казалось ли вамъ, что обнаруживать наше присутствіе было немного рискованно?

Но когда я перевелъ на англійскій языкъ произнесенныя мною слова, Янгъ съ важностью пожалъ мнѣ руку.—Простите, я былъ несправедливъ къ вамъ, профессоръ,—торжественно произнесъ онъ.—Порой, вы казались мнѣ какимъ-то

младенцемъ, но если кто нибудь выказалъ бо́льшую находчивость, чѣмъ вы въ данномъ случаѣ, я бы хотѣлъ знать, что́ такое онъ сдѣлалъ и кто такой онъ былъ. Вѣдь если всѣ эти жрецы и солдаты разскажутъ остальнымъ про разбитаго идола, про смерть верховнаго жреца, про наше непонятное исчезновеніе, страшные выстрѣлы, и про голосъ съ того свѣта, напомнившій имъ о христіанскомъ Богѣ, всѣ азтланеки сдѣлаются христіанами.

То-же самое думалъ и я, когда захотѣлъ напугать дикарей, и только впослѣдствіе раскаялся въ своей поспѣшности; мнѣ, конечно, не слѣдовало прибѣгать къ такому грубому обману: и фра-Антоніо не одобрилъ бы моего поведенія. Я дѣйствовалъ на темныхъ людей путемъ запугиванія, что́ представляетъ также родъ насилія, тогда какъ нашъ умершій другъ, сообразно своему кроткому и нѣжному характеру, старался вліять на ближнихъ силой любви и разумнаго убѣжденія.

XXXVII.

Сквозь мракъ къ свѣту.

— Полагаю, что намъ нечего бояться теперь со стороны этихъ дьяволовъ,—замѣтилъ Янгъ, когда мы спускались съ выступа стѣны, на которомъ стояли.—Однако, времени все-таки терять не слѣдуетъ; чѣмъ скорѣе мы найдемъ выходъ изъ пещеры, тѣмъ лучше. Только прежде всего пойдемте взглянуть на Рейбёрна. Кажется, ему никогда не было такъ худо, какъ сегодня. Недаромъ онъ не шелохнулся среди всего этого гама и возни, да еще позволялъ намъ вертѣть собою, какъ угодно, когда мы переносили его, точно онъ былъ мѣшокъ съ овсомъ, а не живой человѣкъ. Впрочемъ, вѣдь мы дѣлали все это для его же блага. Сознавая себя въ безопасности, онъ скорѣе оправится даже при недостаткѣ солнца и свѣжаго воздуха. Но... о, Господи, Боже мой! Какъ было бы хорошо выбраться опять на свѣжій воздухъ и солнечный свѣтъ!

Мы спустились по ступенямъ въ маленькое углубленіе въ скалѣ, гдѣ лежалъ Рейбёрнъ, и снова нашли его въ безпа-

лову счастливая мысль, за которую я тотчасъ и ухватился.—Берите свои револьверы,—шепнулъ я товарищу,—и просуньте ихъ въ это отверстіе. Цѣльте вверхъ, чтобъ никого не задѣть, а когда я начну стрѣлять, дѣлайте то же самое и какъ можно быстрѣе. Помните, что надо быть осторожнымъ,—прибавилъ я, угадавъ по лицу Янга, что его такъ и тянетъ выстрѣлить въ толпу. Вмѣсто отвѣта, онъ кивнулъ головою въ знакъ согласія, хотя въ его чертахъ выразилась досада. Впрочемъ, онъ повиновался мнѣ и направилъ дуло оружія къ верху. —Ну, теперь стрѣляйте,—сказалъ я и мы съ необычайной быстротой сдѣлали вмѣстѣ двадцать четыре выстрѣла сквозь отверстія въ стѣнѣ. Конечно, многіе изъ присутствующихъ были задѣты пулями, отскакивавшими отъ каменной стѣны, но я знаю навѣрное, что никто не былъ убитъ.

Когда мы прекратили огонь, въ молельнѣ нельзя было ничего разсмотрѣть по причинѣ пороховаго дыма, но такихъ раздирающихъ криковъ и завываній, какіе раздавались тамъ, я навѣрно никогда не услышу. Переждавъ, пока этотъ дикій гамъ немного успокоится, я приложилъ губы къ одному изъ отверстій и заговорилъ, стараясь подражать голосу фра-Антоніо:—Вотъ мщеніе великаго бога чужеземцевъ!

Невозможно описать дѣйствія моихъ словъ. Звукъ нашихъ выстрѣловъ произвелъ такое сотрясеніе, что отъ скалы между золотою обшивкой и наружной поверхностью стѣны оторвалась большая глыба и рухнула наземь во время моей рѣчи, безвозвратно закрывъ дверное отверстіе.

— Вотъ такъ штука!—сказалъ Янгъ, снова заряжая свои револьверы,—дикарямъ, конечно, померещилось, что всѣ дьяволы вырвались изъ происподней и сейчасъ обрушатся на нихъ; если имъ удастся вырваться на волю, они скорѣе позволятъ содрать съ себя шкуру живьемъ, чѣмъ опять вернуться сюда. Но что такое сказали вы имъ? Мнѣ было такъ смѣшно, когда вы заговорили голосомъ падре. Впрочемъ, не казалось ли вамъ, что обнаруживать наше присутствіе было немного рискованно?

Но когда я перевелъ на англійскій языкъ произнесенныя мною слова, Янгъ съ важностью пожалъ мнѣ руку.—Простите, я былъ несправедливъ къ вамъ, профессоръ,—торжественно произнесъ онъ.—Порой, вы казались мнѣ какимъ-то

младенцемъ, но если кто нибудь выказалъ бо́льшую находчивость, чѣмъ вы въ данномъ случаѣ, я бы хотѣлъ знать, что́ такое онъ сдѣлалъ и кто такой онъ былъ. Вѣдь если всѣ эти жрецы и солдаты разскажутъ остальнымъ про разбитаго идола, про смерть верховнаго жреца, про наше непонятное исчезновеніе, страшные выстрѣлы, и про голосъ съ того свѣта, напомнившій имъ о христіанскомъ Богѣ, всѣ ацтланеки сдѣлаются христіанами.

То же самое думалъ и я, когда захотѣлъ напугать дикарей, и только впослѣдствіе раскаялся въ своей поспѣшности; мнѣ, конечно, не слѣдовало прибѣгать къ такому грубому обману: и фра-Антоніо не одобрилъ бы моего поведенія. Я дѣйствовалъ на темныхъ людей путемъ запугиванія, что́ представляетъ также родъ насилія, тогда какъ нашъ умершій другъ, сообразно своему кроткому и нѣжному характеру, старался вліять на ближнихъ силой любви и разумнаго убѣжденія.

XXXVII.

Сквозь мракъ къ свѣту.

— Полагаю, что намъ нечего бояться теперь со стороны этихъ дьяволовъ,—замѣтилъ Янгъ, когда мы спускались съ выступа стѣны, на которомъ стояли.—Однако, времени все-таки терять не слѣдуетъ; чѣмъ скорѣе мы найдемъ выходъ изъ пещеры, тѣмъ лучше. Только прежде всего пойдемте взглянуть на Рейбёрна. Кажется, ему никогда не было такъ худо, какъ сегодня. Недаромъ онъ не шелохнулся среди всего этого гама и возни, да еще позволялъ намъ вертѣть собою, какъ угодно, когда мы переносили его, точно онъ былъ мѣшокъ съ овсомъ, а не живой человѣкъ. Впрочемъ, вѣдь мы дѣлали все это для его же блага. Сознавая себя въ безопасности, онъ скорѣе оправится даже при недостаткѣ солнца и свѣжаго воздуха. Но... о, Господи, Боже мой! Какъ было бы хорошо выбраться опять на свѣжій воздухъ и солнечный свѣтъ!

Мы спустились по ступенямъ въ маленькое углубленіе въ скалѣ, гдѣ лежалъ Рейбёрнъ, и снова нашли его въ безпа-

мятствѣ. Пабло и Эль-Сабіо ютились тутъ же, взаимно поддерживая другъ друга въ тяжеломъ испытаніи. Бѣдный осликъ сдѣлался очень печальнымъ; долгое заключеніе отняло у него прежнюю живость, но тупая покорность, въ которую онъ впалъ, была, при настоящихъ обстоятельствахъ, какъ нельзя болѣе кстати. Что же касается Пабло, то я не на шутку боялся за его разсудокъ.

Въ тѣсномъ чуланчикѣ было совсѣмъ темно и Янгъ зажегъ спичку, чтобы начать свой осмотръ.—Пусть меня застрѣлятъ,—воскликнулъ онъ, когда вспыхнувшій восковой фитиль распространилъ вокругъ насъ яркое сіяніе,—да, пусть меня застрѣлятъ, если это не кондукторскій фонарь виситъ вонъ на той стѣнѣ, а это—не лейка съ керосиномъ.—Когда фонарь былъ зажженъ и буквы F. C. C. ясно выступили на стеклѣ, грузовой агентъ прибавилъ еще съ бо̀льшимъ изумленіемъ:

— Эге-ге, да эта штука принадлежитъ одному изъ служащихъ на Центральной желѣзной дорогѣ—„Ferro Carril Central“; но какимъ образомъ подобныя вещи могли попасть сюда? А вотъ еще старое платье, какая-то ветошь, въ которую наряжались здѣшніе черномазые черти; а вотъ и еще находка,—продолжалъ Янгъ, поднимая съ земли сложенную бумажку.—Какъ это вамъ понравится? Билетъ Мексиканской Центральной желѣзной дороги отъ Леона до Силао! Онъ помѣченъ какимъ-то числомъ іюня нынѣшняго года и пробитъ только въ одномъ мѣстѣ; значитъ, владѣлецъ его проѣхалъ не все пространство между этими двумя городами. Да скажите мнѣ, наконецъ, профессоръ, сплю я или бодрствую?

Пока я разсматривалъ различные предметы, найденные нами въ такомъ неподходящемъ мѣстѣ, мнѣ мало по малу стало все понятно и тутъ же у меня явилась увѣренность, что передъ нами лежитъ открытый и безопасный путь къ свободѣ. Мои предположенія, что верховный жрецъ сообщался съ внѣшнимъ міромъ, подтвердились теперь воочію. Платье, которое онъ носилъ во время своихъ экспедицій въ девятнадцатое столѣтіе, фонарь, украденный имъ, чтобы легче найти дорогу въ пещерѣ, наконецъ желѣзнодорожный билетъ, по которому онъ совершилъ свое послѣднее путешествіе, все это были неопровержимыя вещественныя доказательства, что

Итцакоатль ловко водилъ за носъ избранный народъ астланековъ. Недаромъ архиваріусъ говорилъ мнѣ, что верховный жрецъ удалялся по нѣскольку разъ въ годъ на нѣкоторое время въ одну изъ комнатъ сокровищницы, гдѣ пребывалъ безъ пищи и питья, сообщаясь со своими богами. Вѣроятно, онъ самъ или одинъ изъ его предшественниковъ, которому также былъ извѣстенъ потайной выходъ изъ долины, устроилъ запоръ изнутри, чтобы никто не могъ проникнуть въ сокровищницу во время его отсутствія; благодаря этой предосторожности, мы спасли свою жизнь.

— Хорошо,—сказалъ Янгъ, когда я вкратцѣ объяснилъ ему все это,—старый обманщикъ не будетъ больше отводить глаза никому на свѣтѣ, а теперь намъ съ вами надо поискать дорогу. Потомъ мы опять вернемся на верхъ, чтобъ захватить оттуда вещи поцѣннѣе, но прежде всего надо позаботиться о Рейбернѣ и вынести его туда, гдѣ онъ можетъ свободно дышать; до тѣхъ поръ мы должны быть осторожными на всякій случай; дурака Пабло необходимо поставить на лѣстницу и втолковать въ его глупую башку, что если онъ услышитъ вверху шаги, то пусть вытащитъ подпорку изъ подъ статуи Мулинса и поставитъ ее на прежнее мѣсто, а потомъ завалитъ снизу ходъ большимъ камнемъ. Конечно, нельзя ожидать, чтобы кто нибудь отважился войти въ сокровищницу послѣ сегодняшняго переполоха, да еслибъ даже здѣшніе жители и расхрабрились настолько, то бѣда не велика: имъ навѣрно неизвѣстенъ фокусъ, который продѣлываетъ Мулинсъ; бьюсь объ закладъ на цѣлую бочку пива, что верховный жрецъ скрывалъ ото всѣхъ эту хитрую механику. Слишкомъ хитеръ былъ старый злодѣй и лукавь, какъ лисица, недаромъ ему удавалось дурачить всѣхъ своихъ подданныхъ. Я очень радъ, что мнѣ привелось задавить эту старую гадину, но все таки надо отдать ему справедливость: уменъ былъ шельма, очень уменъ, не такъ ли, профессоръ?

При ненормальномъ состояніи Пабло, съ нашей стороны было бы немного рискованно довѣрить ему такой отвѣтственный постъ, еслибъ мы, въ самомъ дѣлѣ, предвидѣли возможность вторженія враговъ въ кладовую царя Чальзанцина; но, благодаря скрытности верховнаго жреца, намъ нечего было опасаться и мы поступили такъ только изъ благоразумной предосторожности.

Рейбёрнъ былъ оставленъ нами въ каморкѣ внизу лѣстницы. Сдѣлавъ послѣднія распоряженія, мы прошли черезъ разщелину въ скалѣ,—образовавшуюся, повидимому, естественнымъ путемъ,—и вступили въ пещеру такого громаднаго объема, что свѣтъ нашего фонаря не достигалъ ни до ея потолка, ни до задней стѣны. Хотя протоптанная тропинка, по которой мы пошли, поднималась въ гору и была довольно крута, мы безъ особенныхъ усилій подвигались впередъ, потому что большіе камни, усыпавшіе полъ пещеры, были тщательно сдвинуты въ сторону и не попадались подъ ноги. Только въ одномъ мѣстѣ тропинка огибала обрывъ надъ темной пропастью—откуда доносился шумъ воды—и здѣсь нашъ путь становился нѣсколько опасенъ.

Мы продолжали подниматься, по крайней мѣрѣ, часъ времени, послѣ чего повернули за уголъ и увидали передъ собою слабый свѣтъ. Но онъ виднѣлся такъ далеко, что его можно было замѣтить только закрывъ фонарь и на минуту зажмуривъ глаза; когда же мы сдѣлали еще одинъ поворотъ, то не сомнѣвались болѣе, что вдали виднѣется свѣтлое пространство. Янгъ крикнулъ отъ радости и мы ускорили шаги, желая поскорѣе насладиться видомъ солнечныхъ лучей. Вдругъ дорожка повернула внизъ, а за третьимъ поворотомъ въ пещерѣ сдѣлалось такъ свѣтло, что намъ не было болѣе надобности въ фонарѣ; подъ вліяніемъ невольнаго порыва, мы крикнули на этотъ разъ оба вмѣстѣ и бросились впередъ бѣгомъ; наконецъ послѣдній поворотъ привелъ насъ къ выходу изъ пещеры и передъ нашими глазами, какъ олицетвореніе приволья и свободы, открылась обширная равнина, утопавшая въ яркомъ дневномъ сіяніи. Мы точно окаменѣли отъ изумленія и радости, потому что никакія слова не могли выразить волновавшихъ насъ восторженныхъ чувствъ. И вдругъ легкій вѣтерокъ донесъ до нашего слуха отрывистые звуки свистка со стороны долины. Они раздавались совершенно явственно, не смотря на далекое разстояніе. Янгъ вздрогнулъ, заслышавъ знакомый сигналъ, и, обратясь ко мнѣ съ поднятой рукой, вымолвилъ дрожащимъ голосомъ:

— Профессоръ, это свистокъ локомотива! Ишь какъ заливается, лѣшій эдакій! — такими нелѣпыми словами, имѣв-

шими для насъ однако глубокій смыслъ, привѣтствовалъ грузовой агентъ наше освобожденіе.

Въ скоромъ времени мы вернулись къ Рейбёрну; идти по знакомой дорогѣ, да еще подъ гору, было, конечно, легче, и мы недолго замѣшкались на обратномъ пути. Увидавъ наши радостныя лица, больной товарищъ немного ожилъ и ободрился.

— Собирайтесь съ силами, дружище! — весело крикнулъ Янгъ.—Мы отыскали, наконецъ, выходъ изъ этой проклятой ямы; скоро вы опять увидите божье солнышко и подышете свѣжимъ воздухомъ, который необходимъ для каждаго бѣлаго, какъ пища и питье.

При этихъ словахъ, глаза Рейбёрна еще болѣе прояснѣли, на его мертвенно блѣдныхъ щекахъ даже заигралъ румянецъ, когда мы сказали ему, что нашли прямой путь къ жизни и свободѣ.

— Гдѣ же нашъ падре?—спросилъ раненый, когда мы подняли носилки, а Пабло, съ фонаремъ въ рукѣ и съ Эль-Сабіо въ поводу, зашагалъ впереди. Къ счастью, Рейбёрнъ не видѣлъ лица Янга, когда тотъ проговорилъ:

— Падре?.. Онъ ушелъ впередъ. А вы не болтайте много, Рейбёрнъ, вамъ это вредно; да и намъ трудно разговаривать, неся такую ношу. Ну, двигайтесь, профессоръ! А ты, Пабло,— прибавилъ грузовой агентъ ломанымъ испанскимъ языкомъ,— смотри: осторожнѣе неси фонарь, не то я какъ разъ проломлю тебѣ башку.

Хотя Рейбёрнъ страшно исхудалъ, однако намъ было тяжело нести его въ гору, даже еслибъ мы сами были здоровы и сильны, но жизнь въ заточеніи изнурила насъ и мы съ трудомъ подвигались по скалистому грунту; только надежда и радость поддерживали наши ослабѣвшія силы. При подобныхъ условіяхъ, нашъ переходъ совершался чрезвычайно медленно; мы часто останавливались для отдыха и солнце опустилось уже до уровня отдаленныхъ горъ на горизонтѣ, когда нашъ кортежъ достигъ края обширной равнины, простиравшейся на западъ, и утомительное путешествіе было окончено. Однако мы забыли всякую усталость, при взглядѣ на больнаго товарища. Въ его чертахъ отражалась глубокая отрада, когда онъ окинулъ глазами широкій просторъ залитаго сол-

нечнымъ свѣтомъ ландшафта, жадно вдыхая бальзамическій свѣжій воздухъ. Его душа переполнилась благодарностью, когда несчастный почувствовалъ себя, наконецъ, въ безопасности и на свободѣ.

У самаго выхода изъ пещеры, но все таки въ ея стѣнахъ, откуда разстилался видъ на живописныя окрестности, мы устроили для Рейбёрна постель изъ мягкихъ сосновыхъ вѣтвей, наложивъ ихъ густымъ ровнымъ слоемъ, чтобы ему было удобнѣе лежать. Мы предвидѣли, что пройдетъ много дней, пожалуй, даже недѣль, прежде чѣмъ онъ будетъ въ состояніи предпринять утомительный путь черезъ горы, чтобы снова вернуться къ цивилизованному міру и домашнему очагу. Къ счастью, по близости отыскался ключъ прозрачной и холодной воды, пробивавшійся изъ скалистаго уступа въ пещерѣ, а вокругъ водилось столько дичи, что Янгъ безъ труда настрѣлялъ изъ револьвера съ полдюжины птицъ кодорнисовъ, такъ какъ онѣ вовсе не отличались пугливостью; сверхъ того, онъ поймалъ руками кролика, выскочившаго у него какъ разъ изъ-подъ ногъ. Такимъ образомъ, мы приготовили отличный ужинъ; ѣда настолько подкрѣпила Рейбёрна, что у него замѣтно окрѣпъ голосъ и онъ сталъ ворочаться на постели безъ нашей помощи; это подало намъ надежду на его полное выздоровленіе. Теперь мы только старались скрыть отъ него трагическую смерть фра-Антоніо, изъ боязни, что больной не переживетъ такого горя; намъ удалось на время усыпить его подозрѣнія, разсказавъ ему, будто бы францисканецъ отправился отыскивать ближайшій городъ, чтобы привести оттуда лошадей и проводниковъ. Янгъ по своему старался ободрить товарища.

— Видите, любезный, — говорилъ онъ ему, — вы непремѣнно должны выздоровѣть во что бы то ни стало. Подумайте только, вѣдь вамъ будетъ чертовски стыдно признаться на томъ свѣтѣ, что васъ укокошилъ какой-то паршивый индѣецъ. Это напоминаетъ мнѣ исторію бѣднаго Стива Голлиса. Вы помните этого человѣка, Рейбёрнъ, или никогда его не видали? Онъ былъ почтенный желѣзнодорожный кондукторъ, прослужившій на линіи Старой Колоніи и въ другихъ мѣстахъ болѣе двадцати лѣтъ. Когда я съ нимъ познакомился, Стивъ Голлисъ ѣздилъ съ курьерскимъ поѣздомъ изъ Бостона

къ пароходной пристани на Фоль-Риверѣ — то былъ самый важный поѣздъ на проклятой старой дорогѣ! Стивъ имѣлъ собственный домикъ недалеко отъ Брентри и, смѣнившись съ дежурства, всегда доѣзжалъ на поѣздѣ № 2 до этой станціи, а оттуда шелъ пѣшкомъ по полотну. Никто не знаетъ, какъ это случилось,—потому что Стивъ не бралъ ни капли въ ротъ хмѣльнаго,—только однажды, когда онъ возвращался домой, товарный поѣздъ № 15, шедшій изъ Бостона въ Нью-Портъ, задѣлъ и помялъ его, такъ что бѣдняга вскорѣ отдалъ Богу душу. Впрочемъ, онъ не былъ сразу убитъ и я еще успѣлъ навѣстить его, потому что ужасно любилъ старика Стива. Прихожу къ нему, онъ лежитъ въ постели и чуть дышетъ; однако, увидавъ меня, старикъ немного оживился, протянулъ мнѣ руку и поздоровался со мной.—Какъ ы себя чувствуете?—спрашиваю его. „Очень плохо“, говоритъ Стивъ; сказалъ эдакъ и замолчалъ, лежитъ себѣ смирно. Потомъ вижу: собирается онъ съ духомъ что-то сказать. Наклонился я къ нему, а онъ и шепчетъ мнѣ со стономъ: „подумайте, Сетъ, каково это, что меня переѣхалъ товарный поѣздъ малой скорости! Это мнѣ больнѣе всего — горше смерти. Я ничего бы не сказалъ, еслибъ мнѣ пришлось попасть подъ экспрессъ — пускай себѣ... А то прослужилъ я на желѣзной дорогѣ болѣе двадцати лѣтъ и вдругъ угодилъ подъ проклятый поѣздъ малой скорости!“ Тутъ Стивъ перевернулся, простоналъ еще разокъ и скончался.

По моему, Рейбёрна совсѣмъ не слѣдовало развлекать такими плачевными разсказами, но исторія Стива заключала въ себѣ здравую моралъ и, передавая ее, грузовой агентъ имѣлъ въ виду убѣдить товарища, что онъ обязанъ поправиться отъ своей болѣзни.

XXXVIII.

Кладъ короля Чальзанцина.

Не знаю, произвела ли на больнаго благопріятное впечатлѣніе болтовня словоохотливаго Янга, но онъ отлично спалъ эту ночь, чего съ нимъ не бывало уже нѣсколько недѣль, а на слѣдующее утро проснулся бодрый и свѣжій, такъ что въ насъ воскресла надежда на счастливый исходъ его недуга.

Янгъ очень быстро настрѣлялъ намъ дичи на завтракъ, а когда мы утолили голодъ, онъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ:—Теперь, профессоръ, намъ съ вами нужно вернуться въ ту проклятую яму и взять оттуда, что̀ мы найдемъ цѣннаго. Кажется, тамъ немного добра, но все таки лучше что нибудь, чѣмъ ничего. Этакая жалость, что мы не могли забрать съ собою золото, хранившееся въ кладовыхъ; вѣдь оно обогатило бы насъ на всю жизнь!... По моему разсчету, тамъ были милліоны и милліоны. А между тѣмъ, что̀ толку въ этой находкѣ! Ужь именно: по усамъ текло, да въ ротъ не попало! — заключилъ Янгъ съ печальнымъ издохомъ. — Поэтому заберемте, по крайней мѣрѣ, все, что̀ можемъ,—продолжалъ онъ болѣе веселымъ тономъ.—Вѣдь въ комнатѣ Муллинса цѣлый ворохъ золотыхъ ящиковъ и кувшиновъ. Да, пожалуй, и въ глиняныхъ горшкахъ найдется что нибудь цѣнное. Во всякомъ случаѣ, надо посмотрѣть; Рейбёрну сегодня гораздо лучше, да и Пабло пришелъ въ себя; теперь онъ можетъ ходить за больнымъ.—Я съ своей стороны не соблазнялся драгоцѣнными вещами въ комнатѣ сокровищъ царя Чальзанцина, но мнѣ очень хотѣлось завладѣть старинной астролябіей и познакомиться съ содержимымъ золотыхъ ящичковъ и сосудовъ, въ которыхъ могли заключаться любопытные предметы громадной археологической цѣнности. Узнавъ о нашемъ намѣреніи, Рейбёрнъ охотно согласился остаться одинъ, послѣ чего Янгъ зажегъ фонарь и мы пустились въ путь. При входѣ въ комнату сокровищъ, мною овладѣлъ благоговѣйный трепетъ. Когда мы были здѣсь въ первый разъ, то смертельная опасность, грозившая намъ, сцена въ молельнѣ, а затѣмъ радость, когда мы открыли путь къ спасенію, заставили меня отнестись слишкомъ равнодушно къ найденному кладу. Между тѣмъ, онъ пролежалъ здѣсь цѣлую тысячу лѣтъ и представлялъ наслѣдіе самаго интеллигентнаго и интереснаго народа, обитавшаго въ доисторическія времена на американскомъ материкѣ. Только теперь, въ спокойномъ состояніи духа, я былъ въ состояніи оцѣнить всю важность сдѣланнаго нами открытія, и окружающіе меня остатки сѣдой древности внушили мнѣ такое почтеніе, что я колебался нѣкоторое время, прежде чѣмъ коснуться этихъ предметовъ, которые въ моихъ глазахъ были священными.

Но почтенія къ антикварскимъ сокровищамъ и рѣдкостямъ не было въ натурѣ Янга; вообще онъ не привыкъ благоговѣть передъ чѣмъ бы то ни было, и пока я стоялъ въ нерѣшительности возлѣ статуи Чакъ-Мооля, грузовой агентъ съ живостью крикнулъ мнѣ: — Да идите же скорѣе сюда, профессоръ; теперь намъ никто не помѣшаетъ. Вѣдь мы сами нашли этотъ кладъ, и онъ по праву принадлежитъ намъ. Не правда ли, эта комната похожа на кладовую москательщика: столько здѣсь разныхъ горшечковъ, кувшиновъ и ящиковъ на полкахъ! Вотъ мы сейчасъ посмотримъ, что въ нихъ есть: скорѣе всего, что они пусты, впрочемъ здѣсь, пожалуй, сложены брилліанты, а вѣдь это было бы недурно!

Говоря такимъ образомъ, Янгъ запустилъ руку въ одинъ изъ глиняныхъ сосудовъ; вдругъ оттуда поднялось такое облако пыли, что бѣдняга принялся чихать безъ передышки на всю комнату и даже былъ не въ силахъ разсмотрѣть какой-то маленькій предметъ, который держалъ между пальцевъ. Наконецъ, отдышавшись немного, онъ обратилъ на него вниманіе и воскликнулъ съ досадой: — Э, да это просто дурацкій наконечникъ стрѣлы.—Я невольно расхохотался, принимая у него изъ рукъ любопытную вещицу: для меня, этотъ прекрасно выточенный кусочекъ агата былъ несравненно драгоцѣннѣе брилліантовъ. Но всѣ мои попытки заинтересовать Янга такимъ великимъ открытіемъ остались тщетными. Напрасно говорилъ я ему, какъ важно для науки такое наглядное доказательство высокой степени культуры, достигнутой доисторическими расами Америки, что ясно выражалось въ артистической обработкѣ такого необычайно твердаго и вмѣстѣ съ тѣмъ красиваго камня, какъ бывшій у насъ въ рукахъ агатъ. Наконецъ любопытно было и то обстоятельство, что древніе ацтеки такъ заботились о военномъ вооруженіи; однако, всѣ мои слова пропадали втунѣ. Янгъ не только оставался къ нимъ совершенно равнодушенъ, но даже выказывалъ явную досаду.

— Ахъ, подите вы съ вашими доисторическими расами!— нетерпѣливо прервалъ онъ меня, — вся эта куча не стоитъ единаго цента, и только такому ученому чудаку, какъ вы, можетъ прійти въ голову восхищаться подобной дрянью. Если вашъ древній король находилъ нужнымъ прятать подъ семью-

десятью замками этакій хламъ, вѣроятно, онъ былъ не въ своемъ умѣ. Но, пожалуй, этотъ горшокъ попалъ сюда по ошибкѣ, надо осмотрѣть остальные.—Съ этими словами онъ осторожно, чтобы не поднять пыли, опустилъ руку въ другой сосудъ и опять ужасно разсердился, вытащивъ оттуда наконечникъ копья. Однако Янгъ все еще не терялъ надежды отыскать что нибудь, представляющее дѣйствительную цѣнность, а потому продолжалъ поиски, мотивируя свою настойчивость великодушнымъ желаніемъ дать возможность царю Чальзанцину оправдаться въ нашихъ глазахъ. Всѣ сосуды, стоявшіе рядами по двумъ сторонамъ комнаты, были тщательно осмотрѣны имъ. Но его раздраженіе все возрастало по мѣрѣ того, какъ осмотръ приходилъ къ концу, и въ сосудахъ не оказывалось ничего, кромѣ наконечниковъ стрѣлъ и копій да зубчатыхъ полосокъ агата, изъ которыхъ приготовлялось острое лезвіе маккагуитловъ,—ацтекскихъ мечей. Что же касается меня, то я приходилъ въ восторгъ отъ всѣхъ этихъ вещицъ и не могъ достаточно налюбоваться совершенствомъ ихъ отдѣлки, хотя онѣ вышли изъ рукъ мастеровъ еще въ отдаленный періодъ каменнаго вѣка.

— Часъ отъ часу не легче,—сердито бормоталъ товарищъ, переходя на третью сторону комнаты и открывая одинъ изъ золотыхъ ящичковъ.—Тутъ ничего нѣтъ, кромѣ разрисованной оберточной бумаги, въ родѣ вашей пресловутой грамоты, которая завлекла насъ въ эту злополучную погоню за кладомъ. Вы, конечно, подпрыгнете до потолка отъ радости при такой находкѣ!—Въ самомъ дѣлѣ, я вскрикнулъ отъ восторга, наклонясь надъ ящикомъ, въ которомъ хранилось такое неоцѣнимое сокровище. Тогда Янгъ презрительно фыркнулъ и прибавилъ: — Вы больше интересуетесь старымъ хламомъ, чѣмъ золотыми долларами. Конечно, о вкусахъ не спорятъ, и потому на свѣтѣ столько людей непохожихъ другъ на друга.—Но я не слушалъ его, быстро просматривая безцѣнные манускрипты, и попалъ на седьмое небо, убѣдившись, что во всѣхъ золотыхъ ящичкахъ, число которыхъ доходило до девяти, заключались сокровища этого рода. Въ дополнительномъ томѣ (напечатанномъ на слоновой бумагѣ in folio) къ моему сочиненію: „Условія жизни на сѣверо - американскомъ континентѣ до Колумба“ эти замѣчательные манускрипты

воспроизведены въ натуральную величину, и, когда эта замѣчательная книга появится въ печати, образованный міръ признаетъ великую важность сдѣланнаго мною открытія. Достаточно упомянуть, что найденныя въ сокровищницѣ грамоты, взятыя вмѣстѣ, составляютъ полную послѣдовательную хронику ацтекскихъ племенъ; но главная цѣнность этой коллекціи заключается въ томъ, что сбивчивыя живописныя грамоты дополнены здѣсь идеографическими надписями позднѣйшихъ временъ, смыслъ которыхъ мнѣ удалось понять, благодаря указаніямъ нашего доброжелателя—астланекскаго архиваріуса. Короче, мое открытіе стоитъ археологической заслуги Буссара; какъ знаменитый камень, найденный въ Розеттѣ, даетъ ключъ къ египетскимъ іероглифамъ, такъ и подписи на ацтекскихъ грамотахъ вполнѣ объясняютъ загадочный смыслъ ихъ живописныхъ изображеній. Когда громадное значеніе моей находки представилось мнѣ во всей ясности, меня кинуло въ дрожь, и я чуть не выронилъ изъ рукъ драгоцѣнныхъ манускриптовъ; слезы радости застилали мнѣ глаза, такъ что я пересталъ различать разрисованныя буквы и все вокругъ заволоклось передо мной на одну минуту какимъ-то туманомъ.

Между тѣмъ Янгъ, мечтавшій только о матеріальныхъ благахъ, продолжалъ рыться по всей кладовой съ ворчаніемъ и проклятіями.—Ну, теперь нечего больше искать,—произнесъ онъ съ разочарованнымъ видомъ,—этотъ старый король рѣшительно былъ идіотъ или помѣшанный. Взгляните сюда: вѣдь это даже не наконечникъ стрѣлы, а просто осколокъ зеленаго стекла! Мнѣ кажется, онъ отскочилъ отъ разбитаго дна портерной бутылки. Нечего сказать, хорошъ кладъ! И стоило придумывать столько предосторожностей, чтобы скрыть къ нему дорогу! Вѣроятно, вашъ король долго сидѣлъ и раздумывалъ, чѣмъ бы это ему получше доказать, что у него самая дурацкая башка въ мірѣ. Ужь именно отмѣнный дуракъ, формальный идіотъ! Пойдемте-ка отсюда, нечего намъ тутъ дѣлать. И какая жалость: вѣдь всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ лежатъ слитки золота, наваленные другъ на друга, точно полѣнья дровъ, а мы не въ силахъ достать ихъ! Право, тутъ можно лопнуть съ досады. Ну, зачѣмъ мы такъ опростоволосились, захлопнувъ за собою опускную дверь? Намъ слѣ-

довало оставить свободной эту лазейку. Впрочемъ, что за бѣда, профессоръ, вѣдь и теперь можно попытаться. У насъ съ собой ружья. Попробуемъ проникнуть туда. Черные дьяволы едва ли помѣшаютъ намъ, да и во всякомъ случаѣ стоитъ попытаться: не уходить же отсюда съ пустыми руками!

Слушая товарища, я внимательно разсматривалъ предметъ, возбуждавшій его бурное негодованіе, и вмѣсто отвѣта спросилъ:—А что, много такихъ кусочковъ стекла отъ портерной бутылки въ томъ кувшинѣ?

— Онъ полонъ ими до краевъ,—отвѣчалъ грузовой агентъ съ презрительной миной.

— Ну, а другой, рядомъ съ нимъ?

— Также биткомъ набитъ этимъ мусоромъ. Всѣ кувшины по эту сторону комнаты наполнены стеклянными осколками,— прибавилъ онъ, торопливо опуская руку въ каждый сосудъ поочередно. Въ кладовой опять поднялось густое облако пыли и мы принялись взапуски чихать до слезъ.—Чортъ возьми, какая гадость! Уйдемте поскорѣй, профессоръ, постараемся лучше добыть золотые слитки.

— Подождите, надо прежде осмотрѣть золотые сосуды,— отвѣчалъ я, переходя на послѣднюю сторону комнаты, еще не осмотрѣнную нами.

— Къ чему это послужитъ?—сердито возразилъ Янгъ. Но онъ все таки запустилъ руку въ золотую вазу и вынулъ оттуда маленькій черный шарикъ.

— Вотъ еще гадость: какіе-то катышки изъ сапожнаго вару. Ну, нечего сказать, хорошъ царскій кладъ!

Я принялся съ любопытствомъ осматривать шарикъ, поданый мнѣ Янгомъ, и наконецъ вздумалъ разрѣзать его перочиннымъ ножемъ. Подъ наружной оболочкой, напоминавшей гуттаперчу, я нашелъ слой ваты, а подъ нимъ какое-то твердое тѣло, величиною съ обыкновенный орѣхъ. Пока я занимался шарикомъ, Янгъ осмотрѣлъ содержимое другихъ сосудовъ, которые сами по себѣ представляли большую рѣдкость: они были сдѣланы изъ кованаго золота и покрыты оригинальными украшеніями.

— Ничего здѣсь нѣтъ путнаго, — промолвилъ грузовой агентъ,—только развѣ самую посуду можно продать въ ломъ, а насыпаны въ ней все одни катышки изъ сапожнаго вару.

Вѣдь нашли же что прятать: осколки портерныхъ бутылокъ да эти шарики. Удивляюсь, на что понадобился сапожный варъ людямъ, которые не знаютъ даже, что такое настоящая обувь? Говорю вамъ, профессоръ, плюнемте на все это и пойдемте за слитками золота. Если мы ихъ не добудемъ, то незачѣмъ было и гоняться за здѣшнимъ кладомъ. Конечно, и въ этой комнатѣ есть кое-что цѣнное: золотые кувшины, ящички и золотой самострѣлъ, которымъ вы такъ восхищаетесь, но много ли это составитъ, когда намъ придется дѣлить добычу на четырехъ человѣкъ, не считая четвероногаго участника экспедиціи? Да мнѣ кажется, что даже оселъ отвернулъ бы свою морду отъ всего этого хлама, еслибъ зналъ, сколько настоящихъ сокровищъ прозѣвали мы здѣсь. Нѣтъ, ужь какъ хотите, намъ нельзя уйти отсюда, не вознаградивъ себя за всѣ свои труды, увѣчья и раны; а если намъ это не удастся, то, право, игра не стоила свѣчей!

Пока Янгъ выражалъ такимъ образомъ свою досаду, я подалъ ему маленькій предметъ, извлеченный мною изъ разрѣзаннаго чернаго шарика:—Прежде чѣмъ говорить, что игра не стоила свѣчей, взгляните вотъ на это,—произнесъ я.

Грузовой агентъ небрежно протянулъ руку, но когда я положилъ ему на ладонь матово-бѣлый шарикъ величиною съ орѣхъ, онъ чуть не подпрыгнулъ отъ неожиданности:—Послушайте, откуда это! По моему... по моему, профессоръ, это похоже на жемчужину, а если это въ самомъ дѣлѣ жемчужина, то клянусь честью, я никогда не видалъ такой крупной! А какъ вы сами полагаете, это въ самомъ дѣлѣ жемчугъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія,—отвѣчалъ я.—И въ каждомъ изъ этихъ черныхъ катышковъ, насыпанныхъ въ золотые сосуды, скрыта крупная жемчужина. Что же касается зеленыхъ прозрачныхъ камешковъ, которые вы приняли за осколки зеленаго стекла, то это ничто иное, какъ изумруды необыкновенно чистой воды; могу васъ увѣрить, что самый мелкій изъ нихъ стоитъ такую кучу долларовъ, что вы не стащите ихъ за разъ. Но, во всякомъ случаѣ, всѣ эти изумруды и перлы не стоютъ одного изъ найденныхъ мною манускриптовъ—тутъ Янгъ скептически фыркнулъ—хотя, конечно, съ матерьяльной точки зрѣнія цѣнность того, что спрятано въ этихъ кувшинахъ, въ свою очередь неизмѣримо превышаетъ

цѣнность всего количества золота, видѣннаго нами въ Атлантѣ. Несомнѣнно, что въ нашихъ рукахъ въ настоящую минуту находится самый громадный кладъ, какой когда либо существовалъ съ начала міра.

— Значитъ, индѣецъ былъ правъ, профессоръ?

— Разумѣется, и если вы еще и теперь держитесь того мнѣнія, что намъ не стоило приходить сюда, рискуя жизнью, то я не согласенъ съ вами.

— Что и говорить!—воскликнулъ Янгъ, пробѣгая восторженнымъ взглядомъ по рядамъ кувшиновъ, въ которыхъ хранились тысячу лѣтъ несмѣтныя богатства.—Ваша правда, профессоръ. Беру назадъ всѣ слова, сказанныя мною на счетъ этого древняго короля. Онъ вовсе не былъ сумашедшимъ, а былъ такимъ же умницей, какъ Джорджъ Вашингтонъ и Даніэль Вебстеръ, вмѣстѣ взятые. Онъ нарочно наполнилъ тѣ глиняные горшки наконечниками стрѣлъ и тому подобными вещами. Вѣроятно, это былъ старый добрякъ, который любилъ пошутить со своими подданными. Недаромъ я всегда его любилъ, этого вашего короля, и всегда про него думалъ, что онъ молодецъ-мужчина. Нѣтъ, ей богу, отличную онъ устроилъ штуку, и мы, забравшись сюда, не остались въ накладѣ, а попали какъ разъ въ самую точку!

Эпилогъ.

Мнѣ всегда становилось грустно, когда какой нибудь строго опредѣленный періодъ моей жизни приходилъ къ концу, потому что каждый разъ я упрекалъ себя при этомъ въ неумѣніи воспользоваться многими представлявшимися мнѣ благопріятными обстоятельствами и счастливыми случайностями. Дописывая заключительныя страницы настоящей книги, я снова испытываю горькое сожалѣніе, какъ и въ тотъ моментъ, когда мы съ Янгомъ, перенеся сокровища царя Чальзанцина изъ кладовой въ пещеру, вытащили подпорку изъ подъ качающейся статуи и такимъ образомъ утвердили на прежнемъ мѣстѣ эту громадную каменную массу. Поднять ее снизу мы уже не могли и, нагромоздивъ обломки скалъ подъ ея подножіе съ передняго края, сдѣлали истукана оконча-

тельно неподвижнымъ и сверху. Теперь этотъ выходъ былъ безвозвратно загражденъ, а въ данную минуту, когда я пишу эти строки, меня почему-то невольно печалитъ сознаніе, что я также безвозвратно отрѣзанъ отъ извѣстной части моего прошлаго. Недаромъ одинъ персидскій поэтъ сказалъ: „Оконченная книга—тоже, что̀ запечатанный ларчикъ; къ ней ничего нельзя прибавить и ничего нельзя отъ нея отнять. Поэтому станемъ молиться Аллаху, чтобъ ея содержаніе было хорошо».

Сочиненіе, которое я теперь оканчиваю, было начато частью ради того, чтобы отдыхать за нимъ отъ болѣе серьезной работы, предпринятой мною, а частью потому, что я находилъ неудобнымъ вводить воспоминанія чисто личнаго характера въ обширный ученый трудъ, но въ то же время считалъ ихъ достаточно интересными, чтобъ познакомить съ ними читающій міръ. Впрочемъ, разсказъ о нашихъ приключеніяхъ, пожалуй, никогда бы не пришелъ къ концу, еслибъ имъ не заинтересовались Рейбёрнъ и Янгъ, которые постоянно уговаривали меня продолжать его.

— Видите, профессоръ,—говорилъ Янгъ, — я ничего не имѣю противъ большой книги, которую вы пишете; конечно, она будетъ въ своемъ родѣ великолѣпна, но вѣдь во всемъ божьемъ мірѣ навѣрно найдется какихъ нибудь три чудака, способныхъ прочесть въ ней болѣе десяти строкъ. Вотъ почему я такъ пристаю къ вамъ, чтобъ вы писали маленькую книжку,—ее-то ужь, конечно, прочтетъ кое-кто и за стѣнами сумашедшаго дома. Пускай, по крайней мѣрѣ, добрые люди знаютъ, какъ жутко намъ приходилось. Я бы не совѣтовалъ вамъ въ точности указывать, гдѣ лежитъ та замѣчательная долина, потому что намъ, пожалуй, опять понадобится вернуться туда; но относительно всего другаго будьте вполнѣ откровенны и разскажите все, какъ было. Можетъ быть, наши похожденія послужатъ кому нибудь въ пользу.

По мѣрѣ того какъ подвигался мой разсказъ, я прочитывалъ написанное вслухъ моимъ товарищамъ, и они, не стѣсняясь, дѣлали поправки въ моемъ сочиненіи. Впрочемъ, когда я касался въ своей книгѣ подвиговъ храбрости Рейбёрна и Янга, они возставали противъ меня и не соглашались, чтобы я ихъ описывалъ. Даже Пабло, покинувшій ради меня Мексику, чтобы не разставаться со мной до конца дней,

принимался противорѣчить мнѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я упоминалъ о его неизмѣнной преданности и мужествѣ; по его мнѣнію, вполнѣ естественно быть преданнымъ тому, кого любишь, а еще болѣе естественно драться съ врагами, защищая себя и своихъ друзей.

Только одинъ членъ нашей экспедиціи съ полнымъ достоинствомъ принялъ отъ меня заслуженную дань похвалъ. Это былъ Эль-Сабіо. Пабло, конечно, хотѣлъ, чтобы я прочиталъ вслухъ ослику то, что было о немъ написано. — Только, пожалуйста, не все, сеньоръ, — серьезно замѣтилъ мальчикъ,—тамъ есть вещи, которыя могутъ огорчить нѣжное сердце моего Эль-Сабіо. Вѣдь онъ, право, нисколько не виноватъ, что доставилъ намъ столько затрудненій, когда мы переправляли его черезъ пропасть; а потомъ, неужели вы скажете ему, что собирались его съѣсть, когда мы пришли въ эту ужасную аллею смерти? Вѣдь онъ можетъ раньше времени посѣдѣть отъ такого удара. Нѣтъ, мы скроемъ отъ него всѣ непріятныя мѣста въ книгѣ, а прочтемъ только тѣ отрывки, гдѣ вы хвалите его красоту и умъ. По моему, не грѣшно бы написать объ немъ побольше. Мнѣ кажется, что вы слишкомъ сократили разсказъ о храбромъ сраженіи моего ослика со жрецами, когда онъ въ одиночку перебилъ ихъ такое множество своими копытами. Еще осмѣлюсь замѣтить вамъ, сеньоръ,—прибавилъ Пабло тономъ упрека, когда мы пошли всѣ вмѣстѣ къ навѣсу, гдѣ стоялъ Мудрецъ, сильно разжирѣвшій за послѣднее время на сытной пищѣ, въ нѣгѣ и холѣ,—въ вашей книгѣ нужно было непремѣнно упомянуть, сколько принесъ пользы Мудрецъ на обратномъ пути, когда онъ перевозилъ на своей спинѣ найденное сокровище по крутой дорогѣ черезъ ту ужасную пещеру; вѣдь онъ проработалъ такимъ образомъ много дней подъ рядъ. И, наконецъ, съ какою осторожностью везъ онъ на себѣ сеньора Рейбёрна съ крутаго горнаго спуска до маленькаго городка, гдѣ была желѣзнодорожная станція. Помните, какъ онъ бережно ступалъ изъ боязни повредить раненому?

Хотя Эль-Сабіо, повидимому, не замѣтилъ пропусковъ въ моемъ разсказѣ, тѣмъ не менѣе онъ слушалъ съ большимъ интересомъ и вниманіемъ отрывки, на которые указалъ мнѣ Пабло. По словамъ мальчика, осликъ даже поблагодарилъ меня

за похвальный отзывъ о немъ, потому что, когда чтеніе было окончено, онъ вытянулъ впередъ свою морду, положилъ на спину уши, твердо уперся въ землю маленькими ножками и, торжественно поднявъ хвостъ, заревѣлъ во всю мочь. Пабло нѣжно обнялъ его голову и прижалъ къ груди, повторяя съ глубокимъ чувствомъ:—Ну, теперь, Мудрецъ, ты убѣдился, что мы не только любимъ тебя за твою доброту и умъ, но также и почитаемъ за благородные подвиги.

Рейбёрнъ много хохоталъ, когда я передалъ ему эту забавную сцену въ тотъ же вечеръ; но Янгъ не одобрилъ моего поступка, видя въ немъ новое доказательство несовершеннаго здороваго состоянія моего мозга. Мы сидѣли у меня въ библіотекѣ передъ каминомъ и мирно бесѣдовали, покуривая сигары. Вскорѣ намъ предстояло разстаться на нѣкоторое время: Рейбёрнъ хотѣлъ отправиться на слѣдующій день въ Идаго, гдѣ начиналась разработка рудниковъ, а Янгъ неожиданно вызвался сопутствовать ему. Грузовой агентъ скучалъ безъ занятія и не зналъ, куда ему дѣваться; что же касается его плана купить желѣзную дорогу Старой Колоніи, чтобы прогнать директора, то это ему не удалось.—Конечно,—говорилъ онъ,—мнѣ было бы пріятно насолить старому негодяю, какъ онъ насолилъ мнѣ, но вѣдь въ сущности все вышло къ лучшему: еслибъ я не потерялъ должности, то и теперь служилъ бы, какъ прежде, съ желѣзнодорожнымъ грузомъ до конца своихъ дней. Поэтому, пускай себѣ мой непріятель живетъ спокойно на своемъ мѣстѣ. Мнѣ же хочется сдѣлать какое нибудь доброе дѣло на тѣ громадныя деньги, которыя я пріобрѣлъ въ долинѣ Азтлана. Вотъ почему я отправляюсь съ Рейбёрномъ въ Идаго и всю дорогу отъ Аннъ-Арбора до города Буазе стану угощать на свой счетъ желѣзнодорожную прислугу. Пускай бѣдные люди порадуются вмѣстѣ со мною.

Эта странная метода осчастливить человѣчество разсмѣшила насъ съ Рейбёрномъ. Потомъ Рейбёрнъ принялъ серьезную мину и сказалъ:—По моему, мы сдѣлаемъ хорошо, приведя въ порядокъ старинную церковь въ Мореліи. Я очень радъ, профессоръ, что вамъ пришла въ голову такая мысль. Это—самое лучшее средство почтить память фра-Антоніо; онъ такъ горячо любилъ свой храмъ и мы постараемся украсить его всѣмъ, что можно пріобрѣсти за деньги.

— Конечно,—согласился Янгъ,—но только я полагаю, что нашъ профессоръ ухитрится придать всѣмъ новымъ украшеніямъ, которыя мы туда помѣстимъ, такой видъ, какъ будто они просуществовали двѣсти лѣтъ. Сначала я былъ противъ реставраціи стараго зданія. Мнѣ хотѣлось выстроить первоклассный новый храмъ съ высокой колокольней, паровымъ отопленіемъ, электрическимъ освѣщеніемъ и большимъ органомъ, который потрясалъ бы своды, когда на немъ заиграютъ. Но падре также любилъ все старомодное, какъ и профессоръ; поэтому лучше сдѣлать все по его вкусу. Положимъ, мнѣ несовсѣмъ пріятно тратить деньги на католическую церковь. Когда я разсказалъ о своемъ намѣреніи моей старушкѣ-теткѣ, живущей въ Мельтонѣ, она страшно возмутилась, разбранила меня и не успокоилась даже тогда, когда я прибавилъ, что ради покойнаго падре готовъ поѣхать въ Римъ и пожать руку самому папѣ. Дѣйствительно,—продолжалъ грузовой агентъ серьезнымъ тономъ, причемъ его голосъ замѣтно дрогнулъ,—я радъ сдѣлать въ память фра-Антоніо что угодно, потому что никогда въ жизни не встрѣчалъ человѣка такой ангельской доброты, какъ падре. И когда я только вспомню, что онъ спасъ всѣмъ намъ четверымъ нашу ничтожную жизнь, пожертвовавъ своей собственной, которая стоила въ десять разъ больше нашихъ четырехъ, вмѣстѣ взятыхъ—я забываю, что францисканецъ исповѣдывалъ другую религію. Клянусь честью, я готовъ проломить голову всякому, кто осмѣлится сказать, что онъ не былъ самымъ умнымъ и совершеннѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ!

Пабло уловилъ слово „падре“ въ непонятной ему англійской рѣчи Янга и, когда мальчикъ поднялъ на меня глаза изъ своего уголка, я замѣтилъ, что они наполнились слезами. Да и глаза Рейбёрна подозрительно блеснули, когда онъ вдругъ отвернулся въ сторону, чтобы вытряхнуть въ огонь пепелъ изъ своей трубочки. Передо мной также всѣ предметы задернулись на минуту легкимъ туманомъ, когда нѣжное и вмѣстѣ съ тѣмъ горькое воспоминаніе объ умершемъ другѣ взволновало мнѣ сердце.

Мои гости скоро ушли: намъ не хотѣлось переводить разговора на обыденные житейскіе вопросы. Пабло я приказалъ ложиться спать и остался въ библіотекѣ одинъ. Мнѣ хотѣлось

просмотрѣть въ тотъ вечеръ рефератъ, который я собирался въ скоромъ времени прочесть на засѣданіи археологическаго института, но мои мысли блуждали далеко и неудержимо стремились къ недавнему прошлому, такъ что я былъ принужденъ отложить въ сторону перо.

Поздній часъ и одиночество располагали къ задумчивости; я мысленно переживалъ все время моего знакомства съ фра-Антоніо съ перваго дня, когда увидалъ его колѣнопреклоненнымъ передъ распятіемъ въ ризницѣ, до послѣдняго момента мученической кончины подвижника.

И пока я вспоминалъ нашу нѣжную дружбу съ фра-Антоніо и варварскую жестокость его мучителей, мною овладѣла такая невыносимая тоска, такое горькое сожалѣніе, что я не зналъ, куда дѣваться. Но вдругъ въ моей душѣ возникло твердое убѣжденіе—оставшееся непоколебимымъ до сихъ поръ—что изъ любви къ фра-Антоніо я долженъ радоваться его трагическому концу. Вѣдь когда я встрѣтилъ его первый разъ въ церкви С. Франциско въ Мореліи, погруженнаго въ пламенный религіозный экстазъ, юный, чистый сердцемъ монахъ съ его возвышенными помыслами вымаливалъ себѣ именно тотъ мученическій вѣнецъ, котораго и сподобился по волѣ божіей въ языческомъ городѣ Кулхуаканѣ. Эта странная мысль всецѣло поглотила меня и надо мной какъ будто раздался голосъ падре, говорившій: „Я стремлюсь заслужить иную жизнь, безконечную, славную, и переселиться туда, гдѣ нѣтъ ни смерти, ни грѣха, ни страданія“.

Конецъ.

КАВКАЗСКІЯ ПРЕДАНІЯ И ЛЕГЕНДЫ [1]).

I. Духи горнаго монастыря.

I.

Высоко по темному небу плыветъ луна. День, съ его томительнымъ зноемъ, съ его мертвящей тишиной, прошелъ, и теперь по долинѣ, съ горныхъ вершинъ, окружающихъ ее, вѣетъ прохладой. Древняя столица Грузіи [2]) оживилась. Но это не то обыкновенное оживленіе, которое замѣчается каждый вечеръ съ закаатомъ горячаго солнца и съ дуновеніемъ сумеречной прохлады... Нѣтъ, въ этотъ вечеръ чувствуется, что поднявшаяся суетня и оживленіе скрываютъ за собой какое нибудь торжество или ожиданіе радостнаго событія. На плоскія крыши домовъ, расположенныхъ ярусами другъ надъ другомъ, высыпалъ народъ, шумя и веселясь: гдѣ слышится крикливая оживленная рѣчь, гдѣ веселые и удалые звуки зурны и барабана, гдѣ спокойные, мечтательные и унылые стоны джіануры или мествири [3]). Съ другихъ крышъ подымается тоненькой струйкой дымокъ отъ курящагося кальяна, или чувствуется удушливый запахъ угара отъ мангала [4]), на которомъ жарится вкусный шашлыкъ. Горятъ смоляные факелы, бьютъ барабаны и тулумбасы, слышатся мѣрные удары

[1]) Первыя двѣ легенды („Ночи Тамары“ и „Старый Гудъ“) были напечатаны въ „Наблюдателѣ“ 1890 г., №№ 11 и 12.

[2]) Мцхетъ—теперь первая почтовая станція отъ Тифлиса.

[3]) Туземные инструменты примитивнаго устройства.

[4]) Родъ жаровни.

въ ладоши, въ тактъ отплясываемой лезгинки. На лихомъ скакунѣ, побрякивая серебряной шашкой о серебряное стремя, съ высоко поднятой надъ головой плетью, лихо проскачетъ какой нибудь джигитъ и сразу, взмахнувъ и ударивъ плетью по лошади, на всемъ скаку остановитъ ее, такъ что заднія ноги у нея подогнутся. За городомъ, за стѣной, далеко по долинѣ разъѣзжаютъ вооруженные съ ногъ до головы всадники въ желѣзныхъ сѣтчатыхъ шлемахъ; и тутъ костры и факелы, шатры, говоръ и пѣсни...

Огромный дворецъ грузинскаго царя Ираклія, стоящій на самомъ берегу Куры, темными массами выдѣляется на этомъ праздничномъ фонѣ, и въ немъ все сравнительно тихо. Давно уже погашены огни, и внутри его все успокоилось. Внизу, въ подвальномъ окнѣ, еще виденъ красноватый свѣтъ подъ мангаломъ, около котораго собралась дворцовая челядь, передавая другъ другу впечатлѣнія пережитаго дня, да наверху, въ угловой высокой башнѣ, выходящей въ тѣнистый, роскошный садъ, свѣтится тусклый лампадный огонекъ передъ образомъ Самебы [1]). У раствореннаго окна сидитъ, вся въ бѣломъ, прекрасная златокудрая Эна, приближенная дѣвушка царской дочери. Въ опочивальнѣ царевны, прекрасной, какъ божій день, чернокудрой красавицы, стройной, какъ высокая раина, все тихо. Она давно уже улеглась на свою тахту, и сонъ смежилъ ея усталыя очи. Она много хлопотала днемъ, а теперь, отъ утомленія и отъ приготовленій къ завтрашнему торжественному дню—она уснула крѣпкимъ дѣвичьимъ сномъ. Но въ башенномъ окнѣ еще мерцалъ свѣтъ. Тамъ, смотря широко раскрытыми глазами въ темную бездну сада, вдыхая полною грудью густой запахъ цвѣтущей бѣлой акаціи, замечталась молодая Эна. Она мечтала о томъ, что скоро ей придется разстаться съ своей милой подругой—царевной. Пріѣдетъ завтра молодой женихъ, осетинскій князь Омаръ, возьметъ ее за себя замужъ и заживутъ они въ какомъ нибудь замкѣ счастливо и весело, какъ молодые орлы на высотахъ горъ. Придется ей, одинокой сироткѣ, вернуться въ родимый аулъ, гдѣ не осталось у нея ни родныхъ, ни друзей, ни подругъ. А красивъ, должно быть, этотъ молодой

[1]) Богородица.

джигитъ, князь-женихъ!—мечтала она. Много чудныхъ разсказовъ слышала она, за эти дни, о его геройскихъ подвигахъ, о его богатствѣ, силѣ, ловкости и могуществѣ... Яркая луна плыла по темносинему небу; на немъ горѣли не менѣе яркія звѣзды и переливались краснымъ пламенемъ разноцвѣтныхъ огней. Кура текла величаво и спокойно, и блескъ луны отражался расплавленнымъ серебромъ въ ея темныхъ водахъ. Высокіе тополи и раины чернѣли на прозрачномъ фонѣ неба. Смѣшанный запахъ розъ, олеандровъ, акацій и еще какихъ то цвѣтовъ поднимался густыми парами и вливался ей въ грудь, туманилъ голову, тревожилъ ея мечты. Она опьянѣла отъ этой ночи, отъ этого запаха, отъ шума рѣки, отъ дуновенья прохладнаго вѣтерка. И ей захотѣлось любить, излить на кого нибудь накопившуюся въ ней нѣгу, обнять и прижать къ своей дѣвичьей груди какого нибудь молодаго красавца. И вдругъ безумныя мечты овладѣли ею:

— Что... если? Еслибъ князь Омаръ полюбилъ ее, одинокую, бѣдную сироту? Какое это было бы счастье!...—И она представляла себѣ, какъ онъ завтра пріѣдетъ, взглянетъ на нее, и этотъ взглядъ прожжетъ ей душу, покоритъ и его сердце. Откажется онъ отъ невѣсты, похититъ ее, Эну, изъ этого окна, скроется во мракѣ тѣнистаго сада и умчитъ ее на своемъ борзомъ конѣ въ далекую, скалистую Осетію, поселится съ ней на какой нибудь недоступной вершинѣ, въ каменномъ замкѣ съ подземными ходами, и будутъ они жить долго и счастливо, любить нѣжно и страстно...

Но глаза богородицы были устремлены на нее съ образа грустно и строго.

Она опомнилась... Вспомнилась ей пѣсенка матери, которую та часто напѣвала ей въ дѣтствѣ, и она, отбросивъ свои дурныя мысли, запѣла вполголоса:

Озеру ль съ моремъ сравниться глубокимъ?
Женщинѣ ль умной ссору завесть?
Рѣчкѣ ль разлиться потокомъ глубокимъ?
Можно ль вѣнокъ изъ колючки заплесть?
Выкинь изъ памяти мысли дурныя,
Будь ты довольна своею судьбой,
Вспомни, когда же другъ съ другомъ родные
Брань завели изъ-за рѣчи пустой?

Съ удавомъ змѣё ль водяной потягаться?
Барану-ль простому архада [1]) сразить,
Горшку-ль съ чугуномъ вдругъ задумалось драться?
Воронѣ-ль орла поразить?
Выкинь изъ памяти мысли дурныя,
Пшеница на камнѣ врядъ ли взрастетъ,
Пусть твои мысли сіяютъ святыя,
Сталь же на солнцѣ вѣдь только блеснетъ [2])...

Но грѣшныя мысли не покидали ея, ночь раздражала, запахъ опьянялъ. Въ шумѣ рѣки она слышала смутныя рѣчи, а въ дуновеньѣ вѣтерка чуяла страстныя ласки. И безумно захотѣлось ей любви молодой и сильной, безумной, какъ ея грезы, страстной, какъ эта ночь. Она прислонилась златокудрой головкой къ окну, заломила прекрасныя бѣлыя руки, и глухія рыданья огласили погрузившійся въ темноту ночи душистый садъ. Кругомъ въ городѣ давно все умолкло; потухли костры; замолкли пѣсни. Все успокоилось передъ утреннимъ разсвѣтомъ. Луна блѣднѣла, звѣзда за звѣздой умирала, небо свѣтлѣло. Наверху въ башнѣ закрылось окно. Она потушила лампаду и легла на софу...

II.

За нѣсколько верстъ отъ столицы, по узкой каменистой тропѣ между скалами, въ клубахъ пыли скачетъ князь-женихъ къ своей невѣстѣ, въ сопровожденіи огромной свиты преданныхъ людей, слугъ и друзей. Его молодое, ретивое сердце горитъ джигитскою страстью. Наслышался онъ необыкновенныхъ вещей о красотѣ царской дочери. Бродячіе рапсоды, приходившіе къ нимъ въ Осетію, восторженно славили ее въ своихъ монотонныхъ пѣсняхъ, которыя они пѣли по вечерамъ, сидя гдѣ нибудь въ углу узкой и высокой залы, въ одинокой башнѣ на вершинѣ скалы, въ то время, когда молодые беки и князья кутили за столами, послѣ дневнаго похода на туровъ и каменныхъ барановъ. Унылая мелодія ме-

[1]) Горный, такъ называемый, „каменный баранъ“.
[2]) Древняя, народная грузинская пѣсня.

ствири сопровождала пѣніе рапсодовъ, но слова пѣсни звучали восторгомъ и обожаніемъ. „Хороша и блестяща, какъ роза, стройна, какъ родимая чинара“, пѣли они про царевну: «она сіяетъ, какъ горный хрусталь въ замкѣ своего отца, царя Ираклія... Черныя очи ея темнѣе ночи, бѣлые зубы бѣлѣе жемчуга; она быстра, какъ горная лань“:.. Много храбрыхъ князей, удальцовъ и джигитовъ искали ея руки, многіе изъ дальнихъ и чужеземныхъ странъ нарочно съ опасностью жизни являлись къ Ираклію свататься за его красавицей-дочкой, но всѣмъ она отказывала, всѣ ей приходились не по душѣ. Она принимала ихъ радушно, каждаго одѣляла вниманіемъ и ласкою, чѣмъ еще болѣе отуманивала ихъ головы, ранила ихъ влюбленныя сердца. Но никому изъ нихъ не удалось покорить ея сердце. А почему? А потому, что тѣ же рапсоды, бродя изъ году въ годъ, изъ одной страны въ другую, посѣщали и домъ молодой красавицы. И у нея они пѣли пѣсни; и отъ нихъ она услыхала въ первый разъ имя красавца Омара; они ей напѣли про его мужественную красоту, львиное сердце, желѣзную руку, орлиный взглядъ. И покорили они ея дѣвичье сердце лучше и скорѣе, чѣмъ всѣ посѣщавшіе дворъ джигиты...

Въ этихъ мечтахъ скачетъ Омаръ по дорогѣ къ своей невѣстѣ. Съ полгода тому назадъ, онъ засылалъ къ отцу ея сватовъ съ богатыми дарами, съ караваномъ верблюдовъ, нагруженныхъ дорогими шолковыми тканями, коврами, серебромъ, драгоцѣнными камнями. Посольство было принято и отпущено съ благопріятной вѣстью. Сильно обрадовался молодой князь и, не долго думая, собрался въ путь. Снарядилъ онъ и конвой, и въ одну лунную ночь, такую же, какъ вотъ эта ночь, — послѣдняя, которую онъ проводитъ въ одиночествѣ, хотя и вблизи своей невѣсты, — собрался въ путь. Какъ давно это было! Какимъ длиннымъ и томительнымъ путемъ показалась ему эта дорога, ему, который привыкъ по недѣлямъ и мѣсяцамъ не слѣзать съ коня. Но теперь Омаръ уже близко. Скоро, скоро, завтра утромъ онъ увидитъ свою красавицу-невѣсту, а тамъ недолго ждать и того времени, когда онъ повезетъ ее обратно въ свою горную Осетію. Да и ждать-то будетъ легко, глядя въ ея прекрасныя очи. Ночь застала его у входа въ долину; послѣдніе отроги грозныхъ

горъ, оставшихся позади, постепенно понижаясь, перешли въ рядъ невысокихъ холмовъ и растаяли въ долинѣ, слившись съ нею, съ ея роскошной растительностью, звонкими ручьями, благоухающими цвѣтами. Конвой расположился на ночлегъ: неприлично было являться во дворецъ ночью. Омару подстелили богатый персидскій коверъ, и онъ улегся на немъ, положивъ подъ голову свое сѣдло, покрытое расшитымъ чепракомъ. Но ему не спалось. Онъ глядѣлъ въ темно-синее небо, на ярко блиставшія крупныя звѣзды, и весь отдался мечтамъ...

„Вотъ ихъ много звѣздъ на этомъ небѣ, — думалъ онъ,— но одна изъ нихъ ярче и прекраснѣе всѣхъ остальныхъ. Какъ она красива и блестяща! Не она ли свѣтитъ теперь надъ моей красавицей—Агундой? Не она ли, забравшись черезъ окно, льетъ свое сіяніе на ея сомкнутыя очи, на ея дѣвичій станъ, покоющійся сномъ на широкой тахтѣ [1])? Агунда, Агунда! Мечтаешь ли ты о своемъ джигитѣ?!..

Задолго до восхода солнца, чуть только утро забрежжило на сосѣднихъ холмахъ, онъ уже былъ на конѣ и скакалъ по дорогѣ; едва только первые лучи восходящаго солнца разсѣяли предразсвѣтную мглу и пестро расцвѣтили долину, какъ онъ увидѣлъ передъ собой городъ. Онъ осадилъ коня, слѣзъ съ сѣдла, оправился, умылся изъ кувгана [2]) утренней свѣжей водой и торжественно совершилъ свой въѣздъ. Столица была уже на ногахъ; звонко раздавались по улицамъ пѣсни, далеко по долинѣ проносился громъ барабановъ и звуки зурны. Все ликовало. Его встрѣтили съ почетомъ и проводили во дворецъ. Сердце громко колотилось въ его груди, когда онъ входилъ въ богатую и обширную залу дворца. Вотъ его встрѣтилъ царь и дружески привѣтствовалъ длинной рѣчью, съ турьимъ рогомъ въ рукахъ, наполненнымъ искрометнымъ виномъ. Когда рѣчь кончилась, и Омаръ выпилъ предложенный ему рогъ, онъ взглянулъ передъ собой и увидѣлъ сидящую на тахтѣ царевну... Боже, что это? Отчего въ душѣ его поднялась тревога, отчего яркая краска залила его лицо, отчего глаза быстро забѣгали, а не сосредото-

[1]) Диванъ безъ спинки, покрытый коврами.

[2]) Металлическій кувшинъ съ узкимъ горломъ.

чились неподвижно на лицѣ царевны?... Увы! Онъ не зналъ, на комъ остановить свой очарованный взоръ. Царевна безспорно прекрасна, и бродячіе рапсоды не обманули его въ своихъ пѣсняхъ ни единымъ словомъ. Густая волна волосъ обрамляла ея блѣдное лицо, на которомъ горѣли глаза, мрачные и очаровательные, какъ безлунная лѣтняя ночь. И губы ея были розовыя, какъ лепестки душистой розы, и зубы были бѣлѣе кристалла. Да, она была прекрасна, какъ ему и пѣли рапсоды... Лучшей красавицы онъ не видѣлъ ни въ Осетіи, ни въ иныхъ земляхъ, гдѣ ему доводилось бывать — это вѣрно... Но рядомъ съ ней, съ красавицей-царевной, сидѣла другая дѣвушка, тоже прекрасная, еще прекраснѣе первой. Если царевна олицетворяла собою темную ночь, то златокудрая Эна — яркій, сіяющій, радостный день. Улыбкой лѣтняго дня, свѣжестью ранней весны, благоуханіемъ полевыхъ цвѣтовъ вѣяло отъ нея,—и отъ ея голубыхъ, какъ небо, глазъ не могъ отвести своего взора молодой и уже несчастный женихъ. Грозная молнія мелькнула въ черныхъ глазахъ царевны; темнѣе тучи нахмурилось ея лицо; губы поблѣднѣли и искривились злобной и недоброй усмѣшкой... Вяло прошелъ день. Никто почти не замѣтилъ этого происшествія, но царевна была не въ духѣ, нахмурилась и скоро передъ вечеромъ удалилась къ себѣ въ опочивальню. Жениху тоже было не по себѣ, и онъ радъ былъ, когда ему представилась возможность удалиться въ свои покои.

И въ эту ночь онъ не спалъ, а мечталъ, какъ и наканунѣ, когда его посѣщали грезы о невѣстѣ. Но теперь та, другая, наполняла его душу; и радостный день, который она олицетворяла собою, былъ ему милѣе сумрачной ночи. И одинъ только лучъ, лучъ золотаго солнца былъ ему теперь отраднѣе и желательнѣе мерцанья всѣхъ звѣздъ. А ночь душная и ароматная, напоенная запахомъ цвѣтущаго миндаля, магноліи и бѣлой акаціи, несущимся изъ царскаго сада, врывается въ окно его комнаты, тревожитъ, волнуетъ, терзаетъ его. Звѣзды яркія и лучезарныя глядятъ на него съ купола прозрачнаго неба, но, кажется ему, глядятъ онѣ теперь укоризненно и строго. Онъ избѣгаетъ смотрѣть на нихъ. А луна высоко плыветъ по небу и срываетъ покровъ съ окутаннаго тьмою сада, обнажая кусты цвѣтущихъ растеній, вырывая изъ мрака

ночи аллеи и скамейки, бросая на все свой серебряный свѣтъ... Гдѣ-то, въ отдаленномъ углу сада, запѣлъ свою нѣжную пѣсню соловей. Вдали, сливаясь съ Курой, шумитъ Арагва. И шумъ двухъ рѣкъ-сестеръ навѣваетъ ему волшебные сны, любовныя грезы. Лунный блескъ мѣшаетъ этимъ грезамъ и манитъ волшебной силою въ садъ. Душно, невыносимо душно въ комнатѣ, да и не спится ему; сны наяву мѣшаютъ ему уснуть укрѣпляющимъ сномъ. Онъ выходитъ въ садъ. Что это? Не видѣнье ли появилось въ окнѣ, приходящемся какъ разъ надъ его комнатой. Не она ли это, не чудная ли Эна въ задумчивой позѣ, купаясь въ лунныхъ лучахъ, сидитъ у окна и смотритъ въ садъ? Да, это она. Тогда онъ отходитъ въ тѣнь, скрывается за густолиственной акаціей, и пѣсня, когда-то слышанная имъ у рапсодовъ, неудержимо просится ему въ душу. Онъ дрожащимъ голосомъ начинаетъ ее. И нѣжно, и тихо льется она по волшебному саду и сливается съ пѣніемъ соловья, и оба они поютъ, упоенные дивною ночью, оба влюбленные, оба свободные. Кто можетъ имъ помѣшать? „Въ эту чудную лѣтнюю ночь“,—поетъ онъ,—„прогони всѣ сомнѣнія прочь, всѣ печали, все горе земное. Дай услышать твой голосъ волшебный, дай на себя наглядѣться, дай насладиться тобою. Ты—мой рай, мое блаженство. Предъ тобою всѣ дѣвы отчизны — что звѣзды предъ яркой луной“.

Такъ пѣлъ онъ, и пѣснь его неслась по саду и достигла до окна, на которомъ сидѣла Эна. И жадно внимала она той пѣснѣ ночной, жадно слушала порывистыя рѣчи молодаго красавца, который теперь стоялъ подъ ея окномъ.

— Эна! Радостный день моей жизни, солнце души моей, звѣзда моего счастья, — шептали его губы, и шопотъ этотъ зажегъ страсть въ душѣ златокудрой красавицы.

Въ противоположномъ флигелѣ замка открылось окно, и на его освѣщенномъ фонѣ показалась фигура царевны... Она видѣла все, она все услышала. Видѣла она Эну, Омара, видѣла, какъ онъ простиралъ къ ней руки, какъ она жадно слушала его рѣчи. И пѣсни его, и его рѣчи она услыхала. Измѣнница-луна, царица ночи, какъ бы сочувствуя сумеречной красотѣ Агунды, ярко освѣтила эту картину и выдала ихъ тайну.

— Милый джигитъ, свѣтлоокій князь! — шептала Эна.

Крикъ женской ярости прорѣзалъ благоухающую ночь. Испуганный соловей сразу замолкъ и въ саду воцарилась зловѣщая тишина... Окно въ противоположномъ флигелѣ съ шумомъ захлопнулось. Князь вздрогнулъ. „Откуда этотъ крикъ?“— подумалъ онъ. Но Эна, закрывая отъ ужаса и стыда лицо красивыми бѣлыми руками, трепетно прошептала:

— Горе намъ, великое горе! Насъ услыхала царская дочь.

III.

Прошло около года. Тяжелыя тучи низко бѣжали по сѣрому небу, разрываясь объ острыя вершины скалистыхъ горъ. Унылый и безконечный дождь мелкой сѣтью заволакивалъ угрюмыя окрестности. Цѣлое море голыхъ и непривѣтливыхъ скалъ; надъ ними клочки оборванныхъ тучъ, а подъ ними — шумъ быстро скачущаго горнаго ручья. Темныя ущелья, узкія разщелины въ скалахъ и глубокія долины, лишенныя растительности, только увеличивали тоскливость и одичалость природы. На одной изъ скалъ, высоко вознесенный надъ землей, стоитъ маленькій каменный монастырь. Узкая тропа, высѣченная въ горахъ, какъ змѣя, вьется по скату, и путь по этой тропѣ труденъ, какъ путь въ рай, ибо, при малѣйшей неосторожности, камни скатываются изъ подъ ногъ, и направо и налѣво разверзаются зіяющія пропасти. Все вокругъ безмолвно. Только рѣка шумитъ гдѣ-то на самомъ днѣ бездны, но шумъ ея не достигаетъ монастыря. Только изрѣдка печальные звуки монастырскаго колокола огласятъ окрестность, отдадутся эхомъ по скаламъ, и съ послѣднимъ отзвукомъ печально и безнадежно замрутъ гдѣ-то вдали.

Сегодня звуки эти раздаются все чаще и чаще. Сегодня рѣдкій праздникъ въ обители. Въ монастырь прибываетъ молодая монахиня, только что постриженная въ столицѣ царя Ираклія. Монахини вышли изъ монастыря встрѣтить свою новую подругу. По обычаямъ ихъ обители, никто изъ мужчинъ не имѣлъ права переступить ихъ порога. Поэтому конвой,

сопровождавшій вновь прибывшую, оставилъ ее у первой ступени тропы и удалился, а она одна поднялась къ монастырю. Кто бы узналъ молодую красавицу Эну въ этомъ скромномъ черномъ одѣяніи съ поблекшими щеками, съ потухшими глазами? Но это была она. Царская дочь, распаленная гнѣвомъ, велѣла ей постричься въ монахини и сослала ее въ этотъ дальній, всѣми забытый, уединенный монастырь. Кто переступалъ разъ его порогъ, навѣки погребалъ себя тамъ. Никто больше не увидитъ красавицы Эны!

Видѣлъ ее только одинъ человѣкъ—это князь Омаръ. Со вчерашняго дня онъ сторожитъ ее за однимъ каменнымъ могильнымъ крестомъ. Онъ поднялся на гору вчера, во время бури, и цѣлую ночь провелъ безъ пищи и прикрытія, въ ожиданіи ея появленія. Такая же буря клокотала въ его сердцѣ, какъ вчера на горахъ; огонь жегъ его душу и раны терзали его сердце. Онъ смотрѣлъ на Эну, возмущенный и злобный, а она, умиротворенная, задумчивая и кроткая, тихо прошла мимо него и скрылась въ воротахъ обители, какъ видѣнье, какъ духъ. Стройное пѣніе огласило окрестность; еще нѣсколько ударовъ колокола, и все смолкло. Больше ничего и не нужно было князю; онъ удостовѣрился, что она здѣсь, въ монастырѣ; въ одномъ изъ оконъ онъ увидѣлъ ея черную статную фигуру—это было окно ея кельи.

Когда наступили сумерки, князь вышелъ изъ своей засады и очутился подъ этимъ окномъ. Теперь не свѣтили ему звѣзды, не было на небѣ луны; тяжелыя черныя тучи поползли въ вышинѣ, и изъ нихъ, какъ слезы, капалъ дождь. Заунывный вѣтеръ завывалъ между скалами. Одинокая монахиня, склонившись въ углу своей кельи передъ образомъ Богоматери, шептала молитву. И вдругъ, среди безмолвной тиши ночи, она услыхала знакомый голосъ, издали донесшійся до нея:

Предъ тобою всѣ дѣвы отчизны
Что звѣзды предъ яркой луной...

Вся зардѣвшись отъ испуга и радости, она открыла окошко. Подъ нимъ стоялъ ея возлюбленный. Она готова была ринуться внизъ, упасть въ его объятія, ускакать съ нимъ на край свѣта... но ликъ богоматери также строго смотрѣлъ на нее изъ полутемнаго угла, освѣщенный желтымъ пламенемъ мерцающей лампады, какъ тогда, когда она мечтала, вглядываясь

въ роскошный садъ царскаго дворца,—и она съ болью въ сердцѣ сдержала свой порывъ и прошептала чуть слышно:

— Уйди, мой джигитъ, радость души моей, уйди: я навѣки принадлежу Богу...

Окно захлопнулось. Понуря голову, медленно спускался по скаламъ князь, обдумывая планъ мщенія.

На другое утро, Омаръ на лихомъ скакунѣ мчался домой. Ему нечего было придумывать планъ мщенія. По дорогѣ ему встрѣтился лазутчикъ, который отыскивалъ его цѣлую недѣлю, чтобы объявить, что царь Ираклій изготовился идти въ походъ на Осетію, дабы наказать дерзкаго оскорбителя его дочери. Омаръ зналъ, что если онъ объѣдетъ двухъ-трехъ владѣтельныхъ князей горной Осетіи, то вся страна подымется, какъ одинъ человѣкъ, и, спустившись съ высотъ въ долины Грузіи, потокомъ разольется по нимъ и наводнитъ ихъ ужасомъ и стонами. Не въ первый разъ хищнымъ осетинамъ драться съ робкими грузинами; не въ первый разъ возвращаться имъ въ неприступныя орлиныя гнѣзда свои съ богатою добычей, съ караванами ковровъ, драгоцѣнныхъ тканей, бурдюковъ вина, фруктовъ и толпою заложниковъ. Эта война ему не страшна. Онъ ѣхалъ по горной тропинкѣ и задумался. Онъ думалъ о тѣхъ временахъ, когда Грузія была могущественна и славна. Тѣ времена давно прошли, и отъ нихъ ничего не осталось, какъ ничего не осталось отъ ихъ царицы Тамары, кромѣ сказочной славы. „Что̀ можетъ быть добраго отъ женщины“, разсуждалъ онъ, „а ужь когда женщина правитъ государствомъ—толку мало бываетъ“. Онъ зналъ, что при Тамарѣ юношество училось въ Греціи, въ Аѳинахъ, что подданные ея говорили на 35 языкахъ, и гордо улыбнулся, сравнивая свою осетинскую молодежь, полную отваги и дикой храбрости, съ образованнымъ, но изнѣженнымъ и избалованнымъ грузинскимъ юношествомъ. Онъ уважалъ царицу Тамару, какъ храбрую женщину, но не признавалъ за нею способности правительницы, такъ какъ она не съумѣла укрѣпить государство, хотя побѣдоносно воевала съ турками, персами и всякими иными хищными племенами. Но только что ея не стало, и опять сосѣди начали разорять и грабить Грузію, у которой не было теперь ни войска, ни богатствъ, ни энергичнаго правителя. Изъ разсказовъ рапсодовъ и старыхъ людей своего аула онъ зналъ,

ито Тамара, дочь Георгія III, два раза была замужемъ: сна-
ала за Георгіемъ, сыномъ Андрея Боголюбскаго, котораго
обвинила впослѣдствіи въ разныхъ государственныхъ престуи-
леніяхъ и сослала въ Стамбулъ, для того чтобы выйти замужъ
за Сослана-Давида, осетинскаго князя. Омаръ опять улыбнулся.
Это льстило его самолюбію, и онъ старался вообразить себя
на мѣстѣ Сослана: онъ съумѣлъ бы прибрать и Тамару, и
Грузію къ своимъ рукамъ, и теперь ему не пришлось бы вое-
вать съ грузинами, которыхъ онъ сдѣлалъ бы своими подлан-
ными. Что касается Ираклія, добродушнаго и слабаго царя,
онъ не боялся его. Теперь онъ ѣхалъ домой собирать войско;
онъ позволитъ своимъ воинамъ вдосталь натѣшиться въ удаломъ
набѣгѣ и поживиться дарами благодатной страны; онъ теперь
силой возьметъ Агунду и женится на ней, чтобы отомстить за
Эну, образъ которой носился передъ нимъ, не покидая его ни
днемъ, ни ночью. А что касается до того, чтобы погубить
Агунду, то на этотъ счетъ жестокій и мстительный Омаръ не
задумывался. На это есть тысячи способовъ, и отчего бы ему
не примѣнить способа, который примѣнила когда-то царица
Тамара къ опостылѣвшему ей мужу? И радостная улыбка оза-
рила его лицо.

Полчища осетинъ наводнили Грузію. Царь Ираклій только
что собрался подойти къ подножію Кавказскаго хребта, чтобы
броситься на Осетію, какъ уже осетины потокомъ хлы-
нули съ горъ, и въ Кайшаурской долинѣ разыгралась битва.
Грузины бѣжали. Осетины преслѣдовали ихъ по цвѣтущимъ
долинамъ Грузіи и гнали изъ аула въ аулъ. Одѣтые въ крас-
ные кафтаны, на красивыхъ, но изнѣженныхъ карабахскихъ
коняхъ, не выдерживали грузины напора полудикихъ пол-
чищъ. Омаръ стоялъ уже подъ ихъ столицей. Два мѣсяца
длилась осада. Царь Ираклій бѣжалъ въ Турцію, гдѣ вскорѣ
и умеръ, и столица должна была со дня на день сдаться.
Омаръ, сидя въ своемъ шатрѣ, терпѣливо ждалъ этого дня.
А пока онъ развлекался, попивая изъ турьихъ роговъ въ
черной серебряной оправѣ душистое вино, шутилъ съ своими
приближенными, вспоминалъ голубые, какъ вешнее небо,
глаза красавицы Эны и ея губы, красныя, какъ вѣнчикъ гра-
ната. По вечерамъ заставлялъ онъ рапсодовъ пѣть ему пѣсни
отчизны, и самъ игралъ на джіанурѣ, разукрашенной сереб-

ромъ, мѣдью и стеклянными бусами. Но все это ему надоѣло; ему надоѣло это вынужденное бездѣйствіе, и хотя онъ выѣзжалъ въ набѣги, чтобы пограбить еще уцѣлѣвшіе дальніе аулы, но это его не удовлетворяло и ему хотѣлось добиться своего.

Однажды ночью, послѣ попойки, когда онъ легъ уже на тахту и положилъ себѣ подъ голову мутаку [1]), собираясь заснуть до утра, онъ услышалъ шумъ за пологомъ шатра. Черезъ нѣсколько минутъ, войлокъ шатра распахнулся, и онъ увидѣлъ женскую фигуру въ сопровожденіи своей стражи. Это была Агунда. Дикая радость блеснула въ его глазахъ. Наконецъ цѣль его достигнута! Она была также прекрасна, какъ годъ тому назадъ, даже еще прекраснѣе. Она стала еще блѣднѣе, и глаза ея стали еще больше, еще выразительнѣе. И въ глазахъ этихъ онъ прочелъ мольбу о пощадѣ, глубокое горе и безумную, гордую ненависть.

— Что ты сдѣлала съ Эной?—спросилъ ее Омаръ.

Лицо Агунды исказилось, гнѣвный огонекъ блеснулъ въ ея черныхъ глазахъ. Она презрительно улыбнулась и сказала сквозь зубы:

— Я приказала ее умертвить.

Онъ улыбнулся въ отвѣтъ на эту ложь.

— Чего же ты отъ меня хочешь?—спросилъ онъ ее.

— Я пришла просить пощады, побѣдитель. О, нѣтъ нѣтъ, не для себя,—гордо прибавила она, уловивъ улыбку на лицѣ Омара.—Со мной ты можешь дѣлать, что хочешь. Нѣтъ, я прошу за мой народъ, за осажденный городъ. У насъ уже три дня нѣтъ воды, и мы умираемъ съ голоду. Ты мстишь мнѣ и моему отцу. Но мой отецъ умеръ, а я... вся въ твоей власти... сними же осаду съ города и освободи ничѣмъ неповинныхъ людей...

— Довольно, Агунда,—отвѣтилъ ей Омаръ. — Выслушай мое рѣшеніе. Я могъ бы поступить съ тобой жестоко, могъ бы приказать умертвить тебя, какъ ты сдѣлала это съ Эной... Не улыбайся такъ радостно и гнѣвно, я не доставлю тебѣ этого удовольствія. Я добрѣе тебя. Я сниму осаду на слѣдующихъ условіяхъ: ты сдѣлаешься моей женой, и тогда я

[1]) Длинная подушка - валикъ, набитая шерстью.

отведу назадъ своихъ джигитовъ. Но знай, малѣйшая измѣна съ твоей стороны—и тебя постигнетъ участь Эны.

Онъ хлопнулъ три раза въ ладоши. Вошли воины въ кольчугахъ изъ заржавленнаго отъ долгаго пути желѣза. Они взяли Агунду и отвели ее въ сосѣдній шатеръ, приставивъ къ ней бдительную стражу. На другое утро столица сдалась, и въ мцхетскомъ храмѣ Агунда была обвѣнчана съ Омаромъ. Въ этотъ день, съ наступившимъ вечеромъ, въ столицѣ было не такъ уже весело, какъ въ тотъ день, когда сюда ждали Омара, какъ жениха. Не было костровъ, не было пѣсенъ, не было плясокъ. Омаръ сейчасъ же послѣ свадьбы вернулся за городскія стѣны, въ свой шатеръ, гдѣ провелъ ночь съ молодой женой. Въ станѣ и вокругъ шатра всю ночь кипѣло бѣшеное веселье. Осетины пили и пировали, ссорились при дѣлежѣ награбленной добычи и снова мирились. Празднуя свадьбу своего князя, они джигитовали и кричали, но къ утру все утихло; пьяные и усталые, всѣ улеглись спать. Только часовой ходилъ вокругъ шатра Омара и слышалъ гнѣвныя рѣчи новобрачныхъ, среди поцѣлуевъ и бѣшеныхъ ласкъ. На утро Омаръ вышелъ изъ шатра и собралъ своихъ воиновъ. Всѣ усѣлись и Омаръ держалъ имъ рѣчь:

— Храбрые воины, храбрые джигиты, — говорилъ онъ имъ: — вчера еще вы привели ко мнѣ молодую, черноокую Агунду. Она просила у меня пощады для своего народа. Я пощадилъ ее; я снялъ осаду съ города, я спасъ ея подданныхъ отъ голодной смерти. Мало того, я женился на ней. И какова же ея благодарность? Знаете ли вы, что въ эту первую брачную ночь она покушалась убить меня? Меня, своего избавителя, своего мужа и повелителя? Чего достойна такая женщина?

— Смерть ей, смерть!—закричала пьяная и непроспавшаяся толпа.—Сбросить ее со скалы въ Арагву. Привязать ее къ хвосту бѣшеной лошади!

Омаръ сдѣлалъ знакъ, и все смолкло.

— Я рѣшилъ иначе. Я не хочу ея смерти. Пусть она живетъ. Я рѣшилъ посвятить ее Богу...

Эти слова онъ произносилъ намѣренно громко, чтобы ихъ услышала Агунда.

— Я отвезу ее въ монастырь, въ самый дальній горный

монастырь, и запру ее въ уединенную келью. Пусть тамъ, на вершинахъ нашихъ родимыхъ горъ, гдѣ царятъ орлы и бури, коротаетъ она вѣкъ свой. Пусть не видитъ она вовѣки цвѣтущихъ долинъ своей родины; пусть забудетъ она о яркихъ и пахучихъ цвѣтахъ дворцоваго сада, пусть вовѣки не услышитъ пѣсенъ соловья. Пусть изъ узкаго рѣшетчатаго окна своей кельи любуется она снѣговыми полями да жалкимъ терновникомъ и колючками; пусть слушаетъ протяжный свистъ совы и изрѣдка полюбуется на розовыя крылышки каменнаго скворца, рѣдкаго гостя на этихъ высотахъ. Пусть звукъ монастырскаго колокола замѣнитъ ей зурну и джіанури...

— Да будетъ!—хоромъ отвѣтили осетины, и этотъ приговоръ, хуже всякаго смертнаго приговора, услыхала бѣдная Агунда.

Когда Омаръ вошелъ въ шатеръ, Агунда въ безсильномъ бѣшенствѣ билась головой о тахту. Лицо ея исказилось отъ гнѣва и глаза метали свирѣпыя молніи. Она узнала теперь Омара. Она почуяла всю силу его мщенія, его желѣзную волю и его твердое, какъ сталь, сердце. Онъ не отступится отъ своихъ словъ и ея судьба рѣшена. Страстная, молодая, цвѣтущая Агунда должна будетъ провести всю свою жизнь въ заброшенномъ, забытомъ монастырѣ, въ борьбѣ съ своими страстями, мечтами и грезами...

Черный рядъ монахинь, выровнявшись въ узенькой церкви горнаго монастыря, ожидалъ новопосвященную. Мѣрные удары колокола разливаются по вершинамъ угрюмыхъ скалъ. Лампады и свѣчи тускло мерцаютъ передъ потемнѣвшими образами въ полумракѣ каменныхъ сводовъ. Внизу, на площадкѣ, раздались рѣзкіе звуки серебряныхъ роговъ. Это пріѣхала Агунда въ сопровожденіи свиты. Отсюда она должна подняться къ темнымъ стѣнамъ монастыря. Она шла медленно, понуря голову. Передъ ея глазами высились стѣны гробницы, въ которой она должна была погрести себя до конца своей жизни. По бокамъ узкой тропинки стояли могильные кресты, которые должны были напоминать ей о непривѣтливомъ и угрюмомъ мѣстѣ ея вѣчнаго отдохновенія. А надъ нею гудѣлъ колоколъ, какъ бы хороня ее. Она вошла. Едва под-

няла она голову, какъ безумный крикъ, не то гнѣва, не то радости, раздался изъ ея устъ.

— Эна!—крикнула она. — Эна здѣсь!..—Въ бѣшеной злобѣ подошла она къ ней и, не стѣсняясь святостью мѣста, излила передъ ней всю горечь, накопившуюся у нея на душѣ противъ Омара и противъ нея, Эны. Изъ-за несчастной любви ея жениха и мужа къ Энѣ погибъ ея отецъ, жестоко натерпѣлся ея народъ,—и вотъ погибаетъ она сама. Въ ярости рвала она на себѣ черныя одежды и дико озиралась кругомъ. Ее увели въ келью. Тамъ, передъ образомъ Самебы, она распростерлась на войлочномъ коврѣ, сквозь который чувствовался все таки сырой холодъ каменнаго пола. Она пробовала молиться, но молитва застывала на ея поблѣднѣвшихъ губахъ, и онѣ изрыгали только святотатственныя проклятія.

Такъ прошла ночь. На утро съ колокольни монастырской церкви раздался погребальный звонъ. Глухо прошелъ онъ по дикимъ утесамъ и эхомъ разнесся далеко по горамъ: кроткую златокудрую Эну нашли на постели мертвою. Глаза ея были широко раскрыты и налиты кровью, лицо посинѣло, а на губахъ присохла предсмертная пѣна. Шопотъ прошелъ между монахинями. „Она ее задушила!“—шептали онѣ. Агунда исчезла. Всѣ поиски не привели ни къ чему. Только въ день похоронъ Эны нашли, наконецъ, Агунду. На остромъ выступѣ скалы, заросшей колючками и терновникомъ, на небольшой высотѣ отъ глубокой и мрачной пропасти повисъ ея трупъ. Колючки и терніи, а также острые камни, искровянили и обезобразили ея лицо, когда-то столь красивое; монашеское платье висѣло вокругъ тѣла, изодранное въ клочья. Она не долетѣла до дна пропасти, когда бросилась въ нее, послѣ преступленія. Надъ трупомъ ея носились, кружась въ воздухѣ, горные орлы. Снова загудѣлъ колоколъ. Агунду зарыли въ каменистую почву, но не на общемъ кладбищѣ, а внизу, на скатѣ къ той пропасти, куда она бросилась. Монахини набожно молились объ упокоеніи обѣихъ душъ и служили усиленныя службы объ очищеніи осквернennаго убійствомъ и самоубійствомъ монастыря. Онѣ ходили на обѣ могилы. Могилка Эны была украшена чахлыми и блѣдными цвѣтами горныхъ ущелій и глядѣла весело, насколько это

возможно въ угрюмыхъ скалахъ; могила Агунды была дика и угрюма, какъ и вся ея жизнь. На могилу Эны прилетали горные скворцы съ розовыми крылышками и хохлатки-удоды; надъ могилой Агунды ухала сова, насторожив свои острыя уши, дико вращая своими выпученными глазами и наводя на всѣхъ ужасъ. Суевѣрныя и испуганныя монахини набожно крестились, проходя мимо, и шептали молитвы. Онѣ были увѣрены, что души обѣихъ покойницъ переселились въ птицъ, которыя посѣщали ихъ могилы. Говорили еще, что каждую ночь, надъ пропастью подъ монастырской стѣной, витаетъ воздушная, свѣтлая тѣнь, а внизу съ острыхъ камней простираетъ къ ней руки другая тѣнь, сквозь бѣлые покровы которой чернѣетъ темное тѣло... И цѣлую ночь изъ пропасти доносятся глухіе стоны и дикіе вопли, перемѣшанные съ унылымъ свистомъ совы.

Съ восходомъ зари, лишь только первые лучи утренняго солнца блеснутъ на блѣдномъ небѣ, обѣ тѣни исчезаютъ, чтобы въ слѣдующую ночь появиться снова, на страхъ и ужасъ благочестивыхъ монахинь.

II. КРАСАВИЦА ЭХСИНА.

(легенда столовой горы).

I.

Старое сказаніе.

Въ стародавнія времена, изъ плоскостной Осетіи въ Грузію шла по ущельямъ и долинамъ извилистая горная тропа между исполинами Кавказскаго хребта. Внизу, перепрыгивая съ камня на камень, бушевалъ Терекъ; вверху по скаламъ ютились, какъ орлиныя гнѣзда, уединенные, рѣдкіе аулы. Горная тропа шла, извиваясь съ одного берега рѣки на другой, то вздымаясь по бортамъ почти отвѣсныхъ скалъ, то вдругъ низвергаясь въ бездну, по узкой лощинкѣ. Рѣдко,

ѣдко проходилъ по дорогѣ кочующій караванъ верблюдовъ, аправляясь въ Персію или возвращаясь оттуда; на ночь станавливался онъ въ какомъ нибудь придорожномъ аулѣ на очевку, потому что и днемъ-то было идти не безопасно. Но улы попадались рѣдко, и если ночь застигала караванъ на рогѣ, онъ располагался на ночлегъ, гдѣ придется, въ угюмыхъ скалахъ, и представлялъ тогда изъ себя вооруженый лагерь. Высоко надъ дорогой, въ центрѣ Джераховскаго щелья, на дикихъ отвѣсныхъ скалахъ пріютился небольшой улъ. Нѣсколько убогихъ саклей сиротливо примазались къ амому краю обрыва и совершенно сливались съ камнемъ калы. Воинственные осетины, населявшіе аулъ, изрѣдка пускались внизъ на дорогу, останавливали караваны и одиокихъ путниковъ, отважившихся на рискованное путешестіе, и возвращались въ свое гнѣздо съ награбленной добычей, оторую дѣлили между собою, что всегда, впрочемъ, кончалось рѣзней. Аульная жизнь текла однообразно: день походилъ на день, ночь на ночь. Всякій доподлинно зналъ, что дѣлается на дворѣ у сосѣда, сколько появилось отбитыхъ коней у его въ табунѣ, сколько народилось барашковъ, кому и что далось награбить въ лихомъ набѣгѣ...

Тоскливо текла жизнь. Только по праздникамъ собирались огда обитатели аула на плоской крышѣ какой нибудь сакли— ослушать разсказъ столѣтняго старца Аслана. Чудныя и трашныя вещи разсказывалъ древній старикъ: онъ еще понилъ тѣ времена, когда землю населяли страшныя чудовища, лые волшебники и волшебницы, великаны, пожиравшіе людей, и тому подобные обитатели. Когда Асланъ начиналъ азсказывать, сидя на крышѣ, въ огромной мохнатой папахѣ, оджавши подъ себя ноги, у всѣхъ захватывало дыханіе и сѣ старались не проронить ни единаго звука изъ его разѣренной, плавной рѣчи, дышащей огнемъ юности. Сѣдой, акъ лунь, весь въ мельчайшихъ, безчисленныхъ морщинахъ, зсохшій старикъ монотонно велъ свой разсказъ, самъ едва и слыша то, что говорилъ. Голова его тряслась отъ старости, бронзовое лицо, обрамленное длинной серебряной бородой, е выражало ни малѣйшаго волненія, ни малѣйшаго участія ъ разсказу и было какъ бы изваяно изъ камня. Изрѣдка только зъ подъ густыхъ нависшихъ бровей сверкнетъ острый, какъ

сталь, взоръ его очей, все еще молодыхъ, полныхъ огня и жизни. Но чаще, среди разсказа, онъ вдругъ засыпалъ подъ звукъ своей монотонной рѣчи, и во время его дремоты слушатели молчали, а нѣкоторые, наиболѣе суевѣрные, шептали другъ другу: „Асланъ бесѣдуетъ съ Великимъ Духомъ, не надо мѣшать ему“. И хотя разсказъ старика останавливался на мѣстѣ, полномъ жгучаго интереса, никто не рѣшался прерывать его таинственной дремы. Иногда старикъ просыпался и продолжалъ разсказъ съ того самаго мѣста, на которомъ остановился, какъ будто и не прерывалъ его; чаще же онъ не просыпался въ теченіе нѣсколькихъ часовъ и тогда уже не могъ рѣшительно припомнить, о чемъ говорилъ, и разсказъ оставался недоговореннымъ, а слушатели дополняли его своимъ собственнымъ воображеніемъ. И странное дѣло: Асланъ никогда не возвращался къ прежнимъ разсказамъ. Даже когда ему припоминали прежнія сказанія и старались навести на старую тему, онъ отрицательно качалъ головой и говорилъ, что ничего не помнитъ и что онъ никогда не говорилъ о томъ, про что ему напомьнали. Каждый разъ онъ разсказывалъ новую исторію. Душа его, казалось, жила въ волшебномъ мірѣ грезъ и видѣній, и кто зналъ, разсказываетъ ли онъ видѣнное и испытанное, или же только ему пригрезившееся?

Лучше всего старикъ разсказывалъ въ сумерки. Въ этомъ узкомъ ущельѣ, солнце поздно входило и рано заходило за высокія стѣны горъ; ночь наступала быстро и неожиданно, и чѣмъ темнѣе становилось на небѣ, тѣмъ сбивчивѣе и туманнѣе дѣлался разсказъ, къ концу котораго изъ устъ старика вырывались какія-то таинственныя слова и смутныя рѣчи, которыхъ никто изъ присутствующихъ не понималъ. Старый Урызмагъ, на саклѣ котораго чаще всего собирались слушатели, приходилъ, въ такихъ случахъ, въ неподдѣльный ужасъ и торопился отослать во внутренность сакли своего сына, юнаго Магомета, и маленькую дочь Уари, которые всегда съ затаеннымъ страхомъ и горячимъ любопытствомъ внимали рѣчамъ древняго старика. Рано развившіяся дѣти Урызмага тосковали въ печальной обстановкѣ унылаго аула. Юное сердце Магомета давно уже кипѣло отвагой и желаніемъ сильныхъ ощущеній. Ему неудержимо хотѣлось пострапствовать по бѣлому свѣту,

оть однимъ глазомъ воочію убѣдиться въ существованіи одного зъ тѣхъ могучихъ великановъ или одной изъ тѣхъ злыхъ олшебницъ, которые до сихъ поръ, по словамъ Аслана, наеляютъ неприступныя вершины горъ, скрываясь отъ взоровъ епосвященнаго человѣка. Много чуднаго наслушался онъ о лавной и страшной царицѣ Тамарѣ, о старомъ, могучемъ удѣ, ворочающемъ весной и поздней осенью камни и скалы, асыпающемъ обвалами и снѣгами всѣ дороги и дышащемъ а путниковъ ледянымъ холодомъ; о мужественной Томиаидѣ, о великанахъ и людоѣдахъ, о Духѣ Зла и о Великомъ ухѣ, и о многомъ другомъ. Глаза его, полные отваги, горѣли безумнымъ мужествомъ, рука судорожно сжимала кинжалъ, кровь приливала отъ сердца къ головѣ... Давно уже го-то смутное и таинственное творилось въ его душѣ. Разказы о красавицахъ, волшебницахъ горъ, наполняли его адкимъ трепетомъ. Онъ не могъ равнодушно слышать описаій женской красоты; какая-то странная и пріятная дрожь робѣгала по его юному тѣлу; голова горѣла въ огнѣ и ему тановилось жутко и душно. Его тянуло куда-то вдаль, туда, дѣ царила таинственная красавица, и ему хотѣлось сжать ту красавицу въ своихъ сильныхъ объятіяхъ, хотя бы за это ришлось поплатиться жизнью.

Въ одинъ душный лѣтній вечеръ, жители собрались на рышу урызгмаговской сакли. Старый Асланъ сидѣлъ уже амъ, важно поджавъ подъ себя ноги, тряся отъ старости воей бѣлой бородой и бормоча какія-то непонятныя рѣчи. сѣ усѣлись вокругъ него. Старикъ былъ въ духѣ. — Разкажи намъ о красавицѣ Эхсинѣ, — просили его. Но онъ рицательно качалъ головой. Тогда многіе подумали, что онъ не ышитъ просьбы, и повторили ее громче. Онъ опять закачалъ оловой и тихо сказалъ:

— Жива, жива еще!... Великій Духъ будетъ катить бвалъ, а въ такую ночь нельзя говорить о томъ, что иво. — Всѣ посмотрѣли на небо. Оно было прозрачно чисто. На немъ зажигались блѣдныя звѣзды. Нигдѣ ни блачка. И хотя было душно, но ничто не предвѣщало озы. Но всѣ знали по опыту, что если Асланъ говоритъ, о Великій Духъ будетъ катить обвалъ, значитъ неминуемо удетъ гроза. Многіе слышали, что красавица Эхсина оби-

таетъ на сосѣдней горѣ и управляетъ окрестными долинами и скалами, на одной изъ которыхъ расположился ихъ аулъ. И всѣмъ хотѣлось знать исторію Эхсины. Поэтому просьбы возобновились съ удвоенною силою. Старикъ наклонилъ голову, какъ бы прислушиваясь къ какому-то очень отдаленному звуку. Потомъ улыбка прошла по его вообще неподвижному лицу. Онъ еще помолчалъ нѣсколько и медленно произнесъ:

— Обвалъ катится еще далеко... Хорошо, я разскажу вамъ про Эхсину.

Всѣ притаили дыханіе.

— Аллахъ, Биллахъ, Таллахъ!—произнесъ Асланъ.— Давно это было... Тогда это было, когда люди не были еще такими мелкими и тщедушными, когда землю населяли могучіе великаны. Да, давно это было, давно. — Потомъ онъ замолчалъ и сосредоточился.

— Валлахъ! — воскликнулъ онъ вновь и собралъ дрожащей рукой въ кучку свою сѣдую бороду, погладилъ ее и распустилъ. Всѣ знали, что когда онъ примется разглаживать свою бороду, то разсказъ будетъ интересный и длинный.

Слушатели сосредоточились.

— Въ тѣ давнія времена, — заговорилъ старикъ, закрывая глаза, что̀ онъ дѣлалъ всегда, начиная повѣствованіе,— въ тѣ давнія времена, жилъ на свѣтѣ могучій повелитель и было у него семь женъ. Подданные его были великаны и всѣ они населяли горы. Всѣ они были охотниками и добывали себѣ пищу на охотѣ за дикими вепрями, турами и прочими животными, населявшими лѣса, на вершинахъ горъ. Но въ государствѣ великановъ не было воды. Только въ тѣ дни, когда Великій Духъ посылалъ на землю воду съ неба, великаны утоляли свою жажду, собирая падавшую влагу въ огромные каменные кувшины; когда же влаги долго не бывало, они пили кровь убиваемыхъ ими животныхъ и тогда свирѣпѣли и истребляли другъ друга. У царя великановъ было семь женъ... — Тутъ Асланъ задумался и примолкъ. Потомъ онъ вдругъ встрепенулся и продолжалъ:

— Всѣхъ онъ любилъ одинаково, ибо всѣ были прекрасны. Каждой изъ женъ онъ посвящалъ по одному дню въ недѣлю. Всѣ онѣ дѣлали много добра своему народу, любили

своего царя и мужа, усердно работали, ткали ковры для украшенія царскаго дворца и мирно жили между собою, какъ сестры... Въ то время какъ одна изъ нихъ по очереди услаждала досуги царя, другія шесть поджидали ее, радостно встрѣчали по возвращеніи изъ царскихъ покоевъ и слушали ея разсказы. Она говорила о ласкахъ, которыми осыпалъ ее царь, о его обхожденіи съ ней, о любви къ ней, и всѣмъ становилось весело, и всѣ радовались ея счастью. Потомъ наступала очередь другой, третьей, и такъ до послѣдней. Царь былъ очень добръ, не только къ своимъ женамъ, но и ко всѣмъ своимъ подданнымъ. Для всѣхъ былъ открытъ его дворецъ и готовъ его столъ. Но все это продолжалось лишь до одного печальнаго случая. Однажды, въ весеннее яркое утро, младшая жена, Эхсина, отправилась въ горы, далеко отъ своего жилища. Ей захотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ, набѣгаться въ волю по свѣтло-зеленой весенней травѣ. Солнце ярко свѣтило и птички пѣли веселыя пѣсни. Эхсина увлеклась прогулкой и зашла довольно далеко. Когда солнце было уже высоко на небѣ, она почувствовала утомленіе и голодъ. Ей захотѣлось освѣжиться, отдохнуть и поѣсть. Но солнце пекло ее своими весенними лучами, ѣсть было нечего и она, потерявъ дорогу, не знала, куда идти. Пойдетъ по одному направленію—все какъ будто знакомыя мѣста, но черезъ нѣсколько шаговъ она убѣждается, что никогда не бывала въ этихъ мѣстахъ. Пойдетъ по другому — та же исторія. Долго плутала она по лѣсамъ и горамъ; а на небѣ за это время скапливались тучи и слышались какъ бы отдаленные раскаты грома. Изъ лѣса, пріютившагося на верхней площадкѣ горы, у подножія которой она стояла, доносились до нея чудные звуки невѣдомой пѣсни. Потъ градомъ лилъ съ ея лица, но она сдѣлала послѣднее усиліе и направилась къ лѣсу. Долго шла она: зной душилъ ее, на ногахъ она ощущала путы — какъ будто кто-то мѣшалъ ей идти, а вмѣстѣ съ тѣмъ что-то гнало ее туда, и она не могла остановиться. Войдя въ лѣсъ, она почувствовала прохладу; здѣсь было много травы, много тѣнистыхъ и вѣтвистыхъ деревьевъ, и ей захотѣлось отдохнуть подъ однимъ развѣсистымъ деревомъ. Но звуки долетали до нея изъ глубины лѣса и ее влекло къ нимъ. Чѣмъ дальше она углублялась въ чащу, тѣмъ ей становилось легче идти.

На нее вѣяло все бо́льшей и бо́льшей прохладой и ароматами цвѣтовъ. И вдругъ... она увидала озеро. До сихъ поръ никто изъ великановъ, подданныхъ царя, не видѣлъ столько воды; до сихъ поръ всѣ — и она въ томъ числѣ — думали, что вода падаетъ только съ неба, и никогда не воображали себѣ, что вода можетъ скопиться на землѣ, и что земля ее не поглотитъ. Эхсина была изумлена и очарована. Она сначала ничего не поняла, но потомъ подошла ближе къ горному озеру и сѣла на берегу. Изъ озера доносились къ ней звуки. Чей-то сладкій и волшебный голосъ, какъ бы изъ самой глубины, пѣлъ: „Войди, войди, красавица, безъ страха и сомнѣнія, въ живительную струю моихъ владѣній. Ты почувствуешь легкость, какой никогда не чувствовала на землѣ, прохладу бо́льшую, чѣмъ подъ сѣнью дерева...“ Она колебалась, но потомъ вдругъ сразу рѣшилась и, раздѣвшись, бросилась въ воду. Она долго барахталась въ озерѣ и почувствовала вдругъ, что ее тянетъ что-то къ низу. Она испугалась, нагнулась надъ озеромъ и увидѣла въ гладкой его поверхности свой чудный образъ. Она ему улыбнулась и подняла руку, чтобы поправить свои распустившіеся волосы; отраженіе сдѣлало тоже. Она засмѣялась, и образъ въ озерѣ тоже засмѣялся. Тогда она поняла, что видитъ саму себя, и ей стало легко и весело на душѣ. Она никогда не воображала себя такой красавицей и долго еще стояла надъ озеромъ, любуясь собой. А пѣніе доносилось до нея изъ глубины озера, и она слышала хвалебные гимны своей красотѣ...

„— Становилось темно; между верхушками деревьевъ виднѣлось небо, быстро покрывавшееся тучами. Ей давно слѣдовало уйти, но она не могла этого сдѣлать, любуясь своей красотой. Стемнѣло, и она уже не видѣла больше своего отраженія. Вдругъ грянулъ громъ и блеснула молнія. Тогда она еще разъ увидѣла свой образъ въ озерѣ. Она нагнулась надъ водой и поцѣловала его, замочивъ себѣ губы. Ей вдругъ захотѣлось обладать собой, и она начала жадно пить воду. И отрадная прохлада прошла по ея утомленному тѣлу. Однако, пора было идти. Она тронулась въ путь и не могла достаточно надивиться, какъ ей теперь стало легко и отрадно идти назадъ. Въ ушахъ ея раздавались звуки озерной пѣсни,

въ глазахъ стоялъ чудный образъ ея красоты. Она шла, полная какой-то дикой радости. Это былъ послѣдній день ея счастья. Теперь, по возвращеніи домой, все ей казалось неприглядным и некрасивымъ. Какимъ мрачнымъ и скучнымъ показался ей дворецъ; какимъ старымъ и некрасивымъ — ея мужъ; какими уродами глядѣли ея подруги — жены царя. Теперь въ каждомъ изъ окружающихъ она стала замѣчать недостатки, которыхъ прежде не видала. И вмѣстѣ съ тѣмъ она сознавала, что—красивѣе всѣхъ. Образъ, видѣнный ею въ озерѣ, не покидалъ ея. До сихъ поръ она жила и не знала различія между красотой и уродствомъ; теперь все стало для нея ясно. Она возмечтала о себѣ, стала горда и высокомѣрна, сдѣлалась нетерпимой къ окружающимъ, презрительно относилась къ другимъ женамъ и требовала отъ нихъ послушанія, поклоненія и восторговъ. Она перестала работать и заставляла ихъ работать на себя. Она скрыла ото всѣхъ существованіе озера, но сама ежедневно ходила къ нему и купалась въ немъ. Холодная струя воды благотворно дѣйствовала на ея тѣло, которое съ каждымъ разомъ становилось свѣжѣе и бѣлѣе. И каждый разъ она слышала таинственный шопотъ или сладкозвучное пѣніе изъ глубины водъ: „Ты прелестнѣе всѣхъ женъ на свѣтѣ, ты царица надъ всѣми женщинами міра. Старый царь великановъ слѣпъ и глупъ, что равняетъ тебя съ шестью другими женами. За обладаніе тобою можно отдать весь міръ... И если ты согласишься полюбить меня, если ты снизойдешь до меня, я награжу тебя вѣчностью, я еще больше украшу твое тѣло, я дамъ твоимъ глазамъ несокрушимую силу...“ — Кто ты? — спрашивала испуганная и счастливая Эхсина. „—Я духъ этого озера, я духъ этихъ горъ... Когда кто нибудь изъ твоихъ подданныхъ уничтожаетъ другаго, знай: я вожу его рукой; когда великаны, истомленные жаждой, пьютъ животную кровь и потомъ истребляютъ другъ друга въ жестокой рѣзнѣ, знай: я толкаю ихъ на это дѣло. Я потому не даю воды имъ, чтобы они истребляли другъ друга... Я силенъ и могущественъ и могу погубить человѣка...“ Она начинала дрожать отъ страха, потому что тоже была человѣкомъ. Тогда она слышала громовой раскатъ хохота и, вслѣдъ затѣмъ, опять сладкія рѣчи: „—Не бойся, красавица: тебя я не трону. По-

люби меня, и ты будешь властвовать всѣми и никогда не умрешь". Она возвращалась домой, мечтательная и веселая. Окружающіе ее удивлялись происшедшей съ ней перемѣнѣ. Шесть женъ огорчались ея поведеніемъ и недоумѣвали. Старый царь тоже замѣтилъ съ ея стороны охлажденіе. И онъ очень огорчился и сказалъ: „—Что съ тобой, моя Эхсина? Ты уже не та теперь, какою была прежде?"—Нужно быть слѣпымъ и глупымъ,—отвѣтила она, отворачиваясь отъ него,—чтобы не видѣть моей красоты и не восхищаться ею. —Но старикъ не понялъ ея, потому что никогда не смотрѣлся въ озеро и не понималъ разницы между красотой и уродствомъ. Теперь, когда одна изъ шести женъ возвращалась во дворецъ къ своимъ подругамъ и по обыкновенію разсказывала имъ о ласкахъ, которыя расточалъ ей старый царь въ эту ночь, Эхсина презрительно смѣялась и говорила: „Это потому, что онъ слѣпъ и глупъ. Развѣ бы онъ могъ ласкать тебя, послѣ того какъ держалъ меня въ своихъ объятіяхъ, еслибы понималъ разницу между добромъ и зломъ, еслибы могъ понять, что̀ значитъ красота?"

„—Жены слушали ее со смущеніемъ и недоумѣніемъ. „Посмотрите на меня!"—продолжала Эхсина, воодушевляясь. —„Потрогайте мои шолковые волосы, всмотритесь въ мои черные глаза, въ бѣлизну моей кожи". И она быстро раздѣвалась до-нага и становилась во всемъ блескѣ своей красоты передъ женами. „У кого изъ васъ такія красивыя стройныя ноги? У кого такая полная грудь? Благодарите судьбу, что вы можете смотрѣть на меня, любоваться мной и не ослѣпнуть отъ сіянія моей красоты..."

„—Жены слушали ее со смущеніемъ и не понимали смысла ея словъ, потому что никогда не смотрѣлись въ озеро. „И я всегда останусь такой, какъ теперь",—продолжала Эхсина, —„а вы всѣ состарѣетесь, какъ вашъ старый царь, и сдѣлаетесь еще болѣе некрасивыми, чѣмъ теперь. Я же буду все хорошѣть да хорошѣть и глаза мои будутъ имѣть несокрушимую силу.

„—Она каждый день ходила къ озеру, все больше и больше восхищалась собой и никакъ не могла примириться съ мыслью, что никто не умѣетъ оцѣнить ея красоты, никто не можетъ понять прелести ея обнаженнаго тѣла. И ей захотѣлось вла-

сти надъ людьми, такой власти, чтобы она могла всѣми повелѣвать, даже и царемъ, чтобы она могла всѣхъ наказывать, кто только осмѣлится не восхищаться ею; и ей захотѣлось, чтобы глаза ея имѣли несокрушимую силу. И она бросилась въ озеро съ крикомъ: «Я твоя, о, духъ озера, возьми меня, дѣлай со мной, что хочешь, только дай мнѣ власть повелѣвать міромъ, дай мнѣ несокрушимую силу глазъ, дай мнѣ вѣчность, чтобы я не старѣлась, а съ каждымъ днемъ становилась все лучше и лучше».—Иди сюда, я все тебѣ дамъ!—услышала она изъ глубины озера. Она бросилась въ него. Что-то сильное потянуло ее къ низу. Она лишилась чувствъ. Долго ли она была въ такомъ состояніи — она не помнила. Когда же очнулась, то увидѣла, что лежала подъ кустомъ розъ и чувствовала въ себѣ какую-то необыкновенную силу. Мимо нея пролетѣлъ скворецъ: она взглянула на него и... о, чудо! онъ тотчасъ же превратился въ камень и упалъ къ ея обнаженнымъ ногамъ. Между тѣмъ, жены царя великановъ прослѣдили, куда она ходитъ, и отправились вслѣдъ за ней. Онѣ тоже выкупались въ озерѣ и увидѣли свои отраженія на его поверхности. И Эхсина изъ своего розоваго куста видѣла, какъ онѣ возвращались назадъ, и слышала ихъ распри и ссоры. Каждая изъ нихъ восхваляла теперь свою красоту передъ другою. Каждая хвалилась своимъ тѣломъ.—«Я сама не хуже Эхсины!» кричала одна. «Я видѣла себя въ озерѣ. А такъ какъ я лучше тебя, то, значитъ, и лучше Эхсины", кричала другая. И всѣ онѣ спорили, бранились и ссорились между собою. Съ тѣхъ поръ, въ мірѣ пошли вѣчныя распри между женщинами. Когда онѣ удалились, Эхсина встала и пошла. Она чувствовала во всемъ тѣлѣ какую-то особую бодрость и силу.—«Я ихъ накажу за ихъ дерзкое мнѣніе»,—говорила она злобно.—«Онѣ осмѣливаются сравнивать меня съ собою»!.. Когда она пришла домой на свою гору, то застала шесть женъ въ изступленномъ состояніи; онѣ жестоко ругались между собой и бѣшено спорили. Старый царь бродилъ между ними и не зналъ, что ему дѣлать: онъ не узнавалъ своихъ тихихъ и покорныхъ женъ и кидался отъ одной къ другой, стараясь ихъ усмирить, но все было тщетно. Онѣ его не слушали и упрекали старостью и глупостью. Но онъ ничего не понималъ, потому что не смотрѣлся въ озеро!

„—Въ это время появилась Эхсина. — «Вы смѣете себя сравнивать со мною»! гнѣвно воскликнула она. „Хорошо же! Я вамъ покажу! Смотрите же на мою красоту и дивитесь ей вѣчно!“ Всѣ обернулись, и чудо совершилось: неотразимая сила очей Эхсины окаменила ихъ всѣхъ. Старый царь и шесть его женъ превратились въ глыбы камня и застыли въ тѣхъ положеніяхъ, въ которыхъ ихъ застали слова Эхсины. Теперь они были ничто иное, какъ и окружающія ихъ скалы“.

Асланъ умолкъ. Онъ снова нагнулъ свою голову на бокъ, какъ бы прислушиваясь къ чему-то. Дѣйствительно издали доносился смутный гулъ отдаленныхъ раскатовъ грома.

— Аллахъ! — пробормоталъ Асланъ.—Великій Духъ, Великій Духъ!..

— Что же было дальше, что было дальше?—спрашивали его оторопѣлые слушатели, сдержаннымъ шопотомъ.

— Она и теперь живетъ на вершинѣ, — указывая дрожащимъ пальцемъ на гору, вырисовывшуюся изъ чернаго фона неба, говорилъ Асланъ.—Озерный духъ наградилъ ее вѣчностью, такъ какъ самъ былъ вѣченъ, чтобы наслаждаться безъ конца ея красотою; онъ наградилъ ее даромъ окаменять людей, чтобы никто не могъ воспользоваться ея красотою и близко подойти къ ней... Всѣ, кто былъ около нея, превратились въ камень. Она и теперь живетъ тамъ... и все вокругъ нея—камень... Давно, давно уже она живетъ на горѣ и—вотъ она возроптала. Ей скучно стало въ ея каменномъ одиночествѣ и она стала тосковать... Но Духъ Зла, Духъ Озера не покидалъ ея...

Ближе раздался громовой раскатъ.

— Аллахъ! — торопливо заговорилъ Асланъ. — Аллахъ! Тогда Великій Духъ обѣщалъ освободить ее изъ заточенія, если найдется хотя одна женщина, которая согласится сознаться передъ ней въ томъ, что она некрасива. Но всѣ женщины находятъ, что онѣ красивы, и ни одна не хочетъ сознаться въ своемъ безобразіи. И Эхсина все еще тамъ, все тамъ...

Асланъ задремалъ. Въ воздухѣ было душно; на небѣ показались теперь яркія звѣзды между тяжелыми черными тучами... Блеснула молнія, грянулъ сильный и раскатистый ударъ перваго весенняго грома. Асланъ вздрогнулъ, проснул-

и, прошепталъ: „Аллахъ! Аллахъ!“—и снова погрузился въ ремоту.

Съ неба упали крупныя капли дождя. Крыша опустѣла. Всѣ разошлись.

II.

Каменное царство.

Всю ночь не спалъ молодой Магометъ. Всю ночь бушевала кровь въ немъ, какъ снаружи бушевала гроза:—она приливала къ его разгоряченной головѣ, сердце билось учащенно и молодыя страстныя грезы не давали ему уснуть. Спертый воздухъ сакли душилъ его; молодое тѣло трепетало отъ напора молодой страсти. Дивный образъ красавицы Эхсины носился передъ его воспаленнымъ взоромъ, блуждавшимъ въ темнотѣ напроглядной ночи.

Въ эту ночь онъ превратился въ мужчину и ему захотѣлось во что бы ни стало увидать чудную Эхсину. Безумное желаніе всецѣло овладѣло имъ. Никакіе доводы разсудка не могли бы удержать его. Нѣсколько дней прошло, и Магометъ чувствовалъ, какъ онъ мужаетъ. Онъ росъ и превращался въ сильнаго мужчину. Вмѣстѣ съ нимъ росло и его чувство. Во время охоты или набѣга, онъ мечталъ объ Эхсинѣ; охота ему не удавалась, потому что онъ теперь постоянно промахивался, а разъ ему едва удалось ускакать цѣлымъ и невредимымъ изъ набѣга. Мысли о красавицѣ не давали ему покоя. Которую уже ночь онъ не спалъ и не могъ сомкнуть глазъ ни на минуту. Стройный образъ Эхсины приходилъ мучить его. Наконецъ, онъ рѣшился. Раннимъ утромъ, на зарѣ, когда въ аулѣ всѣ еще спали, онъ отправился въ горы. Гора, на которую указывалъ старый Асланъ, къ тотъ достопамятный вечеръ, высилась передъ нимъ грозной громадой. Казалось, до нея—рукой подать. Но чѣмъ ближе онъ къ ней подвигался, тѣмъ она отступала все дальше и дальше. Вершина ея терялась въ облакахъ и была кое-гдѣ покрыта снѣгами. Чѣмъ выше онъ взбирался, тѣмъ мрачнѣе и угрюмѣе становилось вокругъ. Зелень долинъ переходила въ низкій и чах-

„—Въ это время появилась Эхсина. — «Вы смѣете себя сравнивать со мною»! гнѣвно воскликнула она. „Хорошо же! Я вамъ покажу! Смотрите же на мою красоту и дивитесь ей вѣчно!“ Всѣ обернулись, и чудо совершилось: неотразимая сила очей Эхсины окаменила ихъ всѣхъ. Старый царь и шесть его женъ превратились въ глыбы камня и застыли въ тѣхъ положеніяхъ, въ которыхъ ихъ застали слова Эхсины. Теперь они были ничто иное, какъ и окружающія ихъ скалы“.

Асланъ умолкъ. Онъ снова нагнулъ свою голову на бокъ, какъ бы прислушиваясь къ чему-то. Дѣйствительно издали доносился смутный гулъ отдаленныхъ раскатовъ грома.

— Аллахъ! — пробормоталъ Асланъ.—Великій Духъ, Великій Духъ!..

— Что же было дальше, что было дальше?—спрашивали его оторопѣлые слушатели, сдержаннымъ шопотомъ.

— Она и теперь живетъ на вершинѣ, — указывая дрожащимъ пальцемъ на гору, вырисовывшуюся изъ чернаго фона неба, говорилъ Асланъ.—Озерный духъ наградилъ ее вѣчностью, такъ какъ самъ былъ вѣченъ, чтобы наслаждаться безъ конца ея красотою; онъ наградилъ ее даромъ окаменять людей, чтобы никто не могъ воспользоваться ея красотою и близко подойти къ ней... Всѣ, кто былъ около нея, превратились въ камень. Она и теперь живетъ тамъ... и все вокругъ нея—камень... Давно, давно уже она живетъ на горѣ и—вотъ она возроптала. Ей скучно стало въ ея каменномъ одиночествѣ и она стала тосковать... Но Духъ Зла, Духъ Озера не покидалъ ея...

Ближе раздался громовой раскатъ.

— Аллахъ! — торопливо заговорилъ Асланъ. — Аллахъ! Тогда Великій Духъ обѣщалъ освободить ее изъ заточенія, если найдется хотя одна женщина, которая согласится сознаться передъ ней въ томъ, что она некрасива. Но всѣ женщины находятъ, что онѣ красивы, и ни одна не хочетъ сознаться въ своемъ безобразіи. И Эхсина все еще тамъ, все тамъ...

Асланъ задремалъ. Въ воздухѣ было душно; на небѣ показались теперь яркія звѣзды между тяжелыми черными тучами... Блеснула молнія, грянулъ сильный и раскатистый ударъ перваго весенняго грома. Асланъ вздрогнулъ, проснул-

ся, прошепталъ: „Аллахъ! Аллахъ!“—и снова погрузился въ дремоту.

Съ неба упали крупныя капли дождя. Крыша опустѣла. Всѣ разошлись.

II.

Каменное царство.

Всю ночь не спалъ молодой Магометъ. Всю ночь бушевала кровь въ немъ, какъ снаружи бушевала гроза:—она приливала къ его разгоряченной головѣ, сердце билось учащенно и молодыя страстныя грезы не давали ему уснуть. Спертый воздухъ сакли душилъ его; молодое тѣло трепетало отъ напора молодой страсти. Дивный образъ красавицы Эхсины носился передъ его воспаленнымъ взоромъ, блуждавшимъ въ темнотѣ напроглядной ночи.

Въ эту ночь онъ превратился въ мужчину и ему захотѣлось во что бы ни стало увидать чудную Эхсину. Безумное желаніе всецѣло овладѣло имъ. Никакіе доводы разсудка не могли бы удержать его. Нѣсколько дней прошло, и Магометъ чувствовалъ, какъ онъ мужаетъ. Онъ росъ и превращался въ сильнаго мужчину. Вмѣстѣ съ нимъ росло и его чувство. Во время охоты или набѣга, онъ мечталъ объ Эхсинѣ; охота ему не удавалась, потому что онъ теперь постоянно промахивался, а разъ ему едва удалось ускакать цѣлымъ и невредимымъ изъ набѣга. Мысли о красавицѣ не давали ему покоя. Которую уже ночь онъ не спалъ и не могъ сомкнуть глазъ ни на минуту. Стройный образъ Эхсины приходилъ мучить его. Наконецъ, онъ рѣшился. Раннимъ утромъ, на зарѣ, когда въ аулѣ всѣ еще спали, онъ отправился въ горы. Гора, на которую указывалъ старый Асланъ, къ тотъ достопамятный вечеръ, высилась передъ нимъ грозной громадой. Казалось, до нея—рукой подать. Но чѣмъ ближе онъ къ ней подвигался, тѣмъ она отступала все дальше и дальше. Вершина ея терялась въ облакахъ и была кое-гдѣ покрыта снѣгами. Чѣмъ выше онъ взбирался, тѣмъ мрачнѣе и угрюмѣе становилось вокругъ. Зелень долинъ переходила въ низкій и чах-

мяти: все, что онъ любилъ когда-то, чѣмъ полна была его жизнь,—все это вдругъ исчезло, какъ будто никогда и не бывало. Стоять здѣсь передъ ней, этой волшебницей горъ, наслаждаться ея видомъ, забыть о всемъ существующемъ—вотъ что теперь наполняло его! О, тысячу разъ правъ былъ старый Асланъ, разсказывая объ ея красотѣ, но только словъ человѣческихъ не существовало, чтобы эту красоту можно было достойно описать. Только теперь онъ понялъ, что значитъ жить, только теперь онъ понялъ всю прелесть жизни, вблизи этого созданія. И безумныя слезы радости и счастья потекли изъ его глазъ, въ первый разъ за всю его короткую жизнь. Онъ хотѣлъ поднять руку, чтобы смахнуть эти слезы... и—о, чудо! Рука его не двигалась. Онъ напрягалъ всѣ свои силы, всю свою мощь, но рука оставалась недвижима. Тогда онъ попробовалъ крикнуть... но звуки не шли изъ его горла. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почувствовалъ тяжесть въ ногахъ; ему казалось, что ноги его начали вростать въ землю; кровь стыла въ его жилахъ и онъ ощущалъ какую-то тягость во всѣхъ суставахъ; онъ слышалъ, какъ сердце переставало биться. Въ ужасѣ онъ пробовалъ бѣжать, но ноги его были крѣпко связаны съ землею. И вдругъ въ глазахъ его потемнѣло. Онъ еще успѣлъ увидѣть, какъ волшебница также неожиданно исчезла въ темномъ отверстіи грота, какъ появилась въ немъ. Затѣмъ наступила черная, безпробудная ночь. Все было кончено. Магомета больше не существовало: онъ превратился въ камень...

. . . . . .

Въ аулѣ царило смущенье.

Магометъ исчезъ, исчезъ навсегда. Всѣ поиски не повели ни къ чему. Отецъ его Урызмагъ заболѣлъ. Уари сидѣла въ саклѣ и плакала. Она была храбрая дѣвушка и въ храбрости не уступала своему погибшемубрату. Охотники разсказывали, что они слышали въ горахъ, будто кто-то видѣлъ Магомета направляющимся къ волшебному гроту. Этого было достаточно. Уари тотчасъ же пошла въ саклю къ Аслану. Тамъ постороннихъ никого не было. На коврѣ сидѣлъ только самъ столѣтній старикъ, въ глубокой дремотѣ, качая головой и изре-

ая какія-то странныя и непонятныя слова. Глаза его были акрыты.

— Асланъ, Асланъ!—громко позвала дѣвушка.—Можно ли пасти брата?—Великій духъ пришелъ за душой моей!—проормоталъ старикъ.—Пора, пора. Сто долгихъ лѣтъ прошло, ъ тѣхъ поръ какъ я увидѣлъ свѣтъ. Аллахъ, я готовъ...

— Я тебя спрашиваю, можно ли спасти брата?—кричала му надъ самымъ ухомъ Уари.

Асланъ, казалось, понялъ ее. Онъ пересталъ качать говой, наклонилъ ее на бокъ и даже чуть-чуть открылъ глаза.

— А, это ты, Эхсина? Зачѣмъ ты пришла ко мнѣ? Тебя не могу спасти. И всѣхъ тѣхъ я не могу спасти, кого поубила твоя красота. Нѣтъ, это не во власти Аслана. Но сли я предстану передъ Великимъ Духомъ, я буду просить го за тебя. Пусть онъ внушитъ какой либо дѣвушкѣ прійти ъ тебѣ и громко объявить, что она некрасива. Но это трудно, хсина. Съ тѣхъ поръ какъ ты открыла озеро и посмотрѣась въ него, а съ тобой и другія женщины, съ тѣхъ поръ енщины поняли свою красоту; ее стали цѣнить даже тѣ, оторыя некрасивы. И женщина лучше умретъ, чѣмъ сознается, го она некрасива. Да... Ты сама виновата. Вотъ тебя и аточилъ Злой Духъ. И долго ты будешь томиться, и много, ного погубишь людей. Я ничего не могу для тебя сдѣлать...

Тогда Уари рѣшилась.

— Я не дамъ больше никому погибнуть. Пусть погибъ ратъ, пусть я погибну, но больше никто. И кто знаетъ? ожетъ быть Великій Духъ смилостивится надъ братомъ и надо ной, и намъ будетъ хорошо за наше самоотверженіе.

Уари мчалась, какъ вихрь. Она не помнила, долго ли бжала по горамъ, она не знала даже, туда ли она бѣжитъ, уда нужно. Она не замѣчала, какъ день смѣнялся ночью, акъ снова всходило солнце, какъ горѣли звѣзды. Она мчалась межъ камней. Печальные стоны преслѣдовали ее. И другъ ей показалось, что она слышитъ совсѣмъ близко около бя:

— Уари, Уари, что ты дѣлаешь, бѣдная сестра?

Она остановилась, какъ вкопанная.

— Братъ! Магометъ! Это ты.

И совершенно безсознательно, не помня себя, громко и отчетливо крикнула:

— О, Эхсина, дивная красавица, взгляни на меня, бѣдную, некрасивую дѣвушку.

Изъ грота показалось бѣлое видѣніе. Оно стало отдѣляться отъ земли, все выше и выше подыматься къ верху, и Уари услыхала мелодичный голосъ, вѣщавшій ей:

— Благодарю тебя, добрая дѣвушка. Я спасена, я свободна.

Видѣніе растаяло въ воздухѣ; около Магомета образовалась новая скала, изъ разщелины которой капала на землю вода, чистая, какъ кристалъ, какъ первыя слезы невинной дѣвушки.

Говорятъ въ народѣ, что старый Урызмагъ, узнавъ о гибели обоихъ дѣтей своихъ, самъ собрался въ путь, чтобы имѣть печальное удовольствіе еще разъ увидать передъ смертью своихъ несчастныхъ двухъ дѣтей, превращенныхъ въ камень. Онъ достигъ до роковаго мѣста и послѣ долгихъ, утомительныхъ поисковъ узналъ своего сына, по тихому стону „скалы Магомета“, и свою дочь, по каплямъ кристальной воды, сочившимся изъ разщелины „скалы Уари“. Онъ вознесъ у этихъ двухъ гробницъ умилостивительную жертву Великому Духу и построилъ надъ двумя священными для него камнями одну общую часовню.

Говорятъ, онъ недолго прожилъ послѣ этого, и похороненъ на вершинѣ горы, гдѣ жила красавица Эхсина, близъ двухъ милыхъ ему скалъ.

Разсказываютъ, что скалы эти цѣлую зиму и осень стоятъ безмолвно, а ранней весной, изъ одной скалы исходятъ тихіе стоны, а изъ другой текутъ ручейки. И ручейки эти, сливаясь со слезами, капающими изъ многочисленныхъ окружныхъ скалъ, низвергаются въ долины, соединяясь другъ съ другомъ, образуя ручьи и питая ими большую рѣку, текущую въ обширное озеро-море. Стоны скалъ, тоже ранней весной, соединяются въ общій гулъ, который несется далеко по горамъ и разносится по долинамъ гулкимъ эхомъ,— и тогда люди говорятъ, что въ горахъ обрушился снѣговой

бвалъ отъ растопившихся, подъ вліяніемъ весенняго солнца, ешнихъ водъ. И не догадываются непосвященные люди, что гумъ обвала—это стоны людскіе, а журчащіе ручьи — людкія слезы.

Еще разсказываютъ въ народѣ, что черезъ много, много ѣковъ всѣ эти скалы вдругъ оживутъ, превратятся въ людей ъ ихъ первымъ образомъ,—и тогда наступитъ общее царство частья и веселья, изобилія и ликованья. И не будетъ тогда ныхъ и бѣдныхъ людей, а всѣ будутъ хорошими, добрыми и огатыми.

В. Свѣтловъ.

НА СМЕРТЬ Л. И. ПАЛЬМИНА.

Разыгралась мятель, бьетъ о землю крыломъ
И съ своей стародавней подругою,
Безпріютной, холодною вьюгою,
Издѣвается гнѣвно надъ свѣтомъ, теплomъ,
Надъ весенней несбывшейся грезою
И надъ бѣдной плакучей березою,
Что̀, во мракѣ блестя бѣлоснѣжной корой,
Наклонилась съ тоской и тревогою
Надъ могилой поэта убогою
И какъ будто бы стонетъ порой.

Другъ мятелей и вьюги, морозъ-исполинъ
Надъ полями, рѣками, озерами
Заигралъ леденящими взорами,
Понастроилъ чертоги изъ снѣга и льдинъ,
Все сковалъ своей властью холодною,
Насмѣялся надъ жизнью свободною,
Насладился безумною злобой своей
И, всеобщимъ кичась цѣпененіемъ,
Тщится мощнымъ своимъ дуновеніемъ
Кровь и мысль леденить у людей.

Пусть ликуетъ могучій морозъ! Но пока
На весну, на пору обновленія,
На весеннюю роскошь цвѣтенія
У людей еще въ сердцѣ надежда крѣпка;
Пока есть еще чувство свободное
И стремленье къ добру благородное,
Пока живъ на землѣ хоть единый поэтъ,—
Не прочна его власть леденящая

И не онъ—властелинъ, а живящая
Вѣра въ правду, свободу и свѣтъ!

Рано, рано поэтъ нашъ умолкъ и угасъ...
Надъ могилой его одинокою
Мы стояли съ тоскою глубокою;
Но въ насъ вѣра живетъ: онъ не умеръ для насъ...
Пѣснь его, намъ дышавшая силою,
Не удержится тѣсной могилою,
Не замолкнетъ, какъ онъ, вмѣстѣ съ нимъ не умретъ,
Но, миря насъ съ житейскими муками,
Будетъ звать насъ пѣвучими звуками
Къ свѣту, правдѣ и братству впередъ.

Н. Аксаковъ.

Французская выставка 1891 г. въ Москвѣ.

Изъ собранныхъ нами, передъ отъѣздомъ въ Москву, свѣдѣній о московскихъ выставкахъ оказывалось, что французская выставка мизерна, среднеазіатская представляетъ кое-что любопытное и, наконецъ, постоянная международная не даетъ ничего и вмѣсто намѣченнаго іюня могла открыться не ранѣе сентября. Но всѣмъ этимъ неблагопріятнымъ для туриста предсказаніямъ, особенно же относительно французской выставки, мы не давали слишкомъ большой вѣры, такъ какъ руководствовались соображеніями инаго рода.

Культура Франціи стоитъ такъ высоко, что a priori трудно было бы представить, чтобы французы могли организовать, за тридевять земель отъ Парижа, выставку, скудную любопытными и поучительными экспонатами. И дѣйствительно, хотя цѣль полнаго, всесторонняго ознакомленія русскихъ съ французскимъ товаромъ даннаго времени едва ли могла быть достигнута путемъ этой именно выставки, тѣмъ не менѣе на ней экспонировано было множество предметовъ, заслуживающихъ серьезнаго вниманія и даже удивленія посѣтителя. Выставка имѣла чисто-демонстративный характеръ. Вы могли осматривать предметъ со всѣхъ сторонъ, даже вынувъ его изъ витрины — при содѣйствіи бюро выставки—но ожидать поясненій, описаній не представлялось никакой возможности. Такимъ образомъ, посѣтитель, запасшись каталогомъ, оказывался предоставленнымъ самому себѣ и рисковалъ на каждомъ шагу то пропустить вещь достойную вниманія, то остановиться на предметѣ, имѣющемъ второстепенный интересъ. Журналъ выставки, издававшійся разъ въ недѣлю, знакомилъ съ экспонируемыми предметами далеко недостаточно, такъ какъ на половину посвящаемъ былъ разнымъ новостямъ (политическаго и общественнаго характера), не имѣющимъ ника-

кого отношенія къ выставкѣ, а на половину хотя и касался послѣдней, но какъ-то сдержанно и слишкомъ отрывочно. Многія существенныя подробности точно нарочно были имъ игнорируемы, а несущественныя являлись нежданно-негаданно. «Русскія Вѣдомости» толковѣе всѣхъ говорили о выставкѣ и, во всякомъ случаѣ, лучше спеціальнаго «Журнала выставки», такъ что читавшій ихъ статьи могъ найти несравненно болѣе свѣдѣній о выставленныхъ предметахъ. Наконецъ, встрѣчавшіеся по временамъ на выставкѣ представители разныхъ фирмъ большею частью оказывались простыми хранителями экспонатовъ или ходячими указателями цѣнъ и деталей чисто внѣшняго свойства.

Однимъ словомъ, выставка представляла образцы всевозможныхъ товаровъ, по которымъ можно было наглядно ознакомиться съ современнымъ состояніемъ французской промышленности, но предпочтительно съ внѣшней, формальной стороны. Таковы слабыя стороны выставки. Посмотримъ на стороны хорошія. До настоящаго времени, установителями моды несомнѣнно были и остаются французы. Все, что̀ вы видите на изящной дамѣ, да большею частью и на мужчинѣ со вкусомъ; все, въ чемъ одѣтъ и обутъ современный европеецъ, все это—или французскаго происхожденія, или скопировано, модифицировано съ французскаго. Публика удивляется на выставкѣ, что видитъ почти все давно знакомое, что встрѣчаетъ только мелкія уклоненія отъ того, что̀ красуется на окнахъ петербургскихъ, московскихъ, одесскихъ и прочихъ россійскихъ магазиновъ. Разница лишь та, что на выставкѣ все болѣе свѣжо, болѣе ново, болѣе роскошно; что тамъ представлено то самое en gros, что̀ въ Россіи видишь en détail. Оно и понятно: люди жили и пробавлялись парижскимъ, ліонскимъ, бордосскимъ и инымъ французскимъ товаромъ; люди привыкли одѣваться, ѣсть, пить, даже кланяться и любезничать по французски; люди освоились съ французскими терминами, съ французскими bons-mots, и вдругъ этихъ людей хотятъ удивить новизною предметовъ, привезенныхъ изъ Франціи и установленныхъ на Ходынскомъ полѣ въ Москвѣ! Само собою вышло нѣкое недоразумѣніе. Мечтали увидать что-то новое, пикантное, quelque chose d'extraordinaire, и вдругъ увидали tout comme chez nous à... Moscou.

Однако, шутки въ сторону. Французы на выставкѣ показали по всѣмъ частямъ отличнѣйшіе экземпляры всякаго товара и дали полную возможность ознакомиться, какъ далеко ушла, въ промышленномъ, техническомъ и научномъ отношеніи, великая Франція,—эта по-истинѣ передовая страна въ мірѣ. Вѣками шедшая впереди другихъ европейскихъ націй, безконечно изумляв-

шая міръ грандіозными явленіями въ сферѣ науки, искусства, политики, соціальныхъ преобразованій—французская нація снова дала возможность убѣдиться, что она остается вѣрною вѣковымъ традиціямъ своего величія и своего прогресса...

Такъ какъ всѣ павильоны выставочнаго зданія по длинѣ своей расположены были радіусами и связаны на периферіи по своей ширинѣ, то посѣтители могли бы, повидимому, безпрепятственно переходить изъ одного павильона въ другой и продѣлывать кругъ за кругомъ, еслибы связь намѣренно не была пресѣчена между двумя павильонами. Если посѣтитель, начавъ осмотръ съ главнаго входа, принималъ направленіе вправо, то могъ разсчитывать ознакомиться съ предметами болѣе или менѣе серьезнаго, научнаго характера: предъ нимъ являлись одна за другой детали учебнаго, санитарнаго, полицейскаго дѣла, пищеваго довольствія и, наконецъ, машиннаго дѣла; если же, наоборотъ, посѣтитель направлялся влѣво, то попадалъ въ царство роскоши и моды, въ отдѣлъ золотыхъ и брилліантовыхъ вещей, мебели, зеркалъ, одежды и; наконецъ, какъ бы ради контраста съ запасами культурнаго богатства—къ разрушительнымъ экспонатамъ военнаго и морскаго дѣла. Завершалось все это русскимъ рестораномъ. Вправо и влѣво отъ входа по периферіи, между павильонами шли залы съ художественными произведеніями живописи и скульптуры. Публика болѣе всего тѣснилась во второй изъ описанныхъ половинъ выставки, около золотыхъ и брилліантовыхъ издѣлій, modes et robes, тогда какъ правая половина казалась сравнительно пустою и скучною. А между тѣмъ, для характеристики страны или, точнѣе, того города, который снабдилъ выставку наибольшимъ числомъ цѣнныхъ и любопытныхъ вещей, эта правая половина представляла высокій интересъ въ глазахъ образованнаго меньшинства посѣтителей. Учебная, статистическая и санитарная части выставки изобиловали подробностями, заслуживающими самаго серьезнаго вниманія того, кто желалъ ознакомиться съ современнымъ состояніемъ жизни міровой столицы. Вотъ на этой-то половинѣ мы и считаемъ справедливымъ и полезнымъ остановиться подольше.

По народному образованію, болѣе всего экспонатовъ имѣлось отъ школъ начальныхъ. Французы поняли, что школа важна не только въ отношеніи умственнаго и нравственнаго воспитанія, но и въ отношеніи санитарнаго режима ребенка. И, дѣйствительно, планы и фотографіи всѣхъ подробностей школьной жизни учащихся показываютъ, что современныя воззрѣнія спеціалистовъ по педагогіи и гигіенѣ начинаютъ играть выдающуюся роль въ жизни

школы и учащихся. Шрифты учебниковъ, письменныя тетради, школьная мебель, устройство классныхъ комнатъ, относительно ихъ величины, силы свѣта и распредѣленія учащихся, отвѣчаютъ болѣе или менѣе строго требованіемъ физіологіи и гигіены. Видно, что былое безцеремонное посягательство невѣжества на зрѣніе, дыханіе, кровообращеніе у дѣтей уступаетъ мѣсто внимательному уходу за физіологическими подробностями ихъ организаціи. Надо замѣтить, что во Франціи, въ послѣдніе десятки лѣтъ, забота о дѣтяхъ, начиная со дня рожденія, составляетъ заслугу не только правительства, но не менѣе того—частныхъ лицъ и обществъ. Дѣти всякаго возраста, всякаго класса, всевозможныхъ условій происхожденія, находятъ въ этой странѣ пріютъ и возможность нравственнаго и умственнаго развитія. Особенно обнаружилось это, начиная съ несчастныхъ для Франціи 1870—71 годовъ, когда война унесла столько жертвъ мужскаго пола и оставила столько сиротъ на попеченіи бѣдныхъ матерей-вдовъ. На выставкѣ можно было получить понятіе объ обстановкѣ самыхъ разнообразныхъ школъ; имѣлись фотографіи школъ начальныхъ, коммунальныхъ, материнскихъ, профессіональныхъ и т. д. Особенно интересны были снимки школъ коммунальныхъ, на которыхъ наглядно представлялись занятія и времяпровожденіе учащихся, напр., видъ дворовъ, простаго и крытаго, которыми пользуются дѣти для игръ, для работъ, даже для завтрака. Маленькая столовая съ сервированнымъ къ обѣду столомъ, съ бутылками вина (vin du pays), ясно показываетъ и цѣлесообразную дисциплину заведенія, и вниманіе къ здоровью учащихся. Классная комната для рисованія, съ освѣщеніемъ чрезъ большія окна сбоку и сверху, напоминаетъ богатыя заведенія... Словомъ, впечатлѣніе выносится самое отрадное. Что касается рисованія и ручнаго труда, то результаты занятій этими предметами едва ли оставляютъ желать чего либо лучшаго. Правда, французскія дѣти наслѣдуютъ рѣдкія качества отъ своихъ родителей, отличающихся, не въ примѣръ другимъ націямъ, эстетическими дарованіями и счастливой тѣлесной организаціей, тѣмъ не менѣе въ доброкачественности экспонированныхъ ученическихъ работъ долженъ быть признанъ и вполнѣ удовлетворительный методъ обученія искусствамъ и ремесламъ. Въ ряду экспонатовъ поражали не только работы взрослыхъ учащихся, достигающихъ высокой степени отчетливости и изящества, но и работы дѣтей по рисованію съ натуры, воспроизведенныя на память или по рисункамъ, избраннымъ по вкусу самихъ учащихся. Вообще означенныя работы несомнѣнно доказываютъ, что сознаніе важности и необходимости, въ педаго-

гическомъ отношеніи, искусствъ и ремеслъ вполнѣ проникло въ убѣжденіе школьной администраціи во Франціи и что обученіе имъ значительно посодѣйствуетъ умственному, а въ силу этого и нравственному, развитію юныхъ учащихся.

Францію, по всей справедливости, можно назвать страною иниціативы въ дѣлѣ великихъ открытій и изобрѣтеній, и каждый, знакомый съ ея исторіей, можетъ легко привести на память немало геніальныхъ идей, брошенныхъ французами въ многоразличныхъ областяхъ наукъ, искусствъ и промышленности. Къ тому же многія нововведенія, считавшіяся по теоріи необходимыми и желательными, но витавшія въ облакахъ долгіе годы, весьма часто во Франціи впервые находили себѣ практическое примѣненіе. Не идя далеко, обратимся для доказательства къ одному экспонату выставки: фотографическому снимку измѣренія дѣтей, поступающихъ въ начальную школу. Врачи и физіологи давно уже признаютъ настоятельную необходимость въ антропометрическихъ изслѣдованіяхъ учащихся; мнѣніе это раздѣляютъ и современные педагоги. Однако, все это жило пока въ головѣ спеціалистовъ, не проникая въ жизнь школы. Въ разныхъ странахъ производились изрѣдка, ex abrupto измѣрительные набѣги на учащихся, но, чтобы вести это дѣло систематически, долгими періодами—до этого еще очень и очень далеко. Но вотъ французы сознали важность антропометріи въ школѣ,—и что же? Въ короткое время, измѣреніе учащихся стало во Франціи такимъ же обыкновеннымъ дѣломъ, какъ собираніе статистическихъ данныхъ педагогическаго характера. На упомянутомъ фотографическомъ снимкѣ изображены въ разныхъ подходящихъ положеніяхъ—новички школы, а на нихъ измѣряются детали разныхъ частей—кѣмъ же? — старшими учениками, отроками лѣтъ 13—14. Въ другихъ мѣстахъ думали-гадали, кому предоставить механическій трудъ антропометрическихъ измѣреній учащихся, откуда взять средства оплачивать этотъ трудъ и пр., и пр., а французы рѣшили и просто, и хорошо. Цифры получаются и точныя, и многочисленныя, разъ только избраны и обучены подходящіе къ дѣлу юные антропометры...

Въ отдѣлѣ учебномъ, до сихъ поръ не удостоивались—сколько намъ извѣстно — ни малѣйшаго вниманія печатные школьные журналы по педагогической и санитарной части, а между тѣмъ, просмотрѣвъ ихъ, посѣтитель могъ бы съ удовольствіемъ усмотрѣть, съ какой добросовѣстностью и тщаніемъ французскіе педагоги относятся къ учащимся, къ ихъ умственному и тѣлесному режиму. Медицинскій надзоръ установленъ, въ настоящее время,

во всѣхъ школахъ Парижа и голосъ врача не остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, гласомъ враждебнымъ школьной администраціи. Напротивъ, къ врачу-гигіенисту обращаются на каждомъ шагу за совѣтомъ и указаніями, врача этого боятся, если онъ находитъ тѣ или другія санитарныя упущенія и неисправности, и вообще къ врачу относятся, какъ къ спеціалисту, неизбѣжному въ подходящихъ случаяхъ. Вотъ почему, напримѣръ, книга, озаглавленная: «Registre du médecin-inspecteur», и указывающая всѣ подробности медицинскаго надзора за школою, пріобрѣтаетъ въ глазахъ понимающаго посѣтителя самое серьезное значеніе. Представляется несомнѣнная гарантія въ обезпеченіи здоровья дѣтей, въ предупрежденіи ихъ заболѣваемости, въ пресѣченіи той или другой заразной болѣзни, и т. д. Правда, не истекло еще и десятилѣтія, какъ вошелъ въ силу санитарный надзоръ въ парижскихъ школахъ; правда, что надзоръ этотъ еще не установился строго въ смыслѣ, желаемомъ медиками, и требуетъ дальнѣйшихъ пополненій и усовершенствованій; но великое дѣло и то, что надзоръ признанъ необходимымъ, допущенъ на дѣлѣ и приноситъ уже спасительные плоды.

Нѣкій диссонансъ представлялъ собою примкнувшій къ учебному отдѣлу экспонатъ проф. Беркана: статистическая карта заикъ въ Россіи. Г. Беркань, командированный въ Россію съ научною цѣлью отъ французскаго правительства, прочелъ въ «обществѣ дѣтскихъ врачей» въ Петербургѣ рефератъ о заиканіи и его лѣченіи—это было 28 сент. 1890 г.—а весною настоящаго года, т. е. черезъ полгода, явилась на выставкѣ новая работа автора—карта заикъ. Зная трудность собиранія статистическихъ свѣдѣній вообще, а тѣмъ паче по такому вопросу, какъ наличность числа заикъ въ Россіи, и видя отчетливое и наглядное изображеніе на картѣ этого числа въ разныхъ мѣстностяхъ европейской Россіи, невольно приходишь въ сомнѣніе относительно научнаго достоинства подобной карты. Темныя ея краски бьютъ въ глаза, а расположенный подъ нею ярлычокъ съ объявленіями Беркана о способѣ лѣченія заикъ и съ предложеніемъ обращаться къ нему за справками на Большую Кисловку—скажемъ откровенно — не во вкусѣ и обычаяхъ порядочныхъ русскихъ... Кстати замѣтимъ, что въ объявленіяхъ срокъ лѣченія значится отъ 20 — 30 дней, тогда какъ срокъ этотъ, 28 сент. 1890 г., въ обществѣ врачей, объявлялся отъ 2 до 3 мѣсяцевъ. Видимо, способъ г. Беркана замѣчательно усовершенствовался за полугодіе!..

Величайшую услугу на выставкахъ приноситъ въ послѣднее время фотографія. Она даетъ возможность легко и наглядно изо-

бражать какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю сторону любаго учрежденія. Картина часто живѣе всякаго описанія даетъ понятіе о фактахъ и явленіяхъ изъ жизни людей, и во всякомъ случаѣ оставляетъ слѣдъ въ памяти болѣе прочный, чѣмъ книга. Кромѣ того, фотографія дозволяетъ теперь наносить мгновенныя движенія тѣлъ на бумагу и рядами этихъ снимковъ буквально оживотворяетъ изображеніе. Словомъ, безъ фотографіи не мыслима теперь никакая выставка; совершенствованіе ея идетъ не по днямъ, а по часамъ, и въ будущемъ трудно предвидѣть, какія великія выгоды и удобства готовитъ она въ научномъ и практическомъ отношеніи. Благодаря фотографіи, на французской выставкѣ въ Москвѣ оказалось множество альбомовъ, чрезвычайно интересныхъ для ознакомленія съ различными учрежденіями и работами. Такъ, напримѣръ, по строительной части имѣлись фотографическіе снимки парижскихъ работъ по канализаціи, по устройству мостовъ, по добыванію строительнаго матеріала, по всевозможнымъ деталямъ зданій, какъ то: Mont de piété, Bibliothèque municipale, Hôspice de Bicêtre, Hôpital de Nathaniel Rothschild и т. п. Особенное вниманіе обращалъ на себя альбомъ парижской полицейской префектуры, съ портретами арестованныхъ. Портреты сняты всѣ дважды: en face и въ профиль. Наиболѣе интереса представляли портреты лицъ, повторно арестованныхъ, причемъ можно было прослѣживать любопытную мѣну физіономій и всей вообще внѣшности, и читать по нимъ психологическую исторію жизни преступника. Кстати замѣтимъ, что по сосѣдству съ альбомомъ преступниковъ вывѣшена была коллекція фарфоровыхъ глазъ, воспроизведенныхъ эмалью, имѣвшая цѣлью представить всѣ оттѣнки глазъ, наблюдаемыхъ въ родѣ человѣческомъ. Такихъ глазъ было 126. Это въ своемъ родѣ замѣчательный образецъ художественной техники, который, впрочемъ, можетъ быть оцѣненъ только людьми, болѣе или менѣе знакомыми съ дѣломъ. Мгновенными фотографическими снимками съ большимъ успѣхомъ пользуются въ послѣднее время врачи и физіологи,—и вотъ мы на выставкѣ нашли чрезвычайно поучительныя изображенія людей въ разные моменты ихъ движенія, снятыя въ физіологическомъ кабинетѣ извѣстнаго проф. Марэя. Такъ какъ фигура схватывается на бумагу въ одну двадцатую часть секунды, то понятно, что является возможность уловить движенія во время бѣга или какой либо игры во всѣхъ существенныхъ деталяхъ. И дѣйствительно, переходя отъ одной фигуры къ другой, вы получаете ясное понятіе, напр., о французскомъ боксѣ, о подробностяхъ прыганья, скораго и медленнаго бѣга и т. п. Еще, по-

жалуй, интереснѣе приложеніе мгновенной фотографіи къ изображенію тѣлесныхъ движеній у лицъ, находящихся въ болѣзненномъ состояніи. Мы встрѣтили характерные снимки нервныхъ и психическихъ больныхъ изъ Сальпетріера, схваченные во время припадка столбняка, каталепсіи, истеріи, въ состояніи гипноза и т. д. Ничего, конечно, подобнаго невозможно воспроизвести рукою хотя бы и самаго искуснаго художника.

На выставкѣ, описанная фотографія дополняла, впрочемъ, только то, что каждый посѣтитель могъ найти изложеннымъ въ книгахъ, планахъ, діаграммахъ, гравюрахъ, экспонированныхъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Кто хотѣлъ бы вообще ознакомиться съ какой бы ни было деталью Парижа, тотъ легко могъ бы найти указаніе въ экспонатахъ. Трудно перечесть богатство содержанія этихъ послѣднихъ и потому лишь для примѣра укажемъ на нѣсколько подробностей. Положимъ, вы пожелали бы ознакомиться съ разростаніемъ французской столицы въ территоріальномъ отношеніи: на выставкѣ имѣлось не менѣе тридцати самыхъ отчетливыхъ плановъ, начиная съ того времени, когда на мѣстѣ нынѣшняго Парижа существовала бѣдненькая Лутеція, упоминаемая Страбономъ, Аміаномъ Марцелиномъ и др., и кончая Парижемъ 1889 года. Вы желали бы поинтересоваться кладбищами, и къ вашимъ услугамъ являлись такіе планы, по которымъ можно отыскать мѣсто чуть не каждой могилы на томъ или другомъ кладбищѣ. Мало того. Благодаря графическимъ изображеніямъ, вы могли видѣть въ картонахъ и на стѣнахъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ, составъ жителей Парижа, распредѣленіе ихъ по домамъ, по сословіямъ, по возрастамъ, по заболѣваемости и смертности; могли видѣть движеніе по городу по трамваямъ, по омнибусамъ въ численномъ отношеніи; могли ознакомиться со многими болѣзнями, особенно заразными, касательно распространенія ихъ въ разныхъ частяхъ города и пр., и пр. Особенно наглядно рисовалось одно учрежденіе, чрезвычайно симпатичное какъ по идеѣ своей, такъ и по выполненію: это—муниципальная библіотека Парижа. Помимо ея описанія и фотографій, экспонирована была масса картоновъ съ рисунками и моделями разныхъ техническихъ производствъ. Любопытно то, что приходящій въ эту библіотеку можетъ не только на мѣстѣ, но и у себя дома, пользоваться ея книгами и вещами, по мѣрѣ надобности. Ремесленнику трудно имѣть хорошіе образцы рисунковъ и моделей, и потому работы его рискуютъ долго держаться старыхъ, отжившихъ фасоновъ. И вотъ библіотека снабжаетъ его всѣмъ подходящимъ: книгами, художественными гра-

вюрами по части работъ на деревѣ, на мѣди, на серебрѣ и пр., лучшими образчиками тканей, вышивокъ и т. д. И все отпускается даромъ и на долгіе сроки. Мы еще только мечтаемъ о музеяхъ для нашихъ кустарей, а въ Парижѣ эта идея давно уже вошла въ жизнь и приноситъ благодѣяніе тысячамъ мелкихъ ремесленниковъ...

Не менѣе симпатичное учрежденіе—для людей неимущихъ, и особенно въ тяжкія минуты жизни — это Mont de piété, нашъ «ломбардъ», но съ тою разницею, что туда принимаютъ въ залогъ за ничтожный процентъ не одно золото или серебро, а всевозможныя малоцѣнныя вещи: старый тюфякъ, одѣяло, подушку... словомъ, тамъ дается бѣдняку возможность выкарабкаться изъ критическаго положенія, пустивъ въ оборотъ чуть не послѣднюю нижнюю одежду и сапоги, и на вырученные франки спастись отъ голодной смерти до пріисканія новаго заработка или какого нибудь обезпеченія. Въ pendant этимъ учрежденіямъ идетъ Dispensaire Love (лѣчебница) для дѣтей. Читаете вы на доскѣ: «лѣчебныя ванны, резервуаръ соленой воды, души, электричество, массажъ, гимнастика, 22,000 консультацій въ годъ, 6,000 ваннъ и 500 оспопрививаній. Содержаніе годичное: 10,000 франковъ» Должно быть, выгодная афера,—думаете вы:—хорошенькій гешефтъ для содержателя! Очень ошибаетесь. Все обозначенное на доскѣ существуетъ для бѣдныхъ дѣтей (до 16 л.) безплатно, безъ разсчетовъ на какой либо чинъ или орденокъ. Это совсѣмъ не «акробатство благотворительности».

Наряду съ этимъ не мѣшаетъ упомянуть объ Hôspice des enfants assistés (воспитательный домъ) т. е. о модели, сдѣланной братьями Реньяръ и представляющей питомникъ для истощенныхъ и сифилистическихъ дѣтей, которыхъ нельзя кормить естественнымъ путемъ. Вы видите двѣ комнаты; въ каждой изъ нихъ по четыре дѣтскихъ кровати и по одной кровати для прислужницы. Средняя комната служитъ столовой, она же и кухня. Въ параллель жилой половинѣ идутъ два дворика (съ деревьями) и между ними стойло для десяти ослицъ. Къ соскамъ одной изъ нихъ приложился ребенокъ — онъ отлично исправляетъ свою священную обязанность сосанія, а ослица жуетъ безмятежно свой кормъ. Бывшій доцентъ вѣнскаго университета, д-ръ Шрейберъ, видя подобную сцену на мѣстѣ въ Парижѣ, писалъ слѣдующее: «надо удивляться, съ какимъ спокойствіемъ и терпѣніемъ ослица выноситъ эту процедуру. Точно она сознаетъ благородство своей службы, точно одушевляется какою-то материнскою гордостью, какою-то материнскою радостью, когда младенецъ

держитъ ея сосокъ во рту». Весьма кстати на выставкѣ озаботились показать настоящее состояніе того отдѣленія Hôpice de Bicêtre, гдѣ содержатся дѣти. Тамъ имѣется до 400 дѣтей и дѣйствуетъ образцовая школа. Еще весьма недавно дѣти въ Бисетрѣ находились въ ужасномъ положеніи, вмѣстѣ съ неизлѣчимыми больными и взрослыми сумашедшими. Но въ 1879 г., со вступленія новаго директора, доктора Бурневиля, все измѣнилось. Построены были павильонныя зданія съ садами, съ крытыми галереями, со всѣми необходимыми приспособленіями для дѣтей четырехъ категорій: большихъ, малолѣтнихъ, порочныхъ и больныхъ. Изъ возрастныхъ дѣтей каждый субъектъ находитъ себѣ занятіе по своимъ силамъ и наклонностямъ. Идіоты—и тѣ, повидимому, недаромъ ѣдятъ хлѣбъ-соль, но ихъ утилизируютъ, сколько возможно, по части ручнаго труда. Въ заведеніи практикуются игры (напр., игра въ кегли, крокетъ и др.) и обращается ревностное вниманіе на тѣлесное развитіе дѣтей. Большой альбомъ фотографій (болѣе 50-ти рисунковъ) даетъ случай ознакомиться съ существенными подробностями жизни дѣтей въ Бисетрѣ. Снимки—около $3^1/_2$ вершк. въ длину и 5 вершк. въ ширину. Видны жилыя и рабочія помѣщенія, службы, сцены изъ жизни дѣтей. Весьма интересны и вполнѣ заслуживаютъ подражанія: комната для десяти ваннъ общихъ—свѣтлая, веселая,—и комната для ваннъ ножныхъ, съ 24 ванночками, по 12-ти съ каждой стороны. Такой роскоши мы не находимъ и въ богатыхъ воспитательныхъ заведеніяхъ! Хороша внутренность дортуара съ двойнымъ свѣтомъ (каждое окно въ 14 стеколъ: по 2 въ ширину и по 7-ми въ вышину), на 12 кроватей. Есть помѣщеніе для порочныхъ дѣтей, особый лазаретъ и отдѣлъ для заразныхъ.

Посѣтители выставки небрежно проходятъ мимо всѣхъ этихъ экспонатовъ, большею частью не удостоивая взглядомъ не только планы и діаграммы, но и альбомы фотографій... А между тѣмъ учиться, да учиться слѣдовало бы на этихъ экспонатахъ, и учиться ради примѣненія на пользу родныхъ, русскихъ дѣтей...

Мало интереса для нашей публики представляла, наряду съ педагогической, и санитарная часть города Парижа, между тѣмъ какъ по этой послѣдней экспонированы были предметы первостепенной важности. По канализаціи Парижа, по водоснабженію, по мѣрамъ противъ заразныхъ болѣзней, по оздоровленію города вообще имѣлись весьма цѣнные экспонаты. Самое первое мѣсто принадлежало, конечно, экспонатамъ по канализаціи. Для интересующагося этимъ предметомъ не оставалось желать ничего большаго: на лицо состояли всѣ существенныя детали дѣла, а

нѣкоторыя изъ нихъ даже являлись въ порядкѣ историческаго ихъ развитія. Можно было по планамъ и рисункамъ прослѣдить ходъ любой водяной или сточной трубы, начиная съ жилаго помѣщенія, кухни или умывальной и кончая заключительнымъ резервуаромъ. Весь *подземный Парижъ* представленъ былъ самымъ наглядным образомъ со всею сѣтью его связей съ *Парижемъ наружнымъ*, видимымъ. Кромѣ того, картину канализаціи завершала картина окончательнаго удаленія всѣхъ нечистотъ, картина орошенія полей въ Женевильс и роскошнаго произрастанія на нихъ различныхъ плодовъ и овощей.

Мы не будемъ говорить о книжномъ и типографскомъ отдѣлѣ, такъ какъ намъ пришлось бы входить въ извѣстныя образованнымъ читателямъ подробности того, что было сдѣлано вообще, и въ особенности въ нынѣшнемъ столѣтіи, французами по части выдѣлки бумаги, книгопечатанія и переплетнаго мастерства. На выставкѣ можно было видѣть множество экспонатовъ, основательно знакомящихъ не только съ современнымъ состояніемъ этихъ отраслей искусствъ и ремеслъ, но и частію съ историческимъ ходомъ ихъ развитія. Не можемъ умолчать объ одномъ, особенно интересномъ экспонатѣ, а именно: о рельефномъ планѣ писчебумажной фабрики Дарблэ въ Эссонѣ. Помѣщенъ онъ въ стекляномъ ящикѣ, имѣющемъ аршина полтора вышины, около 5 арш. въ длину и около $3^1/_2$ въ ширину. Фабрика Дарблэ занимаетъ пространства около 93 тысячъ кв. метровъ, имѣетъ 18 километровъ желѣзнодорожнаго пути, 14 гидравлическихъ двигателей, 62 паровыя машины въ 3,500 силъ. Работаетъ на ней $2^1/_2$ тыс. рабочихъ. Выдѣлывается въ день около 100 тыс. кило бумаги. На планѣ видно распредѣленіе всѣхъ построекъ и путей сообщенія. Позади этого колоссальнаго экспоната стоитъ витрина съ превосходными произведеніями фабрики.

Въ отдѣлѣ типографскомъ имѣется крайне поучительный экспонатъ, озаглавленный словами: «Haro-frères. Embaumement. Conservation des peintures sur bois (Братья Аро. Бальзамированіе. Сохраненіе картинъ на деревѣ). Въ поясненіе разсказывается слѣдующее: въ картинахъ на деревѣ древесный матеріалъ нерѣдко подвергается (особенно въ южныхъ странахъ) порчѣ и разрушенію, благодаря нарожденію въ немъ особаго рода насѣкомыхъ изъ породы термитовъ, которыя истачиваютъ дерево и образуютъ въ немъ извилистые ходы (галереи), гдѣ и кладутъ яица. Дерево отъ этого превращается въ подобіе рыхлой губки, легко вывѣтривающейся и грозящей совершенно разрушить полотно и картину. Чтобы помочь горю, реставраторъ картины переносилъ ее на другое, новое полотно,

причемъ картина подвергалась, конечно, многимъ опаснымъ случайностямъ. Способъ же (точнѣе говоря: секретъ) бр. Аро даетъ возможность предохранить дерево отъ всякой опасности для картины. Они опоражниваютъ всѣ выдолбленные въ деревѣ ходы отъ насѣкомыхъ и древесной пыли, а для убіенія случайно оставшихся тамъ насѣкомыхъ и ихъ яицъ впрыскиваютъ особую жидкость, которая, твердѣя, дѣлаетъ дерево неуязвимымъ для насѣкомыхъ. Полотно и самая картина не подвергаются при этомъ ни малѣйшей порчѣ. Кромѣ того, бр. Аро выставили семь картинъ, чтобы демонстрировать пріемы сниманія картинъ и переноса ихъ на другое полотно. Картины изображаютъ портреты одной и той же эпохи и одного и того же художника (эпохи Людовика XIV). Одинъ портретъ (повидимому, духовнаго лица) сохранился такимъ свѣжимъ, что можно было бы счесть его недавно нарисованнымъ, еслибы только потрескавшіяся отъ времени краски не выдавали года рисовки портрета. Вообще, работа братьевъ Аро представляетъ верхъ искусства въ своемъ родѣ.

Фотографическій отдѣлъ, хотя не поражалъ обиліемъ экспонатовъ, зато представилъ образцовыя вещи по части работъ парижскихъ фотографовъ. Фирма Надаръ справедливо привлекала публику прелестными снимками. Не говоря о портретахъ во весь ростъ актрисъ Вальянъ-Кутюрье и Дешанъ, поражавшихъ отчетливостью работы и жизненностью изображенія,—кабинетные и меньшихъ размѣровъ портреты разныхъ лицъ (въ томъ числѣ, многихъ парижскихъ знаменитостей) отличались замѣчательнымъ совершенствомъ выполненія и изяществомъ отдѣлки. Превосходными оказались, равнымъ образомъ, экспонаты Брауна: снимки съ различныхъ картинъ знаменитыхъ маэстро живописи, какъ-то: Рафаэля, Мурильо, Рембрандта и друг. Кстати, очень хороши были экспонаты различныхъ фотографическихъ аппаратовъ и приспособленій, изумляющихъ неспеціалиста по части фотографіи, — этой необычайно быстро и успѣшно совершенствующейся отрасли человѣческихъ знаній.

Было чѣмъ полюбоваться на выставкѣ и по части оптическихъ инструментовъ и часоваго мастерства. Всевозможныхъ сортовъ бинокли, подзорныя трубы, спектроскопы, микроскопы лучшихъ фирмъ Парижа отличались неоспоримыми достоинствами въ сравненіи съ подобными аппаратами другихъ странъ Европы. Въ ряду экспонатовъ часоваго мастерства чрезвычайно интересенъ былъ наборъ часовыхъ механизмовъ Жапи. Тутъ представлялись типы часовыхъ колесныхъ приборовъ, изготовленныхъ на

фабрикѣ Вокуръ съ ея основанія, т. е. съ 1770 года по 1840 г. Періоды, къ какимъ относятся эти механизмы, равняются иногда 5, 10 годамъ, чаще—15, 20-ти. Для ознакомленія съ исторической стороной дѣла, коллекція эта—разумѣется, крайне важна и вполнѣ демонстративна. Въ одномъ павильонѣ съ только что описанными экспонатами, находились и экспонаты по части медицины и фармаціи. Выдающеюся можно назвать коллекцію препаратовъ изъ папье-машэ д-ра Озу. Представлено было болѣе ста нумеровъ, какъ мускулатуры всего человѣка, такъ и отдѣльныхъ органовъ и ихъ частей; кромѣ того, превосходныя модели лошади, змѣи, нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, грибовъ, различныхъ растеній и т. д. Все это составляетъ въ настоящее время незамѣнимое пособіе при преподаваніи сравнительной анатоміи.

Хирургическіе инструменты, предметы по электротерапіи, всевозможныя механическія приспособленія при лѣченіи наружныхъ болѣзней, средства къ переноскѣ и соотвѣтственному содержанію больныхъ—были экспонированы въ превосходныхъ, довольно многочисленныхъ образцахъ. Наряду съ химическими препаратами, не обошлось, конечно, безъ патентованныхъ средствъ, и потому глазамъ публики представились всѣмъ извѣстныя, излюбленныя аптечныя произведенія, какъ-то: горчичники Риголло, papier-Fayard, бумага Фрюно отъ одышки, астмы и кашля, capsules Mothes отъ грѣховныхъ недуговъ юности, пилюли Бланкара отъ малокровья, бумажки Мура для истребленія мухъ и пр. и пр. Надо, впрочемъ, воздать должное французамъ въ томъ отношеніи, что составъ большинства ихъ патентованныхъ средствъ не составляетъ ни для кого секрета и потому распространенность этихъ средствъ объясняется не таинственностью, а тщательнымъ и изящнымъ приготовленіемъ препаратовъ, отчасти и доставляемою ими пользою. Кстати скажемъ, что на выставкѣ имѣлись аптечные препараты отъ Pharmacie centrale de France. Это казенное учрежденіе—какъ говорятъ люди компетентные—отличается такимъ честнымъ и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу, что едва ли найдется частная аптека или лабораторія, которая могла бы конкурировать съ нею въ этомъ именно отношеніи. Это великое достоинство казеннаго учрежденія мы не привыкли встрѣчать въ другихъ европейскихъ государствахъ. Что же касается вообще химическихъ средствъ, то французы вполнѣ успѣшно конкурируютъ по части ихъ приготовленія съ другими странами, если даже не могутъ считаться первыми въ Европѣ.

Направляясь далѣе вправо, мы проходимъ корзинное, футлярное и щеточное отдѣленія. Остановимся на одной вещи, полезной

въ гигіеническомъ отношеніи: это—на половой щеткѣ, избавляющей отъ пыли при метеніи комнаты. Правда, о достоинствахъ подобной щетки можно судить только по болѣе или менѣе долговременномъ ея употребленіи, тѣмъ не менѣе недостатки ея и теперь уже бросаются въ глаза. Во-первыхъ, она дорога (5 р.), во-вторыхъ, сдѣлана изъ довольно слабой, тонкой щетины, а, въ третьихъ, ею можно пользоваться только для метенья открытыхъ, свободныхъ мѣстъ, и потому для выметанія угловъ и узкихъ проходовъ требуется при ней другая, меньшая щетка или ветошка. Словомъ, едва ли эта гигіеническая щетка имѣетъ за собою будущность... О пищевыхъ продуктахъ выставки трудно было бы судить за невозможностью имѣть пробы ихъ для изслѣдованія. Пробовать можно было только вина, особенно шампанское, которое, за выгодную для продавцовъ цѣну, дѣйствительно, предлагалось охотникамъ, но все это въ концѣ концовъ нельзя считать удобнымъ способомъ для оцѣнки и рекомендовать для будущихъ выставокъ. Въ экипажномъ отдѣлѣ, гдѣ имѣлись образцовыя кареты и коляски, и изящнѣйшіе разнообразные велосипеды, мы не нашли, на чемъ можно было бы особенно остановиться. Всего болѣе насъ заинтересовалъ одинъ экспонатъ, поставленный въ сарай съ сельско-хозяйственными машинами,—экспонатъ любопытный, ускользнувшій отъ вниманія весьма многихъ посѣтителей. Мы говоримъ о модели (изъ папье-машэ) лошади и кузнеца съ рабочимъ — модели, сдѣланной съ цѣлью показать наибезопаснѣйшій способъ ковки лошади. Посредствомъ ремней, искусно закрѣпленныхъ на туловищѣ и конечностяхъ животнаго, всякое рѣзкое движеніе оказывается невозможнымъ, и потому кузнецъ спокойно можетъ распоряжаться любой ногой лошади для ковки, для перевязки въ случаѣ пораненія и проч. Фигуры сдѣланы такъ искусно, что иной могъ бы счесть куколъ за живыхъ существъ, особенно въ сумерки или при слабомъ свѣтѣ. Въ связи съ этимъ экспонатомъ расположена клѣтка, а внутри ея собака изъ папье-машэ, изображающая сцену бѣшенства. Оскаленные зубы, бѣшеные глаза и поза нападенія очень вѣрны дѣйствительности. Въ сельско-хозяйственномъ отдѣлѣ нѣчто оригинальное представляли экспонаты Алжира и Туниса. Не смотря на свою малочисленность, они отличались нѣкоторыми особенностями въ приготовленіи и въ рисункахъ тканей. Шкуры и головы барановъ въ одной витринѣ показывали крупные размѣры и своеобразную красоту этого рода животныхъ. Шерсть ихъ весьма недурна.

Прогулка вправо отъ главнаго входа выставки, какой мы и

держались, завершилась отдѣломъ машиннымъ. Имъ же, какъ мы говорили, заканчивался вообще серьезный, дѣловой, болѣе или менѣе будничный отдѣлъ.

Первый входный павильонъ и расположенные отъ него влѣво другіе павильоны представляли совсѣмъ другой характеръ:—характеръ роскоши и моды, изящества, вкуса и изысканности работы. Не говоря о прелестныхъ фарфоровыхъ и стеклянныхъ издѣліяхъ, болѣе или менѣе знакомыхъ намъ и по русскимъ магазинамъ, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи припомнить кое-что изъ видѣннаго въ отдѣлѣ вещей бронзовыхъ. Нѣкоторые экспонаты были до того художественно-хороши, что любоваться ими можно было по нѣскольку разъ съ возрастающимъ увлеченіемъ. Во многихъ предметахъ посѣтитель находилъ, можно сказать, не роскошныя издѣлія, выставленныя для продажи, а предметы, взятые изъ какой нибудь глиптотеки или скульптурнаго музея. Вы видѣли предъ собою 3живыя статуи, живыя до того, что, казалось, вотъ-вотъ онѣ заговорятъ, захохочутъ или заплачутъ передъ вами. И особенно хорошо удалась эта иллюзія на фигурахъ, изображающихъ типъ южный, напр., мавританскій или индѣйскій. Бронзовый оттѣнокъ кожи съ искусно-окрашенными тканями одежды и украшеній головы, шеи и рукъ—все это до того оживотворяло металлъ, что болѣе совершеннаго подражанія природѣ воображеніе рѣшительно не могло и представить. Находились субъекты, которые отходили въ негодованіи на цѣны этихъ чудныхъ экспонатовъ. Но вѣдь безъ настоящаго художника, безъ спеціалиста, немыслимо сдѣлать подобныя вещи,—слѣдовательно, возможно ли продавать ихъ за пятакъ? Разсказываютъ, что за серебряный сервизъ знаменитаго Бушерона, оцѣненный въ 38 т. фр., приходилось выплатить мастеру-художнику болѣе 20 тыс., франковъ. Да, для этого сервиза понадобилось три года работы! Кто понимаетъ, во что обходится хозяину магазина изящная металлическая вещь, тотъ, конечно, не будетъ удивляться тѣмъ цѣнамъ, какія намѣчены были на бронзовыхъ издѣліяхъ, напр., Отто и Шарпантье, на серебряныхъ—Кристофля, Фроманъ-Мёриса и др. Не будучи достаточно компетентными въ художественныхъ произведеніяхъ, мы предоставляемъ другимъ говорить о спеціальныхъ деталяхъ этихъ произведеній на выставкѣ, и потому ограничиваемся лишь выраженіемъ личныхъ впечатлѣній. Сомнѣваемся однако, чтобы кому либо понравились менѣе, чѣмъ намъ, образцовыя скульптурныя произведенія: статуя Мефистофеля—работы Антокольскаго, бронзовая ваза—работы Барріаса и мн. др. Считаемъ излишнимъ говорить

и о мебели, о зеркалахъ, о тканяхъ, кружевахъ, обуви и косметическихъ произведеніяхъ. Все это, не смотря на привлекательность, до такой степени извѣстно, что описаніе могло бы представить для читателя интересъ лишь въ томъ случаѣ, если бы шло изъ подъ пера особеннаго знатока дѣла.

Въ военномъ отдѣлѣ вниманіе «штатскаго» человѣка обращаютъ на себя аппараты инженеровъ Женеста и Гершера: снарядъ для полученія очищенной (стерилизованной) воды, снарядъ для походной булочной, аппаратъ для вентиляціи. Не лишенъ интереса и павильонъ съ манкенами разныхъ представителей французской арміи. Начиная съ классической фигуры жандарма и кончая печальной фигурой интендантскаго писаря, передъ взоромъ нашимъ являются одинъ за другимъ всѣ чины французской кавалеріи, артиллеріи и пѣхоты. Кромѣ лицъ военныхъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, выставлены манкены учащихся, а именно: студента изъ Ecole de médecine, воспитанника Политехнической школы, ученика военной Сенъ-Сирской школы и ученика изъ Ecole prytanée de la Flèche. Особенно оригинальны фигуры алжирскаго и сенегальскаго спаговъ, коннаго африканскаго стрѣлка въ красной—въ родѣ поварскаго колпака—шапкѣ, зуава, тюркоса, альпійскаго егеря. Изящество одежды, искусное распредѣленіе фигуръ и подходящая декорировка всего entourage'а придаютъ сценѣ весьма оживленный видъ и содѣйствуютъ болѣе отчетливому ознакомленію съ дѣломъ. Вообще, идею устройства такой коллекціи нельзя не назвать весьма счастливою и даже заслуживающею подражанія для будущихъ выставокъ.

Въ заключеніе повторимъ, что французская выставка въ Москвѣ имѣла характеръ демонстративный, наглядный, — слѣдовательно, отвѣчала обычнымъ требованіямъ, возлагаемымъ на промышленную выставку. Не отвѣчающіе этимъ требованіямъ экспонаты, какъ бы случайно попавшіе на выставку, казалось, должны были нарушать гармонію цѣлаго, если не служить лишнимъ балластомъ. Это несовсѣмъ вѣрно. Къ промышленной выставкѣ вполнѣ подходятъ экспонаты, изображающіе въ культурномъ отношеніи ту страну, откуда они идутъ. Съ культурой же тѣсно связаны демографическія, санитарно-статистическія, топографическія и другія данныя страны; данныя же эти не всегда могутъ говорить зрѣнію, осязанію и вообще внѣшнимъ органамъ чувствъ, а неизбѣжно требуютъ цифроваго, словеснаго изложенія. Вотъ почему печатный матеріалъ служитъ чрезвычайно цѣннымъ дополненіемъ всей демонстративной части на выставкѣ и для серьезно интересующагося экспонатами по тому или другому отдѣлу составляетъ

держались, завершилась отдѣломъ машиннымъ. Имъ же, какъ мы говорили, заканчивался вообще серьезный, дѣловой, болѣе или менѣе будничный отдѣлъ.

Первый входный павильонъ и расположенные отъ него влѣво другіе павильоны представляли совсѣмъ другой характеръ:—характеръ роскоши и моды, изящества, вкуса и изысканности работы. Не говоря о прелестныхъ фарфоровыхъ и стеклянныхъ издѣліяхъ, болѣе или менѣе знакомыхъ намъ и по русскимъ магазинамъ, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи припомнить кое-что изъ видѣннаго въ отдѣлѣ вещей бронзовыхъ. Нѣкоторые экспонаты были до того художественно-хороши, что любоваться ими можно было по нѣскольку разъ съ возрастающимъ увлеченіемъ. Во многихъ предметахъ посѣтитель находилъ, можно сказать, не роскошныя издѣлія, выставленныя для продажи, а предметы, взятые изъ какой нибудь глиптотеки или скульптурнаго музея. Вы видѣли предъ собою живыя статуи, живыя до того, что, казалось, вотъ-вотъ онѣ заговорятъ, захохочутъ или заплачутъ передъ вами. И особенно хорошо удалась эта иллюзія на фигурахъ, изображающихъ типъ южный, напр., мавританскій или индѣйскій. Бронзовый оттѣнокъ кожи съ искусно-окрашенными тканями одежды и украшеній головы, шеи и рукъ—все это до того оживотворяло металлъ, что болѣе совершеннаго подражанія природѣ воображеніе рѣшительно не могло и представить. Находились субъекты, которые отходили въ негодованіи на цѣны этихъ чудныхъ экспонатовъ. Но вѣдь безъ настоящаго художника, безъ спеціалиста, немыслимо сдѣлать подобныя вещи,—слѣдовательно, возможно ли продавать ихъ за пятакъ? Разсказываютъ, что за серебряный сервизъ знаменитаго Бушерона, оцѣненный въ 38 т. фр., приходилось выплатить мастеру-художнику болѣе 20 тыс., франковъ. Да, для этого сервиза понадобилось три года работы! Кто понимаетъ, во что обходится хозяину магазина изящная металлическая вещь, тотъ, конечно, не будетъ удивляться тѣмъ цѣнамъ, какія намѣчены были на бронзовыхъ издѣліяхъ, напр., Отто и Шарпантье, на серебряныхъ—Кристофля, Фроманъ-Мериса и др. Не будучи достаточно компетентными въ художественныхъ произведеніяхъ, мы предоставляемъ другимъ говорить о спеціальныхъ деталяхъ этихъ произведеній на выставкѣ, и потому ограничиваемся лишь выраженіемъ личныхъ впечатлѣній. Сомнѣваемся однако, чтобы кому либо понравились менѣе, чѣмъ намъ, образцовыя скульптурныя произведенія: статуя Мефистофеля—работы Антокольскаго, бронзовая ваза—работы Барріаса и мн. др. Считаемъ излишнимъ говорить

и о мебели, о зеркалахъ, о тканяхъ, кружевахъ, обуви и косметическихъ произведеніяхъ. Все это, не смотря на привлекательность, до такой степени извѣстно, что описаніе могло бы представить для читателя интересъ лишь въ томъ случаѣ, если бы шло изъ подъ пера особеннаго знатока дѣла.

Въ военномъ отдѣлѣ вниманіе «штатскаго» человѣка обращаютъ на себя аппараты инженеровъ Женеста и Гершера: снарядъ для полученія очищенной (стерилизованной) воды, снарядъ для походной булочной, аппаратъ для вентиляціи. Не лишенъ интереса и павильонъ съ манкенами разныхъ представителей французской арміи. Начиная съ классической фигуры жандарма и кончая печальной фигурой интендантскаго писаря, передъ взоромъ нашимъ являются одинъ за другимъ всѣ чины французской кавалеріи, артиллеріи и пѣхоты. Кромѣ лицъ военныхъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, выставлены манкены учащихся, а именно: студента изъ Ecole de médecine, воспитанника Политехнической школы, ученика военной Сенъ-Сирской школы и ученика изъ Ecole prytanée de la Flèche. Особенно оригинальны фигуры алжирскаго и сенегальскаго спаговъ, коннаго африканскаго стрѣлка въ красной—въ родѣ поварскаго колпака—шапкѣ, зуава, тюркоса, альпійскаго егеря. Изящество одежды, искусное распредѣленіе фигуръ и подходящая декорировка всего entourage'а придаютъ сценѣ весьма оживленный видъ и содѣйствуютъ болѣе отчетливому ознакомленію съ дѣломъ. Вообще, идею устройства такой коллекціи нельзя не назвать весьма счастливою и даже заслуживающею подражанія для будущихъ выставокъ.

Въ заключеніе повторимъ, что французская выставка въ Москвѣ имѣла характеръ демонстративный, наглядный, — слѣдовательно, отвѣчала обычнымъ требованіямъ, возлагаемымъ на промышленную выставку. Не отвѣчающіе этимъ требованіямъ экспонаты, какъ бы случайно попавшіе на выставку, казалось, должны были нарушать гармонію цѣлаго, если не служить лишнимъ балластомъ. Это несовсѣмъ вѣрно. Къ промышленной выставкѣ вполнѣ подходятъ экспонаты, изображающіе въ культурномъ отношеніи ту страну, откуда они идутъ. Съ культурой же тѣсно связаны демографическія, санитарно-статистическія, топографическія и другія данныя страны; данныя же эти не всегда могутъ говорить зрѣнію, осязанію и вообще внѣшнимъ органамъ чувствъ, а неизбѣжно требуютъ цифроваго, словеснаго изложенія. Вотъ почему печатный матеріалъ служитъ чрезвычайно цѣннымъ дополненіемъ всей демонстративной части на выставкѣ и для серьезно интересующагося экспонатами по тому или другому отдѣлу составляетъ

всегда находитъ это смѣшнымъ. Быкъ этотъ могъ бы разнести толпу, какъ сѣверный вѣтеръ разноситъ пыль, еслибъ онъ былъ свободенъ; но онъ въ неволѣ, и его сила не поможетъ ему. Молотъ сражаетъ его, и толпа смѣется. Жители стараго города Орте хорошо меня знаютъ. Я всю свою жизнь странствовалъ по всей Италіи и исходилъ ее вдоль и поперекъ. Гдѣ бы ни была ярмарка или какой нибудь праздникъ, тамъ непремѣнно появлялся и я, Пиппистрелло, среди пестрой толпы. Никакая жизнь не можетъ назваться дурной, если намъ свѣтитъ солнце, освѣжаетъ насъ дождь, если мы свободны идти, куда угодно, и ничто не заслоняетъ намъ неба. Отецъ мой велъ такой же образъ жизни до меня; онъ умеръ въ Генуѣ, на глазахъ публики, переломивъ себѣ спину при паденіи съ трапеціи, какъ переламывается сухая вѣтка. Я былъ тогда уже довольно большимъ ребенкомъ и, во время представленій, артисты перебрасывали меня изъ рукъ въ руки, какъ мячикъ или апельсинъ. Мать моя была нѣжное, молодое и ласковое созданье, полное ласки для своихъ, но застѣнчивая и пугливая съ чужими. Она была дочь бѣднаго ткача. Мой отецъ сошелся съ ней въ Этруріи и, хотя онъ никогда не потрудился оформить свое сожитіе передъ мэромъ, онъ всегда любилъ ее и обращался съ ней съ большимъ уваженіемъ. Она была очень чистая и честная женщина. Увы, бѣдная душа! Теперь ея волосы бѣлы, какъ снѣгъ, и, говорятъ, она сошла съ ума. Тѣмъ лучше для нея, если она лишилась способности сознавать что либо; но я боюсь, что умалишенные все понимаютъ и видятъ, не смотря на мракъ, въ который они погружены. Когда мой отецъ умеръ въ Генуѣ, мать моя возненавидѣла жизнь артистовъ и, порвавъ всѣ связи съ гимнастами, его товарищами, собрала всѣ свои небольшія деньги въ маленькій кожаный мѣшочекъ и удалилась со мной въ старый городъ Орте, гдѣ еще жила моя бабушка, вдова ткача. Труппа желала оставить меня при себѣ, потому что, хотя мнѣ минуло всего пять лѣтъ, я былъ очень ловокъ, легокъ, безстрашенъ и совсѣмъ не боялся, когда они перебрасывали меня по воздуху черезъ всю сцену, какъ живой мячъ, во время представленій.

Орте былъ тогда совсѣмъ такимъ же, какъ и теперь; я думаю, что очень древніе города никогда не мѣняются. Если вы хотите попробовать измѣнить ихъ, вамъ надо будетъ совсѣмъ сломать и уничтожить ихъ. Орте зналъ еще этрусковъ; онъ очень хорошо можетъ обойтись безъ моднаго населенія. Въ Орте моя мать и бабушка жили вмѣстѣ, въ одной комнатѣ, смотрѣвшей на рѣку; это была большая комната со сводами, съ рѣшетчатыми

окнами, съ толстыми каменными стѣнами,—комната, когда-то составлявшая часть дворца. Моя мать была еще тогда очень молода и красива; но красота ея носила отпечатокъ серьезности и глубокой печали. Она улыбалась мнѣ иногда, но я ни разу не слыхалъ ея смѣха. Она никогда не смѣялась съ того страшнаго дня, когда при яркомъ солнечномъ сіяніи, среди толпы, въ виду генуэзскаго залива, мой отецъ упалъ съ высоты на землю, какъ падаетъ орелъ, сраженный молніей.

У моей матери было много женіховъ. Она была красива, какъ мадонны нашихъ старыхъ художниковъ; она была прилежна, и всѣ, жившіе въ ея маленькомъ міркѣ, знали, что она со временемъ получитъ небольшое поле и рыжую корову, принадлежавшія моей бабушкѣ за городскими воротами Орте. Всѣ эти женихи, конечно, много занимались мной, часто ласкали и приносили мнѣ томаты, зеленыя фиги, сверчковъ въ проволочныхъ клѣткахъ, жареную рыбу и игрушки. Но мать моя не смотрѣла ни на одного изъ нихъ. Когда глаза женщины вѣчно опущены къ могилѣ,—какъ могутъ ихъ отяжелѣвшія отъ слезъ вѣки подняться, чтобы взглянуть на новаго влюбленнаго? Она отталкивала ихъ всѣхъ постоянно, и жила одинокая и печальная, на свои небольшія средства, на нашемъ просторномъ чердакѣ. Мы ѣли мало, наша постель была жестка, и мать и бабушка много работали, чтобы доставить намъ пропитаніе. Но когда богатый фермеръ посватался за нее, предлагая ей честный и законный бракъ, она, цѣлуя меня и плача надо мной, повторяла: «Нѣтъ, нѣтъ! Я буду вѣрна твоему отцу; пусть будетъ, что будетъ!» Фермеръ скоро утѣшился; онъ женился на толстой крестьянкѣ, обладавшей красивой ниткой жемчуга и золотыми браслетами, а я продолжалъ расти при моей матери, тамъ, гдѣ Тибръ золотится утренней зарей и катитъ свои тяжелыя волны подъ вѣтвями плакучихъ ивъ. Мои дѣтскія силы увеличивались подъ лѣтнимъ зноемъ и я росъ, какъ молодой стебель высокой кукурузы. Я пасъ корову, рѣзалъ тростникъ, рубилъ дрова и всегда былъ веселъ, даже когда мать посылала меня къ старому священнику, учившему меня читать по молитвеннику. Она желала сдѣлать изъ меня монаха, но одна мысль объ этомъ заставляла меня содрогаться отъ ужаса. Я любилъ лазить на дубы, качаться на кленахъ, влѣзать на крыша, на башни и на мачты кораблей. Что же я дѣлалъ бы въ монашеской рясѣ и въ крашеной бѣлой кельѣ? Уфъ! Я зажималъ себѣ уши и убѣгалъ каждый разъ, когда моя бѣдная мать начинала говорить о монастырѣ.

Мои члены вѣчно готовы были плясать, и кровь моя посто-

янно кружилась и весело кипѣла въ моихъ жилахъ. Сдѣлаться священникомъ: какая странная мысль!—я никогда не могъ забыть своего веселаго, свѣтлаго дѣтства, когда мой отецъ подбрасывалъ меня на воздухъ, какъ мячикъ; я никогда не могъ забыть радостныхъ криковъ толпы, цѣлаго моря человѣческихъ лицъ, громкаго, открытаго смѣха народа, блеска расшитаго золотомъ костюма, упоенія аплодисментовъ. Мнѣ было тогда пять лѣтъ, но я все помнилъ, а иногда ночью горько плакалъ объ этихъ погибшихъ для меня дняхъ. Если вы разъ услышите голосъ публики, привѣтствующей, одобряющей и вызывающей васъ, вы уже не въ состояніи будете жить безъ него; вамъ всегда будетъ недоставать этого звука, какъ звона мѣдныхъ цимбаловъ, ласкающаго вашу душу. Сынъ артиста никогда не будетъ въ состояніи спокойно сидѣть въ школѣ, какъ дѣти башмачниковъ, кузнецовъ и винодѣловъ. Вся жизнь моя кипѣла, пѣнилась и трепетала во мнѣ безпрерывно, какъ крылья ласточки, когда наступаетъ часъ для полета и въ ней пробуждается стремленіе къ югу. Я всѣми моими силами обожалъ мою блѣдную, прелестную мать, но, не смотря на это, отправляясь къ священнику съ книгами за спиной, я часто думалъ—будетъ ли это уже слишкомъ дурно, если я брошу книги въ рѣку и убѣгу въ поле? И, дѣйствительно, я часто убѣгалъ, блуждая по окрестностямъ Орте, какъ горный заяцъ; влѣзалъ на колокольни церквей, сдиралъ флюгера или звонилъ въ колокола и производилъ тысячи другихъ шалостей; но къ ночи всегда возвращался къ моей матери. Мнѣ казалось, что было бы жестоко и низко бросить ее. Я одинъ остался у нея на свѣтѣ.

«Ты обѣщаешь мнѣ быть умнымъ и спокойнымъ, Пиппо?»—постоянно шептала мнѣ бѣдняжка. И я всегда искренно отвѣчалъ: «да». Но можетъ ли птица обѣщать не летать, когда она инстинктивно почувствуетъ приближеніе весны? Можетъ ли молодой жеребенокъ стоять спокойно, когда онъ чувствуетъ, какъ земля уходитъ изъ подъ его копытъ? Я никогда не хотѣлъ быть непослушнымъ, но какъ-то всегда случалось, что черезъ десять минутъ послѣ того, какъ я уходилъ отъ нея, я уже оказывался на верху какой нибудь колокольни, гдѣ голуби летали вокругъ моей кудрявой головы. Я такъ былъ счастливъ тамъ, на высотѣ, смотря внизъ на старый городъ, покрытый пылью, какъ туманомъ; на женщинъ и мужчинъ, двигавшихся, какъ въ муравейникѣ; на историческую рѣку, казавшуюся узкой перекрученной лентой; на дворцы и памятники, укутанные тѣмъ же сѣрымъ пыльнымъ покрываломъ. Я такъ былъ счастливъ тамъ!—а они толковали о томъ, чтобы сдѣлать меня монахомъ, когда я не хотѣлъ и слышать объ

окнами, съ толстыми каменными стѣнами,—комната, когда-то составлявшая часть дворца. Моя мать была еще тогда очень молода и красива; но красота ея носила отпечатокъ серьезности и глубокой печали. Она улыбалась мнѣ иногда, но я ни разу не слыхалъ ея смѣха. Она никогда не смѣялась съ того страшнаго дня, когда при яркомъ солнечномъ сіяніи, среди толпы, въ виду генуэзскаго залива, мой отецъ упалъ съ высоты на землю, какъ падаетъ орелъ, сраженный молніей.

У моей матери было много жениховъ. Она была красива, какъ мадонны нашихъ старыхъ художниковъ; она была прилежна, и всѣ, жившіе въ ея маленькомъ міркѣ, знали, что она со временемъ получитъ небольшое поле и рыжую корову, принадлежавшія моей бабушкѣ за городскими воротами Орте. Всѣ эти женихи, конечно, много занимались мной, часто ласкали и приносили мнѣ томаты, зеленыя фиги, сверчковъ въ проволочныхъ клѣткахъ, жареную рыбу и игрушки. Но мать моя не смотрѣла ни на одного изъ нихъ. Когда глаза женщины вѣчно опущены къ могилѣ,—какъ могутъ ихъ отяжелѣвшія отъ слезъ вѣки подняться, чтобы взглянуть на новаго влюбленнаго? Она отталкивала ихъ всѣхъ постоянно, и жила одинокая и печальная, на свои небольшія средства, на нашемъ просторномъ чердакѣ. Мы ѣли мало, наша постель была жестка, и мать и бабушка много работали, чтобы доставить намъ пропитаніе. Но когда богатый фермеръ посватался за нее, предлагая ей честный и законный бракъ, она, цѣлуя меня и плача надо мной, повторяла: «Нѣтъ, нѣтъ! Я буду вѣрна твоему отцу; пусть будетъ, что будетъ!» Фермеръ скоро утѣшился; онъ женился на толстой крестьянкѣ, обладавшей красивой ниткой жемчуга и золотыми браслетами, а я продолжалъ расти при моей матери, тамъ, гдѣ Тибръ золотится утренней зарей и катитъ свои тяжелыя волны подъ вѣтвями плакучихъ ивъ. Мои дѣтскія силы увеличивались подъ лѣтнимъ зноемъ и я росъ, какъ молодой стебель высокой кукурузы. Я пасъ корову, рѣзалъ тростникъ, рубилъ дрова и всегда былъ веселъ, даже когда мать посылала меня къ старому священнику, учившему меня читать по молитвеннику. Она желала сдѣлать изъ меня монаха, но одна мысль объ этомъ заставляла меня содрогаться отъ ужаса. Я любилъ лазить на дубы, качаться на кленахъ, влѣзать на крыши, на башни и на мачты кораблей. Что же я дѣлалъ бы въ монашеской рясѣ и въ крашеной бѣлой кельѣ? Уфъ! Я зажималъ себѣ уши и убѣгалъ каждый разъ, когда моя бѣдная мать начинала говорить о монастырѣ.

Мои члены вѣчно готовы были плясать, и кровь моя посто-

углу и добывавшій хлѣбъ тѣмъ, что «вносилъ мечъ», гдѣ только могъ, въ дѣла своихъ сосѣдей. Онъ былъ старый мошенникъ, но моя мать этого не знала; онъ обѣщалъ быть хорошимъ, вѣрнымъ хранителемъ моей юности, и она вѣрила, что онъ могъ сохранить меня отъ всѣхъ превратностей судьбы. Она хотѣла быть увѣренной, что я никогда не подвергнусь опасностямъ карьеры моего отца; ей хотѣлось всегда видѣть меня за своимъ столомъ передъ тарелкой жиденькаго супа. Бѣдная мать!

Одинъ случай въ Орте совсѣмъ иначе устроилъ мою судьбу чѣмъ она того желала. Однажды на восходѣ солнца, въ вербное воскресенье, я услышалъ рѣзкій звукъ визгливой флейты, металлическій звукъ цимбаловъ, восторженные крики мальчишекъ и громъ маленькаго барабана. Этотъ барабанъ билъ передъ труппой гимнастовъ и жонглёровъ, проходившихъ черезъ Реджіо-Эмилія. Труппа остановилась на маленькой площади, выжженной солнцемъ и окруженной старыми развалившимися домами; я побѣжалъ вмѣстѣ со всѣми подростками, чтобы посмотрѣть на гимнастовъ. Орте нарядился по случаю праздника; старый, пыльный и забытый свѣтомъ, онъ весело украсился въ тотъ же день пальмами, лиліями, сиренью и вѣтками ивы; а его жители, честные и веселые, одѣтые въ свои лучшія платья и наполнявшіе улицы, церкви и таверны, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, послѣ обѣдни столпились вокругъ странствующихъ артистовъ. Это происходило въ апрѣлѣ, за городскими стѣнами и по берегамъ Тибра, все еще невполнѣ вошедшаго въ свои берега послѣ зимы; здѣсь виднѣлись тысячи прелестныхъ царскихъ кудрей и ярко-красныхъ и желтыхъ тюльпановъ среди зеленѣющей ржи. Ароматъ цвѣтовъ и травъ вривался въ городъ и наполнялъ его узкія и мрачныя улицы; лодочники прикрѣпили зеленыя вѣтки къ мачтамъ своихъ судовъ; среди вечерней тишины слышались пѣсни сверчковъ, и даже комары такъ весело жужжали, что хотѣлось послать имъ привѣтствіе, за то что они своей маленькой флейтой возвѣщали пріятную новость: «лѣто пришло». Ахъ, эти веселыя лѣта моей юности! Я—старикъ теперь; да, старикъ, хотя мнѣ всего двадцать пять лѣтъ. Я бросился смотрѣть на гимнастовъ, какъ бабочка летитъ на огонь. Въ Италіи всѣ, безъ исключенія, любятъ полишинеля, нѣмаго или говорящаго, сдѣланнаго изъ дерева или состоящаго изъ тѣла и костей, и потому весь Орте спѣшилъ на площадь подъ палящимъ лѣтнимъ солнцемъ. Я смотрѣлъ, дрожалъ, смѣялся; я рыдалъ отъ восторга. Такъ много лѣтъ не видалъ я своихъ братьевъ! Развѣ они не были всѣ моими братьями?

Въ это вербное воскресенье, когда нашъ мрачный и пыльный

Орте былъ такъ полонъ зелени и цвѣтовъ, какъ старый кувшинъ, полный fleurs d'oranges къ свадебному дню,—довольно блестящая труппа гимнастовъ явилась повеселить его жителей; труппа состояла изъ старика и его пяти сыновей, красивыхъ и, конечно, очень сильныхъ юношей. Они влѣзали другъ другу на плечи и составляли живую пирамиду; гнули и ломали желѣзныя палки, перерубали овцу однимъ ударомъ меча; однимъ словомъ, они дѣлали все то, что̀ когда-то дѣлалъ мой отецъ. Что касается меня, я смотрѣлъ на нихъ пораженный, очарованный, ослѣпленный, какъ бы опьянѣвъ отъ восторга и почти обезумѣвъ отъ наплыва воспоминаній, жегшихъ меня, какъ лава, въ то время какъ я напряженно слѣдилъ за каждымъ ихъ подвигомъ, за каждымъ взрывомъ аплодисментовъ толпы. Страшная вещь—эти унаслѣдованныя воспоминанія, переданныя намъ съ кровью. Я смотрѣлъ на гимнастовъ, упоенный радостью, обезумѣвшій отъ воспоминаній и страстнаго влеченія—а моя мать назначала мнѣ карьеру писца и хотѣла запереть меня на всю жизнь съ перомъ въ рукѣ, для того чтобъ я сѣялъ сѣмена ненависти, преступленія и людскаго горя, раздувая пламя злобы и страстей изъ-за полдесятины земли или нѣсколькихъ золотыхъ! Она желала сдѣлать меня писцомъ у нотаріуса... Я смотрѣлъ на этихъ людей, казавшихся мнѣ столь счастливыми; смотрѣлъ на этихъ ловкихъ, стройныхъ, сильныхъ юношей въ трико, блестѣвшемъ, какъ зеленая кожа змѣи, въ залитыхъ золотомъ блестящихъ костюмахъ, въ бархатныхъ шапочкахъ, украшенныхъ бѣлыми перьями—и неудержимая сила заставила меня воскликнуть: «возьмите меня, возьмите меня съ собой!» Старый король труппы пристально взглянулъ на меня. Когда представленіе окончилось, онъ перепрыгнулъ черезъ канатъ, отдѣлявшій арену отъ публики и, обнявъ меня своими сильными руками, воскликнулъ: «Клянусь Богомъ! Это ты, маленькій Пиппо». Онъ былъ товарищемъ моего отца. Короче говоря, когда маленькая труппа покинула Орте, я отправился съ ней.

Это было очень дурно. Моя бѣдная мать спала, ничего не подозрѣвая, когда я передъ зарей пролѣзъ сквозь рѣшетку окна и тихо пробрался къ парому на Тибрѣ, гдѣ и соединился съ моими новыми друзьями. Это было очень дурно; но я не могъ поступить иначе: судьба была сильнѣе меня. Старикъ не безпокоился о томъ, къ хорошему или дурному поступку онъ поощрилъ меня. Онъ предчувствовалъ во мнѣ гимнаста, который сдѣлаетъ ему честь и заставитъ дукаты звучать вдвое веселѣе въ его кошелькѣ. Къ тому же, я ничего ему не стоилъ. Съ этого времени

я, дѣйствительно, началъ жить. Я часто плакалъ, чувствуя искреннія угрызенія совѣсти; когда проходилъ мимо распятія у дороги, я дрожалъ отъ раскаянія и ужаса; но все шелъ дальше, затягивалъ сильнѣе поясъ вокругъ своего расшитаго золотомъ костюма и, не смотря на всѣ угрызенія совѣсти, былъ счастливъ. Когда я былъ уже очень, очень далеко, я написалъ моей матери— и бѣдняжка поняла, что не было уже никакихъ средствъ заставить меня вернуться къ ней. Дѣти — эгоисты; въ дѣтствѣ мало чувства. Когда ребенокъ страдаетъ, онъ призываетъ свою мать, но когда онъ счастливъ—увы!—онъ рѣдко думаетъ о ней. Французскій поэтъ Викторъ Гюго обожаетъ дѣтство; но онъ ошибается: дѣтство часто болѣе жестоко, болѣе сурово, неумолимо и жадно, чѣмъ старость.

Я былъ очень счастливъ, полный силы и успѣха; мои товарищи сдержали слово и научили меня всѣмъ своимъ фокусамъ, всѣмъ подвигамъ. Скоро я превзошелъ своихъ учителей въ ловкости и смѣлости, и сдѣлался славой ихъ труппы. Лѣтомъ мы странствовали по обширнымъ долинамъ Ломбардіи и низкимъ тосканскимъ горамъ; зимой показывали свои доблестные подвиги въ Римѣ, въ Неаполѣ, въ Палермо; мы останавливались вездѣ, гдѣ солнце насъ пригрѣвало и гдѣ народъ любилъ смѣяться. Отъ времени до времени, я вспоминалъ о моей матери и посылалъ ей деньги. Я слегка вздрагивалъ, когда видѣлъ изображеніе мадонны, потому что всѣ мадонны улыбаются, какъ улыбается намъ въ дѣтствѣ наша мать. Я думалъ о ней, но не вернулся домой. Я былъ Пипистрелло—жонглёръ и гимнастъ. Я былъ юный геркулесъ въ расшитой блестками туникѣ, вмѣсто львиной кожи. Я былъ на тысячу лѣтъ, на тысячу верстъ далекъ отъ ребенка въ Орте. Богъ справедливъ! Справедливо, что я умираю здѣсь, потому что въ годы своего счастья забылъ мою мать.

Я жилъ при блескѣ солнца, передъ чуткой итальянской толпой, пожиная своимъ искусствомъ рядъ тріумфовъ; и я забылъ мою мать, одинокую въ своей старой комнатѣ надъ Тибромъ, совсѣмъ одинокую, потому что бабушка моя умерла. Что я убилъ ее, это ничего не значитъ. Я бы снова сдѣлалъ то же самое, еслибы мнѣ пришлось начать жизнь снова. Да, не останавливаясь, безъ всякаго милосердія, я повторилъ бы свой поступокъ. Но моя мать—она жила одинокая и сошла съ ума. Вотъ мое преступленіе. Я былъ высокій, сильный юноша и женщины говорили, что я красивъ; я велъ шумную жизнь, постоянно находился въ движеніи и сдѣлался тѣмъ же, чѣмъ до меня былъ мой отецъ. Такъ говорили всѣ. Но я любилъ читать, а мой отецъ никогда не от-

крывалъ книги; и въ память теплой вѣры моей матери, я обнажалъ голову каждый разъ, какъ проходилъ мимо иконы или церкви, что̀ также не входило въ привычки моего отца. Въ эти годы я собралъ много денегъ, очень много, по крайней мѣрѣ, для странствующаго артиста, но онѣ исчезали также скоро, какъ и появлялись. Я никогда не былъ порочнымъ человѣкомъ, игрокомъ или пьяницей; но мои тяжелыя монеты быстро вылетали изъ моего кармана, потому что я былъ веселъ и любилъ разыгрывать роль любовника. Я пожилъ хорошо, это вѣрно. Я не знаю жизни богачей и арйстократовъ, но увѣренъ, что она мрачнѣе и скучнѣе моей.

Въ Италіи жизнь требуетъ такъ немного: воздухъ и свѣтъ, жиденькое красное вино, теплый вѣтерокъ, горсть маиса или кисть винограда, старая гитара и ниша, въ которой можно выспаться ночью у фонтана, журчащаго и напѣвающаго свою пѣсенку мхамъ и мрамору — вотъ и все, что̀ нужно для счастья въ Италіи. И все это нетрудно получить; по крайней мѣрѣ, такъ было тогда. Я никогда не былъ очень бѣденъ, но каждый разъ, какъ деньги звенѣли въ моемъ карманѣ, я угощалъ всю нашу труппу и полъ-города, и смѣхъ нашъ раздавался до зари. Я всегда былъ ничего больше, какъ Пипистрелло—гимнастъ, который прыгалъ и боролся, и также легко подымалъ быка, какъ другіе поднимаютъ ребенка. Безъ сомнѣнія, умнымъ людямъ такая жизнь кажется глупой, а святымъ — грѣховной. Но я родился для нея; другая жизнь была для меня невозможна. Когда деньги сыпались на меня, какъ дождь, и я могъ облегчить чье нибудь наболѣвшее сердце, подкрѣпить больнаго мальчика хорошимъ обѣдомъ, осчастливить какого нибудь ребенка горстью мѣдной монеты, дать бѣдной собакѣ постель и друга, помочь нагруженному и усталому мулу,—я никогда не пропускалъ подобнаго случая; а что̀ же больше могъ сдѣлать простой гимнастъ? Послѣ такихъ случаевъ, я всегда спалъ спокойно. Когда умеръ старикъ, бывшій товарищъ моего отца, наша труппа распалась, поссорившись изъ-за его наслѣдства. Пять братьевъ по обыкновенію дошли до ножей. Въ Италіи человѣкъ также натурально хватается за ножъ, какъ дитя за грудь матери. Утомленный ссорами братьевъ, я покинулъ ихъ, составилъ свою маленькую труппу изъ однихъ только молодыхъ людей, и весело переходилъ съ ней съ одного мѣста на другое, отъ моря до моря. Въ это время мы находились на югѣ. Я былъ очень популяренъ въ народѣ. Когда я оканчивалъ свои нумера, какъ гимнастъ, я пѣлъ съ акомпанементомъ мандолины, импровизовалъ и заставлялъ публику

смѣяться и плакать. Нѣкоторые болѣе понимающіе люди говорили мнѣ, что я могъ бы сдѣлаться великимъ актеромъ или великимъ пѣвцомъ. Можетъ быть, но я всегда оставался только странствующимъ артистомъ Пипистрелло. Я слишкомъ нуждался въ свѣжемъ воздухѣ, въ движеніи и въ примѣненіи моихъ физическихъ силъ, чтобы согласиться запереть себя подъ крышей театра, гдѣ горятъ сотни лампъ.

Однажды, когда мы странствовали въ мрачной Калабріи, выжженной іюльскимъ солнцемъ, съ запыленными алоэ и маисовыми полями, я внезапно почувствовалъ угрызенія совѣсти; я вспомнилъ свою мать, одинокую въ Орте. Сотни разъ вспоминалъ я о ней, но стыдился провѣдать ее — я, который такъ низко ее бросилъ. Въ этотъ день мои угрызенія были сильнѣе моего стыда. Я былъ хозяиномъ моей маленькой труппы и сказалъ: «здѣсь жарко, мы пойдемъ по дорогѣ къ Риму, вдоль Тибра». Такъ мы и сдѣлали. Мы работали и играли дорогой, проходя черезъ Базиликату, Кампанію и Лаціумъ, пока наконецъ не дошли до Орте,—стараго, скучнаго, сѣраго города, ютившагося по берегу Тибра. Мое сердце билось, колѣни дрожали и я подумалъ: «что если она умерла?» Я оставилъ своихъ товарищей пить и отдыхать въ тавернѣ у городскихъ воротъ, и пошелъ искать ее одинъ. Я нашелъ домъ, нашелъ мрачное рѣшетчатое окно, выходившее на Тибръ; темныя каменныя стѣны грозно смотрѣли на улицу. У фонтана, къ которому я тысячу разъ бѣгалъ въ дѣтствѣ, женщина совсѣмъ старая и сѣдая черпала воду. Я посмотрѣлъ и не узналъ ея; я видѣлъ только женщину слабую и старую. Но она, наполнивъ мѣдный кувшинъ, обернулась и увидѣла меня; кувшинъ выпалъ изъ ея рукъ, и она съ раздирающимъ душу крикомъ упала къ моимъ ногамъ. Тогда я узналъ ее! Когда, при блескѣ горячаго, яркаго солнца, я увидѣлъ, какъ въ эти десять лѣтъ моя мать постарѣла, согнулась и посѣдѣла,—въ тѣ десять лѣтъ, которыя я провелъ въ блескѣ, весельѣ и радости,—я понялъ, что согрѣшилъ противъ нея великимъ грѣхомъ: грѣхомъ жестокости, пренебреженія и низкаго эгоизма. Она еще была молода, когда я оставилъ ее; молода и красива, безъ одного сѣдаго волоска въ черныхъ, какъ смоль, волосахъ. Женихи увивались вокругъ ея красоты, какъ пчела вокругъ цвѣтовъ, при сіяніи осенняго солнца. А теперь—теперь это была совсѣмъ старуха. Она не упрекала меня; она сказала только: «Мой сынъ, мой сынъ! Слава Богу! Слава Богу!» и эти слова она со слезами, и вся дрожа, повторяла безпрестанно. Да, такія женщины бываютъ на свѣтѣ.

Когда свѣтлый, жаркій лѣтній день превратился въ сѣроватую,

освѣщенную свѣтляками ночь, я легъ на узкую постель, на которой когда-то спалъ ребенкомъ, и мать поцѣловала меня передъ сномъ, какъ цѣловала когда-то ребенка. Этотъ поцѣлуй, казалось, очищалъ меня отъ всѣхъ грѣховъ, совершонныхъ вдали отъ нея, исключая, конечно, моего непростительнаго грѣха противъ нея. Утромъ она открыла ящикъ старой конторки и показала мнѣ все, что я прислалъ ей въ эти десять лѣтъ; все оставалось нетронутымъ—какъ деньги, такъ и подарки. «Я ничего не хотѣла брать, потому что ты не давалъ мнѣ всего этого самъ»,— сказала она. Рыданія поднялись въ моей груди.

Было очень рано; она попросила меня идти съ нею къ обѣднѣ. Я пошелъ, чтобы сдѣлать ей удовольствіе. Всю дорогу я смотрѣлъ на ея старую, слабую, согбенную фигуру, на ея сѣдые волосы подъ желтымъ платкомъ, и во мнѣ зародилось такое чувство, какъ будто я убилъ ее. Это одинокое старое созданье не походило на мою мать, напоминавшую мадонну Рафаэля, когда я оставилъ ее. Я никогда уже не могъ сдѣлать ее такой, какой она была прежде. «Это мой сынъ»,— говорила она сосѣдямъ; но она говорила это скорѣе съ грустью, чѣмъ съ гордостью, потому что ненавидѣла мое призваніе; но Орте думалъ иначе. Орте толпился, чтобы посмотрѣть на меня, потому что онъ уже слышалъ о Пипистрелло, о своемъ собственномъ Пипистрелло, который мучилъ его своими дѣтскими шалостями, а теперь прославился въ городахъ и селеніяхъ, какъ самый сильный мужчина Италіи. И, дѣйствительно, я былъ такимъ, и моя мать, смотря на меня глазами полными слезъ, говорила: «Ты — портретъ своего отца. О, мой милый, дорогой мой! будь остороженъ!»

Бѣдняжка, она ничего не видѣла передъ собой, кромѣ паденія сильнаго человѣка въ Генуѣ, во время одного изъ представленій въ циркѣ. Но я боюсь надоѣсть вамъ.—Нѣтъ?—Я оставилъ свое вышитое золотомъ платье и всѣ аттрибуты своего званія въ тавернѣ у своихъ товарищей, боясь взволновать ихъ видомъ мою мать и возбудить въ ней горькія воспоминанія. Но Орте, почти спавшій на берегу Тибра,—какъ нимфа, знакомая мнѣ по латинскимъ книгамъ въ школѣ,—Орте, которому нечего было дѣлать въ продолженіе длиннаго скучнаго дня, среди іюньскаго бездождія, требовалъ, чтобъ я показалъ ему свое искусство. Я не съумѣлъ противиться желанію народа и гордился тѣмъ, что могу показать все, что умѣю я, Пипистрелло, котораго такъ часто били въ дѣтствѣ за то, что онъ лазилъ за чужими каштанами и грушами. Итакъ, когда день сталъ свѣжѣть, я отдѣлилъ краснымъ канатомъ кругъ около себя и моихъ товарищей, на большой

полнѣ за городомъ, — и весь Орте собрался сюда съ закатомъ солнца, привѣтствуя меня восторженными криками, какъ будто Пипистрелло былъ король или герой. Толпа всегда такова: непостоянна и глупа, шумна и невѣжественна, какъ попугай, измѣнчива, какъ вѣтеръ. Этотъ же самый народъ бросалъ въ меня каменьями, когда меня вели въ тюрьму: — тотъ самый народъ, который меня привѣтствовалъ и праздновалъ мое возвращеніе въ первый день пріѣзда въ Орте. Теперь, конечно, нѣкоторыя женщины плачутъ и одинъ ребенокъ принесъ мнѣ половину гранаты. Это еще больше, чѣмъ выпадаетъ на долю падшихъ идоловъ, потому что чернь жестока: это — животное, ласкающееся и пресмыкающееся, а потомъ раздирающее свою жертву.

Былъ сухой іюнь, какъ я уже сказалъ. Я утолилъ угрызенія совѣсти въ тщеславіи и радости показать Орте все, что могу сдѣлать силой своихъ мускуловъ. Мы не очень храбрый и не очень сильный народъ, поэтому сила и смѣлость кажутся очень красивыми на нашей родинѣ и производятъ много шума среди насъ. Я обладалъ и силой, и смѣлостью, и народъ былъ въ восхищеніи отъ всего, что я дѣлалъ. Я напрягъ всѣ свои силы и на площади, отграниченной краснымъ канатомъ, выказалъ все свое искусство, какъ будто публикой моей были все только короли. Никакое одобреніе не льститъ такъ самолюбію, какъ то, которое человѣкъ вынуждаетъ у недоброжелательныхъ ему людей, а я зналъ, что Орте долго былъ противъ меня за мои мальчишескія шалости и мое бѣгство. Откровенно говоря, я ничего не дѣлалъ теперь, что́ было бы опаснѣе, чѣмъ то, что́ я дѣлалъ въ дѣтствѣ, влѣзая на вершину креста на колокольнѣ и садясь на него верхомъ; но жители Орте тогда называли это богохульствомъ, а теперь величали гимнастикой и аплодировали мнѣ такъ долго и громко, что могли бы разбудить мертвыхъ этрусковъ, спавшихъ въ своихъ могилахъ.

Наконецъ, я дошелъ до фокуса, который далеко не былъ труднѣйшимъ для меня, но который всегда казался удивительнымъ для толпы. Это былъ фокусъ моего стараго учителя—удержать всѣхъ своихъ пятерыхъ сыновей на плечахъ. Но я превзошелъ его, потому что удерживалъ на своихъ плечахъ по семи человѣкъ, и самый верхній изъ нихъ держалъ на головѣ маленькаго Феба. Ребенокъ, котораго мы называли Фебомъ, потому что нашли его при восходѣ солнца и потому что у него были такія золотистыя кудри—золотистыя, какъ рапункулы—былъ маленькое брошеное существо, подобранное нами въ Апуліи на берегу моря. Онъ былъ нѣжный, веселый, безпечный мальчикъ, котораго мы

всѣ любили и которому скоро успѣли внушить безстрашіе, позволявшее намъ бросать его, какъ мячъ, во время представленій. Онъ всегда восхищалъ публику—этотъ хорошенькій ребенокъ. Я думаю, ему не было и четырехъ лѣтъ; онъ былъ всегда веселъ и постоянно смѣялся. Для него все было лишь шуткой, какъ и для меня, въ его годы. Я никогда не думалъ, что было жестоко пользоваться имъ для нашихъ представленій, — я самъ былъ такъ счастливъ во время ихъ, когда-то. Вдругъ, когда я стоялъ, выпрямившись и держа на плечахъ семерыхъ гимнастовъ, изъ которыхъ самый верхній держалъ на головѣ нашего крошечнаго Феба; въ ту самую минуту, когда я продѣлывалъ этотъ маневръ, такъ всегда мнѣ удававшійся,—среди моря обращенныхъ ко мнѣ лицъ, при блескѣ заходящаго солнца, я увидалъ глаза одной женщины. Она слегка наклонилась впередъ, опершись щекой на руку. На головѣ ея были накинуты черныя кружева, прикрѣпленныя желтыми цвѣтами надъ лѣвымъ ухомъ. Она смотрѣла на меня и слегка улыбалась. Мои глаза встрѣтились съ ея глазами чрезъ воздушное пространство, освѣщенное пурпуровымъ сіяніемъ заходящаго солнца, окрасившаго краснымъ цвѣтомъ пыль на аренѣ, какъ кровь на полѣ битвы. Я почувствовалъ какъ бы ударъ кинжала; въ глазахъ у меня потемнѣло; я слегка дрогнулъ; черезъ секунду я пришелъ въ себя, но мое минутное движеніе наполнило ужасомъ моихъ товарищей. Седьмой, самый верхній, чувствуя, какъ человѣческая пирамида дрогнула подъ нимъ, невольно, безсознательно протянулъ руки, чтобы спастись. Онъ не потерялъ равновѣсіе, но уронилъ ребенка. Тотъ упалъ, какъ падаетъ на землю сорвавшееся съ вѣтки яблоко. Наступила минута ужаснаго молчанія. Затѣмъ мои товарищи спрыгнули на землю, спотыкаясь, толкая другъ друга и не зная, что̀ начать. Публика съ крикомъ вскочила, порвала веревку и хлынула на арену... Я нагнулся и поднялъ ребенка. Онъ былъ мертвъ!

Онъ сломалъ себѣ шею при паденіи, ударившись о землю затылкомъ, и лежалъ на пескѣ, какъ маленькая мертвая овечка; крошечная мишурная корона свалилась съ его кудрей, маленькія ножки подвернулись, ротикъ полураскрылся, какъ цвѣтокъ. Это было ужасно. Публика говорила со мной. Я не видѣлъ и не слышалъ ея. Наконецъ толпа разошлась; одни говорили возбужденно, другіе опѣмѣли отъ ужаса, котораго они только что были свидѣтелями. Я поднялъ то, что̀ за минуту было маленькимъ Фебомъ, и отнесъ на рукахъ въ домъ моей матери. Она сидѣла дома, одинокая, какъ жила уже болѣе десяти лѣтъ. Увидавъ мертваго ма

полянѣ за городомъ, — и весь Орте собрался сюда съ закатомъ солнца, привѣтствуя меня восторженными криками, какъ будто Пипистрелло былъ король или герой. Толпа всегда такова: непостоянна и глупа, шумна и невѣжественна, какъ попугай, измѣнчива, какъ вѣтеръ. Этотъ же самый народъ бросалъ въ меня каменьями, когда меня вели въ тюрьму: — тотъ самый народъ, который меня привѣтствовалъ и праздновалъ мое возвращеніе въ первый день пріѣзда въ Орте. Теперь, конечно, нѣкоторыя женщины плачутъ и одинъ ребенокъ принесъ мнѣ половину гранаты. Это еще больше, чѣмъ выпадаетъ на долю падшихъ идоловъ, потому что чернь жестока: это — животное, ласкающееся и пресмыкающееся, а потомъ раздирающее свою жертву.

Былъ сухой іюнь, какъ я уже сказалъ. Я утолилъ угрызенія совѣсти въ тщеславіи и радости показать Орте все, что̀ могу сдѣлать силой своихъ мускуловъ. Мы не очень храбрый и не очень сильный народъ, поэтому сила и смѣлость кажутся очень красивыми на нашей родинѣ и производятъ много шума среди насъ. Я обладалъ и силой, и смѣлостью, и народъ былъ въ восхищеніи отъ всего, что̀ я дѣлалъ. Я напрягъ всѣ свои силы и на площади, отграниченной краснымъ канатомъ, выказалъ все свое искусство, какъ будто публикой моей были все только короли. Никакое одобреніе не льститъ такъ самолюбію, какъ то, которое человѣкъ вынуждаетъ у недоброжелательныхъ ему людей, а я зналъ, что Орте долго былъ противъ меня за мои мальчишескія шалости и мое бѣгство. Откровенно говоря, я ничего не дѣлалъ теперь, что̀ было бы опаснѣе, чѣмъ то, что̀ я дѣлалъ въ дѣтствѣ, влѣзая на вершину креста на колокольнѣ и садясь на него верхомъ; но жители Орте тогда называли это богохульствомъ, а теперь величали гимнастикой и аплодировали мнѣ такъ долго и громко, что могли бы разбудить мертвыхъ этрусковъ, спавшихъ въ своихъ могилахъ.

Наконецъ, я дошелъ до фокуса, который далеко не былъ труднѣйшимъ для меня, но который всегда казался удивительнымъ для толпы. Это былъ фокусъ моего стараго учителя—удержать всѣхъ своихъ пятерыхъ сыновей на плечахъ. Но я превзошелъ его, потому что удерживалъ на своихъ плечахъ по семи человѣкъ, и самый верхній изъ нихъ держалъ на головѣ маленькаго Феба. Ребенокъ, котораго мы называли Фебомъ, потому что нашли его при восходѣ солнца и потому что у него были такія золотистыя кудри—золотистыя, какъ ранункулы—былъ маленькое брошеное существо, подобранное нами въ Апуліи на берегу моря. Онъ былъ нѣжный, веселый, безпечный мальчикъ, котораго мы

положилъ съ нимъ его маленькую корону и дѣтскій костюмъ, какъ этруски клали съ своими дѣтьми ихъ игрушки. Бѣдный маленькій человѣчекъ! Мы научили его играть смертью, а его игрушка оказалась сильнѣе его. Послѣ его похоронъ, я пустился на поиски за той женщиной, лицо которой увидѣлъ въ толпѣ. Моя мать никогда не спрашивала меня, откуда я приходилъ или куда шелъ. Смерть Феба разрушила робкую радость, съ которою она привѣтствовала мое возвращеніе—счастье пришло къ ней слишкомъ поздно. Если горе долго сидѣло у чьего нибудь очага, трудно разогрѣть снова пепелъ прошлаго счастія: онъ остается мертвымъ и холоднымъ навсегда. Мое время шло печально; страшная тишина замѣнила веселье и шумъ моей прошлой жизни; страшное безмолвіе наступило послѣ безумныхъ криковъ восторга и громкаго счѣха толпы; иногда мнѣ казалось, что я самъ умеръ вмѣсто Феба. Постоянная надежда найти ту женщину, которую я разъ увидѣлъ, все время не покидала меня. Я исходилъ всѣ окрестности, влекомый все одной этой надеждой. Дни обратились въ недѣли. Я бродилъ несчастный, какъ собака безъ крова и хозяина.

Наконецъ, я увидѣлъ ее! Съ своей girella на плечѣ, служившей мнѣ предлогомъ бродить по берегу рѣки, я пришелъ въ ту часть Этруріи, гдѣ,—какъ я зналъ по книгамъ въ школѣ,—древніе этруски когда-то собирались въ боевомъ порядкѣ, ожидая Фабія. Мѣстность тамъ очень красива или, по крайней мѣрѣ, казалась мнѣ такой. Дубовые лѣса спускаются къ берегамъ Тибра; издали виднѣется снѣгъ на Апеннинахъ; маленькіе города, Джіова и Пенна, бѣлѣютъ на холмахъ Умбріи; на низкихъ поляхъ растутъ въ перемежку виноградъ, оливки, маисъ и рожь. Здѣсь находится нашъ Лагерелло, который,—какъ говорятъ ученые,—ничто иное, какъ озеро Вадимонъ, о которомъ упоминаетъ Плиній. Впрочемъ, объ этомъ я ничего не знаю; теперь это маленькая несчастная лужа, поросшая тростникомъ и населенная лягушками. Возлѣ этой-то лужи я снова увидѣлъ ее. Какъ безумный, я бросился прямо въ воду, но тростникъ и лиліи запутали меня въ свои сѣти; длинныя травы и водяныя растенія сплелись въ непроницаемую массу. Я стоялъ такъ по поясъ въ водѣ, не въ состояніи двинуться впередъ, какъ бѣдная скотина,—про которую разсказываетъ Плиній, — принимавшая всю эту зелень за сухую почву и утопавшая такимъ образомъ посреди озера. Она посмотрѣла на меня, слегка разсмѣялась и исчезла. До заката солнца я узналъ, кто она, отъ крестьянина, пришедшаго сюда рѣзать тростникъ. Недалеко отъ Лагерелло находится вилла Санта-Ало-

изъ; вокругъ ея стѣнъ тянется темный меланхоличный лѣсъ, остатокъ того знаменитаго лѣса, котораго въ древности римляне боялись, какъ границы ада. Тибръ протекаетъ совсѣмъ рядомъ съ этой виллой, желтый и туманный; черные буйволы приходятъ къ его берегу на водопой, а въ кустарникахъ, окаймляющихъ его, милліонами водятся змѣи и жабы; онъ течетъ печальный, вѣчно печальный, осенью окутанный туманомъ, а лѣтомъ высохшій и мелкій, съ поднимающимися вредными испареніями надъ его пустымъ русломъ.

Вилла скучна и мрачна, какъ и самый Тибръ. Выстроенная изъ камня въ прошлые вѣка, она стоитъ безцвѣтная, темная, безъ сада или какой нибудь зелени, съ окнами, закрытыми, какъ глаза слѣпца. Такою была и есть Санта-Алоиза. Въ старину, безъ сомнѣнія, вилла эта была величественна, полна блестящей феодальной роскоши и оглашалась шумомъ и звономъ оружія солдатъ; теперь, пораженная нищетой и пустая, она одиноко и безмолвно смотритъ на протекающій внизу Тибръ, этотъ ужасный Тибръ, поглотившій столько золота, столько сокровищъ и красоты, скрывшій столько труповъ и преступленій, и протекающій теперь въ безмолвіи между ядовитыми болотами. Я всегда боялся Тибра. Санта-Алоиза принадлежала древнему роду графовъ Марчіони. Одинъ изъ ихъ рода все еще жилъ и владѣлъ старыми стѣнами и землями своихъ предковъ, хотя старое богатство давно рушилось. Таддео Марчіони почти не отличался отъ своихъ собственныхъ крестьянъ; онъ былъ некрасивъ, жаденъ, не воспитанъ и жестокъ. Онъ былъ владѣтелемъ виллы, — это правда, но онъ жилъ въ бѣдности, и эта красавица уже семь лѣтъ была его женой. Пятнадцати лѣтъ, ея отецъ, священникъ, выдававшій себя за ея дядю, обвѣнчалъ ее съ Таддео Марчіони. Она прожила семь убійственныхъ лѣтъ въ этомъ мрачномъ лѣсу, у желтыхъ водъ рѣки, среди зловредныхъ болотъ. Бракъ сдѣлалъ ее графиней,—вотъ и все. Во всемъ другомъ онъ осудилъ ее заживо запереться въ могилѣ.

Жизнь нашихъ итальянскихъ женщинъ довольна весела въ городахъ; но въ деревнѣ онѣ скоро дѣлаются блѣдны и безцвѣтны, какъ крылья ночной бабочки. Онѣ не любятъ природы, воздуха, лѣсовъ, полей,—цвѣты ничего не говорятъ имъ. Онѣ не смотрятъ ни на цвѣты, ни на звѣзды. Единственно, что нравится имъ, это: черная маска и шопотъ любви, тайное свиданіе, уличный шумъ и букеты карнавала. Что имъ дѣлать въ одиночествѣ, среди дикой природы деревни, когда онѣ дышатъ свободою лишь подъ прикрытіемъ маски и домино? Путешествен-

ники, пробѣгающіе нашу страну и видящіе розовыя смѣющіяся уста нашихъ женщинъ на балконахъ въ Берлигаччіо и Пентолаччіа, никогда не поймутъ громадной, неутѣшной тоски, тяготящей надъ жизнью нашихъ женщинъ въ маленькихъ провинціальныхъ городахъ или деревенскихъ домахъ, разсѣянныхъ по холмамъ и долинамъ. У нихъ для развлеченія есть лишь священникъ да капелла, вотъ и все.

Въ Италіи нѣтъ другаго выбора, какъ между крестьянкой, работающей въ полѣ, почернѣвшей отъ палящаго солнца, согбенной подъ тяжестью своей ноши, и барыней, живущей между спальней и исповѣдальницей, выходящей изъ своихъ покоевъ лишь ночью, — подобно свѣтлякамъ, блистающимъ только во тьмѣ,— и живущей тайной любовью и ежедневными сплетнями. Что же дѣлать такимъ женщинамъ въ своихъ скучныхъ, однообразныхъ виллахъ? Онѣ ненавидятъ шумъ вѣтра и видъ деревьевъ, бѣгутъ отъ собаки и кричатъ во время грозы, не хотятъ читать и изучаютъ лишь... сладкую «науку страстей». Все это я узналъ позднѣе; а въ тотъ день, бродя промокшій и продрогшій, я видѣлъ передъ собой лишь мрачную тѣнь огромнаго замка, служившаго прежде крѣпостью, рѣшетчатыя окна, обитыя желѣзомъ двери и поросшіе травой бастіоны. Она заставила меня убить Феба, а я жилъ лишь для того, чтобъ опять увидать ея лицо. Иногда мнѣ кажется, что любовь—глубочайшая тайна жизни; простое желанье, страсть и нѣжность не могутъ объяснить ее. Вы проводите годы среди толпы и ничего не знаете о ней; вдругъ вы встрѣчаетесь глазами съ глазами чуждаго вамъ до тѣхъ поръ человѣка и навѣкъ теряете свою свободу. Вотъ любовь! Кто скажетъ: откуда она приходитъ? Это стрѣла боговъ, спускающаяся съ неба и низвергающая насъ въ адъ. Мы ничего не можемъ сдѣлать противъ этого. Тихо пошелъ я домой съ наступленіемъ вечера. Я видѣлъ ея глаза одинъ разъ среди толпы въ Орте, въ другой разъ возлѣ лужи, бывшей прежде озеромъ Вадимонъ, и уже принадлежалъ ей навѣкъ. Объясните мнѣ это, вы, мудрые люди, имѣющіе про все такія длинныя рѣчи! Нѣтъ, вы можете быть мудры, но разрѣшить это—не въ вашей власти.

Моя мать и я мало говорили въ то время. Нашъ домъ былъ печаленъ; смерть ребенка и мое долгое отсутствіе оставили въ немъ какой-то холодъ. Мы обѣдали вмѣстѣ большею частью молча; мнѣ было больно, что я только Пипистрелло-жонглёръ, а не солидный, любимый гражданинъ Орте, занимающійся торговлей и имѣющій свое почетное мѣсто въ церкви и на рынкѣ. Каждый день она ждала, что я снова отправлюсь странствовать; она

знала, что съ каждымъ днемъ уменьшаются въ моемъ кошелькѣ деньги; каждый день она выслушивала вопросъ сосѣдей: «А вашъ Пиппо? не хочетъ ли онъ, наконецъ, совсѣмъ поселиться здѣсь, взять жену и начать какое нибудь дѣло?» Бѣдная мать! Сыновья другихъ женщинъ спокойно сидѣли дома, были почтенными отцами семействъ, мирными подданными своего короля, и весело курили трубки на порогѣ своихъ домовъ, покончивъ дневныя работы. Она была бы такъ счастлива, еслибъ я былъ похожъ на нихъ, а я былъ только жонглёръ и гимнастъ, игрушка публики, сломавшаяся на глазахъ всего Орте. Мой отецъ никогда не дѣлалъ такой ошибки. Онъ ни разу не убилъ ребенка, довѣрившагося его силѣ; онъ самъ упалъ и умеръ. Эту разницу между нами я постоянно читалъ въ глазахъ матери, когда встрѣчался съ ними. Она дѣлала маленькіе букеты изъ простыхъ цвѣтовъ и носила ихъ на крошечную могилку Фоба—моей жертвы. Разъ я сказалъ ей: «я не виноватъ; я отдалъ бы свою жизнь, чтобы спасти его». Она мнѣ отвѣтила на это: «еслибы ты тогда согласился остаться дома, ребенокъ былъ бы живъ». «Нѣтъ,—подумалъ я,—еслибъ она не посмотрѣла на меня»,—но я промолчалъ. Я хранилъ воспоминаніе объ этой женщинѣ въ своемъ сердцѣ, и день, и ночь бродилъ вдоль озера, рѣки и болотъ, окружавшихъ Санта-Алоизу. Разъ или два я видѣлъ Таддео Марчіони, стараго графа; это былъ сѣдой, согнувшійся дряхлый старикъ, съ худощавымъ лицомъ и длинными крѣпкими челюстями; но ее я не видалъ ни разу въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Въ Лагерелло водится рыба. Я взялъ маленькую сѣть, опустилъ ее въ воду и съ утра до вечера сидѣлъ на берегу. Я ждалъ появленія видѣнія, которое разъ уже являлось мнѣ тамъ; рыба приходила и уходила, а я все сидѣлъ.

Однажды, наскучивъ ждать и поймавъ хорошую рыбу, я вытащилъ ее въ тростникъ, сложилъ въ кошелку и, взваливъ ее на плечи, прямо пошелъ къ мрачнымъ стѣнамъ Санта-Алоизы. Воротъ не было; осока, покрывающая здѣсь равнины, росла у самыхъ стѣнъ огромнаго дома. Вокругъ простирались поля, засаженныя сѣровато-зелеными оливковыми деревьями; возлѣ дома не было ни сада, ни газоновъ; все, что не было болотомъ, было вспахано и засѣяно. Огромныя двери были заперты. Я смѣло вошелъ черезъ маленькую боковую дверь и очутился въ большихъ пустыхъ мраморныхъ сѣняхъ, гдѣ царили тишина и сырость. Тамъ сидѣла старая, бѣдно одѣтая женщина, которая и позвала своего господина. Таддео Марчіони вошелъ, посмотрѣлъ рыбу и сталъ торговаться, колеблясь и хитря, какъ любятъ это дѣлать скупцы.

и наконецъ отказался. «Рыба слишкомъ дорога», сказалъ онъ. Я бросилъ кошолку на полъ со словами: «Графъ, дайте мнѣ стаканъ вина—и она ваша». Это ему понравилось; онъ приказалъ служанкѣ взять рыбу и велѣлъ мнѣ слѣдовать за собой. Онъ привелъ меня въ комнату съ каменными сводами и налилъ мнѣ дрожащей рукой стаканъ mezzo-vino. Я взглянулъ на него; онъ былъ худъ, сѣдъ и дуренъ собой. Я могъ бы раздавить его одной рукой.

Эти большія старыя виллы въ пустынныхъ мѣстностяхъ Италіи обыкновенно полны жизни:—женщины спѣшатъ собирать шелковичныхъ червей или идутъ въ ткацкую, работники по разнымъ дѣламъ то и дѣло являются къ хозяину. Но Санта-Алоиза была безмолвна и пуста. Проходя мимо одной отворенной двери, я увидѣлъ ее. Она сидѣла, ничего не дѣлая, въ комнатѣ, полинявшія драпировки которой были сѣры, какъ ткань паука; она была красива, какъ могутъ быть красивы женщины лишь разъ или два въ цѣлое столѣтіе. Она посмотрѣла на меня, и мнѣ показалось, что она улыбнулась. Я вышелъ съ пылающей головой и отуманенными глазами. Я видѣлъ только ея улыбку, мгновенную улыбку, подобіе которой было причиной смерти маленькаго Феба. И я чувствовалъ, что она узнала меня, хотя видѣла только разъ въ расшитомъ золотомъ бархатномъ костюмѣ, а теперь я былъ въ засученныхъ до колѣнъ панталонахъ и синей полотняной блузѣ, по обычаю крестьянъ, живущихъ по берегу Тибра.

Я уже выходилъ, когда старая служанка дернула меня за рукавъ и прошептала: «Вернитесь на минутку; она желаетъ видѣть васъ». Мое сердце дрогнуло, потомъ замерло. Я снова повернулся къ дому и съ дрожащими колѣнями вошелъ въ комнату, гдѣ мрачныя драпировки покрывали стѣны. Она смотрѣла на меня, сидя въ бездѣйствіи, въ обнаженной, печальной комнатѣ; ея лицо напоминало Венеру нашего Тиціана.

— Ребенокъ умеръ?—спросила она.

Я пробормоталъ что-то, самъ не зная.

— Отчего вы дрогнули тогда?—спросила она съ мелькающей улыбкой на прелестныхъ устахъ.—Вы кажетесь такимъ сильнымъ и смѣлымъ.

Откуда у меня явилась смѣлость отвѣтить ей, какъ я отвѣтилъ, не знаю; но знаю, что я сказалъ:

— Вы смотрѣли на меня!

Она слегка нахмурилась, потомъ разсмѣялась. Безъ сомнѣнія она знала это раньше.

— Такъ у васъ не желѣзные нервы, какими они должны бы быть,—сказала она безпечно.—Ну, что же! Народу надо было

видѣть чью нибудь смерть: онъ это любитъ; вы должны это знать. Принесите завтра еще рыбы моему мужу. Теперь ступайте.

Я весь дрожалъ. Я сказалъ ей прямо въ глаза смѣлыя и дерзкія слова, а она все таки велѣла мнѣ вернуться! Безъ сомнѣнія, еслибъ я былъ человѣкъ благороднаго происхожденія, я бы упалъ къ ея ногамъ и признался бы ей въ своей безумной, пылкой страсти: она сама вызывала на грубое признаніе—на страстное нахальство. Но я былъ лишь странствующій артистъ — бѣдный, необразованный человѣкъ, полу-Геркулесъ, полу-дуракъ. Я дрожалъ и молчалъ. Когда я вышелъ на воздухъ, я почувствовалъ какое-то опьяненіе, какъ бы отъ пѣнистаго молодаго вина, возбуждающаго умъ и дѣлающаго человѣка веселымъ до глупости. Она велѣла мнѣ вернуться!

Въ этотъ день моя мать обѣдала одна. Наступившая ночь нашла меня у Лагерелло. Я закинулъ сѣти; ночевалъ въ хижинѣ пастуха. Я забылъ Феба и видѣлъ только ея лицо. На что она была похожа? Не съумѣю вамъ сказать этого. Она была похожа а Венеру Тиціана. Подите, посмотрите на нее; я говорю о той, которая играетъ съ маленькой собачкой во дворцѣ Питти. Съ этой красотой, полураскрывшейся, какъ бутонъ гранатнаго цвѣтка, она была отдана Таддео Марчіони; и здѣсь она прожила семь лѣтъ, заключенная въ каменныхъ стѣнахъ. Живя такъ, женщина дѣлается святой или дьяволомъ. Таддео Марчіони забылъ или никогда не зналъ этого. Онъ оставлялъ ее въ своихъ комнатахъ, какъ оставлялъ фигуры на драпировкахъ, не думая о томъ, что ея красота сдѣлается наконецъ безцвѣтной, какъ полинявшія фигуры на стѣнахъ. Онъ забылъ объ этомъ—онъ забылъ! Его кровь обращалась ужь только медленно, онъ былъ почти слѣпъ; жена едва ли даже казалась ему красивой. Вблизи жили лишь нѣсколько крестьянъ, священникъ, ровесникъ Таддео Марчіони; и хотя Орте находился въ пяти миляхъ, ревнивый старикъ красавицы запиралъ жену въ этой тюрьмѣ, какъ нѣкогда мужъ заперъ Піа Толомеа въ замкѣ на Мареммахъ, гдѣ она и нашла свою смерть.

Въ эту ночь я съ нетерпѣніемъ ожидалъ зари, съ нетерпѣніемъ ждалъ, чтобъ утро перешло въ день. Вся прелесть этого перехода пропала для меня. Я только считалъ часы съ тревожнымъ нетерпѣніемъ. Бѣдные глупцы! Часы нашей жизни въ общемъ такъ немногочисленны, а мы все стремимся сократить ихъ и бросаемъ за собой, едва воспользовавшись ими, какъ дитя бросаетъ свое сломанныя игрушки. Знойное утро уже ярко царило во-

ругъ, когда наконецъ я рѣшился собрать рыбу, попавшуюся очью въ мою girella, и отправился въ Санта-Алоизу. Вредныя спаренія висѣли надъ поросшими тростникомъ болотами; земля рескалась отъ жара; все жаждало влаги, все казалось изнуренымъ, блѣднымъ, мрачнымъ, умирающимъ. Окрестности Тибра сегда имѣютъ такой печальный видъ въ августѣ.

— Марчіони нѣтъ дома!—сказала мнѣ старая мрачная баба, оторую я видѣлъ наканунѣ.—Но войдите и покажите вашу рыбу иньорѣ Флавіи.

Старой, мрачной и дикой казалась эта вилла Марчіони. Она могла бы заключать въ себѣ сотни слугъ: въ ней также много комнатъ, какъ въ огромныхъ дворцахъ Рима; но эта старуха была здѣсь единственной служанкой. Въ огромныхъ старыхъ сѣняхъ съ рѣзными щитами надъ колоннами и умбрійскими фресками на потолкѣ, старуха накрывала своимъ господамъ на столъ, приносила имъ сюда луковый супъ и блюдо pasta, а сама садилась за прялку и что-то бормотала себѣ подъ носъ. День за днемъ, годъ за годомъ повторялось все то же самое. Жизнь здѣсь проста и умѣренна, и представляетъ мало пріятнаго. Будничный образъ жизни въ величественныхъ старыхъ домахъ Италіи можно сравнить съ крапивой и репейникомъ, вставленными въ древнюю маіоликовую вазу, на которой нарисованы рыцари и ангелы. Вы понимаете, что́ я хочу сказать, вы, которые знаете Италію. Помните ли вы картины Карначчіо и Джентиле? Говорятъ, такова была жизнь, которую когда-то видѣла наша Италія въ своихъ городахъ и виллахъ; такая жизнь нужна ей. Иногда, когда вы остаетесь одни въ большихъ оставленныхъ дворцахъ, духи язычества проносятся передъ вами, и вы чувствуете, что они болѣе подходящи къ этимъ дворамъ и заламъ, чѣмъ нынѣшнее живущее поколѣніе.

— Синьора Флавія хочетъ взглянуть на рыбу,—сказала старуха, прихрамывавшая въ этотъ день.

«Синьора Флавія!» Сколько разъ слышалъ Тибръ это имя, вылетавшее изъ устъ влюбленнаго при тихомъ звукѣ мандолины, или среди шума пира и битвъ, или произнесенное страшнымъ шопотомъ отравителемъ, тихо подкрадывающимся, чтобы бросить ядъ въ бокалъ съ виномъ. Синьора Флавія! Вся Италія, казалось, жила въ этомъ имени, вся любовь, все несчастье. Есть какое-то очарованіе въ нѣкоторыхъ именахъ. Синьора Флавія!—именно такой женщинѣ, какъ она, надо было носить это имя; женщинѣ съ тонкими бровями, горящими глазами и съ устами, подобными лепесткамъ, сложеннымъ въ сердцѣ розы; женщинѣ, ко-

видѣть чью нибудь смерть: онъ это любитъ; вы должны это знать. Принесите завтра еще рыбы моему мужу. Теперь ступайте.

Я весь дрожалъ. Я сказалъ ей прямо въ глаза смѣлыя и дерзкія слова, а она все таки велѣла мнѣ вернуться! Безъ сомнѣнія, еслибъ я былъ человѣкъ благороднаго происхожденія, я бы упалъ къ ея ногамъ и признался бы ей въ своей безумной, пылкой страсти: она сама вызывала на грубое признаніе—на страстное нахальство. Но я былъ лишь странствующій артистъ — бѣдный, необразованный человѣкъ, полу-Геркулесъ, полу-дуракъ. Я дрожалъ и молчалъ. Когда я вышелъ на воздухъ, я почувствовалъ какое-то опьяненіе, какъ бы отъ пѣнистаго молодаго вина, возбуждающаго умъ и дѣлающаго человѣка веселымъ до глупости. Она велѣла мнѣ вернуться!

Въ этотъ день моя мать обѣдала одна. Наступившая ночь нашла меня у Лагерелло. Я закинулъ сѣти; ночевалъ въ хижинѣ пастуха. Я забылъ Феба и видѣлъ только ея лицо. На что она была похожа? Не съумѣю вамъ сказать этого. Она была похожа а Венеру Тиціана. Подите, посмотрите на нее; я говорю о той, которая играетъ съ маленькой собачкой во дворцѣ Питти. Съ этой красотой, полураскрывшейся, какъ бутонъ гранатнаго цвѣтка, она была отдана Таддео Марчіони; и здѣсь она прожила семь лѣтъ, заключенная въ каменныхъ стѣнахъ. Живя такъ, женщина дѣлается святой или дьяволомъ. Таддео Марчіони забылъ или никогда не зналъ этого. Онъ оставлялъ ее въ своихъ комнатахъ, какъ оставлялъ фигуры на драпировкахъ, не думая о томъ, что ея красота сдѣлается наконецъ безцвѣтной, какъ полинявшія фигуры на стѣнахъ. Онъ забылъ объ этомъ—онъ забылъ! Его кровь обращалась ужь только медленно, онъ былъ почти слѣпъ; жена едва ли даже казалась ему красивой. Вблизи жили лишь нѣсколько крестьянъ, священникъ, ровесникъ Таддео Марчіони; и хотя Орте находился въ пяти миляхъ, ревнивый старикъ красавицы запиралъ жену въ этой тюрьмѣ, какъ нѣкогда мужъ заперъ Піа Толомеа въ замкѣ на Мареммахъ, гдѣ она и нашла свою смерть.

Въ эту ночь я съ нетерпѣніемъ ожидалъ зари, съ нетерпѣніемъ ждалъ, чтобъ утро перешло въ день. Вся прелесть этого перехода пропала для меня. Я только считалъ часы съ тревожнымъ нетерпѣніемъ. Бѣдные глупцы! Часы нашей жизни въ общемъ такъ немногочисленны, а мы все стремимся сократить ихъ и бросаемъ за собой, едва воспользовавшись ими, какъ дитя бросаетъ свое сломанныя игрушки. Знойное утро уже ярко царило во-

Я показывалъ себя публикѣ, и она бросала мнѣ деньги, — это глупая жизнь, недостойная ни человѣка, ни животнаго. О, да! я хорошо это знаю теперь. И я убилъ Феба, потому что вы смотрѣли на меня, а моя мать, любившая меня всю свою жизнь, состарѣлась преждевременно по моей винѣ. Я безжалостный дуракъ, я—шарлатанъ. Теперь, когда я сбросилъ свой расшитый костюмъ, вы видите, какой я грубый мужикъ. А между тѣмъ, во всемъ этомъ великомъ громадномъ мірѣ нѣтъ ни одного человѣка, который могъ бы любить васъ такъ, какъ я люблю, видѣвъ васъ всего два раза.

Я остановился; звукъ моего собственнаго голоса пугалъ меня; мрачныя драпировки на стѣнахъ колыхались и кружились вокругъ меня. Я видѣлъ ее, какъ сквозь туманъ, облокотившуюся обѣими руками на разбитую мраморную вазу. Минутная улыбка скользнула по ея лицу. Она казалась довольной и не разсердилась, какъ я боялся, но выслушала меня, не протестуя. Безъ сомнѣнія, она все это знала прежде, чѣмъ я заговорилъ.

— Вы очень сильны,—сказала она наконецъ. — У сильныхъ людей всегда бываетъ какая нибудь слабая струна. Еслибы графъ Таддео васъ слышалъ, онъ бы...

Какая-то внезапная мысль поразила ее и она громко разсмѣялась; ея алыя губы дрожали отъ смѣха.

— Но что жъ онъ могъ бы сдѣлать? Вы раздавили бы его въ одной рукѣ, какъ могли бы раздавить ящерицу. Бѣдный Таддео! Онъ торговался съ вами вчера за рыбу и далъ вамъ разбавленнаго водой вина, не правда ли? Таковъ Таддео всегда!

Она снова засмѣялась, но ея смѣхъ звучалъ такъ жестоко, что я онѣмѣлъ и не рѣшался снова заговорить съ ней. Я стоялъ передъ ней, какъ дуракъ.

— Знаете ли вы, что онъ богатъ?—сказала она вдругъ, кусая своими прелестными зубками лепестокъ, отдѣлившійся отъ ея букета.—Да, Таддео богатъ. Вотъ почему мой отецъ, который былъ священникомъ, продалъ меня ему. У Таддео спрятано золото въ землѣ, въ деревьяхъ, въ стропилахъ и камняхъ дома; у него есть золото въ римскихъ и иностранныхъ банкахъ: у него есть корабли, драгоцѣнности, и онъ отдаетъ деньги въ ростъ. Онъ богатъ, а живетъ, какъ сѣрый паукъ въ углу подвала. Онъ заперъ меня здѣсь. Мы ѣдимъ черный хлѣбъ, мы не видимъ здѣсь живой души; только разъ или два въ годъ я ѣзжу въ Орте или въ Пенна. И мнѣ всего двадцать три года, и я вижу свое лицо въ зеркалѣ!—Она остановилась; грудь ея поднималась, красивыя

тонкія брови сдвинулись въ горькомъ гнѣвѣ на свою судьбу; она забыла обо мнѣ. Я ждалъ молча; я не смѣлъ заговорить.

Все это была правда; она была женою Таддео Марчіони, заключенная въ этомъ домѣ, какъ въ тюрьмѣ; ея молодость пропадала здѣсь напрасно, красота была скрыта отъ свѣта, и ея озлобленная душа сгорала въ собственномъ своемъ огнѣ. Я любилъ ее, но какую пользу могла ей принести любовь человѣка, не обладавшаго ничѣмъ на свѣтѣ, кромѣ силы своихъ мускуловъ? Она вдругъ вспомнила обо мнѣ и движеніемъ руки велѣла удалиться.

— Отдайте вашу рыбу служанкѣ. Я не могу заплатить вамъ за нее, у меня никогда нѣтъ ни копѣйки. Но—вы можете прійти въ другой разъ. Принесите еще рыбы, принесите больше.

Затѣмъ она удалила меня еще болѣе повелительнымъ жестомъ. Я вышелъ изъ темнаго, наглухо запертаго дома на свѣтлый и жаркій воздухъ августовскаго дня, отуманенный страстью и надеждой. Она знала, что я люблю ее, и все таки велѣла мнѣ вернуться.

Я не знаю, какъ много или какъ мало это значитъ въ другихъ странахъ; но здѣсь въ Италіи это имѣетъ лишь одно значеніе, достаточное для того, чтобы заставить забиться счастьемъ сердце влюбленнаго. Но надежда—слишкомъ великое слово, чтобы можно было назвать ею робкую радость, наполнявшую мою грудь. Я всю эту ночь пролежалъ безъ сна, въ хижинѣ пастуха, прислушиваясь къ кваканью лягушекъ въ Лагерелло и пѣнію сверчковъ среди ночной тишины. Хижина была пуста; пастухъ, овцы и собаки ушли въ горы. Въ одномъ углу лежали сушеныя травы; я легъ на нихъ и смотрѣлъ на звѣзды, дрожавшія надъ моей головой въ глубокой синевѣ небесъ. Казалось, онѣ жили. Въ милѣ отъ меня, между мной и звѣздами, возвышалось величественное мрачное зданіе Санта-Алоизы. Боже, какъ это было странно! Я велъ грубую жизнь — я не былъ святошей и всегда былъ готовъ пошутить, поплясать или завести интригу съ хорошенькой женщиной. Иногда женщины, высоко стоявшія въ обществѣ, бросали благосклонный взглядъ на арену, какъ дамы въ Испаніи, во время боя быковъ, чтобы выбрать себѣ любовника за его силу. Но я всегда при этомъ оставался равнодушнымъ. Я любилъ, смѣлся и уходилъ со счастливой свободой странствующаго артиста. Но я всегда оставался равнодушнымъ. Теперь же вдругъ весь міръ показался мнѣ мертвымъ; умерло небо, умерла земля и во всемъ мірѣ жила только пара женскихъ глазъ: они смотрѣли въ мою душу и сжигали ее дотла. Пови-

маете ли вы, что я хочу сказать? — Нѣтъ? — Ну, такъ вы не знаете, что такое любовь. Я пролежалъ безъ сна всю ночь — короткую, жаркую ночь, когда золотой отблескъ заката едва успѣетъ погаснуть на западѣ, а востокъ уже загорается прозрачной зарей. А! восходъ солнца. Я увижу его еще только одинъ разъ, увижу, сквозь эти рѣшетки, лишь небольшую полоску его надъ Тибромъ, не болѣе. А когда онъ снова освѣтитъ своимъ розоватымъ блескомъ небо и окраситъ рѣку и долину, я уже умру и, обезглавленный, буду лежать подъ землей; надъ моимъ же мозгомъ и черепомъ будутъ сидѣть ученые съ ножемъ и скальпелемъ, и, можетъ быть, скажутъ другъ другу, какъ они однажды говорили при мнѣ въ одномъ музеѣ: «Хорошее лицо, красивый лобъ, тонкія линіи; странно, что онъ сдѣлался убійцей». Что же! пусть будетъ странно. Еслибы я даже прожилъ еще четыреста лѣтъ, солнце все же никогда не взошло бы для меня такъ, какъ оно всходило до смерти Феба. Въ тѣ дни я жилъ лишь для того, чтобы уловить тѣнь на рѣшетчатыхъ окнахъ, увидѣть ручку, открывающую занавѣсь, и высовывающуюся изъ окна головку, укутанную покрываломъ. Я былъ несчастливъ, а между тѣмъ никогда еще не бывалъ такъ счастливъ. Стрѣла боговъ, попадая въ насъ, поражаетъ на смерть, но и наполняетъ упоеніемъ.

Я былъ такой глупецъ — такой глупецъ! Когда она сказала мнѣ такъ много, я не сказалъ ей ничего; послѣдняя минута моего свиданья съ ней преслѣдовала меня безконечной болью. Еслибъ я былъ смѣлѣе, еслибъ только схватилъ ее въ свои объятья и поцѣловалъ! Лучше было бы пережить одну такую минуту и потомъ умереть за нее, чѣмъ быть прогнаннымъ ею, какъ несчастный, глупый трусъ. Я не могу сказать вамъ, какъ проходили длинные, жаркіе дни; они были ужасны своей засухой для страны, но они были раемъ для меня. Вредныя испаренія были особенно густы въ это лѣто, и крестьяне болѣли. Тибръ протекалъ медленно и надъ нимъ поднимались зловонные пары; тучи комаровъ кружились надъ Лагерелло и его тростниками, а юговосточный вѣтеръ дулъ, не переставая и принося съ собой песокъ пустыни. Но для меня это лѣто было прелестно, и я продолжалъ жить въ пустой хижинѣ пастуха, продолжалъ ловить рыбу, когда было возможно, и отъ времени до времени видалъ ее. Я жилъ только надеждой видѣть ея лицо. У нея былъ дурной глазъ. Ну, что же, пусть онъ принесетъ мнѣ всѣ несчастья въ мірѣ, лишь бы прожить день въ его сіяніи! Такъ говорилъ я въ своемъ ослѣпленіи, самъ не понимая, что говорилъ. Я долженъ былъ казаться безумнымъ крестьянамъ,

приходившимъ къ высохшему озеру. Я питался горстью маиса, коркой хлѣба, закидывалъ сѣти въ воду и разъ или два ходилъ въ Санта-Алоизу, но былъ отосланъ старой Маріэттой. Августъ прошелъ и наступило время сбора винограда, который здѣсь созрѣваетъ раньше, чѣмъ на равнинахъ Ломбардіи и Тосканы. Но сборъ въ Санта-Алоизѣ былъ не великъ, потому что почти вся принадлежащая къ ней земля была засажена оливковыми деревьями. Когда начали сборъ съ нѣсколькихъ небольшихъ лозъ, я предложилъ свои услуги. Не весело было во владѣніяхъ Таддео Марчіони; народъ былъ бѣденъ и мраченъ. Лихорадка, приносимая испареніями съ рѣки и болотъ, сократила число крестьянъ и ослабила оставшихся въ живыхъ; моя сила явилась желанной помощницей этимъ больнымъ созданіямъ, пораженнымъ лихорадкой.

День сбора винограда былъ очень жаркій; дождя не было. Волы, запряженные въ повозки, представляли однѣ кости и кожу; языки ихъ сохли и распухали въ запекшихся ртахъ. Трава вся высохла и скотина голодала; все вокругъ казалось несчастнымъ и задыхающимся въ ожиданіи грозы. Среди обожженныхъ, безплодныхъ полей и темносѣрыхъ оливковыхъ лѣсовъ возвышался передъ нами огромный, старый квадратный домъ, мрачный и таинственный; этотъ мавзолей, заключавшій въ себѣ живыхъ людей, наводилъ на меня ужасъ.

Наступила ночь, когда послѣдній возъ, нагруженный корзинами винограда, медленно, скрипя колесами, направился къ подваламъ Санта-Алоизы. За нимъ слѣдовало нѣсколько рабочихъ, ослабленныхъ лихорадкой, и нѣсколько женщинъ, дрожавшихъ отъ той же болѣзни. Я шелъ за возомъ, подталкивая его, чтобы помочь усталымъ воламъ. Наступила ночь. Луны не было; изрѣдка вспыхивалъ фитиль въ мѣдной лампочкѣ, наполненной масломъ. Дворъ и подвалъ были громаднаго размѣра; въ старину, въ Санта-Алоизѣ проживало до полуторы тысячи человѣкъ. Въ темнотѣ, при вспыхивающей лампѣ, я разглядѣлъ Таддео Марчіони, ходившаго взадъ и впередъ; онъ отдавалъ приказанія своимъ крикливымъ голосомъ, бранился, вездѣ подозрѣвая воровство. Онъ не видалъ меня, вполнѣ поглощенный своимъ виноградомъ и бранью, которою онъ осыпалъ рабочихъ. Я отошелъ въ сторону и прислонился къ колоннѣ у воротъ, почернѣвшихъ отъ старости и сырости. Часы на старой башнѣ пробили три часа ночи. Вдругъ старая служанка Маріэтта прошептала мнѣ на ухо:

— Войдите; ей нужно поговорить съ вами. Идите въ комнату съ драпировками по ту сторону дома, вы помните ее?

Кровь быстро задвигалась въ моихъ жилахъ. Ничего лучшаго я не просилъ у судьбы. Я проскользнулъ вдоль старыхъ стѣнъ, оставляя на среднемъ дворѣ хозяина дома, поглощеннаго своей работой, и съ нѣкоторымъ трудомъ нашелъ маленькую боковую дверь, черезъ которую уже раньше проходилъ въ домъ. Какъ и тогда, я дрожалъ всѣмъ тѣломъ, и вдругъ почувствовалъ себя некрасивымъ, неловкимъ, глупымъ животнымъ, способнымъ испугать женщину. Я былъ въ поту отъ работы среди жаркаго дня, покрытъ пылью, одѣтъ въ грубую холстинную рубашку съ обнаженными до колѣнъ ногами, на которыхъ виднѣлись пятна отъ винограднаго сока—и я смѣлъ любить эту женщину — я! Да, я любилъ ее, хотя она убила Феба. Умъ мой помутился; я не владѣлъ собой и едва дышалъ, Голова моя кружилась; я спотыкался, проходя безконечными коридорами и галереями, какъ въ тотъ день, когда Фебъ упалъ на песокъ моей арены. Наконецъ я дошелъ, самъ не знаю какъ, до комнаты Agazzi, едва освѣщенной лампою, спускавшейся на цѣпочкѣ съ потолка. Въ полумракѣ я увидалъ женщину съ роковымъ взглядомъ, съ розовыми устами, съ чертами Лукреціи и Венеры, — женщину, во всѣ вѣка губившую мужчинъ. Тогда я забылъ, что я—рабочій, крестьянинъ, жонглёръ, гимнастъ, бродяга; что я одѣтъ въ грубую холстину, что я грязенъ, невѣжественъ и грубъ. Я помнилъ только мою любовь—мою любовь, неизмѣримую, какъ небо, всемогущую, какъ божество. Я упалъ передъ ней на колѣни и могъ только произнесть сдавленнымъ голосомъ: «я вашъ, я вашъ!»

Я даже не просилъ ея быть моей. Я былъ ея рабомъ, орудіемъ, ея слугой, вещью, которую она могла любить или бросить по желанію. Я дрожалъ, я рыдалъ. Мнѣ казалось, что я никогда прежде не зналъ, чѣмъ могла быть любовь. Она все время молчала, но позволила мнѣ цѣловать ея платье, ноги, каменный полъ, на которомъ она стояла. Наконецъ, она заговорила:

— Вы—странное созданье; вы любите меня,—дѣйствительно любите — да?

Тогда я заговорилъ внѣ себя. Я ничего не помню, что я сказалъ; она молча слушала меня, стоя, вся выпрямившись надо мной. Комната была лишь слабо освѣщена, лампа качалась на своихъ бронзовыхъ цѣпяхъ. Я ничего не видалъ, кромѣ глазъ этой женщины, покорявшихъ своимъ огнемъ мою волю. Она слегка наклонила голову; ея голосъ звучалъ очень тихо, когда она

снова заговорила: «Я давно все это знала; да, вы любите меня, но какъ? Какъ?»

Какъ? Я не зналъ словъ, которыя могли бы высказать ей это. Такихъ словъ нѣтъ ни на какомъ языкѣ. Взглядъ можетъ высказать все. Я взглянулъ на нее. Она вздрогнула, какъ будто я больно коснулся ея, но скоро овладѣла собой.

— Но какъ?—прошептала она очень тихо, склоняя надо мной свою прекрасную голову и почти касаясь моей головы.—Но какъ? Достаточно ли, чтобы?...

Она остановилась. Достаточно ли? Достаточно — для чего? Чтобы отвергнуть небо, вызвать адъ, рѣшиться на смерть и муки, сдѣлать все, что можетъ сдѣлать человѣкъ; кто же могъ бы сдѣлать больше?

— И я люблю тебя, — да, я.

Она проговорила эти слова очень тихо; вечерній вѣтерокъ, ласкающій розы, не могъ быть нѣжнѣе ея голоса. Она коснулась губами моихъ волосъ.

— Я люблю тебя,—повторила она,—потому что ты силенъ, ты силенъ.

Стоя передъ ней на колѣняхъ, я заключилъ ее въ свои объятія, прижалъ къ себѣ; я упивался райскимъ виномъ, лишающимъ человѣка разсудка. Но она остановила меня и отстранилась кротко и безъ гнѣва.

— Нѣтъ,—сказала она,—не теперь еще, не теперь...

Потомъ она прибавила еще тише:

— Ты долженъ заслужить меня.

Заслужить ее? Я не понялъ, что она хотѣла сказать. Я зналъ очень хорошо, что я не заслуживалъ своего счастья, я, несчастный гимнастъ, вышедшій изъ народа, которому трономъ служили ярмарочныя подмостки. Но съ той минуты, какъ она сказала, что любитъ меня, мои мысли спутались и, какъ безумныя, кружились въ моей головѣ. Высоко на колокольняхъ и башняхъ, въ дни моего дѣтства, окруженный голубымъ воздухомъ и смотря внизъ на населенный міръ, я мечталъ о разныхъ безумныхъ и возвышенныхъ дѣлахъ,—дѣлахъ героическихъ, фантастическихъ, сплетенныхъ изъ легендъ о святыхъ и поэмъ о странствующихъ миннестреляхъ. Въ то время какъ она говорила мнѣ эти слова, всѣ старыя прекрасныя мечты снова ожили въ моемъ воспоминаніи. «Если она желаетъ, чтобы я сдѣлался солдатомъ ради нея»... подумалъ я.

Она смотрѣла на меня, сжигая мою душу своими глазами,

— Войдите; ей нужно поговорить съ вами. Идите въ комнату съ драпировками по ту сторону дома, вы помните ее?

Кровь быстро задвигалась въ моихъ жилахъ. Ничего лучшаго я не просилъ у судьбы. Я проскользнулъ вдоль старыхъ стѣнъ, оставляя на среднемъ дворѣ хозяина дома, поглощеннаго своей работой, и съ нѣкоторымъ трудомъ нашелъ маленькую боковую дверь, черезъ которую уже раньше проходилъ въ домъ. Какъ и тогда, я дрожалъ всѣмъ тѣломъ, и вдругъ почувствовалъ себя некрасивымъ, неловкимъ, глупымъ животнымъ, способнымъ испугать женщину. Я былъ въ поту отъ работы среди жаркаго дня, покрытъ пылью, одѣтъ въ грубую холстинную рубашку съ обнаженными до колѣнъ ногами, на которыхъ виднѣлись пятна отъ винограднаго сока—и я смѣлъ любить эту женщину — я! Да, я любилъ ее, хотя она убила Феба. Умъ мой помутился; я не владѣлъ собой и едва дышалъ, Голова моя кружилась; я спотыкался, проходя безконечными коридорами и галереями, какъ въ тотъ день, когда Фебъ упалъ на песокъ моей арены. Наконецъ я дошелъ, самъ не знаю какъ, до комнаты Agazzi, едва освѣщенной лампою, спускавшейся на цѣпочкѣ съ потолка. Въ полумракѣ я увидалъ женщину съ роковымъ взглядомъ, съ розовыми устами, съ чертами Лукреціи и Венеры, — женщину, во всѣ вѣка губившую мужчинъ. Тогда я забылъ, что я—рабочій, крестьянинъ, жонглёръ, гимнастъ, бродяга; что я одѣтъ въ грубую холстину, что я грязенъ, невѣжественъ и грубъ. Я помнилъ только мою любовь—мою любовь, неизмѣримую, какъ небо, всемогущую, какъ божество. Я упалъ передъ ней на колѣни и могъ только произнесть сдавленнымъ голосомъ: «я вашъ, я вашъ!»

Я даже не просилъ ея быть моей. Я былъ ея рабомъ, орудіемъ, ея слугой, вещью, которую она могла любить или бросить по желанію. Я дрожалъ, я рыдалъ. Мнѣ казалось, что я никогда прежде не зналъ, чѣмъ могла быть любовь. Она все время молчала, но позволила мнѣ цѣловать ея платье, ноги, каменный полъ, на которомъ она стояла. Наконецъ, она заговорила:

— Вы—странное созданье; вы любите меня,—дѣйствительно любите — да?

Тогда я заговорилъ внѣ себя. Я ничего не помню, что я сказалъ; она молча слушала меня, стоя, вся выпрямившись надъ мной. Комната была лишь слабо освѣщена, лампа качалась на своихъ бронзовыхъ цѣпяхъ. Я ничего не видалъ, кромѣ глазъ этой женщины, покорявшихъ своимъ огнемъ мою волю. Она слегка наклонила голову; ея голосъ звучалъ очень тихо, когда она

Убить его? Убить! Эти страшныя слова, какъ эхо, звучали въ моихъ ушахъ. Убить слабаго старика? Это было бы хуже, чѣмъ преступленіе. Это была бы подлость.

— Ты не любишь меня, — повторила она съ презрѣніемъ. — Уйди... уйди!

Крикъ мольбы вырвался изъ глубины моей души.

— Что хотите, что хотите, только не это! Потребуйте моей жизни, и я вамъ отдамъ ее.

— Я прошу то, что мнѣ нужно.

Говоря это, она выпрямилась во весь ростъ, стоя подъ блѣднымъ свѣтомъ лампы. Ея чудная красота сіяла въ этомъ тихомъ свѣтѣ, какъ большой бѣлый цвѣтокъ датуры подъ лучами осенняго солнца. Безграничное, безжалостное презрѣніе сверкало въ ея глазахъ. Она презирала меня — человѣка, вышедшаго изъ народа, простаго гимнаста, годнаго лишь на то, чтобы сдѣлаться убійцей по приказанію своей любовницы.

Это было по итальянски; но я не смѣлъ убить слабаго старика среди мрака нѣжной лѣтней ночи, чтобы найти за это награду на груди его жены. Между нами наступило молчаніе. Ея взглядъ, полный презрѣнія, покоился на мнѣ; вся красота ея искушала, взывая ко мнѣ: «Убей, убей, убей — и все это будетъ твое!» Потомъ глаза ея наполнились слезами; ея гордая красота смягчилась нѣжной мольбой и она воскликнула, простирая ко мнѣ руки:

— А! Ты не любишь меня; въ тебѣ нѣтъ жалости. Тебѣ все равно, буду ли я жить, или умру здѣсь; ты не хочешь спасти меня. Ты силенъ, какъ левъ; ты такъ силенъ, и все таки боишься.

Я дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Да, я боялся — боялся ея, боялся самого себя. Я дрожалъ; она все смотрѣла на меня; ея до того пылавшіе глаза сдѣлались влажны и нѣжны.

— На войнѣ, въ открытой борьбѣ, все, что хотите,—произнесъ я тихо.—Но старика... тайно... сдѣлаться убійцей...

Голосъ измѣнилъ мнѣ. Я взглянулъ на свѣтъ лампы, дрожавшій надъ нами; мнѣ казалось, что это жизнь Таддео Марчіони, висѣвшая на волоскѣ, благодаря намъ. Она выпрямилась еще разъ. Ея слезы высохли отъ страшной, тупой злобы. Она громко крикнула мнѣ:—Ты трусъ! Уйди!

Я еще разъ бросился къ ея ногамъ, схватилъ ея платье, цѣловалъ ея ноги.

— Все, что вы хотите!—воскликнулъ я въ страшныхъ муче-

ніяхъ.—Все, что̀ хотите. Но отнять жизнь у слабаго старика — это было бы ужасно. Я не трусъ; я смѣлъ. Только трусы убиваютъ слабыхъ. Я не могу. Да вы и не хотите этого? Нѣтъ, нѣтъ! Это сонъ, это кошмаръ. Я обожаю васъ, отдаюсь вамъ и тѣломъ, и душой. Но убить слабаго старика, котораго я могу раздавить въ своей рукѣ также легко, какъ легко муху утопить въ стаканѣ вина — нѣтъ, нѣтъ!

— Это или ничего, — отвѣчала она съ презрѣніемъ.

Холодный потъ выступилъ у меня на лбу, въ агоніи этого страшнаго часа. Я готовъ былъ отдать за нее жизнь, но убить старика тайно — вся душа моя возмущалась противъ этого.

— Но вы любите меня, — воскликнулъ я, и рыданіе вырвалось изъ моей груди.

— Ты отказываешься сдѣлать это дѣло?—переспросила она.

— Да!

Тогда она оттолкнула меня отъ себя съ силой тигрицы.

— Дуракъ! Ты вообразилъ, что я люблю тебя? Ты былъ нуженъ. Вотъ и всѣ.

Лампа потухла; мы очутились въ полномъ мракѣ. Я протянулъ руки, но встрѣтилъ лишь пустое пространство. Не знаю, былъ ли я уже одинъ: я ничего не чувствовалъ, ничего не слыхалъ, ничего не видалъ. Странная слабость овладѣла мной; всѣ мои члены дрожали и не слушались меня; я лишился чувствъ. Когда я пришелъ въ себя, я открылъ глаза. Вокругъ меня все еще было темно, но блѣдный свѣтъ проникалъ въ комнату; луна взошла и ея блѣдные лучи проникали сквозь желѣзныя рѣшетки высокихъ оконъ. Я вспомнилъ все.

Я поднялся съ усиліемъ, ощущая во всемъ тѣлѣ сильную боль, вслѣдствіе паденія на каменномъ полу. Страшное отупѣніе—отупѣніе ужаса овладѣло мной. Я чувствовалъ себя старымъ, совсѣмъ старымъ. Мысль о моей матери блеснула въ моемъ умѣ въ первый разъ послѣ многихъ дней. Моя бѣдная мать! При свѣтѣ луны, я попытался найти выходъ изъ этой проклятой комнаты и дошелъ до галереи. Всюду царило молчаніе. Я не зналъ, который часъ. Небо достаточно освѣщало большіе и мрачные коридоры. Я нашелъ дверь, чрезъ которую вошелъ въ домъ, и на меня пахнуло воздухомъ все еще такимъ же горячимъ, какимъ онъ былъ въ полдень. Я вышелъ на большой открытый дворъ. Надъ нимъ стояла луна, поднявшаяся поздно, круглая, золотистая и блестящая. Я взглянулъ на нее; она показалась мнѣ странной и незнакомой. Я тихо шелъ по двору, ведомый однимъ лишь инстинктомъ, какъ смертельно раненая собака. Я прошелъ

черезъ весь дворъ. Мое сердце было тяжело; оно лежало, какъ камень, въ моей груди; кровь обратилась во мнѣ въ ледъ. Кругомъ меня возвышались безмолвныя, сѣрыя, строгія стѣны Санта-Алоизы. Моя нога коснулась чего-то, лежащаго на землѣ. Я нагнулся, чтобы посмотрѣть. Это была какая-то безформенная масса, дубовая колода или мраморная плита; но я не могъ оторвать отъ нея глазъ: они были какъ бы прикованы къ ней.

Луна таинственно освѣщала этотъ предметъ. Я долго смотрѣлъ, стоя неподвижно на одномъ мѣстѣ. И я увидѣлъ, что̀ такое была эта безформенная масса: это было тѣло Таддео Марчіони; онъ былъ мертвъ и лежалъ лицомъ внизъ, распростертый на камняхъ; сзади въ шеѣ у него былъ воткнутъ ножъ, оставленный тамъ убійцей. Его ударили сзади.

Я смотрѣль, я понялъ: это было ея дѣло. Я нагнулся, дотронулся до тѣла, перевернулъ его лицомъ къ свѣту, искалъ въ немъ хоть искры жизни. Ея не было. Былъ нанесенъ всего одинъ ударъ, но ударъ вѣрный. Страшная гримаса исказила его беззубый ротъ; глаза вышли изъ орбитъ, руки были стиснуты: смерть была быстрая, внезапная и ужасная. Я вынулъ глубоко вонзившійся ножъ; тотъ самый, которымъ я срѣзалъ виноградныя кисти наканунѣ.

Она, безъ сомнѣнія, вытащила его изъ-за моего пояса, когда я упалъ къ ея ногамъ.

— Я понимаю,—сказалъ я мертвому старику.—Это ея дѣло.

Ротъ мертвеца, казалось, смѣялся. Окно, выходившее на дворъ, отворилось. Чей-то голосъ громко кричалъ. Это былъ ея голосъ: она звала на помощь. Изъ безмолвнаго дома послышались поспѣшные шаги; пламя факела, въ рукѣ одного изъ прибѣжавшихъ на ея крики крестьянъ, смѣшивалось съ блѣднымъ свѣтомъ луны. Она сама прибѣжала босая, съ распущенными волосами, какъ бы только что вставъ съ постели; прекрасная въ своемъ безпорядкѣ, она громко кричала:

— Убійца, убійца!

Я понялъ все.

Она хотѣла послать меня на эшафотъ вмѣсто себя. Ножъ принадлежалъ мнѣ: этого было достаточно, чтобы предать меня суду. Провосудіе слѣпо! Она громко кричала; меня схватили; между нами лежалъ мертвецъ, распростертый на камняхъ и утопавшій въ крови. Я взглянулъ на нее; она не дрогнула. Но она забыла, что я былъ силенъ; силенъ, какъ левъ, какъ волъ, какъ орелъ. Она забыла это.

Однимъ движеніемъ я отбросилъ отъ себя державшихъ меня

людей; однимъ прыжкомъ я очутился возлѣ нея. Я схватилъ ее въ свои объятья почти обнаженную, едва прикрытую бѣльемъ и распущенными волосами, всю бѣлую, какъ мраморъ, при свѣтѣ луны. Я схватилъ ее въ свои объятья, цѣловалъ ея губы; я прижималъ къ своему сердцу ея бѣлую грудь и въ то же время вонзилъ въ эту прелестную грудь свой ножъ, еще окрашенный кровью убитаго мужа.

— Я мщу за Феба,—прошепталъ я ей.

Теперь вы знаете, за что я буду казненъ и почему моя мать сошла съ ума.

Довольно! я усталъ.

Дайте мнѣ заснуть спокойно.

. . . . . .

И когда солнце взошло—онъ заснулъ.

ПОРТРЕТЪ.

Портретъ, когда-то сердцу милый,
Виситъ, заброшенный давно;
Покрыто пылью, паутиной,
Пятномъ чернѣетъ полотно.

И, мимолетно созерцая,
Скользнетъ по немъ холодный взглядъ:—
Черты безжизненно сухія
Ему такъ мало говорятъ.

Но ты взглянулъ любовнымъ взоромъ,—
И эти тусклыя черты
Вмигъ оживились, улыбнулись
Огнемъ духовной красоты.

А. Глинъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Финансовая и торговая война.—Походъ жидовъ и биржи противъ Россіи.—Альфонсъ Ротшильдъ въ роли патріота своего отечества.—Русскіе банки, помогающіе пониженію русскаго рубля.—Берлинскіе крахи и жидовскія самоубійства.—Антисемитскія движенія.—Меланхолическая рѣчь Франца-Іосифа и вѣнскій переполохъ.—Овація Бисмарку.—Недовольство правительствомъ въ Пруссіи. — Смерть виртембергскаго короля и его характеристика.—Спиритъ на престолѣ.—Неурожай въ Германіи.—Клятва жида и процессъ Блейхредера.—Закрытіе конгресса соціалистовъ и расколъ въ этой партіи.—Англійскія болѣзни: инфлуэнца и руссофобія.—Что такое памирскій вопросъ?—Г-жа Новикова и англійскія пожертвованія въ пользу голодающихъ.—Смерть Парнеля.—Положеніе Франціи. — Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ.—Болгарскіе мученики.

На обычномъ банкетѣ, при вступленіи въ должность новаго лондонскаго лордъ-мэра, англійскій премьеръ сказалъ рѣчь, въ которой повторилъ увѣренія въ томъ, что миру не угрожаетъ ни малѣйшее облачко. Но въ то же время маркизъ Салисбюри прибавилъ, что народы вообще переносятъ войну въ область торговли и финансовъ. Безспорно, курсовыя и товарныя битвы, дѣйствуя цифрами и пошлинами, а не ружьями и пушками, не истребляютъ столько народа, зато лишаютъ его благосостоянія, а часто даже и просто средствъ существованія. Ихъ можно, правда, пріобрѣсти вторично, и на частныхъ лицахъ, какъ на цѣлыхъ государствахъ, тарифныя и биржевыя пораженія не оставляютъ такихъ тяжелыхъ слѣдовъ, какъ потери сраженій и провинцій. Но однако постоянная, упорная борьба противъ кредита какого нибудь государства, систематическое пониженіе всѣхъ его бумагъ, нарушаютъ правильное теченіе дѣлъ въ цѣлой странѣ. И такую войну ведетъ противъ насъ, въ лицѣ своей биржи, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, сосѣдняя, «дружественная» имперія, увѣряющая въ то же время въ своей преданности къ намъ. Берлинская биржа, находящаяся въ рукахъ жидовъ, фанатически преслѣ-

дуетъ русскій кредитъ и старается убить его всѣми средствами, а прусское правительство, вмѣсто того чтобы положить конецъ интригамъ и подкопамъ, открыто помогаетъ имъ, не позволяя имперскимъ банкамъ принимать въ залогъ русскія бумаги и облагая привозимый изъ Россіи хлѣбъ непомѣрными, «боевыми» пошлинами. Нѣмецкіе жиды озлобились на насъ, особенно въ послѣднее время, за то, что ихъ соотечественникамъ, непомѣрно расплодившимся въ Россіи, не позволяютъ переходить за черту западныхъ губерній, чтобы спасти отъ жидовской эксплуатаціи наши внутреннія провинціи. Послѣ неудачныхъ попытокъ иноземнаго жидовства принудить измѣнить существующіе у насъ законы о евреяхъ—извѣстно, что адресъ о равноправности ихъ, посланный лондонскимъ лордъ-мэромъ изъ жидовъ, былъ возвращенъ ему безъ отвѣта—взбѣшенные семиты принялись мстить намъ пониженіемъ нашего курса.

Когда, въ прошломъ году, на лондонской биржѣ произошелъ крахъ банкирскаго дома Беринга, понесшаго огромныя потери отъ паденія южно-американскихъ бумагъ, ликвидацію эту остановила помощь англійскаго государственнаго банка, французскаго національнаго и нашего министерства финансовъ. Но крахъ для лондонской биржи не могъ пройти безслѣдно: бразильскія бумаги упали съ тѣхъ поръ на 65 проц., уругвайскія на 60, аргентинскія на 30 и чилійскія на 16; къ этому присоединилось еще паденіе рентъ: португальской на 49 проц.; греческой на 24, испанской на 16, итальянской на 10. Владѣльцы этихъ фондовъ потеряли до двухъ третей своего состоянія, вложеннаго въ эти цѣнности. Кромѣ того, европейскія биржи переполнены массою желѣзнодорожныхъ акцій и облигацій, сильно понизившихся въ цѣнѣ, до того, что лучшія въ цѣломъ мірѣ англійскія желѣзныя дороги даютъ среднимъ числомъ только 4 проц. дивиденда и только одна сѣверная лондонская дорога доходитъ до 7½ проц. Объ этихъ убыткахъ европейская журналистика, получая внушенія отъ биржи, упорно молчитъ и поднимаетъ крикъ только о паденіи русскихъ бумагъ, проливая крокодиловы слезы о голодѣ въ Россіи и шаткости русскихъ финансовъ. Все это дѣлается для того, чтобы склонить владѣльцевъ русскихъ бумагъ—къ продажѣ ихъ, и этимъ еще болѣе понизить ихъ курсъ. Между тѣмъ лондонская биржа сознаётся сама, что у нея очень мало русскихъ бумагъ, да и берлинская не могла бы вести понижательнаго похода противъ нашего кредита, еслибы не пользовалась поддержкой нѣкоторыхъ петербургскихъ банковъ и парижскаго дома Ротшильдовъ. Глава этого дома, жидовско-французскій гражданинъ баронъ Альфонсъ Ротшильдъ, озлобленный тѣмъ, что ему не удалась продѣлка съ конверсіей русскихъ желѣзнодорожныхъ акцій и что въ послѣднемъ трехпроцентномъ займѣ Россія не прибѣгала къ его услугамъ, повелъ дѣло, съ помощью берлинскихъ друзей, такъ, что не только заемъ этотъ, покрытый въ 7½ разъ, упалъ на парижской биржѣ

на 10 проц., но и французская государственная рента понизилась на 2 процента. Содѣйствовать паденію бумагъ страны, въ которой считаешься гражданиномъ—съ жидовско-космополитической точки зрѣнія вполнѣ понятно и извинительно, но французское правительство взглянуло на это иначе и министръ финансовъ потребовалъ у Ротшильда объясненія. Тотъ сначала отвѣчалъ, что подагра мѣшаетъ ему прибыть изъ своей виллы въ Парижъ, но потомъ долженъ былъ явиться къ министру, гдѣ, вѣроятно, ему сдѣлано было такое убѣдительное «внушеніе», нисколько не гипнотическое, что онъ тотчасъ же напечаталъ свою тронную рѣчь Европѣ, оповѣщая ее, что его оклеветали самымъ недостойнымъ образомъ, распустивъ слухъ, будто онъ относится враждебно къ послѣднему русскому займу. Слухъ этотъ совершенно неоснователенъ и отношенія барона къ правительству, интересующемуся русскими фондами, были всегда самыми лучшими. Хотя тонъ манифеста этой жидовской державы, обращающейся съ Франціей, «какъ равный съ равнымъ», полонъ комизма, также какъ и увѣренія примыкающихся передъ Ротшильдомъ газетъ, что патронъ ихъ удостоилъ министровъ откровеннымъ объясненіемъ, но кто же повѣритъ жиду, которому его талмудъ предписываетъ обманывать гойевъ? И «внушеніе» Рувье не позволитъ только заклятому врагу христіанства и Россіи явно вести противъ нихъ подкопы, а отъ тайныхъ попытокъ вредить намъ сколько можно—семитъ никогда не откажется.

Доказательствомъ этого служитъ то, что послѣ «внушенія», которому, по слухамъ, предшествовали даже дипломатическія жалобы, за нашу сторублевку въ Берлинѣ давали только 188 марокъ, а не 265, какъ въ прошломъ году, и марка стоила уже 53 копѣйки, а франкъ, вѣроятно, ради франкорусскихъ симпатій, поднялся до 43 копѣекъ. Съ такимъ систематическимъ, неуклоннымъ пониженіемъ, ни разу не измѣнившимся въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, вгонятъ франкъ въ полтинникъ, не смотря на всѣ отчеты, что золота у насъ непочатые запасы. А тамъ, съ помощью Іеговы, потянутъ франкъ и къ рублю, особенно если мы сами будемъ помогать этому, какъ дѣлали до сихъ поръ. При каждой мѣсячной расплатѣ, берлинская биржа, говоря ея терминомъ, «покрывается» русскими рублями и для своей цѣли требуетъ этихъ рублей у единомышленниковъ на другихъ биржахъ и въ иностранныхъ банкахъ. И наши жиды и банки очень усердно высылали прежде въ Берлинъ массы кредитныхъ рублей въ размѣрѣ, далеко превышающемъ обычныя банковыя требованія. Теперь петербургскіе банки отказались удовлетворять приказы берлинскихъ спекулянтовъ, но прусскіе жиды обратились къ посредничеству польскихъ жидовъ и переслали въ Варшаву, по словамъ корреспондента «Новаго Времени», для залога въ конторѣ государственнаго банка, русскія кредитныя бумаги, за которыя въ три дня получили около четырехъ мильоновъ кредитныхъ рублей. Говорятъ,—прибавляетъ корреспондентъ,—что за это вар-

шавскіе банкиры, помимо обычныхъ комиссіонныхъ, получили за каждые сто рублей по три марки. Въ биржевомъ мірѣ эта манипуляція представляется самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, но для стороннаго наблюдателя это—возмутительный жидовскій гешефтъ, завѣдомо направленный во вредъ экономическимъ и государственнымъ интересамъ Россіи. Вѣдь все же эти—варшавскіе жиды и банкиры считаются русскими подданными, а каждый изъ нихъ въ каждую данную минуту готовъ продать Россію. И эта операція производится совершенно открыто. Банкиръ, у котораго и весь инвентарь его конторы не превышаетъ 15-ти тысячъ, очень развязно является въ государственный банкъ и закладываетъ на полмильона русскихъ процентныхъ бумагъ, полученныхъ имъ изъ Берлина, для того чтобы еще больше понизить нашъ рубль и создать финансовыя затрудненія русскому правительству. Въ виду милліонныхъ требованій на выдачу ссудъ, государственный банкъ увеличилъ залоговый процентъ, но это не парализовало сдѣлку берлинскихъ и варшавскихъ жидовъ. И чѣмъ оградиться отъ этихъ разбойниковъ биржи и мошенниковъ гешефта? Алчность жидовъ къ наживѣ такъ велика, что они, стремясь къ ней, роняютъ и кредитъ той страны, гдѣ живутъ.

Въ Берлинѣ нѣсколько дней господствовала сильная паника не на одной биржѣ, вслѣдствіе банкротства нѣсколькихъ банкирскихъ, конечно жидовскихъ, домовъ. Сначала лопнулъ банкъ Вольфа-Гиршфельда, потомъ Фридлендера-Зоммерфельда, затѣмъ Мааса и еще трехъ крупныхъ фирмъ. Вольфа и Мааса арестовали, а братья Фридлендеръ застрѣлились. Но и этотъ рѣдкій случай самоубійства животолюбивыхъ жидовъ не возвратилъ, конечно, ограбленнымъ ими бѣднякамъ вкладовъ, внесенныхъ въ жидовскіе банки. Правда, виноваты и нѣмцы, несущіе въ эти разбойничьи притоны свои сбереженія изъ-за лишняго процента, и за это ихъ сильно осуждалъ извѣстный ораторъ-антисемитъ Штекеръ, обсуждавшій на сходкѣ въ Берлинѣ банковскіе крахи и разгромъ, которому едва не подверглись нѣкоторыя конторы, осажденныя народомъ. Штекеръ обвинялъ не исключительно евреевъ, но и христіанъ, у которыхъ развита страсть къ роскоши и легкой наживѣ. Страсть эту ораторъ приписываетъ вліянію еврейскихъ элементовъ, развращающихъ общественную жизнь. Главная причина краховъ — роскошная жизнь банкировъ, бриллианты и наряды ихъ женъ, лукулловскіе обѣды, на которыхъ всякій воръ и мошенникъ считается порядочнымъ человѣкомъ, потому что на немъ изящный фракъ. Другой ораторъ, на той же сходкѣ, собравшей громадную массу народа, профессоръ Вагнеръ, приписывалъ общую жажду денегъ въ Германіи — государственнымъ лотереямъ. Благодаря продажѣ дорогихъ билетовъ въ раздробь и по частямъ, въ этихъ лотереяхъ участвуютъ бѣднѣйшіе классы общества. И тѣ же власти, которыя

запрещаютъ и караютъ всякую азартную игру, постоянно плодятъ лотереи, только потому, что онѣ государственныя.

Берлинскіе крахи до того тревожно настроили нѣмцевъ, что паника на биржѣ повторилась и въ Вѣнѣ. При открытіи делегацій, Францъ-Іосифъ произнесъ рѣчь, которую бисмарковская гамбургская газета удачно назвала «меланхолической». Въ ней, вмѣстѣ съ обычными увѣреніями въ прочности мира и тройственной лиги, звучала какая-то унылая жалоба на тяжелыя времена и необходимость постояннаго увеличенія военныхъ расходовъ. Императорское краснорѣчіе до того противорѣчило мирному тону министерскихъ рѣчей, только что произнесенныхъ нѣмецкими и англійскими премьерами, что австрійскій премьеръ долженъ былъ, въ свою очередь, сочинить рѣчь, коментирующую августѣйшія ламентаціи. Кальноки тянулъ знакомую пѣсню о миролюбіи государей, о благахъ, приносимыхъ человѣчеству тройственнымъ союзомъ, да пожалѣлъ, что Сербія выбилась изъ подъ опеки Австріи, которая, при всемъ желаніи, не можетъ признать Кобурга болгарскимъ княземъ, въ виду могущихъ возникнуть отъ этого затрудненій. Министерскіе коментаріи успокоили нѣсколько тревожное настроеніе Вѣны, какъ вдругъ въ вечернемъ офиціозномъ листкѣ явилось сообщеніе о бесѣдѣ Франца-Іосифа съ однимъ изъ членовъ делегаціи, президентомъ польскаго клуба Яворскимъ, которому императоръ поручилъ будто бы передать отъ его имени, что онъ считаетъ положеніе дѣлъ очень серьезнымъ, такъ какъ голодъ въ Россіи усугубляетъ опасность войны, и хотя Россія еще не кончила своихъ вооруженій, но, благодаря послѣднему займу, заручилась крупными денежными средствами. Казалось бы: какое отношеніе можетъ быть между голодомъ и войной?—но вѣнская биржа не задавалась никакими соображеніями. Ей нужно было только играть на пониженіе, — и она разомъ повалила всѣ, самыя солидныя бумаги; даже государственная рента упала на $2^1/_2$ процента. Въ нѣсколько часовъ масса упавшихъ на биржѣ цѣнностей достигла ста милліоновъ гульденовъ. Пока обнародовано было офиціозное извѣстіе, что императоръ не говорилъ ничего подобнаго Яворскому, жиды и банкиры скупили понижавшіяся бумаги, съ тѣмъ, конечно, чтобы потомъ перепродать, когда извѣстіе, уронившее ихъ, окажется ложнымъ. Скупали ихъ и члены парламента, очень хорошо знавшіе, что вся эта паника неосновательна. Самъ жидъ Шепсъ, редакторъ «Вечерняго листка», напечатавшій эту сплетню, получилъ въ одинъ вечеръ порядочный кушъ, играя на пониженіе и потомъ продавая повысившіяся бумаги. Но эта биржевая продѣлка, хотя въ ней не было ничего новаго, возбудила благородное негодованіе въ парламентѣ: депутаты потребовали въ парламентѣ примѣрнаго наказанія жидовской газеты; министерство собиралось въ чрезвычайныя засѣданія для обсужденія этого инцидента; графъ Таафе придалъ этому, въ сущности мелкому, случаю значеніе

первокласснаго внутренняго событія; прокуроръ началъ уже судебное преслѣдованіе противъ Шепса, который, однако, нисколько не смущенъ этимъ и очень развязно объявляетъ, что получилъ ложное извѣстіе не отъ кого иного, какъ онъ самого делегата Яворскаго, что онъ и берется доказать документально на судѣ. Процессъ обѣщаетъ поэтому быть интереснымъ, если его не замнутъ участвующія въ немъ офиціальныя и вліятельныя лица. И теперь уже одна газета говоритъ, что Яворскій могъ не понять словъ императора и видѣлъ въ нихъ только новое доказательство, что Россія вѣчно грозитъ войной Европѣ, даже и тогда, когда страдаетъ отъ голода. А противъ Россіи всякія измышленія, не исключая биржевыхъ утокъ, дѣло вполнѣ патріотическое. Давно ли вся нѣмецкая печать предостерегала капиталистовъ отъ подписки на новый русскій заемъ? «Times» прямо кричитъ о банкротствѣ Россіи, а что говорятъ о русскихъ финансахъ не однѣ вѣнскія, но и такія солидныя германскія газеты, какъ «Norddeutsche», «Kölnische», «Kreuzzeitung». Въ нихъ война противъ Россіи и ея финансовъ начата еще Бисмаркомъ, котораго всѣ нѣмцы считаютъ славою, величіемъ и спасеніемъ своего отечества. Недаромъ же, при проѣздѣ черезъ Берлинъ 76-тилѣтняго опальнаго канцлера, рьяные патріоты до того пожимали ему руку, что надо было сдѣлать перевязку, чтобы остановить кровь, выступившую изъ пальцевъ.

Дѣйствительно, берлинцы сдѣлали самый восторженный пріемъ своему старому идолу, въ то время когда вагонъ, привезшій его изъ Варцина, переходилъ на рельсы, по которымъ Бисмаркъ отправлялся въ свое другое помѣстье—Фридрихсруэ. Онъ провелъ проѣздомъ въ Берлинѣ всего часа два, но эти часы были сплошною овацією человѣку, который, по увѣренію органовъ прусскаго правительства, потерялъ всякую популярность. Громадная манифестація доказала, что власти думали напрасно скрыть проѣздъ Бисмарка черезъ столицу. И его привѣтствовалъ не простой народъ, а интеллигенція Берлина. Напрасно полиція устроила въ двухъ вокзалахъ деревянные барьеры — они были разнесены въ щепки многочисленною толпою, бросавшеюся къ вагонамъ, на рельсы, кричавшею: «остановитесь! до свиданія въ рейхстагѣ! не покидайте насъ!» Дамы кидали цвѣты. Бисмаркъ благодарилъ, называя всѣхъ друзьями, даже прослезился. Полиція, не пропускавшая народъ къ вокзалу, подверглась оскорбленіямъ. Арестовали множество студентовъ. Раздавались голоса: «какая гнусная неблагодарность—запрещать чествовать величайшаго патріота! Мы не забудемъ васъ, не смотря ни на какія приказанія». Противъ ни въ чемъ неповинныхъ городовыхъ поднялись палки и зонтики. Дѣло дошло бы до свалки, еслибы поѣздъ не поспѣшили отправить далѣе. Соціалистскія газеты говорятъ, что въ этой встрѣчѣ высказалось болѣе всего враждебное

отношеніе къ правительству и его политикѣ, а Бисмаркъ былъ только предлогомъ манифестацій, выражавшихъ недовольство нынѣшнимъ ходомъ дѣлъ.

А что этимъ положеніемъ недовольны всѣ въ Германіи—кромѣ правящихъ ею лицъ—это не подвержено сомнѣнію. Сессія рейхстага возобновилась въ угнетенномъ настроеніи. Боялись, при ея открытіи, какой нибудь уже не меланхолической, а задирательной рѣчи, но все обошлось благополучно: императоръ даже уѣхалъ въ этотъ день изъ Берлина куда-то на охоту и мирныя пренія народныхъ представителей можетъ нарушить только появленіе въ палатѣ Бисмарка. Но онъ заявилъ, что приметъ участіе въ преніяхъ, когда внесены будутъ торговые трактаты, то есть не раньше конца января. Никакихъ неожиданныхъ пассажей не было и со стороны повелителя Германіи, находящагося теперь въ болѣе спокойномъ настроеніи. По мнѣнію многихъ, онъ недоволенъ Россіей болѣе всего потому, что Бисмаркъ совѣтуетъ—сблизиться съ нею. Удивила нѣсколько выходка Вильгельма во время пребыванія въ Мюнхенѣ, сдѣлавшаяся только теперь извѣстной, хотя ее долго скрывали. Посѣтилъ онъ, между прочимъ, и тамошнюю городскую ратушу, гдѣ ему предложили вписать свое имя въ книгу почетныхъ гостей. Онъ исполнилъ это, сдѣлавъ для чего-то такую приписку: suprema lex—regis voluntas. Многія, даже нѣмецкія, газеты высказали открыто свое неудовольствіе на то, что императоръ проповѣдуетъ такіе сомнительные афоризмы въ конституціонной странѣ, гдѣ законъ выше всякой королевской власти. Да и къ чему понадобилось ему сообщать о своихъ абсолютистскихъ убѣжденіяхъ баварцамъ, и безъ того нерасположеннымъ къ нему. Даже «National-Zeitung» отозвалась весьма несочувственно объ этой выходкѣ, а газета Бисмарка явно обвинила Вильгельма въ стремленіи водворить въ Германіи принципъ абсолютизма, и какъ ни странно это обвиненіе молодаго монарха строгимъ поборникомъ всякихъ произвольныхъ и неконституціонныхъ мѣръ, оно произвело впечатлѣніе въ Германіи, особенно въ южной, гдѣ только правители преклоняются передъ Пруссіей, а народъ съ трудомъ выноситъ ея деспотическій гнетъ. Покровительствуя Гогенцоллернамъ, судьба съ октября послала имъ еще новаго приверженца въ лицѣ виртембергскаго короля, тоже Вильгельма II. Покойный Карлъ I всегда былъ противникомъ прусскаго режима. Четвертый монархъ королевства, созданнаго въ 1806 году Наполеономъ I изъ швабскаго герцогства, Карлъ I не совершилъ никакихъ блестящихъ подвиговъ, не выигрывалъ сраженій, но, вступивъ на тронъ въ 1863 году, уничтожилъ всѣ реакціонныя мѣры своего отца, Вильгельма I, и прогналъ отъ двора даже поэта Гаклендера, осмѣивавшаго либеральныя идеи. Свобода печати была возстановлена. Король не противился объединенію Германіи, но хотѣлъ, чтобы оно совершилось не подъ главенствомъ Пруссіи. Въ 1866 году онъ сталъ на сторону Австріи, но она начала войну безъ

всякаго плана и единства дѣйствій. Командующій майнской арміею генералъ Фогель фонъ-Фалькенштейнъ разбилъ по очереди ганноверцевъ, баварцевъ, баденцевъ, гессенцевъ и нассаусцевъ, а затѣмъ, въ нѣсколько часовъ, уничтожилъ виртембергскую армію при Таубербишофсгеймѣ. Сраженіе при Садовой положило конецъ войнѣ. Карлъ I долженъ былъ покориться побѣдителямъ, подписать пражскій трактатъ, уплатить значительную контрибуцію и заключить съ Пруссіей секретную военную конвенцію, отдававшую виртембергскую армію подъ начальство Гогенцоллерновъ. Съ тѣхъ поръ Карлъ игралъ пассивную роль. Онъ не будировалъ противъ германскаго императора, но и не разыгрывалъ въ Берлинѣ роль вассала. Во время 25-тилѣтняго юбилея своего царствованія, онъ получилъ въ Штутгартѣ визитъ своего сюзерена, хотя и не просилъ объ этомъ и самъ не отдалъ визита. Онъ много способствовалъ умственному, артистическому и экономическому развитію Виртемберга, но чувствовалъ отвращеніе отъ военщины, парадовъ и маневровъ. Самъ онъ былъ очень образованъ и любилъ литературу, живопись, скульптуру. Учителемъ его былъ поэтъ Маттисонъ, товарищами, по ученію въ тюбингенскомъ университетѣ, и друзьями—поэты: Густавъ Швабъ и Шлатербергъ. Бракъ его не былъ счастливъ: у него не было дѣтей; болѣе 20-ти лѣтъ, онъ страдалъ тяжкой болѣзнью, отъ которой и умеръ. Но, получивъ богатое приданое за женою, онъ украсилъ Штутгартъ великолѣпными зданіями, построилъ много дворцовъ и виллъ, устроилъ Кенигсбау по образцу миланскихъ и генуэзскихъ галерей, собралъ въ Розенштейнѣ коллекцію замѣчательныхъ картинъ, возобновилъ съ большими издержками старый ульмскій соборъ, тюбингенскій университетъ, а въ паркѣ Шлосгартенъ, соединяющемъ Штутгартъ съ Канштадтомъ, воздвигнулъ цѣнныя статуи. Любитель цвѣтовъ, онъ устроилъ роскошные сады въ своей лѣтней резиденціи, Фридрихсгафенѣ, на берегу Констанцскаго озера. Но болѣе всего онъ прославилъ Виртембергъ учрежденіемъ сельскихъ школъ, получившихъ европейскую извѣстность. При немъ, въ странѣ замѣтно развилось народное образованіе. Доступный для всѣхъ сословій, чуждый преувеличенныхъ понятій о своемъ достоинствѣ, онъ дѣлалъ много добра, безъ всякаго участія канцелярій въ его благодѣяніяхъ, и Виртембергъ искренно оплакивалъ «послѣдняго статскаго короля», какъ его называли противники милитаризма. Но этотъ же умный и гуманный монархъ былъ подверженъ странной слабости, объясняемой отчасти его болѣзненнымъ состояніемъ: онъ занимался спиритическими фокусами и вполнѣ подчинялся вліянію своего любимца Джонсона, молодаго секретаря сѣверо-американскаго посольства въ Штутгартѣ. Этотъ ловкій янки представилъ королю своего соотечественника, авантюриста Вудокъ-Севеджа. Втроемъ они устраивали спиритическіе сеансы, для которыхъ отведенъ былъ даже особый дворецъ. Странные слухи ходили въ Герма-

ніи объ этихъ собраніяхъ: — подъ предлогомъ вызова духовъ, американцы вытягивали у короля огромныя суммы и продавали его покровительство разнымъ проходимцамъ. Вудокъ-Севеджъ сдѣланъ былъ барономъ. Но общественное мнѣніе возстало противъ наглой эксплуатаціи слабостей довѣрчиваго и болѣзненнаго монарха. Первый министръ Митнахтъ, для успокоенія народнаго волненія, потребовалъ удаленія спиритовъ. Король долженъ былъ уступить и разстался со своими друзьями, но не измѣнилъ своей привязанности и оставилъ имъ въ своемъ завѣщаніи значительныя суммы. Эта непонятная слабость не уменьшила однако популярности Карла I среди его подданныхъ. Преемникъ его и племянникъ Вильгельмъ II—совершенно другаго характера: онъ похожъ на своего тезку и вполнѣ покоренъ ему. Получивъ низшіе военные чины въ войну 1870 года, когда ему было 22 года, онъ сдѣлался дивизіоннымъ генераломъ въ 1883 году и генераломъ отъ кавалеріи въ 1888 г. Въ манифестѣ о своемъ восшествіи на престолъ онъ говорилъ объ обязанности подчиняться трактатамъ, на которыхъ основана имперія. На это партія націоналистовъ замѣтила, что не существуетъ никакихъ трактатовъ между нѣмецкими монархами, добровольно избравшими прусскаго короля императоромъ и принявшими имперскую конституцію. Все это, впрочемъ, не болѣе какъ теоретическія тонкости, которыя не могутъ поколебать основъ имперіи.

Не поколеблетъ ихъ и сепаратизмъ южныхъ державъ, съ которымъ упорно борется общегерманскій патріотизмъ, стоящій за единеніе отечества. Опасны для этого единенія всюду продолжающіяся вооруженія, истощающія экономическія силы страны, но еще опаснѣе общее экономическое разстройство главы имперскаго союза—самой Пруссіи. Европа кричитъ о голодѣ въ Россіи и видитъ въ немъ какое-то небывалое, грандіозное бѣдствіе. Если судить по относительнымъ размѣрамъ нашего отечества и Пруссіи, бѣдствіе должно казаться ей громаднымъ, но и ея экономическое положеніе немногимъ лучше. Во всей восточной и западной Пруссіи неурожай ржи и картофеля—повсемѣстный, а такъ какъ рожь производится почти исключительно въ этихъ двухъ областяхъ и чернымъ хлѣбомъ питается вся германская армія и весь ея рабочій людъ, то выходитъ, что неурожай ржи распространенъ по всей Германіи, и вся она ѣстъ теперь чужой, покупной хлѣбъ, вдобавокъ обложенный высокою пошлиною. Правда, прусское безхлѣбье произошло только отъ безпрерывныхъ дождей нынѣшняго лѣта, сгноившихъ урожай, а нашъ неурожай обострился засухой, которая сожгла всѣ кормы и погубила скотъ, но у насъ все таки на двухъ третяхъ пространства хлѣбъ уродился, и его въ запасѣ еще достаточно не въ однихъ только амбарахъ у кулаковъ и скупщиковъ—какъ объявило объ этомъ правительство, запретивъ въ ноябрѣ вывозъ за границу и пшеницы. Если у насъ спекулянты подняли цѣны на хлѣбъ, то въ Пруссіи

онъ обложенъ правительствомъ по 50 марокъ за тонну, то есть, считая на наши деньги, одинъ казенный налогъ равняется, кромѣ стоимости самой ржи и помола, 43-мъ копѣйкамъ на пудъ. У насъ выдано уже 64 милліона рублей на сѣмена и на продовольствіе голодающихъ; помогаетъ много и частная благотворительность, и общество принимаетъ всѣ мѣры, чтобы помочь бѣдѣ; а въ Пруссіи общество не даетъ ни гроша и молчитъ о недостаткѣ хлѣба, правительство же не только не дѣлаетъ никакихъ ссудъ, но и не думаетъ снять, хоть бы до будущей жатвы, свои боевыя пошлины. Картофелю также уродилось въ Германіи въ половину меньше противъ прошлаго года и безъ покупки хлѣба за границей нѣмцы не обойдутся, а мы до этого еще не доходили.

Кромѣ окончательнаго разстройства благосостоянія, Германіи грозятъ евреи и соціалисты. Послѣднія продѣлки жидовскихъ банкировъ, биржевиковъ, журналистовъ и разныхъ подонковъ берлинской сволочи до того возбудили нѣмецкое общество противъ семитовъ, что въ рейхстагъ внесено прошеніе—укротить этихъ нахальныхъ паразитовъ законодательными и административными мѣрами. Въ сентябрѣ нынѣшняго года французскіи евреи праздновали столѣтіе признанія за ними революціею гражданскихъ правъ. Но они добились равноправности съ большимъ трудомъ и незначительнымъ большинствомъ, за три дня до закрытія учредительнаго собранія, послѣ того какъ въ теченіе двухъ лѣтъ національное собраніе четырнадцать разъ отвергало проэктъ объ ихъ эмансипаціи. Теперь жидовъ во Франціи до 68,000, но они засѣли во всѣхъ правительственныхъ мѣстахъ, отъ которыхъ зависятъ общественные интересы. Издатель газеты «Gaulois», жидъ Мейеръ похвасталъ, что больше четверти префектовъ—жиды, и это возмутило даже редакцію «Figaro», которая задаетъ вопросъ: «гдѣ же наше равенство, если ничтожное иноплеменное меньшинство господствуетъ надъ громаднымъ большинствомъ французскихъ гражданъ»? Но французскіе жиды все же гораздо болѣе полированы, чѣмъ нѣмецкіе, нерѣдко совершающіе и убійства, какъ въ недавнемъ процессѣ берлинскаго бездѣльника Гейнце. Вильгельмъ II такъ возмутился подробностями этого кроваваго и грязнаго процесса, что приказалъ принять самыя строгія мѣры противъ проститутокъ и особенно противъ альфонсовъ, которыхъ онѣ содержатъ.

Сильно взволновала публику также брошюра: «Клятва жида», и, по поводу ея, соціальныя газеты, наряду съ консервативными, требуютъ разслѣдованія дѣла. Въ 1865 году замужняя женщина, еврейка Кронеръ вошла въ связь съ извѣстнымъ банкиромъ-милліономъ и евреемъ Блейхредеромъ. Черезъ три года, Кронеръ развелась со своимъ мужемъ и жила открыто съ банкиромъ, но еще черезъ три года Блейхредеръ женился и пожелалъ удалить свою бывшую любовницу изъ Берлина. Она согласилась на это за извѣстную сумму и годовую ренту, которую ей уплачи-

валъ адвокатъ изъ жидовъ, Калишъ. Но жадная еврейка этимъ не удовольствовалась и очень часто бомбардировала банкира требованіемъ новыхъ суммъ, угрожая открыть ихъ прежнюю связь женѣ банкира. Тотъ постоянно исполнялъ всѣ наглыя вымогательства Кронеръ, но, наконецъ, надоѣло ли ему это, или потому, что посредникъ между ними, Калишъ, умеръ, только въ 1875 году жидъ, произведенный въ это время въ бароны, объявилъ, что онъ вовсе не знаетъ Доротеи Кронеръ и не имѣетъ къ ней никакихъ обязательствъ. Тогда въ 1880 г. озлобленная жидовка обратилась въ судъ съ гражданскимъ искомъ противъ Блейхредера, заявляя, что данное имъ обязательство было у нея украдено, и представляя множество свидѣтелей, знавшихъ объ этомъ обстоятельствѣ и объ ихъ отношеніяхъ. Брошюра доказываетъ, какъ пристрастно веденъ былъ процессъ, въ которомъ банкиру покровительствовали всѣ: судьи, прокуроръ, слѣдователи и въ особенности полиція. Бывшій оберъ-полицмейстеръ Берлина, Мадай не разъ призывалъ Кронеръ и запугивалъ ее карою властей, въ угоду мильонеру. Наконецъ, банкиру было предложено судомъ: признать искъ Кронеръ или подтвердить присягою, что онъ не давалъ ей никакихъ обязательствъ. И Блейхредеръ не задумался принести торжественную клятву, Manifestation Eid, что никогда не выдавалъ Кронеръ никакого денежнаго документа. Тогда она перенесла дѣло въ уголовный судъ, гдѣ заявила о лжеприсягѣ банкира, представляя свидѣтельство трехъ лицъ, присягнувшихъ, что они знали отъ покойнаго Калиша о существованіи документа. Дѣло пошло по разнымъ инстанціямъ, съ наглымъ извращеніемъ фактовъ въ пользу банкира, и дошло до высшаго судебнаго учрежденія, камеръ-герихта. Испуганные пособники Блейхредера рѣшили съ помощью денегъ избѣжать опасности безпристрастнаго слѣдствія. Кронеръ получила 60,000 марокъ за примиреніе, отреклась отъ своего обвиненія и дѣло замолкло съ 1884 года, но его подняла вновь появившаяся брошюра, опубликовавшая слѣдственные акты и спрашивавшая: что же послѣ этого значитъ присяга и клятва жида? Конечно, алчная жидовка не заслуживаетъ никакого участія, банкиръ поплатился за свою связь десятками лѣтъ непріятностей и волненій, и высшая власть явно была въ этомъ дѣлѣ на его сторонѣ, желая сохранить для государства «полезнаго» финансоваго дѣятеля. Но гдѣ же во всемъ этомъ правда и правосудіе? Бѣдныхъ мошенниковъ вѣшаютъ, а богатыхъ производятъ въ бароны. Еврейское вліяніе развращаетъ судебныя учрежденія. За Блейхредеромъ есть и добрыя дѣла; онъ теперь шестидесятилѣтній, полуслѣпой старикъ, но это не оправдываетъ его клятвопреступленія, его ложной присяги, за которую онъ долженъ быть наказанъ. Дѣло его слѣдовало довести до конца, не смотря на отказъ Кронеръ отъ обвиненія и своего иска.

Незадолго до открытія въ Римѣ конгресса мира, уже разошедшагося безъ всякихъ результатовъ, хотя и съ благими намѣреніями, въ Эрфуртѣ

собирался конгрессъ соціалистовъ. Мы говорили уже въ прошломъ мѣсяцѣ объ его открытіи. На немъ, прежде всего, окончательно перессорились партіи старыхъ умѣренныхъ вожаковъ и молодыхъ крайнихъ адептовъ. Старые вожаки, какъ Бебель и Либкнехтъ, давно уже принимаютъ во вниманіе желаніе большинства добиться улучшенія рабочаго быта мирнымъ путемъ; они не одобряютъ насильственныхъ мѣръ, признаютъ патріотизмъ и, участвуя въ рейхстагѣ, надѣются путемъ парламентскихъ преній достигнуть общественныхъ реформъ. Молодая партія хочетъ дѣйствовать только путемъ революціи, забывая, что за господствомъ народа и анархіею наступаетъ реакція и торжествуютъ такія ретроградныя идеи, которыя казались окончательно похороненными. Смѣшно надѣяться, что соціальная революція превратитъ людей въ ангеловъ. Существованіе соціальнаго общества, гдѣ всѣ будутъ жить безо всякой личной цѣли, не желая и не получая никакого личнаго вознагражденія за свой трудъ и довольствуясь лишь сознаніемъ, что трудъ этотъ служитъ на пользу общую—чистая утопія. Комунизмъ первыхъ христіанъ обусловливался ихъ вѣрою, но соціалисты хотятъ «отмѣнить религію прежде всѣхъ другихъ злоупотребленій». Четыре дня молодая и старая партія переругивались между собою, и конгрессъ закончился тѣмъ, что исключили изъ числа соціалистовъ десять членовъ молодой партіи съ книгопродавцемъ Вернеромъ и обойщикомъ Вильдбергомъ во главѣ. Предсѣдателемъ конгресса былъ жидъ Зингеръ. Не смотря на то, что этотъ милліонеръ-фабрикантъ обращается со своими рабочими не лучше, чѣмъ другіе эксплуататоры, живетъ роскошно въ своемъ дворцѣ въ Тиргартенѣ, ѣздитъ по желѣзнымъ дорогамъ въ своемъ вагонѣ, не смотря на все это, онъ считается апостоломъ бѣдняковъ и проповѣдникомъ коммунизма. Надо быть истымъ жидомъ, чтобы умудриться—помирить такія противорѣчія и всю жизнь съ успѣхомъ балансировать между «насими и васими». Въ прочтенномъ отчетѣ о положеніи партіи соціалистовъ много любопытныхъ цифръ. Доходъ ея въ нынѣшнемъ году—223,866 марокъ, расходы 134,943; изъ нихъ 107,000 на вспомоществованіе «товарищамъ» во время стачекъ, до 6,000 на судебныя издержки по разнымъ процессамъ, 32,000 на «распространеніе ученія» (allgemeine Agitation), $8^1/_2$ тысячъ на выборныя издержки и 17,000 жалованья депутатамъ, не получающимъ никакого содержанія въ рейхстагѣ. Всѣхъ соціалистскихъ журналовъ 70, считая новую иллюстрированную газету «Die neue Zeitung». О конечныхъ цѣляхъ соціализма ораторы благоразумно умалчивали и несомнѣнно, что въ этой партіи много патріотовъ и шовинистовъ, примкнувшихъ къ ней только потому, что они недовольны дѣйствіями правительства. Такъ, Фольмаръ громилъ его за равнодушіе къ бѣдствіямъ народа, и въ то же время осыпалъ клеветами Россію. Между делегатами конгресса были и дамы, какъ Иреръ, популярнѣйшая изъ соціалистокъ, играющая видную роль въ своей партіи, Сто-

лакъ изъ Берлина, Нейнбахъ изъ Гамбурга, Цофштоленъ, Фогель и др. Исключенная изъ эрфуртскаго конгресса, партія крайнихъ анархистовъ въ лицѣ Вернера, Ауербаха и др. устроила въ Берлинѣ сходку, гдѣ отвела душу, ругая на чемъ свѣтъ стоитъ «умѣренныхъ, составившихъ заговоръ съ буржуазіей и измѣнившихъ основнымъ принципамъ соціализма». За это Бебель, Либкнехтъ и Зингеръ отняли у отщепенцевъ денежныя пособія комитета: Бруно Вилле лишился мѣста преподавателя въ берлинской школѣ рабочихъ, у Бучинскаго отнято редакторство главнаго органа соціализма, газеты «Vorwärts», и бывшій редакторъ принялся опять шить сапоги; Вильдбергу отказали отъ должности кассира «Вольнаго театра»; Вернера уволили изъ типографіи, въ которой онъ работалъ. Это, конечно, еще болѣе озлобило партію крайнихъ, и теперь она на ножахъ со своими бывшими братьями. Къ чему поведетъ этотъ расколъ — увидимъ въ близкомъ будущемъ.

Въ Англіи свирѣпствуютъ двѣ болѣзни: новая—инфлуэнца и старая—руссофобія. Старая выразилась придирками газетъ, какъ смѣли русскіе выслать съ Памира какого-то англійскаго капитана и прогнать оттуда же китайцевъ, сбирающихся поэтому вернуться весною, съ многочисленною арміею. Газетные толки оказались, какъ всегда, раздутымъ пуфомъ; заговорили о занятіи русскими Памира, хотя эта дикая горная возвышенность, поднимающаяся на 18,000 футовъ надъ уровнемъ моря, принадлежитъ намъ со времени присоединенія къ русскимъ владѣніямъ коканскаго ханства, нынѣшней Ферганской области, южныя границы которой, перейдя Заалайскій хребетъ, подвинулись къ Гиндукушу. Что, пріобрѣтя эту пустынную границу, по которой только въ рѣдкихъ мѣстахъ, на покатостяхъ горныхъ пастбищъ, кочуютъ номады-киргизы, русскія войска не поставили тамъ опорныхъ пунктовъ, а только изрѣдка высылали охотничьи команды для обхода негостепріимнаго, сурового края. Одинъ изъ этихъ отрядовъ прошелъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ до 1800 верстъ по невозможнымъ дорогамъ, переваламъ и ущельямъ. Отряду удалось найти новый перевалъ черезъ Гиндукушъ къ истокамъ Инда; но дальнѣйшее движеніе на югъ не входило въ планъ экспедиціи и она вернулась обратно. На пути встрѣтила она англійскаго капитана королевскихъ драгунъ со странной фамиліей—YoungHusband, что по русски значитъ: «молодой супругъ». Этотъ капитанъ собирался изъ Кашгара, черезъ Ваханъ, перебраться въ Индію съ полнымъ комфортомъ, везя съ собою роскошную палатку, со всѣми приспособленіями къ удобному путешествію. Капитанъ былъ чрезвычайно любезенъ съ начальникомъ отряда, относившимся къ нему также съ уваженіемъ, но освѣдомившимся, есть ли у «молодаго супруга» пропускной листъ для безпрепятственнаго прохода черезъ наши владѣнія. Такого листа у капитана не оказалось, и ему пришлось вернуться обратно въ Кашгаръ, хотя это

нисколько не нарушило дружественныхъ отношеній англичанина къ нашимъ офицерамъ. Дальше, на берегахъ Аличура, отрядъ нашъ встрѣтилъ еще одного англійскаго поручика, Давидсона, и также безъ пропускнаго листа. Тамъ же дозоръ нашъ наткнулся на китайскіе пикеты, собиравшіе подать съ киргизовъ, кочующихъ на нашей землѣ. Къ начальнику нашего отряда, полковнику Іонову, пріѣхалъ мандаринъ, которому было предложено—очистить отъ китайскихъ пикетовъ наши владѣнія. Китаецъ согласился съ законностью этого требованія и выступилъ со своею командою на Сарыканъ. Вотъ и вся эта исторія, которую англичанамъ такъ хотѣлось раздуть въ «памирскій вопросъ».

Развитіемъ инфлуэнцы англичане обязаны самимъ же себѣ. По Европѣ они же развезли ее изъ Азіи на своихъ безчисленныхъ торговыхъ судахъ. Но не смотря на это, нашелся эдинбургскій врачъ и профессоръ, развязно печатающій въ газетахъ, что инфлуэнца зарождается въ Россіи и именно въ русскихъ церквяхъ, «въ атмосферѣ, насыщенной дыханіемъ тысячъ самаго грязнаго и жалкаго народа въ Европѣ» (by the dirtiest and most destressed people in Europe). Англійскій ученый не хочетъ знать, что русскій мужикъ по субботамъ ходитъ въ баню, чего, конечно, не дѣлаетъ даже не самый оборванный обитатель лондонскаго Вестъ-Энда. Но какова руссофобія «просвѣщенныхъ мореплавателей», если они обвиняютъ Россію даже въ инфлуэнцѣ! Недавно извѣстная наша писательница О. Новикова, живущая въ Лондонѣ, получила отъ неизвѣстнаго жертвователя пять фунтовъ стерлинговъ въ пользу нашихъ голодающихъ и, въ то же время, «Times» заявилъ о пожертвованіи 56.000 фунт. ст. въ пользу еврейскихъ земледѣльцевъ, страдающихъ отъ голода въ Россіи. Г-жа Новикова, принося благодарность за 5 фунтовъ, замѣтила въ печати, что христіанская Англія не выразила никакого матерьяльнаго сочувствія къ нашимъ голодающимъ, а жертвуетъ большую сумму несуществующимъ лицамъ, такъ какъ въ губерніяхъ, гдѣ свирѣпствуетъ голодъ, нѣтъ еврейскихъ земледѣльцевъ, а тамъ, гдѣ находятся немногія еврейскія колоніи, нѣтъ голода. Такое обличеніе фарисейской лжи не понравилось «Times'у» и газета съ бранью обрушилась на г-жу Новикову, но даже руссофобскій «Standard», въ передовой статьѣ, взываетъ къ своимъ соотечественникамъ—помочь голодающимъ крестьянамъ юго-восточной Россіи. «Голодъ—одинъ изъ тѣхъ бичей природы, который весь міръ дѣлаетъ родственнымъ», говоритъ «Standard», а «Pall-Mall» объявляетъ: «Когда дѣло касается Россіи, британскіе предразсудки не знаютъ никакихъ границъ; обязательства сильнѣйшаго въ свѣтѣ правительства считаются ни во что. Для этого невѣжества во всемъ, что̀ касается Россіи—нѣтъ больше извиненій. Пусть новый лордъ-мэръ приметъ болѣе достойную насъ политику. Чтобы дать этому толчокъ—я послалъ г-жѣ Новиковой свою ленту, вмѣстѣ съ сердечными симпатіями». Еслибы у

жидовствующей «Times» было хоть сколько-нибудь стыда, газета послѣдовала бы примѣру своихъ собратій, но этотъ органъ разъѣвшихся фарисеевъ даже о смерти Парнеля отозвался въ холодныхъ выраженіяхъ, потому что онъ стоялъ за голодающихъ ирландцевъ. Смерть эта хотя и была неожиданностью,—такъ какъ агитаторъ умеръ сорока четырехъ лѣтъ,—но она не произвела разстройства въ партіи гомрулеровъ. Парнель умеръ политически годъ тому назадъ, когда, вслѣдствіе скандальнаго процесса съ капитаномъ О'Ши и интриги съ его женою, онъ потерялъ довѣріе ирландскаго народа и духовенства, и поддержку Гладстона. Потомъ, стараясь возвратить свое прежнее вліяніе въ Ирландіи, онъ держалъ себя такъ странно на выборахъ и митингахъ что заставлялъ сомнѣваться въ своемъ здравомысліи, и хотя вернулъ къ себѣ нѣсколькихъ приверженцевъ, женившись на разведенной капитаншѣ, но потерялъ весь престижъ въ странѣ и въ парламентѣ, и партія его выбрала себѣ другого вождя. Несомнѣнно даровитый ораторъ и политическій дѣятель, онъ, какъ человѣкъ, мало въ комъ возбуждалъ участія и смерть его не произвела никакихъ перемѣнъ въ положеніи ирландскаго вопроса. Онъ подвинется впередъ только въ будущемъ парламентѣ, когда либеральная партія снова возьметъ власть въ свои руки, а этого уже недолго дожидаться.

Франція все это время занята больше всего русскими дѣлами: русскимъ займомъ, пріѣздомъ великихъ князей, праздниками въ Шербургѣ, Брестѣ и Алжирѣ, по случаю прибытія нашихъ судовъ, наконецъ пребываніемъ въ Парижѣ нашего министра иностранныхъ дѣлъ. Послѣднее обстоятельство возбуждаетъ особенно сильные толки въ обществѣ и журналистикѣ. Одни хотятъ видѣть въ пріѣздѣ г. Гирса доказательство заключенія союза съ Франціей, другіе даже въ его фамиліи видятъ признакъ его расположенія къ Германіи. Болѣе благоразумные видятъ въ визитѣ простую дипломатическую вѣжливость. Министръ провелъ лѣто въ Италіи, лѣчился въ Виебаденѣ, бесѣдовалъ съ итальянскимъ премьеромъ, представлялся королю Гумберту,—не могъ же онъ не заѣхать въ Парижъ, гдѣ къ тому же у него сынъ при посольствѣ, какъ не могъ, на обратномъ пути черезъ Берлинъ, неповидаться съ германскимъ канцлеромъ и не представиться императору Вильгельму. Понятно, что бесѣды съ министрами не могли быть лишены политическаго значенія, но отъ обмѣна мыслей о положеніи дѣлъ до заключенія трактатовъ—большое разстояніе и для этого министры не имѣютъ обыкновенія пріѣзжать въ чужое государство. Да и какую прочность могутъ имѣть договоры съ правительствомъ, зависящимъ отъ каприза палаты, гдѣ депутаты и радикалы, стакнувшись между собою, могутъ во всякое время опрокинуть министерство, хотя и пользующееся довѣріемъ страны. Теперь у него большинство въ парла-

нисколько не нарушило дружественныхъ отношеній англичанина къ нашимъ офицерамъ. Дальше, на берегахъ Аличура, отрядъ нашъ встрѣтилъ еще одного англійскаго поручика, Давидсона, и также безъ пропускнаго листа. Тамъ же дозоръ нашъ наткнулся на китайскіе пикеты, собиравшіе подать съ киргизовъ, кочующихъ на нашей землѣ. Къ начальнику нашего отряда, полковнику Іонову, пріѣхалъ мандаринъ, которому было предложено—очистить отъ китайскихъ пикетовъ наши владѣнія. Китаецъ согласился съ законностью этого требованія и выступилъ со своею командою на Сарыканъ. Вотъ и вся эта исторія, которую англичанамъ такъ хотѣлось раздуть въ «памирскій вопросъ».

Развитіемъ инфлуэнцы англичане обязаны самимъ же себѣ. По Европѣ они же развезли ее изъ Азіи на своихъ безчисленныхъ торговыхъ судахъ. Но не смотря на это, нашелся эдинбургскій врачъ и профессоръ, развязно печатающій въ газетахъ, что инфлуэнца зарождается въ Россіи и именно въ русскихъ церквяхъ, «въ атмосферѣ, насыщенной дыханіемъ тысячъ самаго грязнаго и жалкаго народа въ Европѣ» (by the dirtiest and most destressed people in Europe). Англійскій ученый не хочетъ знать, что русскій мужикъ по субботамъ ходитъ въ баню, чего, конечно, не дѣлаетъ даже не самый оборванный обитатель лондонскаго Вестъ-Энда. Но какова руссофобія «просвѣщенныхъ мореплавателей», если они обвиняютъ Россію даже въ инфлуэнцѣ! Недавно извѣстная наша писательница О. Новикова, живущая въ Лондонѣ, получила отъ неизвѣстнаго жертвователя пять фунтовъ стерлинговъ въ пользу нашихъ голодающихъ и, въ то же время, «Times» заявилъ о пожертвованіи 56.000 фунт. ст. въ пользу еврейскихъ земледѣльцевъ, страдающихъ отъ голода въ Россіи. Г-жа Новикова, принося благодарность за 5 фунтовъ, замѣтила въ печати, что христіанская Англія не выразила никакого матерьяльнаго сочувствія къ нашимъ голодающимъ, а жертвуетъ большую сумму несуществующимъ лицамъ, такъ какъ въ губерніяхъ, гдѣ свирѣпствуетъ голодъ, нѣтъ еврейскихъ земледѣльцевъ, а тамъ, гдѣ находятся немногія еврейскія колоніи, нѣтъ голода. Такое обличеніе фарисейской лжи не понравилось «Times'у» и газета съ бранью обрушилась на г-жу Новикову, но даже руссофобскій «Standard», въ передовой статьѣ, взываетъ къ своимъ соотечественникамъ—помочь голодающимъ крестьянамъ юго-восточной Россіи. «Голодъ—одинъ изъ тѣхъ бичей природы, который весь міръ дѣлаетъ родственнымъ», говоритъ «Standard», а «Pall-Mall» объявляетъ: «Когда дѣло касается Россіи, британскіе предразсудки не знаютъ никакихъ границъ; обязательства сильнѣйшаго въ свѣтѣ правительства считаются ни во что. Для этого невѣжества во всемъ, что̀ касается Россіи—нѣтъ больше извиненій. Пусть новый лордъ-мэръ приметъ болѣе достойную насъ политику. Чтобы дать этому толчокъ—я послалъ г-жѣ Новиковой свою лепту, вмѣстѣ съ сердечными симпатіями». Еслибы у

жидовствующей «Times» было хоть сколько-нибудь стыда, газета послѣдовала бы примѣру своихъ собратій, но этотъ органъ разъѣвшихся фарисеевъ даже о смерти Парнеля отозвался въ холодныхъ выраженіяхъ, потому что онъ стоялъ за голодающихъ ирландцевъ. Смерть эта хотя и была неожиданностью,—такъ какъ агитаторъ умеръ сорока четырехъ лѣтъ,—но она не произвела разстройства въ партіи гомрулеровъ. Парнель умеръ политически годъ тому назадъ, когда, вслѣдствіе скандальнаго процесса съ капитаномъ О'Ши и интриги съ его женою, онъ потерялъ довѣріе ирландскаго народа и духовенства, и поддержку Гладстона. Потомъ, стараясь возвратить свое прежнее вліяніе въ Ирландіи, онъ держалъ себя такъ странно на выборахъ и митингахъ что заставлялъ сомнѣваться въ своемъ здравомысліи, и хотя вернулъ къ себѣ нѣсколькихъ приверженцевъ, женившись на разведенной капитаншѣ, но потерялъ весь престижъ въ странѣ и въ парламентѣ, и партія его выбрала себѣ другого вождя. Несомнѣнно даровитый ораторъ и политическій дѣятель, онъ, какъ человѣкъ, мало въ комъ возбуждалъ участія и смерть его не произвела никакихъ перемѣнъ въ положеніи ирландскаго вопроса. Онъ подвинется впередъ только въ будущемъ парламентѣ, когда либеральная партія снова возьметъ власть въ свои руки, а этого уже недолго дожидаться.

Франція все это время занята больше всего русскими дѣлами: русскимъ займомъ, пріѣздомъ великихъ князей, праздниками въ Шербургѣ, Брестѣ и Алжирѣ, по случаю прибытія нашихъ судовъ, наконецъ пребываніемъ въ Парижѣ нашего министра иностранныхъ дѣлъ. Послѣднее обстоятельство возбуждаетъ особенно сильные толки въ обществѣ и журналистикѣ. Одни хотятъ видѣть въ пріѣздѣ г. Гирса доказательство заключенія союза съ Франціей, другіе даже въ его фамиліи видятъ признакъ его расположенія къ Германіи. Болѣе благоразумные видятъ въ визитѣ простую дипломатическую вѣжливость. Министръ провелъ лѣто въ Италіи, лѣчился въ Виебаденѣ, бесѣдовалъ съ итальянскимъ премьеромъ, представлялся королю Гумберту,—не могъ же онъ не заѣхать въ Парижъ, гдѣ къ тому же у него сынъ при посольствѣ, какъ не могъ, на обратномъ пути черезъ Берлинъ, неповидаться съ германскимъ канцлеромъ и не представиться императору Вильгельму. Понятно, что бесѣды съ министрами не могли быть лишены политическаго значенія, но отъ обмѣна мыслей о положеніи дѣлъ до заключенія трактатовъ—большое разстояніе и для этого министры не имѣютъ обыкновенія пріѣзжать въ чужое государство. Да и какую прочность могутъ имѣть договоры съ правительствомъ, зависящимъ отъ каприза палаты, гдѣ депутаты и радикалы, стакнувшись между собою, могутъ во всякое время опрокинуть министерство, хотя и пользующееся довѣріемъ страны. Теперь у него большинство въ парла-

ментѣ, но кто поручится, что оно будетъ и завтра? Еще недавно была попытка, по второстепеннымъ вопросамъ, избавиться отъ нѣкоторыхъ членовъ кабинета, который, однако, понявъ тактику палаты, объявилъ, что считаетъ себя солидарнымъ со своими товарищами по управленію и, въ случаѣ обвиненія одного министра, подастъ въ отставку въ полномъ составѣ. Это рѣшеніе удержало «опрокидывателей» министерствъ отъ дальнѣйшихъ попытокъ, но надолго ли? И теперь уже стачка углекоповъ, возникшая въ сѣверной Франціи въ огромныхъ размѣрахъ и выборы въ Лиллѣ анархиста Лафарга, сидящаго въ тюрьмѣ, въ члены палаты грозитъ большими затрудненіями кабинету. А между тѣмъ, экономическое положеніе Франціи никогда не было такимъ блестящимъ, какъ теперь. Жаловались въ палатѣ на тягость налоговъ, доходящихъ до 90 франковъ съ человѣка, но умышленно упустили изъ виду отношеніе этого налога къ общему богатству страны. Принявъ это во вниманіе, во Франціи налогъ составляетъ лишь 13 процентовъ общихъ капиталовъ, тогда какъ въ Италіи онъ достигаетъ 25-ти процентовъ, въ Испаніи 15-ти; только въ Германіи и Англіи онъ меньше (12 и 10 проц.), но и эта разница значительно вознаграждается во Франціи всевозможными выгодами, доставляемыми государствомъ плательщикамъ податей. Народное богатство, промышленность, торговля постоянно увеличиваются. Въ прошломъ году правительство потребовало кредита въ 800 милліоновъ франковъ,—предложено было 14 милліардовъ; въ нынѣшнемъ году, на русскій заемъ въ 500 милліоновъ подписались почти на 4 милліарда. И въ то же время, какая блестящая армія защищаетъ эту цвѣтущую Францію!

Несчастная Болгарія еще разъ напомнила о себѣ Европѣ, совершенно равнодушно относящейся къ правительству страны, составленному изъ палачей и разбойниковъ. Матери, жены и сестры лицъ, обвиняемыхъ въ сообщничествѣ по дѣлу объ убійствѣ болгарскаго министра Бельчева, подали представителямъ державъ въ Софіи записку о вопіющемъ нарушеніи законности и конституціи болгарскими властями при арестованіи лицъ, подозрѣваемыхъ въ томъ, что имъ извѣстны убійцы. Правительство пользуется этимъ дѣломъ, чтобы съ ожесточеніемъ преслѣдовать противниковъ нынѣшняго порядка вещей въ странѣ. Княжество сдѣлалось театромъ невозможныхъ звѣрствъ. Для примѣра, записка приводитъ одинъ изъ подвиговъ Стамбулова. Восемнадцатилѣтній юноша Тюфектіевъ былъ неоднократно подвергнутъ пыткѣ. Послѣднюю пытку онъ не выдержалъ и умеръ, когда ему сожгли руки и ноги, смазанныя керосиномъ. Семь съ половиною мѣсяцевъ тянется слѣдствіе въ комиссіи, гдѣ нѣтъ ни одного лица судебнаго вѣдомства. Матери и жены обращаются къ человѣколюбію иностранныхъ агентовъ и просятъ хотя бы о позволеніи видѣться съ заключенными. Наши «Славянскія Извѣстія» давно

уже печатали письма несчастныхъ жертвъ стамбуловскаго режима и еще недавно одинъ изъ подвергавшихся пыткѣ описывалъ подробно, какъ ему сжали ноги въ широкое желѣзное кольцо, подвѣсили подъ мышки, а къ рукамъ привязали бревно фунтовъ въ 20 и жандармъ, приставленный къ мученику, билъ его кнутомъ по лицу и по головѣ всякій разъ, когда онъ опускалъ руки подъ тяжестью бревна. Каравелова сѣкутъ по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ, какъ только онъ отдохнетъ немного и отлежится. Все это давно извѣстно въ Европѣ, но никто и не подумаетъ положить конецъ этой болгарской инквизиціи, отъ которой бѣжалъ и самъ «министръ юстиціи (?)» Тончевъ, бросивъ свой портфель и свое отечество. Французская газета «Temps» обращается къ принцу Фердинанду и говоритъ, что его честь требуетъ пролить яркій свѣтъ на подвиги Стамбулова. Да какая же честь у этого Кобурга? И напрасно газета напоминаетъ о брошюрѣ Гладстона: «Болгарскія звѣрства» (Bulgarian atrocities) взволновавшую Англію. Тогда ей было выгодно заступиться за болгаръ, а теперь, когда эти же болгары, достигнувъ власти, систематически и офиціально совершаютъ звѣрства, на которыя врядъ ли бы рѣшились даже варвары среднихъ вѣковъ, гуманные англичане и не подумаютъ подать свой голосъ въ защиту терзаемыхъ мучениковъ...

НОВЫЯ КНИГИ.

К. Ф. Хартулари. **Итоги прошлаго.** 1866 — 1891. Очерки уголовныхъ процессовъ и судебныя рѣчи. Спб. 1891.

Авторъ этой книги, которая интереснѣе всякаго романа, потому что выхвачена прямо изъ жизни,—одинъ изъ талантливыхъ и симпатичныхъ представителей сословія присяжныхъ повѣренныхъ,—посвятилъ свой трудъ двадцатипятилѣтію судебныхъ учрежденій. Въ предисловіи къ книгѣ, заключающей въ себѣ до 600 страницъ, авторъ передаетъ факты, предшествовавшіе введенію судебныхъ учрежденій и сопровождавшіе первоначальную ихъ дѣятельность, не касаясь послѣдующихъ событій въ судьбѣ этихъ учрежденій и замѣчая, что событія эти настолько серьезны и сложны, что обсужденіе ихъ требуетъ отдѣльнаго и самостоятельнаго труда, къ которому авторъ и «надѣется приступить со временемъ». Будемъ надѣяться на скорое осуществленіе этого благаго намѣренія. Исторія четверть вѣковаго развитія судебныхъ установленій особенно интересна для рѣшенія вопроса о причинѣ ихъ современнаго положенія, которое нельзя признать вполнѣ удовлетворительнымъ. Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ и

въ формѣ, и въ практикѣ гласнаго суда, и далеко не все измѣнилось къ лучшему. Г. Хартулари, какъ лицо, принадлежащее къ первоначальному составу присяжныхъ повѣренныхъ, лучше другихъ можетъ разсказать послѣдствія, а, можетъ быть, и причины этихъ измѣненій. Изъ 27-ми первыхъ повѣренныхъ, между которыми не было ни одного жида, теперь осталось только семеро. Девять человѣкъ умерли, остальные оставили это званіе. А кто замѣнилъ ихъ?.. Названіе, данное авторомъ книгѣ, не совсѣмъ точно: это не «итоги прошлаго», а выборъ болѣе интересныхъ и выдающихся уголовныхъ процессовъ, затрогивающихъ многія стороны нашей нравственности и общественной жизни, и въ которыхъ г. Хартулари былъ защитникомъ подсудимыхъ. И во всѣхъ своихъ 26-ти рѣчахъ онъ является строго-логичнымъ юристомъ, не гоняющимся за хлесткими, блестящими фразами, не прибѣгающимъ къ пріемамъ балаганнаго ораторства, не разводящимъ крупицы истины въ океанѣ многословія. Многія изъ его рѣчей можно прочесть въ 10—15 минутъ. Никогда не брался онъ защищать по найму не только отъявленныхъ мошенниковъ, но и сомнительныхъ личностей. Прежде всего онъ убѣждался въ невиновности подсудимаго и потому рѣчи его убѣдительно дѣйствовали на присяжныхъ засѣдателей, на судей, на публику; дѣйствуютъ и теперь на читателя своею спокойною разсудительностью, неотразимою логикою. До г. Хартулари, сборникъ своихъ защитительныхъ рѣчей издали его товарищи: гг. Спасовичъ и Андреевскій. О книгѣ г. Спасовича мы уже говорили: онъ является въ ней блестящимъ казуистомъ, нерѣдко софистомъ, заставляющимъ удивляться его дарованію, но не его убѣжденіямъ. О г. Андреевскомъ нечего было говорить: онъ и на судебной трибунѣ такой же поэтъ, какимъ былъ до появленія на адвокатскомъ поприщѣ. Если въ кабацкомъ прощалыгѣ, пьяномъ писарѣ, убивающемъ свою невѣсту, онъ видитъ русскаго Ромео, это доказываетъ не трезвый взглядъ на жизнь, а необузданность поэтической фантазіи. Ничего подобнаго такому увлеченію нѣтъ во всей 25-тилѣтней дѣятельности г. Хартулари. Это типъ дѣльнаго, даровитаго адвоката, сознающаго важность своей обязанности.

И какіе любопытные типы и событія возобновляетъ эта книга въ памяти общества, такъ скоро забывающаго все, что волновало его лѣтъ двадцать тому назадъ! Первымъ выдающимся процессомъ 1867 года было дѣло чиновника Протопопова, ударившаго въ лицо своего директора за то, что онъ отдалъ другому мѣсто, на которое чиновникъ, служившій усердно 23 года, предъявлялъ свои права. Это печальное дѣло рисуетъ яркую картину нашего чиновничьяго міра, въ которомъ нерѣдко судьба человѣка зависитъ отъ каприза и произвола начальника, и существуютъ даже какіе-то «пункты», по которымъ каждый подчиненный можетъ быть уволенъ потому, что физіономія его кажется неблагонадежною. Мудрено ли, что этотъ удобо-растяжимый терминъ «неблагонадежности» довелъ до

умоизступленія бѣднаго чиновника, рѣшившагося на грубое насиліе. Г-ну Хартулари пришлось дважды защищать Протопопова по этому дѣлу, потому что, оправданный присяжными засѣдателями въ окружномъ судѣ, чиновникъ судился еще по протесту прокурора въ кассаціонномъ департаментѣ сената. Но и высшая судебная власть въ Россіи оставила безъ послѣдствій прокурорскій протестъ. Первое засѣданіе уголовнаго кассаціоннаго департамента сената открылось, впрочемъ, еще въ 1866 году процессомъ другаго чиновника покрупнѣе, тайнаго совѣтника Гаевскаго, судимаго за растрату денегъ во ввѣренномъ ему духовно-учебномъ управленіи при синодѣ. Вмѣстѣ съ Гаевскимъ судился казначей Яковлевъ и прикосновенный къ дѣлу купецъ Боровъ, виновный только въ томъ, что бралъ взаймы деньги у Яковлева. Гаевскій возражалъ «спокойно и съ достоинствомъ», не признавая себя виновнымъ въ растратѣ казенныхъ суммъ и поддѣлкѣ документовъ для этой цѣли. Но въ концѣ слѣдствія, послѣ цѣлаго ряда неблагопріятныхъ для него свидѣтельствъ, потерялъ самоувѣренность и, не смотря на блестящую защиту г. Спасовича, былъ признанъ виновнымъ безъ всякаго снисхожденія присяжными засѣдателями, которые тогда еще участвовали въ процессахъ, обсуждавшихся сенатомъ. Г. Хартулари защищалъ въ этомъ дѣлѣ купца Борова, конечно, оправданнаго присяжными. Другаго купца, Волкова, почтенный адвокатъ защищалъ отъ самодурства извѣстнаго комерціи совѣтника Степана Овсянникова, въ 1868 году властно управлявшаго хлѣбною торговлею въ Петербургѣ и еще не сбиравшагося поправить свои дѣла поджогомъ мельницы на Обводномъ каналѣ. Волковъ, владѣтель буксирнаго парохода, велъ суда этого Мамая изъ Шлиссельбурга въ столицу, но буря разбила ихъ и Овсянниковъ вздумалъ взыскивать многотысячные убытки съ Волкова, хотя, въ то же время, бо́льшую часть спасеннаго, хотя и подмоченнаго, хлѣба сбылъ военному министерству, ссылаясь на несчастье, происшедшее «отъ воли божіей». На судѣ, комерціи совѣтникъ не хотѣлъ, однако, признать эту волю и обвинялъ Волкова въ погибели унжаковъ съ хлѣбомъ. Дѣло это, рѣшенное въ пользу Овсянникова старымъ судомъ, было пересмотрѣно въ петербургской палатѣ и въ искѣ убытковъ Овсянникову отказано. Защищалъ г. Хартулари и унтеръ-офицера, сознавшагося въ кражѣ со взломомъ, и прапорщика Разнатовскаго, стрѣлявшаго въ свою жену изъ револьвера. Повидимому, такія лица не заслуживали участія, но оказалось, что унтеръ-офицеръ совершилъ преступленіе въ припадкѣ сильнаго запоя и, взломавъ сундукъ своей жилицы, болѣе семи лѣтъ квартировавшей у него, на другой же день бросился ей въ ноги и покаялся, хотя она и не думала подозрѣвать его. Разнатовскаго же до покушенія на убійство довела жена-мегера, обманывавшая мужа и такъ обращавшаяся со своими дѣтьми, что бѣднякъ носилъ на груди клокъ волосъ своей дочери, вырванный чадо-

любивою матерью у дѣвочки за то, что она дурно вязала чулки. Пьяница былъ оправданъ присяжными, а прапорщикъ присужденъ къ четырехнедѣльному аресту. Защищалъ г. Хартулари и одного изъ участниковъ въ убійствѣ фонъ-Зона, и въ поддѣлкѣ духовнаго завѣщанія С. Лавровымъ и А. Зарудныхъ, и француженку Жюжанъ, обвиненную въ отравленіи 16-тилѣтняго Познанскаго, и флигель-адъютанта Н. М. Баранова, обвинявшаго въ пристрастіи управляющаго морскимъ министерствомъ, и писателя Лѣскова, незаконно притянутаго къ суду эстляндскимъ оберландгерихтомъ. Былъ онъ также защитникомъ трехъ государственныхъ преступниковъ: Владиміра Орлова (Нечаевское дѣло 1871 года), Степана Кардашева (1877) и Тимофея Михайлова (въ мартѣ 1881 г.). Каждой рѣчи предпослано изложеніе хода дѣла и дается физіономія процесса, кромѣ дѣлъ о государственныхъ преступникахъ, гдѣ приводятся только однѣ рѣчи безъ поясненій. Вообще книга г. Хартулари, хотя и относится къ прошлому, но представляетъ гораздо болѣе интереса, чѣмъ всякое современное произведеніе. Написана она вполнѣ логично и литературно, и только изрѣдка встрѣчаются «презумпція», «импозантность» и другіе заморскіе термины, безъ которыхъ можно было бы обойтись.

Г. П. Сазоновъ. **Вопросы хлѣбной промышленности и торговли**, разработанные земскими учрежденіями (1865—1890). Спб. 1891.

Въ настоящій тяжелый годъ, переживаемый Россіей, хлѣбный вопросъ стоитъ, конечно, на первомъ планѣ, и всякое, относящееся къ нему, изслѣдованіе возбуждаетъ общій интересъ. Тѣмъ болѣе трудъ такого знатока нашего сельскаго быта, какъ г. Сазоновъ, не можетъ быть оставленъ безъ вниманія. Неутомимый изслѣдователь крестьянской земельной собственности, горячій боецъ за неотчуждаемость крестьянскихъ земель, молодой ученый, ближе другихъ изучившій на мѣстѣ запутанныя условія деревенскаго хозяйства, болѣе другихъ способенъ сказать вѣское слово, дать полезный совѣтъ въ трудную пору, переживаемую чуть не половиной нашей земли, которая теперь болѣе велика, чѣмъ при Рюрикѣ, но уже далеко не такъ обильна, благодаря мало измѣнившимся съ тѣхъ поръ сельскохозяйственнымъ и другимъ порядкамъ. Къ сожалѣнію, новая книга г. Сазонова не даетъ отвѣтовъ на вопросы, волнующіе современное общество. Она начата полтора года тому назадъ, когда мы еще и не думали о голодовкѣ, отъ которой придется поправляться въ теченіе многихъ лѣтъ. Происхожденіе книги официальное: департаментъ окладныхъ сборовъ поручилъ автору составить очеркъ дѣятельности земскихъ учрежденій по разработкѣ вопросовъ о хлѣбной промышленности, привлекающихъ «въ настоящее время особое вниманіе министерства финансовъ», прибавляетъ г. Сазоновъ. Еще бы не привлекать, когда «житница Европы» на половину опустошена вывозомъ за границу даже подсолнечныхъ выжимокъ, за что жидовствующая Европа опять вгоняетъ въ полтину нашъ

горемычный кредитный рубль. Съ дѣятельностью нашихъ земскихъ учрежденій г. Сазоновъ былъ давно знакомъ и на практикѣ, и какъ дѣятельный сотрудникъ по изданію и составленію «Земскаго ежегодника», издаваемаго вольно-экономическимъ обществомъ. Къ сожалѣнію, и это полезное изданіе, выпуску котораго въ свѣтъ много содѣйствовалъ г. Сазоновъ въ теченіе трехъ лѣтъ, остановилось въ 1886 году, и составителю пришлось просматривать десятки тысячъ томовъ для извлеченія изъ нихъ всего, что относится къ хлѣбной промышленности. У насъ—394 земства, и многія изъ нихъ издаютъ ежегодно по два, даже по три тома протоколовъ своихъ собраній; иные изъ этихъ протоколовъ выходятъ литографированными, даже писанными и безъ оглавленій. Но и съ этимъ громаднымъ матеріаломъ, накопившимся въ теченіе 25-лѣтняго существованія земства, можно было бы еще справиться, еслибы въ петербургскихъ библіотекахъ были полные экземпляры изданій земства; ихъ однако нѣтъ, не только уѣздныхъ, но даже губернскихъ, ни въ публичной библіотекѣ, ни въ частныхъ, ни въ офиціальныхъ книгохранилищахъ департаментовъ: хозяйственнаго, окладныхъ сборовъ, земледѣлія и сельской промышленности, Г. Сазоновъ говоритъ, однако, что этотъ недостатокъ не могъ существенно отразиться на его книгѣ, такъ какъ болѣе важные вопросы изъ уѣздныхъ собраній всегда переносятся въ губернскія. А вопросы эти, касающіеся хлѣбнаго дѣла, изложены составителемъ не въ видѣ сухаго перечня постановленій, а въ формѣ точной передачи хода всего дѣла съ мотивами, преніями и главными данными, приводившими собраніе къ опредѣленному постановленію. Этотъ логичный способъ изложенія сохраненъ вездѣ, гдѣ въ матерьялахъ управы не встрѣчалось отсутствіе разработки вопросовъ. Составитель сгруппировалъ всѣ вопросы хлѣбной промышленности въ двѣнадцати главахъ, самые заголовки которыхъ опредѣляютъ уже ихъ значеніе. Начинаетъ онъ съ элеваторовъ и переходитъ къ обложенію и надзору земства за торговлею и промыслами, хотя въ постановленіяхъ управъ разсматриваются далеко не всѣ виды обложенія. Затѣмъ излагаются: вопросъ о продажѣ хлѣба на мѣру или на вѣсъ, попытки организаціи сбыта продуктовъ, значеніе и роль посредниковъ, поставка провіанта въ армію, сельско-хозяйственное винокуреніе, телеграфныя свѣдѣнія о цѣнахъ—предметы разнообразные и обширные, еще болѣе расширяемые составителемъ; такъ напр., при поставкѣ провіанта говорится и о подрядѣ изготовленія обуви въ войска. Послѣднія главы посвящены тарифамъ, желѣзнодорожному и таможенному, и представленіямъ правительству по вопросамъ желѣзнодорожнаго хозяйства. Здѣсь, въ видахъ полноты, кромѣ хлѣбной промышленности, разсматриваются тарифы и на другіе сельско-хозяйственные продукты: скотъ, сѣно, лѣсъ, соль, плоды и пр. Такое расширеніе предметовъ изслѣдованія, конечно, нисколько не лишнее, но нельзя не упрекнуть автора

за то, что онъ совершенно устранилъ изъ своего изложенія всякую критику. Мнѣнія такого компетентнаго лица по многимъ сельско-хозяйственнымъ вопросамъ были бы весьма важны, а между тѣмъ г. Сазоновъ не выражаетъ нигдѣ своихъ сужденій и вполнѣ объективно относится къ спорнымъ вопросамъ, нигдѣ не высказывая своихъ убѣжденій, не обнаруживая своихъ симпатій, «какъ дьякъ, въ совѣтахъ посѣдѣлый, спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ». Этотъ существенный недостатокъ книги г. Сазонова дѣлаетъ ее канцелярскимъ, мертвенно-офиціальнымъ произведеніемъ, пригоднымъ только для справокъ, тогда какъ, не говоря уже объ интересѣ содержанія, самый распорядокъ предмета въ книгѣ доказываетъ, что составитель ея не ограничивался передачею однихъ постановленій собраній, а слѣдилъ за преніями и отмѣчалъ въ нихъ всякую дѣльную мысль. Зачѣмъ же г. Сазоновъ обезцвѣтилъ самъ свой трудъ и неужели у насъ департаментское сочиненіе должно непремѣнно представлять эѳіопскую сушь? Вѣдь имѣетъ же департаментъ свой взглядъ на тотъ или другой вопросъ и могъ бы поручить составителю книги изложить этотъ взглядъ, если не хотѣлъ видѣть въ казенномъ изданіи мнѣній частнаго лица. Все это какъ-то не по европейски. Мы бы хотѣли также видѣть въ трудѣ г. Сазонова если не общіе выводы по болѣе важнымъ предметамъ, то, по крайней мѣрѣ, указанія на то, къ чему склоняется большинство управъ по тому или другому вопросу. Къ концу своей объемистой книги въ 540 страницъ составитель приложилъ алфавитный указатель фамилій, но для насъ важно не то, что говорилъ Карповъ или Сидоровъ, а о чемъ они говорили—и потому гораздо нужнѣе былъ бы указатель не лицъ, а предметовъ. Все это не уменьшаетъ однако значенія работъ г. Сазонова, столько потрудившагося уже на общую пользу.

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко. **Кама и Уралъ**—очерки и впечатлѣнія. Спб. 1891.

Нашъ блестящій разсказчикъ и романистъ, давно уже знакомый русскимъ читателямъ, принадлежитъ въ то же время къ числу такихъ изслѣдователей Россіи, котораго будутъ изучать этнографы, желающіе ознакомиться, въ особенности, съ мѣстностями нашего отечества, отдаленными отъ столицъ и центровъ цивилизаціи. Изучивъ всѣ уголки нашей земли, талантливый авторъ рисуетъ такія картины современнаго быта русскаго народа, надъ которыми остановятся историки и мыслители. И въ вышедшей нынѣ огромной книгѣ въ 750 страницъ, составленной изъ очерковъ, печатавшихся въ петербургскихъ и московскихъ журналахъ, встрѣчаются, по словамъ автора, «все тѣ же впечатлѣнія, тѣ же печальныя картины народной мощи, скованной невозможными экономическими условіями, исторически развившимися». Правда, онъ описываетъ Уралъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ, но, и послѣ того, «тамъ измѣнилось немногое: про_

вели желѣзную дорогу, но она не улучшила быта рабочихъ и положенія заводовъ». А этотъ бытъ до того непривлекателенъ, что съ трудомъ вѣрится возможности существованія описываемой авторомъ жизни этого подземнаго царства рудниковъ и копей. Почти каждая изъ 66-ти главъ книги представляетъ такія стороны народной жизни, которымъ пора бы отойти въ область преданій. Мы не говоримъ о такихъ типахъ, какъ купецъ первой гильдіи и пермскій чиновникъ, изображающіе подъ пьяную руку медвѣдя и первобытнаго человѣка; это скорѣе анекдоты и, во всякомъ случаѣ, исключенія. Мы причисляемъ къ исключеніямъ даже министра, пріѣзжавшаго въ 1876 году на Уралъ, знакомиться съ мѣстными нуждами, хотя описаніе бесѣды этого министра—верхъ юмора и жизненности. «Пишутъ: собраться туда-то всѣмъ. Собрались, ждемъ. Является самъ его высокопревосходительство. Ничего, не кусается, пожалъ двумъ-тремъ руки, кивнулъ головою и сейчасъ въ позу. Еще съ дороги не отдохнулъ, а ужь два пальца за̀ бортъ, ногу впередъ, грудь колесомъ и—«милостивые государи! я васъ созвалъ для того, чтобы выслушать, узнать, какія мѣры необходимы для процвѣтанія края. Прошу говорить со мной откровенно, какъ будто съ равнымъ». Только мы собрались ротъ раскрыть: нуждъ-то у насъ не обобраться, а у него ужь новая ораторская поза... «Но прежде, милостивые государи, чѣмъ вы сообщите мнѣ ваши законныя желанія, прошу у васъ позволенія сообщить вамъ мои собственные взгляды. Когда я былъ въ Саксоніи и Силезіи»... и пошелъ, и пошелъ. Часъ говорилъ, два говорилъ, до поту насъ прошибъ, наконецъ кончилъ. «Ну, теперь, господа, надѣюсь, мы поняли другъ друга—до свиданія»! и ушелъ къ себѣ. Мы поняли, что насъ онъ выслушаетъ завтра. Послали узнать—давно уже уѣхалъ дальше, говорятъ». Эта сцена также похожа на анекдотъ; но гдѣ жизненная правда бьетъ въ глаза во всей ея неприглядности—это, напримѣръ, въ главахъ, гдѣ говорится о томъ, какъ казенные заводы отдавались въ приданое дочери важнаго лица въ Петербургѣ, выходившей замужъ за артиллерійскаго полковника, да еще сестрорѣцкому и тульскому заводамъ вмѣнили въ обязанность брать ружейные стволы не въ Златоустѣ, гдѣ они дѣлаются лучше, а именно на заводѣ, поступившемъ въ приданое,—знакомая черта той эпохи, когда высокопоставленныя лица говорили: «дать такому-то полкъ; пусть поправитъ свое состояніе». Затѣмъ чрезвычайно типичны описанія: шуваловскихъ солеварень, артемьевскаго рудника угольныхъ копей, рабочаго ада—троицкаго рудника; подробности о томъ, какъ Никита Демидовъ топилъ людей въ подземельѣ; подвиговъ Строгоновыхъ, Лазаревыхъ, Всеволожскихъ; березовскаго пріиска и его золотоискателей, и пр. Но если перечислять болѣе интересныя мѣста книги, пришлось бы перебрать почти всѣ главы. Отъ наблюдательности автора не ускользаетъ ни одинъ выдающійся фактъ. Общихъ выводовъ онъ не представляетъ; стройной си-

стемы въ картинахъ нѣтъ; все довольно отрывочно и эпизодично, но все до того рельефно, написано такъ живо, что, кажется, самъ присутствуешь на всѣхъ этихъ сценахъ, изъ которыхъ иныя поражаютъ своимъ безобразіемъ. Кажется, вмѣстѣ съ авторомъ бесѣдуешь съ этимъ простымъ людомъ, сохраняющимъ и въ забитомъ состояніи свое долготерпѣніе, добродушіе, свой незлобивый юморъ и надежду на лучшія времена. Встрѣчаются и типы озвѣрѣлыхъ людей, доведенныхъ до крайности преслѣдованіями и вопіющими несправедливостями; но нигдѣ эти несчастные, обездоленные людьми и судьбою, не прибѣгаютъ къ массовымъ насиліямъ,— излюбленному способу защиты западнаго пролетарія. Только въ послѣдней главѣ авторъ разсказываетъ о бунтѣ рабочихъ на бессемеровскомъ заводѣ, возникшемъ изъ-за рабочихъ книжекъ. И тутъ безпорядки произошли отъ того, что никто не хотѣлъ растолковать крестьянамъ, въ чемъ дѣло. Придутъ къ мировому, у того надпись: «совѣтовъ не даю». Священникъ только тяжко вздыхаетъ да увѣщеваетъ народъ, что «нѣсть начальства аще не отъ Бога», или: «Господь наказуетъ строптивыхъ». Въ рабочихъ книжкахъ крестьяне были названы «заводскими мастеровыми» и потому думали, что ихъ поворотятъ въ крѣпостные. Вотъ заключительныя слова автора объ изслѣдованномъ имъ краѣ: «Золотымъ дномъ кажется этотъ край съ его неисчерпаемыми богатствами, гдѣ все таки ухитрились довести населеніе чуть не до голодовокъ. Хищнически разрабатываются здѣсь сокровища, и милліоны, добытые изъ нѣдръ земныхъ, праздно разбрасываются на вѣтеръ... И жаль становится этихъ заброшенныхъ крестьянъ, больно за захолустья, гдѣ въ вѣчной нуждѣ своей бьется до кроваваго пота рабочій, не зная сегодня, будетъ ли онъ сытъ завтра!»

Александръ Кругловъ. **Среди насъ.** Повѣсти и разсказы. Спб., 1891.

А. В. Кругловъ—несомнѣнно беллетристъ даровитый и симпатичный; разсказы его помѣщаются почти во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ и читаются съ интересомъ, а потомъ выходятъ отдѣльными сборниками. Хотя онъ пишетъ не очень давно, но такихъ сборниковъ вышло уже девять, да три печатаются. Кромѣ того, онъ издалъ двадцать книгъ для дѣтей, такъ что можетъ быть причисленъ и къ педагогамъ, и къ беллетристамъ. Но и въ своихъ разсказахъ онъ выказалъ много таланта, наблюдательности, знанія людей и вѣрную оцѣнку ихъ дѣйствій. Прежде всего—онъ не пессимистъ, и это одно уже придаетъ его очеркамъ жизнь и разнообразіе. Начавъ со своихъ «Живыхъ душъ», выдержавшихъ уже два изданія, онъ пишетъ большею частью въ томъ же успокоительномъ и жизнерадостномъ настроеніи, хотя и изображаетъ нерѣдко картины человѣческихъ бѣдствій. Къ падшимъ людямъ онъ относится даже слишкомъ снисходительно, какъ въ разсказѣ: «Страшный дядя», которымъ начинается новый, вышедшій нынѣ, сборникъ: «Среди

насъ». Это—исторія неисправимаго пьяницы, погубившаго свою карьеру, всю свою жизнь изъ страсти къ водкѣ, доводящей его до состоянія животнаго. Можетъ ли литература интересоваться такими несчастными созданіями, возмущающими не только эстетическое, но и всякое человѣческое чувство? Эти извращенныя, несомнѣнно болѣзненныя натуры съ постоянно отуманенными понятіями, съ безсильною волею, убитою алкоголизмомъ, подлежатъ изслѣдованію медиковъ и психіатровъ, а не писателей. А между тѣмъ г. Кругловъ чрезвычайно симпатично относится къ одному изъ такихъ маньяковъ и разсказываетъ въ повѣсти «Страшный дядя» о его добромъ, великодушномъ поступкѣ. Человѣкъ, который не можетъ выдержать двухъ дней, чтобы не напиться до одурѣнія, до того, что пропиваетъ все свое платье, какое ему только что сдѣлала мать, является въ отрепьяхъ къ этой матери, которой онъ всѣмъ обязанъ, и почти насильно вырываетъ у нея четыре тысячи рублей, доставшіяся ему по наслѣдству. Деньги эти онъ, конечно, тотчасъ же хочетъ нести въ кабакъ, но при сценѣ съ матерью была и сестра его, вдова съ маленькой дочкой, и дѣвочка, испуганная оборванцемъ, назвала его «страшнымъ дядей». Племянница съ матерью живутъ въ страшной бѣдности, и пьяницѣ, взявшемуся уже за ручку кабацкой двери, приходитъ мысль отдать эти тысячи своей сестрѣ, оставляя, конечно, и себѣ на выпивку. Онъ такъ и дѣлаетъ, и потомъ пропадаетъ. Поступокъ его, конечно, великодушный, но, совершонный несознательно, въ пьяномъ видѣ, теряетъ все свое значеніе. Полчаса тому назадъ, онъ хотѣлъ силою отнять у матери деньги; успѣй онъ войти въ кабакъ, и доброе намѣреніе улетучилось бы, конечно, вмѣстѣ съ деньгами. То, что́ дѣлается подъ вліяніемъ минуты, необдуманно, безъ сознанія, не можетъ быть истинно добрымъ дѣломъ. Весьма вѣроятно, что человѣкъ, только что поднимавшій руку на свою мать, раскается въ увлеченіи добрымъ дѣломъ, и авторъ напрасно старается заинтересовать читателя судьбою своего «страшнаго дяди». Гораздо интереснѣе слѣдующая повѣсть: «На чужомъ полѣ». Героиня ея, дочь небѣднаго человѣка, обладающая хорошимъ голосомъ, влюбляется въ студента-нигилиста. Этотъ герой, которому авторъ для чего-то далъ фамилію Лермонтова, какъ и слѣдуетъ нигилисту, презираетъ музыку, и Людмила бросаетъ ее, перестаетъ учиться пѣть, а такъ какъ герой ея въ это время куда-то исчезаетъ—вѣроятно, «идетъ въ народъ»,—то она рѣшается послѣдовать его примѣру, въ предѣлахъ возможности. Но женская пропаганда какихъ бы то ни было идей въ нашихъ деревняхъ просто не мыслима,—и вотъ Людмила отправляется въ какое-то захолустье обыкновенною сельской учительницею со скромной цѣлью—обучать грамотѣ ребятишекъ по звуковому методу. Типъ этотъ мастерски очерченъ г. Кругловымъ и вообще весь разсказъ веденъ тонко и умѣло. Менѣе даровитый и болѣе увлекающійся писатель наговорилъ бы много о призваніи женщины, о великой жертвѣ, приносимой народу,

привелъ бы сцены борьбы съ людьми и обстоятельствами, и сцены эти еслибы даже не подвинчивать ихъ тона, могли быть и вѣрны, и интересны. Но ничѣмъ этимъ не пользуется авторъ ради эффекта: всю дальнѣйшую судьбу героини разсказываетъ онъ въ одной бесѣдѣ съ нею, черезъ семь лѣтъ послѣ ея ухода изъ отцовскаго дома. Просто, безъ громкихъ фразъ, дѣвушка говоритъ: «бѣгу съ поля битвы, дезертирую, убѣдившись, что я не на мѣстѣ». Голосъ ея пропалъ, она почти все время хворала, не успѣла обучить и полсотни ребятъ, и такъ плохо учила, что другая на ея мѣстѣ,—«человѣкъ дюжинный», настоящій, полезный работникъ—сдѣлала бы въ пять разъ больше... «Я хотѣла быть полезной имъ, обиженнымъ, обойденнымъ, а между тѣмъ оказалось, что и пользу надо приносить умѣючи. Я люблю народъ. Это хорошіе, честные люди, въ нихъ гораздо больше правды, чѣмъ въ насъ; только надо знать ихъ, умѣть сродниться съ ихъ жизнью. Чтобы работать для нихъ, надо отъ многаго отказаться, со многимъ примириться. Я не приходилась къ нимъ и, считая это барствомъ, хотѣла побороть себя, закалить. Я нарочно стала себѣ во всемъ отказывать: выносила мерзкую пищу, холодъ, грязь, одиночество, грубость старшины, подчиненность попу, писарю; выслушивала любезности, пошлости, выговоры, терпѣла, потому что они, обиженные и униженные, терпятъ еще больше — и все таки не могла вынести такой жизни: терпѣла мѣсяцъ, и въ одинъ день портила все, чего достигала съ такими усиліями. И я увѣрена, что даже тѣ, для кого я терпѣла — не любили меня, не понимали, считали больною». Всѣ эти фразы и множество другихъ (напримѣръ, объ искусствѣ и артистахъ) до того психически вѣрны, что надо удивляться умѣнью автора подмѣчать самые тонкіе оттѣнки чувствъ. Тѣмъ же практическимъ, трезвымъ взглядомъ на жизнь отличается третья повѣсть сборника: «Пачка писемъ». Женатому, но увлекающемуся писателю бывшая возлюбленная возвращаетъ его письма и, перечитавъ ихъ, онъ вспоминаетъ сцены и обстоятельства своего недавняго увлеченія. Разсказъ отличается жизненною правдою: письма дышатъ искренностью, хотя авторъ ихъ лжетъ на каждой строкѣ — только потому, что не договариваетъ. «Жена моя,—пишетъ онъ,—рѣдкая, симпатичная женщина, умна, доброй души и любитъ меня. Вы не выше ея, даже можетъ быть хуже, но она—тихій прудъ, слишкомъ спокойна. Вы—пѣна шампанскаго, бурное, капризное море». Все это совершенно вѣрно. Надо было только прибавить аргументъ, которымъ испорченное и расшатанное человѣчество оправдывало всегда многоженство и многоувлеченіе: двѣ лучше, чѣмъ одна. И герой увлекается до того, что хочетъ бросить жену, такъ какъ возлюбленная не желаетъ дѣлиться. Но жена, ни однимъ словомъ не упрекнувшая мужа — заболѣваетъ опасно, и онъ остается съ нею. Непреодолимая страсть превращается въ обыденное чувственное увлеченіе. Конечно, это развязка случайная. Не захворай жена, мужъ

испортилъ бы и ея жизнь, и свою, и своей возлюбленной; но вѣдь человѣкъ не создаетъ обстоятельствъ и большею частью принужденъ имъ подчиняться. Послѣ этой прекрасной повѣсти, остальные четыре разсказа можно было бы и не помѣщать вторично въ сборникѣ. «Въ сумерки» — хорошая, но недодѣланная сцена, въ которой бѣдная мать проводитъ ночь за передѣлкой платья для своей дочери, чтобы 17-лѣтняя дѣвушка могла потанцовать на скромномъ вечерѣ. «Не ко двору» — разсказъ объ интеллигентномъ столярѣ въ уѣздномъ городѣ, любящемъ читать книги и разсуждать объ астрономіи. У него грубая, не понимающая его жена, отъ которой онъ уходитъ въ Сербію добровольцемъ, гдѣ его и убиваютъ. Тутъ выведенъ также интеллигентный, но грубый нѣмецъ, говорящій ломанымъ русскимъ языкомъ, что̀ подъ конецъ дѣлается невыносимо. «Луша» — неотдѣланная исторія хорошенькой швеи, въ которую влюбляется чиновникъ и бросаетъ ее, послѣ того какъ оспа обезобразиваетъ ее, но Луша выходитъ за богатаго прикащика. Неизвѣстно, что̀ хотѣлъ сказать авторъ этой повѣстью. Въ послѣднемъ разсказѣ: «Проснулась», героиня даетъ слово студенту-медику выйти за него, когда онъ сдѣлается врачомъ, и выходитъ за богатаго помѣщика, а врачъ, женившись на другой, интеллигентной женщинѣ, совершенно счастливъ. Когда она узнала объ этомъ, въ ней «проснулось» чувство, только какое? раскаянія или досады на чужое счастье? Авторъ этого не объясняетъ.

Домра и сродные съ ней музыкальные инструменты русскаго народа. Историческій очеркъ *Ал. С. Фаминцына*, съ рисунками и нотами. 1891.

Вотъ уже болѣе десяти лѣтъ, какъ почтенный авторъ изслѣдуетъ въ своихъ сочиненіяхъ малоизвѣстную область въ исторической жизни нашихъ предковъ. Начиная съ изученія склада народно-русской пѣсенной рѣчи, разсматриваемой въ связи съ напѣвами, онъ написалъ замѣчательное изслѣдованіе о божествахъ древнихъ славянъ, оставшееся, къ сожалѣнію, неоконченнымъ. Въ 1888 году онъ издалъ подробную и интересную монографію: «Скоморохи на Руси», затѣмъ составилъ музыкально-этнографическій этюдъ: «Древняя индо-китайская гамма, съ указаніемъ на ея проявленіе въ русскихъ народныхъ напѣвахъ». Въ прошломъ году представилъ историческій очеркъ о нашемъ народномъ инструментѣ—гусляхъ; наконецъ, теперь пополнилъ это изслѣдованіе исторіею домры и сродныхъ ей инструментовъ: балалайки, кобзы, бандуры, торбана и гитары. Такимъ образомъ, изъ нашихъ народныхъ музыкальныхъ инструментовъ остаются непзученными авторомъ только смычковые: гудокъ или скрипка, и лира (рыле), но они составятъ предметъ особой монографіи. Какъ въ этюдѣ о гусляхъ, г. Фаминцынъ собралъ и высказалъ о домрѣ все, что̀ дошло до насъ объ этомъ инструментѣ и его видоизмѣненіяхъ отъ балалайки до гитары. Не смотря на распространенность домры у нашихъ предковъ, они не оставили ни изображенія, ни

даже описанія его, такъ что многіе, и даже такой знатокъ, какъ Даль, считали домру инструментомъ духовымъ, производя названіе ея отъ санскритскаго и литовскаго корня, означающаго глаголъ: дуть. Костомаровъ причислялъ ее къ ударнымъ инструментамъ. Но въ старинныхъ дворцовыхъ записяхъ начала XVII вѣка сохранились свидѣтельства о деньгахъ, выдаваемыхъ домрачеямъ, т. е. игравшимъ на домрахъ, на покупку домерныхъ струнъ. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ, особенно въ палатахъ царицы, часто играли домрачеи, а между тѣмъ народу строго запрещалось приглашать ихъ въ домъ: гдѣ появятся домры, велѣно ихъ жечь и ломать. Домру предки наши заимствовали у калмыковъ и бурятъ; у нихъ, также у татаръ, остяковъ, монголовъ и киргизовъ, сохранилось ея изображеніе и описаніе. Родоначальникомъ восточной домры (дамбура) былъ арабско-персидскій танбуръ, какъ прототипомъ средневѣковой лютни—древне-египетскіе струнные инструменты. Фетисъ нашелъ изображеніе такого инструмента и на ассирійскихъ барельефахъ, но это сомнительно. Югозападные славяне заимствовали лютню у своихъ европейскихъ сосѣдей, но домра сѣверныхъ славянъ несомнѣнно восточнаго происхожденія и, въ свою очередь, была родоначальницей русской балалайки. Это названіе, въ его первоначальной формѣ: «балабайка», г. Фаминцынъ производитъ отъ глагола «балакать», пустозвонить, и разсказываетъ дальше всю исторію ея развитія и усовершенствованія, также какъ кобзы,—инструмента, бывшаго въ употребленіи у половцевъ, татаръ, турокъ, вентерцевъ, румынъ, южныхъ славянъ и литовцевъ, тогда такъ балалайка не пошла дальше Россіи. Малорусская и польская бандура является также у итальянцевъ, испанцевъ, французовъ, англичанъ и нѣмцевъ, а торбанъ (теорба) у поляковъ и въ западной Европѣ. Особенно любопытна разсказываемая г. Фаминцынымъ исторія развитія гитары, превратившейся у насъ изъ цыганскаго инструмента въ высоко-мелодическій. Жаль, что авторъ ничего не говоритъ о ея примѣненіи къ арфѣ подъ названіемъ «гитарфа». Вообще монографія г. Фаминцына, не смотря на ея спеціальность и техническія подробности, читается съ большимъ интересомъ; рисунки, помѣщенные въ текстѣ, очень хороши; между ними встрѣчаются и снимки съ фресокъ X вѣка, открытыхъ недавно въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, и гдѣ, между прочимъ, изображенъ и домрачей. Изданіе въ большую четверку со множествомъ рисунковъ и 146-ью страницами нотъ—очень изящно.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Свѣдѣнія о продовольственномъ, финансовомъ и экономическомъ положеніи Россіи.—Чего слѣдовало ожидать послѣ появленія этихъ свѣдѣній?—Неоправдавшіяся надежды.—Скачки курса.—Застой въ торговлѣ.—Ломаніе рубля нашими „купецкими“ людьми. — Status quo ante.—Чѣмъ объяснить это явленіе?—Злостная дѣятельность спекуляціи. — Какія обстоятельства благопріятствуютъ спекулятивной горячкѣ?—Свѣдѣнія о пожертвованіяхъ въ пользу голодающихъ.—Некультурность и инертность общества.—Необходимость учрежденія центральнаго органа для собиранія пожертвованій.—Доморощенная политика одной газеты.—Хлѣбныя залежи на желѣзныхъ дорогахъ.—Мѣры къ устраненію этихъ залежей.

На дняхъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» опубликованы были нѣкоторыя данныя относительно возможнаго продовольствія населенія до будущаго урожая и тѣхъ послѣдствій, которыми можетъ отразиться неурожай нынѣшняго года на финансовомъ и экономическомъ положеніи Россіи. Упомянутыя данныя,—говорится въ правительственномъ сообщеніи,—признано было полезнымъ передать во всеобщее свѣдѣніе, потому что они могутъ служить для правильной оцѣнки истиннаго положенія дѣлъ. Въ виду этого, и мы признаёмъ полезнымъ остановить на нихъ вниманіе нашихъ читателей. Какъ извѣстно, съ цѣлью удержать въ Россіи запасы хлѣба, необходимаго для обсѣмененія и продовольствія населенія до будущаго урожая, высочайшими указами 28 іюля, 16 октября и 3 ноября, воспрещенъ вывозъ изъ Россіи всѣхъ зерновыхъ хлѣбовъ и картофеля, а равно и пищевыхъ продуктовъ, изъ нихъ приготовляемыхъ. Судя по всѣмъ имѣющимся свѣдѣніямъ, запасы хлѣба, которые останутся въ Россіи въ силу упомянутаго воспрещенія, будутъ,—по словамъ правительственнаго органа, — достаточны для удовлетворенія нуждъ населенія *до урожая 1892 г.* Но такъ какъ населеніе земледѣльческихъ губерній извлекаетъ средства и для существованія, и для исполненія повинностей изъ продажи хлѣба, то для воспособленія этому населенію, поставленному въ нынѣшнемъ году въ особенно трудное положеніе, ассигновано до 60 милліоновъ рублей изъ имѣющейся свободной наличности государственнаго казначейства. «Наличность эта,—по заявленію правительственнаго органа,—вслѣдствіе благопріятнаго исполненія росписей по-

слѣднихъ трехъ лѣтъ, возрасла весьма значительно и по отчету государственнаго контроля за 1890 годъ составляетъ 220 милліоновъ рублей, а потому даетъ полную возможность для покрытія какъ вышеназваннаго экстраординарнаго ассигнованія, такъ и предвидѣвшихся въ росписи 1891 г. изъ сего источника чрезвычайныхъ расходовъ, и, наконецъ, также для покрытія исполненнаго въ 1891 году досрочнаго погашенія государственнаго долга». Мало того, за исполненіемъ всѣхъ этихъ расходовъ, изъ вышеназванной наличности государственнаго казначейства еще долженъ оказаться,—по словамъ правительственнаго органа,—немалозначительный остатокъ на потребности 1892 года, на удовлетвореніе которыхъ пойдетъ также выручка *реализуемаю* нынѣ трехпроцентнаго займа, согласно его назначенію.

Государственные доходы въ 1891 году поступаютъ менѣе удовлетворительно, нежели въ 1890 году; дѣйствительный размѣръ недопоступленія за 1891 годъ опредѣлится лишь въ началѣ будущаго года, но нынѣ уже можно видѣть, что, при осторожно составленныхъ предположеніяхъ о доходахъ на 1891 годъ, ожидаемый недоборъ не окажетъ существеннаго вліянія на равновѣсіе росписи 1891 года. Дѣйствительно, въ 1890 году поступило доходовъ обыкновенныхъ, вмѣстѣ съ оборотными, 943.685,770 р.; поступленіе же по росписи 1891 г. предположено всего въ суммѣ 900.757,570 руб., т. е. на 43 мил. рублей менѣе. Въ дѣйствительности же, поступленіе за девять первыхъ мѣсяцевъ 1891 года отстало отъ 1890 года всего только на $10^1/_2$ мил. рублей, а посему есть основаніе полагать, что доходы, въ общемъ, за 1891 годъ, вѣроятно, не останутся позади росписи.

Наконецъ, относительно вліянія неурожая нынѣшняго года на нашъ международный торговый балансъ, въ правительственномъ сообщеніи указывается на то, что результаты торговаго обмѣна за послѣдніе годы были особенно благопріятны для Россіи, а потому предстоящее уменьшеніе нашего вывоза въ нынѣшнемъ году намъ также не страшно. Такъ, «если взять послѣдовательные годовые періоды, отъ 1-го сентября каждаго года по 31-е августа слѣдующаго года, то окажется, что, въ общемъ, Россія получала въ годъ иностранныхъ товаровъ по европейской границѣ на 372 мил. и отпускала своихъ произведеній на 700 мил., въ томъ числѣ хлѣбовъ, запрещенныхъ теперь къ вывозу, на 368 мил.; такихъ хлѣбовъ вывезено, съ 1-го сентября сего года по настоящее время, на сумму около 80 мил.; если положить, что въ 1891—1892 году нашъ отпускъ уменьшится на все недовывезенное въ нынѣшнемъ году до средняго размѣра количество хлѣбовъ (288 милліоновъ), то международный торговый балансъ въ нашу пользу, вмѣсто прежней средней величины въ 328 милліоновъ руб. (700 — 372), сведется лишь къ 40 милліонамъ (700—368+80—372), т. е. потерпитъ очень сильное уменьшеніе, хотя и не представитъ собою избытка ввоза надъ вывозомъ. Изъ этого видно, что, даже въ нынѣшнемъ году, собственно торговыя международныя отношенія не потребуютъ пріобрѣтенія Россіею золота на заграничныхъ рынкахъ; необходимость такого

пріобрѣтенія можетъ быть вызвана, однако, приливомъ въ Россію нашихъ фондовъ, а также платежами за границей по нашимъ долговымъ обязательствамъ. Послѣдняя причина, однако, едва ли окажетъ замѣтное дѣйствіе. Россія имѣетъ прямые источники доходовъ въ золотѣ, сполна покрывающіе платежи по государственному долгу, — и, сверхъ того, въ послѣдніе благопріятные годы было обращено особое вниманіе на усиленіе у насъ золотого резерва. Резервъ этотъ доведенъ теперь въ государственномъ казначействѣ до 86½ милліоновъ и въ государственномъ банкѣ до 120 милліоновъ золотыхъ руб., и это независимо отъ 75 милліоновъ руб. золотомъ, составляющихъ обезпеченіе временнаго выпуска 75-ти милліоновъ кредитныхъ рублей; въ эти итоги не включена вовсе выручка новаго трехпроцентнаго золотаго займа и не включенъ также размѣнный фондъ, составляющій 210 милліоновъ рублей золотомъ.

Итакъ, если судить по этимъ даннымъ, то намъ, строго говоря, отчаиваться незачѣмъ. Правда, вышеприведенное правительственное сообщеніе также констатируетъ, что мы теперь переживаемъ тяжелое время, но все же удостовѣряетъ, что остающіеся у насъ запасы хлѣба будутъ достаточны для удовлетворенія продовольствія населенія до урожая будущаго 1892 г., что хотя поступленія нынѣшняго года значительно сократятся, тѣмъ не менѣе дефицита въ государственномъ бюджетѣ не предвидится, въ виду крайне осторожно составленной росписи на нынѣшній годъ, и что наконецъ, хотя, вслѣдствіе запрещенія вывоза зерновыхъ хлѣбовъ и изготовленныхъ изъ нихъ пищевыхъ продуктовъ, нашъ вывозъ долженъ значительно уменьшиться, тѣмъ не менѣе торговый балансъ все таки окажется въ нашу пользу, и — что́ важнѣе всего — мы вполнѣ обезпечены запасомъ золота для нашихъ разсчетовъ по международнымъ долговымъ и торговымъ обязательствамъ. Все это безспорно весьма утѣшительно. Но вотъ что странно. Вышеприведенное правительственное сообщеніе было опубликовано 9 ноября. Казалось бы, что послѣ этого наша дѣловая жизнь должна бы войти, — какъ это предсказывала одна петербургская газета, — въ болѣе опредѣленное, хотя и не широкое, русло, курсъ нашъ долженъ бы сразу поправиться, и вообще наше финансовое и экономическое положеніе должно бы улучшиться, или по меньшей мѣрѣ сдѣлаться болѣе устойчивымъ. А, между тѣмъ, въ торговомъ мірѣ все еще царитъ какой-то столбнякъ, и финансовые «крахи» разростаются не по днямъ, а по часамъ; курсъ нашъ въ одинъ и тотъ же день дѣлаетъ скачки вверхъ и внизъ на нѣсколько марокъ, — словомъ все остается in statu quo ante, какъ было до опубликованія вышеприведеннаго правительственнаго communiqué. Чѣмъ объяснить это странное явленіе? Скажутъ, пожалуй, что вина здѣсь падаетъ на спекуляцію, которая пользуется удобнымъ случаемъ наживы. Конечно, въ подобномъ объясненіи есть и доля правды, но только *доля* правды, а *не вся* правда. Для того чтобы читатели не могли упрекнуть насъ въ голословности или поверхностности сужденія, мы позволимъ себѣ пояснить нашу мысль нѣ-

которыми абстрактными соображеніями, а затѣмъ постараемся подтвердить ихъ примѣрами и фактами изъ нашей обыденной жизни. Надобно замѣтить, что съ абстрактной точки зрѣнія спекуляція считается «душою торговли». Вознагражденіе, получаемое торговцемъ, зависитъ главнымъ образомъ отъ его умѣнья пользоваться «конъюнктурою»: онъ долженъ покупать товаръ *тамъ* и *тогда*, гдѣ и когда онъ дешевъ, и продавать тамъ, гдѣ онъ дорогъ. Отъ подобнаго умѣнья торговца пользоваться обстоятельствами обыкновенно имѣютъ немаловажную пользу какъ производители, такъ и потребители. Первые получаютъ большіе барыши на свои произведенія; вторые — болѣе дешевые предметы потребленія. Такимъ образомъ, спекуляція, какъ явленіе вполнѣ нормальное въ торговой дѣятельности, безспорно приноситъ большую пользу народному хозяйству, потому что, благодаря *нормальной* спекуляціи, устанавливающей равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ въ разныхъ мѣстахъ и въ различныя времена года, сглаживаются всѣ вредныя послѣдствія, создаваемыя конъюнктурой: цѣны на предметы потребленія становятся болѣе или менѣе равномѣрными всегда и вездѣ. Но все сказанное относится исключительно къ спекуляціи *нормальной*, имѣющей цѣлью нивеллировку цѣнъ на предметы потребленія въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена года. Напротивъ того, какъ только спекуляція переступаетъ эту *нормальную* грань, она становится простой *игрою* — крайне вредной для общественной жизни. Самый вопросъ о томъ: вредна ли спекуляція въ данномъ конкретномъ случаѣ, сводится къ тому, въ какой степени спекуляція переступила *нормальную* границу. Распознать это, однако, нетрудно. Съ экономической точки зрѣнія, спекуляція обозначаетъ всякій разсчетъ, всякое предугадываніе или предусмотрѣніе будущихъ явленій и обстоятельствъ, которыя пока (т. е. въ моментъ составленія разсчета) еще покрыты мракомъ неизвѣстности, иначе говоря, осуществленіе или наступленіе которыхъ еще сомнительно. Такъ, напримѣръ, нерѣдко теплая зима предвѣщаетъ хорошій исходъ будущему урожаю. Въ виду этого, спекуляція, разсчитывая на изобиліе хлѣба, — слѣдовательно, на низкія цѣны, — старается содѣйствовать скорѣйшему потребленію существующаго запаса хлѣба, т. е. болѣе ускоренному пониженію цѣнъ на хлѣбъ посредствомъ распродажи сбереженныхъ отъ потребленія запасовъ по болѣе дешевымъ цѣнамъ. Обратное дѣйствіе, напротивъ того, можетъ имѣть случившійся впослѣдствіи, въ маѣ мѣсяцѣ, ночной морозъ: спекуляція начинаетъ серьезно опасаться могущаго быть неурожая, воздерживается отъ ускоренной распродажи сбереженныхъ запасовъ, чтобы имѣть потребный запасъ въ будущемъ, и тѣмъ самымъ, хотя она временно вызываетъ вздорожаніе хлѣба, способствуетъ установленію болѣе низкихъ цѣнъ на хлѣбъ въ будущемъ. Конечно, спекуляція можетъ въ томъ или другомъ случаѣ ошибаться въ своихъ разсчетахъ и соображеніяхъ. Но это обстоятельство тѣмъ не менѣе не умаляетъ значенія спекуляціи для нивеллировки цѣнъ и, слѣдовательно, не разрушаетъ ея полезной роли въ народномъ хо-

зяйствѣ. Такимъ образомъ, спекуляція можетъ считаться *нормальной* лишь до тѣхъ поръ, пока она держится въ предѣлахъ *равномѣрнаго распредѣленія предметовъ потребленія* въ извѣстномъ районѣ въ разныя времена года. Коль скоро же она переступаетъ названную границу, она становится вредной для хозяйственной дѣятельности страны. Рѣшить же вопросъ, переступила ли спекуляція въ томъ и другомъ случаѣ вышеуказанную границу, также нетрудно. Для этого стоитъ только обратить вниманіе на тенденцію къ систематическому повышенію цѣнъ, которою она задается въ извѣстный моментъ. Такъ напримѣръ, въ настоящее время можно прямо сказать, что спекулятивная дѣятельность нашихъ хлѣбныхъ торговцевъ, направленная съ опредѣленной тенденціей къ систематическому повышенію цѣнъ на хлѣбъ, ничего общаго съ *нормальной*, такъ сказать, здоровой спекуляціей не имѣетъ. А если это такъ, то, разумѣется, ей нужно противодѣйствовать и, по возможности, уничтожать ее въ корнѣ. Какія же однако мѣры принять противъ подобной *вредной* спекуляціи? По общему правилу, подобнаго рода спекуляція возможна лишь тогда, когда вся окружающая обстановка ей благопріятствуетъ. Дѣло въ томъ, что предметъ ненормальной спекуляціи, или—что то же самое—спекулятивной игры, всегда и вездѣ составляютъ исключительно «гнилыя» цѣнности. Поэтому, гдѣ и когда обнаруживается спекулятивная игра, тамъ и тогда безспорно имѣются на лицо такія сомнительныя данныя, которыя даютъ ей возможность ловить рыбу въ мутной водѣ. И вотъ намъ думается, что если въ настоящее время всѣхъ нашихъ хлѣбныхъ торговцевъ обуяла вредная для народнаго хозяйства спекулятивная горячка, то это происходитъ оттого, что во всемъ, что̀ касается нашей теперешней «злобы дня»,—т. е. вопроса: какъ прокормить милліонное голодающее крестьянское населеніе,—царитъ полная неурядица. Въ самомъ дѣлѣ, давно ли то время, когда мы всѣ восторгались чуткостью и отзывчивостью нашего общества къ бѣдѣ, постигшей Россію въ нынѣшнемъ году. Да и какъ было не восторгаться, когда мы чуть ли не каждый день читали въ газетахъ о пожертвованіяхъ въ пользу голодающаго населенія, поступающихъ со всѣхъ концовъ Россіи? По этому поводу одна петербургская газета даже выдала нашему обществу открытый похвальный листъ. «Если мы обратимся къ нашему обществу—писала названная газета—то должны признать наличность такихъ проявленій общественнаго участія къ бѣдствію, постигшему наше отечество, что приходится не упрекать въ чемъ нибудь наше общество, а лишь свидѣтельствовать о его истинно-великодушномъ порывѣ на помощь пострадавшимъ. Общество не заставило себя разжалобливать. Оно встрепенулось при первыхъ же, еще недостаточно опредѣленныхъ, свѣдѣніяхъ о размѣрѣ бѣдствія. Общественныя пожертвованія полились щедро и изобильно. Кромѣ того, общественное участіе къ нуждающимся выражается и прямою благотворительною дѣятельностью среди нуждающихся—распредѣленіемъ собранныхъ пособій, снабженіемъ пищею, одеждою, а частью и топливомъ».

Соображая приведенный фактъ въ связи съ тѣмъ, что и пра-

вительство, и земство,—почти съ самаго появленія слуховъ о предстоящемъ неурожаѣ во многихъ плодороднѣйшихъ губерніяхъ Россіи,—стали оказывать посильную помощь нуждающимся, вышеназванная газета вполнѣ основательно задалась вопросомъ: «что же, однако, значатъ появившіяся въ газетахъ извѣстія и разсказы о повальномъ тифѣ въ пострадавшихъ мѣстностяхъ, о пухнущихъ съ голода людяхъ, о цѣлыхъ деревняхъ, безусловно голодающихъ, объ избіеніи массами рабочаго скота для полученія шкуръ, за невозможностью кормить его, и проч. и проч.? Какимъ образомъ могло случиться, что цѣлые уѣзды, какъ напр., шадринскій, пермской губерніи, изъ котораго присланъ печатный протоколъ уѣзднаго благотворительнаго комитета съ вопіющими цифрами и фактами о мѣстной нуждѣ, остаются совсѣмъ безъ хлѣба? Что же всѣ подобныя сообщенія значатъ? Нѣтъ ли тутъ—не говоримъ: чьей либо вины—а нѣтъ ли тутъ какого недоразумѣнія? Короче сказать: есть ли въ Россіи голодъ, или нѣтъ? И если нѣтъ голода, котораго—повторяемъ это—не должно и не можетъ быть въ цивилизованной странѣ, то чѣмъ объяснить даже отдѣльные случаи столь отчаянной голодовки?»

Но—увы!—недоумѣнія газеты скоро объяснились. Оказалось, что мы только потому такъ восторгались сочувствіемъ нашего общества къ бѣдѣ, постигшей наше отечество, что не знали настоящихъ размѣровъ поступившихъ пожертвованій, которыя, строго говоря, крайне мизерны. На дняхъ «Правительственный Вѣстникъ» опубликовалъ свѣдѣнія объ этихъ пожертвованіяхъ, поступившихъ черезъ посредство учрежденій министерства внутреннихъ дѣлъ, а также мѣстныхъ благотворительныхъ комитетовъ и попечительствъ, образованныхъ со спеціальною цѣлью помощи голодающимъ. Такія же свѣдѣнія обнародованы главнымъ управленіемъ общества «Краснаго Креста» и с.-петербургскимъ епархіальнымъ комитетомъ.

Вотъ эти свѣдѣнія:

Самыя крупныя средства доставили учрежденія «Краснаго Креста»—945,594 руб. 16 коп.; но изъ этой суммы 44 ,501 р. 46 коп. были прямо отчислены изъ запасныхъ суммъ этого благотворительнаго общества. Число пожертвованій, поступившихъ собственно по поводу голода, простирается только до 500,092 руб. 70 коп. Кромѣ того, пожертвованія пищевыми продуктами общество «Краснаго Креста» исчисляетъ въ 53 вагона. Оцѣнивая эти продукты, приблизительно, въ 50,000 руб. (считая по 600 пудовъ хлѣба на вагонъ), мы получимъ, что въ учрежденія «Краснаго Креста» поступило всего пожертвованій на сумму около 550,000 рублей. Въ министерство внутреннихъ дѣлъ и въ образованные имъ комитеты и попечительства поступило пожертвованій на сумму 268,425 руб. 98 коп., да черезъ петербургскій епархіальный комитетъ набралось нашей «лепты» въ пользу голодающихъ—161,954 р. 55½ коп. Всего на всего это составитъ *980,380 руб. 53½* коп.!

Итакъ, вотъ сколько собрано пожертвованій въ пользу голодающаго населенія, которое можно опредѣлить въ двадцать мил-

ліоновъ людей! Допустимъ однако, что еще не всѣ свѣдѣнія о пожертвованіяхъ собраны; что, кромѣ уже поступившихъ пожертвованій, еще предстоятъ постоянные взносы въ пользу голодающихъ, которые жертвуются чиновниками и служащими въ частныхъ учрежденіяхъ, въ видѣ ежемѣсячныхъ вычетовъ изъ получаемаго ими содержанія, и что, наконецъ, многія пожертвованія дѣлаются частными лицами непосредственно голодающимъ, въ видѣ отпуска имъ даровыхъ обѣдовъ, одежды, обуви и проч. Но все же нельзя не признать, что всѣ подобныя пожертвованія, въ сравненіи съ громадной массой голодающаго населенія, просто ничтожны. Что же послѣ этого удивительнаго, если при такомъ равнодушіи *всего* общества къ бѣдѣ, постигшей многомилліонное крестьянское населеніе, находятся *отдѣльные* кулаки, пользующіеся удобнымъ моментомъ и для наживы? Отъ равнодушія до жестокосердія одинъ только шагъ. Если поэтому *общество* наше, въ цѣломъ *его составѣ*, оказывается почти равнодушнымъ къ нуждѣ въ насущномъ хлѣбѣ пострадавшаго отъ неурожая населенія, то *жестокосердіе* отдѣльныхъ кулаковъ въ этомъ дѣлѣ менѣе всего удивительно. Злые люди и негодяи существуютъ во всякомъ обществѣ, даже самомъ культурномъ и высоконравственномъ. Противъ подобныхъ подонковъ общества — послѣднее въ *своей совокупности* возстаетъ и старается выбросить ихъ изъ своей среды. Но *какъ* и *кому* бороться противъ некультурности, граничащей съ жестокосердіемъ, *всего* общества?! Тутъ одними репрессивными мѣрами ничего не подѣлаешь, а нужна цѣлая *система* перевоспитанія. Но какъ только заходитъ рѣчь о «системѣ», мы дальше словъ и благопожеланій не пойдемъ. Взять хоть бы вопросъ, стоящій теперь на очереди, — объ организаціи системы общественной помощи. Вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ всѣ толкуютъ о необходимости учрежденія центральнаго органа для объединенія всѣхъ мѣропріятій борьбы съ постигшимъ насъ бѣдствіемъ. Казалось бы, что тутъ мудренаго въ этомъ вопросѣ? А между тѣмъ онъ все еще остается открытымъ и дѣло помощи народной нуждѣ все еще пребываетъ въ прежнемъ хаотическомъ состояніи. Вѣдь всякій понимаетъ, что одной правительственной помощью нельзя обойтись въ такомъ дѣлѣ, гдѣ нужда такъ разнообразна и индивидуальна, что для борьбы съ нею требуется дружное дѣйствіе всѣхъ и каждаго изъ насъ. Вѣдь мало прокормить населеніе, — надо еще поставить его на ноги, поддержать нравственно, предохранить отъ болѣзней, ухаживать за тѣми, которые уже сдѣлались жертвами истощенія, и т. д., и т. д. Впрочемъ, и то сказать, что далеко не всѣ у насъ проникнуты сознаніемъ надлежащихъ размѣровъ нынѣшней народной бѣды. А происходитъ это отъ того, что у насъ нашлись оптимисты, которые стали распространять мнѣніе, что вовсе нѣтъ голода, что толки о немъ крайне преувеличены, а если въ нѣкоторыхъ губерніяхъ дѣйствительно хлѣбъ не уродился, то во многихъ другихъ губерніяхъ есть достаточный его запасъ, которымъ можно продовольствовать и пострадавшія губерніи. Но

бѣда, молъ, въ томъ, что народъ, получая пожертвованія, не то пропиваетъ ихъ, не то желаетъ продовольствоваться на даровой паекъ, уклоняясь отъ работы, которую ему предлагаютъ. Во всѣхъ этихъ толкахъ, быть можетъ, и есть доля правды. Но, во всякомъ случаѣ, для того чтобы пожертвованія поступали и не прекращались, необходимо,—какъ справедливо замѣчаетъ одна петербургская газета,—чтобы всѣ знали, что дѣлается въ деревнѣ, чтобы истинная картина бѣдствія не изображалась общими стереотипными фразами, а предстала воочію передъ глазами публики, затрогивая сердце каждаго и возбуждая добрыя чувства и состраданіе къ ближнему. Между тѣмъ, такихъ описаній, такихъ правдивыхъ картинъ народной нужды появляется мало; мы точно боимся обезпокоить свои нервы. Если печальное изображеніе дѣйствительности и всплываетъ изъ какого нибудь уголка, то всѣ мы стараемся, прежде всего, о томъ, чтобы ослабить впечатлѣніе, чтобы разными оговорками предупредить «обобщенія» и убѣдить добрыхъ людей, что имъ нечего безпокоиться, что это единичный случай, а въ общемъ все обстоитъ благополучно. При такомъ отношеніи къ народному бѣдствію, само собою разумѣется, можно разсчитывать не на ростъ пожертвованій, а скорѣе—на притупленіе общаго къ нимъ вниманія. Кстати, нельзя не упомянуть здѣсь о весьма характерной «политикѣ» въ разсматриваемомъ вопросѣ, которую обнаружилъ редакторъ-издатель «Гражданина», кн. Мещерскій. Послѣдній, какъ извѣстно, первый забилъ въ набатъ и поднялъ въ своей газетѣ тревогу на всю Россію по поводу голода. Въ «Гражданинѣ» была заведена особая рубрика (съ 12-го сентября) подъ рекламистымъ заглавіемъ: «Отдѣлъ хлѣбныхъ нуждъ и помощи»; издатель газеты испросилъ себѣ даже спеціальное разрѣшеніе на сборъ пожертвованій и сталъ печатать всевозможные «проэкты» и воззванія, исходящіе, будто бы, отъ читателей «Гражданина».

Этими путями князю Мещерскому удалось собрать болѣе 3,000 р. Но, по невѣдомой причинѣ, тому же «Гражданину» вздумалось теперь объявить своего рода походъ противъ общественной помощи. Въ этой газетѣ стали появляться обычныя инсинуаціи и обвиненія противъ другихъ газетъ, обсуждающихъ вопросъ о голодѣ. Насколько прежде кн. Мещерскій трезвонилъ и преувеличивалъ бѣдствіе, настолько онъ теперь умаляетъ его... И вотъ, въ послѣднее время, пожертвованія стали поступать слабѣе... За цѣлую недѣлю въ «Гражданинѣ» получено не болѣе 45 рублей... Да и изъ прежде собранныхъ 3,167 руб. 92 коп. кн. Мещерскій отправилъ по принадлежности только 1,050 руб.; остальные же 2,117 руб. 92 к. *остаются* до сихъ поръ въ кассѣ «Гражданина».

«Не знаемъ,—говоритъ по этому поводу одна петербургская газета, — въ какой мѣрѣ кн. Мещерскій имѣетъ право *задерживать* довѣренныя ему деньги; но нѣтъ сомнѣнія, что подобныя отношенія къ дѣлу «хлѣбныхъ нуждъ и помощи» способны только ослабить дальнѣйшій притокъ пожертвованій и самое представленіе о народной нуждѣ».

Къ счастью однако, среди публицистовъ, кн. Мещерскій оказался *единымъ* представителемъ, охлаждающимъ интересъ общества къ народной нуждѣ. Недаромъ во всѣхъ нашихъ періодическихъ изданіяхъ «политика» князя Мещерскаго встрѣтила единогласный, дружный отпоръ. Наилучшимъ доказательствомъ той энергіи, съ которой наша печать хлопочетъ въ пользу нуждающихся, можетъ служить возбужденный ею вопросъ о хлѣбныхъ залежахъ на нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогахъ. Оказывается, что въ то время какъ цѣлыя губерніи нуждаются въ хлѣбѣ, а земства, городскія управы и правительственныя учрежденія озабочены изысканіемъ средствъ къ пропитанію населенія, на станціяхъ многихъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ чуть не по мѣсяцамъ лежатъ милліоны пудовъ хлѣба! Фактъ задержанія грузовъ на станціяхъ—далеко не новый въ лѣтописяхъ нашего желѣзнодорожнаго дѣла. Помнится, что когда, года три тому назадъ, у насъ на югѣ объявился каменноугольный кризисъ, виноватою въ этомъ оказалась владикавказская и еще какая-то желѣзная дорога, у которыхъ,—какъ сначала утверждали,—нѣтъ ни достаточнаго количества паровозовъ, ни необходимаго запаса вагоновъ, ни, наконецъ, потребнаго числа машинистовъ, кочегаровъ и проч. Но это утвержденіе впослѣдствіи оказалось совершенно неосновательнымъ. Стоило только появиться властному приказу свыше,—объ устраненіи всякой медленности въ отправкѣ грузовъ, залежавшихся на упомянутыхъ дорогахъ, — приказу, который былъ осуществленъ посредствомъ командировки на мѣсто чрезвычайнаго распорядителя, — и дѣло приняло тогда совершенно другой оборотъ. Спрашивается, объясняются ли теперешнія хлѣбныя залежи на желѣзныхъ дорогахъ все тою же малою «провозной» способностью, или же незначительной «грузопропускной» (т. е., что на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ мало станцій, гдѣ могли бы расходиться встрѣчные поѣзда, мало стрѣлокъ, запасныхъ путей и т. д.), или же причина этихъ фатальныхъ залежей на упомянутыхъ дорогахъ кроется въ чемъ-то другомъ? Вполнѣ основательный отвѣтъ на этотъ вопросъ дала, по нашему мнѣнію, одна петербургская газета, выразивъ этотъ отвѣтъ въ весьма опредѣленномъ предложеніи установить въ дѣлѣ хлѣбоснабженія «единоначаліе». Дѣло въ томъ, что, по справедливому замѣчанію названной газеты, въ отношеніи желѣзныхъ дорогъ, у насъ существуетъ чрезвычайно странный предразсудокъ. Всѣ думаютъ, что желѣзная дорога можетъ возить до безконечности. Милліонъ пудовъ, такъ милліонъ, десять милліоновъ, такъ и десять милліоновъ и даже болѣе, и какъ то, такъ и другое въ одно и то же время. Между тѣмъ желѣзныя дороги, какъ и все на свѣтѣ, существуютъ во времени и въ пространствѣ, и сила ихъ также имѣетъ свои непереходимые предѣлы. Конечно, желѣзныя дороги, при обыкновенныхъ условіяхъ работающія неполными графиками, въ трудную минуту способны значительно усиливать свою дѣятельность путемъ займа чужихъ вагоновъ, путемъ уменьшенія обычной безопасности движенія, пуская по-

ѣзды на болѣе близкомъ другъ отъ друга разстояніи и т. п. Но и это все обязательно имѣетъ предѣлъ, далѣе котораго никакое прибавленіе энергіи людей не заставитъ мертвыя массы передвигаться во времени, котораго на самомъ дѣлѣ уже нѣтъ, такъ какъ все имѣющееся въ распоряженіи оказывается израсходованнымъ. Этотъ-то послѣдній предѣлъ наивысшей дѣятельности желѣзныхъ дорогъ и можетъ быть достигнутъ только при общей комбинаціи движенія по всей сѣти, всегда болѣе или менѣе принимающей участіе въ усиленной дѣятельности какой либо одной дороги или нѣсколькихъ группъ.

Въ виду этого, наиболѣе странными должны быть признаны тѣ предложенія, которыя, нисколько не сообразуясь съ тѣмъ, что теперь зима,—а въ зимнее время дѣятельность желѣзныхъ дорогъ можетъ затормозиться совершенно независимо отъ административной распорядительности, напримѣръ, снѣжными заносами и т. п.,—сводятся къ тому, чтобы увеличить провозоспособность нашихъ дорогъ немедленной укладкой новыхъ путей, расширеніемъ станцій и постройкой громаднаго новаго подвижнаго состава. Подобныя предложенія въ высшей степени наивны, потому что для осуществленія ихъ потребуется немало времени, а между тѣмъ дѣло снабженія хлѣбомъ не терпитъ ни малѣйшаго отлагательства. Не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что въ обширной Россіи много хлѣба, но хлѣбъ этотъ, по общему мнѣнію, лежитъ на окраинахъ, далекихъ отъ голодающаго центра и сѣверо-востока государства. Обильный урожай на сѣверномъ Кавказѣ оцѣнивается запасами въ размѣрѣ около сорока милліоновъ пудовъ. Югъ самой Россіи обладаетъ также еще многими милліонами пудовъ хлѣба. Въ Одессѣ, въ Николаевѣ и въ Ростовѣ-на-Дону имѣющіеся запасы нельзя цѣнить менѣе двадцати милліоновъ пудовъ, готовыхъ быть выброшенными на хлѣбный рынокъ. На сѣверѣ запасы менѣе и общій итогъ хлѣбныхъ грузовъ, находящихся въ Ревелѣ, Ригѣ и Перновѣ, опредѣляютъ, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ количествѣ 15 тысячъ вагоновъ, или всего около 9 милліоновъ пудовъ. Но этотъ хлѣбный грузъ, остановленный въ портахъ Балтійскаго моря, главнымъ образомъ состоитъ изъ овса. Въ общемъ, можно сказать, что хлѣба пока довольно. Вопросъ, слѣдовательно, лежитъ *въ средствахъ и способахъ скорѣйшаго и дешевѣйшаго передвиженія этихъ грузовъ* туда, гдѣ въ нихъ чувствуется наибольшая необходимость.

А, между тѣмъ, въ этомъ передвиженіи хлѣбныхъ грузовъ нѣтъ до сихъ поръ ни плана, ни системы. Некому даже указать желѣзнымъ дорогамъ: какъ велика будетъ общая масса грузовъ, которые надо передвинуть; гдѣ пункты наибольшаго ихъ скопленія, и въ какой промежутокъ времени такая операція должна быть совершена. До чего, въ этомъ отношеніи, все неисправно, показываетъ приводимый газетами невѣроятный фактъ, что покуда министерство путей сообщенія хлопочетъ о перевозкѣ хлѣбныхъ грузовъ за самую минимальную ставку, по которой еще возить воз-

можно, и направляетъ грузы зерна въ сторону заволжскихъ губерній, оттуда же вывезено по казенной сызрано-вяземской дорогѣ, за послѣдній мѣсяцъ, около 3½ милліоновъ пудовъ хлѣба! Какой же, спрашивается, толкъ возить даромъ хлѣбъ въ эту сторону, если его сейчасъ же вывезутъ оттуда, и притомъ куда? Никто не знаетъ. Всѣ бросились закупать хлѣбъ на Кавказъ, гдѣ онъ будто бы дешевъ. Однако, появленіе тамъ неимовѣрно большаго спроса послужитъ только къ поднятію мѣстныхъ цѣнъ; между тѣмъ, для доставки всѣхъ 40 милл. пудовъ имѣющагося тамъ хлѣба,—принимая во вниманіе, что владикавказская дорога съ трудомъ можетъ отправлять въ день двѣсти вагоновъ зерна, даже если не будетъ снѣжныхъ заносовъ,—потребуется не менѣе десяти мѣсяцевъ. Правда, что часть хлѣба могла бы быть, въ размѣрѣ полутора милліона пудовъ, вывезена и моремъ. Но такъ какъ «русское общество пароходства и торговли» объявило наименьшій фрахтъ по семи копѣекъ съ пуда, считая мѣшки, выгрузку и нагрузку, то для дальнѣйшаго передвиженія грузовъ отъ Одессы на тысячу верстъ, при ставкѣ въ $^1/_{100}$, придется желѣзнымъ дорогамъ брать всего три копѣйки за все разстояніе, на что эти дороги уже, конечно, безъ собственнаго разоренія не могутъ согласиться. Вотъ, слѣдовательно, какъ стоитъ дѣло, не потому, что желѣзныя дороги отказываются возить, но потому, что онѣ не знаютъ и не могутъ знать, куда возить и сколько возить.

«Очевидное дѣло,—говоритъ одна газета,—что здѣсь передъ нами—вопросъ организаціи, и притомъ не частной организаціи движенія грузовъ по главнымъ артеріямъ, но и *по всей сѣти желѣзныхъ дорогъ*, и по всѣмъ инымъ путямъ сообщенія. Вотъ почему полезно и необходимо немедленно же, покуда время еще терпитъ, *соединить все дѣло перевозки хлѣба въ однихъ властныхъ рукахъ*, которыя могли бы съ полною свободою управлять движеніемъ этихъ грузовъ по всѣмъ дорогамъ, съ единственною и твердо опредѣленною цѣлью: перевезти съ юга и съ запада государства какъ можно болѣе хлѣбныхъ грузовъ въ мѣста неурожайныя, и притомъ въ кратчайшій срокъ. Понятно, что когда будетъ выработана программа и организована подходящая власть для управленія этимъ грузовымъ движеніемъ, задача сдѣлается сама по себѣ уже гораздо менѣе трудной. Нельзя будетъ ждать ни какихъ либо исключительныхъ заваловъ станцій хлѣбными грузами, ни перерывовъ, сколько нибудь продолжительныхъ въ этомъ движеніи, которое во всю предстоящую намъ зиму должно быть непрерывнымъ. Агенты по перевозкѣ хлѣба, повинуясь одной общей волѣ, будутъ направлять грузы во всѣ стороны, занимая перевозкой всѣ дороги, не пугаясь и кружныхъ путей, лишь бы въ данный моментъ всегда двигалось наибольшее количество груженыхъ вагоновъ къ намѣченному складу. Имъ же придется и наблюдать, чтобы какъ отправители, такъ и получатели этихъ грузовъ не задерживали вагоновъ долѣе необходимаго, убирали хлѣбъ со станцій, по возможности, сейчасъ же по его прибытіи и не возили бы его назадъ. Само собой понятно, что всѣ тѣ, кто будетъ

завѣдывать этимъ важнѣйшимъ въ настоящую минуту дѣломъ, должны быть облечены достаточною властью и правами, чтобы не отдавать приказаній, которыя можно бы съ удобствомъ обходить. Только въ этихъ условіяхъ все дѣло можетъ быть сдѣлано быстро, скоро и дешево».

Со всѣми этими разсужденіями мы вполнѣ соглашаемся, добавляя отъ себя, что, при надлежащей организаціи передвиженія хлѣбныхъ грузовъ, и «злостная спекуляція» нашихъ хлѣбныхъ кулаковъ прекратится сама собою.

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

И СМѢХЪ, И ГОРЕ.

(Литературныя и общественныя замѣтки).

Парижъ, какъ настоящая „всемірная столица". — Обиліе иностранцевъ и удобства жизни, имъ предлагаемыя.—Различные маштабы парижскаго комфорта.—Парижъ при Наполеонѣ III-емъ и теперь.—«Каскадная имперія» и ея фривольныя созданія. —Степенность и добропорядочность республиканской буржуазіи. — Интенсивность труда во Франціи.—Прирожденное изящество вкуса.—Попытки «четвертаго класса» забрать господство.—Люди умѣренные и интрансигенты.— Идея русско-романскаго союза въ противоположность англо-нѣмецкому.

I.

... И вотъ я опять въ Парижѣ, — въ этой вѣчно-завлекательной, вѣчно-оживленной, вѣчно суетящейся и веселящейся „столицѣ мірѣ," у которой Берлинъ такъ тщетно старался и еще старается отнять пальму первенства, во славу нѣмецкихъ штыковъ и прусской... глупости. Уже въ пятый разъ на своемъ вѣку посѣщаю я берега Сены и каждый разъ молодѣю духомъ, бодрюсь физически и запасаюсь цѣлою массою впечатлѣній на всю длинную петербургскую осень, съ ея противною слякотью, съ оглушительно-гремящими мо-

стовыми, съ унылыми, зелеными лицами влачащагося люда, со всѣмъ дѣловымъ бездѣльемъ канцелярскаго гнѣзда и комерческой обители...

Когда-то незабвенный Василій Кирилловичъ Тредьяковскій, поучившись „элоквенціи“ у парижскихъ гризетокъ, восклицалъ въ неудержимомъ паѳосѣ:

Красное мѣсто! Драгой берегъ сенскій!
Кто тя не любитъ, развѣ бѣ духъ звѣрскій!

Этимъ самымъ „звѣрскимъ духомъ“ заразились нынѣ сыны нѣмецкаго фатерланда, и спятъ и видятъ, какъ бы имъ—если ужь не снести съ лица земли, то, по крайней мѣрѣ, обезличить, принизить, парализовать шумный центръ европейской жизни, донынѣ приковывающій къ себѣ и взоры, и симпатіи всего образованнаго міра. Впрочемъ, „страшенъ сонъ да милостивъ Богъ“, гласитъ одна благочестивая русская пословица, а другая, столь же благочестивая, присовокупляетъ: „Богъ дастъ, свинья не съѣстъ“. Подъ прикрытіемъ этихъ двухъ щитовъ народной мудрости, да почіетъ спокойно новѣйшій Вавилонъ!

Въ двѣ первыя поѣздки (1863 и 1869 гг.) я видѣлъ Парижъ еще подъ господствомъ „второй имперіи“ и, вмѣстѣ со всѣми благонамѣренными „подданными“ Наполеона III-ьяго, праздновалъ jour Napoléon (15-ое августа), когда изящные огни великолѣпной иллюминаціи заливали все огромное пространство отъ Arc d'Etoile вплоть до Тюльери, а движеніе экипажей прекращалось само собой, по физической невозможности прорѣзать сплошную массу гуляющихъ. Затѣмъ, въ послѣдніе разы (начиная со всемірной выставки 1889 года) я наслаждался парижской жизнью уже подъ этикеткой „третьей республики“—и могъ, слѣдовательно, сопоставлять въ своей памяти нравы и идеи двухъ различныхъ періодовъ французской исторіи.

II.

Парижъ тѣмъ именно и хорошъ, тѣмъ и привлекаетъ къ себѣ такую массу иностранныхъ гостей со всѣхъ концовъ

вселенной, что это—самый гостепріимный городъ на земномъ шарѣ и что онъ каждому изъ своихъ безчисленныхъ посѣтителей предлагаетъ всевозможныя удобства и удовольствія, смотря по его состоянію, вкусу и степени образованія. Отъ Бельвиля до Булонскаго лѣса, отъ Boulevard St. Germain до Gare St. Lazar, французская столица представляетъ одну *сплошную гостинницу*, въ которой могутъ найти себѣ соотвѣтствующее мѣсто и путешественникъ, швыряющій вокругъ себя груды золота, и скромный туристъ, разсчитывающій тратить не болѣе 10—15 франковъ въ сутки. Рядомъ съ громадными палаццо-отелями (Continental, Hôtel du Louvre, Grand Hôtel и пр.), гдѣ нельзя найти комнаты дешевле 8—10 франковъ въ сутки, a table d'hôte стоитъ 6 франковъ за кувертъ,—помѣщаются, въ двухъ шагахъ отъ нихъ, менѣе шикарные и совсѣмъ скромные отельчики, въ которыхъ цѣна комнатъ спадаетъ уже до 3—5 франковъ, а обѣдъ вы можете получить тутъ же, въ ближайшемъ ресторанѣ, за 2—3 франка. Есть даже обѣды отъ полутора франка до франка 75 сантимовъ, но тутъ уже пускаются въ ходъ фальсификація и недоброкачественность провизіи, замаскировываемой пикантными соусами и подливками. Впрочемъ, одинъ изъ русскихъ, проживающій въ рабочемъ кварталѣ Монружъ и вынужденный горькими обстоятельствами питаться чѣмъ Богъ послалъ, старался увѣрить меня, что и за полтора франка онъ получаетъ здоровый и сытный обѣдъ.

На подмогу большимъ и малымъ отелямъ, съ ихъ собственными ресторанами и буфетами, приходятъ такъ называемые hôtels meublés, не держащіе своего стола, и просто меблированныя комнаты, гдѣ, при мѣсячной платѣ, а тѣмъ болѣе по полугодіямъ, можно имѣть приличное помѣщеніе за 2 франка въ день. Многое зависитъ, конечно, отъ мѣста, въ которомъ вы ищете для себя квартиру и столъ. На Итальянскомъ бульварѣ и на смежномъ съ нимъ Boulevard des Capucines, на Rue Rivoli, на Avenue de l'Opéra, возлѣ Палерояля и Лувра, вы рискуете, конечно, заплатить дороже и за помѣщеніе, и за продовольствіе, и за товары, покупаемые въ магазинахъ; но отойдите не очень далеко въ сторону, наприм., на Boulevard St Dénis, на Rue St. Honoré, Rue de Richelieu,

Rue Vivienne (двѣ послѣднія улицы выводятъ васъ прямо на самые бойкіе бульвары) — и вы сейчасъ ощутите на всемъ чувствительную разницу для вашего кармана, безъ ущерба, однако, для качества вещей. Можно сказать положительно, что та вещь, за которую вы здѣсь, при умѣломъ выборѣ, платите 2—3 франка, у насъ на Руси (съ провозомъ, таможенной пошлиной и пр.) обходится уже въ 3 и даже 5 рублей, смотря по рубрикѣ тарифа. Я помню, напр., что мой сосѣдъ по вагону, купившій въ Парижѣ кружевъ для дѣтей по 2 франка за метръ, заплатилъ одной пошлины въ Вержболовѣ по 4 франка—и такимъ образомъ, не считая издержекъ провоза, французскій товаръ въѣхалъ къ намъ по 6 франковъ за метръ. Но процвѣтаетъ ли отъ этой, почти запретительной, пошлины производство русскихъ кружевъ? Что-то не слыхать...

Помимо недорогой цѣны отельныхъ и меблированныхъ помѣщеній,—и наемъ отдѣльныхъ квартиръ поражаетъ своею дешевизною, сравнительно съ петербургскими, а тѣмъ болѣе съ московскими бѣшеными цѣнами. Конечно, мѣсто играетъ и тутъ значительную роль, но опять же не такую громадную, какъ у насъ. Кромѣ того, не мѣшаетъ замѣтить, что при тѣхъ удобствахъ сообщенія, которыми пользуются парижане, разъѣзжающіе съ одного конца города на другой по желѣзной „поясной“ дорогѣ, въ трамваяхъ, омнибусахъ и недорогихъ фіакрахъ (по таксѣ), вопросъ о мѣстѣ квартиры почти не имѣетъ значенія даже для лицъ, обязанныхъ являться на службу къ опредѣленному часу. Кто запасся табличками движенія трамваевъ и омнибусовъ, тотъ никуда не опоздаетъ при самой небольшой долѣ предусмотрительности. Но и недалеко отъ центровъ движенія,—по крайней мѣрѣ, не на окраинахъ города,—можно найти совершенно удобную, порядочную квартиру въ 4—6 комнатъ за 1000—1500 франковъ въ годъ, что̀ составляетъ для насъ, даже по теперешнему скверному курсу, только 400 — 600 рублей, а въ прошломъ году составляло лишь 300 и 450 р. Нечего и говорить о томъ, что понятія о комфортѣ, необходимомъ для жильца, стоятъ у парижскаго домовладѣльца на иномъ уровнѣ, чѣмъ у нашихъ разбогатѣвшихъ лабазниковъ и прàсоловъ, не счи-

тающихъ, напр., неудобствомъ хожденіе на задній дворъ для естественныхъ надобностей, или стучаніе кулакомъ въ ворота для вызова дворника. Въ Москвѣ, напр., нѣкоторые „нетерпѣливые“ жильцы вынуждены бываютъ—даже не въ захолустьяхъ первопрестольной столицы—перелѣзать черезъ заборъ, чтобы не замерзнуть на улицѣ, пока полупьяный дворникъ (типъ, мало похожій на французскаго concierge'а) напялитъ свой тулупъ и доберется, спотыкаясь въ снѣжныхъ сугробахъ, до калитки.

Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что живущіе здѣсь на отдѣльныхъ квартирахъ не испытываютъ той „муки-мученской“ съ прислугою, до которой доведены мы съ нашими Лукерьями, Матренами, Григоріями и Пафнутіями. Въ то время какъ эти Лукерьи и Пафнутьи все еще не могутъ забыть прелестей крѣпостнаго права,—когда „при чубукахъ“ состояло по пяти лакеевъ, при моськѣ Биби — три горничныхъ, а при самой барынѣ цѣлый штатъ „сѣнныхъ дѣвушекъ“,—французская *одна прислуга*, получая въ небольшомъ семействѣ 40 франковъ въ мѣсяцъ (10 р. по номинальной стоимости французскихъ денегъ) дѣйствительно замѣняетъ собой всякую прислугу: и кухарку, и горничную, и лакея. Она и убираетъ комнаты—да такъ, что ни о какой пыли, ни о какихъ блохахъ и клопахъ помину нѣтъ—и готовитъ кушанье, и чиститъ сапоги и ботинки, и моетъ дѣтское бѣлье, и успѣваетъ, кромѣ того, исполнять разныя экстренныя порученія хозяевъ. На рынокъ она ходитъ большею частію не одна, а позади своей барыни, которая сама выбираетъ провизію, даже въ зажиточныхъ семействахъ, никогда не забывая, что содержимое кастрюлей попадаетъ въ желудокъ къ ней, къ ея мужу и дѣтямъ. Но зато французская прислуга имѣетъ свои опредѣленные часы для ѣды, для отдыха и прогулки, и очень дорожитъ своимъ свободнымъ временемъ. Ее нельзя, напр., позже условленнаго срока поднимать съ постели и посылать въ погребъ за бутылкой вина или пива. При частомъ повтореніи подобныхъ посылокъ, она возропщетъ и откажется отъ мѣста; всѣ же свои договоренныя обязанности исполняетъ вѣжливо и акуратно, съ обычной французской предупредительностью и смышленостью. Для отказа

отъ мѣста, со стороны ли хозяина, или со стороны прислуги, существуетъ здѣсь извѣстный терминъ (8 дней), въ теченіе котораго вы всегда найдете новую прислугу, а ваша служанка—подходящее мѣсто. Натурально, что въ случаѣ столкновеній съ прислугою здѣсь нельзя „давать волю рукамъ“—и это обстоятельство, кажется, приходится не по нутру многимъ россіянамъ. Но мыслимо ли допустить ручную расправу въ странѣ, гдѣ каждый garçon, каждый domestique, каждый cocher, сбросивъ свои служебныя принадлежности, идетъ въ избирательный округъ подавать голосъ за того или другаго депутата; гдѣ всѣ они пользуются, вмѣстѣ съ своими нанимателями, неотъемлемыми общественными и политическими правами французскаго гражданства?

Правда, отъ нѣкоторыхъ французовъ я слыхалъ и жалобы на прислугу; но это показываетъ только слишкомъ высокій уровень ихъ культурной требовательности. Я же, съ своей стороны, только любовался всегда распорядительностью, чистоплотностью, быстротою французскихъ гарсоновъ и ихъ surveillants въ самыхъ людныхъ отеляхъ, и невольно припоминалъ, по сравненію съ ними, нашихъ лѣнивыхъ, неповоротливыхъ, грязныхъ буфетчиковъ и „половыхъ“. Тамъ, гдѣ одинъ гарсонъ исправно услужитъ десяти посѣтителямъ, — тамъ, при нашихъ нравахъ, потребовалось бы десять „услужающихъ“, которые все таки переколотили бы вдвое болѣе посуды и перепачкали бы втрое больше столоваго бѣлья...

III.

Съ внѣшней стороны, наполеоновскій Парижъ, — городъ разнузданныхъ преторіанцевъ, продавшихъ свои шпаги искателю приключеній; шикарныхъ кокотокъ, торговавшихъ мѣстами свѣдома или безъ вѣдома своихъ покровителей; лукавыхъ и сластолюбивыхъ princes de l'église, притиравшихся на императрицыной половинѣ въ Тюльери; набившихъ карманы биржевыхъ игроковъ на повышеніе и пониженіе,—представлялъ, конечно, больше блеска и занимательности для праздnаго иностранца, чѣмъ нынѣшній республиканскій Парижъ,

очищенный отъ этихъ, роскошныхъ снаружи, но гнилыхъ внутри, декорацій большаго европейскаго центра.

Наполеону нужно отдать ту справедливость, что онъ значительно измѣнилъ къ лучшему физіономію стараго, средневѣковаго Парижа: проложилъ нѣсколько новыхъ бульваровъ и улицъ, переломалъ грязные закоулки, не столько потому, что они портили внѣшній видъ города, сколько потому, что въ нихъ удобно было баррикадироваться при уличномъ сраженіи; асфальтировалъ мостовыя, опять таки въ тѣхъ видахъ, чтобы плиты и камни не шли на баррикадированіе улицъ; воздвигнулъ новыя громадныя зданія и памятники, освѣжилъ воздухъ фонтанами и пр. Всю эту ломку и чистку города онъ производилъ отчасти во имя droit au travail, давая хорошій заработокъ тысячамъ каменотесовъ и плотниковъ, ибо до конца дней сохранялъ нѣкоторыя соціалистическія симпатіи своей юности.

О внутреннемъ содержаніи третьей имперіи, конечно, и говорить нечего: оно достаточно раскрыто міру и въ историческихъ документахъ, и въ романахъ Золя, безпощадно анатомировавшаго всю жизнедѣятельность этого безобразнаго политическаго агломерата. Парижскія улицы, при послѣднемъ Наполеонѣ, сіяли и блистали... но не тѣмъ блескомъ, какимъ горятъ настоящіе самоцвѣтные камни, а тѣмъ обманчивымъ жидкимъ мерцаніемъ, какимъ обладаютъ хорошо приготовленные фальшивые „діаманты“ Лора-Кателэ. Въ этомъ странномъ, полуфантастическомъ мірѣ все было напускное, дѣланное; все отзывалось битьемъ на эффектъ и искусственнымъ прикрашиваньемъ, начиная отъ рыжихъ париковъ на модныхъ львицахъ сезона и кончая кажущимся политическимъ всемогуществомъ „цезаря“,—всемогуществомъ, такъ легко опрокинутымъ въ преисподнюю послѣ первыхъ военныхъ неудачъ. Теперь только перезрѣлыя кокотки въ Біаррицѣ, появляясь по старой памяти въ казино, на концертахъ, или парадируя на plage'ѣ передъ кабинами купальщиковъ, поднимаютъ завѣсу того вальтасарова пиршества, которое шло по всей Франціи, почти наканунѣ седанскаго погрома. Самый Біаррицъ, съ его голыми, мрачными утесами, съ неумолчнымъ прибоемъ бѣшеныхъ волнъ, которыя сбиваютъ съ ногъ самихъ baigneur'овъ; съ его ве-

ликолѣпными, прихотливо украшенными виллами, — самый этотъ Біарриць созданъ по капризу меланхолическаго мечтателя на тронѣ, и до сихъ поръ носитъ на себѣ отпечатокъ его руки.

Но то Біарриць, а Парижъ... Парижъ уже почти эмансипировался отъ господства желтогривыхъ кокотокъ, „военной фанфаронады“ (по выраженію Золя) и благочестивыхъ патеровъ, которые, скрѣпя сердце, готовы уже примириться съ республиканскимъ режимомъ, лишь бы онъ не лишалъ ихъ „казеннаго содержанія“. Конечно, казовая сторона парижской жизни потускнѣла значительно: она не блещетъ всѣми переливами радуги, не мечется въ глаза, не оглушаетъ васъ трескотнею и шумомъ; но внутренній ростъ народнаго благосостоянія во всѣхъ его отрасляхъ, внутреннее политическое развитіе націи несомнѣнно и далеко двинулись впередъ. Народное образованіе, напр., сдѣлало въ 20 лѣтъ такіе успѣхи, какихъ прежде не могло достигнуть и въ нѣсколько столѣтій. Народное богатство,—какъ бы ни растрачивали его неумѣлые финансисты и администраторы, — растетъ не по днямъ, а по часамъ, благодаря все возрастающей интенсивности и производительности народнаго труда. Къ изящному вкусу, давно составляющему отличительную черту французскаго племени, присоединяется болѣе тщательная выработка фабрикатовъ, болѣе внимательное отношеніе къ условіямъ прочности и добротности — и французская промышленность затмѣваетъ нынѣ всю европейскую. Въ литературѣ, наукѣ и политической жизни, Франція также не оскудѣваетъ талантами: имена ея беллетристовъ, критиковъ, историковъ, натуралистовъ и политическихъ людей извѣстны всему образованному міру и за ихъ дѣятельностью съ участіемъ и вниманіемъ слѣдитъ все, не коснѣющее въ обскурантизмѣ, человѣчество.

Да, третья республика родилась, что называется, „въ сорочкѣ“, хотя сорочка эта и густо смочена благородной французской кровью, подъ Гравелотомъ и Седаномъ. Ея враги, тайные и явные: всѣ „интрансигенты“ въ родѣ Рошфора, отрицающаго всякую форму правленія, какъ только она перешла въ дѣйствительность; всѣ претенденты — кто на королевскій,

кто на императорскій тронъ; всѣ наиболѣе буйные представители „четвертаго класса“, еще не отвыкшіе дѣйствовать булыжникомъ и горящимъ керосиномъ вмѣсто слова и избирательнаго бюллетеня,—всѣ эти враги не страшны народу, который дожилъ уже до такой высокой степени политической свободы и политической терпимости, что допускаетъ у себя на улицахъ „розничную продажу“ самыхъ ярыхъ пасквилей на правительство, въ досужую минуту пробѣгаетъ ихъ—и не торопится гнать это правительство, и не строитъ противъ него баррикадъ. Для выраженія справедливыхъ требованій „четвертаго класса“ (о нихъ уже говорилось въ нашемъ журналѣ, въ послѣднемъ „Парижскомъ письмѣ“) открыто въ республикѣ достаточно легальныхъ путей, и отъ благоразумія правящихъ классовъ зависитъ ихъ болѣе или менѣе полное удовлетвореніе, сообразно дѣйствительнымъ потребностямъ государственнаго развитія. Что же касается до бонапартистовъ и орлеанистовъ, то они совсѣмъ стушевались, не имѣя ни вождей, ни средствъ для серьезной агитаціи. Послѣдняя амальгама всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ, соединившихся въ образѣ буланжизма, также прекратила свое существованіе, убитая наповалъ пистолетнымъ выстрѣломъ отчаявшагося въ успѣхѣ самоубійцы-генерала.

Вообще республиканскій режимъ упрочился здѣсь окончательно и, для лучшей защиты себя отъ нѣмецкихъ замысловъ, проэктируетъ, въ отпоръ англо-германскому соглашенію—русско-романскій союзъ, изъ Франціи, Италіи, Испаніи и Россіи. Россія уже привлечена въ этотъ союзъ, если и не оформленный бумажнымъ договоромъ, то, во всякомъ случаѣ, вполнѣ соотвѣтствующій нашимъ интересамъ и сердечнымъ симпатіямъ. Имя русскаго теперь пользуется во Франціи всевозможнымъ почетомъ. О нашемъ государѣ говорятъ съ одинаковымъ уваженіемъ и правительственные органы печати, и самые непримиримые оппозиціонные листки. На всемъ далекомъ пути, отъ Парижа до Аркашона (возлѣ испанской границы) я слышалъ русскій гимнъ и всякія добрыя пожеланія нашему отечеству. Приведу одну маленькую, но характеристичную черточку. Какъ то, осматривая въ Парижѣ Jardin des Plantes, я подошелъ къ отдѣленію огромныхъ черепахъ и

крокодиловъ, куда доступъ былъ открытъ только по особымъ билетамъ. Но стоило только мнѣ предъявить привратнику свою визитную карточку съ русскимъ именемъ и званіемъ, какъ двери передо мной растворились настежъ, и я услыхалъ любезное напутствіе: „Votre nom de Russe, monsieur, vous ouvre chez nous toutes les portes. Soyez le bienvenu“.

И пусть мы надолго будемъ для Франціи дорогими гостями!

Ефимъ Простосердовъ.

Парижъ.

«ЭТО ВЪ ПОРЯДКѢ ВЕЩЕЙ».

Если воришка украдкой
Стянетъ пятакъ и проѣстъ,—
«Это безнравственно, гадко!»
Слышится общій протестъ.
Если жъ съ сумою пускаетъ
Тузъ горемычныхъ людей,
Крупные куши срываетъ,—
«Это въ порядкѣ вещей!»
Женщина, если открыто
Друга себѣ заведетъ,
Мы закричимъ пресердито:
«Вотъ вамъ развратница, вотъ!»
Если жъ, негласно для свѣта,
Куча «амàнтовъ» у ней,—
Мы не нарушимъ секрета:
«Это въ порядкѣ вещей».
Если, тоской угнетаемъ,
Выпьетъ мужикъ нашъ подчасъ,
Мы на него нападаемъ:
«Въ пьянствѣ, каналья, погрязъ!»
Если жъ въ стѣнахъ ресторана
Мы прокутимъ пять ночей,
Это не кажется странно:
«Это въ порядкѣ вещей!»
Если кто, съ цѣлью достойной,
Гласно бичуетъ развратъ,—
«Онъ человѣкъ безпокойный!»
Всюду о немъ говорятъ,

Ибо вошло намъ въ привычку
Прятать грѣшки отъ очей,
Тайно срывать же «клубничку»—
«Это въ порядкѣ вещей!!»

Невскій Житель.

НА ЛИТЕРАТУРНОЙ НИВѢ.

Неурожай по части хлѣба,
Зато проэктовъ урожай;
Къ спасенью мѣръ у насъ такъ много—
Подъ рядъ любую выбирай.
Вотъ «Гражданинъ»... И въ годъ голодный
Онъ также требуетъ—каковъ?—
Не насыщенія желудковъ,—
«Успокоенія умовъ!»
Графъ Левъ Толстой, покушавъ сытно,
Запѣлъ все ту же пѣсню вновь:
«Не хлѣбъ народу, вѣрьте, нуженъ,
Любовь нужна ему, любовь!..»
Нотовичъ карту взялъ Россіи,
Провелъ «осѣдлости» черту,
Ткнулъ пальцемъ въ центръ неурожая
И смѣло высказалъ мысль ту:
Что «въ нашемъ западномъ районѣ
Подъ рядъ за нѣсколько вѣковъ
Все урожай, въ Россіи жъ—голодъ,
А потому, что *нѣтъ жидовъ*...
Гевалтъ! Спасительность жидовства
Я доказать всегда берусь;
Мы—Богомъ избранное племя—
Сосемъ народъ, но кормимъ Русь»!
Подъ шумъ рѣчей про суррогаты,
Любовь безплотную и кнутъ,
Вдругъ ощутилъ одинъ философъ

Мессіанизма страшный зудъ.
Принявши гордый видъ пророка,
За увлеченье прежнихъ дней
Задать «интеллигенту» баню
Онъ спохватился поскорѣй.
«Отъ соучастія въ ошибкахъ
Меня въ дни юности самъ Богъ
Для просвѣтленія Россіи
Рукой заботливой сберегъ,
Чтобъ живъ, здоровъ, благополученъ
Теперь я ринулся на тѣхъ,
Кто опочилъ въ борьбѣ жестокой:
Неурожай—ихъ смертный грѣхъ!
Не вѣдали политиканы,
Что удобреніе полей—
Реформъ, принциповъ и теорій
Намъ, право, всяческихъ нужнѣй.
Твоя обязанность—культура,
Ее ты свято исполняй:
Долой свободу, идеалы!
Садись и землю удобряй!»
Такъ къ намъ взываетъ гласомъ трубнымъ
Іеремія Соловьевъ,
На страшный судъ свой призывая
Живыхъ и даже мертвецовъ.
Быть можетъ, намъ его совѣты
Хоть чѣмъ нибудь послужатъ въ прокъ,
Но въ обличительныхъ укорахъ
Страхъ запоздалъ онъ, какъ пророкъ,
И объ ошибкахъ пережитыхъ
О «гладѣ, морѣ»—обо всемъ,
Что ужь свершилося,—съ апломбомъ
Пророчитъ заднимъ онъ числомъ.
Даръ прорицанія сюрпризомъ
Открылъ въ себѣ сей славный россъ:
Онъ издали провидитъ муху,

Къ нему ужь сѣвшую на нось.
Неурожай хлѣбовъ въ Россіи...
За то—о, Русь, не унывай!—
На пажитяхъ литературныхъ—
На ахинею урожай...

ГИМНЪ КОСТОЛОМКАМЪ.

Хороши на славу
Наши костоломки;
Скромны ихъ доходы,
Подвиги ихъ громки.
До приплатъ, авансовъ
Лакомки большія.
Весь секретъ ихъ жизни—
Въ словѣ: «гарантія».
Всѣ мосты, плотины
Строилъ духъ наживы...
На пути молитесь,
Чтобъ остались живы!
Крѣпко ставятъ сваи
Наши инженеры,
Только жаль, при этомъ
Хапаютъ безъ мѣры...
Здѣсь стропила лопнутъ,
Тамъ сорветъ плотину—
И, глядишь, весь поѣздъ
Валится въ трясину.
Знать судьбу заранѣ
Трудно человѣку:
Къ мѣсту ли пріѣдешь,
Попадешь ли въ рѣку?..
Пассажиръ трепещетъ

Колеи коварной.
Но увы!—не лучше
Съ частью и товарной.
Въ «съѣздахъ» все разводятъ
Вѣчно тары-бары,
А на трактахъ южныхъ
Громоздятъ товары.
Русь снабдить не могутъ
Закавказскимъ хлѣбомъ—
И гноятъ усердно
Подъ открытымъ небомъ.
Изъ-за костоломокъ
Держитъ Русь діету,
Говоря спасибо
Нѣкоему *Зету*.
Кто-то догадался,
Какъ помочь тутъ горю:
«Нѣтъ пути на сушѣ,
Такъ махнемъ по морю».
Такъ-то оказалась
Русь страной *безпутной*.
Кто же ловитъ рыбу
Тутъ въ водицѣ мутной?

Л. Балалайкинъ.

РАЗМЫШЛЕНІЕ ОДНОГО ГАЗЕТЧИКА.

«На берегу пустынныхъ волнъ»
Весьма вонючаго канала
Стоялъ онъ, думъ тревожныхъ полнъ:
— «Ну, братцы, ну, совсѣмъ пропала
Газета «*Новости*». Сенатъ
Отвергнулъ приговоръ палаты—
И вотъ теперь плясать ужь радъ
Земельный Тульскій банкъ треклятый...
Но погодите ликовать!
Еще не сидя *въ одиночкѣ*,
Моихъ враговъ могу трепать
Я цѣлый годъ—и въ каждой строчкѣ.
Пусть мнѣ другой процессъ грозитъ
За рядъ печатныхъ оскорбленій,
Я отсижу, какъ истый жидъ—
За «*совокупность преступленій*».

Е. П

ИЗДАНІИ „ЦИРКУЛЯРОВЪ“ САРАТОВСКАГО ГУБЕРНАТОРА.

Вышедшая въ Саратовѣ брошюра: **«Циркуляры, указанія и рѣчи»** (**1887 91 г.**), Начальника Саратовской губерніи, Генеральнаго Штаба Гене-Лейтенанта А. И. Косича—продается *въ пользу пострадавшихъ отъ не-кая* Саратовской губерніи, по 1 рублю за экземпляръ.

За полученіемъ брошюры слѣдуетъ обращаться въ г. Саратовъ. въ Упра-ие Краснаго Креста.

нижныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ, въ лучшихъ провинціальныхъ и на танціяхъ желѣзн. дорогъ продается НОВАЯ КНИГА **А. В. КРУГЛОВА**

СРЕДИ НАСЪ.

сти и разсказы (20 печатн. листовъ) цѣна 1 р. 25 к. съ пер. 1 р. 50 к.

городныхъ просятъ обращаться: С.-Петербургъ, книжный магазинъ Н. П. Карбасникова.

СОДЕРЖАНІЕ № 12-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ»

Стран.

I. Свои-чужіе. Романъ А. В. Круглова. (*Оконч.*) . . . 3
II. Мечта. Стихотвореніе К. М. Фофанова 73
III. Новѣйшія наблюденія надъ нравами обезьянъ. М. П. Венюкова. 74
IV. Сафо въ гостяхъ у Эрота. Стихотвореніе М. Лохвицкой . 89
V. Пророкъ. Разсказъ Д. С. Мережковскаго 92
VI. Иванъ Александровичъ Гончаровъ. (Опытъ литературной характеристики). В. В. Чуйко. 109
VII. Буреломъ. (Переписка двухъ пріятелей). А. В. 128
VIII. Изъ зимняго альбома. Два стихотворенія А. Коринфскаго 169
IX. Сокровищница ацтековъ. Романъ изъ современной древности. (*Оконч.*) Томаса Жанвье. 172
X. Кавказскія преданія и легенды. В. Свѣтлова 280
XI. На смерть Л. И. Пальмина. Стихотвореніе Н. Аксакова. 314
XII. Французская выставка 1891 г. въ Москвѣ. А. С. Виреніуса 316
XIII. Пиништрелло. Разсказъ Уида. 333
XIV. Портретъ. Стихотвореніе А. Гангелина. 366

Современное обозрѣніе.

XV. Политическая хроника 1
XVI. Новыя книги 17
XVII. Наши внутреннія дѣла 29
XVIII. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). 1) И смѣхъ, и горе (Литературныя и общественныя замѣтки). Ефима Простосердова 41
2) Стихотворенія: Невскаго Жителя, Л. Балалайкина и Е. П. 51

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

«ИЗЪ ИСТОРІИ
НАШЕГО
ЛИТЕРАТУРНАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО
РАЗВИТІЯ».

Второе, дополненное, изданіе монографій и критическихъ статей **А. П. ПЯТКОВСКАГО**, въ двухъ частяхъ (свыше *сорока* печатныхъ листовъ).

Содержаніе 1-ой части: 1) О жизни и сочиненіяхъ Д. И. Фонъ-Визина; 2) Осьмнадцатый вѣкъ въ русской исторіи; 3) Наша классики въ характеристикахъ г. Галахова; 4) О новѣйшемъ преподаваніи русской литературы и др. предметовъ; 5) Новая передѣлка карамзинской теоріи; 6) Опытъ философской разработки русской исторіи; 7) Идея гражданскаго брака въ русскомъ расколѣ; 8) Цензурный проэктъ Магницкаго; 9) Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ.

Содержаніе 2-ой части: 1) Очерки изъ исторіи русской журналистики (отъ Петра I-го до Александра I-го, съ 1703 г. до 20-хъ годовъ текущаго столѣтія); 2) Журнальный тріумвиратъ (Сенковскій, Гречъ и Булгаринъ); 3) князь В. Ѳ. Одоевскій (литературно-біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями); 4) О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова.

См. отзывы: «*Историческій Вѣстникъ*», 1889 г. № 4; «*Русская Старина*», 1889 г. № 7; «*Новое Время*», № 4634; «*Русскія Вѣдомости*», 1888 г. № 343; «*Правит. Вѣстникъ*», 1888 г. № 270; «*Всемірная Иллюстрація*» и проч.

Цѣна **2 р. 50 к.**, съ пересылкою **3 рубля**. Складъ въ главной конторѣ журнала «**НАБЛЮДАТЕЛЬ**» (Спб., Владимірская, № 6). Годовые, полугодовые и разсроченные подписчики журнала, желающіе получить эту книгу, добавляютъ къ подписной цѣнѣ **2 р.**

Кромѣ того, въ конторѣ журнала продаются послѣдніе экземпляры историческаго романа **Георга Эберса: СЕРАПИСЪ.** Цѣна 1 р., перес. за одинъ фунтъ. Романъ одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для библіотекъ старшихъ классовъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ:

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

въ 1892 году (годъ одиннадцатый).

Вступая во **второе десятилѣтіе** своего существованія, журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей, въ томъ же направленіи, какъ и въ первое десятилѣтіе.

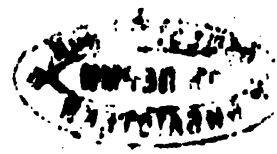
«НАБЛЮДАТЕЛЬ» не сходилъ никогда съ почвы нашихъ государственныхъ и народныхъ интересовъ, но въ то же время оставался вѣренъ общечеловѣческимъ идеаламъ цивилизаціи и культуры. Одинаково чуждый и крайностей космополитической доктрины, и вредной заносчивости національнаго эгоизма, нашъ журналъ шелъ своею собственною, опредѣленною дорогой и, не прибѣгая ни къ какой рекламѣ, настолько раздвинулъ кругъ своихъ постоянныхъ читателей, что не имѣетъ и практической нужды въ похвальбахъ, не смотря на дружное, но безсильное «заигрываніе» его юдофильской печатью. Излишне было бы повторять, даже вкратцѣ, его мнѣнія, выраженныя по самымъ разнообразнымъ вопросамъ нашей внѣшней и внутренней политики, общественной жизни и литературной критики: эти мнѣнія достаточно извѣстны образованной части русской публики и пользовались, съ ея стороны, все возрастающимъ сочувствіемъ и поддержкою.

Въ журналѣ за 1892 годъ будутъ напечатаны романы: 1) «Изъ трясины на дорогу», **А. К. Шеллера** (*А. Михайлова*); 2) «Петербургскіе туманы», **І. І. Ясинскаго** (*Максима Бѣлинскаго*); 3) «Итоги», **Н. Ѳ. Бажина**; 4) «Вмѣсто хлѣба—камень», **П. Лѣтнева**; 5) «При цѣковомъ интересѣ», **А. В. Круглова**; 6) «По призванію», **В. Свѣтлова**; 7) «Орлторы», **К. В. Назарьевой**; 8) «Священный огонь», **Г. Таранскаго** и проч. Въ научномъ и публицистическомъ отдѣлѣ примутъ участіе: **П. В. Безобразовъ, М. И. Вешняковъ, А. С. Вирениусъ, Н. П. Дружининъ, В. Р. Зотовъ, Д. А. Коробчевскій, проф. Бѣлогрицъ-Котляревскій, И. М. Красноперовъ, Н. Поповскій, В. В. Чуйко, А. П. Пятковскій, А. К. Шеллеръ** и мн. др.—**Фельетоны изъ общественной жизни** («И смѣхъ, и горе»), *Ефима Простосердова*, будутъ по прежнему помѣщаться въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

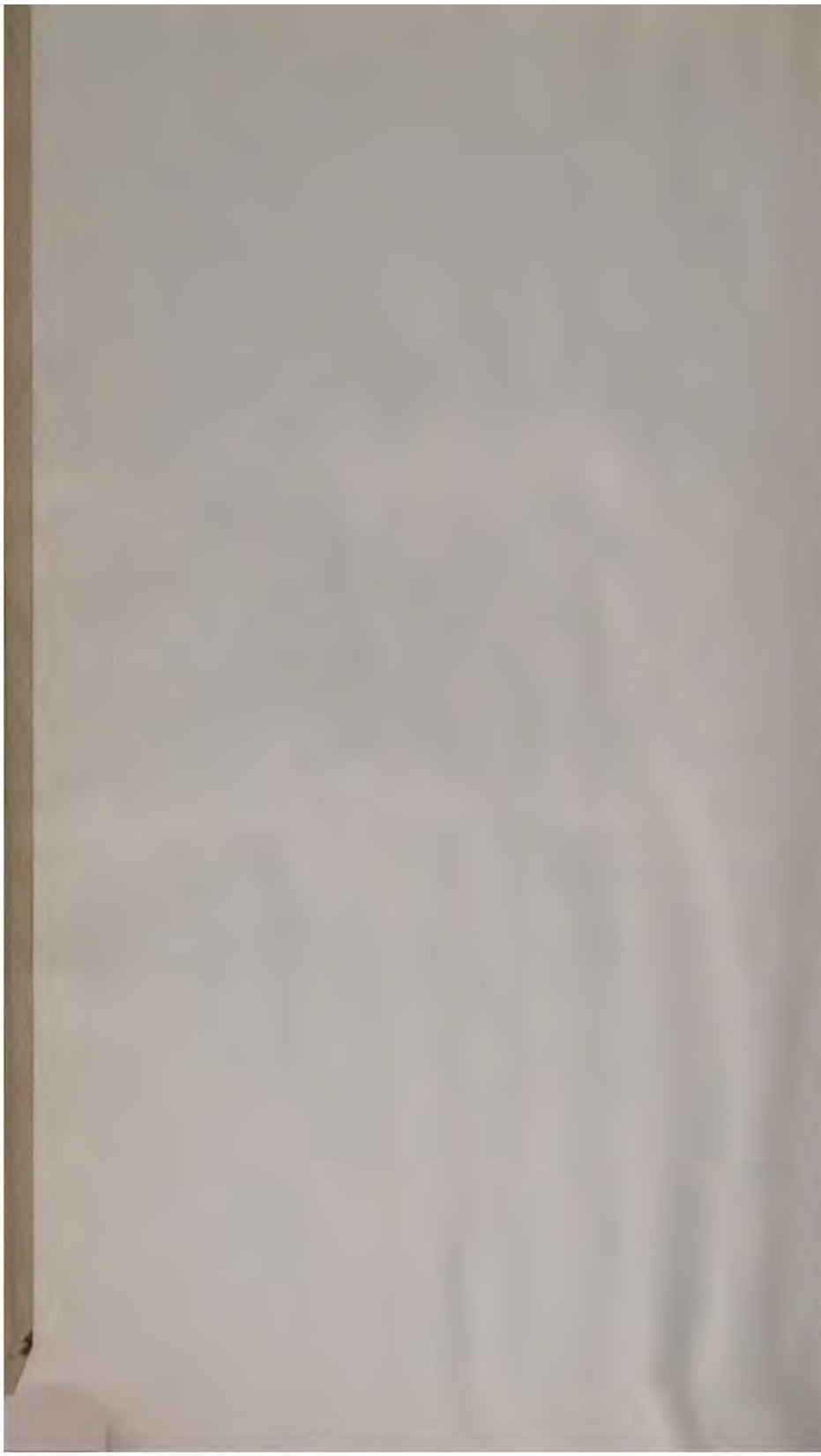
«НАБЛЮДАТЕЛЬ» выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, **безъ предварительной цензуры**, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ. Подписная цѣна: **за годъ** безъ доставки **12 р.**; съ доставкою въ С.-Петербургѣ **13 р.**; съ пересылкою внутри Россіи **14 р.**; **за границу—17 р. За полгода:** безъ доставки **6 р.**; съ доставкою **6 р. 50 к.**, съ перес. въ Россіи **7 р.**, съ перес. за границу—**9 р.** Объ условіяхъ разсрочки см. на оборотѣ титульной страницы.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Главной Конторѣ, С.-Петербургъ, Владимірская ул., № 1—6, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-Издатель А. П. Пятковскій.



ПЕРМИ
БИБЛІОТЕКИ



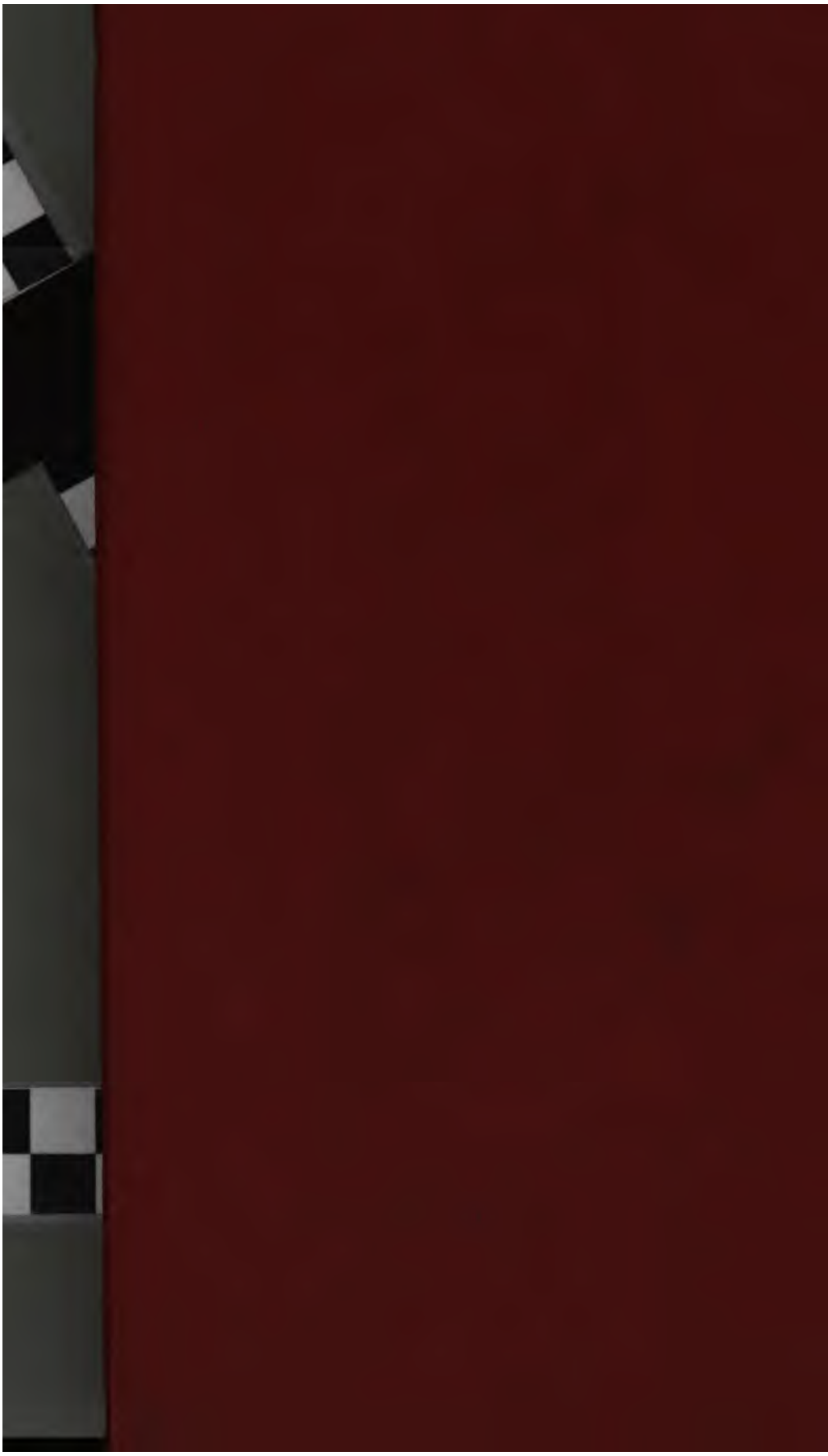
STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

Stanford University Libraries
3 6105 004 943 671

AP
50
N33
v. 10
no. 12
1891

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD AUXILIARY LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-9201
All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

28D APR 28 1994

JUN 0 1994